

***ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ
СУБЪЕКТА ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ***

***К 20-ЛЕТИЮ КАФЕДРЫ ОБЩЕЙ, ЮРИДИЧЕСКОЙ
И ИНЖЕНЕРНОЙ ПСИХОЛОГИИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ***

**Социальные
и гуманитарные науки
на Дальнем Востоке**

**The Humanities
and Social Studies
in the Far East**

***PSYCHOLOGICAL RESOURCES
OF THE LIFE-ACTIVITY SUBJECT***

***ON THE OCCASION OF THE 20TH ANNIVERSARY
OF THE DEPARTMENT OF GENERAL, LEGAL
AND ENGINEERING PSYCHOLOGY OF FESTU***

Vol. XVII, Issue 4, 2020

Министерство
образования и науки России

Российский Союз ректоров

Совет ректоров вузов
Дальневосточного федерального округа

Министерство
транспорта России

ФГБОУ ВО
«Дальневосточный
государственный университет
путей сообщения»

**СОЦИАЛЬНЫЕ
И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ**

Научно-теоретический журнал
издается с января 2004 года
выходит один раз в три месяца

**Том XVII
Выпуск 4, 2020**

Хабаровск, 2020

Ministry of Education and Science
of the Russian Federation

Ministry of Transportation
of the Russian Federation

The Russian Rectors' Union

Federal State Budgetary
Educational Institution
of Higher Education
«Far Eastern State
Transport University»

Council of Rectors of Higher Educational
Institutions in the Far Eastern
Federal District

**THE HUMANITIES
AND SOCIAL STUDIES
IN THE FAR EAST**

Journal of Theoretical Research
Published since January 2004
Issued quarterly

Vol. XVII

Issue 4, 2020

Khabarovsk, 2020

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ю.М. Сердюков, д-р филос. наук, проф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Отдел философии

Ю.М. Сердюков, д-р филос. наук, проф. (редактор отдела);
А.П. Забияко, д-р филос. наук, проф.; **Кальво-Мартинез Томас Мариано**, PhD (Испания);
Р.Л. Лившиц, д-р филос. наук, проф.; **Б.В. Марков**, д-р филос. наук, проф.;
И.Б. Микиртумов, д-р филос. наук, доц.; **С.В. Пишун**, д-р филос. наук, проф.

Отдел филологии

З.Г. Прошина, д-р филол. наук, проф. (редактор отдела);
У.М. Бахтикиреева, д-р филол. наук, проф.; **Е.Л. Лысенкова**, д-р филол. наук, проф.;
Нобуюки Хонна, PhD (Япония); **Е.А. Первушина**, д-р филол. наук, проф.;
Раймонд Хики, PhD (Германия); **Г.Н. Ловцевич**, д-р филол. наук, проф.

Отдел психологии

К.И. Воробьева, д-р психол. наук, проф. (редактор отдела);
Л.Г. Дикая, д-р психол. наук, проф.; **А.Н. Занковский**, д-р психол. наук, проф.;
Н.А. Кравцова, д-р психол. наук, проф.; **Лора Роджерс**, PhD (США);
Мартин Кашорке, PhD (Германия); **Т.Х. Невструева**, д-р психол. наук, проф.

Отдел «Проблемы Дальнего Востока»

Е.Н. Спасский, д-р полит. наук, проф. (зам. главного редактора, редактор отдела);
М.А. Ковальчук, д-р ист. наук, проф.; **Н.Е. Мерецкий**, д-р юрид. наук, проф.;
О.А. Рудецкий, канд. филос. наук, доц. (ответственный секретарь);
Ю.А. Тюрина, д-р соц. наук, проф.; **С.В. Филонов**, д-р ист. наук, проф.;
А.М. Шкуркин, д-р филос. наук, проф.

РЕДАКТОР ВЫПУСКА

К.И. Воробьева, д-р психол. наук, проф.; **О.А. Любичкая**, канд. психол. наук, доц.

СОТРУДНИКИ РЕДАКЦИИ

Ю.В. Пономарчук, канд. физ.-мат. наук (web-мастер);
Е.В. Листопадава (технический секретарь); **Е.Л. Рябкова** (переводчик)

В соответствии с распоряжением ВАК РФ от 28 декабря 2018 г. № 90-р научно-теоретический журнал «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке» включен в «Перечень по научным специальностям и соответствующим им отраслям науки» по следующим отраслям научного знания и научным специальностям:

- 1. Философские науки: 09.00.01 – Онтология и теория познания; 09.00.03 – История философии; 09.00.11 – Социальная философия.*
- 2. Филологические науки: 10.02.01 – Русский язык; 10.02.04 – Германские языки; 10.02.20 – Сравнительно-историческое типологическое и сопоставительное языкознание.*
- 3. Психологические науки: 19.00.03 – Психология труда, инженерная психология, эргономика.*

*Печатается по решению Совета ректоров вузов
Дальневосточного федерального округа № СР/ДФО-54а от 9 октября 2002 г.*

УЧРЕДИТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Дальневосточный государственный университет путей сообщения»
(680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, д. 47).

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации: серия ПИ № ФС77-77529 от 25 декабря 2019 г.

Адрес редакции: 680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, д. 47, оф. 262,
Тел./факс: (4212) 40-71-93, E-mail: journal@festu.khv.ru

Web-site: www.eastjournal.ru

EDITOR-IN-CHIEF

Y.M. Serdyukov, Doctor of Science (Philosophy), Professor

EDITORIAL BOARD

Philosophy

Yury M. Serdyukov, Doctor of Science (Philosophy), Professor, Executive Editor (Philosophy), Editor-in-chief

Andrei P. Zabayako, Doctor of Science (Philosophy), Professor

Tomás Mariano Calvo-Martinez, PhD (Spain)

Rudolf L. Livshits, Doctor of Science (Philosophy), Professor

Boris V. Markov, Doctor of Science (Philosophy), Professor

Ivan B. Mikirtumov, Doctor of Science (Philosophy), Associate Professor

Sergei V. Pishun, Doctor of Science (Philosophy), Professor

Philology

Zoya G. Proshina, Doctor of Science (Philology), Professor, Executive Editor (Philology)

Uldanai M. Bakhtikireyeva, Doctor of Science (Philology), Professor

Elena L. Lysenkova, Doctor of Science (Philology), Professor

Nobuyuki Honna, PhD (Japan)

Elena A. Pervushina, Doctor of Science (Philology), Professor

Raymond Hickey, PhD (Germany)

Galina N. Lovtsevich, Doctor of Science (Philology), Professor

Psychology

Clarisa I. Vorobyova, Doctor of Science (Psychology), Professor, Executive Editor (Psychology)

Larisa G. Dikaya, Doctor of Science (Psychology), Professor

Anatoliy N. Zankovsky, Doctor of Science (Psychology), Professor

Nataliya A. Kravtsova, Doctor of Science (Psychology), Professor

Laura Rogers, PhD (USA)

Martin Koschorke, PhD (Germany)

Tamara Kh. Nevstrueva, Doctor of Science (Psychology), Professor

Problems of the Far East

Evgeniy N. Spassky, Doctor of Science (Political Science), Professor,

Executive Editor (Problems of the Far East), Deputy Editor

Mikhail A. Kovalchuk, Doctor of Science (History), Professor

Nikolai E. Meretsky, Doctor of Science (Law), Professor

Oleg A. Rudetsky, Candidate of Science (Philosophy), Associate Professor (Executive Secretary)

Yulia A. Tyurina, Doctor of Science (Sociology), Professor

Sergei V. Filonov, Doctor of Science (History), Professor

Anatoliy M. Shkurkin, Doctor of Science (Philosophy), Professor

MANAGING EDITOR

Clarisa I. Vorobyova, Doctor of Science (Psychology), Professor;

Olga A. Lubitskaya, Candidate of Science (Psychology), Associate Professor

EDITORIAL STAFF

Y.V. Ponomarchuk, Candidate of Science (Physics) (Web Design);

E.V. Listopadova (Technical Secretary); **E.L. Riabkova** (Translator)

Journal of theoretical research is published in accordance with the decision of the Council of Rectors of Higher Educational Institutions in the Far Eastern Federal District № CR/FEFD-54a of October 9, 2002

FOUNDER

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education

«Far Eastern State Transportation University»

Office 262, 47 Seryshev Str., Khabarovsk, 680021

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Registration number and date of the registration decision:

Series PI № FS77-77529 of December 25, 2019

Editorial office address: Office 262, 47 Seryshev Str., Khabarovsk, 680021

Phone/fax: (4212) 40-71-93; E-mail: journal@festu.khv.ru

Web-site: www.eastjournal.ru

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ	10
--------------	----

<i>Леженина А.А.</i> Психологическое образование в Дальневосточном государственном университете путей сообщения (к 20-летию кафедры общей, юридической и инженерной психологии).....	10
--	----

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ САМОРЕГУЛЯЦИИ И ЛИЧНОСТНОГО РАЗВИТИЯ

<i>Невструева Т.Х.</i> Повседневные стрессоры: современные исследования взаимосвязи с психическими и личностными факторами	18
<i>Воробьева К.И., Ким Э.С.</i> Самолидерство как личностный ресурс субъекта совладания	26
<i>Лазарева Л.П.</i> Жизнестойкость как критерий субъектности личности.....	31
<i>Пилипенко Т.С.</i> Самопринятие как личностный ресурс жизнестойкости	40
<i>Вязникова Л.Ф., Солодовник Е.В.</i> Взаимосвязь эмоциональной направленности и экзистенциальной исполненности личности.....	45
<i>Ермакова Е.С., Яценко Е.Ф.</i> Самоактуализационные и ценностные характеристики в структуре карьерных ориентаций студентов-психологов и курсантов военной академии	50
<i>Анчукова Н.И., Красавина А.В.</i> Переживание обиды в контексте проблемы личностной зрелости	56
<i>Воробьева И.А.</i> Психологические модели переживания тоски	61

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ СУБЪЕКТА ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

<i>Махнач А.В., Плющева О.А.</i> Жизнеспособность специалистов помогающих профессий	68
<i>Леженина А.А.</i> Ответственность как личностный ресурс профессионала	79
<i>Соболева Т.Н.</i> Стихийное и целенаправленное развитие способностей и успешность в нестандартных условиях деятельности	84
<i>Соболева Т.Н.</i> Формирование профессиональной одарённости в детерминации смысловым отношением к нововведениям под влиянием различной степени свободы в деятельности.....	91
<i>Харчевникова Е.В., Денисова А.А.</i> Мотивационно-личностные детерминанты самоактуализации военнослужащих.....	102
<i>Синицына Л.В.</i> Эмоциональная напряжённость профессиональной деятельности оперативных сотрудников уголовного розыска	108
<i>Ясман В.П.</i> Психологические детерминанты профессиональной деформации у работников аппарата суда	113
<i>Примаченко Я.В., Бровко С.Д.</i> Модель психологической готовности к вахтовой работе в условиях Крайнего Севера.....	120
<i>Харчевникова Е.В., Ким С.В.</i> Мотивация труда как условие успешной коммуникативной компетентности менеджера по работе с клиентами банка	127
<i>Любичкая О.А., Сердюков Э.А.</i> Мотивация в структуре психологической готовности спортсменов к соревнованиям.....	132

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ И ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ

<i>Иванова Е.М.</i> Познавательная целеустремленность как потенциальный ресурс субъекта жизнедеятельности	139
<i>Майкова В.П., Молчан Э.М.</i> Дискретизация социальных систем как предопределённая данность виртуальной реальности	145

<i>Воробьева К.И., Долгачев М.В., Заславский Д.А.</i> Психологические ресурсы кибербезопасности человека	150
<i>Махова И.Ю., Опевалова Е.В., Шмакова В.А.</i> Жизненное пространство студенческой молодежи в условиях пандемии: психологическая интерпретация	158
<i>Григорьева Н.Г., Дрюцкая С.М.</i> Роль детерминант профессионального самоопределения в формировании мотивации обучения студентов	168
<i>Ситяева С.М., Яремчук С.В., Орлова О.А.</i> Субъективное благополучие молодых мужчин с выраженными экстремистскими установками	173
<i>Левкова Е.А., Логинов И.П., Савин С.З., Геворкян С.Г.</i> Депрессия как дестабилизирующий фактор ментальных ресурсов подрастающего поколения дальневосточников	181
<i>Горохова Д.Д., Шамиева В.А., Шаметько Е.С.</i> Эмоционально-оценочные и регуляторные детерминанты пищевого поведения женщин с разным индексом массы тела	187

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

<i>Ежеля У.В.</i> История советско-китайского сотрудничества в периодической печати и средствах массовой информации (середина XX – начало XXI века)	196
<i>Балалаева Н.К.</i> Пути гармонии в даосских оздоровительных практиках	203
<i>Ковальчук М.А.</i> Поездка делегации партийных и советских работников Хабаровского края в провинцию Хэйлуцзян Китайской Народной Республики (23 мая – 11 июня 1957 года)	211
<i>Помченко М.А., Резанова Н.В., Гладкая Е.Ф., Харина И.В.</i> Исправление ошибок в практике преподавания иностранного языка в Дальневосточном техническом вузе	220
<i>Смоляков В.А.</i> Восточная Азия: культурная уникальность и универсализм через призму международных сопоставлений. Часть первая	226

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Мерецкий Н.Е., Шурухнов Н.Г.</i> Рецензия на монографию А.В. Акчурина «Личность пенитенциарного преступника: криминалистический аспект»	235
К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ	239
К СВЕДЕНИЮ ПОДПИСЧИКОВ	240
УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ ЗА 2020 ГОД	242

CONTENTS

ARTICLES	10
----------------	----

<i>Lezhenina A.A.</i> Psychological Education at Far Eastern State Transport University (on the Occasion of the 20th Anniversary of the Department of General, Legal and Engineering Psychology)	10
--	----

PSYCHOLOGICAL RESOURCES OF SELF-REGULATION AND PERSONAL DEVELOPMENT

<i>Nevstrueva T.H.</i> Everyday Stressors: Modern Research on the Relationship With Mental and Personality Factors	18
<i>Vorobyova K.I., Kim AE-sun</i> Self-Leadership as a Personal Resource of the Subject of Coping	26
<i>Lazareva L.P.</i> Resiliency as a Criterion of Personal Agency	31
<i>Pilipenko T.S.</i> Self-Acceptance as a Personal Resource of Resiliency	40
<i>Vyaznikova L.F., Solodovnik E.V.</i> Relationship of Emotional Orientation and Existential Personality Fulfilment	45
<i>Ermakova E.S., Yashchenko E.F.</i> Self-Actualization and Value Characteristics in the Structure of Career Orientations of Students-Psychologists and Cadets of the Military Academy	50
<i>Anchukova N.I., Krasavina A.V.</i> Resentment in the Context of Personal Maturity Issues	56
<i>Vorobyova I.A.</i> Psychological Models of Experiencing Anguish	61

PSYCHOLOGICAL RESOURCES OF THE LABOR SUBJECT

<i>Makhnach A.V., Plyushcheva O.A.</i> Resiliency of Specialists in the Caring Professions	68
<i>Lezhenina A.A.</i> Responsibility as a Professional's Personal Resource	79
<i>Soboleva T.N.</i> Spontaneous and Purposeful Development of Abilities and Success in Non-Standard Activity Conditions	84
<i>Soboleva T.N.</i> The Formation of Professional Talent in Determination With Semantic Attitude to Innovations Under the Influence of Various Degrees of Freedom in Activity	91
<i>Harchevnikova E.V., Denisova A.A.</i> Motivational and Personal Determinants of Military Self-Actualization	102
<i>Sinitsyna L.V.</i> Emotional Tension of the Professional Activities of Criminal Investigative Operative Officers	108
<i>Yassman V.P.</i> Psychological Determinants of Professional Deformation in the Employees of the Court Apparatus	113
<i>Primachenko Ya.V., Brovko S.D.</i> Model of Psychological Preparedness for Shift Work in the Extreme North Conditions	120
<i>Harchevnikova E.V., Kim S.V.</i> Labor Motivation as a Condition of Successful Communicative Competence of a Bank Client Account Manager	127
<i>Lubitskaya O.A., Serdyukov E.A.</i> Motivation in the Structure of Psychological Readiness of Athletes to Competition	132

PSYCHOLOGICAL RESOURCES AND CHALLENGES OF MODERN REALITY

<i>Ivanova E.M.</i> Cognitive Purposefulness as a Potential Resource of the Subject of life Activity	139
<i>Maikova V.P., Molchan E.M.</i> Discreting of Social Systems as a Predefined Data of Virtual Reality	145

<i>Vorobyova K.I., Dolgachev M.V., Zaslavsky D.A.</i> Psychological Resources of Human Cybersecurity.....	150
<i>Makhova I.Y., Opevalova E.V., Shmakova V.A.</i> The Living Space of Students in Situations of the Pandemics: Psychological Interpretation.....	158
<i>Grigorieva N.G., Drutckaya S.M.</i> The Role of the Determinant of Professional Personal Identity in the Formation of Learning Students Motivation.....	168
<i>Sityaeva S.M., Yaremchuk S.V., Orlova O.A.</i> Subjective Well-Being of Young Men With Extremistic Attitudes.....	173
<i>Levkova E.A., Loginov I.P., Savin S.Z., Gevorkyan S.G.</i> Depression as a Destabilizing Factor of the Mental resources of the growing generation of the far east.....	181
<i>Gorohova D.D., Shamieva V.A., Shamet'ko E.S.</i> Emotional Assessment and Psychological Determinants of Eating Behavior of Women With Different Body Mass Index	187

PROBLEMS OF THE FAR EAST

<i>Ezhelya U.V.</i> History of the Soviet-Chinese Cooperation in Periodical Press and Mass Media (Middle of XX – Beginning of XXI Century)	196
<i>Balalaeva N.K.</i> Ways of Harmony in Taoist Health Practices	203
<i>Kovalchuk M.A.</i> Visit of the Delegation of Party and Soviet Workers of Khabarovsk Territory to Heilongjiang Province, People's Republic of China (May 23 – June 11, 1957).....	211
<i>Pomchenko M.A., Rezanova N.V., Gladkaya E.F., Kharina I.V.</i> Correcting Errors in Practice of Foreign Language Teaching at far Eastern Technical University	220
<i>Smolyakov V.A.</i> Eastern Asia: Cultural Uniqueness and Universalism Through the Prism of International Comparisons. Part one	226

CRITIQUE AND BIBLIOGRAPHY

<i>Meretskiy N.E., Shurukhnov N.G.</i> Review of the Monograph «Personality of a Penitentiary Criminal: a Criminalistics Aspect» by Akchurin A.V.	235
AUTHORS GUIDELINES	241
ARTICLE INDEX, 2020	249

СТАТЬИ

DOI: 10.31079/1992-2868-2020-17-4-10-17

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ (К 20-ЛЕТИЮ КАФЕДРЫ ОБЩЕЙ, ЮРИДИЧЕСКОЙ И ИНЖЕНЕРНОЙ ПСИХОЛОГИИ)

А.А. Леженина

В статье описаны основные этапы становления психологического образования в Дальневосточном государственном университете путей сообщения; указаны персоналии, способствующие становлению кафедры «Общая, юридическая и инженерная психология»; приведены отзывы руководителей различных организаций г. Хабаровска, сотрудников университета, студентов о работе кафедры.

Ключевые слова: кафедра, психология, Дальневосточный государственный университет путей сообщения, кафедра Общая, юридическая и инженерная психология, кафедра психологии, Социально-гуманитарный институт.

PSYCHOLOGICAL EDUCATION AT FAR EASTERN STATE TRANSPORT UNIVERSITY (ON THE OCCASION OF THE 20TH ANNIVERSARY OF THE DEPARTMENT OF GENERAL, LEGAL AND ENGINEERING PSYCHOLOGY)

A.A. Lezhenina

The article describes the main stages of the establishment of psychological education at Far Eastern State Transport University, the persons contributing to the formation of the Department «General, Legal and Engineering Psychology». The article also provides reviews of the heads of various organizations in Khabarovsk, university staff, and students about the work of the department.

Key words: Department, Psychology, Far Eastern State Transport University (FESTU), Department of General, Legal and Engineering Psychology, Department of Psychology, Institute of Social Studies and Humanities.

В январе 2021 г. кафедре общей, юридической и инженерной психологии Дальневосточного государственного университета путей сообщения исполняется 20 лет. В канун этого знаменательного юбилея хочется вспомнить, чем была значима работа кафедры в столь длительный период.

Для начала необходимо остановиться на событиях февраля 1989 г., когда в целях дальнейшего повышения уровня учебной, методической, научно-исследовательской и воспитательной работы кафедр общественных наук, лучшей координации их деятельности в Хабаровском институте инженеров железнодорожного транспорта (ХабИИЖТ) был создан факультет «Кафедры общественных наук». В новое структурное подразделение вошли кафедры «История КПСС», «Марксистско-ленинская философия», «Политическая экономия», «Научный коммунизм» и факультет общественных профес-

сий. Инициатива выделения этих кафедр в особое структурное подразделение исходила от ректора Виктора Григорьевича Григоренко. Сегодня этот факультет реорганизован в Социально-гуманитарный институт. А в конце прошлого века именно в стенах этого факультета зарождалась идея о необходимости расширения гуманитарной составляющей в подготовке студентов ХаБИИЖТа.

В апреле 1992 г. на Ученом совете ХаБИИЖТа была заслушана концепция гуманитарного образования в институте. В ходе обсуждения вопроса было принято решение о необходимости включения в учебный процесс таких направлений гуманитарного образования, как:

- история и современность;
- философия и духовная жизнь человека;
- экономические науки и бизнес;
- политика, право и права человека;

Леженина Анна Андреевна – кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой общей, юридической и инженерной психологии Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Lezhenina Anna Andreevna – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of General, Legal and Engineering Psychology at Far Eastern State Transport University (Khabarovsk).

E-mail: Lanna0808@mail.ru

© Леженина А.А., 2020

- социология, социальная психология и социальная практика;
- язык и искусство общения;
- физическая культура и здоровый образ жизни;
- культура и личность.

В решении Ученого совета ХаБииЖТа от 24 апреля 1992 г. содержится первое упоминание о необходимости введения курса психологии в учебный процесс института.

Совету гуманитарного факультета было предложено в срок до 30.06.1992 г. определить последовательность изучения направлений и базовых курсов гуманитарного образования, а также распределения их за кафедрами с учетом кадрового обеспечения преподавателей названных дисциплин.

Постепенно психология завоевывала свои позиции, и в январе 2001 г. приказом ректора в ДВГУПС была создана кафедра «Психология». Заведующим кафедрой была назначена доктор психологических наук К.И. Воробьева.

Воробьева Клариса Ивановна

Первыми штатными преподавателями кафедры стали доктор психологических наук Т.Х. Невструева, кандидат исторических наук И.К. Верба, доктор психологических наук Л.В. Яссман, кандидат психологических наук В.П. Яссман.

Кафедра под руководством К.И. Воробьевой активно доказывала правомочность нахождения в техническом университете. В 2002 г. на основе кафедры «Психология» ДВГУПС был организован диссертационный совет КМ 218.003.04 по защите диссертаций на соискание учёной степени кандидата психологических наук по специальностям 19.00.01 «Общая психология, психология личности, история психологии», 19.00.03 «Психология труда, инженерная психология, эргономика (психологические науки)» и 19.00.13 «Психология развития, акмеология». Председателем диссертационного совета стала доктор психологических наук К.И. Воробьева.

В члены диссертационного совета были приглашены наиболее значимые ученые в области психологии со всей страны: доктор психологических наук Т.Х. Невструева (г. Хабаровск, ДВГУПС), доктор психологических наук Л.В. Яссман (г. Хабаровск,

ДВГУПС), доктор психологических наук Е.Б. Весна (г. Петропавловск-Камчатский, КамГУ), доктор психологических наук М.С. Яницкий (г. Кемерово, КГУ), доктор психологических наук А.В. Серый (г. Кемерово, КГУ), доктор психологических наук Р.Д. Санжаева (г. Хабаровск, ДВГУПС), доктор психологических наук Т.А. Терехова (г. Иркутск, ИГУ), доктор психологических наук Е.М. Иванова (г. Москва, МГУ), доктор психологических наук Л.Г. Дикая (г. Москва, ИП РАН), доктор психологических наук Л.Ф. Вязникова (г. Хабаровск, ДВГУ), доктор психологических наук В.В. Серкин (г. Магадан, СВГУ), доктор психологических наук Л.В. Каширина (г. Хабаровск, ДВАГС), доктор педагогических наук Н.Г. Григорьева (г. Хабаровск, ДВГУПС), доктор педагогических наук А.А. Шумейко (г. Комсомольск-на-Амуре, АППГ), доктор педагогических наук Г.П. Звенигородская (г. Хабаровск, ДВГУ), доктор философских наук Ю.М. Сердюков (г. Хабаровск, ДВГУПС), доктор технических наук Н.М. Опарина (г. Хабаровск, ДВГУПС), кандидат психологических наук М.В. Сокольская (г. Хабаровск, ДВГУПС).

Верба Ирина Константиновна

С 2008 г. совет был преобразован в Объединенный диссертационный совет ДМ 218.003.04 по защите диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата психологических наук по специальностям 19.00.01 «Общая психология, психология личности, история психологии», 19.00.03 «Психология труда, инженерная психология, эргономика (психологические науки)».

Учредителями Объединенного диссертационного совета являются: Дальневосточный государственный университет путей сообщения (г. Хабаровск), Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет (г. Комсомольск-на-Амуре), Северо-Восточный государственный университет (г. Магадан), Камчатский государственный университет им. Витуса Беринга (г. Петропавловск-Камчатский), Кемеровский государственный университет (г. Кемерово).

Совет имел мощный научный потенциал. Каждое заседание совета являлось истинным торжеством науки. На заседаниях всегда присутствовало

много приглашенных, которые приходили, чтобы стать свидетелями тех научных баталий, размышлений, которые сопровождали рассмотрение каждого диссертационного исследования.

Заседание диссертационного совета

В совете, работавшем около 10 лет, было защищено более 100 диссертационных исследований соискателей ученой степени кандидата психологических наук. Состоялась одна защита докторской диссертации.

В целях защиты кандидатских диссертаций в совет слетались аспиранты со всей страны: из Хабаровска, Владивостока, Петропавловска-Камчатского, Магадана, Санкт-Петербурга ...

В диссертационном совете при ДВГУПС защитили свои диссертации и сотрудники кафедры.

В 2002 г. Н.И. Анчукова защитила диссертацию на тему «Образное ассоциирование как психологический механизм развития креативности личности музыканта» (научный руководитель доктор психологических наук К.И. Воробьева).

В 2006 г. защитила диссертацию на тему «Психологическая структура карьерной готовности выпускника вуза» А.С. Миронова-Тихомирова (научный руководитель доктор психологических наук К.И. Воробьева).

В 2007 г. защитили диссертации А.А. Леженина на тему «Психологическая культура преподавателя вуза как системообразующий фактор успешности его профессиональной деятельности» (научный руководитель доктор психологических наук К.И. Воробьева); О.А. Любичская на тему «Структура и содержание профессионального достоинства личности в контексте психологии труда» (научный руководи-

тель доктор психологических наук Т.Х. Невструева); Т.В. Грязнова на тему «Психологические механизмы готовности к социальному риску в профессиональной деятельности руководителя (на примере руководителей высшего звена железнодорожного транспорта)» (научный руководитель доктор психологических наук К.И. Воробьева); Н.Ю. Галкина на тему «Ценностные ориентации как фактор профессионального самоопределения студентов железнодорожного вуза» (научный руководитель доктор психологических наук Р.Д. Санжаева); В.С. Атюнина на тему «Образ успешного человека в семантическом пространстве личности» (научный руководитель доктор психологических наук К.И. Воробьева).

В 2009 г. О.В. Ефрюшкина защитила диссертацию на тему «Я-концепция личности как субъекта труда в контексте организационной культуры» (научный руководитель доктор психологических наук Т.Х. Невструева).

Невструева Таифе Хасьяновна

В 2010 г. Я.В. Примаченко защитила диссертацию на тему «Лидерский потенциал как основа профессионального отбора перспективных руководителей РЖД» (научный руководитель доктор психологических наук Л.Г. Дикая).

Яссман Людмила Викторовна

Нужно отметить, что многие сотрудники Социально-гуманитарного института были заинтересованы в обучении в аспирантуре при кафедре «Психология». В частности, в 2006 г. защитили диссер-

тации преподаватели кафедры ИЯиМК М.А. Поченко на тему «Семантическое пространство этнической картины мира: на материале сравнительного исследования китайских и русских студентов» (научный руководитель доктор психологических наук Л.В. Яссман) и Н.В. Резанова на тему «Уровень притязаний в системе личных стремлений: в контексте интегративно-целевого подхода к личности» (научный руководитель доктор психологических наук Т.Х. Невструева).

В сентябре 2003 г. при кафедре «Психология» создан Психологический центр. Директором центра была назначена доктор психологических наук Р.Д. Санжаева.

Санжаева Римма Дугаровна

Центр был оснащен самым передовым для своего времени оборудованием: психофизиологическим комплексом для тренинга с биологической обратной связью «Реакор», не имеющим аналогов в других вузах города и края; полиграфом «Крис»; универсальным психодиагностическим комплексом «Машинист»; комплексом аудиовизуальной стимуляции «НовоПро 100»; устройством психофизиологического тестирования УПФТ-1/30 «Психофизиолог».

Психологический центр за свою уже более чем 15-летнюю историю сменил много руководителей, но неизменной оставалась его основная цель: формирование профессиональных компетенций студентов-психологов; психологическое просвещение. Сотрудники Психологического центра всегда активно участвовали в научной жизни кафедры. В процессе взаимодействия с ОАО «РЖД» кандидат психологических наук Т.В. Грязнова, один из директоров Психологического центра, показала значимость психологии для специалистов технической сферы деятельности. Под ее руководством команда психологов-тренеров, состоящая из сотрудников Психологического центра и преподавателей кафедры, организовывала и проводила слеты молодых железнодорожников в Хабаровском крае, в г. Чите, в Приморском крае.

В декабре 2006 г. приказом ректора при Психологическом центре создан научно-образовательный центр «Психология труда» под руководством директора Института психологии РАН доктора педагогических наук, члена-корреспондента РАН Л. Журавлева.

Процесс исследования

Заведующий кафедрой профессор К.И. Воробьева всегда старалась привлечь к научной, учебной работе кафедры ведущих специалистов.

Необходимо вспомнить о научно-практическом сотрудничестве ППС ДВГУПС с кафедрой психологии труда и инженерной психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, заведующим которой являлся Ю.К. Стрелков. Юрий Константинович Стрелков принимал активное личное участие в научных мероприятиях кафедры, читал лекции студентам, консультировал аспирантов.

Плодотворным было и сотрудничество кафедры с доктором психологических наук, профессором кафедры психологии труда и инженерной психологии МГУ им. М.В. Ломоносова Е.М. Ивановой. Разработанный ею системно-деятельностный подход к психологическому профиографированию и сегодня является базовым при изучении студентами психологии труда, при описании специфики различных сфер профессиональной деятельности.

Особо важное значение для научной работы кафедры имело участие в ней Института психологии РАН в лице Ларисы Григорьевны Дикой, заведующей лабораторией психологии труда в Российской академии наук. Под ее руководством защищались диссертации, при ее содействии организовывались научные конференции, издавались сборники трудов.

Воробьевой К.И. также были установлены связи с зарубежными вузами. Активные контакты кафедра поддерживала с профессорами факультета психологии университета Сент Джонса, штат Миннесота (США). В частности, было проведено совместное исследование психофизиологических факторов стрессоустойчивости американских и российских студентов. Следует отметить, что студенты кафедры проходили стажировку в этом университете.

В январе 2014 г. в связи со структурной реорганизацией ДВГУПС кафедра «Психология» была переименована в кафедру «Общая, юридическая и инженерная психология».

Состав кафедры в течение всего периода ее работы всегда был максимально квалифицированным. В различное время в состав кафедры входили доктора наук: Воробьева К.И., Невструева Т.Х., Санжаева Р.Д., Ясман Л.В., Опарина Н.Г., Журавлев А.Л., Дикая, Стрелков Ю.К., Григорьева Н.Г., Опарина Н.М., Сокольская М.В.; кандидаты наук: Анчукова Н.И., Грязнова Т.В., Ефрюшкина О.В., Леженина А.А., Любичкая О.А., Примаченко Я.В., Харчевникова Е.В., Ясман В.П., Сеницына Л.В., Соболева Т.Н., Атюнина В.С., Галкина Н.Ю.

С 2002 г. кафедра психологии открыла набор на программы высшего профессионального образования по специальности «Психология».

С 2012 г. кафедра обучила студентов по специальности 37.05.02 «Психология служебной деятельности», бакалавров по направлению подготовки 37.03.01 «Психология» и магистров по направлению подготовки 37.04.01 «Психология».

Нужно отметить, что выпускники кафедры «Общая, юридическая и инженерная психология» всегда востребованы на рынке труда как в нашем городе, так и в любом другом городе нашей страны и за ее пределами.

Леженина Анна Андреевна

В настоящее время заведующим кафедрой является кандидат психологических наук, доцент Леженина А.А. Профессорско-преподавательский состав кафедры – это доктора и кандидаты наук.

На кафедре ведется подготовка студентов на уровне бакалавриата, магистратуры, специалитета и аспирантуры.

Студенты активно участвуют в творческой и спортивной жизни университета. Научная деятельность студентов ежегодно отмечается дипломами победителей вузовских, краевых и всероссийских конференций.

Сотрудники кафедры ОЮиП (первый ряд слева направо: Ясман В.П., Серосекина Т.С., Любичкая О.А., Леженина А.А., Анчукова Н.И., Медведева Т.Б.; второй ряд слева направо: Сеницына Л.В., Логинова Е.Е., Щетинкина В.М., Примаченко Я.В., Харчевникова Е.В., Соболева Т.Н., Донкан И.М., Перец О.А.)

Наши выпускники специальности «Психология служебной деятельности» всегда желанные гости в Дальневосточном филиале ФКУ «ЦЭПП МЧС России». Начальник Дальневосточного филиала ФКУ ЦЭПП МЧС России Мария Петровна Фетисова, говоря о совместной деятельности с преподавателями кафедры, отмечает следующее: «Сотрудничество с ФГБОУ ВО "Дальневосточный государственный университет путей сообщения" в последние годы активно развивается на всех уровнях и организовано на основе ранее заключенного соглашения о сотрудничестве по трем направлениям.

1. Участие специалистов силовых ведомств в подготовке студентов по профилям "Психология", "Психология служебной деятельности" (чтение спецкурсов, проведение практикумов, семинаров, руководство учебной практикой студентов) с целью формирования подходов к повышению качества подготовки и приобретения обучающимися специальных компетенций.

2. Работа со студентами (курирование практики при выполнении научно-исследовательских работ с учетом актуальности и практической значимости получаемых результатов для силовых ведомств).

3. Проведение совместных профильных мероприятий с представителями психологических служб силовых ведомств и других заинтересованных государственных организаций.

Встречи проходят в рамках экскурсий, презентаций психологических служб ведомств, круглых столов, а также знакомства с деятельностью каждого ведомства с целью расширения представлений студентов о специфике служебной деятельности и формирования образа потенциального специалиста.

Фетисова Мария Петровна

Огромный вклад в межведомственное сотрудничество на долгие годы внесло создание Филиалом из студентов-психологов Добровольческого отряда "Импульс" на базе Университета (12 марта 2013 г.).

В 2013 г., когда Хабаровск оказался подвержен катастрофическому наводнению, добровольцы не

остались в стороне. Студенты-психологи, состоявшие в "Импульсе" с момента его основания, проводили информационно-разъяснительную работу с населением, оказавшимся в зоне затопления. Свою функцию "Импульс" осуществил успешно, проделанная работа позволила снизить уровень тревожности у жителей подтопленных районов. В тот же период с детьми из семей, пострадавших при подтоплении, добровольцами проводились занятия по различной тематике. Добровольцы, принявшие активное участие в оказании помощи населению, были представлены к награде "За спасение погибающих на водах", торжественно врученной добровольцам начальником Дальневосточного регионального центра МЧС России генерал-лейтенантом внутренней службы А.В. Соловьевым. У СПДО "Импульс" имеются и другие награды.

Сейчас добровольцы на постоянной основе проводят занятия с различными категориями населения в целях формирования навыков безопасного поведения. Активно участвуют в реализации проекта "Научись спасать жизнь" по обучению населения приемам оказания первой помощи и психологической поддержки. Ежегодно принимают участие во Всероссийских соревнованиях "Человеческий фактор", "Доброволец года" и других социальных проектах.

19 марта 2014 г. в г. Хабаровске создано Дальневосточное отделение Общественного совета психологов силовых структур. Председателем избран начальник Дальневосточного филиала ЦЭПП МЧС России Мария Петровна Фетисова.

В состав Общественного совета вошли руководители психологических служб МЧС России, Министерства обороны ВВО РФ, Управления МВД России по Хабаровскому краю, Управления ФСБ России по Хабаровскому краю, Управления ФСИН Хабаровского края, Военной прокуратуры ВВО, Управления Восточного округа войск национальной гвардии РФ.

В состав Общественного совета также вошли представители Дальневосточного государственного университета путей сообщения: заведующий кафедрой "Общая, юридическая и инженерная психология" кандидат психологических наук Леженина А.А., доцент кафедры кандидат психологических наук Синицина Л.В. Они принимают активное участие в заседаниях Совета, оказывают содействие в решении актуальных задач в области психологического обеспечения деятельности силовых структур, в пропаганде и популяризации достижений психологической науки в области военной психологии, психологического сопровождения служебной деятельности и психологии экстремальных ситуаций, а также повышению уровня и качества психологиче-

ской подготовки студентов, обмене опытом исследовательской и практической деятельности, освоении инновационных методов работы.

В 2018 г. прошел Первый Региональный конкурс профессионального мастерства среди психологов силовых структур «Дальневосточная Психея», где были отработаны все аспекты профессионального взаимодействия структур в рамках легенды-учения, а статистами выступали студенты Дальневосточного государственного университета путей сообщения.

Выпускники (их трое) кафедры "Общая, юридическая и инженерная психология" достойно трудятся в Дальневосточном филиале ФКУ ЦЭПП МЧС России, показывают высокий уровень теоретической подготовки и практических навыков, отличаются хорошими деловыми и исполнительскими качествами.

Желаем преподавателям и студентам кафедры успехов в нашем общем деле и надеемся на дальнейшее сотрудничество!»

Генеральный директор Хабаровского центра психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи Ольга Олеговна Олифер является постоянным членом государственной экзаменационной комиссии кафедры, всегда готова работать с выпускниками-психологами ДВГУПС.

Олифер Ольга Олеговна

Ольга Олеговна дает высокую оценку взаимодействию сотрудников кафедры и Хабаровского центра психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи.

«Дальневосточный государственный университет путей сообщения готовит высокопрофессиональные психологические кадры, которые находят своё место в различных отраслях и учреждениях. Одно из учреждений, где находили и находят своё призвание выпускники ДВГУПС, – это Центр развития психологии и детства "Психология". Больше всего сотрудников Центра, закончивших ДВГУПС, трудятся в системе психолого-педагогического сопровождения профессионального образования края. Педагоги-психологи Олеся Юрьевна Ходжие-

ва, Наталия Сергеевна Боблакова (Денисова), Светлана Владимировна Куксенко (Филимонова), Екатерина Константиновна Вырыпаева работают над развитием гибких компетенций, профилактикой возникновения кризисных состояний у студентов техникумов и колледжей, подготовкой к выходу студентов на рынок труда. Кроме своей основной деятельности, специалисты занимаются реализацией социально значимых проектов – помогают онкобольным детям в рамках краевого проекта «УчимЗнаем», развивают систему медиации. Выпускница 2009 г. Виктория Николаевна Афанасьева (Досолюк) возглавляет отдел кризисной психологии и экспертизы, сотрудники которого сопровождают детей, подвергшихся насилию, в ходе следственных и судебных действий. В этом же отделе трудится ещё один выпускник ДВГУПС Илья Романович Шеломенцев. Сергей Вонхекевич Ким, с отличием закончивший магистратуру в 2013 г., более трех лет возглавлял психолого-педагогическую службу в системе среднего профессионального образования, а в 2020 г. стал руководителем отдела мультимедийных и инфокоммуникационных технологий Центра. Центр не только с благодарностью принимает людей, обученных в ДВГУПС, но и помогает их готовить. Генеральный директор Центра Ольга Олеговна Олифер долгое время делилась опытом со студентами в качестве преподавателя. Центр поздравляет кафедру психологии ДВГУПС с 20-летием, желает преподавателям и студентам профессиональных успехов в практической и научной деятельности и надеется на продолжение продуктивного сотрудничества».

Сегодня преподаватели кафедры работают не только со студентами вуза, активно развивая различные направления профессиональной переподготовки, но и предлагают новые учебные направления при работе со слушателями Института дополнительного образования ДВГУПС: «Педагогика высшей школы», «Преподаватель профессионального образования», «Применение полиграфа при проведении специальных психофизиологических исследований», «Профайлинг в профессиональной деятельности».

Директор Института дополнительного образования канд. техн. наук, доцент Артем Константинович Пляскин в канун празднования юбилея кафедры отмечает:

«Сотрудничество Института дополнительного образования и преподавателей кафедры "Общая, юридическая и инженерная психология" началось в 2003 г. С указанного периода и до настоящего времени программы, предлагаемые сотрудниками кафедры, максимально востребованы и актуальны.

Первой программой, реализуемой в Институте дополнительного образования под руководством

ППС кафедры, стала программа профессиональной переподготовки "Развитие личности преподавателя". Квалификацию повысили 254 преподавателя высших учебных заведений гг. Хабаровска, Нерюнгри, Тынды.

Пляскин Артем Константинович

В 2007 г. программа была актуализирована, по обновленной программе "Педагогика высшей школы" обучение прошли 36 преподавателей ДВГУПС.

В 2012 г. в соответствии с требованиями профессионального стандарта программа была разделена на две самостоятельные: "Преподаватель высшей школы" и "Преподаватель профессионального образования". Указанные программы актуальны и сегодня. Повышение квалификации по ним в системе проходят преподаватели ДВГУПС и филиалов (234 слушателя).

Необходимо отметить программы "Психология", "Психология управления персоналом", по которым прошли обучение 264 слушателя.

Также необходимо вспомнить и множество краткосрочных программ повышения квалификации: "Применение тренажера при подготовке ДСП и ДНЦ в условиях учебно-тренировочного центра" (11 слушателей), "Психологическая компетентность преподавателя в учебном процессе" (25 слушателей).

В настоящее время заканчивается обучение первой группы по программе "Применение полиграфа при проведении специальных психофизиологических исследований".

Сотрудничество кафедры "Общая юридическая и инженерная психология" и Института дополнительного образования ДВГУПС имеет далеко идущие планы! Надеемся на реализацию всего намеченного!»

На сегодняшний день кафедра «Общая, юридическая и инженерная психология» доказала необходимость своего нахождения в стенах Дальневосточного государственного университета путей сообщения. У ППС кафедры много достижений в области науки, однако основная гордость кафедры – это её выпускники. То, что студенты, получив диплом бакалавра, приходят к нам в магистратуру, с дипломом специалиста – в аспиран-

туру, подтверждает качество подготовки, реализуемой преподавателями кафедры.

Наши выпускники в прошлом и аспиранты в настоящем Кузикова Карина и Денисова Александра, поздравляя преподавателей с юбилеем кафедры, пишут:

«На протяжении пяти лет обучения на кафедре общей, юридической и инженерной психологии мы сталкивались как со взлётами, так и с падениями в учебной деятельности. Ведь изучение человеческой психики, особенно в служебной деятельности, – очень трудоемкий и сложный процесс. Но благодаря высокому уровню преподавания, дружественной обстановке и профессионализму педагогов кафедры мы справились с этой задачей и теперь поставили новые цели для своего профессионального пути.

Помимо того, что на данный момент мы являемся психологами в войсковых частях нашего города, мы часто вспоминаем профессиональное мастерство наших преподавателей. Мы решили, что хотим пойти по тому же пути – просвещать следующее поколение в области психологии.

Денисова Александра

Кузикова Карина

За время подготовки к вступительным экзаменам в аспирантуру мы осознали, что приняли значимое решение. Ведь нет ничего важнее, чем чувствовать себя на своём месте. Мы очень рады, что, обучаясь в ДВГУПС по данному направлению, нам удалось научиться тому, чем мы можем заниматься каждый день. Спасибо!».

ЛИТЕРАТУРА

1. Агранат, Ю.В. Социально-педагогические технологии в воспитательной системе вуза (на примере Дальневосточного государственного университета путей сообщения) / Ю.В. Агранат, Е.А. Зиновьева // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2018. – Т. XV, Вып. 3. – С. 127–132.

2. Ковальчук, М.А. Социально-гуманитарный институт Дальневосточного государственного университета путей сообщения: события и люди : монография / М.А. Ковальчук. – Хабаровск : Изд-во ДВГУПС, 2019. – 162 с.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ САМОРЕГУЛЯЦИИ И ЛИЧНОСТНОГО РАЗВИТИЯ

DOI: 10.31079/1992-2868-2020-17-4-18-25

ПОВСЕДНЕВНЫЕ СТРЕССОРЫ: СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ВЗАИМОСВЯЗИ С ПСИХИЧЕСКИМИ И ЛИЧНОСТНЫМИ ФАКТОРАМИ

Т.Х. Невструева

В статье представлен анализ современных отечественных исследований по проблеме повседневных стрессоров. Проблема рассмотрена в контексте общих проблем психологии стресса и понятия «повседневность». Показана активизация методологического, теоретического обоснования психологии повседневности, эмпирических исследований в отечественной психологии. Рассмотрены результаты создания опросника повседневных стрессоров и его использования в эмпирических исследованиях во взаимосвязи с психическими, личностными факторами. Показаны психофизиологический, возрастной аспекты влияния повседневных стрессоров. Сделаны выводы о необходимости обобщения теоретических и эмпирических результатов исследований повседневных стрессоров в контексте общей концепции стресса.

Ключевые слова: стресс, методология психологии повседневности, диагностика повседневных стрессоров, психофизиологические, психические, личностные, возрастные факторы, ресурсы совладания.

EVERYDAY STRESSORS: MODERN RESEARCH ON THE RELATIONSHIP WITH MENTAL AND PERSONALITY FACTORS

T.H. Nevstrueva

The article presents an analysis of modern domestic studies on the problem of everyday stressors. The problem is addressed in the context of general problems of stress psychology and the concept of "everyday life." The activation of methodological, theoretical justification of the psychology of everyday life, empirical research in the national psychology is shown. The results of the creation of a questionnaire of everyday stressors and its use in empirical studies in the relationship with mental, personal factors are considered. The psychophysiological, age-related aspects of the influence of everyday stressors are shown. Conclusions have been drawn about the need to generalize the theoretical and empirical results of the studies of everyday stressors in the context of the general concept of stress.

Key words: stress, methodology of psychology of everyday life, diagnosis of everyday stressors, psychophysiological, mental, personal, age factors, resources of co-ownership.

Современные тексты и контексты проблемы стресса отличаются углублением тематики в отношении различных аспектов самого феномена (от дальнейшего уточнения понятия, поиска обобщающего концепта до детализации воздействия стресса в зависимости от генетических, физиологических, психофизиологических, психических, социально-психологических, личностных, экологических, социальных, гендерных, возрастных факторов, профессиональной деятельности, временно-пространственных параметров жизнедеятельности человека). Библиография стресса сегодня одна из внушительных в психологии, включает весь спектр

научных исследований (теоретических, эмпирических, экспериментальных) и практико-ориентированных работ.

Проблема стресса имеет солидную базу диагностического инструментария в психологии от определения нервно-психической устойчивости и напряжения, инвентаризации симптомов стресса, стрессоустойчивости и ее самооценки, склонности к развитию стресса, диагностики состояния стресса, оценки трудового, профессионального, организационного стресса, копингов поведения в стрессовых ситуациях до Миссисипской шкалы для оценки посттравматических реакций (гражданский и бое-

Невструева Тамара Хасьямовна – доктор психологических наук, профессор Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).

Nevstrueva Tamara Khasiamovna – Doctor of Psychology, Professor of the Pacific National University (Khabarovsk).

E-mail: tamaranevst@mail.ru

© Невструева Т.Х., 2020

вой варианты). Оценки стресса заложены также в опросниках эмоционального выгорания, страха, тревожности, адаптации и т.д.

Следует подчеркнуть современную тенденцию: от теоретических моделей, разработки диагностического инструментария к углубленному исследованию техник снятия стрессовых состояний, эмпирической проверки их эффективности. Современная психологическая практика предлагает разные технологии (индивидуальная и групповая профилактика стрессов, работа с последствиями стрессов, уменьшение стрессовых нагрузок и т.д.). Востребованность таких практик в современной среде хорошо иллюстрируется активным распространением, особенно в последнее 20-летие, майдфулнесс-техник. Коммерческая составляющая внедрения майдфулнесс в организациях, школах, тренинговых группах, медицинских учреждениях обосновывается многочисленными эмпирическими исследованиями, показывающими корреляции между майдфулнесс-практикой и показателями (в том числе медицинскими) ее эффективности. В отечественное пространство антистрессовой практики майдфулнесс стал активно внедряться в последние годы, прежде всего в когнитивно-бихевиоральной терапии (КБТ). В статьях ссылаются на зарубежные исследования, показывающие позитивные результаты таких практик (см., например: [9]).

Следует при этом подчеркнуть, что, несмотря на все увеличивающееся число публикаций, посвященных эффективности этой практики, майдфулнесс «не вошел в каждый дом» (в том числе в лечебные учреждения). Идут дискуссии между сомневающимися в научной доказательности эффективности техник «осознанности» и уверенными в антистрессовых, антидепрессивных возможностях майдфулнесс-практик.

Проблема стресса актуализированно пролонгирована. Это «неумирающая» тема, важность которой в современном мире сложно оспаривать. Связано это не только с глобальными процессами, изменяющими мир (плюсы и минусы цифровой цивилизации, экологическая напряженность планеты как ответ на комфортную среду, обесценивание духовных ценностей, целей и смыслов в мире потребления, трансформация культуры индивидуализма (автономии) в одиночество и т.д.), транзитивностью, порождающей новые стрессоры и углубляющей относительно традиционные.

Достаточно показательный общий маркер стрессоустойчивости общества – статистика суицидов в разных странах, число которых возрастает в периоды «неопределенности» и кризисов. Корреляция между материальным уровнем, качеством жизни и безопасностью представлена в статистике ВОЗ, в которой наиболее суицидальные страны

экономически и криминогенно неблагополучны. Однако бедность, низкий уровень безопасности и другие социальные факторы не являются стопроцентной «статистической гарантией» суицидального напряжения в обществе. Пример – Япония, высокотехнологичная цивилизация с самым высоким уровнем продолжительности (после Гонконга) жизни (84,5) и качества жизни, а сегодня и с очень низким уровнем криминогенности. В статье В.Е. Квашиса и И.М. Настуева «О тенденциях в динамике самоубийств и убийств в Японии» (2017) отмечено, что по числу и уровню суицида Япония намного превышает показатели наиболее развитых стран. Еще недавно здесь ежегодно совершалось в среднем 30 тыс. самоубийств. В 2007 г., например, ежедневно суицид приводил к смерти 90, а в 2013 г. 75 человек; это означает, что каждые 20 минут один из японцев сводил счеты с жизнью. Снижение числа самоубийств наблюдается лишь в последние пять лет. В 2016 г. их число за год снизилось с 24 025 до 21 900 человек. Сегодня самоубийства в Японии в 5,6 раза превышают число погибших в ДТП и в 25 раз число жертв убийств [10].

Включение «таблеток» от стрессов и их последствий частично решает проблему на психофизиологическом уровне, но не может убрать проблему «ответов» на стрессы конкретного человека, включенного в сложную структуру взаимодействий в его жизненной среде (нам не удалось выявить статистическую информацию динамики увеличения потребления антидепрессантов и уменьшения числа суицидов в странах с высоким уровнем психофармакологической поддержки). Следует также подчеркнуть, что психофармакологическая поддержка рассматривается в современных практиках как одна из составляющих многоуровневого процесса помощи [11].

Носитель стресса (его переживания, проживание и пре-одоления) – это человек, среда (которую сам человек и создает) продуцирует эти стрессоры и провоцирует стрессовые ответы, как бы проверяя человека на физическую, психическую, личностную, социальную прочность (и зрелость), для обозначения которой психология создала большой словарь «определителей» (наиболее категориальные из них – адаптация, ресурс, нервно-психическая устойчивость, стрессоустойчивость, совладание, копинг-стратегии и др.).

Вызовы современной жизненной среды определяют углубление тематики исследований, конкретизирующих условия, механизмы, детерминанты (факторы, предикторы) сохранения, восстановления и активизации ресурсов прочности и устойчивости, расширения психологических практик, психофизиологического, нейропсихологического и психофармакологического сопровождения человека.

Важный аспект анализа проблемы – соотношения и взаимосвязи субъективных аспектов стрессовых воздействий (индивидуальный уровень восприятия стресса и реакций на стресс) и относительно объективных критериев интенсивности самого стрессора (травматичность стрессора и его субъективное переживание могут быть обусловлены и культуральными особенностями социума).

Следует подчеркнуть, что именно уровень интенсивности стресса является причиной пристального внимания к самому стрессору и к человеку, подвергнувшемуся ему. Этим объясняется значительность интереса к проблеме посттравматического стресса и посттравматического стрессового расстройства, все растущее число публикаций по теме в зарубежной и отечественной психологии и психофизиологии.

В книге Бессела Ван Дер Колка «Тело помнит все. Какую роль психологическая травма играет в жизни человека и какие техники помогают ее преодолеть» [11] представлен опыт тридцатилетней работы с психологическими травмами, акцент сделан на ветеранах Вьетнамской войны и на работе с детьми и женщинами, подвергнувшимися насилию. Работа Ван Дер Колка представляет пример органичного соединения исследовательской и собственно практической направленности изучения стрессовых воздействий и их преодоления. Автор пишет: «Я написал эту книгу в качестве руководства и призыва – призыва понять подлинную сущность травмы, изучить оптимальные пути ее лечения, а также целенаправленно использовать все возможные средства ее предотвращения на уровне всего общества» [11: с. 10].

Следует признать, что, несмотря на значительный возраст проблемы стресса, разделение на виды (типы) стрессов (как состояний), стрессоров (как воздействующих на психику внешних и внутренних факторов), реакций на стресс (как ответ на стрессор) относится к задаче, требующей своего решения.

При дифференциации используются разные критерии, среди которых наиболее «говорящие» интенсивность, длительность действия стрессора и доминирующая сфера стрессового «ответа» (физическая, физиологическая, психофизиологическая, психологическая).

В последнее десятилетие в отечественной психологии актуализировался интерес к стрессорам повседневной жизни, к той среде, в которой человек проводит основную часть своей жизни. Наша жизнь состоит из множества «мелких» ежедневных стрессоров (позитивных и негативных). Выделение проблемы повседневных стрессоров включено в современный мультидисциплинарный контекст исследований повседневности. Базовый словарь повседневности обрастает новыми «подробностями»:

психологией повседневности, аналитикой повседневности, структурами повседневности, текучей повседневностью, эстетической парадигмой повседневности, внеповседневностью, диадическим повседневным стрессом; родительским повседневным стрессом, повседневной жизнью, повседневной речью, повседневным поведением, повседневным миром, повседневными действиями, повседневным опытом, повседневным сопротивлением, повседневным взаимодействием, повседневными ситуациями, повседневными практиками и т.д.

Повседневность как научная проблема имеет историю возникновения (вторая половина XIX в. и 60-е гг. XX в. в качестве самостоятельной отрасли), персоналии «первооткрывателей», историю идей, методологическую и теоретическую базу. В обзоре М.С. Гусельцевой отмечено, что проблема повседневности «в качестве трансдисциплинарного интеллектуального движения объединила идеологию антропологического поворота с философией и теориями практик. Ее представителями стала плеяда исследователей, так или иначе работавших на стыке разных наук, включая П. Бурдьё, И. Гофмана, Б. Латура, Л. Тевено, М. де Серто, М. Фуко, Р. Шартье, Н. Элиаса и др. Теоретическими источниками аналитики повседневности служили идеи Э. Гуссерля («жизненный мир»), А. Шюца («мир человеческой непосредственности»), Н. Элиаса («фигурации»), а также социального конструкционизма (К. Герген), этнометодологии (Г. Гарфинкель) и интерпретативной антропологии (К. Гирц)» [8].

М. Хайдеггер интерпретировал повседневность как *Dasein* – сферу естественных человеческих переживаний; У. Джеймс – как жизненную прагматику; Л. Витгенштейн – как обыденный разговорный язык. Повседневность – это схематика поведения человека, установленная обществом (Ф. Бродель, Б. Вальденфельс, А. Шюц, Г. Гарфинкель, И. Гофман, П. Бергер, Т. Лукман).

Введение исследовательских конструктов «повседневный мир» и «повседневные действия» (П. Бергер и Т. Лукман, И. Гофман, Г. Гарфинкель и А. Сикурель) позволило включить в аналитику повседневности, в рефлексивное исследовательское пространство единицы повседневной жизнедеятельности, текущей жизненной среды (элементы быта, домашнего воспитания детей, досуга, общения, питания, заботы о здоровье, ежедневные планы, финансовые расходы, обустройство жизненного пространства, прогулки, одежда и т.д.).

Некоторая внутренняя игра состоит в самом слове «повседневность», как бы ее антономичности «внеповседневности» (Б. Вальденфельс) – празднику, необыкновенности, яркому, важному событию и его переживанию, высоким ценностям, смыслом и их рефлексии, уходу от обыденности (каждо-

дневности, рутинности, повторяемости, жизненной прозы, суеты, стандартности, шаблонности) в мир острых ощущений и переживаний, мыслей, поступков, нетипичных (нетривиальных) функций и ролей, поэтичности и романтизма, экстремального поведения, приключений.

Процессы «повседневничания» (Veralltäglichung, М. Вебер) текучи, органично включены во временно-пространственный континуум объектных и субъектных взаимодействий и воздействий ежедневной жизни и не могут быть рассмотрены вне «преодоления повседневности» или неожиданного «выхода из повседневности» как зоны привычек обычного существования. Работа как повседневность и ее потеря, выходные дни и их отмена, наличие привычного набора продуктов в магазине и их отсутствие, временный (или навсегда) отъезд человека, с которым было привычно находиться рядом, закрытие кинотеатра рядом с домом, где ты привык по воскресеньям смотреть кино, не «датный» подарок, неожиданная позитивно эмоциональная встреча и т.д.

Процессы «преодоления повседневности» (Б. Вальденфельс) как некая субъектная активность личности и стрессовые нагрузки «преодоления» индивидуализированно многовариантны по событиям «внеповседневности», субъективно ранжированы по интенсивности восприятия и переживания (для кого-то поездка за границу – событие, для других это обычный образ жизни, семейные ссоры – уже ставшая рутинной повседневность или «праздник страстей» и т.д.)

Осмысление повседневности в психологической науке связывают с психоанализом, вышедшей в 1901 г. работой З. Фрейда «Психопатология обыденной жизни». Сегодня психология повседневности в зарубежных исследованиях насчитывает сотни тематически разнообразных публикаций, охватывающих различные срезы повседневности.

В отечественной психологии проблема повседневности была актуализирована в последнее десятилетие. Следует отметить, что, возвращаясь к проблеме повседневности, авторы современных публикаций исходят из знаковой статьи Л.И. Анцыферовой (Психология повседневности: жизненный мир личности и техники ее бытия), опубликованной в 1993 г. и включающей отечественных психологов в теоретическое и эмпирическое пространство проблемы психологии ежедневной жизни личности, поиска методов, адекватных феноменам повседневности, и изменения парадигм помощи личности в русле гуманистического направления [1]. Автор знакомила читателя с работами немецкого психолога Ханса Томе (Hans Thomae) (1915–2001), основавшего в послевоенной Германии оригинальную мультидисциплинарную геронтоло-

гию (Entwicklungspsychologie), а позже, в 1960-е гг. – психологию повседневности (Alltagspsychologie).

Известность Х. Томе принес геронтологический лонгитюд (BOLSA) (совместно с У. Лер). Важно подчеркнуть, что психология повседневности обосновывалась ими как отдельное направление, задача которого – изучение повседневных ситуаций. Для этого изучения был создан и использовался психобиографический метод исследования, позволяющий «увеличивать» индивидуальные стрессовые, негативные и позитивные ситуации ежедневной жизни для их анализа и поиска способов их преодоления.

Прошло более 20 лет, когда появились методологически акцентированные исследования С.К. Нартовой-Бочавер (2019), Т.Д. Марцинковской (2017), М.С. Гусельцевой (2017) о психологии повседневности, изданы сборники статей [7; 8; 12; 13; 18].

В статье С.К. Нартовой-Бочавер «Жизненная среда как источник стресса и ресурс его преодоления: возвращаясь к психологии повседневности» [15] сделаны ряд важных акцентов на понимании психологии повседневности и порождаемых ею стрессах в контексте исследований жизненной среды.

В статье выделены ряд методологических положений о конструктивности парадигмы повседневности в исследовании (и помощи) личности, соответствии этого направления интегральному понятию «жизненная среда», рассматриваемому и как источник стрессов, и как важный ресурс совладания (самопомощи). Автор подчеркивает, что среда как точка соприкосновения психологии повседневности, стресса и совладания, трансдисциплинарная изначально и по определению, подтверждает свою эвристичность благодаря центральной идее самоорганизации субъекта, находящегося в заданном пространственно-временном контексте, со всеми его вызовами и ресурсами, стрессом и совладанием [13].

В статье Т.Д. Марцинковской «Психология повседневности: оксюморон или новый тренд психологии» [12] проблема рассматривается в трех основных аспектах: психологии транзитивности и психологии повседневности; эстетической парадигме повседневности; культурном капитале и повседневности. Автор считает, что расширение проблематики повседневности ставит вопрос об определении предмета именно психологии повседневности и обоснования ее значения для развития психологической науки. Т.Д. Марцинковская подчеркивает изменчивость и неопределенность современных социальных контекстов, что ставит перед человеком задачу совладания с трудной жизненной ситуацией современной повседневной жизни. Автор видит области соприкосновения психологии повседневности с рядом актуальных личностных параметров: проблемой жизнестойкости, самоакту-

ализацией, копинг-стратегиями, ценностными ориентациями, идентичностью и целостностью жизненного пути [12].

Т.Д. Марцинковская вводит понятие «жидкая транзитивность», усиливая роль повседневности в осознании картины мира и своего места в ней в ситуации кризиса (социального и личностного) и небольших, но постоянных изменений норм, ценностей и эталонов окружающего мира. Автор подчеркивает, что в ситуации жидкой транзитивности психология повседневности может рассматриваться как своеобразная стратегия совладания с ситуацией множественности и изменчивости контекстов [12].

В статье М.С. Гусельцевой «Психология повседневности: методология, история, перспективы» [8] выделены ряд методологически важных положений:

– подчеркивается мультидисциплинарный характер повседневности; становление психологии повседневности как интеллектуального движения рассматривается как позитивный тренд в эволюции общества;

– психология повседневности позиционируется в качестве особого исследовательского направления, позволяющего вернуться к изучению человека в рамках проблемы целостности, субъективных репрезентаций его жизненного мира как в современности, так и в ту или иную культурно-историческую эпоху [8].

Теоретическая и эмпирическая база психологии повседневности создавалась в контексте конкретных задач, в том числе рассмотрения повседневности как стрессовой среды, включающей весь спектр повседневных событий, ситуаций, переживаний, нарушающих привычное течение жизни.

Авторы публикаций ссылаются на исследования Р. Лазаруса, «повседневных неприятностей» (daily hassles), которые он относил к стрессорам невысокой интенсивности. Стрессовая нагруженность повседневных неприятностей, их возможность превышать адаптационный ресурс объяснялась их пролонгированностью (постоянством) во времени, соответственно возможностью более сильного воздействия, чем критические ситуации, что было подтверждено рядом исследований. В обзорах ссылаются на лонгитюдные исследования, проведенные в 80-е гг. прошлого столетия (А. Каннер, Дж. Койн, К. Шеффер, Р. Лазарус, А. Де Лонгис, Г. Дакоф, С. Фолкман). В исследованиях было выявлено, что частота повседневных стрессоров относительно стабильна на протяжении измеряемых периодов и более тесно связана с психическим здоровьем, чем кризисные события. Были обнаружены взаимосвязи между низкими уровнями социальной поддержки и самооценки (как показателей психологических ресурсов), также значителен вес повседневных стрессоров и общей удовлетворенностью

жизнью. Стрессоры повседневной жизни определяются как раздражающие, фрустрирующие, стрессующие, частые, обычные небольшие события, которые происходят в повседневной жизни (А. Каннер, Мэйбери, Грэхем) [21].

Исследования повседневных стрессоров актуализировали проблему создания адекватного инструментария для их изучения. Как отмечено в статье «Опросник повседневных стрессоров» [16], исследования ведутся с середины 1980-х гг. (Kanner et al., 1981). Был разработан целый ряд тестовых методик: шкала повседневных неприятностей (Hassles Scale) (Kanner et al., 1981); опросник недавних жизненных переживаний студентов колледжа (Inventory of College Students' Recent Life Experiences, ICSRLE) (Kohn et al., 1990); опросник недавних жизненных переживаний (Survey of recent Life Experiences, SRLE) (Kohn, Macdonald, 1992); опросник незначительных событий (Small Event Inventory, ISLE) (Zautra et al., 1986); шкала воспринимаемого стресса (Cohen et al., 1983), адаптированная и валидизированная для российской выборки Абабковым и др. (2016).

В статье подчеркнута, что приведенные выше шкалы нельзя назвать идеальным инструментарием. Так, одна из наиболее ранних шкал повседневных неприятностей (Kanner et al., 1981) включала не только сами неприятности, но и их последствия, что усложняло процесс интерпретации [16].

На основе зарубежных опросников разработан, валидизирован опросник повседневных стрессоров (М.Д. Петраш, О.Ю. Стрижицкая, Л.А. Головей, С.С. Савеньшева).

Разработка опросника и ряд исследований с использованием этого опросника проводились при поддержке гранта № 16-18-10088 Российского научного фонда «Комплексное изучение стрессоров повседневной жизни и ресурсы их преодоления в разные периоды взрослости» 2016–2018 гг. Результаты были отражены в ряде публикаций [3–6; 14–17; 19].

Опросник представляет собой список из 55 стрессовых событий, относящихся к восьми сферам жизнедеятельности: профессиональной/ трудовой; сфере межличностных отношений; окружающей действительности (что-то сломалось, погода, шум, проблемы с транспортом и пр.); сфере отдыха и досуга (не хватило времени на отдых, пришлось отказаться от интересного занятия и пр.); финансовой сфере (проблемы с кредитом, неожиданные расходы и пр.); сфере социального, медицинского, бытового обслуживания; хозяйственно-бытовой сфере (ежедневные дела по хозяйству и пр.); эмоционально-личностной сфере (чувство одиночества и пр.).

Авторы считают, что опросник достаточно полно отражает широкий репертуар повседневных стрессов, включая не только негативные, но и по-

зитивные события, применим ко всему периоду взрослости. Эксплораторный факторный анализ позволил выявить 10 факторов опросника повседневных стрессоров: «Работа-Дела», «Взаимоотношения с окружающими», «Нарушение планов», «Финансы», «Планирование», «Семья», «Окружающая действительность», «Самочувствие-Одиночество», «Общее самочувствие», «Конкуренция».

Создатели опросника подчеркивают, что выявленная положительная взаимосвязь факторов повседневных неприятностей со шкалами опросника «Шкала воспринимаемого стресса-10» (ШВС) указывает на стрессорный характер событий, наполняющих факторы разработанного опросника. Основное отличие заключается в том, что ШВС оценивает его интенсивность, в то время как опросник «Повседневные стрессоры» позволяет провести качественную оценку выделенных стрессоров [16].

В рамках грантовой поддержки коллективом авторов были проведены ряд эмпирических исследований (индуктивно-корреляционный дизайн). Результаты исследований изложены в ряде статей, анализ которых позволяет выделить особенности влияния повседневных стрессоров в зависимости от групп факторов: физических, психофизиологических, психологических, личностных, половозрастных, образования, места жительства.

Основная возрастная выборка во всех исследованиях – 20–60 лет. Методы сбора эмпирических данных включали комплекс методик в соответствии с целями исследования (диагностику показателей ЦНС, вегетативной и сосудистой систем, уровней напряженности, комплекса психологических и личностных параметров).

Исследования, основанные на биологических моделях стресса, направлены как на процесс превентивного снижения воздействия стрессоров, так и на процесс оказания влияния на случившийся факт встречи со стрессором разной силы действия и последствий, исходя из особенностей нервно-психологической устойчивости и соответственно адаптивных психических возможностей личности. В этом контексте «помощи» важны исследования, показывающие взаимосвязи физических и психических факторов стрессоустойчивости с личностными параметрами, позволяющие соотнести личностный профиль с особенностями психофизиологической реакции на стрессор, ее интенсивностью, продолжительностью и ресурсным потенциалом человека.

Проблемы взаимосвязи повседневных стрессоров с психофизиологическими факторами стали предметом ряда исследований, в которых этот фактор рассматривался во взаимосвязи с комплексом психологических и личностных параметров (Л.А. Головей, И.Р. Муртазина, М.Д. Петраш).

В исследовании, проведенном Л.А. Головей и И.Р. Муртазиной, изучены взаимосвязи восприятия повседневных стрессоров с функциональным состоянием нервной системы, уровнем стрессовой напряженности. Авторы предположили, что влияние психофизиологических факторов опосредовано личностными особенностями, реагирование на стрессоры проявляется в изменении функционального состояния нервной системы, психологических показателей стрессовой напряженности, важным фактором является степень интеграции всех уровней [3].

Для оценки функционального состояния центральной нервной системы (ЦНС) и работоспособности использовалась компьютерная методика экспресс-диагностики (М.П. Мороз), позволяющая выявить пять уровней работоспособности ЦНС: от нормального до стрессового и существенно сниженного. Уровень психической напряженности определялся опросником «Шкала воспринимаемого стресса-10». Диагностика личностных переменных основывалась на данных 16-факторного опросника Р. Кеттелла и опросника УСК Дж. Роттера.

Исследователями был зафиксирован высокий уровень распространенности стрессоров повседневной жизни, особенно в профессиональной сфере, получены значимые корреляционные связи между количеством стрессоров, уровнем психической напряженности, общей выраженностью переживания стресса (ШВС) и функциональным состоянием ЦНС по показателю устойчивости реакции. На основе оценки функционального состояния ЦНС, работоспособности и уровня психической напряженности выделены две группы (нормальный и сниженный уровень работоспособности ЦНС). Данные корреляционного анализа показали, что более высокий уровень интегрированности всех психологических и личностных показателей выступает в качестве фактора противодействия стрессорам повседневной жизни и связан с оптимально нормативным функционированием ЦНС. Сниженный функциональный уровень ЦНС характеризуется дезинтеграцией личностных и психологических переменных, что способствует восприятию большего количества жизненных ситуаций как стрессовых и повышению напряженности.

В исследовании М.Д. Петраш изучались соотношения психологических и психофизиологических характеристик в переживаниях стрессоров повседневной жизни (2017). Для сбора эмпирических данных использовалась также «Экспресс-диагностика функционального состояния и работоспособности» М.П. Мороз и прибор «АнгиоСкан-01П» (для определения различных параметров сердечно-сосудистой системы). Наряду с опросником повседневных стрессоров использовалась «Шкала воспринимаемого стресса-10». Психологические и

личностные характеристики диагностировались по отдельным шкалам 16-факторного опросника Р. Кеттела, копинг-тесту Р.С. Лазаруса, опроснику «Уровень субъективного контроля», Шкале психологического благополучия К. Рифф, опроснику самоактуализации личности (САМОАЛ).

В статье отмечено, что конфирматорный факторный анализ эмпирических данных выявил прямое воздействие на понижение ежедневных стрессорных ситуаций таких характеристик, как эмоциональная устойчивость и гипертимия/самоуверенность. Было зафиксировано влияние высокого уровня ежедневных трудностей на повышение «возраста сосудов», «частоты сердечных сокращений», «жесткости сосудов» и психологических характеристик фрустрированности и импульсивности. Обнаружено, что интернальность выступает в качестве модератора, а устойчивость нервной реакции способствует повышению интернальности и снижению уровня тревожности и напряженности [15].

В контексте связи повседневных стрессоров с психофизиологическими параметрами нельзя не отметить исследование М.Д. Петраш и В.М. Гребенникова особенностей вегетативной регуляции при воздействии повседневных стрессоров в возрастно-половом аспекте [14]. М.Ю. Петраш также проведено исследование соотношения показателей субъективных стрессовых переживаний и психофизиологического функционирования у представителей различных профессий [17].

В качестве важных предикторов, определяющих особенности воздействия повседневных стрессоров, в исследованиях выявлены соотношения повседневных стрессоров и психологических и личностных факторов:

– фиксируется распространенность стрессоров во всех сферах повседневной жизни, особенно профессиональной, финансов, семьи, самочувствия. В исследованиях подчеркнут «взаимопроникающий» характер действия различных стрессоров, их «взаимоучастие»;

– суммарно в исследованиях использовался комплекс методик, диагностирующих уровни субъективного контроля, психологического благополучия, удовлетворенностью жизнью; параметры самоактуализации, самооценки, самопринятия, аутосимпатии, компетентности, автономности, спонтанности, склонности к чувству вины, фрустрированности, стратегий совладающего поведения, эмоциональной устойчивости и зрелости, самоконтроля поведения, ориентации во времени. Связи между повседневными стрессорами и этими параметрами, как показали исследования, носят характер прямых и отрицательных корреляций, опосредованы сложными взаим-

ными соотношениями, включаются в процессы интеграции [3–5; 15; 19; 20];

– выделены психологические и личностные характеристики, выступающие как предикторы, снижающие уровень переживания стрессоров повседневной жизни и повышающие их интенсивность. Так, высокий уровень переживания стресса соответствует низким значениям параметров самооценки, и наоборот; психологическое благополучие и удовлетворенность жизнью выступают как позитивные предикторы количества воспринимаемых стрессоров и уровня перенапряжения. Среди компонентов психологического благополучия выявлена ведущая роль компетентности, снижение которой увеличивает количество воспринимаемых стрессоров, а показатели автономности и личностного роста практически не связаны с повседневными стрессорами;

– в качестве ресурсного «капитала» снижения интенсивности стрессового напряжения обозначены: эмоциональная устойчивость, высокий самоконтроль поведения, уверенная адекватность, нефрустрированность, интернальный локус контроля, копинг-стратегия «планирование решения проблемы»; шкалы САМОАЛ «ориентация во времени», «самопонимание» и «аутосимпатия», шкалы психологического благополучия «компетентность» и «самопринятие», склонность к чувству вины, фрустрированность, обращение к стратегиям «конфронтация», «поиск социальной поддержки», «принятие ответственности» и «бегство-избегание», а также выраженная «спонтанность» (САМОАЛ) увеличивают напряженность и повышают интенсивность переживания стрессоров повседневной жизни [15];

– «гибкая» структура интернальности-экстернальности, соответствие копинг-стратегий содержанию и интенсивности стрессора выступают в качестве факторов противодействия стрессовой нагруженности повседневности;

– исследования включают половозрастной фактор, что позволяет более глубоко ранжировать особенности проявлений воздействий повседневных стрессоров. Так, выявлены различия в интенсивности воздействия, частоте конкретных стрессоров у мужчин и женщин.

Таким образом, анализ стрессоров в контексте проблемы психологии повседневности показывает важность эмпирических исследований, взаимосвязанных с половозрастными, психофизиологическими и личностными параметрами. На наш взгляд, актуальной задачей является обобщение этой солидной эмпирической базы, выделение наиболее «генерализованных» маркеров повседневной стрессоустойчивости.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анцыферова, Л.И. Психология повседневности: жизненный мир личности и «техники» ее бытия / Л.И. Анцыферова // Психологический журнал. – 1993. – Т. 14, № 2. – С. 3–16.
2. Вахштайн, В.С. Дело о повседневности / В.С. Вахштайн. – Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2015.
3. Головей, Л.А. К вопросу о психофизиологических и личностных факторах восприятия повседневных стрессоров / Л.А. Головей, И.Р. Муртазина // Известия Саратовского университета. – 2018. – Т. 7, Вып. 2 (26). – С. 136–142. – (Сер. Акреология образования. Психология развития).
4. Головей, Л.А. Особенности структуры повседневных стрессоров и ресурсов личности в разные периоды взрослости / Л.А. Головей, О.Ю. Стрижцкая // Психология повседневного и травматического стресса: угрозы, последствия и совладание / под ред. А.Л. Журавлева, Н.В. Тарабриной, Е.А. Сергиенко, Н.Е. Харламенковой. – Москва, 2016. – С. 27–50.
5. Головей, Л.А. Роль психологического благополучия и удовлетворенности жизнью в восприятии повседневных стрессоров / Л.А. Головей, М.Д. Петраш, О.Ю. Стрижцкая [и др.] // Консультативная психология и психотерапия. – 2018. – Т. 26, № 4. – С. 8–26.
6. Головей, Л.А. Дифференциально-психологические аспекты восприятия повседневных стрессоров / Л.А. Головей, О.Ю. Стрижцкая // Психологический журнал. – 2018. – Т. 39, № 5. – С. 15–25.
7. Гусельцева, М.С. Психология повседневности в свете методологии латентных изменений / М.С. Гусельцева. – Москва : Акрополь, 2019. – 375 с.
8. Гусельцева, М.С. Психология повседневности: методология, история, перспективы / М.С. Гусельцева // Психологические исследования. – 2017. – Т. 10, № 51. – С. 12. – URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 05.11.2020).
9. Замалиева, С.А. Майндфулнесс-подход в современных организациях / С.А. Замалиева // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2016. – № 12 (часть 2). – С. 356–360.
10. Квашиш, В.Е. О тенденциях в динамике самоубийств и убийств в Японии / В.Е. Квашиш, И.М. Настуев // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2017. – № 6. – С. 99–103.
11. Колк, Бессел ван дер. Тело помнит все: какую роль психологическая травма играет в жизни человека и какие техники помогают ее преодолению / Бессел ван дер Колк. – Москва : Эксмо, 2020. – 440 с.
12. Марцинковская, Т.Д. Психология повседневности: оксюморон или новый тренд психологии / Т.Д. Марцинковская // Психологические исследования. – 2017. – Т. 10, № 56. – С. 1. – URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 05.11.2020).
13. Нартова-Бочавер, С.К. Жизненная среда как источник стресса и ресурс его преодоления: возвращаясь к психологии повседневности / С.К. Нартова-Бочавер // Психологический журнал. – 2019. – № 5. – С. 15–26.
14. Петраш, М.Д. Особенности вегетативной регуляции при воздействии повседневных стрессоров: возрастно-половой аспект / М.Д. Петраш, В.А. Гребенников // Мир науки : интернет-журн. – 2018. – № 6. – URL: <https://mir-nauki.com/PDF/64PSMN618.pdf> (дата обращения: 05.11.2020).
15. Петраш, М.Д. Соотношение психологических и психофизиологических характеристик в переживаниях стрессоров повседневной жизни / М.Д. Петраш // Проблемы современного педагогического образования. – 2017. – № 57-11. – С. 301–323.
16. Петраш, М.Д. Опросник повседневных стрессоров / М.Д. Петраш, О.Ю. Стрижцкая, Л.А. Головей // Психологические исследования. – 2018. – Т. 11, № 57. – С. 5. – URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 05.11.2020).
17. Петраш, М.Д. Соотношение показателей субъективных стрессовых переживаний и психофизиологического функционирования у представителей различных профессий / М.Д. Петраш // Проблемы современного педагогического образования. – 2018. – Т. 61. – С. 405–409.
18. Психология повседневного и травматического стресса: угрозы, последствия и совладание / Ю.В. Быховец [и др.]. – Москва : Институт психологии РАН, 2016. – 496 с.
19. Стрижцкая, О.Ю. Воспринимаемый стресс, locus контроля и самопринятие: теоретические и эмпирические подходы / О.Ю. Стрижцкая // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. – 2019. – Т. 9, Вып. 1. – С. 21–31.
20. Стрижцкая, О.Ю. Повседневный стресс и особенности самооценки в разные периоды взрослости / О.Ю. Стрижцкая, М.Д. Петраш // Проблемы современной науки и образования. – 2016. – № 38 (80). – С. 108–110.
21. Савеньшева, С.С. Стрессоры повседневной жизни и семейное функционирование: анализ зарубежных исследований / С.С. Савеньшева // Мир науки : интернет-журн. – 2016. – Т. 4, № 6. – URL: <http://mir-nauki.com/PDF/28PSMN616.pdf> (дата обращения: 05.11.2020).

DOI: 10.31079/1992-2868-2020-17-4-26-30

САМОЛИДЕРСТВО КАК ЛИЧНОСТНЫЙ РЕСУРС СУБЪЕКТА СОВЛАДАНИЯ

К.И. Воробьева

Э.С. Ким

Статья посвящена анализу самолидерства как личностного ресурса субъекта совладания. Самолидерство, являясь системным качеством личности, включает в себя конструктивное мышление, ответственность, уверенность в себе, автономность и аутентичность, самоконтроль, самомотивацию, реалистичный оптимизм, толерантность к неопределенности, что позволяет субъекту совладания самостоятельно решать возникающие жизненные проблемы, проявлять творческую активность в ситуациях неопределенности, повышать продуктивность и самоэффективность благодаря сознательному выбору способов поведения в соответствии с личностными особенностями и требованиями трудной ситуации.

Ключевые слова: самолидерство, личностный ресурс, субъект совладания, стратегии самолидерства, стратегии совладания, коппинг-стратегии.

SELF-LEADERSHIP AS A PERSONAL RESOURCE OF THE SUBJECT OF COPING

K.I. Vorobyova

Kim AE-sun

The article is devoted to the analysis of self-leadership as a personal resource of the subject of coping. Self-leadership, being a systemic quality of personality, includes constructive thinking, responsibility, self-confidence, autonomy and authenticity, self-control, self-motivation, realistic optimism, tolerance to uncertainty, which allows the subject of coping to solve emerging life problems independently, show creative activity in situations of uncertainty, increase productivity and self-effectiveness through a conscious choice of behaviors in accordance with personal characteristics and requirements of a difficult situation.

Key words: self-leadership, personal resource, subject of coping, self-leadership strategies, coping strategies

Актуальность работы определяется объективной потребностью современного общества в развитии личности, способной самостоятельно решать возникающие жизненные проблемы, готовой к творческой активности в ситуациях неопределенности, повышению продуктивности и самоэффективности благодаря сознательному выбору способов поведения в соответствии с личностными особенностями и требованиями трудной ситуации. В связи с этим актуальной является проблема изучения и развития таких качеств человека, которые инициируют направленную не только на мир, но и на самого себя «творческую преобразующую активность субъекта, его целеполагающие действия, прогнозирование возможных исходов, творческое порождение новых решений трудной (проблемной) ситуации» [1: с. 184]. На наш взгляд, таким личностным качеством является самолидерство, определяющее способность субъекта целенаправленно влиять на

самого себя с целью преодоления трудностей и повышения самоэффективности при достижении обоснованных жизненных целей (Дж. Хоутон, Ч. Манц, А. Казан, К. Нек, С. Вильямс).

В современной отечественной психологии понятие «самолидерство» отсутствует, также как отсутствует диагностический инструмент для измерения названного психологического явления. При этом практические психологи, занимающиеся развитием жизнестойкости, расширением ресурсов совладания, самоактуализационного потенциала личности, проявляют к названному феномену большой интерес, о чем свидетельствуют многочисленные интернет-форумы и сайты, например Международный сайт по самолидерству (www.selfleadership.com), где обсуждаются проблемы самолидерства, запросы к практикующим психологам по обучению навыкам самолидерства.

В психологию понятие «самолидерство» впервые было введено в 1986 г. Ч. Манцом. Исследования

Воробьева Клариса Ивановна – доктор психологических наук, профессор кафедры социальной работы и психологии Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).

Vorobyova Klarisa Ivanovna – Doctor of Psychology, Professor of the Department of Social Work and Psychology at Pacific National University (Khabarovsk).

E-mail: klarisav2011@mail.ru

Ким Э Сун – соискатель кафедры социальной работы и психологии Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).

Kim AE-sun – PhD Student of the Department of Social Work and Psychology at Pacific National University (Khabarovsk).

E-mail: liliya@mail.ru

© Воробьева К.И., Ким Э.С., 2020

Ч. Манца основывались на социальной теории научения, на социальной когнитивной теории А. Бандуры (1991, 1986, 1977), на исследованиях самомониторинга Шнайдера, теории самомотивации Э.Л. Деси и Р.М. Райана (1985) и когнитивной терапии Бернса. В исследованиях Дж. Хоутона, Э. Брайанта, А. Казан, К. Нека, С. Вильямса самолидерство представлено как способность человека повышать самоэффективность с целью развития навыков принятия решений, личную продуктивность и эффективность, позитивное самовосприятие и самооценку, стремление к самореализации.

Дж. Хоутон, К. Нэк, Ч. Манц [5; 6] выявили взаимосвязь между самолидерством и саморегуляцией, самоуправлением и самоконтролем и пришли к выводу, что самолидерство есть «более всеобъемлющее» явление самовоздействия, чем саморегуляция, самоконтроль и самоуправление. В зарубежной психологии имеются исследования взаимосвязи самолидерства с другими личностными качествами: изучено влияние стратегий самолидерства на повышение чувства уверенности в себе (К. Карвер, М. Шайер, 1998), конструктивное мышление (Ч. Манц); на саморегуляцию (Э.Л. Деси и Р.М. Райан, 1985). Дж. Хоутон подтвердил наличие взаимосвязи самолидерства с навыком совладания со стрессом.

В отечественной психологии, несмотря на многочисленные исследования личностных факторов совладающего поведения (И.А. Джидарьян, Т.Л. Крюкова, Е.В. Куфтяк, М.С. Замышляева, Н.Е. Водопьянова, Е.С. Старченкова, К.Л. Гусева и др.), малоизученными остаются «жизнетворческие дарования личности» (Л.И. Анцыферова). В этой связи изучение самолидерства как «конструктивной силы» (К.А. Абульханова), как личностного ресурса субъекта совладания позволит выявить его роль в направлении активности субъекта совладания не только на преодоление трудных ситуаций, но и на поиск новых творческих решений, извлечение позитивного жизненного опыта; на активизацию стремления к самореализации.

Все вышесказанное позволяет выявить основные противоречия:

– между объективной потребностью в развитии личности, обладающей самолидерскими качествами, определяющими готовность к творческой преобразующей активности, в том числе в трудных ситуациях, и отсутствием исследований самолидерства как личностного ресурса субъекта совладания в отечественной психологии;

– между признанием взаимосвязи самолидерства с навыками совладания со стрессом и отсутствием теоретических и эмпирических данных о роли самолидерства как личностного ресурса субъекта совладания, взаимосвязи самолидерства с эффективностью совладания, стилем совладающего поведения, выбором субъектом адаптивных копинг-стратегий.

Обозначенная выше проблема обусловила цель настоящего исследования.

Цель исследования: выявить роль самолидерства как личностного ресурса совладающего поведения субъекта.

Гипотеза исследования: самолидерство является важным личностным ресурсом субъекта совладания и выступает предиктором совладающего поведения.

Теоретическая и методологическая основа исследования. При организации исследования мы опираемся на идею системности в психологии (Б.Ф. Ломов, А.В. Карпов) и представление о человеке как носителе активности (С.Л. Рубинштейн, К.А. Абульханова-Славская, Е.А. Сергиенко); концепцию самолидерства Дж. Хоутона, Ч. Манца, Э. Брайанта, А. Казан, К. Нека, С. Вильямса; теорию научения А. Бандуры, теорию совладающего поведения Р. Лазаруса.

Базовые теоретические положения определялись работами, выполненными в области психологии совладания с позиции субъектного подхода о том, что совладающее поведение принадлежит человеку как субъекту – свободному, независимому и самоэффективному (С.Л. Рубинштейн, А.В. Брушлинский, В.В. Знаков).

Диагностический инструментарий:

1. Опросник на определение уровня самолидерства RLSQ (The revised self-leadership questionnaire, J.D. Houghton, 2002) Дж. Хоутона в адаптации Ким Э Сун.

2. Опросник «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса в адаптации НИПНИ им. Бехтерева.

3. Методика для психологической диагностики копинг-механизмов Э. Хейма, адаптированная в лаборатории клинической психологии Психоневрологического института им. В.М. Бехтерева под руководством д-ра мед. наук, профессора Л.И. Вассермана.

Выборка: в эмпирическом исследовании приняли участие 345 респондентов обоего пола в возрасте 18–64 лет.

Практические задачи исследования:

1. Выявить группы респондентов с высоким, средним и низким уровнем самолидерства с помощью адаптированного опросника самолидерства RLSQ (The revised self-leadership questionnaire, J.D. Houghton, 2002) Дж. Хоутона.

2. Определить качественное и количественное разнообразие копинг-стратегий у респондентов с разными уровнями самолидерства.

3. Выявить особенности стилей совладающего поведения у респондентов с разными уровнями самолидерства.

4. Доказать, что самолидерство является важным личностным ресурсом субъекта совладания и выступает предиктором совладающего поведения.

Основные теоретические положения исследования

1. Сущность субъекта совладания

С позиции субъектного подхода, развиваемого в отечественной психологии, совладающее поведение

принадлежит человеку как субъекту – свободному, независимому и самоэффективному (С.Л. Рубинштейн, А.В. Брушлинский, В.В. Знаков) и обеспечивает человеку продуктивность, хорошее здоровье, благополучие благодаря сознательному выбору способов поведения в соответствии с личностными особенностями и требованиями стрессовой ситуации. Совладающее поведение, по мнению Т.Л. Крюковой, является не пассивным отражением качеств личности и особенностей жизненной ситуации, с которой столкнулся человек, а «зеркалом» его субъектной активности. Главным отличительным признаком совладающего поведения являются его субъектные характеристики, а оно само рассматривается как поведение субъекта. Осознанность как отражение уровня субъектности и как основной критерий совладающего поведения позволяет человеку быть эффективным и независимым в преодолении трудных ситуаций (Т.Л. Крюкова). Исходя из особенностей совладающего поведения субъект совладания характеризуется как человек, обладающий способностью к саморегуляции и самодетерминации, к конструктивному решению проблем, извлечению позитивного жизненного опыта в сложных ситуациях, сохранению аутентичности и самоцелеполагания для дальнейшего саморазвития.

2. Самолидерство как личностный ресурс субъекта совладания

Анализ исследований Ч. Манца, Э. Брайанта, А. Казан позволяет выделить основные личностные качества, определяющие содержание самолидерства: конструктивное мышление, ответственность, уверенность в себе, автономность и аутентичность, самоконтроль, самомотивацию, реалистичный оптимизм, толерантность к неопределенности.

На основе анализа концепта «самолидерство» в зарубежных исследованиях и близких к нему понятий «саморегуляция», «самоуправление», «самоконтроль», разработанных в отечественной психологии в рамках субъектного подхода, выявлены наиболее отличительные характеристики самолидерства как системного личностного качества субъекта жизни: способность к самопознанию, самомотивации, самоцелеполаганию и самоэффективности, а также выделены его основные структурные компоненты:

1) самознание (когнитивный компонент), которое включает: способность к конструктивному мышлению – понимание проблемной ситуации, ее соотнесение со своими возможностями, целями и интересами; концентрацию на позитивном результате решаемых задач, их реалистичности; анализ существующих сценариев собственного поведения, выявление нежелательных и создание новых более эффективных; способность к построению позитивного, активного и реалистичного образа собственного будущего;

2) самопринятие (эмоциональный компонент), которое включает: реалистичный оптимизм, позитивное самоотношение, способность концентрации на позитивных переживаниях и сохранения эмоционального равновесия, уверенность в себе, толерантность к неопределенности;

3) саморуководство (регулятивный компонент), которое включает: способность к регуляции своих когнитивных, эмоциональных и волевых процессов; способность к осуществлению контроля за ситуацией, самоконтроля за своими действиями и поведением; ответственность; способность к самомотивации и самонаправленности на эффективное преодоление препятствий для успешного выполнения поставленных задач.

Проведенный теоретический анализ самолидерства как психологического феномена позволяет отнести его к субъектным качествам личности и сформулировать определение названного феномена. Самолидерство – это системное личностное качество субъекта, включающее способность к самознанию, самопринятию и саморуководству, направляющее творческую активность субъекта на преодоление трудных ситуаций и повышение самоэффективности при достижении жизненных целей.

Теоретический анализ концепта «самолидерство» позволяет определить самолидерство как личностный ресурс субъекта совладания.

Названное теоретическое положение получило подтверждение в ходе эмпирического исследования.

Целью *первого этапа* эмпирического исследования явилось определение выраженности самолидерства у респондентов с помощью адаптированной методики RLSQ (The revised self-leadership questionnaire) Дж. Хоутона. Выявление различий уровня самолидерства у респондентов проводилось с помощью кластерного анализа методом *k*-средних с построчной оценкой. Различия полученных кластеров изучалось с помощью однофакторного дисперсионного анализа ANOVA. В ходе кластерного анализа была создана модель с показателями самолидерства, которые позволили с большим уровнем значимости выделить 3 кластера: 36 % респондентов с высоким уровнем самолидерства, 42 % респондентов со средним уровнем самолидерства и 22 % респондентов с низким уровнем самолидерства соответственно. Как видно из результатов кластерного анализа, выборка практически равномерно распределилась по уровням выраженности самолидерства.

Целью *второго этапа* эмпирического исследования стало выявление и анализ взаимосвязи уровня выраженности самолидерства и выбора респондентами определенных копинг-стратегий, их качественного и количественного разнообразия. Для решения названной задачи проводилось тестирование респондентов с помощью методики Р. Лазаруса «Способы совладающего поведения» в адаптации НИПНИ им. Бехтерева. Приведем полученные результаты.

В группе респондентов с *высоким* уровнем самолидерства наблюдается:

- высокий уровень напряженности по следующим копинг-стратегиям: планированию решения проблем (81 %), самоконтролю (75 %), положительной переоценке (75 %), принятию ответственности (74 %);

- средний адаптационный потенциал по таким копинг-стратегиям, как: поиск социальной поддержки (71 %), конфронтационный копинг (62 %), дистанцирование (57 %), бегство-избегание (55 %).

В группе респондентов со *средним* уровнем самолидерства наблюдается:

- высокий уровень напряженности по следующим копинг-стратегиям: планированию решения проблем (72 %) и самоконтролю (68 %);

- средний уровень по таким копинг-стратегиям, как: социальная поддержка (66 %), положительная переоценка (65 %), ответственность (64 %), конфронтационный копинг (55 %), дистанцирование (53 %), бегство-избегание (53 %).

В группе респондентов с *низким* уровнем самолидерства средние значения наблюдаются по всем восьми копинг-стратегиям: поиску социальной поддержки (57 %), планированию решения проблем (56 %), самоконтролю (54 %), принятию ответственности (52 %), бегству-избеганию (52 %), положительной переоценке (51 %), дистанцированию (49 %) и конфронтационному копингу (47 %). Наблюдается отсутствие ведущих копинг-стратегий.

Для большей наглядности различий во взаимосвязи уровня выраженности самолидерства и выбора копинг-стратегий респондентами приведем анализ показателей двух групп: с высоким и низким уровнем самолидерства. Для выявления значимых различий в выборе копинг-стратегий респондентами двух групп был использован U-критерий Манна–Уитни.

Между респондентами с высоким и низким уровнем самолидерства значимые различия наблюдаются по конфронтационному копингу ($U = 925,5$ при $p < 0,0001$), самоконтролю ($U = 724$ при $p < 0,0001$), поиску социальной поддержки ($U = 1208$ при $p < 0,0001$), принятию ответственности ($U = 679,5$ при $p < 0,0001$), планированию решения проблемы ($U = 932$ при $p < 0,0001$), положительной переоценке ($U = 618,5$ при $p < 0,0001$). Уровень выраженности перечисленных адаптивных копинг-стратегий у респондентов с высоким уровнем самолидерства значительно выше, чем у респондентов с низким уровнем самолидерства, о чем свидетельствует значение показателя уровня достоверности ($p < 0,0001$).

Выявленные копинг-стратегии соотносились с показателями по шкалам опросника RLSQ Дж. Хогтона, определяющими стратегии самолидерства. Сравнительный анализ взаимосвязи отдельных стратегий самолидерства с выбором респондентами конкретных копинг-стратегий, проведенный с помощью множественного регрессионного анализа

прямым пошаговым методом, позволил установить определенные закономерности. Анализ β -коэффициентов показал следующие результаты:

- высокий уровень конфронтационного копинга будет определяться высоким уровнем визуализации успешного выполнения задач ($\beta = 0,21$) и высоким уровнем самоощущения ($\beta = 0,2$);

- более высокий уровень дистанцирования будет определяться высоким уровнем фокусировки мыслей ($\beta = 0,28$) и высоким уровнем визуализации успешного выполнения задач ($\beta = 0,23$);

- более высокие значения самоконтроля будут определяться высоким уровнем самолидерства ($\beta = 0,71$) и низким уровнем самонаказания ($\beta = -0,2$);

- более высокие значения поиска социальной поддержки будут определяться более высоким уровнем самолидерства ($\beta = 0,25$), более высоким уровнем самонаблюдения ($\beta = 0,23$) и низким уровнем целеполагания ($\beta = -0,31$);

- более высокие значения принятия ответственности будут определяться более высоким уровнем самонаказания ($\beta = 0,35$), самоощущения ($\beta = 0,15$) и диалога с самим собой ($\beta = 0,13$);

- более высокие значения бегства-избегания будут определяться более высокими значениями самоощущения ($\beta = 0,26$) и диалога с самим собой ($\beta = 0,18$);

- более высокие значения планирования решения проблемы будут определяться более выраженным общим уровнем самолидерства ($\beta = 0,41$) и менее выраженным диалогом с самим собой ($\beta = -0,22$);

- более высокие значения положительной переоценки будут определяться более высоким общим уровнем самолидерства ($\beta = 0,49$).

Сравнительный анализ полученных результатов позволяет выделить основные отличия в выборе копинг-стратегий респондентами с высоким и низким уровнем самолидерства:

- проявление высокой когнитивной активности в анализе трудной ситуации респондентами с высоким уровнем самолидерства, способности к планированию решения проблемы, поиску адекватных способов и средств ее преодоления, положительной переоценке ситуации; сохранение контроля за своими реакциями и действиями и принятие ответственности за решение проблемы; способность использовать социальную поддержку. При этом респонденты редко уклоняются от решения проблемы и, в отличие от респондентов с низким уровнем самолидерства, готовы противостоять трудностям, отстаивать свои позиции. Выбор стратегии самоконтроля респондентов определяется общим высоким уровнем самолидерства. Высокие значения принятия ответственности определяются высокими показателями по таким шкалам опросника, как «самонаказание» ($\beta = 0,35$), «самоощущение» ($\beta = 0,15$) и «диалог с самим собой» ($\beta = 0,13$), т.е. способностью самоубеждения в необходимости и важности для себя самого и для других преодоления проблемной ситуации;

– проявление спонтанности в выборе копинг-стратегий респондентами с низким уровнем самолидерства, что связано с отсутствием предпочитаемых стратегий, слабым контролем за своим поведением, перекладыванием ответственности за исход ситуации на других, что может приводить к выбору стратегий совладания, неадекватных ситуации или своим возможностям.

Результаты множественного регрессионного анализа позволили нам сделать следующие общие выводы о наличии взаимосвязи самолидерства с выбором респондентами определенных копинг-стратегий в стрессовых ситуациях. Во-первых, общий уровень самолидерства на 33 % детерминирует уровень выраженности копинг-стратегий. Во-вторых, наше предположение о наличии взаимосвязи отдельных структурных элементов самолидерства с конкретными копинг-стратегиями подтвердилось частично, а именно копинг-стратегия «принятие ответственности» определяется высоким уровнем стратегии самолидерства «самонаказание» ($\beta = 0,35$). А такие копинг-стратегии, как самоконтроль, поиск социальной поддержки ($\beta = 0,25$), планирование решения проблемы ($\beta = 0,41$) и положительная переоценка ($\beta = 0,49$), находятся во взаимосвязи с общим показателем самолидерства, а не с его отдельными компонентами (стратегиями).

Таким образом, анализ взаимосвязи уровня выраженности самолидерства и доминирующих копинг-стратегий у респондентов позволил выявить следующее:

1. У респондентов с высоким уровнем самолидерства доминирующими копинг-стратегиями являются самоконтроль, поиск социальной поддержки, принятие ответственности и планирование решения проблем; у респондентов с низким уровнем самолидерства доминирующие копинг-стратегии отсутствуют.

2. Общий показатель уровня самолидерства, а не его отдельные компоненты детерминирует выбор респондентами определенных копинг-стратегий.

Проведенный анализ результатов диагностического исследования позволяет сделать вывод о том, что высокий уровень самолидерства предопределяет выбор субъектом совладания адаптивных копинг-стратегий в трудных (проблемных) ситуациях.

Задача *третьего этапа* эмпирического исследования – выявление доминирующих стилей совладающего поведения у респондентов с разным уровнем самолидерства. Для решения поставленной задачи использовалась методика «Психологическая диагностика копинг-механизмов» Э. Хейма. Чтобы выявить статистически значимые различия в стилях совладающего поведения у респондентов с разными уровнями самолидерства, был использован непараметрический критерий χ^2 Пирсона.

Качественный анализ частотных характеристик стилей совладающего поведения у лиц с разным

уровнем самолидерства позволяет нам сделать следующий вывод: у респондентов с высоким уровнем самолидерства доминируют продуктивные и относительно-продуктивные стили совладания, а у респондентов с низким уровнем самолидерства на фоне доминирования относительно-продуктивного стиля достаточно ярко представлены непродуктивные стили совладающего поведения.

Заключение

Проведенный анализ результатов исследования с помощью диагностических методик Дж. Хоутона в адаптации Ким Э Сун (определение уровня самолидерства), Р. Лазаруса (определение способов совладающего поведения) и Э. Хейма (психологическая диагностика копинг-механизмов) позволяет сделать общие выводы:

– у респондентов с высоким уровнем самолидерства доминирует продуктивный стиль совладающего поведения, при этом в трудных (проблемных) ситуациях респонденты чаще выбирают адаптивные копинг-стратегии: планирование решения проблем, самоконтроль, поиск социальной поддержки, принятие ответственности;

– у респондентов с низким уровнем самолидерства доминируют относительно-продуктивный и непродуктивный стили совладающего поведения, при этом не выявлено преобладающих копинг-стратегий и зафиксирован средний уровень их проявления.

На основе полученных результатов мы можем сделать вывод, что высокий уровень самолидерства предопределяет продуктивный стиль совладающего поведения и выбор субъектом совладания эффективных копинг-стратегий, что доказывает справедливость гипотезы о том, что самолидерство является важным личностным ресурсом субъекта совладания и выступает предиктором совладающего поведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крюкова, Т.Л. Психология совладающего поведения / Т.Л. Крюкова. – Кострома : Студия оперативной полиграфии «Аквантитул», 2004. – 344 с.
2. Совладающее поведение: Современное состояние и перспективы / под ред. А.Л. Журавлева, Т.Л. Крюковой, Е.А. Сергиенко. – Москва : Институт психологии РАН, 2008.
3. Houghton, J.D. The abbreviated self-leadership questionnaire (ASLQ): a more concise measure of self-leadership / J.D. Houghton, D. Dawley, T.C. DiLiello // International Journal of Leadership Studies. – 2012. – Vol. 7(2). – P. 216–232.
4. Kazan, A.L. Exploring the concept of self-leadership: factors impacting self-leadership of Ohio Americorp's Members / A.L. Kazan. – Ohio State University, Agricultural and Extension Education, 1999.
5. Manz, C.C. Mastering self-leadership: empowering yourself for personal excellence / C.C. Manz, C.P. Neck. – 6 ed. – Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 2012. – 192 p.
6. Neck, C.P. Two decades of Self-leadership theory and research: past developments, present trends, and future possibilities / C.P. Neck, J.D. Houghton // Journal of Management Psychology. – 2006. – № 21. – С. 270–295.

DOI: 10.31079/1992-2868-2020-17-4-31-39

ЖИЗНЕСТОЙКОСТЬ КАК КРИТЕРИЙ СУБЪЕКТНОСТИ ЛИЧНОСТИ

Л.П. Лазарева

Автор статьи исходит из позиции, что критерием субъектности является жизнестойкость человека, под которой подразумевается способность своего личностного потенциала в любых условиях социума. В статье делается попытка изучения сложной природы жизнестойкости личности в аспекте развитости её субъектности, где совмещены имманентная предрасположенность и результативность социального воздействия на процесс личностного развития, имеющие результат в качественном уровне жизнестойкости.

Ключевые слова: жизнестойкость, жизнеспособность, субъект, субъектность, предрасположенность, социально-личностная развитость, образовательный процесс, человекоцентрированность.

RESILIENCY AS A CRITERION OF PERSONAL AGENCY

L.P. Lazareva

The author of the article proceeds from the position that the criterion of subjectivity is the resiliency of a person, which means his ability of his personal potential in any conditions of society. The article explores the complex nature of a person's resiliency in the aspect of the development of its subjectivity, which combines an immanent predisposition and the effectiveness of social influence on the process of personal development, resulting in a qualitative level of resiliency.

Key words: resiliency, vitality, subject, subjectivity, predisposition, social and personal development, educational process, human-centered.

По большому счету, человек приходит в этот мир, чтобы выстоять в нем и, если хватит способностей и умений, оставить в нем отпечаток своей личности. Между субстанциями «человек» и «мир» есть еще одна субстанция – «посредник», который апробирует личностные силы человека, экзаменует его на жизнестойкость. Эта субстанция не что иное, как общество, которое неизменно, независимо от исторических, культурных, экономических условий, требует от человека доказательства жизнестойкости, умения занять достойное место.

Во времена исторических «сломов», когда старые устои уже не могут удерживать каркас старых общественных отношений, а новые еще не достроены, поэтому хрупки и ненадежны, гораздо труднее обустроить свою жизненную деятельность, чем во времена «затишья».

Еще семнадцать лет назад, в 1993 г., при подготовке очередного доклада «О положении молодежи в Российской Федерации» был сделан вывод о том, что современная российская молодежь имеет очень невысокий уровень жизнеспособности.

В общеметодологическом плане «жизнеспособность» (данная дефиниция есть провозвестник жизнестойкости) определяют как понятие, в объем которого входит множество целостных техниче-

ских, биологических, социобиологических и социальных систем. Оно выражает интегральную способность целостной системы к устойчивости, к сохранению своих функций в изменяющихся условиях внешней и внутренней среды. Система такого рода сохраняет свою жизнеспособность в определенных границах изменения среды. В этих границах она устойчива к воздействиям и успешно противостоит им, их деструктивному влиянию. Жизнеспособность всей системы зависит от функционирования подсистем жизнеобеспечения, необходимых для сохранения ее целостности и эффективности выполнения целевых функций.

Жизнеспособность целостной функционирующей системы имеет свой ресурс, который изменяется в течение всего периода его сосуществования. Исчерпав свой ресурс, данная система либо разрушается, либо больше не способна выполнять свои функции. Так, например, человек при рождении имеет низкий уровень жизнеспособности, который постепенно повышается, проходит свой максимум (точка «акмэ»), а затем понижается и достигает того уровня, когда человек перестает быть живым функционирующим организмом.

Говоря о жизнестойкости как категории, нравственно возвышающейся над жизнеспособностью,

Лазарева Лариса Петровна – доктор педагогических наук, профессор кафедры теории и методики педагогического и дефектологического образования Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).

Lazareva Larisa Petrovna – Doctor of Pedagogical sciences, Professor of the Department of Theory and Methodology of Pedagogical and Defectological Education at Pacific National University (Khabarovsk).

E-mail: Larisa-mich@list.ru

© Лазарева Л.П., 2020

автор считает возможным представить ее в виде способности человека проецировать свой личностный потенциал на окружающее социальное пространство вне зависимости от комфортности общественных условий.

Жизнестойкость можно видеть как социальную характеристику качественного уровня развитости жизненных сил человека, в первую очередь, начиная от предпосылок (психофизиологических свойств личности, стиля семейного воспитания, детского опыта контакта с окружающим миром и т.д.). Но определяющий фактор формирования жизнестойкости «укреплен» в периоде активной социализации личности, который приходится на годы пребывания в дошкольном, школьном, послешкольном учебном заведении, т.е. везде, где человек накапливает свою образованность, развивает свою субъектность.

Образованность – это не чрезмерная наполненность информационными «доспехами», а способность человека, пользуясь накопленными знаниями, совершенствовать себя самостоятельно, умение, сохраняя свою индивидуальность, вносить свой вклад в мировую копилку, «на свой лад пребывать в мире».

Именно умение «на свой лад пребывать в мире», оставаясь полезным миру, и есть показатель жизнестойкости человека, успешности его субъектной ценности, его удовлетворенности своей миссией, в итоге – подтверждение того, что человек является подлинной личностью.

«Подлинная личность и даже индивидуальность может быть выстроена только из материи общественно-культурной жизни. Другого материала в руках взрослого педагога просто не существует, если не считать такой материей натуральную телесность, присущую каждому из нас. Но из телесности можно построить только тело, а стояла задача вырастить человека во всех измерениях – и телесных, и душевных, и духовных, сделать его способным к самостоянию в универсуме человеческого бытия» [4: с. 11–12].

Способность к «самостоянию» и есть то, что понимается под жизнестойкостью человека: способность самостоятельно мыслить и принимать правильное решение; способность не бояться нестандартных ситуаций; способность контролировать ситуацию.

Идя от представления о том, что субъектность – «всё то, что относится к субъекту»¹, видим задачу, прежде всего, в понимании природной направленности субъектности возрастающего человека.

Само понятие субъекта («активное самосознающее начало душевной жизни, которое противопо-

ставляет себя внешнему миру и своим собственным состояниям, рассматривая их как объект»²) вбирает в себя неизбежность таких компонентов его структуры, как активность, самостоятельность, креативность, коммуникабельность и другие личностно-социальные характеристики, обеспечивающие успешность жизнедеятельности личности.

Это факт безусловной данности, его аксиоматичность не требует подтверждения. Однако интересна другая сторона вопроса – вероятность субъективной самореализации личности при природном наличии этих качеств в структуре характера, но требующих апробации и развития в социуме. То есть тем самым определяется факт неизбежности создания условий социально-личностного воспитания и самовоспитания человека, начиная с младенческих этапов его жизни.

Тезис высказываемого положения таков: успешность жизнедеятельности субъекта первоначально предопределена природными факторами, которые, однако, могут не сыграть своей результативной роли при отсутствии позитивного средового влияния. Рассмотрим более подробно это положение, аргументируя его данными от науки.

Как отмечает В.М. Русалов, исследуя природные предпосылки и индивидуально-психофизиологические особенности личности, «...многочисленные экспериментальные данные, полученные в последние годы на близнецах и популяционно-генетических исследованиях, убедительно свидетельствуют о наследственной природе не только свойств нервной системы, но и многих индивидуально-психологических свойств, таких как активность, эмоциональность, социабельность, импульсивность и др. ...».

«Каждый конкретный человек получает от природы в силу своей общей конституции строго определенный диапазон "нормы реакции" биохимических, биомеханических, соматических, нейрофизиологических и т.д. свойств. В результате биологического развития у него формируется индивидуальный уровень обмена, мышечного развития, определенные свойства нервной системы и т.д. Эти индивидуально-устойчивые и иерархически организованные биологические компоненты с самого раннего детства включаются в выполнение самых различных видов деятельности – от сосательного и хватательного поведения до игры, учебы, труда.

На первых этапах развития человека (сразу же после рождения) имеют место, по-видимому, разные скорости выполнения деятельности, может наблюдаться разная пластичность, разные эмоцио-

¹ Краткая философская энциклопедия. Москва : Прогресс – Энциклопедия, 1994. 441 с.

² Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Философия и литература. Мифология и религия. Язык и культура. Москва : Эксмо, 2004. С. 501.

нальные реакции и т.д. Однако по мере созревания и развития человека в условиях конкретной социально-исторической среды, благодаря постоянству и генетической устойчивости биологических компонент, постепенно у каждого индивида складывается некая присущая только ему обобщенная скорость, обобщенная пластичность, обобщенная эмоциональность и другие обобщенные характеристики поведения и деятельности» [3].

Итак, выше был рассмотрен первоначальный (вернее, базовый) фактор предполагаемой успешности субъекта, безусловно, имеющий объективный характер. Второе условие достижения успеха в деятельном самоосуществлении субъекта – своевременное «включение» потребности в самосовершенствовании своей субъектности (с 12 до 24 лет) и овладение психологическими инструментами её удовлетворения. Базовое условие успешности этого процесса – образовательный процесс (в любом образовательном учреждении, которое соответствует возрасту возрастающего человека, – детский сад, общеобразовательная, профессиональная школа), который должен быть пространством личностного развития субъекта, а также их наставников – воспитателей, учителей, вузовских преподавателей. И ребёнок, воспитанник детского сада, и подросток-школьник, и юноша-студент должны учиться доступному в их возрасте «самостоянию» в собственной жизни. В итоге обучающийся должен приобрести не вечный нетленный кладёз, а лишь основу для восполнения знаний возрастающего уровня. Умение делать это и есть показатель его субъективной жизнестойкости.

Здесь говорится не о том, что жизнестойким человеком нужно быть только сейчас, в наше трудное противоречивое время. Быть таким необходимо всегда, независимо от исторического момента или социальных условий, в которых живет человек. Подтвердить это можно тем, что жизнестойкость есть совокупное качество характера человека, позволяющее ему осуществлять свою деятельность так, что она приносит пользу и ему, и окружающим.

Однако остается открытой педагогическая проблема – каким образом должен строиться образовательный процесс, к примеру, в высшей школе, чтобы готовящиеся к самостоятельному выходу в жизнь молодые профессионалы чувствовали себя достаточно уверенными не только в «радиусе» своих профессиональных действий, но и в личном жизненном пространстве? Поиск ответа на этот вопрос определил задачу поиска новых теоретических и практических путей организации образовательного процесса в высшей школе. Принцип новизны определяется как принцип полезности решений и находок педагогической науки и практики, ориентированных на помощь

молодым людям в саморазвитии их личности, в обретении навыков «самостояния».

Воспитание жизнестойкой личности – цель и задача в педагогике одновременно. В то же время это и проблема, имеющая характер непреходящей, вечной актуальности. Причем существует один нюанс: каждой исторической эпохе свойственны свои особенности общественного состояния (воспринимаемого в социуме как норма) и развития сообщества (кастового, национального, мирового и т.д.), которые неизменно переводятся на педагогический язык. Социально-культурные особенности нынешнего российского общества требуют от преподавателей всех уровней системы образования новой педагогической компетентности, потому что с её помощью можно разомкнуть кольцо проблем образования и общества. Высокий педагогический профессионализм преподавателя может предотвратить агрессивность, экстремизм, а также профессиональную некомпетентность и поднять низкий социокультурный уровень молодежи.

Созидание как стиль жизнедеятельности и современный мир с его жесткой требовательностью и личностной устойчивостью человека – две данности или два фигуранта смыслового пространства жизнестойкости. Чтобы ответить на вопрос, каким образом они могут совмещаться, – обратимся к характеристике современного этапа, даваемой экономической наукой, которая рассматривает его как переход от индустриального этапа к постиндустриальному. Последний характеризуется такими свойствами, как увеличение доли творческого труда, возрастание роли научного знания и информации, применяемых в производстве, а также преобладанием в структуре экономики сферы услуг, науки, образования и культуры над промышленностью и сельским хозяйством.

Важнейшими факторами, определяющими требования к профессиональным качествам специалистов, являются следующие: способность обеспечить уровень технологичности производственных процессов (т.е. использование персонального компьютера и информационных технологий на рабочих местах как основного инструмента создания и обработки информации), развитие и применение новейших методологических подходов, обусловленных результатами научных исследований, в различных областях хозяйственной деятельности.

Отсюда исходят основные цели, стоящие перед образованием:

- обучение с целью приобретения новых навыков работы с программным и аппаратным обеспечением теми сотрудниками, которые выполняют работу с повышенным уровнем автоматизации;
- переобучение тех работников, чей труд заменен работой нового оборудования;

– обучение персонала, выполняющего новые задания и связанного с применением нового оборудования и информационных технологий в производственном процессе.

При этом главная задача учебных заведений, готовящих профессионалов высокого уровня, заключается, во-первых, в создании условий для подготовки специалистов по направлениям, определяемым экономическими возможностями региона. Во-вторых, необходимо осуществлять учебный процесс таким образом, чтобы он способствовал формированию навыков саморазвития и творческих подходов. Последняя задача стоит также перед организациями и предприятиями, обеспечивающими обучение своих сотрудников.

И все это возможно решить, следуя принципам качественного преподавания, построенного на креативных и интерактивных подходах. Такие реализуются за счет педагогических методов, позволяющих отрабатывать определенные навыки и применять практические знания на конкретных примерах, осуществлять моделирование ситуации и т.д. Они возможны в аудитории, мотивированной на интеллектуальный поиск и творческую активность. Наличие их у студентов подтверждает должный уровень педагогической культуры у преподавателей, творческий стиль их профессиональной деятельности или, в общем, прежде всего – их жизнестойкости (можно прочесть – субъектности).

Вспомним, у Гегеля и Кьеркегора бесконечная субъектность является признаком самостоятельности духовной жизни. Можно сказать и по-другому, в современном контексте: человек буквально приговорен к исполнению жизненного долга бесконечной субъектности. Однако и тот и другой контексты не снимают сложности вопроса: что есть духовная жизнь современного человека в её сложной структуре?

Идея жизнестойкости представляется нам скоплением интеллектуально-духовных философских находок, способных в какой-то дозволенной мере прикоснуться к тайне Человека как высшего земного существа, могущего не только пасть под тяжестью своей несовершенной самости, но и возвыситься за счет неустанного самосовершенствования своих духовно-нравственных, интеллектуальных возможностей, заключенных в его человеческой природе.

Нахождение себя через постижение смысла собственного личностного бытия и исполнение смысловой роли по оптимуму своих возможностей, причем полезных обществу, – такова общая картина многогранных аспектов проблемы жизнестойкости человека в философской литературе. Н.А. Бердяев не открыл, а лишь подтвердил явное: «Проблема человека не может быть подменена проблемой субъекта, трансцендентального сознания, ни про-

блемой духа, ни проблемой идеальных ценностей, идеей добра, истины, красоты и пр., человек не есть субъект гносеологии, не есть идеальная ценность этики, логики, генетики. В человеке пересекаются все круги бытия. Психологизм должен быть преодолен в философии, но антропологизм не может быть преодолен. Философия должна быть сознательно, а не наивно антропологичной» [4].

Поскольку, согласно С.И. Гессену, педагогика есть «прикладная философия», она тоже должна быть сознательно, намеренно, целенаправленно антропологичной. Понятие «образование», будучи одной из категорий педагогики, «должно пониматься и осваиваться как особая философско-антропологическая категория, фиксирующая фундаментальные основы бытия человека и формулу становления человеческого в человеке. Мирозренческое значение антропологических идей в образовании состоит в понимании человека как творческого самосозидающего существа, в признании человеческой личности как самоценности, ее приоритета перед государством, в рассмотрении образования как атрибута человеческого бытия, а не как функции общества» [4: с. 15].

Думается, что сегодня мы перед фактом колоссального сдвига общественного сознания в сторону представления образования как функции общества. Ставшая дискуссионной тема «Образование – это общественное благо или услуга?» выявляет в публичном обсуждении немало сторонников последней позиции – «услуга» со всеми вытекающими отсюда смысловыми атрибутами.

Условия, активизирующие упрощение контента понятия «услуга», имеют ряд позиций социально-экономического и социально-культурного характера. Проникнув в различные виды человеческой деятельности, она уже стала господствующей. Практически все рассматривается сегодня как товар или услуга, а любому человеку присваивается звание «производитель» или «потребитель».

Экономика определяет общественное благо как то, которое потребляется коллективно всеми гражданами независимо от того, платят они за него или нет. Можно сказать, что общественное благо – это макроуровень образования; конкретный же человек воспринимает образование на микроуровне как услугу. Существует достаточно сложная классификация экономических благ, и место высшего образования в ней определено нечетко, поэтому можно утверждать, что высшее образование не является ни чисто частным, ни чисто общественным благом. Скорее высшее образование отчасти представляет собой смешанное общественное благо. Важнейшей его особенностью следует считать то, что оно имеет высокие положительные внешние эффекты с точки зрения развития экономической системы.

Чем выше уровень образования в стране, тем больше возможностей для развития экономики. Квалифицированные кадры обеспечивают высокие темпы экономического роста, вместе с тем повышается социальный уровень развития общества.

В свою очередь, высокий уровень образования важен не только для самого человека, но и для страны в целом. Или, говоря другими словами, благо образованности личности есть благо всего общества. Следовательно, антропологический подход к образовательному процессу имеет следствием высокий уровень социально-экономического развития общества, потому что «образование – это всеобщая культурно-историческая форма развития существенных сил человека» (В.И. Слободчиков).

«Образование является сложнейшей формой общественной практики, его роль и место на данном историческом этапе в масштабе всего постсоветского пространства исключительны и уникальны. В ситуации кризиса социальной и культурной жизни именно образование становится пространством личностного развития каждого человека, создавая тем самым условия становления жизнеспособного общества» [4: с. 25].

Жизнестойкость – высший критерий жизнеспособности и общества в целом, и каждой личности, представляющей это общество. Проблема, вынесенная на страницы этого исследования, состоит в выяснении сущности условий образовательного процесса в вузе, развивающих способности будущих профессионалов к успешной жизнедеятельности. Ядро проблемы – определение тех педагогических условий, которые предопределяют саморазвитие жизнестойкости молодых людей во множестве характерологических качеств личности.

В качестве методологического обоснования этих условий обратимся к антропологическим смыслам философского наследия. Теоретические поиски философских подходов к идее жизнестойкости позволяют утвердиться во мнении о всеобщей и всевременной обращенности мыслителей к проблеме достойного выживания, причем в антропологической данности их представлений. Исходя из этого, следует взять за истину, что о человеке нужно говорить только с позиции антропологической философии, которая в своей глубинной сути есть особый метод мышления, принципиально не подпадающий под разряд ни формальной, ни диалектической логики.

Еще из древней философии (Аристотель, Платон) исходит мнение, что знание само по себе, без нравственного оснащения, есть вещь бесполезная. Знания должны быть связаны истинными мнениями. Причем «...истинные мнения тоже остаются при нас, вещь очень неплохая и делают немало добра: не только они долго не хотят оставаться при нас, они

улетучиваются из души человека и поэтому не так ценны, пока он их не свяжет суждением о причинах. Будучи связанными, мнения становятся, во-первых, знаниями – и, во-вторых, устойчивыми» [2].

Авторская точка зрения: «знания, связанные мнениями», есть то, что потом в философии назовут ценностным выбором. Это суть одно, а именно основа устойчивости как творческой субстанциональности в развитой и развивающейся личности жизнестойкого человека.

У Аристотеля развитость способностей к жизнестойкости (как видится теперь, в XXI в.) открывается в мудрости и рассудительности, которые есть два критерия умственной зрелости людей, готовых к полноценному восприятию мира и участию в нем. В «Метафизике» он говорит: «...Человек, имеющий опыт, считается более мудрым, нежели те, кто имеет (лишь) чувственное восприятие, а владеющий искусством более мудрым, нежели имеющий опыт, наставник – более мудрым, нежели ремесленник, а науки об умозрительном (freorelikial) – выше искусств творения (paieletikal). Таким образом ясно, что мудрость есть наука об определенных причинах и началах» [5].

По Аристотелю мудрость обеспечивает полноценную творческую жизнедеятельность человеку, если он всесторонне развит, богат научными познаниями, владеет искусством и духовно развивается. Рассудительность, о которой он говорит, видится плодом образованности человека, подтверждением развитости его личности, т.е. жизнеспособности. Человек не может разделять свою рассудительность на общие (государственные) и частные (личные) помыслы. Рассудительность должна быть личностным достоянием, которое приносит пользу и ему самому, и государству, в котором он живет.

На эту философскую позицию можно посмотреть и с такой точки зрения: полноценная включенность человека в общество происходит при условии, если его личностные добродетели служат общим интересам, укрепляют социальные устои общества. Интеллектуальные и волевые достоинства человека, востребованные обществом, делают их сосуществование взаимоудовлетворяющим, а человека, следовательно, счастливым. Счастье человека, по Аристотелю, это энергия завершенной жизни сообразно завершенной доблести. Нельзя считать счастливым человека с «рабским образом мышления».

Не рабство – мысли, характера, духа, а их сила, способная выстоять в любых испытаниях, и есть жизнестойкость как особое качество личности. Такую модель понятия жизнестойкости можно видеть не только у Аристотеля или других древних философов, но и во всех философских учениях, происходящих из антропологических источников, в проекции на определенные параметры времени, или вне

зависимости от него, идея жизнестойкости в философии имеет свое абсолютно воспроизводимое ядро, а её «верхние оболочки» переживают модификацию, созвучную условиям времени. Одно из таких условий – парадигма образования, его приоритеты, принципы, «обязательные» технологии и требуемые компетенции, которым так много уделяется внимания с 90-х гг., знаменитых 90-х, прошлого столетия.

Сегодня об образовании, о том, каким ему быть в сумбурное, непростое время, говорится много, неожиданно противоречиво и, как видится, не совсем определено. Уже сказано и еще будет, несомненно, сказано о роли компетенций, которыми должны обладать молодые специалисты. Не отрицая важности технологической подготовки в вузе будущих профессионалов, все же скажем о том, что составляет проблему нашего времени, – «Человека забыли».

Уточним, это произнесено не впервые, а сказано Львом Семеновичем Выготским, который характеризовал современную ему психологию. Борис Сергеевич Братусь, современный ученый, спрашивает: «Разве не ту же характеристику можно во многом характеризовать и современной нам психологии, и современной педагогике, где антропологический принцип столь часто бывает затушеван как в грубых (смешение с психикой животного), так и в тонких формах (игнорирование проблем ценностей, совести, милосердия и т.п.)» [1: с. 7].

Трудно представить образование без главной его персоны, его цели, его ценности – человека, но, однако, обезглавленная фигура образования как призрак цифровизации пришла в современный мир. Источником проблемы, как видится нам, кроется в забвении предназначения образования – обретении человеком образованности, в искаженном представлении образованности как способности трансформера – интеллектуала существовать в новом мире.

Развитие природы полноценной субъектности происходит (как ни наивно это звучит) при акценте на человеке в образовательном процессе. Проследим на примере образовательного процесса в вузе возможности укрепления жизнестойкости – субъектности будущих профессионалов.

Во-первых, такая возможность открывается в отношении к студенту как к субъектной индивидуальности образовательного процесса. Следует заметить, что в исследованиях состояния современного и перспектив будущего образования затрагивается вопрос проявившихся противоречий, без решения которых человечество окажется в плену неразрешимых проблем. Одна из них проявляется в противоречии между универсальным и индивидуальным: глобализация культуры постепенно приобретает всеобщий характер, отчего возникает опасность забвения уникального характера каждой личности, ее предназначения выбирать свою судь-

бу и реализовать все имеющиеся у нее возможности, используя для этого все богатства и традиции собственной культуры. Отсюда возникает проблема: как может образование помочь человеку сохранить свою индивидуальность?

Решение этой проблемы видится, во-первых, через развитие потребности молодого человека в непрерывном образовании (в поиске, развитии способностей к достижению своих высших возможностей). Сегодняшнее состояние мира таково, что человек испытывает необходимость возобновлять образование каждый раз, когда сталкивается с новшествами, проявляющимися как в его личной, так и в профессиональной жизни. Чтобы решать этот постоянно возникающий вопрос, человек должен научиться учиться. Как его научить учиться?

Прежде всего, человек должен понять, чему он должен учиться, и научиться, как это делать. Понимая, что ему, именно ему, нужно и как этого нужно достигать, человек сохраняет и совершенствует свою индивидуальность. Чтобы молодой человек постиг сокровенное своей личности, образовательный процесс должен соответствовать возможностям организации эффективной педагогической поддержки саморазвития его жизнестойкости.

Во-вторых, в процессе обучения у человека должно развиваться умение творчески мыслить: научиться не только пользоваться одним или несколькими методами решения проблем, но и поиску при множестве неизвестных и одном известном – знании того, что он может.

Также в вузе его должны научить со-деятельности – совместному анализу и поиску, осуществлению совместных проектов, разумному решению неизбежных конфликтов.

Обучаясь профессии, сегодняшний студент должен научиться приобретать знания. Из вуза молодой человек должен вынести умение сочетать достаточно широкие возможности глубокого постижения ограниченного числа дисциплин. Общий культурный уровень является основой, необходимой для того, чтобы учиться на протяжении всей жизни.

Ко всему сказанному добавим еще и то, что образование должно научить человека приобретать компетентность: будущему специалисту в вузе должны быть созданы условия для совершенствования в своей профессии, для развития способности справляться с различными ситуациями, в том числе с теми, которые невозможно предвидеть; научиться работать в группе. Компетентность станет доступнее, если студенты, помимо учебы, будут участвовать в различных видах профессиональной или социальной деятельности.

И, наконец, человеку нужно научиться жить: образование должно развивать в нем интерес к своим глубинным способностям, к совершенство-

ванию памяти, способности к размышлениям, воображению, к развитию физических возможностей, эстетических чувств, лидированию.

Средством создания такой системы служит, во-первых, формирование воспитательного пространства, под которым понимается педагогически целесообразно организованная среда, окружающая социализирующихся молодых людей; педагогически организованная студенческая группа, студенческое сообщество факультета, вуза; коллектив преподавателей, объединенных идеей педагогической поддержки саморазвития жизнестойкости студентов; различные вузовские структуры, призванные к содействию во всестороннем развитии личности студентов – общественные организации, факультет дополнительных профессий и т.д.

Все элементы, входящие в педагогическое пространство саморазвития жизнестойкости молодых людей, рождают объединяющие их задачи: содействие студентам в саморазвитии социальных чувств до степени востребованности высших чувств; развитие внимания студентов к объектам получения эстетического, интеллектуального удовольствия в пределах вузовского гуманитарного пространства; научение молодых людей анализу мотивации по ценностно-ориентационным критериям конкретной человеческой деятельности – своей и чужой.

Педагогическая деятельность по осуществлению указанных задач является практическим средством реализации идей жизнедеятельности в образовательном пространстве. Необходимо узнать и другие не менее важные направления практического обоснования идей жизнедеятельности будущих профессионалов в образовательном пространстве вуза. Это формирование нового отношения студента (выпускника) к методологической подготовке по каждой дисциплине и прежде всего – фундаментальной. У молодого профессионала (будущего и состоявшегося) должна развиваться востребованность основы, на которой выстраивается фундаментальная подготовка. Общность фундаментальной подготовки создает равные возможности для «образования через всю жизнь», способствует творческому развитию и самореализации личности.

При таком подходе идея жизнедеятельности в образовательном пространстве выражается в развитии потребности студентов в использовании потенциала фундаментальных дисциплин, развитии у будущих специалистов профессиональной мобильности – умения оперативно реагировать на постоянно возникающие изменения в практической и научной деятельности, общественной практики в целом. Вуз при организации такой деятельности готовит выпускника как специалиста-методолога, умеющего востребовать и использовать «аппарат» каждой дисциплины (методологию, основные по-

нятия и положения) в интегративной (междисциплинарной) связи с другими, как средство решения задач (проблем) в познавательной и профессиональной деятельности. Это станет возможным благодаря разработке и переходу на научно обоснованную концепцию междисциплинарной интеграции, адекватной требованиям качественного развития образования. Главный принцип действия этого механизма – самосовершенствование гуманистической компетенции студентов и преподавателей, выступающее как средство достижения эффективности педагогического общения.

Как и всякое явление, жизнестойкость человека имеет признаки, отражающие его сущностное. Главнейшим из них является самотрансценденция личности в окружающее ее людское пространство, или же, по-другому, – успешность ее социализации. Интересно попытаться представить педагогическую модель структурирования связей между «Я» молодого человека и всеми другими Я субъектов его социальной среды. Из всех социальных связей самыми близкими (непосредственными) связями для человека в течение всей его жизни являются связи с его семьей (или другой микроструктурой общества, заменившей ее). Наличие этой близости скорее подтверждается не фактами сопричастности выхода из семьи, а унаследованием концепции, образцов, стереотипов деятельностного восприятия мира. Можно сказать так: со взрослением человека возрастает трансфер его разумно-чувственного опыта осваивания жизни в расширяющееся социальное пространство.

Применительно к жизнедеятельности студентов структура дальнейших социальных связей в типичном ее варианте выглядит следующим образом: молодой человек и наиболее значимые для него люди (чаще всего друзья-ровесники или люди близкого к ним возраста); молодой человек и его студенческая группа; молодой человек и преподаватель (преподаватели); молодой человек и люди, находящиеся вне круга его ближайшего общения из семейно-родственного и учебно-деятельностного окружения. Причем все эти связи не изолированы, а «пронизывают» друг друга и взаимодействуют друг с другом, как звенья в электрической сети последовательного соединения, когда при повреждении одного из них приходят в неисправность все последующие. Педагог вуза в этой живой цепи социальных связей может детерминировать саморазвитие жизнестойкости взрослеющих людей примером своих активных гуманистических воззрений на мир.

Средством выражения его жизненной активности служит общение, способное удовлетворять главные социальные потребности всех его субъектов. В сущности, общение между учителем и учениками, преподавателем и студентами является

критерием успешности педагогического процесса. Явление общения становится центральным для педагогики жизнестойкости, так как порождает такие феномены, как восприятие и понимание субъектами общения друг друга, творческое партнерство и общая жизнедеятельность в данности их совместного жизненного пространства.

Считаем уместным характеризовать педагогическое общение, основу которого задает субъект-субъектная фабула, как гуманистическое, и в дальнейшем пользоваться этим определением. Гуманистическое общение соответствует своей истинной характеристике тогда, когда несет в себе истинно человеческое (субъектность и самоценность человека, помогающие отношения, самотрансценденция человеческого существования и т.д.). Но чтобы педагогическое общение заслуживало оценки гуманистического, оно должно ответить ряду таких требований, как: целостность личности субъектов общения, выраженность в структуре личности гуманистической ориентации, конвергентность понимания субъектов общения.

В аспекте данного подхода к интегральной проблеме гуманизации общения саморазвитие жизнестойкости (теперь не только уже младших субъектов педагогического общения, но и старших) предстает явление экзистенции себя в другого, экзистенции совместного бытия.

Еще один важный аспект человекоцентрированной организации образовательного процесса – гуманизация личности субъектов образовательного процесса. Гуманизация личности означает развитость у человека гуманистических ориентаций, видение в себе не только реального человека, который есть в наличии, но и возможного человека, т.е. человека с точки зрения того, чем он может быть и должен еще стать (М.К. Мамардашвили, В.П. Зинченко). Осознание перспективности своего развития означает для человека вызов обыденности жизни, готовность к «прерыванию своего автоматизирования себя, с разрыванием оков причинно-следственных целей» (Т.М. Бруйкас). На «прерывания себя» способен лишь тот человек, который усовершенствовал свои личные возможности настолько, что не чувствует ограничивающей его возможности от профессии, которой обучился в вузе, осознает себя человеком, готовым обнаруживать новые для себя виды жизнедеятельности и реализовываться в них. Постоянному совершению чего-то нового человека специально обучить невозможно, но «заразить» его страстью к творческому поиску – реально, если в течение всего периода обучения в вузе исподволь, в деле убеждать его в превосходстве творчества над обыденной серостью. Той серостью, которая проявляется в требовании следовать представленному примеру, стро-

гому соблюдению стандарта в курсовой работе, ответе на экзамене, где преувеличенно строго соблюдают дистанцию между «мной» и «ими»; чем искусно обучают будущих профессионалов формализму и бездушию. Манипуляции в педагогическом процессе страшны тем, что угнетают в молодых людях потребность будущей активности субъекта, учат сосредоточиваться только на том, что здесь и теперь, ценить фактическое материальное и обесценивать неподдающееся точным измерениям.

Гуманистическая ориентация, доминирующая в структуре личности субъекта обучения, – это подтверждение эффективности педагогического общения. Будучи сложным образованием, ориентация включает в себя взгляды, суждения, убеждения, приобретенные человеком в процессе жизненного пути, являя собой своеобразный ансамбль психологических свойств личности. Гуманистичность «ансамбля» опознается по ряду характерных, присущих только ей, особенностей. Главной из таких особенностей можно считать готовность человека к пониманию других людей. В коммуникационном процессе, в условиях любой деятельности (от игровой до трудовой, включая и учебную) развитые способности к пониманию продуцируют феномен взаимопонимания. Взаимопонимание субъектов обучения выражается в адекватном отражении друг друга, в осознании мотивации действий и поступков. Оно стимулирует саморегуляцию взаимодействующих сторон, способствующую преодолению межличностных противоречий.

Взаимопонимание выступает результатом целенаправленного стабильного саморазвития как старших, так и младших субъектов педагогического общения. Но процесс не состоится, если нравственно-профессиональные качества педагога (человеколюбие, искренность, гражданская ответственность, мастерство, гуманистическая компетентность) окажутся не- или малосостоятельными.

Современные исследователи (Л.В. Попова, С.В. Кондратьева, Е.А. Паньков, И.И. Рыданова) говорят о нескольких уровнях многоаспектности в педагогическом общении. По их мнению, оно складывается, во-первых, из понимания учителем учащихся, во-вторых, из понимания учащимися друг друга. Эта модель полноценного взаимопонимания между субъектами педагогического общения обнаруживает себя и в вузовском социуме.

Педагог как руководитель учебно-воспитательного взаимодействия призван сыграть координирующую роль в организации целостного процесса взаимопонимания. Он выступает не как абстрактный наблюдатель и фиксатор личностных проявлений воспитанника, а как непосредственный участник, организатор и руководитель разнообразной деятельности и общения, включая создание ситуа-

ций, способствующих его индивидуальности (по И.И. Рыдановой).

Понимание преподавателем состояния других людей, понимание молодыми людьми состояния преподавателя органично связано с целостным развитием их личности, свидетельствует о конвергентности гуманизации субъектов общения. Однако при этом не уходит надобность соблюдения ролевых позиций: старший субъект общения по-прежнему остается направляющим, младший ощущает инициирование и отвечает на него своим творческим вариантом личностного самовыражения человеческого. Гуманистически развитый молодой человек обладает социально-психологической терпимостью, которая в период обучения его в вузе определяет культуру его отношения к педагогам, к сотоварищам, а впоследствии в самостоятельной профессиональной жизни позволит чувствовать и слышать каждого человека.

Личность, познавшая опыт гуманистического общения, трансцендирует его в новое сообщество. Человек с опытом субъект-субъектного общения способен к конструктивным контактам без обращения к «силовому» авторитарному давлению на более слабых или зависящих от него людей. У такого человека к тому же в достаточной степени развиты навыки поддержания психического здоровья – своего и чужого. Он позитивен в отношении к себе и людям. И, наконец, человек, прошедший школу гуманистического общения, вырастает в руководителя демократического стиля. У авторитарного преподавателя воспитываются преемники с такими

же жесткими, давящими установками; преподаватель-демократ силой личного примера учит оценивать факты, а не личность, управлять собой и быть уверенным в себе. Верящий в себя человек умеет не изменять себе – своему таланту, предназначению, своим возможностям реализации, т.е. умеет «на свой лад пребывать в мире».

Создавая условия для полноценного саморазвития личности молодых людей в процессе обучения, педагоги способствуют укреплению потенциала их субъектной жизнестойкости. При этом появляется надежда, что в нашем обществе прибавится людей, которые могут быть по-настоящему счастливыми благодаря собственному труду и собственным возможностям ума, сердца, души.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Братусь, Б.С.* «Закат империи зла» глазами психолога / Б.С. Братусь. – Берлин, 1993.
2. *Платон.* Сочинения. В 3 т. / Платон ; под общ. ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса ; [пер. с древнегреч.]. – Москва : Мысль, 1968. – Т. 1. – С. 407–408.
3. *Русалов, В.М.* Природные предпосылки и индивидуально-психофизиологические особенности личности / В.М. Русалов // Психология личности в трудах отечественных психологов. – Санкт-Петербург : Питер, 2000. – С. 66–74.
4. *Слободчиков, В.И.* Антропологическая перспектива отечественного образования / В.И. Слободчиков. – Екатеринбург : Издательский отдел Екатеринбургской епархии, 2009. – 264 с.
5. *Аристотель.* Метафизика / Аристотель // ЛитМир. – С. 1. – URL: //litmir.me.br/?=15935 48 з=1 (дата обращения: 07.09.2020).

САМОПРИНЯТИЕ КАК ЛИЧНОСТНЫЙ РЕСУРС ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ

Т.С. Пилипенко

В статье осуществлен краткий теоретический обзор отечественных исследований жизнестойкости, сделан акцент на изучении жизнестойкости с позиции субъектного подхода, определены критерии жизнестойкости субъекта. Рассмотрены научные подходы к исследованию понятия «личностные ресурсы». Автор предполагает наличие личностных характеристик, являющихся ресурсами жизнестойкости субъекта. Обсуждается проблема феномена самопринятия как субъектной характеристики. Анализ научных подходов позволяет сделать вывод, что самопринятие, активизируя процессы самопознания, инициируя механизмы саморегуляции, оказывает устойчивое положительное воздействие на поддержание жизнестойкости субъекта, что проявляется в стремлении человека к самосовершенствованию, самоактуализации, достижению поставленных целей.

Ключевые слова: жизнестойкость, субъектная активность, личностные ресурсы, условное и безусловное самопринятие.

SELF-ACCEPTANCE AS A PERSONAL RESOURCE OF RESILIENCY

T.S. Pilipenko

The article provides a brief theoretical review of domestic research on resiliency. It focuses on the study of resiliency from the perspective of the subject approach, and defines the criteria for the resiliency of the subject. Scientific approaches to the study of the concept of "personal resources" are considered. The author assumes the presence of personal characteristics that are the resources of the subject's resiliency. The problem of the phenomenon of self-acceptance as a subject characteristic is discussed. The analysis of scientific approaches allows us to conclude that self-acceptance by activating the processes of self-knowledge, initiating mechanisms of self-regulation, has a stable positive impact on maintaining the subject's resiliency, which is manifested in a person's desire for self-improvement, self-actualization, and achievement of goals.

Key words: resiliency, subjective activity, personal resources, conditional and unconditional self-acceptance.

Введение

Несмотря на то, что категория «жизнестойкость» в психологии является относительно молодой, психологическая наука активно изучает данный феномен. В работах отечественных психологов жизнестойкость исследуется с разных подходов: жизнестойкость как личностный ресурс (С.Л. Рубинштейн, Б.Г. Ананьев, М.А. Одинцова), как черта личности (Д.А. Леонтьев, А.А. Климов) и ее интегральная характеристика (Т.В. Наливайко, А.Н. Фоминова). Жизнестойкость характеризуют как системное свойство личности, связанное с определенными навыками и установками (С.А. Богомаз, М.А. Одинцова), убеждениями (М.В. Логинова, Т.В. Конюхова, Е.Т. Конюхова), как общую способность адаптирующейся личности (Л.А. Александрова), как проявление интегральной индивидуальности (Т.В. Наливайко, А.Н. Фоминова) и др.

С точки зрения Д.А. Леонтьева жизнестойкость характеризуется «мерой преодоления личностью заданных обстоятельств, а в конечном счете самого себя» [14: с. 7]. Т.В. Наливайко рассматривает жизнестойкость как интегральную характеристику лично-

сти, представляющую совокупность взглядов на осмысленность и ценность жизни, отношение к самому себе, определенных характеристик поведения, опирающихся при этом на «природные свойства личности, но носящие социальный характер» [19: с. 10]. С.А. Богомаз исследует жизнестойкость как интегративное психологическое свойство, которое возникает при особом сочетании установок и навыков, что позволяет трансформировать сложные жизненные ситуации в новые возможности.

Одним из актуальных направлений исследований жизнестойкости является изучение этого феномена с позиции субъектного подхода. Не употребляя термин «жизнестойкость», С.Л. Рубинштейн, по сути, говорит о ней: «...выход за пределы самого себя есть становление и вместе с тем реализация человеческой сущности», это и есть жизнестойкость. Субъект, согласно А.В. Брушлинскому, – «это человек, люди, на высшем (индивидуализировано для каждого из них) уровне активности, целостности (системности), автономности и т.д.» [3: с. 93]. С позиции Л.И. Анцыферовой, формирующиеся в деятельности умения справляться с

Пилипенко Татьяна Сергеевна – начальник отделения психологической работы отдела морально-психологического обеспечения Дальневосточного юридического института МВД России (г. Хабаровск).

Pilipenko Tatyana Sergeevna – Head of the Psychological Work Institution of the Department of Moral and Psychological Support of the Far Eastern Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs (Khabarovsk).

E-mail: tapily@mail.ru

© Пилипенко Т.С., 2020

трудностями образуют фундамент стойкости субъекта, при этом активность субъекта направлена и на внешние обстоятельства, и на изменение самого себя. Категория жизнестойкости с позиции субъектного подхода наполняется новым содержанием: активным жизненным позиционированием, конструктивным самовыражением, самоэффективностью, самоинтеграцией и др. Обобщая научные труды по данной теме, можно определить, что критериями жизнестойкости субъекта будут являться: субъектная активность, способность к самораскрытию, самоизменению, саморегуляция. Таким образом, жизнестойкая личность – это «носитель субъектной активности, направленный на раскрытие своего жизненного потенциала и преобразование окружающего мира в его объективных условиях» [5: с. 118].

Проблема

Несмотря на накопленные теоретические и эмпирические знания по исследованию жизнестойкости, еще недостаточно изучены личностные ресурсы, способствующие поддержанию и повышению жизнестойкости субъекта, позитивно влияющие на процесс управления ею.

В настоящее время, обращаясь к проблеме изучения личностных характеристик, оказывающих влияние на процессы саморегуляции и самодетерминации, активно участвующие в организации деятельности и поддержании психологического благополучия, различные авторы все чаще используют термин «личностный ресурс».

Исследованием понятия «ресурсы личности» занимаются такие отечественные психологи, как Д.А. Леонтьев, В.А. Бодров, В.А. Либина, Н.Е. Водопьянова, О.А. Конопкин, В.И. Моросанова, Л.Г. Дикая, А.К. Осницкий, В.А. Толочек. С позиции таких ученых, как А.Г. Асмолов, А.Б. Орлов, личностные ресурсы рассматриваются в контексте гармоничного развития личности и обеспечения ее психологического благополучия (Д.А. Леонтьев, Т.Ю. Иванова). А.В. Брушлинский, К.А. Абульханова-Славская, Л.Г. Дикая, В.А. Моросанова обращаются к теме личностных ресурсов при изучении личности субъекта адаптации, а также с позиции преодоления неблагоприятных, кризисных ситуаций (Н.Е. Водопьянова). Согласно исследованиям как отечественных, так и зарубежных психологов личностные ресурсы инициируют активность субъекта, обладают такими характеристиками, как осознанность, оптимальность, ценность, возможность компенсации личностных или жизненных проблем, обеспечение возможности дальнейшего самосовершенствования и саморазвития личности. Обобщая накопленные исследования по данной проблеме, личностные ресурсы можно представить как своеобразные активаторы поведения, которые спо-

собствуют реализации связи субъекта с окружающей средой, тем самым выполняя «ключевую роль в процессах саморегуляции, поддержания психологического благополучия, успешной деятельности, в том числе и в сложных ситуациях» [8: с. 7]. Необходимо отметить, что одним из подходов в отечественной и зарубежной психологии является исследование жизнестойкости как основного ресурса личности. Вместе с тем перспективным направлением в изучении данной категории является исследование жизнестойкости как субъектной характеристики, в связи с чем наиболее актуальным представляется вопрос об изучении личностных характеристик, способствующих жизнестойкости субъекта.

Таким личностным ресурсом жизнестойкости можно определить феномен самопринятия. Самопринятие занимает особое положение в структуре саморазвивающейся личности, именно самопринятие есть связующее звено между самопознанием и саморазвитием, которое является пусковым механизмом саморегулирования, способствует самоутверждению, самосовершенствованию и самоактуализации личности. Феномен самопринятия не только способствует позитивному оцениванию себя, внутреннему комфорту личности, но прежде всего активизирует работу субъекта по самоисследованию, что, в свою очередь, влияет на организацию и регуляцию его жизнедеятельности. Данный подход позволяет рассматривать самопринятие как характеристику субъекта, при этом в своем становлении самопринятие видоизменяется, модифицируется внутреннее содержание этого феномена: от условного самопринятия как личностного свойства к безусловному как субъектной характеристике.

Исходя из вышесказанного феномен самопринятия можно обозначить как личностный «ориентир», «ресурс», «генератор активности» жизнестойкости субъекта, при котором возможен доступ к огромным резервам самопознания, целенаправленного поведения, обеспечивающего рост и развитие и, как следствие, повышение, поддержание высокого уровня жизнестойкости.

Таким образом, целью исследования является теоретический анализ самопринятия как личностного ресурса жизнестойкости субъекта.

Гипотеза исследования: феномен самопринятия способствует активности, целостности и устойчивости личности, является связующим звеном в процессах самопознания и саморазвития, что, в свою очередь, детерминирует влияние безусловного самопринятия на повышение и поддержание высокого уровня жизнестойкости субъекта.

Основным методом исследования является понятийно-терминологический анализ психологической литературы.

Результаты исследования

Понятие «самопринятие» является сложным и неоднозначным феноменом, который исследуется не только в различных отечественных и зарубежных теориях психологии, но и в философии. В философии идеи самопознания, принятия как мировоззренческой проблемы являются фундаментальными: от философов античности с сократовской установкой «познай самого себя» до философов XX в. экзистенциального направления, цели которых состояли в обучении человека распознаванию своего истинного «Я», осознанию и принятию себя, своих эмоций с возможностью дальнейшей самореализации, а также подготовке человека к принятию несовершенства себя и этого мира.

К проблеме принятия себя, понимания себя в этом мире обращались великие русские классики литературы. В романе «Война и мир» Л.Н. Толстого поднимается вопрос: «что значит быть самим собой?», ответом является готовность человека быть честным по отношению к самому себе и окружению. В рассказах И.А. Бунина процесс самопознания, поиск своего индивидуального пути заключается в познании и принятии себя через испытания, обучение и опыт. В произведениях А.П. Чехова герои задаются вопросами, как отличить верность себе от нежелания развиваться, почему так сложно понять и принять себя.

Вместе с тем, несмотря на все предпосылки к глубокому исследованию самопринятия, изучение данного феномена как характеристики самоактуализирующейся личности началось относительно недавно.

В психологии к теме самопринятия обращались такие ученые, как С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, А.Б. Орлов, Д.А. Леонтьев, в зарубежной экзистенциальной, гуманистической психологии тема самопринятия занимает одно из центральных мест (В. Франкл, К. Роджерс, А. Маслоу и др.). Феномен самопринятия рассматривается в контексте самоотношения, в рамках позитивного отношения к себе (В.В. Столин, С.Р. Пантеев, Н.К. Радина), как признание себя и уважения себя как личности (С.Л. Братченко, М.Р. Миронова), как признание права на существование всех аспектов собственной личности и личности в целом [16]. К.А. Абульханова отмечает, что для того, чтобы выбрать оптимальные способы организации жизнедеятельности, самореализации, выстроить свою собственную стратегию жизни, человеку необходимо «совершить глубокую "инвентаризацию" своего психического, личностного, жизненного "снаряжения"» [1: с. 162], т.е. осознать и принять не только свои сильные, но и слабые стороны.

В общем смысле этого слова принятие – это умение гармонично взаимодействовать с реальностью, переживание достоверности жизни, толе-

рантность к неопределенности, к потерям, неудачам. Феномен самопринятия позволяет субъекту признавать свои реальные возможности, не только собственную уникальность и неповторимость, но и уязвимость, несовершенство; по мнению Ф.Е. Василюка, это определенная смелость и мужество принятия своих переживаний, том числе и негативных, их ценности как механизма развития и изменения личности.

Личность с высоким уровнем самопринятия характеризуется не столько позитивным отношением к себе, сколько объективной оценкой себя, своих возможностей, принятием всего внутреннего мира со всеми его «плюсами» и «минусами», что, в свою очередь, способствует принятию всех сложностей и нюансов самой жизни, реальности такой, как она есть.

По мнению О.В. Хухлаевой и С.М. Колковой, способность к самопринятию свойственна зрелой, целостной личности, личности жизнестойкой, психологически здоровой. Согласно исследованиям авторов феномен самопринятия представлен во всех компонентах психологического здоровья, это и умение принимать как положительные, так и отрицательные свойства своей личности (аксиологический компонент), и способность человека осознавать и принимать свои разные по модальности эмоциональные состояния (инструментальный компонент), и потребность человека в саморазвитии, где самопринятие выступает ключевым, начальным этапом.

Анализируя самопринятие как личностный ресурс, можно сделать вывод, что данный феномен, активизируя процессы самопознания, иницируя механизмы саморегуляции, оказывает устойчивое положительное воздействие на поддержание жизнестойкости субъекта, что проявляется в стремлении человека к самосовершенствованию, самоактуализации, достижению поставленных целей.

Вместе с тем при изучении феномена самопринятия как личностного ресурса жизнестойкости необходимо отметить его неоднозначность и амбивалентность. Это проявляется в том, что, несмотря на понимание самопринятия как феномена, в котором потенциально содержится переживание истинности жизни, освобождение от страданий и страхов, спокойное переживание неопределенности жизни, самопринятие может «перерасти в снобизм и самодовольство» [16: с. 16].

В современном понимании самопринятия произошло смещение интерпретации этого феномена с позиции объективного, осознанного принятия себя со всеми достоинствами, недостатками, с дальнейшей работой по самосовершенствованию, саморазвитию на позицию пассивного принятия с категоричными установками «любите меня таким, какой я есть», что, в свою очередь, может способствовать созданию у человека идеализированного образа

своего Я, а «рассогласование между таким образом и скромными достижениями в реальной деятельности порождает скрытую ненависть и презрение к себе» [4: с 36].

Данная проблема выводит на первое место возможности и условия дифференциации самопринятия условного и безусловного: высокий уровень самопринятия может быть связан как с позитивным отношением к себе, так и с включением защитных механизмов, отражающих определенные жизненные или социальные установки, широко распространенные в современном обществе. Декларирование высказываний «я такой, какой есть, и другим не буду», «я не изменюсь», «это моя суть, природа» как нельзя лучше отражает суть самопринятия условного, которое характеризуется неприятием или неумением осознавать свои истинные эмоциональные состояния, чувства, мотивы (С.М. Колкова, Е.П. Киселева). В этом случае феномен самопринятия представляется как противоположность развитию, тормозящая или останавливающая активность человека. Личность, выбирающая такую стратегию самопринятия, не умеет или не желает преодолевать возникающие в жизни трудности, происходит обесценивание самой жизни, снижение жизнестойкости личности. Безусловное самопринятие характеризуется определенным уровнем развития осознанности, рефлексивности, не только терпимости к себе, но и объективности, доступностью для переживаемого опыта, без попыток ограничения негативного и продления положительного опыта, что, в свою очередь, будет повышать и поддерживать жизнестойкость субъекта.

Таким образом, изучая самопринятие как характеристику, способствующую поддержанию и повышению жизнестойкости субъекта, обозначая данный феномен как «генератор активности», мы приходим к выводу об уникальности самопринятия как ресурса личности. При этом амбивалентность феномена самопринятия как личностного ресурса проявляется в дихотомии значимости принятия как отрицательного, так и положительного в самом себе. Чем основательнее субъект проводит работу по самоисследованию, осуществляя «ревизию» своего внутреннего состояния: наличие дискомфорта, негативных состояний, эмоций, чувств, не вытесняя и не избегая, принимая весь спектр жизненных переживаний, тем эффективнее и объемнее осуществляется дальнейшая работа по саморазвитию и самосовершенствованию, принятие самого себя есть начало изменений. Осознание и принятие своих особенностей, имеющих отрицательную эмоциональную окраску, принятие своего негативного опыта расширяет горизонты дальнейшего роста и самораскрытия, повышая жизнестойкость субъекта. При этом положительное отношение к себе, без-

условная любовь к себе, уважение, понимание и принятие себя как уникальной индивидуальности, субъекта собственной жизни, самобытности является той опорой, стержнем, на которые субъект может ориентироваться в сложных жизненных ситуациях, обеспечивать самореализацию, выстраивать собственную стратегию жизни.

Выводы

Таким образом, с позиции субъектного подхода безусловное самопринятие возможно определить как феномен, связанный с активизацией процессов самопознания, обеспечивающий не только целостность и устойчивость личности, но и иницирующий субъектную активность личности для ее дальнейшего самораскрытия, саморазвития, самоактуализации, способствующий поддержанию жизнестойкости субъекта.

Таким образом, изучение психологической литературы по проблеме самопринятия дает нам основание рассматривать данный феномен как один из личностных ресурсов жизнестойкости субъекта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абульханова, К.А. Мировоззренческий смысл и значение категории субъекта / К.А. Абульханова // Вестник Красноярского гос. пед. ун-та им. В.П. Астафьева. – 2016. – С. 162–168.
2. Антонова, Н.А. О феноменологии принятия / Н.А. Антонова // От истоков к современности. – Москва : Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2015. – С. 5–7.
3. Брушлинский, А.В. Деятельностный подход и психологическая наука / А.В. Брушлинский // Вопросы философии. – 2001. – № 2. – С. 89–95.
4. Волкова, М.Н. Психология субъекта : хрестоматия / М.Н. Волкова. – Владивосток : Морской гос. ун-т, 2007. – 182 с.
5. Воробьева, К.И. Ассертивность как системообразующее свойство субъекта адаптации / К.И. Воробьева // Вестник Бурятского гос. ун-та. – 2012. – Спецвыпуск «Д». – С. 118–124.
6. Воронина, М.Ф. Ресурсные факторы жизнестойкости / М.Ф. Воронина, Е.А. Карпова // Социология и право. – 2013. – № 3. – С. 5–11.
7. Иванова, Е.В. Теоретический анализ концепции жизнестойкости личности в отечественных и зарубежных исследованиях / Е.В. Иванова // Качество. Инновации. Образование. – 2015. – № 12. – С. 37–43.
8. Иванова, Т.Ю. Функциональная роль личностных ресурсов в обеспечении психологического благополучия : дис. ... канд. психол. наук / Т.Ю. Иванова. – Москва, 2016. – 205 с.
9. Илюшина, М.И. Концептуализация представлений о ресурсной субъектности / М.И. Илюшина, И.П. Краснощеченко // Прикладная юридическая психология. – 2017. – № 1. – С. 138–146.
10. Киселева, Е.П. Самопринятие и стремление к самосовершенствованию субъектов образовательного процесса вуза как фактор направленности учебной мотивации студентов : автореф. дис. ... канд. психол. наук / Е.П. Киселева. – Курск, 2008. – 26 с.

11. *Колкова, С.М.* Безусловное самопринятие как фактор развития гуманистических качеств личности будущих психологов : автореф. дис. ... канд. психол. наук / С.М. Колкова. – Красноярск, 2006. – 20 с.
12. *Колкова, С.М.* Самопринятие как составляющая психологического здоровья человека / С.М. Колкова // Психологическое здоровье человека: жизненный ресурс и жизненный потенциал. – Москва, 2012. – С. 69–76.
13. *Конюхова, Т.В.* Жизнестойкость личности как особый паттерн установок освоения социокультурного пространства / Т.В. Конюхова, Е.Т. Конюхова // Известия Томского политехнического ун-та. – 2013. – Т. 322, № 6. – С. 110–114.
14. *Леонтьев, Д.А.* Личностный потенциал: структура и диагностика / Д.А. Леонтьев. – Москва : Смысл, 2011. – 680 с.
15. *Логинава, М.В.* Жизнестойкость как внутренний ключевой ресурс личности / М.В. Логинава // Вестник Московского ун-та МВД России. – 2009. – № 6. – С. 19–22.
16. *Маралов, В.Г.* Основы самопознания и саморазвития : учебное пособие для студентов средних педагогических учебных заведений / В.Г. Маралов. – Москва : Академия, 2004. – 256 с.
17. *Орлов, А.Б.* Психология личности и сущности человека: парадигмы, проекции, практики : пособие для студентов психологических факультетов / А.Б. Орлов. – Москва : Академия, 2002. – 272 с.
18. *Пугач, Л.Ю.* Теоретическое осмысление понятия «жизнестойкость» личности в трудах зарубежных и отечественных авторов / Л.Ю. Пугач, А.А. Альмешкина // Журнал психиатрии и медицинской психологии. – 2018. – № 1. – С. 32–40.
19. *Фомина, А.Н.* Жизнестойкость личности : монография / А.Н. Фомина. – Москва : Прометей, 2012. – 121 с.
20. *Хухлаева, О.В.* Основы психологического консультирования и психологической коррекции : учебное пособие для студентов высших педагогических учебных заведений / О.В. Хухлаева. – Москва : Академия, 2001. – 208 с.

DOI: 10.31079/1992-2868-2020-17-4-45-49

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ИСПОЛНЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ

Л.Ф. Вязникова

Е.В. Солодовник

В статье исследуется взаимосвязь эмоциональной направленности с экзистенциальной исполненностью личности. Авторы предполагают, что феномены эмоциональной направленности личности человека и его экзистенциальной исполненности имеют общую эмоционально-ценностную природу и обуславливают понимание экзистенциальной сущности человека.

Ключевые слова: эмоциональная направленность личности (ЭНЛ), типы эмоциональной направленности, экзистенциальная исполненность (ЭИ), фундаментальные экзистенциальные мотивации.

RELATIONSHIP OF EMOTIONAL ORIENTATION AND EXISTENTIAL PERSONALITY FULFILMENT

L.F. Vязnikova

E.V. Solodovnik

The article explores the relationship of emotional orientation with the existential fulfillment personality. The authors suggest that the phenomena of the emotional orientation of a human personality and its existential fulfillment have a common emotional and value nature and determine the understanding of the existential essence of a person.

Key words: emotional orientation of personality, types of emotional orientation, existential fulfillment, fundamental existential motivations.

Понятие «экзистенциальная исполненность» появилось в психологии В. Франкла как понятие, описывающее интегральное переживание человеком своей жизни в настоящий момент. В. Франкл полагал [11], что личность движима стремлением к смыслу. Понятие экзистенциальной исполненности легло в основу представления о качестве жизни как чувства глубокого удовлетворения и согласия в ситуации, затрагивающей его духовное измерение. Развивая концепцию В. Франкла, А. Лэнгле дополняет взгляд на внешний мир обращенностью к миру внутреннему: к эмоциональности, к вопросам аутентичности и самостановления [10]. Экзистенциальная исполненность может быть описана как степень приближения к экзистенции – подлинной, глубокой, наполненной смыслом и ценностями жизни.

В своей концепции фундаментальных экзистенциальных мотиваций А. Лэнгле описывает шаги

актуализации личности как условия, которые должны быть выполнены, чтобы экзистенция состоялась: отношения с данностями существования (с миром, с его условиями и возможностями), отношения с динамичной, витальной стороной бытия (с жизнью, с ее отношениями и чувствами), отношения с самим собой (как с уникальной автономной личностью) и отношения с будущим (стремление к смыслу). Им соответствуют четыре фундаментальные экзистенциальные мотивации [5–7]. Реализация этих мотиваций позволяет человеку полностью актуализировать свое личностное начало.

Понятие «внутреннее согласие» Лэнгле тесно связывает с понятием «эмоциональность», так как внутреннее согласие переживается как чувство и основывается на соотношении внешних условий с собственным отношением к ним [9]. Эмоциональность рассматривается им как специфическое вос-

Вязникова Любовь Федоровна – доктор психологических наук, профессор кафедры психологии Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).

Vyaznikova Lyubov' Fedorovna – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Psychology at Pacific National University (Khabarovsk).
E-mail: lviaz@inbox.ru.

Солодовник Елена Викторовна – кандидат физико-математических наук, доцент, магистр психологии, доцент кафедры промышленного и гражданского строительства Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).

Solodovnik Elena Viktorovna – Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor, Master of Psychology, Associate Professor of the Department of Industrial Civil Engineering at Pacific National University (Khabarovsk).
E-mail: esolodovnik@yandex.ru

© Вязникова Л.Ф., Солодовник Е.В., 2020

приятие значимого для жизни. Эмоции с точки зрения экзистенциального анализа обнаруживают персонально значимые ценности человека

А. Лэнгле в работе [8] обосновывает и подчеркивает определяющую роль чувственного восприятия, переживания, эмоциональности в процессе формирования экзистенциальной исполненности. Таким образом, эмоциональность играет ведущую роль в понимании и достижении «по-настоящему хорошей жизни».

В этой связи представляет интерес концепция эмоциональной направленности личности Б.И. Додонова [3], в которой эмоциональные переживания человека рассматриваются не только в своей основной, оценочно-отражательной функции, но и дополнительно в функции относительно самостоятельных ценностей для личности. Эмоциональная направленность определяется ученым как эмоциональная характеристика личности, которая проявляется в ценностном отношении и стремлении ее к определенным видам эмоциональных переживаний. Согласно Б.И. Додонову «психологизация физиологических (органических) потребностей связана с формированием у человека системы представлений и идей, образующих его духовный мир» [3: с. 47]. Б.И. Додонов выделил десять следующих категорий «наиболее желанных переживаний», к которым стремится тот или иной человек и которые характеризуют его индивидуальность: альтруистические, коммуникативные, глорические, практические, пугнические, романтические, гностические, эстетические, гедонистические, акизитивные.

В работах современных ученых исследование эмоциональной направленности является важнейшим вектором изучения ценностной сферы человека. О.Н. Доценко [4] рассматривает понятие эмоциональной направленности как индикатор ценностных ориентаций специалиста, раскрывает влияние гуманистического и гармонизирующего компонентов в профиле эмоциональной направленности на риск развития профессионального выгорания врачей и учителей. Е.В. Четовникова [12] исследует взаимосвязь ценностных предпочтений и проявлений общей эмоциональной направленности личности. Эмоции являются фундаментом области психического развития человека. М.Ю. Дербенева [1] изучает связь структуры эмоциональной направленности личности с направленностью познавательных интересов подростков. Н.Е. Яблонски [14] исследует взаимосвязь видов эмоциональной направленности с функциональными психическими состояниями, обуславливающими характер эмоционального симптомокомплекса: тревожностью, депрессией, уровнем нервно-психической устойчивости, самочувствием, активностью и настроением. Р.М. Шамионов [13] исследует взаимосвязь видов эмоци-

ональной направленности личности с субъективным благополучием личности.

В данной работе мы рассматриваем феномен эмоциональной направленности личности (ЭНЛ) в контексте экзистенциально-аналитического подхода. Мы предполагаем, что феномены эмоциональной направленности личности человека и его экзистенциальной исполненности (ЭИ) имеют общую эмоционально-ценностную природу и обуславливают понимание экзистенциальной сущности человека.

Основной целью нашего исследования является изучение особенностей взаимосвязи эмоциональной направленности и экзистенциальной исполненности человека. В группу участников исследования вошло 72 человека – студенты разных факультетов Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск) в возрасте от 18 до 22 лет.

Эмпирическое исследование осуществлялось поэтапно в соответствии с задачами исследования:

1) определением уровней фундаментальных мотиваций и экзистенциальной исполненности студентов;

2) определением профиля эмоциональной направленности у респондентов с разным уровнем экзистенциальной исполненности;

3) эмпирическим и статистическим исследованием взаимосвязи эмоциональной направленности и экзистенциальной исполненности личности как личностных феноменов.

Для диагностики эмоциональной направленности нами был использован опросник «Определение общей эмоциональной направленности» Б.И. Додонова, для выявления уровня исполнения фундаментальных мотиваций – тест экзистенциальной мотивации В.Б. Шумского и Е.М. Уколовой [2].

Результаты и их обсуждение

По итогам исследования уровня экзистенциальной исполненности студентов было установлено, что среди 72 исследуемых респондентов большая часть студентов (65,3 % – 47 человек) характеризуется средним уровнем экзистенциальной исполненности. У 31,9 % (23 студента) выявлен высокий уровень экзистенциальной исполненности. Всего 2 человека (2,8 %) показали низкий уровень общего показателя экзистенциальной исполненности.

Измерение эмоциональной направленности студентов показало, что у студентов с высоким уровнем экзистенциальной исполненности (группа 1) наиболее выраженными являются коммуникативная (10,39), альтруистическая (9,96) и практическая (9,43) направленности; у студентов со средним уровнем экзистенциальной исполненности (группа 2) – практическая (8,91), коммуникативная (8,6), эстетическая (8,47) направленности. Графические профили эмоциональной направленности этих групп приведены на рисунке.

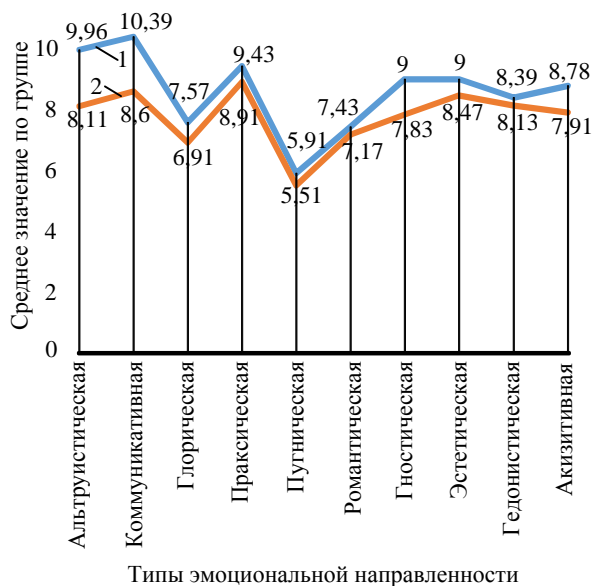

Рисунок. Профили эмоциональной направленности личности у групп с разным уровнем экзистенциальной исполненности: 1 – группа 1; 2 – группа 2

Для студентов, показавших низкий уровень ЭИ, провести статистическую обработку не представляется возможным ввиду их малой численности. Анализ индивидуальных результатов респондентов, показавших низкий уровень экзистенциальной исполненности, позволяет обнаружить, что общим для обоих респондентов является низкий уровень выраженности коммуникативного типа ЭНЛ.

Менее всего в обеих группах выражены эмоциональные переживания, отражающие пугнический (5,91 и 5,51) тип ЭНЛ, связанный со склонностью к эмоциональным переживаниям, возникающим при преодолении различных затруднений.

На рисунке видно, что профили эмоциональной направленности у двух групп различаются уровнем выраженности. Значимость различий между группами определялась по критерию Манна–Уитни. Статистически достоверно выявлены значимые различия для двух типов эмоциональной направленности: альтруистической и коммуникативной. Выраженность альтруистической ($Z = 2,46; p = 0,013$) и коммуникативной ($Z = 2,09; p = 0,035$) направленностей достоверно выше в группе студентов с более высоким уровнем ЭИ. Для других типов эмоциональной направленности методами математической статистики достоверных различий между группами не установлено.

Метод кластерного анализа позволил выявить совокупности типов эмоциональной направленности среди исследуемых групп.

Совокупности ведущих типов ЭН для студентов с высоким уровнем ЭИ: совокупность, объединяющая альтруистический и коммуникативный типы, и совокупность, объединяющая практический, гедонистиче-

ский, эстетический типы. Первая совокупность, объединяющая гуманистические ценности, характеризует стремление студентов данной группы к эмоциональной близости (любовь, дружба), принадлежности к той или иной группе, потребности быть нужным другим людям, в содействии, помощи другим людям. О.Н. Доценко [4] охарактеризовала эту совокупность как гуманистический компонент ЭНЛ. Другая совокупность, объединяющая практический, гедонистический, эстетический типы, связана с гармоничным развитием личности. Ее выраженность позволяет говорить о способности респондентов гармонично сочетать напряжение от деятельности с удовлетворением своих физических и душевных потребностей, а следовательно, получать удовольствие от деятельности, от результатов своего труда, уметь отдыхать, находиться в гармонии с окружающим миром.

Для группы студентов со средним уровнем ЭИ получена совокупность, объединяющая коммуникативный, эстетический и практический типы ЭН. Выраженность данных эмоций является ресурсной для получения позитивных эмоций при восприятии красоты и от эмоциональной близости при общении со сверстниками, удовлетворения от профессиональной деятельности, заинтересованности в учебе, способности применения знаний на практике.

Таким образом, можно сделать вывод, что гуманистическая компонента ЭНЛ, объединяющая альтруистический и коммуникативный типы эмоциональной направленности, является одной из ведущих совокупностей у студентов с высоким уровнем ЭИ. Альтруистический и коммуникативный типы ЭН также более выражены в группе студентов с высоким уровнем ЭИ.

С целью выявления взаимосвязи между типами эмоциональной направленности и исполнения фундаментальных мотиваций человека в структуре экзистенциальной исполненности был применен корреляционный анализ Спирмена. Результаты корреляционного анализа типов эмоциональной направленности личности и компонентов экзистенциальной исполненности приведены в таблице.

Выявлена положительная умеренная корреляция общего показателя экзистенциальной исполненности с коммуникативным типом эмоциональной направленности.

Нами были рассчитаны коэффициенты ранговой корреляции Спирмена типов эмоциональной направленности и исполнения отдельных фундаментальных мотиваций.

Выявлены высокозначимые положительные корреляции показателей шкалы фундаментальной ценности и альтруистической эмоциональной направленности (0,333) при $p < 0,005$; показателей шкалы фундаментальной ценности и коммуникативной эмоциональной направленности (0,335) при $p < 0,005$.

Таблица

**Результаты корреляционного анализа
компонентов экзистенциальной исполненности
и эмоциональной направленности личности**

Вид эмоциональной направленности	Фундаментальные мотивации				Общий показатель ЭИ
	1 ФМ	2 ФМ	3 ФМ	4 ФМ	
Альтруистическая	0,04	0,333*	0,112	0,175	0,176
Коммуникативная	0,141	0,335*	0,163	0,220	0,262**
Глорическая	-0,082	0,079	0,033	0,183	0,060
Практическая	-0,234***	0,022	-0,185	-0,077	-0,118
Пугническая	-0,034	0,167	0,001	0,149	0,071
Романтическая	-0,049	0,165	-0,037	0,127	0,068
Гностическая	0,024	0,205	0,028	0,181	0,155
Эстетическая	-0,048	0,089	0,094	0,067	0,041
Гедонистическая	-0,064	0,187	0,021	0,050	0,048
Акзигитивная	-0,027	0,122	-0,018	0,222	0,107

Примечания

1. * – корреляция значима на уровне $p < 0,005$.
2. ** – корреляция значима на уровне $p < 0,01$.
3. *** – корреляция значима на уровне $p < 0,05$.

Выявлена умеренная отрицательная корреляция показателей шкалы фундаментального доверия и практического типа эмоциональной направленности (-0,234) при $p < 0,05$.

Взаимосвязь других типов эмоциональной направленности со шкалами экзистенциальной исполненности не выявлена.

Итак, в результате проведенного корреляционного анализа было выявлено, что альтруистическая и коммуникативная направленности студентов тесно связаны со шкалой фундаментальной ценности. Полученный результат показывает, что отношения и близость способствуют проживанию и формированию персональных ценностей респондентов, являются условиями исполненности второй фундаментальной мотивации.

Коммуникативная направленность участников исследования связана с общим уровнем экзистенциальной исполненности. Следовательно, стремление респондентов к гармоничным отношениям с окружающими положительно коррелирует в целом с их ощущением своей жизни как свободной и осмысленной. От того, насколько хорошо реализуются эти предпосылки, зависит и характер их отношений с жизнью. Наличие выраженной взаимосвязи альтруистической и коммуникативной ЭНЛ с феноменом экзистенциальной исполненности подтверждается данными, полученными в результате кластерного анализа и определения достоверности различий по критерию Манна–Уитни.

Также установлена отрицательная взаимосвязь практической направленности со шкалой фунда-

ментального доверия ($r = -0,234$; $p < 0,05$). Такой результат показывает, что чрезмерное увлечение человека деятельностью («уход с головой в работу») может свидетельствовать об избегании им сложных переживаний, ощущении респондентом своей неустойчивости, поиске опор во внешнем мире, недоверии себе, сложности с пониманием своих желаний.

Выводы

Проведенное нами эмпирическое исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Анализ среднегруппового показателя степени выраженности ЭНЛ в группах с разным уровнем ЭИ показал, что в группе студентов с высоким уровнем ЭИ наиболее выраженными являются такие виды ЭНЛ, как коммуникативная, альтруистическая, практическая направленности. В группе студентов со средним уровнем ЭИ наиболее выраженными являются такие ЭНЛ, как практическая, коммуникативная, эстетическая направленности. Менее всего в обеих группах выражены эмоциональные переживания, отражающие пугнический тип ЭНЛ.

2. В результате проведенного исследования было обнаружено, что существует взаимосвязь специфики эмоциональной направленности личности студентов с определенными видами фундаментальной мотивации (в структуре экзистенциальной исполненности) и с общим показателем экзистенциальной исполненности.

- Статистически достоверно выявлено, что выраженность альтруистической и коммуникативной направленностей выше в группе студентов с более высоким уровнем ЭИ.

- В результате проведенного кластерного анализа выявлены ведущие совокупности типов эмоциональной направленности для студентов с высоким уровнем ЭИ: совокупность, объединяющая альтруистический и коммуникативный типы; совокупность, объединяющая практический, гедонистический, эстетический типы. Для группы студентов со средним уровнем ЭИ получена совокупность, объединяющая коммуникативный, эстетический и практический типы ЭНЛ.

- По результатам корреляционного анализа выявлено, что:

- коммуникативный тип эмоциональной направленности личности связан с общим показателем экзистенциальной исполненности;

- альтруистический и коммуникативный типы эмоциональной направленности способствуют формированию фундаментальных ценностей человека;

- практический тип эмоциональной направленности отрицательно коррелирует со шкалой фундаментального доверия.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дербенева, М.Ю.* Эмоциональная направленность как основа формирования познавательных интересов личности / М.Ю. Дербенева // Вестник СПбГУ. – 2009. – № 1-1. – (Серия 12. Социология). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/emotsionalnaya-napravlennost-kak-osnova-formirovaniya-poznavatelnyh-interesov-lichnosti> (дата обращения: 10.02.2020).
2. Диагностика экзистенциальной исполненности: оригинальная русскоязычная версия теста экзистенциальных мотиваций / В.Б. Шумский, Е.М. Уколова, Е.Н. Осин, Я.Д. Лупандина // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2016. – Т. 13, № 4. – С. 763–788.
3. *Додонов, Б.И.* Эмоция как ценность / Б.И. Додонов. – Москва : Политиздат, 1978. – 272 с.
4. *Доценко, О.Н.* Эмоциональная направленность представителей социономических профессий с различным уровнем выгорания : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.03 / О.Н. Доценко. – Москва : Ин-т психологии РАН, 2008.
5. *Кривцова, С.В.* Психология личности в феноменологической перспективе / С.В. Кривцова // Вестник Московского государственного областного университета. Психологические науки. – 2010. – № 4. – С. 7–15.
6. *Лэнгле, А.* Жизнь, наполненная смыслом. Логотерапия как средство оказания помощи в жизни / А. Лэнгле. – 4-е изд. – Москва : Генезис, 2017. – 136 с.
7. *Лэнгле, А.* Фундаментальные мотивации человеческой экзистенции как действенная структура экзистенциально-аналитической терапии / А. Лэнгле // Психотерапия. – 2004. – № 4. – С. 41–48.
8. *Лэнгле, А.* Что движет человеком? : экзистенциально-аналитическая теория эмоций / А. Лэнгле ; пер. с нем. О. Ларченко. – 3-е изд. – Москва : Генезис, 2013. – 235 с.
9. *Лэнгле, А.* Экзистенциально-аналитическое понимание эмоциональности: теория и практика / А. Лэнгле // Национальный психологический журнал. – 2015. – № 1(17). – С. 26–38.
10. *Лэнгле, А.* Экзистенциальный анализ – найти согласие с жизнью / А. Лэнгле // Московский психотерапевтический журнал. – 2001. – № 1. – С. 5–23.
11. *Франкл, В.* Человек в поисках смысла : сборник / В. Франкл ; пер. с англ. и нем. – Москва : Прогресс, 1990. – 366 с.
12. *Четошникова, Е.В.* Изучение взаимосвязи ценностных предпочтений и проявлений общей эмоциональной направленности личности / Е.В. Четошникова // Вестник Барнаульского государственного педагогического университета. – 2007. – № 7-1. – С. 27–31.
13. *Шамионов, Р.М.* Взаимосвязь субъективного благополучия с эмоциональной направленностью и ценностными ориентациями личности в разных условиях профессиональной социализации / Р.М. Шамионов // Известия Саратовского университета. Новая серия. – 2007. – Т. 7, № 1. – С. 55–63. – (Серия: Философия. Психология. Педагогика).
14. *Яблонски, Н.Е.* Профиль эмоциональной направленности личности как личностный предиктор позитивного эмоционального симптомокомплекса / Н.Е. Яблонски // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2009. – № 2. – С. 244–248. – (Серия 3. Педагогика и психология).

DOI: 10.31079/1992-2868-2020-17-4-50-55

САМОАКТУАЛИЗАЦИОННЫЕ И ЦЕННОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ В СТРУКТУРЕ КАРЬЕРНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ СТУДЕНТОВ-ПСИХОЛОГОВ И КУРСАНТОВ ВОЕННОЙ АКАДЕМИИ

Е.С. Ермакова

Е.Ф. Яценко

Результаты эмпирического исследования позволили выявить различия между показателями карьерных ориентаций, самоактуализации и жизненных ценностей студентов-психологов и курсантов военной академии. Выявлены особенности самоактуализационных и ценностных характеристик, связанных с карьерными ориентациями. Результаты дают возможность полагать, что самоактуализационные и ценностные характеристики могут входить в структуру карьерных ориентаций студентов и курсантов.

Ключевые слова: карьерные ориентации студентов и курсантов, самоактуализация, жизненные ценности.

SELF-ACTUALIZATION AND VALUE CHARACTERISTICS IN THE STRUCTURE OF CAREER ORIENTATIONS OF STUDENTS-PSYCHOLOGISTS AND CADETS OF THE MILITARY ACADEMY

E.S. Ermakova

E.F. Yashchenko

The results of an empirical research showed the differences between the indicators of career orientations, self-actualization and the life values of students-psychologists and cadets of the military academy. Features of self-actualization and value characteristics related to career orientation are revealed. The results suggest that self-actualization and value characteristics may be part of the structural orientation of students and cadets.

Key words: career orientations of students and cadets, self-actualization, life values.

Построение карьеры, реализация в профессиональной деятельности – важный вопрос развития современного работника. На этапе профессионального обучения определение карьерных планов представляет особую значимость и возможно через выявление доминирующих карьерных ориентаций. Выявление таких детерминант карьерных ориентаций личности на этапе профессиональной подготовки, как самоактуализационные и ценностные характеристики, поможет выявить личностно-профессиональные особенности будущего специалиста и спрогнозировать вероятность успеха в профессиональной деятельности.

В студенческие годы становление личности будущего специалиста как в военной, так и в гражданской сфере происходит в учебно-профессиональной деятельности, важная задача которой – сделать личностный рост и самосовершенствование целью дальнейшего карьерного развития. Карьерные ори-

ентации, по мнению Д. Сьюпера, представляют собой сплав способностей, побуждений, мотивов и ценностей, которыми человек не может поступиться при выборе и построении карьеры [20]. Т.Г. Гнедина считает, что карьерные ориентации возникают в процессе социализации на основе и в результате накопления профессионального опыта в начальные годы развития карьеры [4]. Исследователи считают карьерные ориентации устойчивым личностным образованием, включающим в себя представление о собственных способностях, своей профессиональной жизни (когнитивная составляющая), отношение к ней (эмоциональная составляющая), стремление к реализации карьерных планов (поведенческая составляющая) [17; 18].

Карьерные ориентации студентов ряд исследователей связывает с их психологической готовностью к карьерному росту. В структуре психологической го-

Ермакова Елена Сергеевна – доктор психологических наук, профессор кафедры прикладной психологии Петербургского государственного университета путей сообщения Императора Александра (г. Санкт-Петербург).

Ermakova Elena Sergeevna – Doctor of Psychology, Professor of the Department of Applied Psychology at Emperor Alexander I St. Petersburg State Transport University (St. Petersburg).

E-mail: e_s_ermakova@mail.ru

Яценко Елена Федоровна – доктор психологических наук, заведующий кафедрой прикладной психологии Петербургского государственного университета путей сообщения Императора Александра (г. Санкт-Петербург).

Yashchenko Elena Fedorovna – Doctor of Psychology, Head of the Department of Applied Psychology at Emperor Alexander I St. Petersburg State Transport University (St. Petersburg).

E-mail: elfed58@mail.ru

© Ермакова Е.С., Яценко Е.Ф., 2020

товности к карьерному росту выделяются компоненты, включающие как самоактуализационные, так и ценностные характеристики, при этом отмечается недостаточная сформированность данных компонентов [10]. В исследовании Е.Е. Войлоковой, Б.В. Тихонова отмечается, что студенты выпускных курсов бакалавриата воспринимают карьеру как общий стиль жизни, при этом карьерные достижения могут привлечь их, только если не мешают привычному образу жизни и комфорту, что не способствует самоактуализации [3].

Карьерные ориентации студентов-психологов рассматриваются в ряде работ исследователей, в которых выявлено преобладание таких ведущих карьерных ориентаций, как профессиональная компетентность и интеграция стилей жизни, автономия, стабильность места жительства, вызов, предпринимательство [1; 6; 15]. Карьерные ориентации будущих менеджеров рассмотрены в соответствии с избранными студентами карьерными ориентациями направления профессиональной подготовки, определены взаимосвязи карьерных ориентаций студентов с ценностными ориентациями, интеллектом, личностными и самоактуализационными качествами, намечены психологические компоненты карьерного развития будущих менеджеров [19].

Карьерные ориентации курсантов военных училищ недостаточно изучены, отдельные их аспекты рассматриваются в русле формирования активной позиции защитника Отечества [9], профессиональной ориентации курсантов [14], но показатели, характеризующие психологические особенности карьерных ориентаций курсантов, не выявлялись.

Исследования самоактуализационных характеристик студентов показывают преимущественно средний и низкий уровень самоактуализации, по базовым шкалам менее трети студентов имеют высокий уровень самоактуализации, наиболее высокие показатели отмечаются по шкалам «креативность» и «ценности» [2; 5; 7; 8]. С.В. Фатуев выделил основные характеристики самоактуализирующейся личности курсантов, которыми являются целостность восприятия мира, адекватная самооценка, безоценочность принятия себя и других, гармоничная Я-концепция, интернальный (внутренний) локус контроля, креативность (творчество) личности, восприятие профессиональной деятельности как личной задачи [16]. В исследовании П.Д. Никитенко выявлена динамика самоактуализации личности курсанта военного вуза в зависимости от этапа профессиональной социализации. Автор отмечает, что в первые три года учебы в военном вузе происходит резкое снижение большинства показателей, исключая сензитивность, представления о природе человека и познавательные потребности, затем идет резкий подъем таких показателей, как поддержка, гибкость поведения, самоуважение, самопринятие, познавательные потребности [11].

Ценностные ориентации, являясь одним из центральных личностных образований, выражают сознательное отношение человека к социальной действительности и в этом своем качестве определяют широкую мотивацию его поведения. Изучая ценностные ориентации студентов-психологов, Е.П. Процукович выявила, что на первый план выходят ценности личной жизни, ценности межличностного общения и ценности непосредственно-эмоционального мироощущения, а ценности профессиональной самоактуализации и ценностные ориентации, отражающие стремление к самодисциплине и уверенному поведению, относятся к группе желательных [12]. А.В. Рубан, изучая формирование ценностных ориентаций у курсантов военных вузов, показал, что у 91 % респондентов доминируют ценности, которые характеризуют направленность личности на защиту собственной физической жизни, материальное благополучие, а также обеспечение взаимодействия с внешней средой, и лишь у 5 % испытуемых первое место занимают ценности, которые характеризуют направленность личности на профессиональное совершенствование и творческое саморазвитие [13]. Тем самым можно предполагать, что доминирующие жизненные ориентации, составляющие мотивационно-ценностную основу личности, связаны с карьерными ориентациями и включают в себя компоненты профессиональной направленности.

Таким образом, самоактуализационные и ценностные характеристики являются факторами, которые могут оказывать воздействие на карьерные ориентации будущих профессионалов. При этом сравнительный анализ данных важнейших личностных образований студентов-психологов и курсантов военной академии поможет определить условия, влияющие на достижение высокой степени самореализации личности в будущей профессиональной деятельности.

Цель нашего эмпирического исследования – выявление и анализ особенностей и связей показателей карьерных ориентаций, самоактуализации и жизненных ценностей студентов-психологов и курсантов военной академии.

Методы исследования: опросник «Карьерные ориентации» (КарО) Н.Н. Мельниковой; самоактуализационный тест (САТ) Э. Шострома в адаптации Л.Я. Гозмана, М.В. Кроза, М.В. Латинской; морфологический тест жизненных ценностей (МТЖЦ) В.Ф. Сопова, Л.В. Карпушиной.

Выборка представлена студентами-психологами 2–3-го курсов Петербургского государственного университета путей сообщения Императора Александра I в количестве 30 человек в возрасте 19–20 лет; курсантами Михайловской военной артиллерийской академии 2–3-го курсов в количестве 30 человек в возрасте 19–22 лет.

Анализ эмпирических результатов выборки студентов-психологов по методике «Карьерные ориентации (КарО)» свидетельствует о том, что студенты имеют средние и низкие показатели по всем шкалам. Студенты имеют оптимальную заинтересованность в построении карьеры, стремятся к совершенствованию профессионального мастерства, стремятся быть лучшими в своей области. Но испытуемые не ориентированы на долгосрочные глобальные проекты, не способны долго работать над одной задачей. Из карьерных ориентаций у студентов-психологов наименее выражена управленческая, при этом данный показатель обладает наибольшим мотивационно-направляющим потенциалом среди прочих карьерных ориентаций. Возможно, что студенты не заинтересованы в своем продвижении по должностной лестнице, в продвижении по служебной лестнице с занятием руководящих постов. Самые низкие показатели отмечены по шкале «предпринимательство», что может говорить о неготовности к риску, неспособности преодолевать препятствия в построении карьеры будущих психологов.

Высокие показатели методики САТ принадлежат шкалам «познавательная потребность» и «самопринятие». Данные показатели говорят о том, что у будущих психологов присутствует любознательность, они способны адекватно принять себя такими, какие есть. Высокие баллы имеют шкалы «самоуважение» и «положительное отношение», что показывает способность студентов адекватно оценить свои достоинства, целостно воспринимать мир. Высокие показатели шкалы «креативность» говорят о творческой направленности личности. Внутренняя поддержка для будущих психологов важна так же, как и внешняя. Высокие баллы получены по шкалам «сензитивность», «гибкость поведения», «контактность». Студенты-психологи отдают себе отчет в собственных чувствах, хорошо воспринимают и рефлексиируют их, умеют быстро и адекватно реагировать на изменяющуюся ситуацию, успешно устанавливают контакты. Самые низкие показатели отмечены по шкалам «ценностные ориентации» и «компетентность во времени», что может говорить о не вполне сформированных жизненных ценностях и дискретном восприятии своего жизненного пути и не свидетельствует о целостной самоактуализации.

В иерархии жизненных ценностей студентов более высока значимость такой жизненной сферы, как увлечения. Остальные сферы имеют более низкие баллы, при этом наименьшие – сфера «семейная жизнь». Такие результаты показывают определенную инфантильность студентов: направленность на реализацию себя в увлечениях, отсутствие интереса к семейной жизни. Анализ жизненных ценностей студентов показывает неопределенную направленность личности, без выраженного целеполагания, при этом одинаково низкие баллы имеют как духовно-нравственные, так и прагматические ценности.

Эмпирические результаты курсантов по методике «Карьерные ориентации (КарО)» свидетельствуют о среднем или низком уровне показателей по всем шкалам. Из карьерных ориентаций у курсантов наиболее выражена управленческая, что говорит о заинтересованности курсантов в своем продвижении по должностной лестнице, в достижении высокого социального статуса. Низкие баллы по шкале «служение» показывают, что курсанты не готовы работать бесплатно, за идею, для них важен социальный статус их труда. Самые низкие результаты получены по шкале «предпринимательство», что может говорить о неготовности преодоления препятствий на пути к вершинам карьеры.

Высокий показатель методики САТ принадлежит шкале «самоуважение», что говорит о способности курсантов адекватно ценить свои достоинства, положительные свойства характера, уважать себя за них. Высокие баллы имеют шкалы «компетентность во времени», «креативность» и «познавательная потребность», тем самым курсанты принимают свое прошлое, настоящее, будущее, творчески активны и любознательны. Показатели шкалы «внутренняя поддержка» говорят о наличии интернального локуса контроля. Самые низкие баллы обнаружены по шкалам «контактность», «сензитивность» и «гибкость», что может свидетельствовать о затруднениях в установлении глубоких и тесных эмоционально-насыщенных контактов, слабой рефлексии своих чувств и недостаточной оперативности в изменении взаимоотношений с окружающими. Такие личностные особенности курсантов, вероятно, актуализируются достаточно формализованным общением в образовательной среде военного вуза.

В иерархии жизненных ценностей курсантов военной академии более высока значимость такой жизненной сферы, как физическая активность. Остальные сферы имеют более низкие баллы, при этом наименьшие – сферы «обучение и образование» и «профессиональная жизнь». Важность сферы физической активности для курсантов, очевидно, связана с хорошей физической подготовкой как профессиональным качеством. Непривлекательность сферы образования и профессиональной жизни может говорить о тревожных ожиданиях, связанных с дальнейшим образованием и профессиональной карьерой. Анализ жизненных ценностей курсантов военного вуза показывает неопределенную направленность личности без выраженного целеполагания, при этом одинаково низкие баллы имеют как духовно-нравственные, так и прагматические ценности.

Обнаружены значимые различия (0,01) показателей студентов-психологов и курсантов выборки по шкале «управление» методики «Карьерные ориентации» (КарО) Н.Н. Мельниковой. У курсантов выше, чем у студентов, управленческая ориентация, курсанты видят свою карьеру как продвижение по

должностной лестнице с занятием руководящих постов, для будущих психологов не актуальны вопросы карьерного продвижения, они не готовы взять на себя бремя ответственности и власти.

При сравнении показателей самоактуализации значимые различия (0,01), подтверждающие более высокие результаты курсантов, были обнаружены по шкале «компетентность во времени», что можно объяснить профессиональной значимостью для них ориентации во времени, поскольку образовательная среда военного вуза четко регламентирована и подчинена строгому режиму. Тем не менее студенты обладают более высокими показателями по шкале «гибкость поведения», что также можно объяснить формирующимися профессионально важными качествами психолога: гибкостью во взаимодействии с окружающими людьми, способностью быстро и адекватно реагировать на изменяющуюся ситуацию межличностного общения.

При сравнении показателей морфологического теста жизненных ценностей (МТЖЦ) В.Ф. Сопова, Л.В. Карпушиной значимые различия (0,01) были обнаружены по ряду шкал. У курсантов выше показатели сфер «семейная жизнь» и «физическая активность», шкал «социальные контакты», «собственный престиж», «достижение». Можно полагать, что для курсантов, в отличие от студентов, профессионально значима хорошая физическая подготовка, они планируют свою будущую семейную жизнь, их прагматические ценности более отражают личностно-престижную направленность личности.

Для выявления связей между показателями карьерных ориентаций, самоактуализации, жизненных ценностей выборки испытуемых был проведен корреляционный анализ.

В выборке студентов-психологов были выявлены корреляционные связи, представленные на рис. 1.

Согласно данным, представленным на рис. 1, шкала «предпринимательство» методики «Карьерные ориентации» (КарО) Мельниковой Н.Н. имеет шесть положительных связей со шкалами жизненных ценно-

стей «достижение», «социальные контакты», «собственный престиж», «физическая активность», «общественная жизнь», «семейная жизнь». Можно предположить, что чем сильнее студенты-психологи стремятся к созданию своего дела, тем более представлены у них жизненные ценности, основанные на ответственности в профессиональной среде, способности добиться успеха в карьере, идентифицировать себя в определенной социальной группе, получить признание в обществе. Шкала «карьерная направленность вверх» (КВ↑) имеет четыре положительные связи со шкалами, отражающими такие жизненные ценности, как семейная жизнь, достижение, социальные контакты, общественная жизнь. Чем больше студенты-психологи заинтересованы в построении карьеры, тем для них более значимыми становятся такие ценности, как семейная жизнь, проблемы социума. Для таких студентов важно тщательно планировать свою жизнь и получать удовлетворение не только от результата деятельности, но и от социально-психологического климата коллектива. Шкала «общая карьерная направленность» (ОКН) положительно связана с такими жизненными ценностями, как семейная жизнь, достижение, обучение и образование. Чем более у будущих психологов представлено стремление к достижению конкретных и осязаемых результатов в карьере, тем сильнее у них будет заинтересованность в профессии, стремление к образованию и значимость семейной жизни. Шкала «управление» имеет положительную связь со шкалами «семейная жизнь» и «достижение», что можно объяснить тем, что студентам-психологам, ориентированным на продвижение по карьерной лестнице, представляется значимым планирование жизненных целей, в том числе и семейной жизни. Прагматическая ценность «материальное положение» положительно связана со шкалой методики САТ «самопринятие», можно предположить, что чем более студенты стремятся иметь профессию, гарантирующую высокую зарплату, тем сильнее чувство собственной значимости.

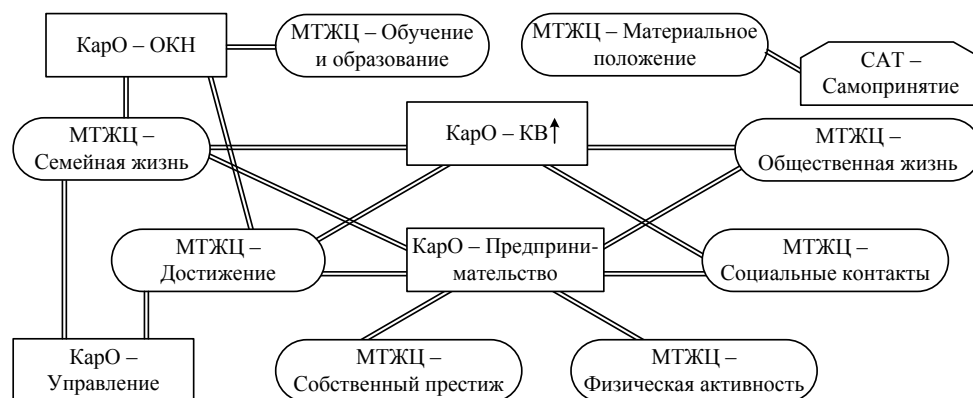

Рис. 1. Корреляционные связи показателей карьерных ориентаций, самоактуализации, жизненных ценностей студентов-психологов:

== – положительная корреляционная связь, уровень значимости 0,01

В выборке курсантов военной академии были выявлены корреляционные связи, представленные на рис. 2.

Рис. 2. Корреляционные связи показателей карьерных ориентаций, самоактуализации курсантов военной академии: — — положительная корреляционная связь, уровень значимости 0,01; - - - - отрицательная корреляционная связь, уровень значимости 0,01

Согласно данным, представленным на рис. 2, показатели методики «Карьерные ориентации» (КарО) Н.Н. Мельниковой имеют корреляционные связи со шкалами методики САТ. Шкала «предпринимательство» имеет отрицательные связи со шкалой САТ «внутренняя поддержка». Можно предполагать, что чем выше желание создать собственное дело и стремление к финансовой самостоятельности, тем в меньшей степени они стремятся отстаивать свою точку зрения и противостоять авторитетному мнению. Шкала «мастерство» отрицательно связана с показателем «принятие агрессии». Это можно объяснить тем, что чем сильнее выражена ориентация курсантов на профессиональное мастерство, тем менее проявляется способность принимать свое раздражение, гнев и агрессивность как естественное проявление человеческой природы. Вектор «карьерная направленность вглубь» (KB↓) имеет положительную корреляционную связь со шкалой САТ «самоуважение» и отрицательную – с «принятием агрессии». Курсанты, ориентированные на карьеру, ценят свои достоинства, уважают себя за них и не принимают как естественное проявление свою агрессию.

Выводы

Обнаруженные значимые различия между показателями методик исследования отражают формирующиеся карьерные ориентации, а также включенность в них компонентов самоактуализации и жизненных ценностей студентов-психологов и курсантов военной академии, связанных со специфической образовательной среды.

У курсантов выше, чем у студентов, управленческая карьерная ориентация, вероятно, основанная на четком представлении о ступенях военной карьеры и возможностях их достижения. Будущие психологи, очевидно, слабо представляют возможности карьерного роста в профессиональной среде, и

ориентация на занятие руководящих постов для них не актуальна.

Профессионально значима и активно поддерживается всей регламентированной системой обучения в военном вузе четкая ориентация курсантов военной академии во времени, показатели которой выше, чем у студентов. Студенты обладают большей гибкостью во взаимодействии с окружающими людьми, способностью быстро и адекватно реагировать на изменяющиеся ситуации межличностного общения, что относится к профессионально важным качествам психолога и формируется психологическим образованием.

Различия в жизненных ценностях студентов-психологов и курсантов военного вуза в целом включены в складывающиеся профессионально важные качества и отражают карьерные устремления курсантов в большей степени, чем студентов. Для курсантов более, чем для студентов, профессионально значима хорошая физическая подготовка, они планируют свою будущую семейную жизнь, их прагматические ценности в большей степени отражают личностно-престижную направленность личности.

Корреляционный анализ показателей методик дает возможность полагать, что студенты-психологи имеют более дифференцированную и разнообразную структуру связей показателей карьерных ориентаций, самоактуализации, жизненных ценностей. Разнонаправленные показатели карьерных ориентаций, включающие «управление» и «предпринимательство», связаны с различными, прежде всего, прагматическими жизненными ценностями студентов. Можно предполагать, что будущие психологи имеют широкий диапазон своих карьерных устремлений, основанный на соответствующих жизненных ценностях, что говорит о складывающейся мотивационно-ценностной составляющей личности. Наличие в структуре корреляционных связей только одной самоактуализационной характеристики студентов «самопринятие» свидетельствует о формировании важного профессионального качества, включенного в самовосприятие. При этом карьерные ориентации будущих психологов связаны с такими жизненными сферами, как обучение и образование, общественная жизнь, семейная жизнь, физическая активность, но не включают в себя важнейшую сферу «профессиональная жизнь». Это подтверждает предположение о недостаточном представлении студентов о возможностях своего карьерного роста в профессиональной психологической среде.

Корреляционный анализ связей показателей курсантов военной академии показывает менее дифференцированную по сравнению со студентами структуру связей. Карьерные ориентации представлены «профессиональным мастерством» и «предпринимательством», курсанты нацелены на стрем-

ление быть лучшим в своей деятельности, готовы к риску, способны выносить временные неудачи, преодолевать препятствия и бросать вызов обстоятельствам. В отличие от студентов карьерные ориентации курсантов не связаны с жизненными ценностями, но связаны лишь с отдельными самоактуализационными характеристиками, которые отражают особенности самовосприятия и межличностных отношений, что, несомненно, важно для построения военной карьеры. Можно полагать, что благодаря четко регламентированной образовательной среде военного вуза у курсантов уже достаточно четко сложилась когнитивная составляющая карьерных ориентаций, включающая как представления о собственных способностях, так и о своей будущей профессиональной жизни, но мотивационно-ценностная основа карьерных ориентаций не актуализирована.

Полученные результаты позволяют предложить коррекционные мероприятия, направленные как на улучшение профессиональной компетентности будущих психологов, связанной с возможностями карьерного развития, так и на формирование духовно-нравственных ценностей и в целом гуманистической направленности личности студентов и курсантов.

Результаты эмпирического исследования дают возможность полагать, что самоактуализационные и ценностные характеристики могут входить в структуру карьерных ориентаций, а их изучение позволяет как выявить компоненты карьерных ориентаций, так и спрогнозировать коррекционные мероприятия, направленные на формирование карьерных ориентаций обучающихся, связанных с профессиональной компетентностью и профессионально важными качествами будущего специалиста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авраменко, Н.Н. Профессиональная направленность и карьерные ориентации будущих психологов / Н.Н. Авраменко // Прикладная юридическая психология. – 2015. – № 2. – С. 134–142.
2. Большакова, О.Н. Особенности развития самоактуализации студентов / О.Н. Большакова // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. – 2011. – № 7 (77). – С. 27–31.
3. Войлокова, Е.Е. Карьерные ориентации студентов бакалавриата филиала «НИУ ВШЭ – Нижний Новгород» / Е.Е. Войлокова, Б.В. Тихонова // Вестник Государственного университета управления. – 2013. – № 23. – С. 193–203. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kariernye-orientatsii-studentov-bakalavriatafiliala-niu-vshe-nizhniy-novgorod> (дата обращения: 24.08.2020).
4. Гнедина, Т.Г. Динамика карьерных ориентаций личности руководителя / Т.Г. Гнедина, Т.Х. Невструева. – Хабаровск : Изд-во ДВГУПС, 2006. – 197 с.
5. Доржиева, М.О. Особенности самоактуализации личности в юношеском возрасте (на примере студентов вуза) / М.О. Доржиева // Общество: социология, психология, педагогика. – 2016. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-samoaktualizatsii-lichnosti-v-yunosheskom-vozraste-na-primere-studentov-vuza> (дата обращения: 24.08.2020).
6. Доронина, Н.Н. Карьерные ориентации студентов вуза / Н.Н. Доронина // Научные ведомости Белгородского государственного университета. – 2017. – № 28 (277). – С. 179–185. – (Серия: Гуманитарные науки).
7. Ермакова, Е.С. Субъективное благополучие и здоровая агрессивность как факторы самоактуализации студентов транспортного вуза и работников локомотивных бригад / Е.С. Ермакова, С.И. Кедич // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2019. – Т. XVI, Вып. 4. – С. 101–106.
8. Забелина, А.В. Самоактуализация личности студентов как условие психологического здоровья / А.В. Забелина // Концепт. – 2013. – № 9 (сентябрь). – С. 1–8. – URL: <http://e-koncept.ru/2013/13175.htm> (дата обращения: 24.08.2020).
9. Макаренко, В.С. Формирование у курсантов военных вузов активной позиции защитника Отечества : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08 / В.С. Макаренко. – Москва, 2018. – 225 с.
10. Маликова, В.А. Психологическая готовность студента к карьерному росту / В.А. Маликова, И.Г. Прокопенко // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2011. – № 2 (121). – С. 209–214.
11. Никитенко, П.Д. Соотношение представлений о мире и самоактуализации личности в процессе профессиональной социализации курсантов военного вуза СВВ МВД России / П.Д. Никитенко // Известия Саратовского университета. – 2008. – Т. 8, Вып. 2. – С. 93–96. – (Серия: Философия. Психология. Педагогика).
12. Процукович, Е.П. Особенности проявления ценностных ориентаций и профессиональной идентичности студентов-психологов вуза / Е.П. Процукович // Менталитет, мировоззрение, Credo в педагогике ненасилия : материалы XXVIII Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. А.Г. Козловой, В.Г. Маралова, М.С. Гавриловой. – Санкт-Петербург : 67 гимназия. Verba Magistri, 2007. – С. 393–396.
13. Рубан, А.В. Формирование ценностных ориентаций у курсантов военных вузов / А.В. Рубан // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2012. – № 5 (15). – С. 89–90.
14. Смелик, Р.Г. Профессиональная ориентация курсантов военных училищ: моделирование и управление / Р.Г. Смелик // Экономические науки. – 2013. – № 4 (101). – С. 190–194.
15. Терехова, Т.А. Проявления карьерных ориентаций у студентов-психологов / Т.А. Терехова // Гуманитарный вектор. – 2011. – № 1. – С. 120–126.
16. Фатуев, С.В. Самоактуализация в учебно-воспитательном процессе личности курсантов юридического профиля : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.13 / С.В. Фатуев. – Москва, 2011. – 299 с.
17. Харланова, Т.Н. Развитие карьерных ориентаций студенческой молодежи в процессе профессиональной подготовки : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.07 / Т.Н. Харланова. – Москва, 2015. – 261 с.
18. Юртаева, Н.И. Управление карьерными ориентациями в профессиональном развитии студентов инженерного вуза / Н.И. Юртаева // Вестник Казанского технологического университета. – 2012. – Т. 15, № 1. – С. 300–306.
19. Яценко, Е.Ф. Карьерные ориентации будущих менеджеров в процессе профессиональной социализации и самоактуализации в вузе / Е.Ф. Яценко // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2016. – № 3 (51). – С. 198–202.
20. Vocational Development: A Framework of Research / D.E. Super [et al.]. – New York : Harper & Brothers, 1957. – 391 p.

ПЕРЕЖИВАНИЕ ОБИДЫ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИЧНОСТНОЙ ЗРЕЛОСТИ

Н.И. Анчукова

А.В. Красавина

В статье рассматриваются подходы к пониманию феномена обиды, а также обидчивости как склонности к переживанию обиды с точки зрения различных психологических школ и направлений, а также выдвигается предположение о связи обиды с недостаточным уровнем личностной зрелости. Авторы описывают проявления личностной незрелости в переживании обиды на когнитивном, аффективном и поведенческом уровнях и обозначают перспективы своего исследования в теоретическом и практическом аспектах.

Ключевые слова: обида, обидчивость, личностная зрелость, эмоции, развитие личности.

RESENTMENT IN THE CONTEXT OF PERSONAL MATURITY ISSUES

N.I. Anchukova

A.V. Krasavina

The article discusses approaches to understanding the phenomenon of insult, as well as resentment as a tendency to experience hard feelings from the point of view of various psychological schools, and also it makes an assumption about the connection between resentment and an insufficient level of personal maturity. The authors describe the manifestations of personal immaturity in the experience of resentment at the cognitive, affective and behavioral levels and outline the prospects for their research in theoretical and practical aspects.

Key words: insult, resentment, personal maturity, emotions, personality development.

Переживание обиды является одним из компонентов сложной палитры эмоциональных состояний, испытываемых человеком. При этом следует учитывать, что данный феномен характеризует, с одной стороны, качество социальных связей и отношений с другими людьми, с другой стороны – особенности самоотношения и систему убеждений личности.

Интерес к изучению обиды возрос сравнительно недавно, с 90-х гг. XX в., но до сих пор этот феномен остается сравнительно малоизученным и рассматривается различными психологическими школами и направлениями под разными углами зрения в контексте либо развития эмоционально-личностной сферы, либо ее коррекции. На основании этого можно сделать вывод о том, что переживание обиды и обидчивость как свойство личности рассматриваются как дисфункциональные состояния, характеризующие психологические проблемы, требующие свое-

го разрешения в практике консультативной помощи. В связи с этим целесообразно рассмотреть желаемый позитивный результат решения этих проблем – построение целевой модели личности, для которой состояние обиды не является характерным и не представляет особой угрозы для психического здоровья. Мы полагаем, что такой моделью может стать полноценно функционирующая зрелая личность. В данном случае мы имеем в виду не возрастные и социальные характеристики человека, а прежде всего уровень психического развития в когнитивном, аффективном и поведенческом аспектах.

В рамках обозначенной проблематики изучение вопроса о соотношении склонности человека к переживанию обиды и уровня его личностного развития представляет особый интерес.

Определений личностной зрелости в отечественной и зарубежной психологии существует

Анчукова Нелли Ивановна – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей, юридической и инженерной психологии Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Anchukova Nelli Ivanovna – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of General, Legal and Engineering Psychology at Far Eastern State Transport University (Khabarovsk).

E-mail: nian@mail.kht.ru

Красавина Анна Владимировна – магистрант кафедры общей, юридической и инженерной психологии Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Krasavina Anna Vladimirovna – Master's student of the Department of General, Legal and Engineering Psychology at Far Eastern State Transport University (Khabarovsk).

E-mail: krasotka160@yandex.ru

множество, так же, как и исследований по этой теме. Приведем наиболее цитируемые из них. А.Г. Асмолов определяет зрелую личность как человека, способного к свободному выбору и обладающего активной жизненной позицией [2: с. 255]; Г. Оллпорт отмечает следующие характеристики зрелого человека: широкие границы Я, рефлексивность, способность посмотреть на себя со стороны, построить гармоничные социальные отношения, знание своих сильных и слабых сторон, эмоциональную свободу и самопринятие, реалистичное восприятие, опыт и притязания, способность к самопознанию и чувство юмора, цельную жизненную философию [11].

Рассматривая личностную зрелость как показатель уровня развития Эго, описываемый в концепциях зарубежных авторов (С. Кук-Гройтер, Б. Торберт, Д. Левинджер и др.), мы можем предположить, что первые признаки этого качественного уровня начинают проявляться тогда, когда человек становится самосознающим, способным к интроспекции и пониманию себя. Последующее развитие Эго приводит к достижению стадии Автономной личности, которая воспринимает опыт непосредственно, выходит за рамки конвенционального мировоззрения, более спонтанная, творческая и толерантная. При этих условиях человеку удастся достичь такой внутренней интеграции и целостности, при которой нет необходимости тратить энергию на защитные механизмы и отстаивать свое Я в конфликтных ситуациях. Таким образом, проблематика обиды на данной стадии отступает на задний план и не требует проработки как таковой. Следовательно, Автономная личность может выступать в качестве модели личностной зрелости, но, конечно, на этом развитие не прекращается. Зарубежные психологи описывают несколько стадий развития по восходящей линии, включая обретение мудрости, преодоление эгоцентрированности и постижение укорененности в природе.

Рассмотрим, в какой степени возможно соотнести научный опыт изучения переживания обиды с показателями личностной зрелости.

З. Фрейд был одним из первых, кто исследовал обиду и обидчивость. По мнению австрийского психоаналитика, когда человек испытывает некоторое психическое впечатление, то в его нервной системе возникает то, что может быть названо «суммой возбуждений», возникающих в ответ на некие действия окружающих. Данный феномен требует своей разрядки, однако если такой разрядки не происходит, формируется психическая травма – «молчаливо перенесенное страдание» [18: с. 21–22]. Далее каждый индивид, чтобы сохранить свое здоровье, стремится эту сумму возбуждения снова уменьшить, привести в первоначальное состояние. Следовательно, от того, насколько индивид в состоянии отреагиро-

вать «моторно», зависит то, насколько он уменьшит сумму возбуждения и придет в первоначальное состояние. По сути, с точки зрения психоаналитического подхода обида является *неотреагированным адекватно аффектом*. По мнению Фрейда, истерические пациенты отличаются именно тем, что имеющиеся психические травмы у них не были полностью отреагированы и изжиты [18: с. 23]. Что же касается обидчивости, то, с точки зрения З. Фрейда, она является результатом закрепления аффекта, когда он, будучи долгое время неотреагированным, уже деформирует личность и переходит в некое новое качество.

В. Райх, будучи учеником Фрейда, развил идею об отреагировании эмоций моторно, предположив, что эмоции вообще имеют непосредственную связь со своим телесным выражением. По мнению В. Райха, здоровое течение изначальной энергии, которую он называл оргонной энергией (сексуальной энергией), происходит следующим путем: возникает эмоция – происходит ее телесное выражение (в том числе вербальное). На этом основан телесно-ориентированный подход в психологии и психотерапии. Неотреагированные эмоции порождают мышечные блоки, из которых со временем формируется характерный «мышечный панцирь» [16]. Что касается обиды, по Райху, обида как чувство происходит от подавления гнева, часто еще интерпретируется как *невыраженная агрессия, пассивная агрессия*. Обида относится к горловому и челюстному сегменту, так как, по мнению Райха, основной способ выражения обиды – вербальный. Соответственно, воздействуя на челюстную и горловую мышечные блоки с целью их расслабления, возможно перевести чувство обиды к изначальному импульсу гнева и агрессии и дать возможность выразить этот импульс телесно, в данном случае вербально, с помощью голоса.

Далее идеи В. Райха о телесном напряжении и подавлении эмоций развил А. Лоуэн. При этом, по мнению А. Лоуэна, обида является *концептуальной сложной эмоцией*, объединяющей гнев и страх.

В дальнейшем А. Лоуэн разработал типологию структур характера, определив характер «как фиксированный паттерн поведения, типичный способ, которым человек справляется со своим стремлением к удовольствию. Характер также является психической позицией, которая поддерживается системой отрицаний, рационализации и проекций и поставлена в зависимость от идеального Эго, утверждающего свою ценность. Функциональное соответствие характера и структуры тела или мышечной позы является ключом к пониманию личности» [8: с. 67].

На основе данной типологии можно предположить, что оральные типы, характерными чертами

которого являются слабое чувство независимости, стремление держаться за других, пониженная агрессивность и внутреннее чувство потребности в поддержке, помощи и заботе, более склонен впадать в обиду, когда внешний мир не способен удовлетворить его потребности. Кроме того, Лоуэн отмечает, что «типично оральной чертой является позиция – "это мне должны"» [8: с. 79].

Основываясь на приведенных позициях психоаналитического направления, мы приходим к выводу о том, что обида становится личностно-типичным аффектом, который берет свое начало в фиксациях на ранних этапах развития личности, являясь результатом фрустрированных потребностей, и имеет кумулятивный эффект, проявляющийся на телесном уровне и приводящий к невротизации личности. Таким образом, мы находим подтверждение того, что обида характеризует «застывание» и незрелость в развитии Эго.

Ф. Перлз, представляя гештальтподход, рассматривает обиду не как отдельное чувство, а в связке с виной, с требованиями и ценностями. Интересна телесная метафора Ф. Перлза по поводу обиды, она полностью переключается с пониманием В. Райха о связи обиды с челюстным блоком: «Обида – это психологический эквивалент до боли сжатой челюсти. Сжатый рот не может ни выплюнуть, ни откусить, ни прожевать – он ничего не может сделать. Если вы обижены, вы не можете отпустить и забыть, не можете позволить этому инциденту или человеку отойти на задний план, и вы не можете активно за это взяться. Выражение обиды – один из важнейших путей к тому, чтобы помочь вам сделать вашу жизнь несколько легче» [14: с. 51].

Человек остается в обиде, если он не может выразить свое требование в процессе общения. И обида – показатель того, что данный человек либо ситуация (на которую есть обида) являются ценными для того, кто переживает обиду. Поэтому Ф. Перлз предлагает заменить в формулировке «что именно обижает» слово «обижает» на слово «ценю» [14]. По сути, обида рассматривается как незавершенный гештальт, который часто перерастает в чувство вины и является одним из аспектов невротического механизма слияния. Таким образом, часто обида оказывается формой поддержания совместности там, где ее нет. Поэтому при работе с обидой гештальтподход предлагает рассматривать эту иллюзию совместности в сторону ее осознания и отказа от нее. Такой подход можно рассматривать как важный шаг в сторону обретения автономии и личностной зрелости, так как предполагает способность воспринимать мир таким, каков он есть, и находиться в контакте, в том числе и со своим разочарованием от утраты иллюзии. Исходя из этого обида связывается с невозможностью личности дифференцировать

свои границы и потребности, находясь в контакте с реальностью, что характеризует недостаточно сформированное самосознание.

Основоположник транзактного анализа Э. Берн рассматривает обиду как чувство, связанное с эгосостояниями, как фиксированную эмоциональную реакцию, сопровождающую либо берущую исток в жизненной позиции «Я не благополучен (я не о'кей) – Вы благополучны (Вы о'кей)» [4].

Развивая идеи транзактного анализа в контексте исследования обиды и обидчивости, В.В. Макаров отмечает, что обида является эмоцией, сопровождающей контаминацию (заражение) Взрослого состояния «Я» Детским [9: с. 57] и замещающей аутентичное чувство гнева [9: с. 100]. В этом случае состояние Ребенка превалирует над состоянием Взрослого, что, в свою очередь, характеризует неспособность к принятию ответственности, рациональной оценке ситуации. Другими словами, мы также имеем дело с проявлением незрелой личности. Цель транзактного анализа как психологической практики обозначается достаточно четко – развитие состояния Интегрированного Взрослого, обладающего автономией, осознанностью, спонтанностью и способностью к близости в отношениях. Перечисленные качества соответствуют уровню развития самосознающей, автономной личности.

Одно из базовых положений в когнитивно-поведенческом подходе (КПТ) состоит в том, что эмоции берут начало в оценке опыта и подвержены когнитивным искажениям, следовательно, обида рассматривается как *результат когнитивного искажения* [3]. В основе переживания обиды лежат глубинные убеждения, сформированные в результате негативного опыта и плохо осознаваемые. Такие убеждения имеют непосредственное отношение к образу Я и отражают самые болезненные переживания – никчемность, беспомощность и безнадежность. В практике КПТ предполагается процесс выхода из переживания обиды путем пересмотра приведших к возникновению обиды глубинных убеждений и исправления их. Однако такая возможность появляется тогда, когда индивид готов встать на позицию Самосознающей личности, научиться видеть иррациональность собственных интерпретаций опыта, выходить за рамки привычных поведенческих паттернов. В данном случае КПТ представляет собой определенный инструментарий для развития личностной зрелости.

Отечественные исследования проблемы обиды и обидчивости до недавнего времени затрагивались лишь в контексте исследования эмоций косвенно. Например, в своих трудах В.К. Виллюнас рассматривает обиду как «ситуативную эмоцию» и относит ее к аффектам [5: с. 124]. Б.И. Додонов также описывает обиду как эмоцию, вызываемую объектив-

ной ситуацией, в отличие от эмоций, вызываемых оценкой собственного поведения [7: с. 63].

А.Г. Шмелев разделяет эмоциональную реакцию обиды на «нормальную» и «необоснованную». «Нормальная» обида – это «огорчение, вызванное несоответствием между ожидаемым поведением другого и реальными поступками и словами» [20: с. 29]. При этом А.Г. Шмелев рассматривает обиду именно как демонстративную реакцию, так как «мы стараемся показать обидчику, что он был не прав, и тем самым добиться, чтобы происшедшее больше не повторялось» [20: с. 29]. «Необоснованная» обида, по мнению А.Г. Шмелева, является признаком эгоцентризма, и он даже выделяет несколько видов необоснованной обиды:

- 1) демонстративную обиду, ошибку в ожиданиях;
- 2) ошибочную трактовку действий партнера как вредных;
- 3) ошибочную трактовку действий партнера как преднамеренных;
- 4) ошибочную трактовку событий как возникших в результате намеренных действий партнера [20].

Ю.М. Орлов, будучи одним из первых отечественных ученых, кто посвятил исследование именно обиде, хотя и в паре с виной (наподобие гештальт-подхода), отмечает, что обида, как и любая другая эмоция, выполняет «положительные функции в приспособлении людей друг к другу» [12: с. 2]. Кроме того, Ю.М. Орлов высказывает взгляд на обиду, схожий с гештальт-подходом, – о связи обиды с понятием ценности. «Мы обижаемся на любимых, а также и на тех, с которыми связаны каким-либо соглашением, явным или неявным» [12: с. 8]. В своем исследовании автор раскладывает процесс возникновения обиды на последовательные этапы, где первый этап – ожидания относительно поведения другого человека, второй этап – акт восприятия поведения другого, которое неблагоприятно отклоняется от ожиданий в неприятную сторону, и третий этап – оценка этого поведения путем сличения с моими ожиданиями; в результате – «разорванность» души [12: с. 10]. В целом Ю.М. Орлов определяет обиду «аффективным продуктом последовательных ложных умственных актов приписывания другому человеку программ определенного поведения» [12: с. 9].

Среди исследователей последних двух десятилетий наиболее цитируемым является исследование О.А. Апуневич [1], который определяет обиду как «реактивное, отрицательное эмоциональное состояние, протекающее по кумулятивному типу развития, анализируется нами как аффект, собственно эмоция и чувство. В основе аффекта обиды, по мнению автора, лежит переживаемое состояние внутреннего конфликта, порождаемого противоречиями между требованиями, предъявляемыми че-

ловеку, а также самому себе, и возможностями их выполнить» [1: с. 7]. Обидчивость же определяется как «свойство личности, характеризующее склонность к переживанию обид в разнообразных личностно-значимых ситуациях, даже при минимальном рассогласовании ожиданий и реального поведения субъектов по взаимодействию» [1: с. 8].

М.А. Набатова в своей диссертации также высказывает сходное с О.А. Апуневич понимание обиды как эмоционального переживания, которое тоже связано с несправедливостью во взаимоотношениях между партнерами по общению, однако акцентируя внимание на том, что обида связана с несовпадением ожиданий и реальности [10].

Сопоставляя вышеперечисленные подходы с характеристиками этапов личностного развития, можно отметить, что для каждого из них характерны определенные виды мышления, преобладающие процессы обработки информации и сопоставления ее с ментальной «картой реальности». Несовпадение реальности с ожиданиями порождены искажениями, обобщениями и опущениями в процессах моделирования ситуаций, другими словами – мышление носит иррациональный, незрелый характер. Если использовать терминологию нейролингвистического подхода, то описанные переживания обиды отражают мышление с первой позиции. Это означает, что человек воспринимает мир эгоцентрически и видит только собственные желания и потребности, не принимая во внимание потребности других и ситуацию в целом.

В свою очередь, Ю.В. Печин считает, что мнение о принадлежности обиды исключительно к классу эмоций методологически не обосновано, так как эмоции неразрывно связаны с интеллектом, процессами познания и с волевыми процессами. «То есть обида должна рассматриваться как явление когнитивное, эмоциональное (аффективное) и волевое» [15: с. 95]. Кроме того, Ю.В. Печин высказывает точку зрения, что обида подпадает и под определение страсти, данное Л.С. Рубинштейном: «Страсть – это сильное, стойкое, длительное чувство, которое, пустив корни в человеке, захватывает его и владеет им...» [15: с. 95]. В связи с этим ученый считает справедливым применить к анализу обиды концепцию доминанты А.А. Ухтомского [15: с. 95].

Среди авторов, исследующих феномен обиды, интерес представляет взгляд Н.Ю. Гусакова на обиду не только как на эмоциональную реакцию, но и как на процесс. И как в любом процессе, в нем есть цель, порядок действия и результат [6: с. 25]. Н.Ю. Гусаков раскладывает этот процесс на элементы внутреннего порядка – цель, ценности, компоненты картины мира, осознание и оценка происходящего и элементы внешнего порядка – действия других людей по отношению к личности.

В центре всего механизма обиды Н.Ю. Гусаков располагает чувство и ценность собственного достоинства: обида есть униженное достоинство человека или нереализованная потребность в его признании [6: с. 43].

Е.С. Царева рассматривает обиду как состояние, связанное по смыслу с понятием несправедливости, отмечая при этом, что данное состояние имеет как бы 2 полюса: претензию к другому лицу и жалость к себе. Эти две составляющие присутствуют в описании обиды как эмоции, в зависимости от того, какая сторона описывает [19: с. 127]. В своем исследовании алгоритма возникновения обиды Е.С. Царева делает вывод, что обида – это, прежде всего, жалость к себе, соединенная с претензией к другому.

Подводя итог нашему обзору, можно выделить три основных аспекта, характеризующих незрелость личности, склонной к переживанию обиды.

Когнитивный аспект отражает уровень мыслительных процессов и проявляется в нереалистичной картине действительности, эгоцентричности мышления, в котором преобладают иррациональные установки. Ментальная незрелость оказывает влияние на построение собственной идентичности – образ Я наполнен условиями ценности и зависим от оценок социального окружения. Такая личность по большей части склонна к дихотомичности и катастрофизации в оценках происходящего.

Аффективный аспект отражает низкий порог толерантности к ситуациям фрустрации, подверженность к эмоциональным всплескам, низкий уровень осознанности и дифференциации рациональных процессов от эмоциональных, алекситимию. Неустойчивость идентичности порождает «мятник» самооценки, что, в свою очередь, вызывает необходимость использования психологических защит. В связи с эмоциональной нестабильностью можно предположить наличие тревожности и невротизации личности.

Поведенческий аспект отражает незрелость личности в выборе неэффективных стратегий реакций и проблем, связанных с разрешением конфликтов и адаптацией.

Таким образом, вопрос об изучении соотношения уровня развития личности и переживания обиды представляет интерес как с теоретической, так и с практической точки зрения. С одной стороны, мы можем использовать склонность к переживанию обиды в качестве диагностического признака уровня личностного развития, с другой стороны, на основе модели личностной зрелости мы можем формулировать цели для решения психологических проблем на практике. В связи с этим довольно перспективным представляется проведение эмпирического исследования в данном направлении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апуневич, О.А. Психологические особенности преодоления обиды и обидчивости в подростковом возрасте : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.07 / О.А. Апуневич. – Курск, 2001. – 16 с.
2. Асмолов, А.Г. Психология личности : учебник / А.Г. Асмолов. – Москва : Изд-во МГУ, 1990. – 367 с.
3. Бек, Д. Когнитивная терапия: полное руководство / Д. Бек ; пер. с англ. – Москва : ООО «И.Д. Вильямс», 2006. – 400 с.
4. Берн, Э. Игры, в которые играют люди: Психология человеческих взаимоотношений / Э. Берн. – Москва : Эксмо, 2013. – 352 с.
5. Виллюнас, В.К. Психология эмоциональных явлений / В.К. Виллюнас. – Москва : Изд-во МГУ, 1976. – 142 с.
6. Гусаков, Н.Ю. Обида (психогенез деструктивного поведения) : монография / Н.Ю. Гусаков. – Йошкар-Ола : МарГУ, 2010. – 123 с.
7. Додонов, Б.И. Эмоция как ценность / Б.И. Додонов. – Москва : Политиздат, 1978. – 272 с.
8. Лоуэн, А. Терапия, которая работает с телом / А. Лоуэн. – Санкт-Петербург : Речь, 2000. – 272 с.
9. Макаров, В.В. Транзактный анализ – восточная версия / В.В. Макаров, Г.А. Макарова. – Москва : Академический Проект, ОПШЛ, 2002. – 496 с.
10. Набатова, М.А. Социально-педагогическая помощь младшим школьникам в преодолении обид : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 07.00.02 / М.А. Набатова. – Кострома, 2005. – 19 с.
11. Оллпорт, Гордон В. Личность в психологии / Гордон В. Оллпорт. – Москва : Ювента, 1998. – 345 с.
12. Орлов, Ю.М. Обида. Вина / Ю.М. Орлов. – Москва : Слайдинг, 2004. – 96 с.
13. Перлз, Ф. Гештальтсеминары (пер. с английского) / Ф. Перлз. – Москва : Институт Общегуманитарных Исследований, 2008. – 352 с.
14. Перлз, Ф. Опыт психологии самопознания. Практикум по гештальттерапии / Ф. Перлз ; пер. с нем. М. Папуша. – Москва : Академический Проект, 2020. – 273 с.
15. Печин, Ю.В. Исследования обиды в российской психологии: Современное состояние и перспективы / Ю.В. Печин // Siberian pedagogical journal. – 2016. – № 3. – С. 93–96.
16. Райх, В. Анализ личности / В. Райх ; пер. С.Ю. Романюк, Т.В. Русина, Я. Шапиро. – Санкт-Петербург : Ювента, 1999. – 333 с.
17. Руженков, В.А. Методика диагностики личностной зрелости / В.А. Руженков, В.В. Руженкова, И.С. Лукьянцева // Научные ведомости. – 2016. – № 26 (247). – С. 65–70. – (Серия: Медицина. Фармация).
18. Фрейд, З. Истерия и страх / З. Фрейд ; пер. с нем. А.М. Боковой. – Москва : ООО «Фирма СТД», 2006. – 320 с.
19. Царева, Е.С. Обида как форма реагирования на проявления агрессивности в общении / Е.С. Царева // Вестник Брянского государственного университета. – 2015. – № 2. – С. 126–129.
20. Шмелев, А.Г. Острые углы семейного круга: психология обыденной жизни / А.Г. Шмелев. – Москва : Знание, 1986. – 93 с.

DOI: 10.31079/1992-2868-2020-17-4-61-67

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ПЕРЕЖИВАНИЯ ТОСКИ

И.А. Воробьева

Автор выделяет ключевые составляющие слова «переживание» в русском языке, анализирует теоретические и содержательные аспекты проблемы переживания в отечественной и зарубежной психологии. Выделено семантическое поле слова «тоска» и сгруппированы характеристики по основным значениям понятия «переживания». Представлены три психологические модели переживания тоски: экзистенциальная, депривационная и клиническая. На основе анализа научной литературы выделены основные аспекты философского понимания тоски, важные для психологического осмысления феноменологии ее переживания. Описаны основные проявления переживания тоски при депрессивных расстройствах.

Ключевые слова: переживание, тоска, семантическое поле, экзистенциальная, депривационная, клиническая модели тоски.

PSYCHOLOGICAL MODELS OF EXPERIENCING ANGUISH

I.A. Vorobyova

The author identifies key components of the word "experience" in the Russian language, analyzes the theoretical and substantive aspects of the problem of experience in Russian and foreign psychology. The semantic field of the word "anguish" was singled out and its characteristics were grouped according to the basic meanings of the concept "experience". Three models of anguish are presented: existential, deprivational and clinical. On the basis of scientific literature analysis, we identified the main aspects of the philosophical understanding of anguish, which are important for the psychological understanding of the phenomenology of its experience. The main manifestations of the experience of anguish in depressive disorders are described.

Key words: experience, anguish, semantic field, existential, deprivational, clinical models of anguish.

Любой человек в различных жизненных ситуациях испытывает эмоциональные переживания, которые представляют собой проявление, неотъемлемую часть его внутренней жизни, работы его сознания. Проблема переживания в психологии традиционно связана с эмоциями. Эту связь можно найти у К. Изарда в определении эмоций: «На чувственном уровне эмоции представляют собой переживание, имеющее непосредственную значимость для индивида» [7]. Несмотря на «историю проблемы», активное использование понятия в психологических текстах, оно не приобрело характера общепринятой научной дефиниции, продолжают дискуссии по определению понятия и его теоретическая концептуализация, нахождение эмпирических коррелятов с другими психологическими явлениями (когнитивными, рефлексивными, поведенческими, мотивационными и т.д.), возрастными, гендерными, профессиональными факторами и т.д.

На основе анализа работ исследователей (В.В. Виноградов [17], С.В. Духновский [5], В.Л. Лехциер [9] и др.) и данных различных словарей («Толковый словарь великорусского языка» В. Даля [3], «Словарь русского языка в 4 томах» [12] и др.) мы выделили ключевые составляющие слова «переживание» в русском языке:

- витальный смысл корня слова «переживание» через глагол «жить», т.е. существовать, быть живым; переживающий – значит еще живой, действующий, участвующий, включенный в жизнь;
- результативный смысл переживания через действие «пережить» (выжить, преодолеть трудности; найти силы, вынести что-либо, сохранить или утратить свое значение после смерти);
- процессуальный смысл переживания через действие «переживать» (подвергнуться какому-либо испытанию, узнать, изведать, ощутить, почувствовать);
- аффективный смысл переживания как состояния, сопровождающего действия «пережить» и «переживать» (весь спектр ощущений, состояний, настроений, чувств, эмоций);
- когнитивный смысл переживания как самосознания (себя (Я), идентичности, своих возможностей, ресурсов, пределов);
- переживание как переход и переход как переживание (пространственно-временной аспект, движение, направленность, изменения, перерождения);
- переживание как целостность отношения к миру, другим и к себе (целостность «всматривания» в мир, в других и в себя);
- бинарная модальность переживания (переживание горя–радости, счастья–тоски, любви–нена-

Воробьева Ирина Александровна – кандидат психологических наук, доцент кафедры иностранных языков Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).

Vorobyova Irina Aleksandrovna – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Languages at Pacific National University (Khabarovsk).

E-mail: VIA_76@mail.ru

© Воробьева И.А., 2020

висти, успеха–неудачи, отчаяния–надежды, встречи–прощания, обиды–прощения вины, греха–искупления, уничтожения–гордыни и т.д.).

Истоки анализа проблематики переживания восходят к интроспективной психологии, классической психологии сознания, где под переживанием понималось любое испытываемое субъектом эмоционально окрашенное состояние и явление действительности, непосредственно представленное в сознании и выступающее как событие его собственной жизни. В истории отечественной психологии проблема переживания методологически (теоретически) и феноменально (содержательно) была представлена работами Л.С. Выготского. Исследователи, проблемной областью научной работы которых является переживание, с той или иной степенью тщательности опираются (или просто ссылаются) на работы Л.С. Выготского.

В современных исследованиях актуализировано рассмотрение переживания в контексте культурно-исторической теории. Наглядным примером этого является статья Н.Н. Вересова «Переживание как психологический феномен и теоретическое понятие: уточняющие вопросы и методологические медитации». Автор строит методологические рассуждения (медитации) на различии в текстах Л.С. Выготского переживания как феномена/процесса, который можно эмпирически наблюдать и исследовать (П 1), и понятия «переживание» как теоретического инструмента анализа процесса методологического развития (П 2). Исследователь подчеркивает значимость такого различия, которое может стать важным шагом на пути к углублению понимания теоретического содержания понятия «переживание» в культурно-исторической теории [1].

Среди работ, определивших современное отечественное исследовательское поле феномена переживания, особое место занимают работы Ф.Е. Василюка, которые выступают методологическими установками в отношении теоретического осмысления переживаний и психотехнической системы работы с ними. Основной каркас (из понятий и психических феноменов) для возможного изучения переживания Ф.Е. Василюк представил в работе 1984 г. «Психология переживания. Анализ преодоления критических ситуаций». Предложенная им модель получила развитие в практике психологической помощи личности. В данном исследовании критическая ситуация рассмотрена как динамичное образование, определяющее внутреннюю и внешнюю активность субъекта. Введенное Ф.Е. Василюком понятие «критическая ситуация» акцентирует внимание на ресурсах человека, невозможности (в данный момент жизни) реализации субъектом внутренних потребностей своей жизни.

Среди отечественных работ обобщающего характера следует назвать монографию С.В. Духновского

«Переживание дисгармонии межличностных отношений». В данной работе представлен многоаспектный анализ психологии переживания, что позволило автору выделить основные теоретические положения, необходимые для построения модели переживания, и сделать основные выводы, которые подчеркивают процессуальный характер переживаний и их динамизм как смены состояний и настроений человека.

В качестве детерминант глубины, остроты и динамики переживания выделены внешние условия (природные, физические, социальные) и психологическая устойчивость личности. На наш взгляд, психологическая устойчивость в проблеме переживания носит характер не теоретического концепта, а скорее диагностического конструкта, операционализация которого (в отношении конкретных переживаний) позволит проводить соответствующие эмпирические корреляции. Существующий измерительный инструментарий психологической устойчивости (включающий как нервно-психический параметр, так и личностный потенциал) включен сегодня в диагностическую модель возможных кризисных ситуаций и их переживания-преодоления или переживания, но преодоления [5: с. 74].

Из последних комплексных теоретико-эмпирических исследований следует отметить докторскую диссертацию Л.Р. Фахрутдиновой «Структурно-динамическая организация переживания субъекта» [14]. В данной работе автор рассматривает переживание в максимально многоаспектных отношениях с психологическими явлениями (переживание в структуре сознания, в деятельности, субъектно-личностные характеристики и переживание). Эмпирическая часть исследования включает: изучение переживания в структуре субъектно-личностных характеристик человека (взаимодействие переживания и структур Я, эгозащитные механизмы, психические процессы и состояния, зрительное восприятие, эмоциональные процессы и т.д.); исследование переживания в структуре личности (переживание и темперамент, характер, способности, направленность личности); особенности переживания в социально-психологических явлениях (переживание субъекта и социально-психологические феномены учебной группы, переживание и семейные отношения). Исследование многочисленных связей определяется той теоретической моделью, которую автор представляет как структурно-динамическую организацию переживания.

Среди зарубежных психологических концепций переживания, основанных в значительной мере на идеях феноменологии, следует выделить концепцию американского психолога Юджина Джендлина [4]. Анализ его теоретических рассуждений и психотерапевтических подходов представлен в статье А.М. Улановского, который выделяет в концепции

Ю. Джендлина ряд важных позиций общего базового понимания переживания через осмысление работы с этими переживаниями. Ю. Джендлин рассматривает переживание как центральный и основополагающий феномен человеческой жизни. Он представляет собой непрекращающийся и слабо оформленный поток чувствований, который наличествует в нас в любой момент времени и который доступен для прямого обращения, распознавания и экспликации. Ю. Джендлин подчеркивает идею телесности переживаний, перечисляет некоторые признаки переживания: это то, что постоянно меняется; комплексно обусловлено; доступно для бесконечного множества последующих интерпретаций и способов символизации; значительно лучше соотносится с литературой и гуманитаристикой, чем с наукой; не может быть редуцировано к единицам любой объяснительной системы [13: с. 33–39].

Вольвич Ю.К. отмечает, что современные исследователи изучают переживание как элемент эмоциональной жизни человека в трех аспектах. Представители одного подхода (Б.А. Вяткин, Л.Я. Дорфман, А.О. Прохоров, Е.П. Ильин) связывают понятие «переживание» с психическими состояниями, которые являются активной, системной, приспособительной реакцией личности на внешние и внутренние воздействия и направлены на сохранение ее целостности, обеспечение жизнедеятельности в конкретных условиях обитания. В рамках данного подхода переживание определяется как совокупность ощущений, эмоций, чувств и аффектов, возникающих в связи с высокозначимой для индивида ситуацией, имеющей для него проблемный характер.

Представители адаптационного подхода рассматривают переживание как способность индивида выдерживать психическое и физическое напряжение, необходимое для благополучного преодоления проблемной ситуации (Бондырева, Колесов). Переживание осуществляет аффективную мобилизацию ресурсов психики индивида ради выживания в проблемной ситуации и повышения вероятности выживания в последующих подобных ситуациях.

В деятельностном подходе (Ф.Е. Василюк) переживание рассматривается как внутренняя деятельность субъекта по принятию фактов и событий жизни, по установлению смыслового соответствия между сознанием и бытием, обретению внутренней, смысловой разрешенности действия. Необходимость в переживании возникает у субъекта в особых критических жизненных ситуациях, при невозможности жить, как раньше, и реализовывать внутренние потребности своей жизни (мотивы, стремления, ценности). Такими критическими ситуациями в жизни человека являются стрессы, фрустрации, конфликты и кризисы. Переживание становится для человека, переживающего критическую ситуацию,

восстановительной работой, а его целью является добывание осмысленности дальнейшей жизни. Таким образом, в рамках деятельностного подхода переживание представляется как особая деятельность, особая работа, реализуемая внешними и внутренними действиями, по перестройке психологического мира, направленная на установление смыслового соответствия между сознанием и бытием, повышение осмысленности жизни [2: с. 30–31].

Понятие тоски имеет глубокие корни в русской лингвокультуре. Смыслы, входящие в его содержание, фиксируются уже в древнерусском языке – в тексте «Слова о полку Игореве», где оно употребляется два раза в значении «горе, печаль». На основе анализа словарей и лингвокультурных исследований мы выделили семантическое поле слова «тоска» и сгруппировали характеристики по основным значениям понятия «переживания». На наш взгляд, понятие «тоска» в русской языковой картине мира имеет следующее содержание:

- витальное: соматическое выражение (тоска в глазах, во взгляде у кого-нибудь; тоска сжимает, давит, теснит сердце, душу, грудь); физическое ощущение (ноющее, тянущее, сосущее ощущение в теле, желудке, в ногах и т.д.); болезнь (смертная, припадки; удушье, теснота) или порча – наводить; «тоска – это смерть» (смертная, предсмертная, смертельная тоска; с тоски, от тоски пропасть, умереть);

- идеальное (психологическое): эмоции, состояние, чувство (наводить, нагонять тоску на кого-н.; разогнать, развеять, рассеять тоску); душевное томление, тревога в соединении с грустью; тяжелое, враждебное, агрессивное, сильное, острое, опасное, смертельное, неприятное, неопределенное, если сладкое – то одновременно странное; тоска любви, отчаяния, одиночества;

- действенно-результативное: активная, самостоятельно существующая сила: (олицетворенная – царит, берет; вроде зверя – грызет, нападает; механизма или груза – сжимает, давит; или подобная стихии – накатывает как волны, шторм; разогнать, рассеять, развеять, нагнать тоску – как тучи, бурю);

- пространственно-временное: тоска – некая субстанция, само пространство, царящее вокруг, «пропитывающая» все вокруг, вгоняет в тоску; тоска – проходящее или постоянное чувство/состояние;

- цветовые, звуковые, вкусовые характеристики: тоска ассоциативно связана с цветовым спектром – «зеленая» и негативным черным цветом; выражение душевной угнетенности, безысходности, печали в музыке, песне; тоска может быть сладкой и горькой;

- каузаторы и объекты тоски: «тоска по родине», «тоска по правде», «тоска по жене и детям», тоска по любимому человеку – речь здесь идет не столько о мучительно болезненном чувстве, сколько о сильном

желании, особом отношении к соответствующему объекту, а также утраты (близкого человека, надежды, смысла жизни, ценностей и т.д.);

– тоска активно корреспондирует с понятиями смерти, ужаса, душевной муки, отчаяния, неопределенностью, однако тоска может быть и сладкой. В биполярности переживания тоска «сдвинута» в сторону страдания, отчаяния.

Переживание тоски имеет бинарную природу и не может быть рассмотрено только в контексте «негативной» эмоции. Тоска как содержательный элемент переживания выполняет многочисленные функции, связанные с осмыслением жизни через страдание, отчаяние, потери, что определяет экзистенциальный смысл тоски. Одним из основных каузаторов тоски является «утрата»: контакта, близких, родных, любви, цели, смысла, что определяет депривационный характер тоски. Состояние тоски относится к симптомам неврозов и депрессии, что делает необходимым выделение клинического аспекта переживания тоски.

На основе анализа различных концепций переживания тоски мы выделяем три модели тоски: экзистенциальную, депривационную и клиническую [11].

Экзистенциальная модель тоски определяет основные содержательные характеристики тоски, связанные с поисками смысла жизни. Тоска в этой модели выполняет функции смыслообразования, «второго рождения», рефлексивную, трансцензуса, предвосхищения, катарсиса, гармонизации-дисгармонизации, развития и инволюции [11: с. 166].

Проблема понимания тоски как экзистенции может быть рассмотрена в контексте трех взаимосвязанных феноменов – собственно тоски, тревоги, страха (ужаса) и скуки. От тоски к скуке – так можно определить характер современных публикаций, фиксирующих распространенность «пустоты» скуки, все более заполняющей экзистенциальное пространство современного мира. Э. Кьеркегор, М. Хайдеггер, Ж.П. Сартр, Н. Бердяев, О.В. Бильнов рассуждали о тоске-тревоге, тоске-страхе, тоске-скуке не как болезни, но как о феноменах существования, экзистенциях.

На основе анализа научной литературы мы выделили основные аспекты философского понимания тоски, важные для психологического понимания феноменологии ее переживания: 1) тоска как следствие страха (М. Хайдеггер); 2) тоска – страх (Ж.П. Сартр); 3) тоска как вечное нетерпение, ожидание с надеждой, как действительность и возможность свободы (С. Кьеркегор); 4) тоска как показатель человечности (Ж. Батай); 5) тоска как конфликт между жизнью человека и трансцендентным, тоска как переживание богооставленности, тоска как спасение (Н. Бердяев); 6) тоска как цель становления и ощущение направленности времени (О. Шпенглер); 7) тоска как способ бытия, преддверие открытости и

целостности бытия (Н. Хамитов); 8) тоска как отражение социальной меланхолии (К. Юханнисон); 9) скука как трансформация тоски в современном пространстве жизни.

Депривационная модель тоски определяет основные содержательные характеристики тоски, связанные с отсутствием кого-либо или чего-либо, с утратами, лишениями. Переживание тоски объектно («тоска по любимому», «тоска по Родине», «по правде», «по достойной жизни» и т.д.) и отражает невозможность удовлетворить желание, потребность, цель, стремления [11: с. 166].

В депривационной модели тоски мы выделяем три основных подхода:

– переживание «утраты» в широком понимании потери, переживаемой как состояния аффектов различной интенсивности, не связанных с психиатрическими диагнозами, психопатологической симптоматикой, переживаемой как «нормальная депрессия», без клинических проявлений, поведенческих и когнитивных изменений;

– клинический вариант «утраты» как экзогенного фактора, провоцирующего психогенный, тревожный, экзистенциальный, витальный типы депрессивного расстройства, в которых тоска представлена как доминирующий аффект или во взаимодействии с другими эмоциями;

– смешанные варианты глубокого душевного переживания «утраты» и проявлений расстройств аффективного спектра временной локализации.

В историческом контексте депривационная модель тоски в ее клинических и неклинических проявлениях связана с переживанием ностальгии. Учитывая прямое значение слова как «тоска по родине», будет логичным более подробно остановиться на этом явлении. В историческом контексте наиболее полное описание работ по ностальгии представлено К. Ясперсом («Ностальгия и преступления», 1909, 1913).

Следует отметить, что первым диссертационным исследованием по психологии ностальгии в отечественных источниках является работа А.Б. Фенько «Психология ностальгии», 1994 (руководитель – Ф.Е. Василюк). Как пишет автор исследования, «... работа ставит своей задачей дальнейшую разработку концепции переживания и ее наполнение реальным феноменологическим содержанием» [15]. Эта задача решается на примере психотехнического описания и анализа конкретного переживания (ностальгии), осуществленного на материале литературно-художественных произведений, религиозных и философских текстов, современного фольклора. Ностальгия рассматривается автором на фоне многочисленных изменений, последующих за распадом СССР (эмиграция, утрата социального статуса и национальной-культурной идентичности). Психологическим содержанием этих изменений становятся ностальгиче-

ские настроения, внутренние конфликты, связанные с осмыслением своего прошлого и психологическим принятием происходящих перемен [15].

В соответствии с психотехническим аспектом переживания и концептом «жизненный мир» (Ф.Е. Василюк) ностальгия рассматривается как внутренняя работа, направленная на восстановление непрерывности жизни и целостности личности. Это восстановление достигается с помощью создания психологического новообразования – Прошло-го. На основе анализа творчества В. Набокова автор выявляет роль ностальгии в формировании образа прошлого, который придает непрерывность жизненному пути человека, превращает его в историю и сохраняет единство личности на всех ее этапах.

Современный этап развития темы «ностальгия» связан с проблематикой «социальная ностальгия». Чижишева А.С. подчеркивает, что «рассмотрение феномена ностальгии в рамках научного дискурса можно считать своего рода эмпирическим индикатором процессов, происходящих в современном социогуманитарном знании [16: с. 1].

Автор выделяет ряд позиций, связанных с проблематикой «социальной ностальгии» как «социальной памяти»: 1) ностальгия как миф, «контрапрезентый», по выражению Я. Ассмана; 2) ностальгия как этическая метафора; 3) ностальгия как эстетическая метафора; 4) ностальгия как механизм преодоления травмы, восстановления целостности исторического континуума; 5) ностальгия как социальная практика, вид социальной игры; 6) ностальгия как вид моральной рефлексии и самоиронии [16: с. 3–4].

Исторический фон и современность книг о ностальгии могут быть признаком не случайности интереса медиков, психиатров, психологов, философов, художников, писателей к этому феномену. Интерес этот возник из наблюдений, диагнозов безумий, психиатрических экспертиз преступлений, совершенных в аффекте тоски, лечений и перешел в иную общую культурологическую, социологическую, философскую, эстетическую, художественную коннотацию и в современный поток коммерциализации ностальгии.

Клиническая модель тоски определяет основные содержательные характеристики, связанные с аффектом тоски, соматическими проявлениями, симптомами депрессии [11: с. 166]. Данная модель тоски может быть рассмотрена в симптоматике расстройств аффективного спектра (О.П. Вертоградова, В.Н. Краснов, И.Л. Степанов, В.А. Жмуров, Ю.Л. Нуллер, И.Н. Михайленко, Б.Б. Саленко, Д.А. Смирнова, И.А. Гундарев и др.), в частности депрессивного аффекта. В современных теориях депрессия рассматривается как комплексное явление, связанное с нейрофизиологическими и биологическими факторами, с рядом аффектов и с различными аффективно-когнитивными структурами.

В современных словарях под аффективным расстройством (*affective disorder*) понимается «*any psychiatric disorder featuring abnormalities of mood or emotion (affect). The most serious of these are depression and mania*» – любое психическое расстройство, связанное с нарушением настроения или эмоционального состояния (аффект). Наиболее серьезными из них являются депрессия и мания (перевод наш. – И.В.) [18].

Нас интересуют те виды депрессии, в которых тоска (и близкие к ней аффекты – печаль, тревога, страх) является доминирующим параметром депрессивного синдрома:

– *депрессия психогенная* (реактивная): депрессивный синдром с аффектом тоски и общей психомоторной заторможенностью [Иммерман К.Л.]. Возможны астенические, истерические и параноидные включения. Суточные колебания настроения отсутствуют, тоска не носит характера витальной. В переживаниях больных звучит психогенно-травмирующая ситуация. Благоприятный прогноз, но возможны затяжное течение и витализация;

– *депрессия витальная* [Schneider K.]: депрессия, протекающая с переживанием глубокой, предсердечной тоски, сочетающейся с подавлением жизненных инстинктов, явлениями болезненной психической анестезии. Термин используется также для обозначения эндогенной депрессии в общем смысле;

– *депрессия тревожная*: в клинической картине преобладает симптоматика тревоги. Характерно постоянное тягостное ожидание несчастья, которое, по убеждению больного, совершенно неотвратимо ждет его. Часто сочетается с идеями виновности, греховности, но иногда воспринимается больными как незаслуженная беда, проявление присущей больному невезучести, рокового стечения обстоятельств. Явления двигательного и речевого возбуждения, ламентации при углублении тревоги;

– *депрессия экзистенциальная* [Haufner H.]: депрессивные состояния, в которых при типичной клинической картине эндогенной витальной депрессии отмечаются компоненты, выступающие как проявления реактивной депрессии, своеобразное «отчаяние по поводу самовыпадения» из нормальных межличностных взаимоотношений.

Следует отметить, что в отечественных исследованиях симптоматика тоски в аффективных проявлениях была актуализирована в 80-х гг. прошлого столетия и нашла продолжение в последние десятилетия. Анализ исследований (В.А. Жмуров, Ю.Л. Нуллер, И.Н. Михайленко, И.А. Гундарев, Б.Б. Саленко, О.П. Вертоградова, В.Н. Краснов и др.) позволяет выделить основные диагностические проявления переживания тоски при депрессивных расстройствах.

1. Представлено достаточно полное описание проявлений тоски в динамике: при легких эпизодах проявляется меланхолическая подавленность настроения

(эдепремированность, удрученность, печальность), при более тяжелых вариантах депрессии диагностируется аффект тоски. В.А. Жмуров описывает нарастание аффекта тоски: возникновение неопределенного, не поддающегося описанию ощущения какого-то неблагополучия, угнетенности, угасания, снижения жизненного тонуса; больной еще не чувствует отчетливо плохого настроения, но утрачивает способность испытывать радость, а неприятные события воспринимает сильнее, болезненнее [6].

Описывая динамику симптоматики при эндогенной депрессии, исследователи подчеркивают, что тоска с самого начала приобретает витальный оттенок: исчезает чувство бодрости, доминирует слабость, немощность, нарушаются сон, аппетит, половые функции, появляются ощущения тяжести, боли, давления, сжимания, локализованные чаще всего в области сердца. Физические ощущения могут быть и в других частях тела, в которых пациенты локализуют тоску. Больные жалуются на равнодушие, ослабление интересов, утрату желаний, безучастность, субъективно переживаемые как болезненное состояние. Пациенты нередко проводят обстоятельную ревизию своей прошлой жизни [10].

2. Исследователи констатируют сложность определения и даже описания депрессивного (в точном переводе – угнетенного, подавленного) настроения. Сами больные (с различной по глубине депрессией) не могут сформулировать свои переживания и прибегают к сравнениям, метафорам, описаниям по контрасту: «на душе тяжесть, камень, мрак», «все потеряло смысл и радость», «стало тяжело жить», «такое самочувствие, как будто я перенес какую-то серьезную болезнь, свертяжелый грипп», «как будто свалилось большое горе, все в жизни рухнуло». Общими (для всех описаний) были потеря способности испытывать радость и возникновение своеобразной психической инертности: «трудно заставить себя что-либо делать, хотя физические силы еще есть, но нет импульса», «разленилась, надо встать, что-то делать, но никак не дать себе приказ, слабость какая-то, но не физическая, а душевная», «вроде бы силы еще есть, но пропали побудительные мотивы, нет желаний», «делать работу по инерции еще могу, но трудно заставить себя действовать целенаправленно», «исчезло ощущение цели» и т.д. Ю.Л. Нуллер и И.Н. Михаленко отмечают, что больные подчеркивают отличия угнетенного настроения от переживания горя, различных несчастий, даже смерти самых дорогих людей. Авторы считают, что эти затруднения в описании обусловлены необычностью болезненных ощущений, возникающих при эндогенной депрессии, их витальностью, отличием от всего того, что раньше пришлось испытать в жизни, и, как следствие, – отсутствие в обиходном лексиконе слов и терминов, способных отразить подобные переживания [10].

3. Важно подчеркнуть, что в структуре аффективных нарушений, наряду со сниженным настроением, всегда присутствует тревога, а в значительной части случаев – и деперсонализация. Именно их сплав образует то мучительное ощущение, которое характерно для депрессии, но различное соотношение трех перечисленных компонентов определяет особенность этого ощущения у каждого больного. Авторы отмечают, что в настоящее время многими исследователями признается, что аффективная патология при эндогенной депрессии включает помимо аффекта тоски (депрессивного настроения) и тревогу. Именно соотношение этих двух компонентов определяет в значительной степени синдромологическую характеристику депрессивного состояния.

4. Исследователи констатируют возникновение сложностей из-за нечеткости научной терминологии: крайняя противоречивость определения аффектов и эмоций в психиатрической и в психологической литературе, проблемы в классификации эмоций и эмоциональных состояний. Как показало наше исследование, ряд вопросов возникает и в связи с лингвокультурными особенностями описания эмоциональных компонентов.

5. Несмотря на определенную размытость описаний тоски, сложность однозначного отнесения симптома к тоске, можно выделить ее основные проявления:

- мучительное ощущение безысходности, беспомощности, отчаяние, внутреннее напряжение, подавленность, психическую инертность, невыносимую тяжесть на душе (душевная боль), мучительное переживание утраты желаний, целей, интересов, безучастность, (как болезненное состояние), чувство вины, угрызания совести и т. д.;

- главный признак тоски – длительное отсутствие радости, когда никакие положительные внешние обстоятельства не меняют душевного состояния. Первична именно невозможность радоваться, переживать положительные эмоции; душа реагирует на это состояние тоской;

- патологическая фиксация внимания на ошибках и проступках в прошлом, тяжесть которых чрезмерно утрируют, испытывая моральные страдания или душевную боль (психалгия);

- собственно витальные проявления: угнетение «инстинкта жизни», снижение жизненного тонуса, настроения, исчезновение чувства бодрости, доминирование слабости, анегия, немощность, нарушения сна, аппетита, половых функций, появление ощущения тяжести, боли, давления, сжимания, локализация тоски в области сердца и в других частях тела;

- связь переживания тоски и тревоги различной интенсивности (от легкого беспокойства, неуверенности или напряженности до выраженной агитации);

- суточные колебания тоски в легких и тяжелых формах депрессии имеют разную картину и явля-

ются симптоматическими: тоска может появляться до, сразу, после полного пробуждения, после дневного сна, вечером, не проявляться при тяжелой депрессии (возникновение суточных колебаний диагностируется как улучшение состояния).

Авторы исследований аффективных психозов отмечают, что клиническая картина витальной тоски хорошо известна каждому психиатру. Тем не менее остается дискуссионным вопрос, что именно лежит в основе депрессивного аффекта (чувство потери, утраты или это нормальный депрессивный аффект как ответ на реальную угрозу, тяжелые события или болезненный, являющийся следствием искаженного, патологического восприятия себя и ситуации).

Наряду с аффектом тоски необходимо учитывать бихевиористские и когнитивные параметры для идентификации состояния тоски. Человек использует поведенческие характеристики (социальные контакты, прекращение связей, негативные социальные взаимодействия), когнитивные представления об определенном типе социальных контактов, взаимодействиях, которые характеризуют «нормальный» тип взаимоотношений и который нарушен, искажен, «поломан».

В статье В.Н. Краснова «Диагноз и классификация психических расстройств в русскоязычной психиатрии» в разделе расстройств аффективного спектра представлена концепция психопатологической общности данных расстройств. Автор выделяет тенденцию трансформации аффективных расстройств с течением времени или при развитии повторных эпизодов – от преобладающих тревожных симптомов к смешанным тревожно-депрессивным состояниям и далее к собственно депрессивному синдрому. В стадиях развития депрессии автор выделяет собственно депрессивную стадию, включающую три этапа (субстадии):

- депрессию с элементами тревоги в сочетании с тоскливым аффектом;
- депрессию с доминированием тоски при наличии скрытой тревоги;
- депрессию с ареактивностью/гипореактивностью и психомоторной заторможенностью.

В соответствии с классическими традициями важно учитывать, что изменениям подвергаются не только эмоциональные проявления синдрома, но и его соматические, мотивационно-волевые, двигательные, когнитивные (исполнительные и идеаторные) компоненты [8].

Таким образом, рассмотрение тоски как эмоционального явления определяет обращение к психологическим концепциям, раскрывающим различные аспекты аффективной сферы личности. Тоска как эмоциональный компонент в структуре переживания выполняет функции смыслообразования,

«второго рождения», рефлексивную, гармонизации-дисгармонизации личности, понимания, трансцензуса, катарсиса и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вересов, А.Н. Переживание как психологический феномен и теоретическое понятие: уточняющие вопросы и методологические медитации / А.Н. Вересов // Культурно-историческая психология. – 2016. – Т. 12, № 3. – С. 129–148.
2. Вольвич, Ю.К. Психологические ресурсы устойчивости личности к стрессу в организациях разных сфер и видов деятельности : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.01 / Ю.К. Вольвич. – Москва, 2018. – 266 с.
3. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : избр. ст. / В.И. Даль ; совмещ. ред. изд. В.И. Даля и И.А. Бодуэна де Куртэнэ ; [науч. ред. Л.В. Беловинский]. – Москва : ОЛМА Медиа Групп, 2009. – 573 с.
4. Джендлин, Ю. Фокусирование: новый психотерапевтический метод работы с переживаниями / Ю. Джендлин ; пер. с англ. – Москва : Независимая фирма «Класс», 2000. – 488 с.
5. Духновский, С.В. Переживание дисгармонии межличностных отношений : монография / С.В. Духновский. – Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2005. – 174 с.
6. Жмуров, В.А. Психопатология / В.А. Жмуров. – Москва : Медицинская книга, 2002. – 668 с.
7. Изард, К.Э. Психология эмоций / К.Э. Изард ; пер. с англ. – Санкт-Петербург : Питер, 2000. – 464 с.
8. Краснов, В.Н. Расстройства аффективного спектра / В.Н. Краснов. – Москва : Практическая медицина, 2011. – 432 с.
9. Лехциер, В.Л. Феноменология «пере»: введение в экзистенциальную аналитику переходности / В.Л. Лехциер. – Самара : Самарский университет, 2007. – 332 с.
10. Нуллер, Ю.Л. Аффективные психозы / Ю.Л. Нуллер, И.Н. Михайленко. – Ленинград : Медицина, 1988. – 264 с.
11. Невструева, Т.Х. Психосемантический анализ переживания тоски : монография / Т.Х. Невструева, И.А. Воробьева. – 2-е изд., перераб. и доп. – Хабаровск : Изд-во Тихоокеанского гос. ун-та, 2018. – 300 с.
12. Словарь русского языка. В 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Русский язык, 1981–1984. – 752 с.
13. Улановский, А.М. Феноменология в психологии и психотерапии: прояснение неотчетливых переживаний / А.М. Улановский // Московский психотерапевтический журнал. – 2009. – № 2. – С. 27–51.
14. Фахрутдинова, Л.Р. Структурно-динамическая организация переживания субъекта : автореф. дис. ... д-ра психол. наук / Л.Р. Фахрутдинова. – Казань, 2012. – 41 с.
15. Фенько, А.Б. Психология ностальгии : автореф. дис. ... канд. психол. наук / А.Б. Фенько. – Москва, 1994. – 24 с.
16. Чикишева, А.С. Феномен ностальгии в постсоветской массовой культуре / А.С. Чикишева // Фундаментальные проблемы культурологии : сб. ст. по материалам конгресса. Т. 6. Культурное наследие: От прошлого к будущему / отв. ред. Д.Л. Спивак. – Москва : Новый хронограф: Эйдос, 2009. – С. 267–277.
17. Этимология. Принципы реконструкции и методика исследования / под ред. Л.А. Гиндина, Г.А. Климова, В.А. Меркуловой [и др.]. – Москва : Наука, 1965. – 397 с.
18. Concise Medical Dictionary (8 ed.): Oxford University Press, 2014. – URL: <https://www.oxfordreference.com/view/10.1093/acref/9780199557141.001.0001/acref-9780199557141-e-209?rkey=WSJJUJ&result=234> (accessed: 10.07.2020).

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ СУБЪЕКТА ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

DOI: 10.31079/1992-2868-2020-17-4-68-78

ЖИЗНЕСПОСОБНОСТЬ СПЕЦИАЛИСТОВ ПОМОГАЮЩИХ ПРОФЕССИЙ*

А.В. Махнач

О.А. Плющева

Статья посвящена исследованию общей и профессиональной жизнеспособности специалистов на организационном, групповом и индивидуальном уровнях. Рассматриваются взаимосвязи компонентов жизнеспособности с социально-психологическим климатом в коллективе и субъективным восприятием жизнеспособности разных субъектов труда. Проводится сравнение показателей жизнеспособности у рядовых сотрудников, администраторов, внештатных специалистов и стажеров организации, занимающейся оказанием помощи людям, находящимся в сложной жизненной ситуации.

Ключевые слова: жизнеспособность человека, профессиональная жизнеспособность, компоненты, уровни и факторы жизнеспособности, объективная и субъективная картина жизнеспособности, социально-психологический климат в коллективе, карьерная мотивация, самоэффективность, настойчивость, локус контроля, копинг-поведение, самоактуализация.

RESILIENCY OF SPECIALISTS IN THE CARING PROFESSIONS

A.V. Makhnach

O.A. Plyushcheva

The article is devoted to the study of the general and professional resiliency of specialists at the organizational, group and individual levels. The relationship of the components of resiliency with the socio-psychological climate in the team and the subjective perception of the resiliency of different subjects of labor are considered. A comparison is made of the resiliency indicators of employees, administrators, volunteer and trainees of an organization providing assistance to people in difficult live situations.

Key words: human resiliency, professional resiliency, components, levels and factors of resiliency, objective and subjective picture of resiliency, socio-psychological climate in the team, career motivation, self-efficacy, persistence, locus of control, coping behavior, self-actualization.

Исследования жизнеспособности в психологической науке долгое время ведутся в направлении изучения личности в контексте ее столкновения с жизненными трудностями, бросающими вызов способности к выживанию. Важное в изучении жизнеспособности – это понимание ее как многокомпонентного конструкта, помогающего продук-

тивно отвечать на те или иные изменения, не подвергаясь длительным регрессионным изменениям. Актуальной перспективой дальнейших исследований жизнеспособности человека и в целом – организации видится ее изучение в русле психологии труда и организационной психологии [6]. Пандемия коронавируса, затронувшая весь мир, обострила проблему способности к преодолению, сохранению устойчивости, психическому благополучию, быстрому восстановлению у врачей, социальных работников [12; 17] и актуализировала для научно-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-07409мк «Социально-психологические ресурсы жизнеспособности человека в условиях неопределенности».

Махнач Александр Валентинович – кандидат психологических наук, заместитель директора по научной работе Института психологии Российской академии наук (г. Москва).

Makhnach Aleksandr Valentinovich – Candidate of Psychological Sciences, Deputy Director for Research at Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences (Moscow)

E-mail: makhnach@ipran.ru

Плющева Ольга Александровна – соискатель Института психологии Российской академии наук, психолог Московского государственного психолого-педагогического института (г. Москва).

Plyushcheva Olga Aleksandrovna – Applicant for the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Psychologist of the Moscow State Psychological and Pedagogical Institute (Moscow)

E-mail: plolal@yandex.ru

го исследования темы благополучия, ресурсности, жизнеспособности профессионалов.

В психологии жизнеспособность традиционно определяют как динамический процесс, включающий позитивную адаптацию в контексте серьезных невзгод [21]. Исследователи описали защитный или «прививочный эффект» жизнеспособности в условиях профессионального стресса и выгорания [24]. Он включает в себя способность положительно реагировать и адаптироваться к повседневным стрессовым событиям путем развития личных ресурсов, которые в конечном итоге позволяют выйти за пределы тех проблем, с которыми они столкнулись [13]. В литературе, посвященной исследованиям индивидуальной жизнеспособности, жизнеспособность профессионала представляется как более значительное психологическое явление, чем традиционно исследуемое в психологии труда и организационной психологии выгорание. Жизнеспособность профессионала является зонтичным понятием и включает в себя позитивную адаптацию и постоянное развитие личных и профессиональных ресурсов. Необходимо отметить, что в исследованиях обращается внимание на неблагоприятные проблемы на рабочем месте, которые непосредственно влияют на жизнеспособность профессионала. Жизнеспособность отличается от восстановления в том смысле, что восстановление после воздействия неблагоприятного события подразумевает период, когда нормальное функционирование приостанавливается, в то время как жизнеспособность включает поддержание равновесия без потери нормального функционирования [10]. Существует несколько вероятных источников проблем с жизнеспособностью профессионала в первичной психологической помощи. Во-первых, проблемы могут возникать из-за сложных случаев или конфликтов с трудными пациентами. Во-вторых, проблемы могут быть связаны с организационными ситуациями, характерными для конкретного рабочего места, например, общением внутри коллектива, системой администрирования или личными отношениями между конкретными сотрудниками. В-третьих, внешнее организационное давление может оказывать негативное влияние такими средствами, как усиление контроля за работой специалистов посредством, например, системы качества и оценки результативности, правил непрерывного профессионального развития и условий аттестации.

Сложные или неблагоприятные условия на рабочем месте могут вызвать каскад эмоциональных и психологических реакций, которые могут быть трудными в управлении или сдерживании, снижая жизнеспособность профессионала [20]. В исследовании личностных качеств у врачей, медсестер, психологов, социальных работников и священни-

ков, работающих в клинике паллиативной медицины, показано, что постоянная работа с больными раком может привести к усталости от сострадания, сопровождающегося выгоранием, вторичным травматическим стрессом и низким уровнем удовлетворения своей профессиональной деятельностью. Показано, что специалисты, которые проработали дольше, сообщают о более высоком уровне удовлетворенности и более низком уровне эмоционального выгорания. Нейротизм у специалистов связан со вторичным травматическим стрессом и выгоранием, доброжелательность прочно коррелирует с удовлетворением от собственного чувства сострадания. Авторы делают вывод о том, что нейротизм является фактором риска, а удовлетворение способствует жизнеспособности специалистов [18]. В другом исследовании показана степень влияния на психологическое и физическое здоровье лиц, осуществляющих профессиональный уход за больными раком на поздних стадиях. Целью работы было изучение факторов, способствующих жизнеспособности лиц, осуществляющих уход за такими больными. Были определены четыре основных фактора их жизнеспособности: 1) признание, понимание со стороны администрации медицинской организации; 2) доступность паллиативной помощи; 3) информация и сообщение о болезни, прогнозе и смерти; 4) содействие хорошим отношениям между лицом, осуществляющим уход, и пациентом. Администрация медицинского учреждения может повысить жизнеспособность специалистов, осуществляющих уход, за счет ряда простых вмешательств. По мнению авторов, постоянное образование должно учитывать их потребности, способствуя их жизнеспособности. Рекомендуется систематическая позитивная оценка потребностей специалистов в поддержке со стороны администрации [22]. В работе фокус-групп была проведена дискуссия о систематической поддержке лиц, осуществляющих помощь больным раком. Специалистами было обращено внимание на необходимость организационных изменений в системе такой помощи: 1) образование в области поддержки лиц, осуществляющих уход, коммуникации и духовную помощь, 2) использование стандартизированных методов оказания помощи, включая систематическую оценку потребностей лиц, осуществляющих уход, 3) систематическое участие врачей общей практики и 4) документацию клинической работы осуществляющими уход специалистами [23].

В целом на основании метаанализа нескольких десятков исследований, посвященных работе специалистов с онкологическими больными и их родственниками, делается вывод о том, что специалистам требуется обладать личными и профессиональными качествами, среди которых развитие эф-

фективных навыков совладания и жизнеспособности, напрямую связанных с улучшением их здоровья и благополучия, продолжительностью работы и улучшением качества ухода за пациентами. В проведенном обзоре был определен ряд стратегий, позволяющих лучше подготовить специалистов к сложным вопросам практики и поддержать их психологическое благополучие. Ими были выделены наиболее эффективные стратегии, заслуживающие внимания, которые: а) способствуют установлению связей внутри команды; б) обеспечивают образование и обучение управлению поведением, которое помогает контролировать или ограничивать интенсивность стресса или способствует восстановлению; в) помогают анализировать переживаемые эмоции и извлекать уроки из опыта. Делается вывод о том, что специалисты должны взять на себя ответственность за разработку личных стратегий поведения в их трудной работе, чтобы помочь самим себе справляться с ситуацией и повышать жизнеспособность, при этом поддержка организации является неотъемлемой частью подготовки специалистов к решению проблем, связанных с работой [14].

В настоящее время изучение жизнеспособности человека ведется в русле социокультурного (экологического) подхода к человеку как системе, взаимодействующей с другими большими и малыми социальными и экологическими системами [11]. Этот подход позволяет анализировать жизнеспособность на микросистемном, экосистемном, мезосистемном, макросистемном и хроносистемном уровнях, факторы защиты и риска для успешного функционирования, оценивать влияния среды на индивида, внешних интервенций и их интенсивность.

В отечественной литературе системно-экологическая концепция жизнеспособности человека и семьи получила развитие в наших работах [4; 5]. Нами были выделены шесть взаимосвязанных компонентов жизнеспособности человека (пять внутренних и один внешний): *способность к контролю над собственным функционированием*, которая выражается в самоэффективности человека; *способность к проявлению упорства, самодисциплины*, выражающаяся в настойчивости человека; *способность к управлению потребностями в неблагоприятных условиях* выражается в принятых им стратегиях совладания и адаптации; *способность влиять на окружение и ход жизни в будущем*, проявляющаяся во внутреннем локусе контроля; *мировоззренческая направленность*, которая выражается в устремленности человека к духовному развитию, нравственному поведению; *способность к выстраиванию семейных и социальных взаимосвязей* проявляется в умении человека выстраивать эти отношения. Компонентная модель жизнеспособности человека позволяет изучать исследуемый феномен в многомерном, много-

уровневом представлении, широко раскрывающем его психологическое содержание [3].

Следует отметить также, что в основании всех существующих моделей жизнеспособности лежит рассмотрение двух категорий *факторов*: риска и защиты. В контексте профессиональной деятельности выделяется также три *уровня* жизнеспособности [1]:

- 1) организационный;
- 2) межличностный или групповой;
- 3) индивидуальный.

На организационном уровне жизнеспособность включает: способность организации адаптироваться в сложных условиях, умение восстанавливаться после неблагоприятных событий и способность поддерживать выполнение желаемых достижений, несмотря на оказываемое давление.

На групповом или межличностном уровне выделяется два основных индикатора жизнеспособности: характеристики сетей контактов, межличностных отношений и особенности лидерства.

На индивидуальном уровне: наличие определенных знаний, умений, навыков и опыта, обеспечивающих возможность выживать в трудных профессиональных ситуациях; особое состояние человека, его жизненный и профессиональный опыт, обеспечивающий ситуационную адаптацию; потенциальная возможность личности, обеспечивающая успешный поиск индивидуально-личностного способа существования в профессии; личностная характеристика, направленная на обеспечение более эффективной адаптации и высокой результативности в условиях профессиональной деятельности. Как иллюстрация значимости исследования индивидуального уровня жизнеспособности в исследовании показана связь между жизнеспособностью организации, ее человеческим капиталом и эффективностью работы сотрудников. Основываясь на ресурсном подходе к организации, кластерной стратегии и теориях сохранения ресурсов, авторы выделяют доказательства всеобъемлющей роли и значения человеческого капитала в управлении более успешными организациями, поскольку они обладают большей жизнеспособностью в трудные времена [19].

Приведенные уровни представляют своё функциональное значение как факторы защиты. К факторам риска на организационном уровне можно отнести социальную нестабильность, изменения государственной политики, экономические кризисы, системные и технические сбои, экологические катастрофы, терроризм, а также стресс, испытываемый персоналом вследствие объективно и субъективно воспринимаемых угроз, в том числе прямых угроз их жизни и здоровью.

К факторам риска на групповом уровне относятся – особенности лидерства и межличностных

отношений, конфликты, нарушения дисциплины, повышение трудовых нагрузок, социальные предпосылки (увеличение сложности и скорости общественной жизни, переход от постоянных трудовых коллективов к краткосрочным проектам) и пр.

К факторам риска на индивидуальном уровне можно отнести временные (монотония, утомление, психическое напряжение) и длительные (хроническая усталость, выгорание, профессиональные кризисы и профессиональные заболевания) состояния, которые могут затрагивать разные грани трудового процесса: профессиональную деятельность, личность профессионала, профессиональное общение. В результате неполноценного преодоления кризиса могут возникать личностные деформации, снижение или искажение профессиональной самооценки и возможностей, усиление защитных механизмов личности, снижение интереса к дальнейшему росту за счет угасания позитивных и усиления негативных установок [2]. По мнению Э.Э. Сыманюк и А.А. Печеркиной, тип жизнеспособности обуславливает стратегии преодоления кризисов и может быть использован для прогнозирования конструктивности или деструктивности профессионального развития личности [9].

Целью нашего исследования, таким образом, стало обнаружение тех особенностей и характеристик жизнеспособности специалиста, которые могут нам помочь обнаружить дефицит или ресурсность определенных зон и определить направление поддержки, коррекции или развития жизнеспособности и специалиста и организационной структуры.

Учитывая приведенную структуру жизнеспособности, ее профессиональной стороны, в своем исследовании мы опирались на перечисленные выше уровни (организационный, групповой, индивидуальный), факторы (риска и защиты) и компоненты, касающиеся индивидуального уровня, который и был предметом нашего исследования (самоэффективность, настойчивость, совладание, внутренний локус контроля, духовность, социальные и семейные взаимосвязи).

Мы полагаем, что подобные исследования могут помочь сформировать представление о том, какие зоны жизнеспособности у специалистов тех или иных профессий являются наиболее значимыми, какие подвержены уязвимости, какие диагностические процедуры необходимы для их обнаружения, и какие меры и технологии будут способствовать ее поддержанию, что в целом должно послужить обнаружению фокусов управления жизнеспособностью той организации, в которой эти специалисты работают. Для специалистов, работающих в условиях повышенного риска, такие меры профилактики могут стать особенно значимыми.

Эмпирическое исследование

В рамках нашего интереса к жизнеспособности специалистов нами было проведено эмпирическое исследование, включающее три этапа. На первом этапе исследования нашей задачей было обнаружить особенности понимания специалистами тех критериев, которые являются для них мешающими, разрушительными относительно их профессионального благополучия на рабочем месте и тех, которые они видят как поддерживающие, ресурсные, и которые могут быть соотнесены с компонентами, уровнями и факторами профессиональной жизнеспособности.

На втором этапе интересующими нас задачами были – обнаружение особенностей, характеризующих жизнеспособность специалистов, имеющих разный статус в организационной среде, взаимосвязь общей, профессиональной и субъективной жизнеспособности, с влиянием на нее социально-психологического климата в коллективе, а также соотнесением их картины жизнеспособности с ее уровнями и факторами.

На третьем этапе нашей задачей было составить «портрет» стажера, претендующего на вакантное место в организации, а именно тех особенностей, которые характеризуют его профессиональную жизнеспособность.

Для реализации поставленных задач была определена выборка и методы исследования, подобраны соответствующие методики тестирования, разработаны письменные опросники. В исследовании приняли участие работники организации, выполняющие обязанности в качестве штатных и внештатных (работающих на безвозмездной основе) специалистов, а также стажеры, претендующие на вакантные места и проходящие обучение в данной организации. Базой исследования выступила некоммерческая организация АНО «Проект СО-действие», предоставляющая услуги по оказанию информационной поддержки и психологической помощи онкологическим и паллиативным больным, а также их родственникам и специалистам, работающим в этой области.

Общая выборка исследования составила 217 чел. ($N = 217$, мужчины – 8,65 %, женщины – 91,35 %, средний возраст – 38,5 лет). На первом этапе в исследовании приняли участие рядовые специалисты (как те, кто работали в этой организации ранее, так и те, кто продолжали в ней работать на момент исследования) – 51 чел. На втором этапе принимали участие 106 специалистов, работающих в организации: из них штатных специалистов – 53 чел. (в том числе сотрудники из административного состава – 19 и рядовые сотрудники – 34), внештатных специалистов – 53 чел. На третьем этапе выборку составили стажеры организации – 60 чел.

В исследовании были применены методы анкетирования, тестирования и письменного опроса. Для обработки полученных результатов были использованы методы контент-анализа, корреляционного анализа и факторного анализа. Математико-статистическая обработка результатов проводилась с помощью программы Microsoft Office EXCEL 2007 и IBM SPSS Statistics 23.0.

В анкете участникам предлагалось ответить на вопросы, касающиеся социально-демографических данных. В составленных нами опросниках – на вопросы, касающиеся факторов риска и защиты в их работе, а также субъективных представлений о жизнеспособности организации, своих подразделений и себя самих как специалистов этой организации.

Для тестирования с целью реализации поставленных задач нами были отобраны 9 методик, предложенных нашим участникам: тест «Жизнеспособность взрослого человека» А.В. Махнача (далее – тест 1); методика «Мотивация к карьере» А. Ноэ, Р. Ноэ, Д. Баххубер (адаптация Е.А. Могилевкина) (далее – тест 2); методика определения психологического климата коллектива А.Н. Луточкина (далее – тест 3); экспресс-методика по изучению социально-психологического климата в коллективе О.С. Михалюка, А.Ю. Шальто (далее – тест 4); методика определения общей и социальной самоэффективности М. Шеера, Дж. Маддукса (адаптация А.В. Бояринцевой) (далее – тест 5); шкала настойчивости А. Дакворте, К. Петерсон, М. Мэтьюс, Д. Келли (адаптация Т.О. Гордеевой, Е.Н. Осина) (далее – тест 6); методика исследования локуса контроля Дж. Роттера (адаптация О.П. Елисеева) (далее – тест 7); методика «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» Н. Эндлер, Дж. Паркер (адаптация Т.Л. Крюковой) (далее – тест 8); краткий индекс самоактуализации Э. Джоунс, Р. Крэндалл (далее – тест 9).

В рамках поставленных исследовательских задач был проведен контент-анализ, которому на первом этапе исследования был подвергнут текст из 129 ответов, а на втором этапе исследования – из 441. По его результатам было обнаружено, что наибольшее количество упоминаемых в тексте ответов специалистов, понимаемых как ресурсные, способствующие их жизнеспособности, заняли такие понятия, как атмосфера коллегиальности, профессиональное совершенствование, супервизия, определенные личностные черты специалистов, способности, умения и интересы, а также наличие у них гуманистических ценностей (подробнее см.: [8]).

Полученные на втором этапе результаты контент-анализа мы сопоставили с перечисленными выше уровнями жизнеспособности в профессиональной сфере. Ответы респондентов про организационный уровень подразумевали их субъектив-

ную оценку того, что помогает организации, в которой они работают, поддерживать свою жизнеспособность. По групповому (межличностному) уровню анализ ответов респондентов касался особенностей лидерства, а именно того, какими качествами, по мнению респондентов, обладают жизнеспособные лидеры. На индивидуальном уровне респонденты отвечали на вопрос о том, что поддерживает их собственную жизнеспособность на рабочем месте (подробнее см.: [7]).

На втором и третьем этапе исследования были применены корреляционный и факторный анализы эмпирических данных. В настоящей статье более подробно мы опишем результаты, полученные при применении корреляционного анализа.

Для изучения взаимосвязей компонентов общей жизнеспособности человека и профессиональной жизнеспособности с компонентами карьерной мотивации, социально-психологического климата в коллективе, а также социально-демографическими показателями и субъективной оценкой жизнеспособности субъектов организации был проведен корреляционный анализ по методу коэффициента ранговой корреляции Спирмена. Результаты анализа в разных выборках представлены ниже. Все корреляционные связи представлены на статистически значимом уровне $p < 0,05$ и $p < 0,01$.

1. Корреляционные связи по социально-демографическим данным общей выборки.

Для изучения взаимосвязей социально-демографических показателей с компонентами жизнеспособности и социально-психологического климата в коллективе в общей выборке были проанализированы корреляционные связи по возрасту, общему профессиональному стажу, наличию детей и длительности работы в данной организации.

Возраст респондентов общей выборки положительно связан с показателями жизнеспособности человека «*Духовность*» (тест 1) у всех специалистов и стажеров ($r = 0,214$; $p < 0,05$) и «*Совладание и адаптация*» (тест 1) у административного состава ($r = 0,642$; $p < 0,01$), а отрицательно связан с показателями «*Карьерная причастность*» (тест 2) у всех специалистов ($r = -0,218$; $p < 0,05$), «*Эмоциональный компонент*» у внештатных специалистов ($r = -0,315$; $p < 0,05$) и «*Когнитивный компонент социально-психологического климата в коллективе*» у штатных рядовых сотрудников ($r = -0,406$; $p < 0,05$) (тест 4).

Общий профессиональный стаж (опрашиваемые имели стаж работы в области психологии) имеет положительную корреляционную связь с показателями «*Общая жизнеспособность*» человека (тест 1), в частности с показателем «*Совладание и адаптация*» у внештатных специалистов ($r = 0,312$; $p < 0,05$) и «*Духовность*» у штатных со-

трудников ($r = 0,343$; $p < 0,05$) и стажеров ($r = 0,366$; $p < 0,01$), а также с показателем «Причастность» у стажеров ($r = 0,276$; $p < 0,05$). И отрицательную – с показателем «Эмоциональный компонент социально-психологического климата в коллективе» у рядовых сотрудников ($r = -0,344$; $p < 0,05$).

Наличие и количество детей у респондентов положительно коррелирует с показателем «Общая жизнеспособность» у стажеров ($r = 0,342$; $p < 0,01$) и отрицательно – с показателем компонента жизнеспособности «Настойчивость» (тест 1) ($r = -0,341$; $p < 0,05$) и показателем «Карьерная мотивация» (тест 2) у рядовых сотрудников ($r = -0,490$; $p < 0,01$), в частности с показателями «Причастность» ($r = -0,461$; $p < 0,01$) и «Карьерная интуиция» ($r = -0,479$; $p < 0,01$) (тест 2), в то время как с показателем «Профессиональная жизнеспособность» (тест 2) выраженной связи не обнаружено.

Длительность работы в организации положительно коррелирует с показателем компонента жизнеспособности «Духовность» у всех специалистов ($r = 0,224$; $p < 0,05$) и субъективной оценкой уровня жизнеспособности своих подразделений у административного состава ($r = 0,839$; $p < 0,01$) и оценкой своей собственной жизнеспособности как специалиста в этой организации у штатных сотрудников в целом ($r = 0,457$; $p < 0,01$).

2. Корреляционные связи показателей общей, профессиональной и субъективно-оцениваемой жизнеспособности.

Были изучены взаимосвязи показателей компонентов общей жизнеспособности, профессиональной жизнеспособности и субъективной оценки жизнеспособности в коллективе у специалистов организации по r -критерию Спирмена.

Результаты исследования выявили у всех респондентов выраженную корреляционную связь между показателем «Общая жизнеспособность» человека и всеми ее компонентами по показателям «Самозффективность» (тест 1) ($r = 0,810$; $p < 0,01$), «Настойчивость» ($r = 0,763$; $p < 0,01$), «Внутренний локус контроля» (тест 1) ($r = 0,723$; $p < 0,01$), «Совладание и адаптация» ($r = 0,784$; $p < 0,01$), «Духовность» ($r = 0,486$; $p < 0,01$), «Семейная поддержка» (тест 1) ($r = 0,485$; $p < 0,01$) с показателями «Профессиональная жизнеспособность» ($r = 0,495$; $p < 0,01$) и «Карьерная мотивация» ($r = 0,591$; $p < 0,01$) (с компонентами «Карьерная интуиция» ($r = 0,555$; $p < 0,01$) и «Причастность» ($r = 0,429$; $p < 0,01$)).

Кроме того, обнаружена положительная корреляционная связь, преимущественно у рядовых сотрудников, между показателем «Общая жизнеспособность» человека и показателями субъективных оценок жизнеспособности: а) своей профессиональной жизнеспособности как специалиста

($r = 0,227$; $p < 0,05$) – по показателям шкал «Самозффективность» ($r = 0,285$; $p < 0,01$), «Настойчивость» ($r = 0,320$; $p < 0,01$), «Совладание и адаптация» ($r = 0,237$; $p < 0,05$); б) жизнеспособности самой организации ($r = 0,221$; $p < 0,05$) – по показателям шкал «Самозффективность» ($r = 0,212$; $p < 0,05$), «Совладание и адаптация» ($r = 0,210$; $p < 0,05$); в) жизнеспособности лидерского состава – только по показателю «Самозффективность» ($r = 0,209$; $p < 0,05$), а также положительная связь показателей «Общая жизнеспособность» и «Социально-психологический климат в коллективе» (тест 3) ($r = 0,250$; $p < 0,01$), особенно по показателю «Поведенческий компонент» преимущественно у группы специалистов, работающих на безвозмездной основе ($r = 0,213$; $p < 0,05$) (тест 4).

Показатель «Профессиональная жизнеспособность» у всех респондентов прямо коррелирует с показателем «Общая жизнеспособность» ($r = 0,495$; $p < 0,01$) по показателям всех компонентов жизнеспособности человека (очень слабо выражен только показатель «Духовность»), а также показатель «Карьерная мотивация» ($r = 0,861$; $p < 0,01$) с показателями компонентов «Карьерная интуиция» ($r = 0,575$; $p < 0,01$) и «Причастность» ($r = 0,562$; $p < 0,01$). Корреляционная связь показателей «Профессиональная жизнеспособность» и «Социально-психологический климат в коллективе» выражена только у специалистов, работающих на безвозмездной основе ($r = 0,290$; $p < 0,05$) и особенно по показателю «Поведенческий компонент» ($r = 0,370$; $p < 0,01$). Выраженной взаимосвязи показателя «Профессиональная жизнеспособность» специалиста с его субъективной оценкой своей профессиональной жизнеспособности, а также жизнеспособности организации, ее подразделений и лидеров обнаружено не было.

Показатели субъективных оценок жизнеспособности (организации, ее подразделений, лидеров и самих себя как специалистов данной организации) положительно коррелируют между собой, чем выше одни – тем выше другие.

Кроме того, субъективная оценка жизнеспособности субъектов положительно коррелирует с показателями социально-психологического климата в коллективе (тест 3): жизнеспособности организации ($r = 0,577$; $p < 0,01$), жизнеспособности лидеров ($r = 0,394$; $p < 0,01$) и жизнеспособности самих себя ($r = 0,373$; $p < 0,01$), хотя у специалистов, входящих в состав административного отдела, эта корреляция выражена слабо.

Несмотря на отсутствие выраженной связи показателей субъективных оценок жизнеспособности субъектов с показателем «Профессиональная жизнеспособность», имеется корреляция с показателем «Карьерная мотивация»: оценка жизнеспособности

лидеров ($r = 0,205$; $p < 0,05$), оценка своей собственной жизнеспособности ($r = 0,198$; $p < 0,05$).

3. Корреляционные связи показателей жизнеспособности в разных группах специалистов организации.

Были изучены взаимосвязи показателей компонентов общей и профессиональной жизнеспособности, субъективных оценок жизнеспособности и социально-психологического климата в коллективе в разных группах специалистов (администраторы и рядовые, штатные и внештатные) по r -критерию Спирмена. Результаты корреляционного анализа показали некоторые различия в опрашиваемых группах.

Так, у **сотрудников административного состава** такой показатель жизнеспособности человека, как *духовность*, коррелирует с показателем «Совладание и адаптация» ($r = 0,475$; $p < 0,05$) и показателем «Эмоциональный компонент социально-психологического климата в коллективе» ($r = 0,555$; $p < 0,05$). По-видимому, выявленные корреляции свидетельствуют об особой роли механизмов совладания и способности к адаптации в облегчении проживания тех или иных сложностей и организационных стрессов при участии ценностных категорий, духовности. Исследователи жизнеспособности человека всегда опираются на связанность понятий: «выстоять» (идея совладания) и «измениться» (идея развития), которые связаны с духовностью человека [15; 16; 25]. При этом такой показатель жизнеспособности человека, как *семейная поддержка*, находится в отрицательной корреляционной связи с показателями субъективных оценок жизнеспособности организации ($r = -0,537$; $p < 0,05$), лидерского состава ($r = -0,652$; $p < 0,01$), себя как специалиста ($r = -0,751$; $p < 0,01$). Объяснение этого феномена может лежать в русле психоаналитической парадигмы, и тогда организация выступает некоей «фигурой замещения», т.е. при достаточно развитом семейном ресурсе нет нужды в жизнеспособной профессиональной среде или она оценивается более критично, и наоборот. Положительно коррелирует у этих сотрудников показатель субъективной оценки своей жизнеспособности как специалиста и «Поведенческий компонент социально-психологического климата в коллективе» ($r = 0,589$; $p < 0,01$).

Показатели субъективных оценок жизнеспособности организации, лидеров и себя как специалиста коррелируют между собой. Выраженной корреляции с другими показателями общей и профессиональной жизнеспособности и показателями оценки социально-психологического климата в коллективе как благополучного у сотрудников административного состава не обнаружено.

В группе **рядовых сотрудников** выделяется корреляционная связь показателя «Причастность»

с показателем «Когнитивный компонент социально-психологического климата в коллективе» ($r = 0,492$; $p < 0,01$) и субъективной оценки жизнеспособности лидерского состава ($r = 0,351$; $p < 0,05$).

Субъективная оценка жизнеспособности лидерского состава также коррелирует у рядовых сотрудников с показателем компонента жизнеспособности «Настойчивость» ($r = 0,343$; $p < 0,05$). Субъективная оценка жизнеспособности организации – с показателем «Совладание и адаптация» ($r = 0,377$; $p < 0,05$) и показателем «Социально-психологический климат в коллективе» ($r = 0,691$; $p < 0,01$), в частности по показателю «Эмоциональный компонент» ($r = 0,390$; $p < 0,05$). Субъективная оценка жизнеспособности своего подразделения – с показателями «Самоэффективность» ($r = 0,345$; $p < 0,05$) и «Социально-психологический климат в коллективе» ($r = 0,392$; $p < 0,05$).

И именно у рядовых сотрудников, более чем у других, объективный уровень общей жизнеспособности положительно коррелирует с субъективной оценкой своей жизнеспособности как специалиста в этой организации ($r = 0,412$; $p < 0,05$). А субъективная оценка жизнеспособности своего подразделения – с субъективной оценкой этими сотрудниками жизнеспособности организации в целом ($r = 0,362$; $p < 0,05$).

У рядовых сотрудников, как и у административного состава, не обнаружено выраженной корреляции показателей общей и профессиональной жизнеспособности с показателями социально-психологического климата в коллективе.

В группе **внештатных специалистов**, работающих на безвозмездной основе, на первый план выходит корреляция показателя «Общая жизнеспособность» с показателем «Профессиональная жизнеспособность» ($r = 0,521$; $p < 0,01$) и показателем «Поведенческий компонент социально-психологического климата в коллективе» ($r = 0,297$; $p < 0,05$), отвечающий за желание работать в этом коллективе и общаться с коллегами вне рабочей обстановки.

Субъективная оценка жизнеспособности организации у этих специалистов коррелирует с показателями «Карьерная интуиция» ($r = 0,334$; $p < 0,05$) и «Поведенческий компонент социально-психологического климата в коллективе» ($r = 0,497$; $p < 0,01$). Субъективная оценка жизнеспособности лидеров – с показателем «Эмоциональный компонент социально-психологического климата в коллективе» ($r = 0,318$; $p < 0,05$), говорящем о привлекательности коллектива для респондента. Субъективная оценка своей собственной жизнеспособности как специалиста этой организации – с показателями компонентов жизнеспособности «Настойчивость» ($r = 0,345$; $p < 0,05$) и «Карьерная интуиция» ($r = 0,307$; $p < 0,05$). Субъективная оценка жизне-

способности организации положительно коррелирует с оценкой своей собственной жизнеспособности в ней как специалиста ($r = 0,471$; $p < 0,01$).

4. Корреляционные связи по показателям компонентов жизнеспособности в группе стажеров.

Для изучения взаимосвязей показателей компонентов общей и профессиональной жизнеспособности с показателями самооффективности, настойчивости, локуса контроля, копинг-стратегий и самоактуализации в группе стажеров были проанализированы корреляционные связи по r -критерию Спирмена.

Корреляционный анализ в этой группе показал положительную связь между показателями «Общая жизнеспособность» и «Профессиональная жизнеспособность» ($r = 0,399$; $p < 0,01$), что соответствует результатам и в других группах.

С показателем «Общая жизнеспособность» положительно коррелируют показатели всех ее компонентов, а также показатели «Карьерная интуиция» ($r = 0,398$; $p < 0,01$), «Самооффективность в деятельности» (тест 5) ($r = 0,317$; $p < 0,05$) и «Самооффективность в общении» (тест 5) ($r = 0,295$; $p < 0,05$), «Настойчивость усилий» (тест 6) ($r = 0,467$; $p < 0,01$), «Самоактуализация» (тест 9) ($r = 0,296$; $p < 0,05$), «Интернальность» (тест 7) ($r = 0,380$; $p < 0,01$) и «Проблемно-ориентированный копинг» (тест 8) ($r = 0,356$; $p < 0,01$). А отрицательно коррелируют соответственно «Экстернальность» (тест 7) ($r = -0,404$; $p < 0,01$) и «Эмоционально-ориентированный копинг» (тест 8) ($r = -0,257$; $p < 0,05$).

С показателем «Профессиональная жизнеспособность» значимо положительно коррелируют показатели по всем компонентам общей жизнеспособности ($p < 0,01$), кроме компонентов «Духовность» и «Семейная поддержка», а также показатели «Карьерная мотивация» ($r = 0,805$; $p < 0,01$), «Карьерная интуиция» ($r = 0,515$; $p < 0,01$), «Причастность» ($r = 0,465$; $p < 0,01$), «Самооффективность в деятельности» ($r = 0,518$; $p < 0,01$) и «Самооффективность в общении» ($r = 0,330$; $p < 0,01$), «Настойчивость усилий» ($r = 0,474$; $p < 0,01$), «Самоактуализация» ($r = 0,400$; $p < 0,01$), «Интернальность» ($r = 0,304$; $p < 0,05$) и «Проблемно-ориентированный копинг» ($r = 0,331$; $p < 0,01$). Отрицательная корреляция отмечена только по показателю «Экстернальность» ($r = -0,271$; $p < 0,05$).

Показатели по тестам самооффективности и настойчивости прямо коррелируют между собой и с показателями по шкалам интернальности и самоактуализации.

Обсуждение результатов

В результате исследования, проведенного на выборке специалистов и стажеров службы, оказывающей помощь людям, находящимся в сложной жизненной ситуации, в частности страдающим он-

кологических заболеваниями, можно сделать следующие выводы.

1. Характеристика особенностей жизнеспособности по социально-демографическим данным показала следующее:

- Респондентов более *старшего возраста* характеризует большая сдержанность, опора на духовные ценности и меньшая вовлеченность в социально-психологические и карьерные организационные процессы, так же как и наличие детей снижает уровень их карьерных притязаний (здесь надо отметить, что состав опрашиваемой выборки все же преимущественно состоял из женщин).

- С увеличением *стажа* в области психологической профессиональной деятельности у специалистов повышаются и показатели жизнеспособности человека. У стажеров организации опыт, наработанный в профессии, является скорее подкреплением (и, видимо, стимулом) к признанию и продвижению себя как профессионала.

- С увеличением *длительности работы в организации* у специалистов повышается значение духовных ценностей, возможно, они становятся большей опорой в работе со сложными случаями. Также было обнаружено, что с увеличением внутреннего стажа специалиста растет его положительная оценка жизнеспособности и организации, и себя как специалиста этой организации.

2. Анализ показателей общей, профессиональной и субъективно-оцениваемой жизнеспособности показал:

- Чем выше уровень *общей жизнеспособности* человека, тем выше уровень и его *профессиональной жизнеспособности*, т.е. способности адаптироваться к изменяющимся обстоятельствам и справляться с негативными ситуациями на работе.

- Высокий уровень *общей и профессиональной жизнеспособности* также соответствует высокому уровню карьерной мотивации, в частности реалистичности карьерных ожиданий, конкретности карьерных целей, знаниям своих сильных и слабых сторон, а также вовлеченности человека в поиск возможностей для продвижения и получения признания и способности отказываться от деятельности, не связанной с работой, для того чтобы достичь тех или иных организационных целей.

- Уровень *профессиональной жизнеспособности* в большей степени взаимосвязан с компонентами самооффективности, настойчивости, внутреннего локуса контроля, совладания и адаптации в структуре жизнеспособности, и в меньшей – с духовностью и семейной поддержкой. То есть при преодолении профессиональных сложностей человек скорее опирается на свои внутренние характеристики, чем на внешнюю поддержку и ценностные категории. Причем для лидеров компонент,

отвечающий за совладание и адаптацию, играет бóльшую по сравнению с остальными компонентами роль в структуре профессиональной жизнеспособности.

- Связь объективных показателей общей и профессиональной жизнеспособности с удовлетворенностью членов группы *социально-психологическим климатом в коллективе* прослеживается слабо и только у специалистов, работающих на безвозмездной основе по «поведенческому компоненту, основным критерием которого является желание специалиста работать в этом коллективе и общаться с его членами в сфере досуга. Оценка же социально-психологического климата по эмоциональному (нравится/не нравится коллектив) и когнитивному (понимание/не понимание особенностей членов коллектива) компонентам не отражается на объективных показателях ни общей, ни профессиональной жизнеспособности специалиста.

В то же время субъективная оценка жизнеспособности себя и своего окружения имеет прямую связь с показателями социально-психологического климата в коллективе. То есть можно говорить о том, что субъективная оценка жизнеспособности больше подвержена влиянию благополучия в атмосфере коллектива, чем объективные показатели уровня жизнеспособности у человека.

- Компоненты общей жизнеспособности человека по-разному влияют на положительную *субъективную оценку своей и чужой жизнеспособности*. А именно чем выше уровень самоэффективности у человека, а также уровень адаптации и настойчивости, тем лучше он оценивает жизнеспособность себя и своего окружения, своей организации. Остальные компоненты жизнеспособности имеют меньшее влияние на его субъективные оценки.

- *Объективные и субъективные оценки жизнеспособности* специалиста не всегда отражают друг друга (особенно по показателю «Профессиональная жизнеспособность»), но чем выше человек оценивает жизнеспособность своей организации и ее лидеров, тем выше он оценивает и свою собственную жизнеспособность в ней, ровно как и наоборот.

3. Сравнивая характеристики особенностей жизнеспособности в разных группах специалистов организации, можно сделать следующие выводы:

- Высокие показатели по общей жизнеспособности, как показало наше исследование, у *всех специалистов* совпадают с высокими показателями и по профессиональной жизнеспособности.

- На уровень общей и профессиональной жизнеспособности только у *внештатных сотрудников*, работающих на безвозмездной основе, значимо влияет атмосфера благополучия в коллективе, которая регулирует их желание работать в этой организации. Этим же регулируется их карьерная причастность, в

то время как у *штатных сотрудников* она регулируется пониманием тех или иных особенностей (деловых и личных) членов коллектива. Так, причастность и приверженность организационным задачам у *рядовых* сотрудников регулируется их знанием особенностей лидеров организации.

У самих лидеров (*административный состав*) на способность к преодолению профессиональных трудностей влияет уровень духовных ценностей, в то время как внешний компонент жизнеспособности, такой как семья, не имеет существенного значения.

- Картина субъективных представлений о жизнеспособности у *штатных сотрудников* влияет на их устойчивость и мотивацию работать в этой организации. Для *рядовых* представления о жизнеспособности своей организации тесно связаны с оценкой жизнеспособности их подразделения и оцениваются в основном по таким категориям, как нравится ли им и приятна ли им окружающая обстановка. Для сотрудников *административного отдела* эмоциональная оценка второстепенна, но они представляют картину жизнеспособности организации взаимосвязанной с жизнеспособностью лидеров, и, таким образом, с их собственной.

Внештатные специалисты оценивают жизнеспособность лидерского состава по эмоциональному содержанию (нравится/не нравится, приятный/неприятный), а вот жизнеспособность организации в целом для них тесно связана с их собственной и ориентируется уже на то, насколько им ясны свои карьерные цели, насколько они реалистичны, как они понимают свои и чужие плюсы и минусы, что и оказывает влияние на их желание работать в этом коллективе и поддерживать отношения с коллегами вне работы.

4. Анализ показателей жизнеспособности в группе стажеров, проходящих обучение и претендующих на работу в данной организации, дал возможность сделать следующие заключения:

- Показатели по общей и профессиональной жизнеспособности у стажеров, так же как и у сотрудников организации, взаимосвязаны.

- Жизнеспособность у стажеров данной организации характеризуется такими личностными чертами, как опора на ясные представления о своем потенциале при выполнении задач и своей эффективности во взаимоотношениях с людьми, реалистичность карьерных ожиданий и упорство в достижении поставленных целей (хотя и не обязательно сопровождающееся постоянством интересов), сосредоточение на требующих решения задачах, а не на эмоциональных переживаниях о возможных сложностях, ошибках или успехах. Им также не свойственно в рамках копинг-стратегий избегание решения проблем. Они обладают черта-

ми самоактуализирующейся личности и внутренним локусом контроля.

• По сравнению с группой опрашиваемых сотрудников стажерам меньше свойственно опираться на духовные ценности и семейную поддержку для сохранения своей профессиональной жизнеспособности (хотя внешнюю поддержку в целом они вполне готовы использовать), так же как и на приверженность организационным целям и поиск признания. Можно предположить, что эти качества приобретаются как значимые в условиях работы в организации уже позже.

Таким образом, упоминаемые в предыдущем пункте качества могут быть использованы для определения критериев профессионального отбора и прогноза профессиональной жизнеспособности, а перечисленные в настоящем пункте – для построения программ поддержания и повышения профессиональной жизнеспособности, профилактики профессионального выгорания и снижения эффективности деятельности.

Выводы

Итак, используя полученные нами результаты корреляционного анализа, можно заключить, что общая и профессиональная жизнеспособность взаимосвязаны, чем выше одна, тем выше другая. Тем не менее в рамках профессиональной устойчивости может изменяться значение компонентов жизнеспособности под влиянием профессиональных и должностных требований.

Как можно увидеть, профессиональная жизнеспособность динамична, и на ее изменения влияет профессиональный стаж, стаж работы в организации, занимаемая должностная позиция и, отчасти, атмосфера в профессиональном коллективе.

Кроме того, объективные показатели уровня профессиональной жизнеспособности у человека и его субъективное восприятие этого уровня не всегда совпадают. Субъективные оценки и себя, и других субъектов труда в большей степени находятся под влиянием значений компонентов жизнеспособности человека, социально-психологической атмосферы в коллективе и занимаемой должности.

Также можно наблюдать наличие в структуре жизнеспособности некоторых устойчивых характеристик (специфичных для претендентов на те или иные виды занятости), обладание которыми в той или иной степени может гарантировать сохранение жизнеспособной позиции в сложных условиях труда. Другие же характеристики жизнеспособности, способствующие успешной трудовой деятельности в конкретном месте, формируются только в ходе рабочего процесса и могут быть учтены при проведении мероприятий, направленных на формирование жизнеспособных качеств организации и ее специалистов.

Заключение

Профессиональное благополучие в настоящее время занимает значительную долю в общем ощущении человеком своего удовлетворения жизнью. А скорость информационного потока, технологических изменений, социальных требований и при этом очевидная уязвимость из-за происходящих вокруг экологических катастроф, экономических, политических неурядиц и рисков, связанных с потерей здоровья, постоянно подвергают его проверке. В этой связи жизнеспособность и научное изучение ее аспектов являются особо актуальными в наше время.

Как мы показали выше, структура жизнеспособности является многокомпонентным конструктом, имеющим как стабильные, так и динамичные, способные к развитию элементы. Профессиональная жизнеспособность может быть рассмотрена на трех уровнях (организационном, групповом, индивидуальном) с учетом на каждом из них как подвергающих ее риску, так и укрепляющих ее защиту факторов. Обнаружение конкретных зон дефицита или ресурсности в той или иной профессиональной деятельности или организационных условиях может определить направление поддержки, коррекции или развития жизнеспособности и специалиста, и всей организационной структуры, особенно значимой для помогающих профессий, в которых наиболее велика доля профдеформаций и профвыгорания.

В нашем исследовании на примере изучения специалистов, оказывающих помощь онкобольным и их близким, была определена взаимосвязь общей и профессиональной жизнеспособности и их подверженность влиянию определенных условий труда, занимаемой должности, корпоративных отношений и личных характеристик. Знание этих особенностей может быть учтено в построении программ управления персоналом, развития корпоративной культуры и пр. Мы настаиваем, что профессиональная жизнеспособность не только может, но и должна быть управляемой. Полученные в эмпирическом исследовании результаты мы предполагаем учесть при разработке мероприятий, направленных на повышение и поддержание жизнеспособности субъектов организационного процесса. В настоящее время мы продолжаем анализ собранного материала, а полученные результаты используем в проведении тематических мероприятий, семинаров, тренингов и супервизий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Березовская, Р.А. Жизнеспособность и профессиональное благополучие личности / Р.А. Березовская // Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты / отв. ред. А.В. Махнач, Л.Г. Дикая. – Москва : Институт психологии РАН, 2016. – С. 538–555.

2. Маркова, А.К. Психология профессионализма / А.К. Маркова. – Москва, 1996. – 308 с.
3. Махнач, А.В. Жизнеспособность замещающей семьи как малой социальной группы : дис. ... д-ра психол. наук / А.В. Махнач. – Кострома, 2019. – 434 с.
4. Махнач, А.В. Жизнеспособность человека и семьи: социально-психологическая парадигма / А.В. Махнач. – Москва : Институт психологии РАН, 2016. – 458 с.
5. Махнач, А.В. Жизнеспособность человека: измерение и операционализация термина / А.В. Махнач // Психологические исследования проблем современного российского общества. – Москва : Институт психологии РАН, 2013. – С. 54–83.
6. Махнач, А.В. О будущем феномена жизнеспособности в отечественной психологии / А.В. Махнач, Л.Г. Дикая // Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты / отв. ред. А.В. Махнач, Л.Г. Дикая. – Москва : Институт психологии РАН, 2016. – С. 706–709.
7. Плющева, О.А. Жизнеспособность специалистов помогающей профессии: субъективное представление о факторах защиты и ресурсности / О.А. Плющева // Психология стресса и совладающего поведения: вызовы, ресурсы, благополучие : материалы V Междунар. науч. конф. (Кострома, 26–28 сент. 2019 г.). В 2 т. / отв. ред. М.В. Сапоровская, Т.Л. Крюкова, С.А. Хазова. – Кострома : Изд-во Костром. гос. ун-та, 2019. – С. 227–231.
8. Плющева, О.А. Субъективное представление специалистов помогающих профессий о критериях своей жизнеспособности / О.А. Плющева // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2016. – № 3 (51). – С. 87–93.
9. Сыманюк, Э.Э. Жизнеспособность как предиктор конструктивного профессионального развития / Э.Э. Сыманюк, А.А. Печеркина // Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты / отв. ред. А.В. Махнач, Л.Г. Дикая. – Москва : Институт психологии РАН, 2016. – С. 525–537.
10. Bonanno, G.A. Loss, trauma, and human resilience: have we underestimated the human capacity to thrive after extremely aversive events? / G.A. Bonanno // American Psychologist. – 2004. – Vol. 59(1). – P. 20–28.
11. Bronfenbrenner, U. The ecology of human development / U. Bronfenbrenner. – Cambridge : Harvard University Press, 1979. – 349 с.
12. Cleland, J. Resilience or resistance: A personal response to COVID-19 / J. Cleland // Medical Education. – 2020. – Vol. 54(7). – P. 589–590.
13. Gerber, M. Physical activity in employees with differing occupational stress and mental health profiles: A latent profile analysis / M. Gerber, I.H. Jonsdottir, M. Lindwall, G. Ahlborg // Psychology of Sport and Exercise. – 2014. – Vol. 15(6). – P. 649–658.
14. Gillman, L. Strategies to promote coping and resilience in oncology and palliative care nurses caring for adult patients with malignancy: a comprehensive systematic review / L. Gillman, J. Adams, R. Kovac [etc.] // JBI Database of Systematic Reviews & Implementation Reports. – 2015. – Vol. 13(5). – P. 131–204.
15. Greene, G.J. How to work with clients' strengths in crisis intervention: A solution-focused approach / G.J. Greene, M.-Y. Lee, R. Trask, J. Rheinscheld // Crisis intervention handbook: Assessment, treatment, and research / A.R. Roberts (Ed.). – New York : Oxford University Press, 2000. – P. 31–55.
16. Gross, Z. The chicken grows as the egg decays: war and spirituality as contradictory and complementary forces / Z. Gross // International Journal of Children's Spirituality. – 2010. – V. 15, № 3. – P. 199–208.
17. Kadhum, M.A. Mental wellbeing and burnout in surgical trainees: implications for the post-COVID-19 era / M. Kadhum, S. Farrell, R. Hussain, A. Molodynski // British Journal of Surgery. – 2020. – Vol. 107(8). – P. 264.
18. O'Mahony, S. Compassion fatigue among palliative care clinicians: Findings on personality factors and years of service / S. O'Mahony, M. Ziadni, M. Hoerger [etc.] // American Journal of Hospice and Palliative Care. – 2018. – Vol. 35(2). – P. 343–347.
19. Pereira, V. Exploring the role and importance of human capital in resilient high performing organisations: Evidence from business clusters / V. Pereira, Y. Temouri, C. Patel // Applied Psychology. – 2020. – Vol. 69. – P. 769–804.
20. Potter, P. Evaluation of a compassion fatigue resiliency program for oncology nurses / P. Potter, T. Deshields, J.A. Berger [etc.] // Oncology Nursing Forum. – 2013. – Vol. 40(2). – P. 180–187.
21. Robertson, H. Resilience of primary healthcare professionals: A systematic review / H. Robertson, A. Elliott, C. Burton [etc.] // British Journal of General Practice. – 2016. – Vol. 66(647). – P. 423–433.
22. Røen, I. Resilience for family carers of advanced cancer patients-how can health care providers contribute? A qualitative interview study with carers / I. Røen, H. Stifoss-Hanssen, G. Grande [etc.] // Palliative Medicine. – 2018. – Vol. 32(8). – P. 1410–1418.
23. Røen, I. Supporting carers: health care professionals in need of system improvements and education – a qualitative study / I. Røen, H. Stifoss-Hanssen, G. Grande [etc.] // BMC Palliative Care. – 2019. – Vol. 18(1). – Art. 58.
24. Russo, S.J. Neurobiology of resilience / S.J. Russo, J.W. Murrough, M.H. Han [etc.] // Natural Neuroscience. – 2012. – Vol. 15(11). – P. 1475–1484.
25. Walsh, F. Family resilience: a framework for clinical practice / F. Walsh // Family Process. – 2003. – V. 42, № 1. – P. 1–18.

DOI: 10.31079/1992-2868-2020-17-4-79-83

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК ЛИЧНОСТНЫЙ РЕСУРС ПРОФЕССИОНАЛА

А.А. Леженина

В статье приводится результат анализа литературы, раскрывающий представление об ответственности личности в праве, этике, философии, психологии. Описываются результаты эмпирического исследования, доказывающего, что ответственность является ресурсом личности профессионала, когда она включает в себя возможность самостоятельного выбора действий, самостоятельного выбора решений.

Ключевые слова: ответственность, ответственность личности, ответственность личности профессионала, профессиональное выгорание, ресурс личности, ответственность как ресурс личности.

RESPONSIBILITY AS A PROFESSIONAL'S PERSONAL RESOURCE

A.A. Lezhenina

The article contains the result of an analysis of the literature, revealing a view of the responsibility of the individual in law, ethics, philosophy and psychology. The results of empirical research are described, proving that responsibility is a resource of the personality of a professional when it includes the possibility of independent choice of action, independent choice of decisions.

Key words: responsibility, responsibility of the individual, responsibility of the professional person, professional extinction, resource of the individual, responsibility as a resource of the individual.

Ответственность как качество личности – это внутреннее понимание того, что данное дело необходимо сделать, и сделать его должен именно «Я» [11]. При любом понимании ответственность – это надежность, готовность человека честно и старательно выполнять договоренности и свои обязанности. Таким образом, ответственность можно рассматривать как ресурс личности, способствующий обеспечению основных потребностей человека.

Опрос специалистов железнодорожного транспорта показал, что ответственность является ведущим качеством их личности. Необходимо отметить, что респонденты считают ответственность положительным качеством личности. Однако анализ производственных ситуаций показал, что нередко ответственность приводит к работе в повышенном уровне трудности, к ненормированному рабочему дню и, как следствие, к утомлению, эмоциональному истощению, профессиональному выгоранию. Следовательно, возникает вопрос: является ли ответственность ресурсом личности профессионала?

Поиск ответа на поставленный вопрос лег в основу исследования, объектом которого стала ответственность как качество личности профессионала.

Гипотезой исследования выступило предположение о том, что ответственность является ресурсом личности профессионала.

Для изучения ресурсных возможностей ответственности было исследовано содержание ответственности как личностного качества специалистов с разным уровнем профессионального выгорания.

Рассмотрим представления об ответственности личности, имеющиеся в различных научных областях.

Ответственность – базовое свойство личности, поэтому как понятие оно является объектом пристального внимания различных наук: права, этики, философии, психологии.

Философское учение рассматривает ответственность и свободу как категории, не существующие друг без друга. Рядом с ними также идет понятие выбора. И связано все это следующим образом: ответственность – это необходимость терпеть ущерб в случае невыполнения взятых на себя обязательств. Ущерб может быть физическим, моральным или материальным. Ответственность невозможна без свободы [13].

В правовом поле ответственность представляет собой определенные санкции, накладываемые на человека в случае, когда он совершает поступки, противоречащие законам того государства, в котором живет [10]. Ответственность – это определенный уровень негативных последствий для субъекта в случае нарушения им установленных требований.

Леженина Анна Андреевна – кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой общей, юридической и инженерной психологии Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Lezhenina Anna Andreevna – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of General, Legal and Engineering Psychology at Far Eastern State Transport University (Khabarovsk).

E-mail: Lanna0808@mail.ru

© Леженина А.А., 2020

По характеру санкций за совершаемые действия выделяют следующие виды ответственности: юридическую, материальную, моральную, политическую.

Ответственность, обусловленная статусом, осознаётся человеком как призвание; ответственность, обусловленная соглашением, – как обязанность. Она может быть двоякой:

а) накладываемой групповыми, корпоративными, служебными или какими-то иными локальными обязанностями; в таком понимании она сближается с подотчётностью;

б) самостоятельно принимаемой личностью в качестве личного и универсализуемого долга.

Ответственность как качество личности в психологии изучали такие ученые, как Х. Айзенк, А. Бандура, А. Блази, Л. Кольберг, Ж. Пиаже, З. Фрейд, Э. Эриксон, В.Н. Мясищев, Л.И. Божович, З.Н. Борисова, В.А. Горбачева, О.Ю. Гроголева, Л.И. Дементий, С.И. Дмитриева, А.А. Реан, Н.А. Минкина.

Ответственность является важнейшей характеристикой личности, отвечающей за то, что отличает социально незрелую личность от зрелой личности. Л.И. Анцыферова отмечает, что ответственность является центральной личностной характеристикой, определяющей стиль жизни, дающей возможность личности оптимальным способом разрешать противоречия и трудности жизни [3].

В настоящее время в психологии распространена теория локуса контроля, которую связывают, в частности, со становлением ответственности как качества личности.

Согласно концепции локуса контроля, предложенной Дж. Роттером, существуют два вида контроля: внутренний (интернальный) и внешний (экстернальный). Проявлением первого является ответственность за свои собственные события жизни, объяснение их с точки зрения своих возможностей, способностей, особенностей характера. Если же ответственность приписывается внешним факторам: другим людям, случайным обстоятельствам, социальному окружению – это проявление экстернального контроля. По мнению Дж. Роттера, интернальность и экстернальность локуса контроля являются устойчивыми свойствами личности [9].

Следовательно, возникает следующий вопрос: ответственность личности формируется в результате субъективного анализа жизненных ситуаций или под влиянием социального окружения?

Берн Э. считает, что на человеке лежит ответственность за принятие решений о том, чего он хочет в жизни, поскольку каждый, за исключением людей, имеющих тяжелые травмы головного мозга, обладает способностью мыслить, разрешать проблемы, принимать решения. Вся жизнь человека в конечном итоге зависит от принятого им решения о том, какой она может быть и какой ее человек хочет видеть [8].

Реан А.А. утверждает, что ответственность присуща «зрелым поступкам», более того, по наличию или отсутствию ответственности можно судить о зрелости и сформированности личности [8].

Лейффрид Н. полагает, что ответственность является личностной предпосылкой достижения успеха. С развитием подхода к феномену ответственности как свойству субъекта присваивать требования действительности ответственность представляет собой готовность, способность и процесс обеспечения субъектом целостности, самостоятельности и эффективности деятельности. Данное личностное свойство в значительной мере предопределяет особенности представлений об успехе, а тем самым выработку стратегий поведения в ситуациях достижения [9].

Абульханова К.А. выделяет ответственность как самостоятельное осуществление необходимости в границах и формах, определяемых субъектом, ответственность связана с осознанием своей независимости, самостоятельности, именно это и способствует решению проблем и различных противоречий в жизни данной личностью с опорой только на себя, а не на других людей [1].

Минкина Н.А. рассматривает ответственность прежде всего в социальном контексте, относя ее к категории совести. Также она утверждает, что ответственность может перейти в свойство личности, если внутренние мотивы человека совпадают с внешними требованиями [5].

Перлз Ф. рассматривает ответственность как способность индивида отвечать за свои ожидания, желания, фантазии и действия. При этом ответственность включает в себя и другую сторону – способность отвечать на ожидания других людей, соответствовать их желаниям и фантазиям, отвечать за их действия. Эти две стороны ответственности тесно переплетены между собой. Когда человек несет ответственность за самого себя, он знает, что никто другой не может вместо него отвечать за его собственное поведение, не способен отреагировать на любой стимул окружающей среды так, как он это может и хочет сделать сам. При этом он может отказаться от ответственности за поведение другого человека, не пожелав соответствовать его желаниям, не ответив на его чувства. Однако это не означает, что он невнимателен к чувствам и потребностям других людей. Он просто отвечает в первую очередь за себя самого, предоставляя другому нести ответственность за себя. Ответственность такого рода проистекает из принятия себя самого и других такими, какие они есть. Она основана на личностной зрелости, позволяющей увидеть и принять свою собственную сущность такой, какая она есть, и сущность другого – без осуждения и желания что-то изменить, исправить, подогнать под собственные меры [10].

Анализ исследований позволяет выделить понимание ответственности как способности индивида отвечать за свои ожидания, желания, фантазии и действия. При этом ответственность включает в себя и другую сторону – способность отвечать на ожидания других людей, соответствовать их желаниям и фантазиям, отвечать за их действия.

Этапность в формировании ответственности личности выделяют многие исследователи.

Две стадии развития ответственности рассматривал Ж. Пиаже. Для детей младшего возраста присуща стадия объективной ответственности, когда поступки оцениваются по их последствиям. После семи лет формируется так называемая субъективная ответственность, когда поступки оцениваются на основе мотивов и намерений, не зависят от внешних обстоятельств [12]. Л. Кольберг в результате своего исследования сделал вывод, что по мере взросления моральная система личности становится более сбалансированной, ответственность взрослого человека основывается на принципах, принятых в обществе [2].

Этапность в формировании ответственности значима, так как она проявляется и в профессиональной деятельности специалиста. Сформированная ответственность профессионала ведет к готовности отвечать за события в собственной жизни и осознавать социальные и профессиональные обязанности.

Ответственность является важным фактором влияния на жизнедеятельность личности, так как она включается во все виды человеческой деятельности как их качественный показатель, присутствует во всех сферах жизнедеятельности общества, будь то экономика, политика, право, мораль.

В процессе накопления жизненного опыта при встрече с трудностями у ответственного человека складывается личностная концепция себя как способного к их преодолению, управлению своим поведением и ситуацией.

Именно ответственность становится фактором регуляции поведения личности профессионала, выступает как один из факторов управления поведением людей [4].

Теоретический анализ литературы позволяет утверждать, что ответственность как качество личности характеризуется:

- 1) умением преодолевать преграды в трудные для личности моменты жизни;
- 2) осознанием долга;
- 3) способностью индивида отвечать за результаты своих действий;
- 4) умением находить оптимальные решения различных противоречий и избегать негативных последствий;
- 5) способностью обстоятельно анализировать ситуацию, заранее прогнозировать последствия своих действий или бездействий в любой ситуации;

б) умением делать выбор своих поступков и готовностью принять последствия выбора;

7) умением отличать социально незрелую личность от зрелой личности.

Специфика профессиональной деятельности специалистов железнодорожного транспорта связана с решением большого количества производственных задач. Нередко принимаемые решения связаны с обеспечением жизни и здоровья окружающих людей, что ведет к тому, что ведущим качеством личности работников железнодорожного транспорта является ответственность. Как показывает анализ наблюдения за производственными ситуациями, со временем у большинства работников формируется гиперответственность, что приводит к профессиональному выгоранию. Взаимосвязь между ответственностью личности специалиста и профессиональным выгоранием была изучена в эмпирическом исследовании.

Изучение профессионального выгорания строилось на его наиболее традиционном и общепринятом понимании, предложенном С. Маслач и С. Джексон. Согласно этому определению под психическим выгоранием понимается состояние физического, эмоционального и умственного истощения, проявляющегося в профессиях социальной сферы. Этот синдром включает в себя три основные составляющие: эмоциональное истощение, деперсонализацию (цинизм) и редукцию профессиональных достижений. Замечая за собой негативные чувства или проявления, человек винит себя, у него снижается как профессиональная, так и личная самооценка, появляется чувство собственной несостоятельности, безразличие к работе [6].

Цель эмпирического исследования состояла в изучении взаимосвязи ответственности и профессионального выгорания специалистов железнодорожного транспорта.

Респондентами исследования выступили специалисты диспетчерской службы Поронайской дистанции пути в количестве 40 чел.

На первом этапе исследования был произведен сбор информации об особенностях сформированности профессионального выгорания респондентов. Исследование проводилось посредством методики «Диагностика профессионального выгорания» (К. Маслач и С. Джексон).

Анализ результатов исследования показал, что 67 % респондентов (27 чел.) имеют средний уровень профессионального выгорания, это говорит о том, что у специалистов случаются профессиональные стрессы и периодически проявляются различные симптомы профессионального выгорания, которые со временем могут привести к выгоранию.

Низкий уровень отмечен у 25 % респондентов (10 чел.), следовательно, у них отсутствует эмоци-

ональное истощение, депрессия, присутствует вовлеченность в профессиональную деятельность и активность.

Высокий уровень профессионального выгорания имеют 8 % респондентов (3 чел.). Отмеченный результат позволяет предположить, что эти респонденты испытывают эмоциональное и физическое истощение, чувство постоянной, не проходящей усталости, общую негативную установку на жизненные и профессиональные перспективы.

Полученное распределение респондентов по уровню формирования профессионального выгорания объяснимо. Высокий уровень профессионального выгорания характеризуется невозможностью качественного выполнения профессиональных обязанностей, большими трудозатратами специалиста. Высокий уровень профессионального выгорания обычно ведет к уходу специалиста с рабочего места.

В дальнейшем эмпирическом исследовании участие принимали респонденты группы 1 (средний уровень профессионального выгорания) и группы 2 (низкий уровень профессионального выгорания).

В целях уточнения правомерности деления респондентов на группы был произведен математический анализ данных посредством *U*-критерия Манна–Уитни, который показал наличие значимых различий. В частности было установлено, что респондентам со средним уровнем профессионального выгорания свойственны проявления негативизма, циничности установок, склонность к занижению своих профессиональных достижений и успехов, преуменьшению собственных достоинств.

Далее обратимся к анализу результатов, полученных при изучении ответственности как качества личности. Исследование проводилось посредством следующих методик: локуса контроля Дж. Роттера, «Уровня субъективного контроля (УСК)» Е.Ф. Бажина, Е.А. Голынкиной, Л.М. Эткин; «Многомерно-функциональной диагностики ответственности-70» (ОТВ-70) О.В. Мухлыниной; опросника диагностики личностного симптомокомплекса ответственности (ОДЛСО) и оценки его психометрических характеристик И.А. Кочарян.

Анализ полученных данных позволил сделать следующие выводы.

Ответственность респондентов со средним уровнем профессионального выгорания (группа 1) характеризуется интернальным локусом контроля, т.е. большинство важных событий в жизни есть результат их собственных действий, они могут ими управлять, контролировать их и, таким образом, чувствуют свою собственную ответственность за эти события и за то, как складывается их жизнь в целом; они считают, что сами добились всего хорошего, что было и есть в их жизни, и что они способны с успехом преследовать свои цели в будущем.

Ответственность респондентов группы 1 включает:

- осознание значимости своих поступков;
- избегание внешнего контроля;
- стремление доказать свою надежность;
- готовность добровольно наделять себя ответственностью;
- склонность в неблагоприятных обстоятельствах обвинять себя в ошибках коллектива;
- готовность выполнять любое поручение без проявления инициативы;
- избегание избыточной ответственности и принятия сложных решений;
- снижение продуктивности при выполнении коллективных дел;
- склонность связывать положительное завершение ответственных дел с личностным благополучием, самореализацией, развитием различных сторон и качеств личности.

Следовательно, респонденты со средним уровнем профессионального выгорания стараются максимально держать под личным контролем все сферы собственной жизни, что в итоге снижает их инициативность, продуктивность в командной работе и производительность труда в целом. Респонденты приравнивают личностное благополучие к профессиональной эффективности, таким образом, у респондентов со средним уровнем профессионального выгорания можно констатировать не просто ответственность, а гиперответственность, которая в итоге приводит к физическому и эмоциональному истощению, неудовлетворенности собой, личностной отстраненности от производственных процессов. Ранее уточнялось, что ответственность имеет двойственную природу, гиперответственность односторонняя, она уходит в стремление отвечать ожиданиям других людей, соответствовать их желаниям и фантазиям. Такое понимание ответственности не может рассматриваться специалистами как личностный ресурс.

У респондентов с низким уровнем профессионального выгорания (группа 2) присутствует и экстернальный, и интернальный локус контроля. Важно отметить, что экстернальный тип контроля проявляется в области производственных отношений; интернальный тип контроля – в семейных и межличностных отношениях, в сфере здоровья.

Ответственность респондентов группы 2 включает:

- отсутствие инициативы;
- отрицание необходимости перемен;
- склонность к рефлексии, отсутствие спонтанности в проявлении чувств;
- стремление к поддержке установленных понятий, норм, принципов, традиций, сомнение в новых идеях;
- зависимость от внешних обстоятельств при выполнении значимых дел.

Следовательно, респонденты группы 2 четко контролируют «ответственность»: в сфере личной жизни они проявляют максимальный интернальный контроль, в сфере профессиональной деятельности наблюдается понимание возникшей ситуации, сложившихся норм и традиций и опора на экстернальный контроль. Не проявляя особой инициативы, респонденты эффективно выполняют должностные обязанности.

Таким образом, можно утверждать, что респонденты группы 2 демонстрируют более здоровое отношение к ответственности. Для них ответственность действительно является ресурсом, способствующим продвижению как в профессиональной, так и в личной сфере.

В целях уточнения информации о взаимосвязи между ответственностью и профессиональным выгоранием специалистов все полученные данные были подвергнуты процедуре корреляционного анализа.

Полученные корреляционные пары показывают, что занижение профессиональных достижений и успехов повышает стремление брать на себя ответственность за все события в жизни, формирует настрой на постоянный контроль жизни в целом, способствует формированию эмоциональной нестабильности; постоянное чувство страха, неуверенность в результатах собственных действий респондента ведут к эмоциональному и физическому истощению, к снижению значимости материальных и идеальных стимулов, связанных с личным благополучием.

Анализ результатов корреляционного анализа показал, что ресурсом, способствующим эффективной профессиональной деятельности, являются такие составляющие ответственности, как:

- признание собственных профессиональных достижений и успехов;
- оптимальный контроль результатов профессиональной деятельности;
- положительная самооценка.

Результаты эмпирического исследования частично подтвердили гипотезу о том, что ответственность является ресурсом личности профессионала. Ответственность включает в себя возможность самостоятельного выбора действий, самостоя-

тельного выбора решений. Пока эта возможность сохраняется у профессионала, ответственность будет являться его личностным ресурсом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абульханова-Славская, К.А. Типология личности и гуманистический подход / К.А. Абульханова-Славская. – Москва : Наука, 1995. – 214 с.
2. Ананьев, Б.Г. Человек как предмет познания / Б.Г. Ананьев. – 3-е изд. – Москва, 2010. – 282 с.
3. Базалева, Л.А. Личностные факторы эмоционального «выгорания» матерей в отношениях с детьми : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.01 / Л.А. Базалева. – Краснодар : Сочинский гос. ун-т туризма и курортного дела, 2010. – 26 с.
4. Божович, Л.И. Проблема формирования личности / Л.И. Божович. – Москва : Институт практической психологии, 2017. – 352 с.
5. Борцова, М.В. Факторы становления начальных форм ответственности личности : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.07 / М.В. Борцова. – Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2007. – 22 с.
6. Маркелов, В.И. Взаимосвязь показателей самоактуализации и индивидуально-личностных свойств у студентов : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.01 / В.И. Маркелов. – Москва, : Московский гуманитарный ун-т, 2013. – 23 с.
7. Вилюнас, В.К. Психологические механизмы мотивации человека / В.К. Вилюнас. – Москва : Изд-во Московского ун-та, 1990. – 254 с.
8. Дементий, Л.И. Ответственность как ресурс личности / Л.И. Дементий. – Москва : Информ Знание, 2005. – 188 с.
9. Дементий, Л.И. Ответственность личности как свойство субъекта жизнедеятельности : автореф. дис. ... д-ра психол. наук : 19.00.01 / Л.И. Дементий. – Москва : Гос. ун-т высш. школы экономики, 2005. – 45 с.
10. Крюкова, Т.Л. Психология семьи: жизненные трудности совладание с ними : учебное пособие / Т.Л. Крюкова, М.В. Сапоровская, Е.В. Кофтык. – Кострома : РЦОИ «Эксперт – ЕГЭ», 2004. – 239 с.
11. Лапик, В.В. Самоактуализация личности (Психологический инструментарий) / В.В. Лапик. – Москва : Лига профессиональных имиджмейкеров, 1999. – 117 с.
12. Пиаже, Ж. Избранные психологические труды : Психология интеллекта. Генезис числа у ребенка. Логика и психология / Ж. Пиаже ; пер. с фр. ; предисл. В.А. Лекторского [и др.] – Москва : Просвещение, 1969. – 659 с.
13. Прядеин, В.П. Ответственность как предмет психологического исследования / В.П. Прядеин. – Екатеринбург, 2007. – 209 с.

DOI: 10.31079/1992-2868-2020-17-4-84-90

СТИХИЙНОЕ И ЦЕЛЕНАПРАВЛЕННОЕ РАЗВИТИЕ СПОСОБНОСТЕЙ И УСПЕШНОСТЬ В НЕСТАНДАРТНЫХ УСЛОВИЯХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Т.Н. Соболева

Настоящая статья посвящена проблеме профессиональных способностей с позиции структурно-функционального подхода. Рассматриваются вопросы: как профессиональные способности обеспечивают продуктивность деятельности; каким образом осуществляется развитие профессиональных способностей; в чём заключается зависимость конкретной структуры способностей от их стихийного и целенаправленного развития в нестандартных условиях деятельности. Исследование проводилось на выборке из 36 квалифицированных машинистов железнодорожного транспорта с использованием специализированного компьютерного тренажёрного комплекса. Психологический анализ деятельности позволил выявить семь способностей, обеспечивающих реализацию деятельности. На основе эмпирических данных показывается, что группы со стихийным и целенаправленным развитием способностей имеют статистически значимые различия в продуктивности деятельности, которая осуществлялась в нестандартных условиях и требованиях. И эти различия в пользу группы со стихийным развитием способностей. Получено доказательство, что формируются различные структуры способностей в зависимости от их стихийного и целенаправленного развития, и что эти структуры способностей обеспечивают в индивидуальной мере интеграции разработку субъектом нового способа действия.

Ключевые слова: профессиональные способности, нестандартные условия и требования деятельности, стихийное и целенаправленное развитие способностей, структуры способностей, продуктивность деятельности.

SPONTANEOUS AND PURPOSEFUL DEVELOPMENT OF ABILITIES AND SUCCESS IN NON-STANDARD ACTIVITY CONDITIONS

T.N. Soboleva

This article is devoted to the problem of professional abilities from the position of structural-functional approach. The following questions are considered: how professional abilities provide the productivity of activity; how the development of professional skills is carried out; what is the dependence of the specific structure of abilities and spontaneous and purposeful development in non-standard activity conditions. The study was conducted on a sample of 36 qualified railway drivers using a specialized simulator. The psychological analysis of the activity revealed seven abilities ensuring the implementation of the activity. Based on empirical data, it is shown that groups with spontaneous and purposeful development of abilities have statistically significant differences in the productivity of activity that were carried out in non-standard conditions and requirements. And these differences are in favor of the group with spontaneous development of abilities. It was proved that various structures of abilities are formed depending on their spontaneous and purposeful development, and that these structures of abilities provide the development of a new way of action by the subject in individual measure of integration.

Key words: professional abilities, non-standard conditions and requirements of activity, spontaneous and purposeful development of abilities, structures of abilities, productivity of activity.

Постановка проблемы

Способности являются одним из сложных, наполненных различным содержанием понятий в психологической науке. Способности репрезентируют психологическую систему деятельности, поскольку являются основными психическими свойствами, которые развиваются в деятельности и от которых зависит успешность её освоения и реализации (С.Л. Рубинштейн, Б.М. Теплов, В.Д. Шадриков). В связи с этим исследование способностей приобретает высокую степень значимости и применимости для развития психологической теории деятельности в целом, выступая её научной основой. Наряду с этим исследование проблемы способностей играет ключевую роль

во всех сферах производства в условиях технических нововведений, развития нанотехнологий, когда неизбежно перестраивается качество профессионализма субъекта деятельности.

В отечественной психологии одним из первых к проблеме определения понятия способностей обращался Б.М. Теплов. Он выделил четыре признака, входящие в понятие «способности»: 1) это свойство, которое имеет отношение к успешности выполнения какой-либо деятельности или многих деятельностей; 2) это индивидуально-психологические особенности, отличающие одного человека от другого; 3) понятие «способность» не сводится к тем знаниям, навыкам или умениям, которые уже выработаны у

Соболева Татьяна Николаевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей, юридической и инженерной психологии Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Soboleva Tatyana Nikolaevna – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of General, Legal and Engineering Psychology at Far Eastern State Transport University (Khabarovsk).

Email: t.n.s.25vivat@mail.ru

© Соболева Т.Н., 2020

данного человека; 4) способности, по существу дела, не могут быть врожденными [9: с. 20]. Вместе с этим он ставил задачу выяснения приблизительной формы и содержания понятия способностей [9: с. 15].

Принципиальный вопрос о сущности понятия способностей практически не прорабатывается в современной психологии. Однако накоплен огромный материал по проблеме способностей, который представлен трудами Э. Клапареда, Ч. Спирмена, В. Штерна, Г. Мюнстенберга, И.Н. Шпильрейна, С.Г. Геллерштейна, Д.И. Шатенштейна, Б.М. Теплова, С.Л. Рубинштейна, Б.Г. Ананьева, В.Д. Небылицина, Э.А. Голубевой, Е.П. Ильина, В.С. Мерлина, К.К. Платонова, А.В. Брушлинского, Я.А. Пономарёва, В.Н. Мясищева, А.Г. Ковалева, В.А. Крутецкого, Т.И. Артемьевой, В.Н. Дружинина, Д.Б. Богоявленской, А.В. Карпова, В.А. Толочка, В.И. Панова, А.Н. Воронина, В.Д. Шадрикова. Учёными обозначаются и исследуются принципиально важные вопросы о том, что способности можно связывать с психическими функциями, выявляются зависимости в развитии способностей от типологических свойств нервной системы; подтверждается, что к способностям относятся познавательные процессы; разрабатываются творческие способности как самостоятельные образования; убедительно доказывается, что к общим способностям можно отнести интеллект, обучаемость, креативность, познавательные стили и рефлексии.

Между тем отметим, что психические функции, познавательные процессы являются теми важными образованиями, которые лежат в основе способностей. При этом главным условием понимания способностей является то, насколько полно и точно будут объяснены механизмы перехода от психической функции к способностям, от познавательных процессов к способностям.

Работами Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна, Б.М. Теплова складываются ключевые предпосылки понимания способностей и механизмов их развития. Представляются важными положения: Л.С. Выготского о развитии психических функций через овладение культурными способами и средствами; С.Л. Рубинштейна о том, что способности развиваются на основе различных психофизических функций и психических процессов, а необходимым исходным компонентом способностей являются процессы генерализации отношений, которые образуют внутренние условия эффективного освоения операций; Б.М. Теплова о том, что взаимоотношения между способностями реализуются механизмом компенсации недостающих способностей более развитыми способностями, каждая способность изменяется, приобретает качественно иной характер в зависимости от наличия и степени развития других способностей [3; 7; 9].

Теоретические предпосылки понимания способностей, заложенные Л.С. Выготским, Б.М. Тепловым, С.Л. Рубинштейном, нашли своё логическое продолжение в понимании способностей В.Д. Шадриковым.

В.Д. Шадриков впервые даёт понимание сущности способностей как свойств функциональных систем, реализующих психомоторные и познавательные психические функции, имеющие индивидуальную меру выраженности и проявляющиеся в успешности и качественном своеобразии освоения и реализации деятельности. Способность выступает конкретным проявлением психической функции, последняя реализуется определённой функциональной, физиологической системой. Способности конкретизируют общее свойство мозга отражать объективный мир, относя его к отдельным психическим функциям, и характеризуют его индивидуальную меру выраженности. В этом и состоит суть природных способностей. Под влиянием требований деятельности в процессах её освоения и реализации субъектом природные способности приобретают качества оперативности за счёт развития интеллектуальных операций, и таким образом развиваются способности субъекта деятельности. Постановка способностей под контроль личностных ценностей и смыслов переводит их в качество способностей личности, обеспечивающих своеобразие социального познания и поступков [10].

Необходимо подчеркнуть, что в русле теоретической позиции В.Д. Шадрикова способности субъекта деятельности и есть профессиональные способности, и их развитие осуществляется как стихийно в ходе профессионализации, так и может реализоваться в условиях целенаправленного обучения. Интеллектуальные операции являются теми механизмами, которые способствуют развитию способностей. Под интеллектуальной операцией учёный понимает осознанные психические действия, связанные с познанием и решением задач, стоящих перед человеком [10].

С позиции данного подхода понятие способностей применимо в отношении человека любого возраста и любой деятельности. В каждой деятельности необходимо что-то воспринять, запомнить, представить, вообразить, осмыслить, принять решение, оценить, совершить исполнительные действия и т.д. За каждым психическим действием стоят конкретные способности: восприятия, памяти, представления, воображения, мышления, сенсомоторные. Способности выступают в качестве механизма реализации деятельности. Способности функционируют не изолированно, а во взаимодействии, и включаются в деятельность под влиянием конкретных требований. Назначение способностей в структуре деятельности состоит в обеспечении субъекта необходимой информацией для достижения цели, которая формируется на основе актуальной потребности [10].

Цель и требования деятельности выступают в качестве объективных детерминант развития профессиональных способностей и объединения их в конкретные структуры. Успешность в деятельности есть функция конкретной структуры способностей. В.Д. Шадриков подчёркивает, что с позиции способностей деятельность можно представить как постоянно меняющуюся по составу и мере взаимодействия структуру способностей, каждая из которых имеет своё оперативное проявление [10: с. 110].

Производительность, надёжность и качество деятельности, которые интегрируют в себе нормативные требования, возможно рассматривать как показатели уровня развития профессиональных способностей и конкретной структуры. Исследование будет надёжным и полным, если успешность деятельности исследовать в нестандартных условиях и требованиях деятельности.

Правомерно предположить, что плодотворное исследование проблемы способностей и механизмов их развития возможно в понимании способностей В.Д. Шадрикова. Следует отметить, что положения системогенетической теории способностей и деятельности уже были успешно реализованы по отношению к проблеме способностей (М.М. Князев, В.Л. Шкаликов, Р.В. Шрейдер, Л.В. Черемошкина, С.В. Филина, Г.А. Стюхина, Т.Х. Хасаева, О.В. Лаврик, Т.Н. Соболева, Н.А. Зиновьева, М.Д. Кузнецова и др.). Поэтому есть достаточные основания полагать, что данный подход является конструктивным в плане исследования закономерностей развития профессиональных способностей.

Вышеизложенное позволяет сформулировать следующую гипотезу исследования: стихийное и целенаправленное развитие способностей субъекта деятельности выступает в качестве внешних детерминант формирования различных структур способностей, обеспечивающих успешность деятельности в нестандартных условиях и требованиях.

Организация исследования и методы

В экспериментальном исследовании приняли участие 36 квалифицированных машинистов железнодорожного транспорта, которые были разделены на две группы по 18 чел.: первую группу составили машинисты со стихийным развитием способностей, вторую группу составили машинисты с целенаправленным развитием способностей.

Сопоставление качественных характеристик двух групп производилось по следующим критериям: возрасту, образованию, стажу в должности машиниста, классу машиниста, наставничеству в течение года, экспертности в течение года, участию в выявлении проектно-конструкторских недостатков при эксплуатации новой техники в течение 5 лет, участию в проектно-конструкторских разработках новой техники в течение 5 лет. Обе группы доста-

точно однородны, являются репрезентативными, что позволяет экстраполировать полученные выводы на генеральную совокупность машинистов железнодорожного транспорта в РФ.

Исследование было проведено в четыре этапа.

На первом этапе был осуществлен психологический анализ деятельности машиниста, в результате которого выявлен состав способностей, включающий семь наименований, а также состав из 9 интеллектуальных операций. В рамках данной статьи рассматриваются только две интеллектуальные операции. Затем осуществлялся подбор методов исследования (табл. 1).

Таблица 1

Состав профессиональных способностей и методики оценки

Профессиональные способности	Методика диагностики и субъективный опросник
1. Общие способности координации движений тела	Компьютерный стаблогографический метод с биологически обратной связью «Стабилан-01» (ЗАО «ОКБ "Ритм"», г. Таганрог): тест со ступенчатым отклонением в одном направлении с удержанием позы (разработчик – С.С. Слива и др., 2001)
2. Специальные способности координации движений тела	Компьютерный стаблогографический метод с биологически обратной связью «Стабилан-01» (ЗАО «ОКБ "Ритм"», г. Таганрог): тест на оценку запаса устойчивости человека при отклонении вперед-назад, вправо-влево (разработчик – С.С. Слива и др., 2001)
3. Способности сенсомоторной реакции рук и глаз	Аппаратурная методика оценки времени сложной двигательной реакции рук и глаз (авторское право принадлежит компании ОАО «РЖД», ДВГУПС, 2004)
4. Способности переключения внимания	Аппаратурная методика определения скорости переключения внимания на красно-черных таблицах Шульте-Патонова (авторское право принадлежит ОАО «РЖД», ДВГУПС, 2004)
5. Способности устойчивости внимания	Аппаратурная методика определения устойчивости внимания (авторское право принадлежит ОАО «РЖД», ДВГУПС, 2004)
6. Способности мышления на уровне технического понимания	Тест «Механика» (разработан Дж. Фланангом и адаптирован В.А. Чикером, 2003)
7. Способности мышления на уровне реконструкции технического образа	Тест «Сборка» (разработан Дж. Фланангом и адаптирован В.А. Чикером, 2003)
Интеллектуальные операции	
Аргументирование и доказательство	Субъективный опросник оценки операций аргументирования и доказательства на материале технической экспертизы (разработан Т.Н. Соболевой, 2008)
Умозаключение	Тест «Умозаключение» (разработан Дж. Фланангом и адаптирован В.А. Чикером, 2003)

На втором этапе было реализовано экспериментальное обучение интеллектуальным операциям – аргументированию и доказательству. Разрабатывалась авторская программа обучения интеллектуальным операциям с учётом нестандартных условий и требований деятельности. Цель обучения заключалась в том, чтобы субъект овладел интеллектуальными операциями и предпринял попытки применить их в ситуации решения технической неисправности на тренажёре в нестандартных условиях и требованиях деятельности. Овладение интеллектуальными операциями в условиях экспериментального обучения, возможно, приведёт к росту успешности в деятельности. А успешность деятельности есть функция конкретного уровня развития способностей и их структуры.

Методика обучения интеллектуальным операциям – аргументированию и доказательству в нестандартных условиях деятельности – базируется на продуктивной активности участника, когда от него требуется создать новый продукт (результат), при этом аргументировать и доказать его адекватность. Методика состоит из двух частей: 1) вводная часть посвящена ознакомлению с основными формально-логическими законами; 2) основная часть посвящена коллективному анализу железнодорожного происшествия. Обучение проводилось в форме практикума методом проблемного самообучения с группой 12–14 чел., включало 3 занятия по 3 часа.

На третьем этапе осуществлялась диагностика продуктивности в стандартных и нестандартных условиях деятельности на компьютерных тренажерных комплексах «Торвест-Видео» в моделях: «ВЛС-80», «Ярмак» (разработаны и изготовлены в ЗАО «Научно-производственный центр "СПЕКТР"» г. Екатеринбург, 2003). Исследование испытуемых проводилось индивидуально. Нестандартные условия и требования деятельности задавались на компьютерном тренажёре через постановку усложненного профиля пути и нестандартной ситуации технической неисправности, обусловленной существенным переструктурированием нормативного способа действия. Нестандартная техническая неисправность подбиралась на основе малой вероятности характерных причин неисправности и редкостью их встречаемости в работе машиниста.

На четвертом этапе осуществлялась диагностика способностей (см. описание первого этапа). Индивидуальное обследование квалифицированных машинистов включало 9 методик и проводилось после выполнения задания на тренажере.

Результаты и их анализ

Математическая обработка данных проводилась с использованием непараметрического критерия Манна–Уитни, коэффициента ранговой корреляции Спирмена. При обработке данных использовался пакет статистических программ – SPSS Statistica версия 17.0.

Прежде всего рассмотрим результаты оценки интеллектуальных операций. Установлены статистически значимые различия в мере проявления интеллектуальных операций в пользу групп с целенаправленным развитием способностей (критерий Манна–Уитни, для $n = 18$): 1) аргументирования ($U = 66$; $p \leq 0,01$); 2) доказательства ($U = 77,5$; $p \leq 0,01$); 3) умозаключения ($U = 106,5$; $p \leq 0,05$). Группы с целенаправленным развитием способностей осознанно оценивают использование интеллектуальных операций как в ситуации решения технической неисправности на тренажёре, так и в других тестовых ситуациях, и количественная мера у них выше, чем в группах со стихийным развитием способностей.

Кроме того, в группах с целенаправленным развитием способностей установлен факт осознанного использования интеллектуальных операций субъектом в ситуации решения технической неисправности на тренажёре в нестандартных условиях после экспериментального воздействия, что проявляется в более высокой продуктивности интеллектуальных операций и деятельности, чем до воздействия (критерий Вилкоксона для $n = 18$).

Рассмотрим результаты оценки способностей в группах со стихийным и целенаправленным развитием способностей. Между группами со стихийным и целенаправленным развитием способностей не установлено статистически значимых различий (критерий Манна–Уитни для $n = 18$) в мере проявления большинства способностей. Однако исключения составляют специальные способности координации движений тела ($U = 98$; $p \leq 0,05$), мера проявления которых значительно выше в группе с целенаправленным развитием способностей, чем в группе со стихийным развитием способностей. Возможно, влияние целенаправленного развития интеллектуальных операций на изменение меры проявления большинства способностей субъекта является латентным, скрытым и пока не поддается количественной оценке в силу недостаточного интервала времени, который необходим для регистрации таких изменений (табл. 2).

Из приведённых в табл. 2 данных следует, что успешность деятельности по отдельным показателям продуктивности отчетливо различается между группами со стихийным и целенаправленным развитием способностей в нестандартных условиях деятельности. Получены статистически значимые различия по показателям «время устранения ситуации неисправности», «субъективная оценка нормативных действий» в пользу второй группы с целенаправленным развитием способностей (см. табл. 2). Кроме того, статистические различия близки к значимым по таким показателям, как: количество нарушений безопасности движения поезда, уровень управления автотормозами в пользу второй группы.

Таблица 2

Различия критерия Манна–Уитни по показателям продуктивности деятельности в нестандартных условиях на компьютерном тренажёре в группах со стихийным и целенаправленным развитием способностей

Показатели продуктивности деятельности на компьютерном тренажёре в нестандартных условиях деятельности		Группа со стихийным развитием способностей		Группа с целенаправленным развитием способностей		$U_{\text{эмт}}$ Манна–Уитни
		Первая группа, $n = 18$		Вторая группа, $n = 18$		
		$X_{\text{ср}}$	σ	$X_{\text{ср}}$	σ	
Производительность	1. Продолжительность поездки, с	6236,8	1032	6008,7	1389,5	151,500
Надёжность	2. Время устранения ситуации неисправности, с	716,1	185	580,5	139,3	80,500
	3. Количество нарушений безопасности движения поезда	4,6	2,6	3,5	3,07	116,000
Качество	4. Уровень управления автотормозами, баллы	2,6	0,6	2,9	0,2	116,500
	5. Субъективная оценка нормативных действий, баллы	15,7	3,5	13,5	3,9	101,000
	6. Субъективная оценка полунормативных действий, баллы	19,8	3,1	20,8	4,3	131,000
	7. Субъективная оценка ненормативных действий, баллы	24,6	3,2	26,1	1,8	121,000

Примечание – Жирным шрифтом выделены эмпирические значения, попавшие в зону значимости. Критерий Манна–Уитни: $U_{\text{кр}} = 109$ для $p \leq 0,05$; $U_{\text{кр}} = 88$ для $p \leq 0,01$ при $n = 18$. Уровень управления автотормозами: 3 – высокий, 2 – средний, 1 – низкий.

Успешность в продуктивности деятельности второй группы достигается за счёт целенаправленного развития способностей через развитие интеллектуальных операций. Машинисты, овладев интеллектуальными операциями, осознанно их используют в ситуации решения технической неисправности на тренажёрном комплексе в нестандартных условиях деятельности. Машинисты, которые не проходили такого обучения, демонстрируют худшие результаты в продуктивности деятельности. Вместе с этим средние арифметические значения указывают на лучшую результативность по всем показателям второй группы со стихийным развитием способностей.

Рассмотрим структуры способностей в группах со стихийным и целенаправленным их развитием (рисунок).

На рисунке видно, что в нестандартных условиях деятельности формируются в различном компонентном составе, характере взаимодействия и мере интеграции структуры способностей. В нестандартной деятельности возникает необходимость существенного переструктурирования нормативного способа действия для решения нестандартной ситуации технической неисправности. От субъекта требуется проявить творчество, внести свои мировоззренческие коррекции в разработку нового способа действия [1; 4]. Возможно, это и предопределило принцип нелинейности, образование отрицательных связей в структурах, когда отдельные спо-

собности проявляются неравномерно, т.е. их оптимальный уровень оказывается различным в нестандартных условиях деятельности.

В первой группе структура способностей формируется в высокой мере интеграции (ИКС = 31), является структурированной, целостной, представленной в единстве всех компонентов. Однако данная структура способностей состоит из двух несвязанных между собой частей, что свидетельствует об относительной их независимости под влиянием нестандартных условий деятельности. Во второй группе структура способностей также сформирована в высокой мере интеграции (ИКС = 27), является структурированной, целостной, представленной в единстве всех компонентов. Установлено, что обе структуры формируются из комплексов способностей от высокого до низкого уровня интеграции (различные уровни достоверности корреляционных связей), которые системно взаимодействуют для обеспечения машиниста информацией, позволяющей ему разработать новый способ действия (рисунок).

В обеих структурах способностей обнаружены различные базовые способности, которые играют интегрирующую роль и способствуют установлению компенсаторных функциональных связей между всеми способностями. К базовым способностям относятся:

- устойчивость внимания в первой группе;
- мышление на уровне реконструкции технических образов во второй группе (рисунок).

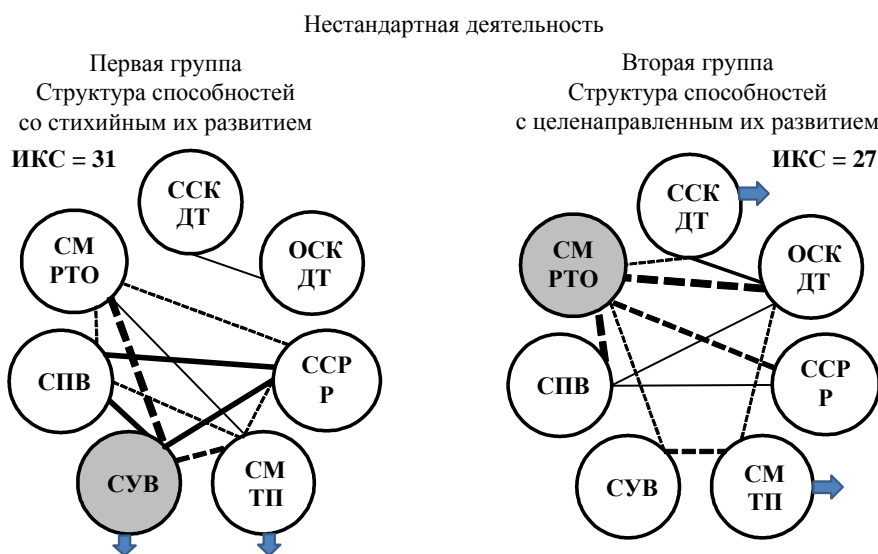

Рисунок. Структуры способностей со стихийным и целенаправленным их развитием в нестандартной деятельности: ИКС – индекс когерентности системы; ОСКДТ – общие способности координации движений тела; ССКДТ – специальные способности координации движений тела; ССПР – способности сенсорной реакции рук и глаз; СПВ – способности переключения внимания; СУВ – способности устойчивости внимания; СМТП – способности мышления на уровне технического понимания; СМРТО – способности мышления на уровне реконструкции технических образов. Затемнённый кружок указывает на базовую способность. Широкая стрелка от способности указывает на то, что она является ведущей; $-\text{---}$ – $p \leq 0,001$; $-\text{---}$ – $p \leq 0, 01$; $-\text{---}$ – $p \leq 0,05$

Также установлены различные ведущие способности, которые непосредственно оказывают влияние на продуктивность деятельности в нестандартных условиях деятельности (см. рисунок). К ведущим способностям относятся:

- устойчивость внимания и мышление на уровне технического понимания в первой группе;
- специальные способности координации движений тела и мышление на уровне технического понимания во второй группе (см. рисунок).

Отметим, что способности мышления на уровне технического понимания оказались ведущими в обеих группах вне зависимости от условий развития способностей. Данный факт согласуется с исследованиями Ю.К. Стрелкова, Д.Н. Завалишиной, В.А. Бодрова, В.А. Пономаренко, которые подчёркивают преобладающую роль мышления в условиях решения сложных, нестандартных задач, когда от субъекта требуется преобразование нормативного способа действия [2; 5; 6; 8]. Ю.К. Стрелков отмечает, что такие преобразования требуют больших усилий, которые связаны с переделкой хорошо заученных схем, выстраиванием новой метасхемы [8: с. 76].

Выводы

В ненормативных условиях надёжность и качество деятельности выше в группах с целенаправленным развитием способностей, чем в группах со стихийным развитием способностей. Данный факт

позволяет констатировать, что условия целенаправленного развития способностей через развитие интеллектуальных операций обеспечивают повышение продуктивности деятельности.

Субъект достигает различной производительности, надёжности и качества деятельности, обусловленных ненормативным способом действия, в зависимости от стихийного и целенаправленного развития способностей. Каждый показатель продуктивности деятельности имеет индивидуальную меру выраженности, которая детерминируется условиями стихийного и целенаправленного развития способностей в отношении нестандартных условий и требований деятельности.

В нестандартных условиях деятельности формируются различные структуры профессиональных способностей со стихийным и целенаправленным их развитием, которые обеспечивают субъекта информацией для разработки ненормативного, нового способа действия. Это позволяет нам рассматривать условия стихийного и целенаправленного развития способностей в качестве внешних детерминант формирования различных структур способностей в ненормативных условиях деятельности. В прикладном аспекте доказывается принципиальная возможность целенаправленного формирования структуры способностей в нестандартных условиях деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абульханова, К.А.* Психология и сознание личности (Проблемы методологии, теории и исследования реальной личности) : Избранные психологические труды / К.А. Абульханова. – Москва : Московский психолого-социальный институт. – Воронеж : МОДЭК, 1999. – 224 с.
2. *Бодров, В.А.* Психология и надежность : человек в системах управления техникой / В.А. Бодров, В.Я. Орлов. – Москва : Институт психологии РАН, 1998. – 288 с.
3. *Выготский, Л.С.* Собрание сочинений. В 6 т. Т. 3. Проблемы развития психики / Л.С. Выготский ; под ред. А.М. Матюшкина. – Москва : Педагогика, 1983. – 368 с.
4. *Голиков, Ю.Я.* Психология автоматизации управления техникой / Ю.Я. Голиков, А.Н. Костин. – Москва : Институт психологии РАН, 1996. – 160 с.
5. *Завалишина, Д.Н.* Практическое мышление : Специфика и проблемы развития / Д.Н. Завалишина. – Москва : Институт психологии РАН, 2005. – 241 с.
6. *Пономаренко, В.А.* О духовности профессии как предтече новых концепций в психологии труда опасных профессий / В.А. Пономаренко // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Вып. 2 / под ред. В.А. Бодрова, А.Л. Журавлева. – Москва : Институт психологии РАН, 2011. – С. 347–359.
7. *Рубинштейн, С.Л.* Проблема способностей и вопросы психологической теории / С.Л. Рубинштейн // Вопросы психологии. – 1960. – № 3. – С. 3–15.
8. *Стрелков, Ю.К.* Инженерная и профессиональная психология : учеб. пособие для студентов высших учеб. заведений / Ю.К. Стрелков. – Москва : Академия; Высшая школа, 2001. – 360 с.
9. *Теплов, Б.М.* Избранные труды. В 2 т. Т. 1. Способности и одаренность / Б.М. Теплов. – Москва : Педагогика, 1985. – 328 с.
10. *Шадриков, В.Д.* Психология деятельности человека / В.Д. Шадриков. – Москва : Институт психологии РАН, 2013. – 464 с.

DOI: 10.31079/1992-2868-2020-17-4-91-101

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ОДАРЁННОСТИ В ДЕТЕРМИНАЦИИ СМЫСЛОВЫМ ОТНОШЕНИЕМ К НОВОВВЕДЕНИЯМ ПОД ВЛИЯНИЕМ РАЗЛИЧНОЙ СТЕПЕНИ СВОБОДЫ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Т.Н. Соболева

Настоящая статья посвящена малоизученной проблеме формирования одарённости в условиях различной степени свободы в деятельности. Основная задача исследования состоит в раскрытии того, как условия различной степени свободы в деятельности преломляются внутренними условиями, в качестве которых выступают различные структуры одарённости и тип смыслового отношения к нововведениям. Исследование проводилось на выборке из 54 квалифицированных машинистов железнодорожного транспорта с использованием специализированного тренажёра, позволяющего имитировать три степени свободы в деятельности. Психологический анализ деятельности позволил выявить семь способностей, обеспечивающих реализацию деятельности. На основе эмпирических данных показывается, что низкая, средняя или высокая степень свободы в деятельности проявляется в различной мере продуктивности деятельности. В зависимости от консервативного и инновативного смыслового отношения формируются различные по составу и мере интеграции структуры одарённости в условиях различной степени свободы в деятельности.

Ключевые слова: свобода в деятельности, консервативное и инновативное смысловое отношение к нововведениям, структура одарённости.

THE FORMATION OF PROFESSIONAL TALENT IN DETERMINATION WITH SEMANTIC ATTITUDE TO INNOVATIONS UNDER THE INFLUENCE OF VARIOUS DEGREES OF FREEDOM IN ACTIVITY

T.N. Soboleva

The article is devoted to the poorly studied problem of the formation of talent in the conditions of different degrees of freedom in activity and the impact on that formation of a person's conservative and innovative semantic attitudes towards the introduction of new equipment. The main objective of the study is to describe how the conditions of different degrees of freedom in the activity are refracted with internal conditions, which are conservative and innovative semantic attitudes and various talent structures. The study was conducted on a sample of 54 qualified railway drivers using a specialized simulator which allows to simulate three degrees of freedom in the activity. The psychological analysis of the activity revealed seven abilities ensuring the implementation of the activity. Based on empirical data, the article shows that low, medium and high degrees of freedom in activity are manifested in different degrees of productivity. Conservative and innovative semantic attitudes to the introduction of new equipment do not have a significant effect on the productivity of the activity in the conditions of different degrees of freedom. Along with this, depending on the conservative and innovative semantic attitudes, different structures of talent in terms of composition and degree of integration under the conditions of different degrees of freedom in the activity are formed. On the one hand, conservative and innovative semantic attitudes act as internal determinants; on the other hand, low, medium and high degrees of freedom in the activity act as external determinants of the formation of various talent structures.

Key words: freedom in professional activity, conservative and innovative semantic attitudes, talent structure.

Постановка проблемы

Проблема формирования профессиональной одарённости в детерминации консервативным и инновативным смысловым отношением под влиянием различной степени свободы в деятельности представляется сложной и малоизученной проблемой. Сложность данной проблемы в психологической науке состоит, во-первых, в неоднозначном понимании одарённости и её компонентного состава, во-вторых, одарённость не изучалась через призму профессиональной деятельности, в-третьих,

в неразработанности проявления свободы в профессиональной деятельности и ее роли в формировании одарённости и смысловом отношении.

Зарубежными психологами одарённость переводится в сферу интеллекта, общих и специальных способностей, творческой активности и личности в целом. Такое понимание одарённости привело к развитию преимущественно многофакторных концепций в русле психометрического, измерительного подхода. Однако понимания сущности одарённости не предлагается, и в её исследовании обна-

Соболева Татьяна Николаевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей, юридической и инженерной психологии Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Soboleva Tatyana Nikolaevna – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of General, Legal and Engineering Psychology at Far Eastern State Transport University (Khabarovsk).

Email: t.n.s.25vivat@mail.ru

© Соболева Т.Н., 2020

руживается отрыв от деятельности. Внедеятельностный подход к проблеме одарённости приводит к узости теоретических и методологических оснований её изучения, а также упрощает получение результатов и их интерпретацию.

Преимущество отечественной психологии состоит в исследовании одарённости с позиции деятельностного подхода, в аспекте которого сформировано представление о формировании и развитии одарённости в деятельности.

Мультипликативная модель одарённости Д.В. Ушакова [19], модель художественной одарённости А.А. Мелик-Пашаева [10], модель проблемного обучения и одарённости А.М. Матюшкина [9], динамическая модель одарённости Ю.Д. Бабаевой [2] и др. представляют собой уникальный пласт современных исследований, вносящих огромный вклад в теорию одарённости, практику её диагностики и образовательных методик её развития. Учёные стремятся выявить компонентный состав одарённости через сложную систему взаимосвязей интеллекта, способностей, мотивации, личностного смысла с окружающей и образовательной средой, действительностью и жизненным путём личности.

Проблема системности одарённости решается в «Рабочей концепции одарённости» коллективом единомышленников, который составили такие отечественные психологи, как Ю.Д. Бабаева, Д.Б. Богоявленская, А.В. Брушлинский, В.Н. Дружинин, И.И. Ильясков, И.В. Калиш, Н.С. Лейтес, А.М. Матюшкин, А.А. Мелик-Пашаев, В.И. Панов, Д.В. Ушаков, М.А. Холодная, В.Д. Шадриков, Н.Б. Шумакова, В.С. Юркевич. Научный коллектив рассматривает одарённость как системное свойство, которое развивается в течение жизни, является качеством психики. Одарённость определяет возможность достижения человеком более высоких, незаурядных результатов в одном или нескольких видах деятельности по сравнению с другими людьми. Классификация одарённости по критерию «вид деятельности и обеспечивающие её сферы психики» является перспективной в направлении решения проблемы соотношения одарённости и отдельных способностей, понимания творческой одарённости как особого вида [13].

Обозначенная проблема соотношения одарённости и отдельных способностей является ключевой проблемой понимания сущности одарённости.

К настоящему времени в исследованиях проблемы одарённости сложилось многозначное понимание её структуры, практически отсутствует определение её сущности.

Б.М. Теплов первым обозначил понимание одарённости как качественное сочетание способностей в отношении конкретного вида деятельности [17].

В.Д. Шадриков в теории способностей и деятельности предлагает понимание одарённости как системного взаимодействия способностей, направ-

ленного на получение желательного результата, выступающего как качественное новообразование субъекта деятельности, имеющего индивидуальную меру выраженности и развивающегося в деятельности и в жизнедеятельности [21: с. 211].

Понимание одарённости заключено в определении сущности способностей. Если рассматривать понятие одарённости в отрыве от способностей, то теория и практика теряют источник происхождения и развития одарённости и делают затруднительным её качественный анализ.

Понятие «способностей» используется достаточно широко и наполняется различным, специфичным содержанием. Однако отметим, до сих пор практически не существует определения способностей.

В отечественной психологии к проблеме определения понятия способностей обращается Б.М. Теплов. Он выделяет четыре признака, входящие в понятие «способностей»: 1) это свойство, которое имеет отношение к успешности выполнения какой-либо деятельности или многих деятельностей; 2) это индивидуально-психологические особенности, отличающие одного человека от другого; 3) понятие «способность» не сводится к тем знаниям, навыкам или умениям, которые уже выработаны у данного человека; 4) способности, по существу дела, не могут быть врожденными [17: с. 20]. Вместе с этим учёный в своё время ставил задачу выяснения приблизительной формы содержания понятия способностей [17: с. 15].

Развитие психофизиологического подхода к проблеме способностей в работах Э.А. Голубевой, Е.П. Ильина, К.К. Платонова и др. способствовало укреплению позиции о том, что под способностями можно понимать познавательные процессы, такие как память, мышление, интеллект, а также общие свойства нервной системы, но учёные не определяют, каким образом осуществляется переход от памяти, мышления к способности. Вместе с этим сформировалось устойчивое представление о развитии способностей в личностно-деятельностной детерминации, которое получило своё дальнейшее развитие [4; 7; 12].

В.Н. Дружинин, М.А. Холодная, А.В. Карпов экспериментально доказывают, что к общим способностям можно отнести интеллект, обучаемость, креативность, познавательные стили и рефлексию [6; 8; 20].

Благодаря работам В.А. Толочек, В.И. Панова, А.Н. Воронина формируется представление о профессиональных способностях как сложных системных образованиях, опосредованных не только деятельностью и личностной организацией, но и явлениями, характерными для общества [3; 11; 18].

Таким образом, накоплен огромный материал экспериментальных исследований способностей, однако ученые не уделили серьезного внимания проработке понимания сущности способностей.

Открытая проблема сущности способностей приводит к открытости проблемы сущности одарённости.

Впервые В.Д. Шадриковым раскрывается понятие способностей. Учёный считает, что для понимания сущности способностей следует обратиться к психической функции. Способности рассматриваются как свойства функциональных систем, реализующих познавательные и психомоторные функции, имеющие индивидуальную меру выраженности и проявляющиеся в успешности и качественном своеобразии освоения и реализации деятельности [21: с. 102].

Е.П. Ильин разделяют точку зрения о том, что способности следует рассматривать как свойства функциональных систем, реализующих отдельные психические функции. Учёный подчёркивает, что различия в степени проявления способностей и составляют качественную характеристику у разных людей [7].

Понимание способностей как свойств функциональных систем, реализующих познавательные и психомоторные функции, наполняет конкретным содержанием осмысление одарённости как системного взаимодействия способностей, направленное на получение желательного результата, выступающее как качественное новообразование субъекта деятельности.

Рассматривая одарённость как качественное взаимодействие способностей, мы продолжаем развивать положение Б.М. Теплова и решаем проблему многокомпонентности одарённости, имея в виду в её структуре только способности. А такие образования, как мотивация, цели, личностные смыслы, личностные свойства, могут рассматриваться в качестве иных внутренних детерминант, оказывающих влияние на формирование и развитие одарённости. В качестве внешних детерминант могут выступать условия образовательной среды, требования деятельности и т.п.

Правомерно предположить, что плодотворное исследование проблемы одарённости возможно в понимании способностей и одарённости В.Д. Шадриковым, и мы будем придерживаться данного подхода в исследовании профессиональной одарённости.

Настоящее исследование посвящено проблеме профессиональной одарённости, и логика её понимания остаётся той же, что и при осмыслении одарённости, т.е. как системного взаимодействия способностей в целях конкретной деятельности, выступающего как системное качество субъекта деятельности, только категория деятельности уточняется до конкретного вида профессиональной деятельности. Одарённость субъекта деятельности и есть профессиональная одарённость.

Изучение одарённости в профессиональной деятельности еще больше усложняется, когда её формирование исследуется под влиянием объективных условий и требований, заключающихся в своей основе нормативный способ действия и нормативный

результат. А проявление одарённости, как правило, связывают с достижением субъектом выдающихся, творческих результатов. И здесь возникает вопрос о правомерности использования понятия одарённости в отношении нормативной деятельности.

Однако большинством отечественных психологов современности признаётся, что одарённость развивается и формируется в деятельности, она не существует до деятельности. В связи с этим приобретает значение понимание свободы в профессиональной деятельности, а исследование формирования одарённости переводится в её аспект.

В отечественной психологии деятельностный подход и теория субъекта деятельности глубоко и полно раскрывают свободу выбора субъекта в деятельности.

Основателем теории психологии субъекта деятельности выступает С.Л. Рубинштейн. Учёным формулируется положение о том, что все внешние воздействия преломляются внутренними условиями, таким образом, на первый план выступают внутренние условия как детерминанты психики, поведения и деятельности [14]. Именно положение С.Л. Рубинштейна о приоритетности субъекта явилось фундаментальным в развитии теории свободы человека в деятельности.

Большинством отечественных психологов современности свобода выбора понимается как личная инициатива субъекта, как возможность действовать по-своему, на свой страх и риск в условиях неопределённости и противоречий. Свобода выбора – это возможность самосовершенствования, нахождение новых способов решения противоречия между личностью и требованиями деятельности.

В качестве внутренних детерминант свободного выбора субъектом выделяют мотивы, цели, которые направляют и побуждают субъекта деятельности, а также в этом качестве могут выступать способности, одарённость субъекта, обеспечивающие достижение результата. В качестве объективных детерминант выделяют требования конкретной профессиональной деятельности.

Свобода выбора выступает как взаимодействие внутренних и внешних детерминант, при котором субъект качественно изменяется сам и изменяется его деятельность, приобретая индивидуальное, творческое своеобразие.

Однако отметим, что психология субъекта деятельности на современном этапе не стала узловой проблемой в психологической науке. Методологическое положение С.Л. Рубинштейна о том, что все внешние воздействия преломляются внутренними условиями, является узловым в понимании свободы в профессиональной деятельности, но имеется ограниченный эмпирический материал, который бы подтверждал его.

Ярославской психологической школой деятельность изучается с позиции внутренних условий, но

нет работ, которые показали бы, как будут изменяться внутренние условия субъекта, каким образом будут проявляться, структурироваться под влиянием конкретных требований деятельности.

Совместно с В.Д. Шадриковым, опираясь на толкование свободы В.И. Далем, Ф.А. Брокгаузом и И.А. Ефроном, а также на теоретические представления о свободе в деятельности С.Л. Рубинштейна, мы придерживаемся следующего определения: *свобода в профессиональной деятельности* – это способность к определённому поведению (действиям), которая, с одной стороны, детерминируется целями и мотивами субъекта деятельности, а с другой, объективными требованиями и условиями деятельности [5].

Под способностью субъекта действовать понимаются различные внутренние условия, в качестве которых может выступать одарённость человека.

Таким образом, предметом психологического изучения свободы в профессиональной деятельности может выступать профессиональная одарённость.

Формирование одарённости можно исследовать как динамичное объединение способностей в условиях свободы выбора в деятельности, определяемой требованиями. Способности выступают в качестве механизма реализации деятельности. Способности вовлекаются в деятельность и системно взаимодействуют в соответствии с требованиями деятельности, таким образом, формируется такое системное новообразование, как одарённость [22: с. 109].

Однако возникает вопрос: каким образом может проявляться различная степень свободы в профессиональной деятельности?

Здесь вскрывается важный аспект, что деятельность имеет ту или иную степень неопределённости объективных условий и требований деятельности. В основе объективной неопределённости лежат нормативные требования. Характер нормативных требований может усложняться в зависимости от конкретных объективных и субъективных факторов, оказывающих непосредственное влияние на деятельность. Изменение характера неопределённости существенно влияет на свободу выбора способа действия.

Степень свободы в профессиональной деятельности заключается в нормативном способе деятельности, который может реализовываться субъектом в строгой его нормативности (нормативный способ), либо способ действия комбинируется из имеющихся в опыте и инструкциях (полунормативный способ), либо осуществляется кардинальное переструктурирование и создается новый способ действия (ненормативный способ) [1; 8; 22].

Три способа действия составляют базовое основание степени свободы в профессиональной деятельности: низкую, среднюю и высокую.

Выбор субъектом одного из трёх способов деятельности, а следовательно, степени свободы в дея-

тельности детерминируется, с одной стороны, мотивацией и структурой одарённости, с другой стороны, конкретными требованиями и условиями деятельности.

Мера активности и ответственности субъекта в условиях низкой, средней и высокой степени свободы является различной и напрямую определяется выбором способа действия. Ведущим фактором, определяющим выбор способа действия субъектом, возможно, будет являться уровень его квалификации.

Учитывая сказанное, мы будем придерживаться следующего определения *степени свободы в профессиональной деятельности* – это возможность субъекта реализовать инициативные действия в аспекте репродуктивной или продуктивной активности, направленной на выбор такого способа действия, который представляет для него наибольший личностный смысл под влиянием конкретных условий деятельности. Выбор способа деятельности субъектом осуществляется с ориентацией на основные параметры продуктивности деятельности, такие как производительность, надёжность и качество.

Чем выше неопределённость условий и требований деятельности, тем выше степень объективной, внешней свободы, и тем большей свободой выбора обладает субъект и реализует её в принятии решений и действиях.

Согласно различной степени свободы в деятельности, обусловленной способом действия, изучение одарённости применимо как в отношении нормативного, так и необычного, творческого результата деятельности. Данный подход расширяет границы в применении понятия одарённости и её исследования в отношении любой деятельности.

Одарённость является механизмом и внутренним условием реализации низкой, средней или высокой степени свободы в профессиональной деятельности. Назначение одарённости в структуре деятельности состоит в обеспечении субъекта необходимой информацией для достижения цели, которая формируется на основе актуальной потребности.

Формирование системы одарённости происходит как процесс взаимодействия входящих в неё познавательных и психомоторных способностей и установления связей между ними в соответствии с низкой, средней или высокой степенью свободы в деятельности, обусловленной требованиями. Результатом системного взаимодействия способностей выступает новое системное свойство одарённости.

Исследование будет исчерпывающим, если учитывать иные внутренние детерминанты, которые оказывают влияние на формирование одарённости в условиях различной степени свободы. Смысловое отношение к нововведениям является тем внутренним условием, которое в индивидуальной мере и типе направленности способствует выбору способа действия в условиях различной степени свободы.

Проблема субъекта инновационной деятельности была предметом исследования Р. Стернберга и Е. Григоренко, О.С. Советовой, М.Ж. Kirton, М.Р. Venkatraman и др. В данных работах показывается, что личностное отношение субъекта к нововведениям определяет свободу выбора способа действия. Инновационное отношение личности к нововведениям направляет деятельность на открытие новых способов действия. Консервативное отношение к нововведениям направляет деятельность на поиск апробированных способов решения. В целом инновационное отношение личности к деятельности рассматривается как благоприятная почва развития самого субъекта и деятельности по пути творчества [15; 16; 24; 26].

Исходя из вышеизложенного, можно предположить, что свобода в профессиональной деятельности детерминирована объективными требованиями деятельности, которые реализуются через различные внутренние условия, в качестве которых может выступать одарённость как системное взаимодействие способностей, а также смысловое отношение к нововведениям субъекта деятельности. Реализация субъектом различной степени свободы в деятельности приводит к изменению целостной системы одарённости, что может проявиться в индивидуальной мере продуктивности деятельности.

Организация исследования и методы

В экспериментальном исследовании приняли участие 54 квалифицированных машиниста железнодорожного транспорта, которые были разделены на три группы по 18 чел.: первую группу составили машинисты, реализующие поездку на тренажёре в условиях низкой степени свободы в деятельности; вторую группу – средней степени свободы; третью группу – высокой степени свободы в деятельности. Далее участники каждой из трёх групп были разделены на основании консервативного и инновативного смыслового отношения к внедрению новой техники.

Сопоставление качественных характеристик трёх групп производилось по следующим критериям: возрасту, образованию, стажу в должности машиниста, классу машиниста, наставничеству в течение года, экспертности в течение года, участию в выявлении проектно-конструкторских недостатков при эксплуатации новой техники в течение 5 лет, участию в проектно-конструкторских разработках новой техники в течение 5 лет. Три группы достаточно однородны, являются репрезентативными, что позволяет экстраполировать полученные выводы на генеральную совокупность машинистов железнодорожного транспорта в РФ.

Исследование было организовано в три этапа.

На первом этапе был проведён психологический анализ деятельности машиниста, в результате которого выявлен состав профессиональной одарённости, включающий семь наименований способностей.

Также было определено смысловое отношение к нововведениям как детерминанта формирования профессиональной одарённости. В табл. 1 представлен перечень способностей и методики их диагностики.

Таблица 1

Состав профессиональной одарённости и методики её оценки

Состав профессиональной одарённости	Методика диагностики и субъективный опросник
1. Общие способности произвольной координации движений тела	Компьютерный стабилографический метод с биологически обратной связью «Стабилан-01» (ЗАО «ОКБ "Ритм"», г. Таганрог): тест со ступенчатым отклонением в одном направлении с удержанием позы (разработчик С.С. Слива и др., 2001)
2. Специальные способности произвольной координации движений тела	Компьютерный стабилографический метод с биологически обратной связью «Стабилан-01» (ЗАО «ОКБ "Ритм"», г. Таганрог): тест на оценку запаса устойчивости человека при отклонении вперед-назад, вправо-влево (разработчик С.С. Слива и др., 2001)
3. Способности сенсомоторной реакции руки	Аппаратурная методика оценки времени сложной двигательной реакции глаз и руки (авторское право принадлежит компании ОАО «РЖД», ДВГУПС, 2004)
4. Способности переключения внимания	Аппаратурная методика определения скорости переключения внимания на красно-чёрных таблицах Шульте-Патоннова (авторское право принадлежит ОАО «РЖД», ДВГУПС, 2004)
5. Способности устойчивости внимания	Аппаратурная методика определения устойчивости внимания (авторское право принадлежит ОАО «РЖД», ДВГУПС, 2004)
6. Способности мышления на уровне технического понимания	Тест «Механика» (разработан Дж. Фланаганом и адаптирован В.А. Чикером, 2003)
7. Способности мышления на уровне реконструкции технического образа	Тест «Сборка» (разработан Дж. Фланаганом и адаптирован В.А. Чикером, 2003)
Детерминанта формирования профессиональной одарённости	
Консервативное и инновативное смысловое отношение к внедрению новой техники	Субъективный опросник «Отношение к внедрению новой техники» (разработан Т.Н. Соболевой, 2008)

На втором этапе осуществлялась диагностика продуктивности деятельности под влиянием низкой, средней или высокой степени свободы на компьютерных тренажёрных комплексах «Торвест-Видео» в моделях: «ВЛС-80», «Ярмак» (разработаны и изготовлены в ЗАО НПЦ «СПЕКТР», г. Екатеринбург, 2003). Исследование испытуемых проводилось индивидуально (табл. 2).

Таблица 2

Технические характеристики низкой, средней или высокой степени свободы в деятельности на компьютерных тренажёрных комплексах

Критерий	Степень свободы в деятельности		
	Низкая	Средняя	Высокая
1. Профиль пути 24 км: спуски и подъемы, кривые	От 0,0 до 4 ‰ Нет кривых	От 0,0 до 7 ‰ Кривая большого радиуса	От 0,0 до 12 ‰ Кривая малого радиуса
2. Условия деятельности	Порывистый ветер до 12 м/с на участке протяжённостью 300 м	Плановые ремонтные работы на конкретном участке пути протяжённостью 300 м	Неожиданное постепенное прибывание сточных вод и погружение рельсов под воду на участке протяжённостью 300 м
3. Способ деятельности	Нормативный способ действия	Комбинирование нормативных способов действия	Переструктурирование нормативных способов действия, новый способ
4. Тип ситуации неисправности	При ведении электропоезда загорается сигнальная лампа ЗБ (зарядка батарей), нет зарядки аккумуляторных батарей	При ведении электропоезда прекратилась работа вспомогательных машин	При ведении электропоезда происходит отключение главного выключателя в обеих секциях

Примечание – Ситуации неисправности под влиянием высокой степени свободы в деятельности подбирались на основе малой вероятности характерных причин неисправности и редкостью их встречаемости в работе машиниста.

Согласно трём выявленным способам действия в условиях низкой, средней или высокой степени свободы были разработаны и задавались конкретные технические параметры на компьютерных тренажёрных комплексах, представленные в табл. 2.

На третьем этапе осуществлялась диагностика структуры одарённости, типа смыслового отношения к нововведениям (см. первый этап). Индивидуальное обследование квалифицированных машинистов включало 8 методик и проводилось сразу после выполнения поездки на тренажёре.

Результаты и их обсуждение

Математическая обработка данных проводилась с использованием коэффициента ранговой корреляции Спирмена, поскольку подавляющее большинство данных, полученных в экспериментальном исследовании, не распределены нормально. Различия между тремя независимыми выборками в мере продуктивности деятельности на тренажёре определялись с помощью непараметрического критерия Крускала–Уоллеса. При обработке данных использовался пакет статистических программ SPSS Statistica версия 17.0.

Наряду с этим использовались оригинальные разработки В.Д. Шадрикова, предложенные для оценки меры когерентности системы одарённости, а также характера структурной организации системы в рамках структурно-функционального подхода.

Методика расчёта меры когерентности системы одарённости, согласно процедуре, состоит в следующем. За каждую корреляционную взаимосвязь начисляются баллы по следующему принципу: для $p \leq 0,001$ – 4 балла, для $p \leq 0,01$ – 3 балла, для $p \leq 0,05$ – 2 балла, для $p \leq 0,1$ – 1 балл. Количество баллов суммируется. Полученная сумма и отражает величину индекса когерентности системы одарён-

ности. Чем выше индекс когерентности системы, тем более интегрированной и целостной является система одарённости [22: с. 403].

Рассмотрим результаты продуктивности деятельности в условиях различной степени свободы в группах с консервативным и инновативным смысловым отношением к внедрению новой техники (табл. 3).

Получены статистически значимые различия между тремя группами с консервативным смысловым отношением по показателям «продолжительности поездки», «время устранения ситуации неисправности», «количество нарушений безопасности движения поезда» в пользу первой группы, осуществляющей деятельность в условиях низкой степени свободы (см. табл. 3).

На основании данных различий можно отметить, что низкая, средняя и высокая степени свободы в деятельности являются независимыми, имеющими самостоятельный статус условиями и требованиями деятельности, детерминированными конкретным способом действия, поскольку реализуются субъектом с консервативным смысловым отношением в различной мере продуктивности (табл. 4).

Получены статистически значимые различия между тремя группами с инновативным смысловым отношением по показателям «продолжительность поездки», «время устранения ситуации неисправности» в пользу первой группы, осуществляющей деятельность в условиях низкой степени свободы (см. табл. 4). При этом по показателю «количество нарушений безопасности движения поезда» различия близки к статистически значимым, и средние значения свидетельствуют, что больше всего нарушений совершается субъектом в условиях высокой степени свободы в деятельности.

Таблица 3

Различия критерия Крускала–Уоллеса по показателям продуктивности деятельности в условиях низкой, средней и высокой степени свободы на компьютерном тренажёре в группах с консервативным смысловым отношением к внедрению новой техники

Степень свободы в деятельности / группы		Степень свободы в деятельности						$H_{эмп}$ Крускала–Уоллеса
		Низкая		Средняя		Высокая		
Показатели продуктивности деятельности на компьютерном тренажёре		Первая группа с КОНС СО, $n = 9$		Вторая группа с КОНС СО, $n = 9$		Третья группа с КОНС СО, $n = 9$		
		$X_{ср}$	σ	$X_{ср}$	σ	$X_{ср}$	σ	
Производительность	1. Продолжительность поездки, с	2530	444,9	6289,4	1204,8	6501,8	1197,3	17,445
Надёжность	2. Время устранения ситуации неисправности, с	304	171,6	621	192,8	782,3	162,6	16,132
	3. Количество нарушений безопасности движения поезда, ед.	3	1,8	4,8	2,3	6,2	2,6	6,273
Качество	4. Уровень управления автотормозами, баллы	2,3	0,7	1,7	0,6	2,3	0,7	3,614

Примечание – КОНС СО – консервативное смысловое отношение к внедрению новой техники. Уровень управления автотормозами: 3 – высокий, 2 – средний, 1 – низкий. Жирным шрифтом выделены эмпирические значения $H_{эмп}$ Крускала–Уоллеса, попавшие в зону значимости. Критерий Крускала–Уоллеса: $H_{кр} = 5,991$ для $p \leq 0,05$; $H_{кр} = 9,210$ для $p \leq 0,01$ при $\nu = 2$.

Таблица 4

Различия критерия Крускала–Уоллеса по показателям продуктивности деятельности в условиях низкой, средней или высокой степени свободы на компьютерном тренажёре в группах с инновативным смысловым отношением к внедрению новой техники

Степень свободы в деятельности / группы		Степень свободы в деятельности						$H_{эмп}$ Крускала–Уоллеса
		Низкая		Средняя		Высокая		
Показатели продуктивности деятельности на компьютерном тренажёре		Первая группа с ИННОВ СО, $n = 9$		Вторая группа с ИННОВ СО, $n = 9$		Третья группа с ИННОВ СО, $n = 9$		
		$X_{ср}$	σ	$X_{ср}$	σ	$X_{ср}$	σ	
Производительность	1. Продолжительность поездки, с	3033	532,6	4483,2	1370,6	5971,8	819,6	15,260
Надёжность	2. Время устранения ситуации неисправности, с	416,6	122,6	520,2	150,6	650	190,9	7,021
	3. Количество нарушений безопасности движения поезда, ед.	2,2	1,7	1,2	1,9	3,1	1,6	5,445
Качество	4. Уровень управления автотормозами, баллы	2,6	0,5	2,7	0,4	2,8	0,3	1,238

Примечание – ИННОВ СО – инновативное смысловое отношение к внедрению новой техники. Уровень управления автотормозами: 3 – высокий, 2 – средний, 1 – низкий. Жирным шрифтом выделены эмпирические значения $H_{эмп}$ Крускала–Уоллеса, попавшие в зону значимости. Критерий Крускала–Уоллеса: $H_{кр} = 5,991$ для $p \leq 0,05$; $H_{кр} = 9,210$ для $p \leq 0,01$ при $\nu = 2$.

На основании данных различий можно отметить, что низкая, средняя или высокая степень свободы в деятельности являются независимыми, имеющими самостоятельный статус условиями и требованиями деятельности, детерминированы конкретным способом действия, поскольку реализуются субъектом с инновативным смысловым отношением в различной мере продуктивности.

В целом отметим, что условия низкой, средней или высокой степени свободы в деятельности выступают определяющими детерминантами производительности, надёжности и качества деятельности. Консервативное и инновативное смысловое отношение, присущее субъекту, не оказывает су-

щественного влияния на продуктивность деятельности, поскольку тенденции в различиях между низкой, средней или высокой степенью свободы в деятельности практически идентичны. Чем выше степень свободы в деятельности, тем ниже производительность и надёжность деятельности, а качество деятельности стабильно выполняемо субъектом с консервативным и инновативным смысловым отношением.

Рассмотрим полученные корреляционные структуры одарённости в условиях различной степени свободы в группах с консервативным и инновативным смысловым отношением к внедрению новой техники (рисунок).

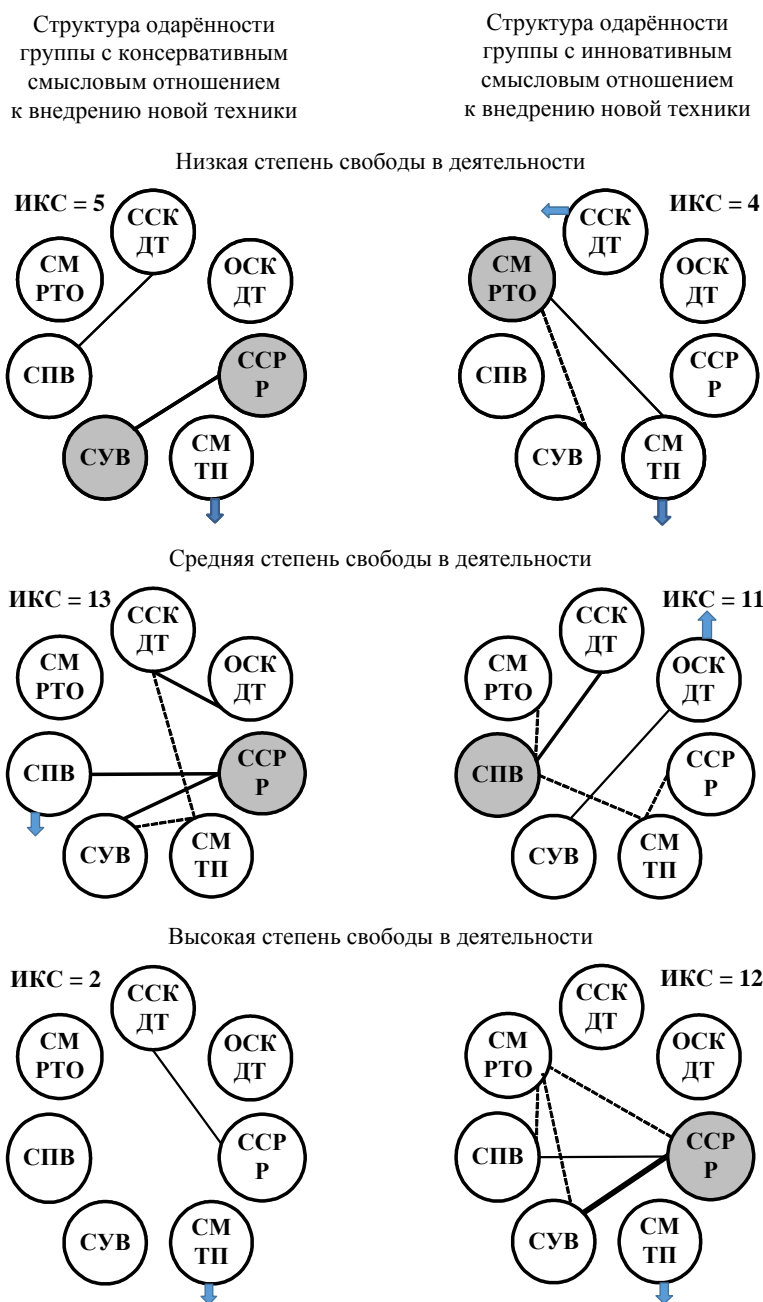

Рисунок. Структура одарённости в условиях низкой, средней или высокой степени свободы в деятельности групп с консервативным и инновативным смысловым отношением к внедрению новой техники: ИКС – индекс когерентности системы; ОСКДТ – общие способности координации движений тела; ССКДТ – специальные способности координации движений тела; ССРР – способности сенсомоторной реакции рук и глаз; СПВ – способности переключения внимания; СУВ – способности устойчивости внимания; СМТП – способности мышления на уровне технического понимания; СМРТО – способности мышления на уровне реконструкции технических образов. Затеминённые кружки указывают на базовые способности в структуре одарённости. Широкие стрелки от способностей указывают на то, что они являются ведущими в системе одарённости; **=====** – $p \leq 0,001$; **-----** – $p \leq 0,01$; **----** – $p \leq 0,05$

Сопоставление структур одарённости, изображённых на рисунке, позволяет отметить, что под влиянием низкой, средней или высокой степени свободы в деятельности имеется различный состав способностей и характер корреляционных связей между ними в группах с консервативным и инновативным смысловым отношением.

В группах с консервативным смысловым отношением имеется увеличение компонентного состава и корреляционных связей в структуре одарённости от низкой к средней степени свободы, а к высокой степени свободы происходит снижение компонентного состава и связей в структуре. Система одарённости (ИКС = 13) в условиях средней степени свободы в деятельности является наиболее интегрированной, целостной, сформированной в единстве большинства компонентов. Данная система одарённости обеспечивает разработку полунормативного способа действия из имеющихся в опыте субъекта и инструкциях (см. рисунок).

В группах с инновативным смысловым отношением можно отметить, что увеличивается компонентный состав и происходит нарастание корреляционных связей в структуре одарённости от низкой к средней и к высокой степени свободы в деятельности. Система одарённости (ИКС = 12) в условиях высокой степени свободы в деятельности является наиболее интегрированной, целостной, сформированной в единстве большинства компонентов. Данная система одарённости обеспечивает разработку нового способа действия. Однако с небольшим отрывом в мере интеграции следует система одарённости (ИКС = 11), сформированная в условиях средней степени свободы в деятельности, которая обеспечивает разработку полунормативного способа действия (см. рисунок).

В зависимости от инновативного смыслового отношения больше систем одарённости с высокой мерой интеграции, обладающих высокими функциональными возможностями, чем в зависимости от консервативного смыслового отношения. Высокие функциональные возможности системы одарённости обеспечивают разработку способа действия не только из имеющихся в инструкциях, но и создание нового способа действия в условиях высокой степени свободы. В этой связи можно предположить, что новый способ действия, обеспечиваемый системой одарённости с высокими функциональными возможностями, будет качественно отличным от нового способа действия, который обеспечивается системой одарённости с низкой мерой интеграции. Данное предположение согласуется с результатами, полученными в области исследования инновационных процессов о том, что стремление субъекта к новизне, чувствительность к новому опыту обеспечивают гибкую, творческую переработку постоян-

но изменяющейся информации и принятие оригинальных решений [23; 25].

В зависимости от консервативного и инновативного смыслового отношения взаимодействие между способностями в системах одарённости носит линейный и нелинейный характер. Нелинейность корреляционных связей между способностями в системе одарённости обусловлена достаточным уровнем их проявления, который оказывается различным, неравномерным в отдельно взятых условиях низкой, средней или высокой степени свободы в деятельности. Исключение составляют структуры одарённости, сформированные в зависимости от консервативного смыслового отношения в условиях низкой и высокой степени свободы, которые характеризуются образованием положительных линейных связей и слабой мерой интеграции (см. рисунок).

В качестве базовых выступают различные способности в системе одарённости в условиях низкой, средней или высокой степени свободы в группах с консервативным и инновативным смысловым отношением. Базовыми являются такие способности, которые имеют наибольшее число значимых корреляционных связей с другими компонентами системы. Базовые способности играют интегрирующую роль в системе одарённости и являются основой для установления компенсаторных функциональных связей между её компонентами [22].

Однако в зависимости от консервативного смыслового отношения базовых способностей вообще не проявилось в системе одарённости под влиянием высокой степени свободы в деятельности (см. рисунок).

В условиях низкой степени свободы в деятельности к базовым способностям относятся:

- способности сенсомоторной реакции рук и глаз, способности устойчивости внимания в группе с консервативным смысловым отношением к внедрению новой техники;

- способности мышления на уровне реконструкции технического образа в группе с инновативным отношением к внедрению новой техники.

В условиях средней степени свободы в деятельности к базовым способностям относятся:

- способности сенсомоторной реакции рук и глаз в группе с консервативным смысловым отношением к внедрению новой техники;

- способности переключения внимания в группе с инновативным смысловым отношением к внедрению новой техники.

В условиях высокой степени свободы в деятельности к базовым способностям относятся:

- способности сенсомоторной реакции рук и глаз в группе с инновативным смысловым отношением к внедрению новой техники (см. рисунок).

В качестве ведущих выступают различные способности в системе одарённости в условиях низкой, средней или высокой степени свободы в группах с консервативным и инновативным смысловым отношением. Ведущие способности имеют наибольшее количество значимых корреляционных связей с показателями продуктивности деятельности. Ведущие способности непосредственно оказывают влияние на продуктивность деятельности [22].

В условия низкой степени свободы в деятельности к ведущим способностям относятся:

– способности мышления на уровне технического понимания в группе с консервативным смысловым отношением к внедрению новой техники;

– специальные способности координации движений тела и способности мышления на уровне технического понимания в группе с инновативным отношением к внедрению новой техники.

В условиях средней степени свободы в деятельности к ведущим способностям относятся:

– способности переключения внимания в группе с консервативным смысловым отношением к внедрению новой техники;

– общие способности координации движений тела в группе с инновативным смысловым отношением к внедрению новой техники.

В условиях высокой степени свободы в деятельности к ведущим способностям относятся:

– способности технического мышления на уровне технического понимания в группе с консервативным смысловым отношением к внедрению новой техники;

– способности технического мышления на уровне технического понимания в группе с инновативным смысловым отношением к внедрению новой техники (см. рисунок).

Выводы

Проведённое экспериментальное исследование позволило нам проработать теоретическое положение С.Л. Рубинштейна и получить подтверждение того, что свобода в профессиональной деятельности детерминирована объективными требованиями деятельности, которые реализуются через различные внутренние условия, в качестве которых выступает одарённость как системное взаимодействие способностей и консервативное, инновативное смысловое отношение.

Низкая, средняя или высокая степень свободы в деятельности являются независимыми, имеющими самостоятельный статус условиями и требованиями деятельности, детерминированными конкретным способом действия. Чем выше степень свободы, тем ниже производительность и надёжность деятельности, а качество деятельности стабильно выполняется субъектом с консервативным и инновативным смысловым отношением.

Профессиональная одарённость, рассматриваемая на уровне отдельных функциональных систем, реализующих соответствующие сенсомоторные, аттенционные и мыслительные способности, представляет собой целостное структурное образование. Соответственно в условиях низкой, средней или высокой степени свободы в деятельности одарённость может быть рассмотрена как самостоятельная система, свойства которой не сводятся к набору свойств входящих в неё компонентов, а базируются во многом на специфике установившихся между данными компонентами взаимосвязей и структурных отношений.

В зависимости от консервативного и инновативного смыслового отношения формируются различные по составу и мере интеграции структуры одарённости в условиях низкой, средней и высокой степени свободы в деятельности. С одной стороны, консервативное и инновативное смысловое отношение выступает в качестве внутренних детерминант, с другой стороны, низкая, средняя или высокая степень свободы в деятельности выступают в качестве внешних детерминант формирования различных структур одарённости.

Формирование структур одарённости в детерминации консервативным и инновативным смысловым отношением происходит как процесс смены различных базовых и ведущих способностей в условиях различной степени свободы в деятельности.

В целом исследование показало, что в условиях различной степени свободы в деятельности, которую субъект определяет для себя исходя из консервативного и инновативного смыслового отношения, происходит формирование различных структур одарённости. Реализация субъектом низкой, средней и высокой степени свободы в деятельности приводит к изменению целостной системы одарённости, что проявляется в индивидуальной мере производительности, надёжности и качества деятельности.

Одарённость в детерминации различными внешними и внутренними условиями обеспечивает как нормативный способ действия, так и его существенное переструктурирование, поэтому правомерно применять понятие одарённости в отношении как нормативного результата, так и выдающегося, творческого результата деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абульханова, К.А. Психология и сознание личности (Проблемы методологии, теории и исследования реальной личности) : Избранные психологические труды / К.А. Абульханова. – Москва : Московский психолого-социальный ин-т; Воронеж : МОДЭК, 1999. – 224 с.
2. Бабаева, Ю.Д. Динамическая теория одарённости / Ю.Д. Бабаева // Основные современные концепции творчества и одарённости / под ред. Д.Б. Богоявленской. – Москва : Молодая гвардия, 1997. – С. 275–294.

3. Воронин, А.Н. Психология способностей в условиях глобализации / А.Н. Воронин // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Вып. 2 / под ред. В.А. Бодрова, А.Л. Журавлева. – Москва : Институт психологии РАН, 2011. – С. 243–267.
4. Голубева, Э.А. Способности. Личность. Индивидуальность / Э.А. Голубева. – Дубна : Феникс, 2005. – 512 с.
5. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т 4 / В.И. Даль. – Москва : Русский язык, 1980.
6. Дружинин, В.Н. Психология общих способностей / В.Н. Дружинин. – Санкт-Петербург : Питер, 2008. – 368 с.
7. Ильин, Е.П. Психология индивидуальных различий / Е.П. Ильин. – Санкт-Петербург : Питер, 2004. – 701 с.
8. Карпов, А.В. Метасистемная организация уровней структур психики / А.В. Карпов. – Москва : Институт психологии РАН, 2004. – 504 с.
9. Матюшкин, А.М. Мышление, обучение, творчество / А.М. Матюшкин. – Москва : Изд-во Московского психолого-социального ин-та ; Воронеж : МОДЭК, 2003. – 720 с.
10. Мелик-Пашаев, А.А. Педагогика искусства и творческие способности / А.А. Мелик-Пашаев. – Москва : Знание, 1981. – 96 с.
11. Панов, В.И. Одарённость и профессиональные способности / В.И. Панов // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Вып. 2 / под ред. В.А. Бодрова, А.Л. Журавлева. – Москва : Институт психологии РАН, 2011. – С. 224–242.
12. Платонов, К.К. Проблемы способностей / К.К. Платонов. – Москва : Наука, 1972. – 312 с.
13. Рабочая концепция одарённости / под ред. Д.Б. Богоявленской, В.Д. Шадрикова. – Москва : Магистр, 1998. – 66 с.
14. Рубинштейн, С.Л. Человек и мир. Проблемы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – Москва : Педагогика, 1973. – С. 255–385.
15. Советова, О.С. Основы социальной психологии инноваций / О.С. Советова. – Санкт-Петербург : Издат. дом Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2010. – 152 с.
16. Стернберг, Р. Учись думать творчески / Р. Стернберг, Е. Григоренко // Основные современные концепции творчества и одарённости / под ред. Д.Б. Богоявленской. – Москва : Молодая гвардия, 1997. – С. 186–213.
17. Теплов, Б.М. Избранные труды. В 2 т. Т. 1. Способности и одарённость / Б.М. Теплов. – Москва : Педагогика, 1985. – 328 с.
18. Толочек, В.А. Профессиональные способности, потенциал и успешность субъекта : критический анализ проблемы и модели исследования / В.А. Толочек // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Вып. 2 / под ред. В.А. Бодрова, А.Л. Журавлева. – Москва : Институт психологии РАН, 2011. – С. 320–343.
19. Ушаков, Д.В. Психология интеллекта и одарённости / Д.В. Ушаков. – Москва : Институт психологии РАН, 2011. – 464 с.
20. Холодная, М.А. Психология интеллекта. Парадоксы исследования / М.А. Холодная. – Санкт-Петербург : Питер, 2002. – 272 с.
21. Шадриков, В.Д. Способности и одарённость человека / В.Д. Шадриков. – Москва : Институт психологии РАН, 2019. – 274 с.
22. Шадриков, В.Д. Психология деятельности человека / В.Д. Шадриков. – Москва : Институт психологии РАН, 2013. – 464 с.
23. Manning, K.C. Consumer Innovativeness and Adoption Process / K.C. Manning, W.O. Bearden, T.J. Madden // Journal of Consumer Psychology. – 1995. – № 4 (4). – P. 329–345.
24. Kirton, M.J. Adaptors and innovators – Why new initiatives get blocked / M.J. Kirton // Long Range Planning. – 1984. – Vol. 17, Is. 2. – P. 137–143.
25. Roehrich, G. Consumer innovativeness. Concepts and measurements / G. Roehrich // Journal of Business Research. – 2004. – № 57. – P. 671– 677.
26. Venkatraman, M.P. The impact of innovativeness and innovation type on adoption / M.P. Venkatraman // Journal of Retailing. – 1991. – Vol. 67, № 1. – P. 51–67.

DOI: 10.31079/1992-2868-2020-17-4-102-107

МОТИВАЦИОННО-ЛИЧНОСТНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ САМОАКТУАЛИЗАЦИИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

Е.В. Харчевникова

А.А. Денисова

Статья посвящена проблеме изучения мотивационно-личностных детерминант самоактуализации военнослужащих. Актуальность темы исследования обусловлена её прикладным значением для профессионального и личностного развития военнослужащих, повышения уровня эффективности их профессиональной деятельности. Авторами обоснована модель мотивационно-личностных детерминант самоактуализации военнослужащих, представлены результаты исследования комплекса мотивационно-личностных особенностей, обуславливающих самоактуализацию в данной профессиональной деятельности.

Ключевые слова: мотивационные детерминанты, личностные детерминанты, самоактуализация военнослужащих, модель мотивационно-личностных детерминант самоактуализации военнослужащих.

MOTIVATIONAL AND PERSONAL DETERMINANTS OF MILITARY SELF-ACTUALIZATION

E.V. Harchevnikova

A.A. Denisova

The article is devoted to the problem of studying the motivational and personal determinants of military self-actualization. The relevance of the research topic is due to its applied significance for the professional and personal development of military personnel, increasing the level of efficiency of their professional activities. The authors substantiated a model of motivational and personal determinants of self-actualization of military personnel, presented the results of the study of a complex of motivational and personal characteristics that determine self-actualization in this professional activity.

Key words: motivational determinants, personal determinants, self-actualization of military personnel, model of motivational and personal determinants of military self-actualization,

Научный интерес к теме исследования обусловлен существующими в настоящее время противоречиями между высокими требованиями, предъявляемыми к профессиональной деятельности и личности военнослужащего по контракту, и наличием у него существующих психологических проблем; а также между недостаточной изученностью комплекса мотивационно-личностных детерминант самоактуализации военнослужащего и незнанием им собственного потенциала, непониманием пользы от саморазвития и самосовершенствования в профессиональной деятельности.

На основе теоретического анализа научных подходов (гуманистического (А. Маслоу, К. Роджерс), психоаналитического (З. Фрейд, К. Хорни, К.Г. Юнг), современного, представленного содержательными (А. Маслоу, Д. Мак-Клелланд) и про-

цессуальными (В. Врум) теориями мотивации; поведенческого (Дж. Роттер, А. Бандура); диспозиционного (Р.Б. Кеттелл, Г. Айзенк); ценностного (М. Рокич, Ш. Шварц)), концепций («Теория двух факторов» Ф. Герберга, «Теория управления мотивацией» Ш. Ричи и П. Мартина, «Теория мотивации достижения» Т.О. Гордеевой, «Системно-динамическая модель мотивации» М.Ш. Магомед-Эминова и др.), узконаправленных, специализированных работ отечественных и зарубежных учёных (Т.Н. Михайлова, Е.Е. Гаврина, О.А. Рожкова, Д.В. Сочивко, Ю.М. Зуева, Л.Г. Брылева и др.) в статье уточнены понятия самоактуализации, ее компонентов, мотивационных и личностных детерминант.

Самоактуализация рассматривается нами как стремление человека к наиболее полному выявлению и развитию своих личностных возможностей,

Харчевникова Елена Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры общей, юридической и инженерной психологии Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Harchevnikova Elena Vladimirovna – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of General, Legal and Engineering Psychology at Far Eastern State Transport University (Khabarovsk).

E-mail: nebas28@mail.ru

Денисова Александра Андреевна – психолог войсковой части № 36871 (Ремонтно-эвакуационный полк) г. Хабаровска.

Denisova Aleksandra Andreevna – Psychologist of Military Unit No. 36871 (Repair and Evacuation Regiment), Khabarovsk.

E-mail: alexsa19_97@mail.ru

© Харчевникова Е.В., Денисова А.А., 2020

«...реализации способностей, таланта и потенциала личности» (по А. Маслоу). Компонентами самоактуализации являются: ориентация во времени, ценности, взгляд на природу человека, потребность в познании, креативность, автономность, спонтанность, самопонимание, аутосимпатия, контактность, гибкость в общении.

Под мотивационными детерминантами самоактуализации понимаются факторы, участвующие в мотивационном процессе и обуславливающие принятие решений. Компоненты мотивационных детерминант: потребности, мотивы, мотивация достижения успеха.

Личностными детерминантами самоактуализации являются определенные качества личности, способствующие увеличению или уменьшению тех или иных психических процессов. Компоненты личностных детерминант: ценности, локус контроля, личностные черты (эмоциональная устойчивость и уровень тревожности).

Исходя из вышесказанного, мотивационно-личностные детерминанты самоактуализации военнослужащих представляют собой комплекс системы личностных качеств и факторов мотивационного процесса, влияющих на развитие личностных возможностей военнослужащих. Данный комплекс включает в себя: потребности, мотивы, мотивацию достижения успеха, ценности, локус контроля, личностные черты (эмоциональная устойчивость, уровень тревожности).

Данная позиция авторов обоснована в модели мотивационно-личностных детерминант самоактуализации военнослужащих (рис. 1).

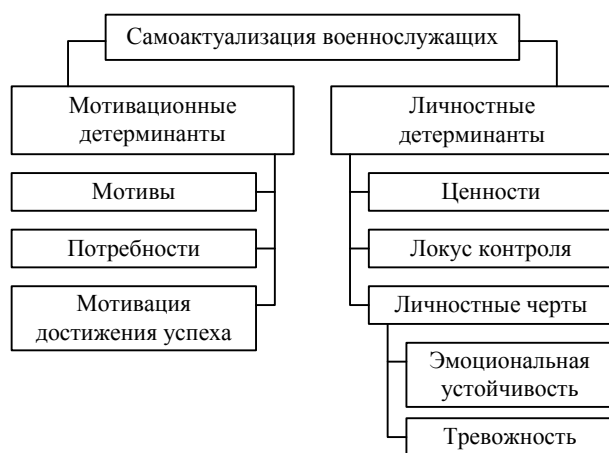

Рис. 1. Модель мотивационно-личностных детерминант самоактуализации военнослужащих

Целью данной статьи является анализ результатов эмпирического исследования мотивационно-личностных детерминант самоактуализации военнослужащих.

Определение мотивационно-личностных детерминант самоактуализации военнослужащих осу-

ществлялось посредством использования комплекса психологических методик, объединенных в рамках эмпирического исследования: «Модифицированного опросника диагностики самоактуализации личности (САМОАЛ)» А.В. Лазукина в адаптации Н.Ф. Калиной; «16-факторного личностного опросника» (форма С) Р.Б. Кеттелла; «Методики диагностики локализации контроля личности» Е.Г. Ксенофонтовой; «Методики диагностики ценностных ориентаций» Ш. Шварца (Профиль личности); методики «Мотивация профессиональной деятельности» О.Б. Поляковой; методики «Изучение мотивационного профиля личности» Ш. Ричи и П. Мартина; «Опросника для измерения мотивации достижения» (форма А) А. Мехрабиана в модификации М. Магомед-Эминова.

Эмпирическое исследование проводилось на базе войсковой части № 36871 (Ремонтно-эвакуационный полк) г. Хабаровска. Респондентскую группу составили 42 военнослужащих (мужчин) по контракту со средней выслугой от 2 до 4 лет. Возраст респондентов от 29 до 40 лет.

Анализ данных «Модифицированного опросника диагностики самоактуализации личности (САМОАЛ)» показал среднее значение общей самоактуализации у военнослужащих по контракту (52,5). Полагаем, либо для большинства военнослужащих самым важным является стремление к развитию профессиональных и индивидуальных компетенций, раскрытию личностного потенциала, самоактуализации, либо, наоборот, проявление снижения потребности в саморазвитии, самообразовании, рефлексии, частая демонстрация догматического поведения.

Более информативными в содержательном аспекте стали результаты анализа компонентов самоактуализации. Обнаружено, что у большинства военнослужащих, проходящих службу по контракту, доминируют такие компоненты самоактуализации, как ориентация во времени (11 %) и самопонимание (11 %). Полагаем, участники респондентской группы отчетливо осознают ценность жизни «здесь и сейчас», способны наслаждаться актуальным моментом, не сравнивая его с прошлым и не обесценивая свое будущее. Они чувствительны к своим желаниям и потребностям, не склонны подменять собственные вкусы и оценки внешними социальными стандартами, насколько это позволяет их профессиональная деятельность.

Стоит отметить, что в данной группе военнослужащих наименьшее значение имеет такой компонент самоактуализации, как взгляд на природу человека (6 %). Это говорит о том, что у военнослужащих слабо развита вера в других людей и их возможности. Они стараются в меньшей степени доверять людям, привязываться к ним.

Полученные в результате исследования общего уровня самоактуализации (стремление к самоактуализации) и степени выраженности каждого её компонента данные позволяют сделать вывод о том, что личностный потенциал военнослужащих по контракту максимально не реализован.

Обеспечение решения задачи определения мотивационных детерминант самоактуализации военнослужащих производилось с помощью специально подобранных тестов. Посредством методики «Изучение мотивационного профиля личности» Ш. Ричи и П. Мартина были диагностированы потребности и их выраженность в профессиональной деятельности военнослужащих. С помощью методики «Мотивация профессиональной деятельности» О.Б. Поляковой изучены доминирующие мотивы военнослужащих, проходящих службу по контракту. «Опросник для измерения мотивации достижения» А. Мехрабана (под модификацией М. Магомед-Эминова) дал эмпирический материал для анализа тенденций мотивации достижения успехов у военнослужащих.

Анализ всех данных мотивационного профиля личности военнослужащих позволил сделать следующие выводы.

Доминирующими потребностями профессиональной деятельности у военнослужащих являются вознаграждение (10 %), условия (10 %) и структурирование (10 %) работы. Предполагаем, что мотивированность и удовлетворённость профессиональной деятельностью у данной группы военнослужащих зависит от субъективной значимости заработной платы и материального вознаграждения, хороших условий работы и комфортной окружающей обстановки, четкого структурирования, установленных правил и директив выполнения профессиональных задач. Соответственно немаловажное значение для служащих по контракту имеют: предоставленный набор льгот и надбавок, благоприятная корпоративная культура, наличие обратной связи и информации, позволяющей судить о результатах профессиональной деятельности военнослужащих.

Наименьшую значимость для военных контрактников имеет потребность в социальных контактах (5 %). Считаем, что на их мотивацию никак не повлияет наличие широкого круга людей, связи с коллегами. Участники данной респондентской группы просто не нуждаются в этом.

Доминирующими мотивами профессиональной деятельности для военнослужащих по контракту являются мотивы самоутверждения в труде (32 %). Очевидно, профессиональным военным требуются определённая независимость и самостоятельность в принятии решения, интенциональность намерений по самореализации, удовлетворённость достижениями на службе.

Наименьшую значимость для данной группы военнослужащих имеют мотивы профессионального мастерства (13 %), что свидетельствует о пониженном стремлении к приобретению глубоких знаний, умений, навыков, утверждению среди профессионалов в трудовой деятельности.

Обращает на себя внимание средняя выраженность таких мотивов профессиональной деятельности, как мотивы собственного труда (26 %) и мотивы социальной значимости труда (29 %). Военнослужащие, проходящие службу по контракту, испытывают умеренный интерес к процессу самой деятельности, а также к ее результату; среднюю осознанность общественной полезности своей профессиональной деятельности.

Доминирующей тенденцией мотивации достижения успеха для военнослужащих по контракту является стремление избегать неудачи (95 %). Соответственно военнослужащие концентрируются на возможных сложностях в профессиональной деятельности, стараются минимизировать потери в ситуациях достижения своих целей. Такая стратегия заставляет работать больше, чем обычно, однако появление непредвиденных сложностей на воинской службе может значительно повлиять на эффективность профессиональных действий.

Интерес представляет тот факт, что среди военнослужащих по контракту лишь малая часть (5 %) в мотивации достижения успехов используют стратегию стремления к успеху. При такой мотивации в основе активности контрактников лежит уверенность в себе, стойкое положительное отношение к военно-профессиональной деятельности. Соответственно для военнослужащих характерны: рассмотрение задач как стимул к движению вперед, к развитию; положительная реакция на появление препятствий и быстрое освоение новых навыков и действий в условиях неопределённости; высокий реалистичный уровень притязаний к воинской службе.

В соответствии с полученными данными к мотивационным детерминантам самоактуализации военнослужащих по контракту, имеющих особую значимость для данной группы, мы относим: потребность в вознаграждении, потребность в хороших условиях работы, потребность в структурировании работ, мотивы самоутверждения в труде, мотивационную тенденцию избегать неудачи.

С целью определения личностных детерминант самоактуализации военнослужащих по контракту в качестве методов сбора эмпирических данных использованы тесты Р.Б. Кеттелла, Е.Г. Ксенофонтовой, Ш. Шварца. Посредством «16-факторного личностного опросника» Р.Б. Кеттелла диагностированы эмоциональная устойчивость, тревожность и их выраженность в профессиональной деятельности воен-

нослужащих. С помощью методики «Диагностика локализации контроля личности» Е.Г. Ксенофоновой изучены уровни общей интернальности и интернальности в профессиональной деятельности военнослужащих, проходящих службу по контракту. Тест «Диагностика ценностных ориентаций» Ш. Шварца помог исследовать ценностные ориентации военнослужащих-контрактников.

Анализ результатов диагностики профиля личности военнослужащих позволил сделать следующие выводы.

Военнослужащие по контракту, участвующие в эмпирическом исследовании, эмоционально устойчивы, способны трезво оценить действительность, активны. Данный факт подтверждают средние значения эмоциональной устойчивости (5,7) и уровня тревожности (5,5).

Одновременно среднее значение тревожности может свидетельствовать о ситуативности таких характеристик, как депрессивность, обеспокоенность, озабоченность, склонность к предчувствиям, чувство вины у военнослужащих, проходящих службу по контракту.

Анализ результатов обследования общей интернальности и интернальности в профессиональной деятельности военнослужащих показал, что большинство респондентов имеют внутренний локус контроля (интернальность) в жизни (78 %) и в профессиональной деятельности (83 %). Данная группа военнослужащих отличается адекватной самооценкой, склонностью к лидерству и принятию ответственности на себя, настойчивостью в достижении поставленных целей, высокой готовностью к самообразованию и самосовершенствованию.

Результаты обследования доминирующих типов ценностей военнослужащих в профессиональной деятельности отображены на рис. 2.

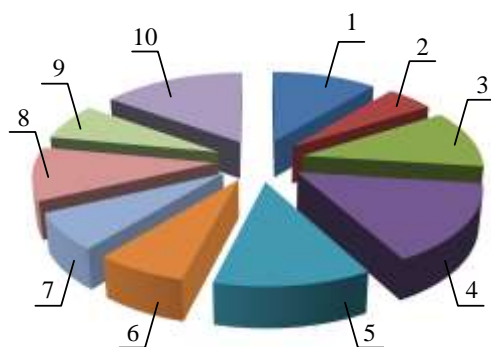

Рис. 2. Процентное соотношение типов ценностей военнослужащих: 1 – комфортность (11 %); 2 – традиции (5 %); 3 – доброта (11 %); 4 – универсализм (15 %); 5 – самостоятельность (12 %); 6 – стимуляция (7 %); 7 – гедонизм (7 %); 8 – достижения (10 %); 9 – власть (7 %); 10 – безопасность (15 %)

Рассмотрение полученных данных позволило определить универсализм (15 %) как одну из доминирующих ценностей у военнослужащих по контракту. Военнослужащие с универсальным типом ценностей в профессиональной деятельности признают такие качества, как достоинство, толерантность, справедливость, стремление к красоте, защите всех людей и сохранению природной среды.

Второй доминирующей ценностью у военнослужащих по контракту является безопасность (15 %). Безопасность для себя и других людей, гармония, стабильность общества, взаимоотношений и самого человека, здоровье – все это ценится данной группой респондентов. Для них важны социальный порядок, безопасность государства, защищенность семьи.

Наименьшую значимость у военнослужащих по контракту имеет ценность в традициях (5 %). Полагаем, данная группа военнослужащих не отличается особым уважением к принятым в конкретном социуме обычаям, идеям, нормам поведения. Такие военнослужащие не сдержанны, антирелигиозны, довольно прогрессивны.

Таким образом, к личностным детерминантам самоактуализации военнослужащих по контракту, имеющим особую значимость для данной группы, мы относим: эмоциональную устойчивость и уровень тревожности; общий уровень интернальности и интернальность в профессиональной деятельности; ценность универсализма и ценность безопасности.

Для выявления взаимосвязи мотивационно-личностных детерминант и компонентов самоактуализации был проведен корреляционный анализ описанных выше методик с использованием R-коэффициент Спирмена, так как не все шкалы приведенных выше методик имеют нормальный тип распределения. Расчет проводился с помощью программы SPSS-статистика 17.0.

По результатам корреляционного анализа были выявлены обратные взаимосвязи между стремлением к самоактуализации и личностными характеристиками: уровнем тревожности ($r = -0,374$ при $p \leq 0,05$) и эмоциональной устойчивостью ($r = -0,335$ при $p \leq 0,05$). Определено, что снижение уровня стремления к самоактуализации военнослужащих по контракту обусловлено повышением уровня тревожности. Полученный результат означает, что военнослужащие, стремящиеся достичь вершины своего потенциала, становятся менее тревожными и обеспокоенными. Кроме того, эти же военнослужащие в процессе выполнения профессиональной деятельности демонстрируют снижение эмоциональной устойчивости. Установлено, что интенсивная реализация личностных возможностей военнослужащих в профессиональной деятельности (стремление к самоактуализации) ведёт к пониже-

нию у них уровня эмоциональной стабильности, потере способности трезво оценивать ситуацию.

В корреляционном анализе продемонстрированы связи между спонтанностью и личностными характеристиками: уровнем тревожности ($r = -0,451$ при $p \leq 0,01$) и эмоциональной устойчивостью ($r = -0,383$ при $p \leq 0,05$). Военнослужащие с высокими показателями уровня тревожности и эмоциональной устойчивости не способны к спонтанному поведению.

Обнаружена обратная взаимосвязь между спонтанностью и мотивами социальной значимости труда ($r = -0,311$ при $p \leq 0,05$). У военнослужащих, для которых самоактуализация стала образом жизни, а не является мечтой или стремлением, теряется осознанность общественной полезности своей профессиональной деятельности.

По результатам корреляционного анализа выявлены положительные взаимосвязи между показателем самоактуализации – ценности и интернальностью в профессиональной деятельности ($r = 0,420$ при $p \leq 0,01$), универсализмом ($r = 0,360$ при $p \leq 0,05$) и мотивацией достижения ($r = 0,376$ при $p \leq 0,05$). Военнослужащие, разделяющие ценности самоактуализированной личности, к числу которых А. Маслоу относил такие, как истина, целостность, отсутствие раздвоенности, жизненность, совершенство, справедливость, порядок, простота и др., осознают зависимость получаемых кем-либо результатов в трудовой деятельности от качества их собственных действий. Их ценности – понимание, терпимость, защита благополучия всех людей. Они стремятся к успеху в своей профессиональной деятельности, добиваясь высоких результатов.

Выявлена обратная взаимосвязь между таким компонентом самоактуализации, как потребность в познании, и ценностью придерживаться традиций ($r = -0,405$ при $p \leq 0,01$). Военнослужащие, стремящиеся к познанию, менее ригидны и консервативны. Если же служба в армии заставляет подчиняться правилам и традициям, то военнослужащие теряют потребность узнавать новое.

Установлены обратные взаимосвязи между взглядом на природу человека и мотивами социальной значимости труда ($r = -0,403$ при $p \leq 0,01$) и потребностью в достижениях ($r = -0,336$ при $p \leq 0,05$), а также прямая взаимосвязь с потребностью в условиях работы ($r = 0,336$ при $p \leq 0,05$). Когда военнослужащие верят в человеческие возможности, у них уменьшается осознание общественной полезности своего труда, появляется концентрация на возможных сложностях в профессиональной деятельности, но увеличивается потребность в хороших условиях своей работы.

Обнаружена положительная взаимосвязь между таким компонентом самоактуализации, как ориентация во времени, и ценностью безопасности ($r = 0,364$ при $p \leq 0,05$). Военнослужащие по контракту, умеющие жить «здесь и сейчас», ценят чувство стабильности, стремятся быть защищенными. Такие военнослужащие наслаждаются актуальным моментом.

В целом корреляционный анализ показал взаимосвязи между компонентами и мотивационно-личностными детерминантами самоактуализации военнослужащих по контракту.

Положительные взаимосвязи выявлены между компонентом самоактуализации «ценности» и интернальностью в профессиональной деятельности, универсализмом и мотивацией достижения; компонентом самоактуализации «взгляд на природу человека» и потребностью в хороших условиях работы; компонентом самоактуализации «ориентация во времени» и ценностью безопасности.

Отрицательные взаимосвязи определены между стремлением к самоактуализации и тревожностью и эмоциональной устойчивостью; компонентом самоактуализации «спонтанность и тревожность», эмоциональной устойчивостью и мотивами социальной значимости труда; компонентом самоактуализации «потребность в познании» и ценностью традиций; компонентом самоактуализации «взгляд на природу человека» и мотивами социальной значимости труда, потребностью в достижениях.

В ходе проведенного исследования подтвердилась гипотеза о том, что существует определенный комплекс мотивационно-личностных особенностей, обуславливающих самоактуализацию военнослужащих.

Результаты данного исследования легли в основу разработки и внедрения в действие программы психологического сопровождения по оптимизации уровня самоактуализации военнослужащих по контракту и методических рекомендаций по её апробации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вахромов, Е.Е. Развитие теории самоактуализации в отечественной педагогике и психологии / Е.Е. Вахромов, Е.А. Уваров // Потенциал личности : комплексная проблема : материалы Всерос. Интернет-конф. – 2003. – С. 345–351.
2. Городилова, Е.Н. Самоактуализация и ее связь с интегральной индивидуальностью : дис. ... канд психол. наук : 19.00.01 / Е.Н. Городилова. – Пермь, 2002. – 247 с.
3. Ильин, Е.П. Мотивация и мотивы / Е.П. Ильин. – Санкт-Петербург : Питер, 2011. – 890 с. – (Серия «Мастера психологии»).
4. Кавун, Л.В. Психология личности. Теории зарубежных психологов : учебное пособие для вузов / Л.В. Кавун. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Юрайт, 2020. – 109 с. – (Высшее образование).
5. Карпенко, С.В. Самоактуализация личности в условиях современной информационной среды : дис. ... канд. пси-

хол. наук : 19.00.01 / С.В. Карпенко. – Краснодар, 2007. – 183 с.

6. *Мак-Клелланд, Д.* Мотивация человека / Д. Мак-Клелланд. – Санкт-Петербург : Питер, 2007. – 672 с.

7. *Михайлова, Т.Н.* Формирование общекультурной компетентности курсантов вузов МВД России в процессе их самоактуализации : автореф. дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.01 / Т.Н. Михайлова. – Улан-Удэ : Бурятский гос. ун-т, 2017. – 25 с.

8. *Пищулин, С.Н.* Проблема самоактуализации и самоопределения личности как стержневой компонент становления военнослужащего в современных ВС / С.Н. Пищулин // Концепт : науч.-метод. электрон. журн. – 2016. – Т. 15. – С. 1836–1840. – URL: <http://e-koncept.ru/2016/96286.htm> (дата обращения: 26.09.2020).

9. *Ричи, Ш.* Управление мотивацией : учебное пособие для вузов / Ш. Ричи, П. Мартин ; пер. с англ. ; под ред. проф. Е.А. Климова. – Москва, : ЮНИТИ-ДАНА, 2010. – 399 с.

10. *Соловых О.В.* О теоретических аспектах самоактуализации личности / О.В. Соловых // Вестник ОГУ. – 2011. – № 6. – С. 25–31.

11. *Харчевникова, Е.В.* Мотивационно-личностные детерминанты самоактуализации сотрудников полиции / Е.В. Харчевникова, А.А. Денисова // Научно-техническому и социально-экономическому развитию Дальнего Востока России – инновации молодых : тез. докл. 78-й Межвуз. студенческой науч.-практ. конф. (23–25 марта 2020 г.). В 2 т. Т. 2 / под ред. А.З. Ткаченко. – Хабаровск : Изд-во ДВГУПС, 2020. – С. 192–217.

12. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей : применение в России / Ш. Шварц, Т.П. Бутенко, Д.С.Седова, А.С. Липатова. – Москва : Высшая школа экономики, 2012.

13. *Щукина, М.А.* Психология саморазвития личности : монография / М.А. Щукина. – Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2015. – 348 с.

DOI: 10.31079/1992-2868-2020-17-4-108-112

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ НАПРЯЖЁННОСТЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОПЕРАТИВНЫХ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНОГО РОЗЫСКА

Л.В. Синицына

Профессиональная деятельность оперативных сотрудников уголовного розыска имеет ряд особенностей. В настоящее время возникла необходимость определения эмоциональной напряженности профессиональной деятельности оперативных сотрудников уголовного розыска, а также разработки эффективного комплекса научно обоснованных предложений и рекомендаций по ее профилактике. В последние годы требования к профессионализму и психологической подготовленности оперативных сотрудников уголовного розыска заметно возрастают. Ввиду высокой устойчивости и выносливости сотрудники достойно преодолевают все тяготы и лишения служебной деятельности, справляются со всеми нагрузками и рисками. Однако есть ситуации, когда показатели эмоциональной напряженности оставляют желать лучшего.

Ключевые слова: эмоциональная напряженность, оперативные сотрудники уголовного розыска, сотрудники отдела кадров, сотрудники следственного отдела, самочувствие, активность, настроение, эмоциональность, эмоциональные барьеры, личностная, реактивная, ситуативная тревожность.

EMOTIONAL TENSION OF THE PROFESSIONAL ACTIVITIES OF CRIMINAL INVESTIGATIVE OPERATIVE OFFICERS

L. V. Sinitsyna

The professional activity of criminal investigative operative officers has a number of features. Currently, there is a need to determine the emotional tension of the professional activities of operational officers of the criminal investigation department, as well as the development of an effective set of scientifically based proposals and recommendations for its prevention. Recently, the requirements for the professionalism and psychological preparedness of the operational officers of the criminal investigation department have been increasing markedly. Due to their high resilience and endurance, employees adequately overcome all the hardships and deprivations of official activity; cope with all the loads and risks. However, there are situations where the indicators of emotional tension leave much to be desired.

Key words: emotional tension, criminal investigative operative officers, personnel department employees, investigative department employees, well-being, activity, mood, emotionality, emotional barriers, personal, reactive, situational anxiety.

Проблема исследования эмоциональной напряженности оперативных сотрудников уголовного розыска актуальна и значима, так как длительное переживание негативных психических состояний под воздействием стресс-факторов профессиональной среды оказывает отрицательное влияние на результаты их деятельности. Служебная деятельность сотрудников тесно связана с интенсивным эмоционально-напряженным взаимодействием с гражданами, криминальной средой. Наблюдаются психические и физиологические реакции на ситуации, возникающие в служебной деятельности сотрудников. Все это может привести к таким личностным проявлениям «неблагополучия в труде», как психосоматические заболевания, десоциализация, разные виды профессиональных деформаций [2; 7; 8].

Эмоциональная напряженность – это психическая напряженность, вызванная длительной перегрузкой, напряжением эмоциональной сферы, эмоциональным возбуждением, в нашем случае – у оперативных со-

трудников уголовного розыска. Следует подчеркнуть, что понятие «психическая напряженность» используется некоторыми авторами для обозначения состояний, оказывающих отрицательное влияние на их деятельность, это своего рода помеха, психическое состояние в сложных условиях вообще, независимо от вызываемых ими эффектов [6: с. 14]. Понятия «стресс» и «психическая напряженность» употребляются учеными в качестве синонимов, характеризующих особенности психической деятельности сотрудников в сложных условиях. Стресс – крайняя степень психической напряженности. Таким образом, термин «психическая напряженность» противопоставляется понятию «напряжение». А эмоциональная напряженность является разновидностью психической напряженности.

Рассмотрим когнитивные, физиологические, аффективные и поведенческие реакции, характерные для эмоциональной напряженности оперативных сотрудников уголовного розыска [9].

Синицына Лилия Валерьевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей, юридической и инженерной психологии Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Sinitsyna Lilia Valerievna – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of General, Legal and Engineering Psychology at Far Eastern State Transport University (Khabarovsk).

E-mail: sinicina.liliya@yandex.ru

© Синицына Л.В., 2020

Когнитивные маркеры: предвосхищение отрицательных событий, сверхобобщение опыта конкретной неудачи, технократизм и перфекционизм, завышенные ожидания и требования к другим, эгоцентризм в познании, психологическая зависимость.

В служебной деятельности оперативных сотрудников уголовного розыска ежедневно возникают эмоционально когнитивно-сложные ситуации делового общения с гражданами и ситуации виктимологического плана, связанные с высокой угрозой для их жизни и здоровья. Эмоциональная устойчивость, профессионализм, высокая коммуникативная компетентность, высокая степень ответственности за результат, умение выдерживать интенсивный ритм, сложности и напряженности служебной деятельности – это лишь незначительная часть того, что характеризует сотрудника. Следует подчеркнуть, что личностные особенности сотрудника влияют на когнитивную оценку ситуации (ее смысловое восприятие как стрессовой, психолого-травмирующей, привычно-профессиональной и др.).

Особого внимания заслуживают когнитивно-мнестические функции: скорость, эффективность мышления в условиях дефицита информации и времени, способность к воссозданию зрительного образа по словесному описанию, способность к прогнозированию, зрительная, слуховая, моторная память, развитая интуиция и др., которые также в настоящее время изучаются учеными. Таким образом, эмоциональная напряженность усложняет когнитивную структуру служебной деятельности сотрудников за счет включения в нее эмоционального компонента, который влияет на длительность принятия решения (может снизить качество выполнения деятельности либо улучшить).

Физиологические реакции, такие как мышечное напряжение, расстройство сна, изменение химического состава крови, быстрое утомление и др., характерны для возникновения эмоциональной напряженности у оперативных сотрудников уголовного розыска. Необходимо отметить, что при выезде сотрудников на задания, в командировки в зоны боевых действий особое воздействие на их организм оказывают физические ситуационно-психогенные факторы. К данным факторам относятся: высокая влажность, переохлаждение или перегревание, жаркий климат, пребывание сотрудников в условиях горной местности, пыль, плохая видимость из-за тумана или темноты и др., что также оказывает влияние на их организм. Нахождение сотрудников в сложных, напряженных боевых условиях вызывает у них истощение компенсаторных ресурсов, снижает устойчивость иммунной системы. Все это приводит к соматическим и психоневрологическим заболеваниям.

Таким образом, физические перегрузки, плохие гигиенические условия, длительное нахождение в одной позе (слежка, наблюдение, засада, оператив-

но-розыскные мероприятия и др.), сенсорная перегрузка и депривация, нарушения сна и бодрствования, истощение организма и обезвоживание из-за нехватки витаминов, дефицита питания либо однообразной пищи относятся к факторам биологического уровня, что также следует учитывать.

Аффективные реакции: раздражение и страдание, гнев и вина, паника и сгорание, скука и ирония, месть и агрессия; ложные жизненные выборы, лакировка и сокрытие своих проблем. Эмоциональная напряженность, возникающая у оперативных сотрудников уголовного розыска при выполнении служебных обязанностей в экстремальных, опасных для жизни и здоровья ситуациях, часто ведет к дезорганизующим воздействиям, к аффективным срывам деятельности и к агрессивно-хаотичным действиям. Сотрудник может действовать в таких случаях агрессивно, бессмысленно, бесконтрольно, ситуация может усугубиться либо привести к отказу от необходимых действий, что, в свою очередь, не позволит выполнить поставленные задачи, достичь цели, и как итог – привести к потерям, ранениям или гибели.

Поведенческие реакции: конкурентные отношения с окружающими, повышенный контроль за другими, трудности принятия ответственности и проявления инициативы, коррупционное поведение и др. Коррупционное поведение заслуживает особого внимания. Ученые выделяют: 1) мотив видимый/ внешний: корысть, стремление обеспечить себя материальными благами; 2) мотив глубинный / смысловой: отношение к коррупции как к опасной игре.

На развитие эмоциональной напряженности субъекта труда оказывают влияние две группы факторов: внешние и внутренние.

К внешним эмоциогенным факторам профессиональной деятельности оперативных сотрудников уголовного розыска относятся: 1) ненормированный рабочий день; 2) сложность и напряженность работы; 3) опасность и риск для их жизни и здоровья; 4) осуществление службы в экстремальных условиях; 5) повышенная ответственность при принятии решений; 6) знание и умение правильно применять нормативные документы; 7) строгая субординация; 8) выполнение задач в условиях строго ограниченного времени; 9) работа с конфиденциальной информацией; 10) нахождение в криминальной среде (криминальное окружение) и др.

К внутренним факторам, влияющим на возникновение эмоциональной напряженности оперативных сотрудников уголовного розыска, относятся: 1) когнитивно-нравственный элемент; 2) уровень смыслов; 3) уровень ценностей; 4) регулятивный элемент; 5) эмоциональный элемент; 6) поведенческий элемент, а также психологические аспекты, такие как соотношение конформности и неконформности, наличие волевого начала, психологическая восприимчивость, самооценка, коммуникабельность, терпение, правдивость, мужество, готовность проти-

востоять тяготам и лишениям служебной деятельности, мнимым и реальным угрозам.

Сюда также можно отнести и интеллектуально-мыслительные аспекты, такие как способность решения мыслительных задач, наблюдательность, способность к обучению, способность концентрироваться на предмете познания, стремление к получению профессиональных знаний, умение правильно воспринимать информацию, полученную в процессе коммуникации. Важно учитывать мировоззренческие аспекты, такие как отношение к общепринятым социальным ценностям, к личности, ее основным правам и свободам, а также отношение к праву, закону, обществу, власти; гражданственности и патриотизм; этические и моральные нормы: чувство верности, чести, собственного достоинства милосердие, сострадание и др.

Как только сотрудник начинает ощущать какое-то недовольство, испытывать дискомфорт, у него меняется самочувствие, активность, настроение, появляется личностная и ситуативная тревожность, меняются эмоции, проявляется эмоциональная напряженность (возникает стрессовое состояние). Ряд ученых понятия «стрессовое состояние» и «эмоциональная напряженность» рассматривают как одноплановые, считая, что они различаются по степени интенсивности эмоционального переживания. Эмоциональный стресс – это ярко выраженная форма эмоциональной напряженности [4].

Таким образом, служебная деятельность оперативных сотрудников уголовного розыска при воздействии на них экстремальных факторов зависит от индивидуальных особенностей, степени адаптированности, продолжительности и силы экстремальных факторов и др.

Клевцова Н.А. в своей статье подчеркивает, что взаимосвязь человека с профессией на протяжении многих лет изучалась сквозь призму адаптации личности к деятельности, ее удовлетворенности процессом труда, профессиональной пригодности и т.д. [10: с. 5]. Таким образом, любая профессиональная деятельность влияет на сотрудника и позитивным, и негативным образом, отражаясь на его характере, психоэмоциональном статусе, а также на поведенческих и других реакциях, динамика которых определяет качество выполняемых ими действий. Данные аспекты также заслуживают особого внимания.

В связи с вышеизложенным встает вопрос о своевременной профилактике и коррекции эмоциональной напряженности оперативных сотрудников уголовного розыска, которая должна основываться на полноценной диагностике ранних её проявлений, а также на выявлении индивидуальной предрасположенности конкретного работника к её развитию.

В ходе проведенного нами эмпирического исследования изучены проявления эмоциональной напряженности у оперативных сотрудников уго-

ловного розыска на примере сотрудников УМВД России по г. Хабаровску, разработаны рекомендации по психологической подготовке оперативных сотрудников уголовного розыска.

Психодиагностическая батарея представлена следующим инструментарием: 1) методикой САН (самочувствие, активность, настроение); 2) шкалой самооценки уровня тревожности Спилберга–Ханина (РТ); 3) шкалой дифференциальных эмоций по К. Изарду; 4) методикой «Определение эмоциональности» В.В. Суворовой; 5) методикой диагностики эмоциональных барьеров в межличностном общении В.В. Бойко. В качестве критериев математической статистики применялись: *t*-критерий Стьюдента и *U*-критерий Манна–Уитни.

Нами проведено сравнение результатов в двух группах. В группе испытуемых, несущих оперативную службу (оперативные сотрудники уголовного розыска – ОУР), и группе испытуемых, не несущих оперативную службу (сотрудники отдела кадров – УРЛС). В ходе полученных результатов для оценки значимости различий между двумя выборками испытуемых был использован *t*-критерий Стьюдента. Выявлены значимые различия по параметру «Дифференциальные шкалы эмоций» со средним показателем 1,6 (ОУР) и 2,1 (УРЛС) на уровне $t_{эм} = -2,98$ при $p = 0,007$. Данные подтверждают, что в группе испытуемых, несущих оперативную службу, показатели гипертимности имеют сильно значимые различия с показателями испытуемых, не несущих оперативную службу.

Значимые различия выявлены также и по шкале настроения теста САН, однако показатель различия дисперсий двух выборок между собой ($D = 0,028$) не превышает ($D = 0,05$). Что означает, что мы не можем применять правомерно *t*-критерий Стьюдента к данной шкале.

Значимые различия выявлены в шкале самочувствия теста САН у испытуемых со средним показателем: у испытуемых ОУР (оперативная служба) по шкале настроения равен 5,32 – оптимальному уровню оценки своего состояния; у УРЛС (неоперативная служба) шкала самочувствия равна 6,4 – это очень высокий уровень оценки своего состояния. Значимость различий на уровне $U_{эм} = 27,5$ при $p = 0,03$. Это подтверждает, что в группе испытуемых, несущих оперативную службу, присутствует значимое различие в уровне оценки своего самочувствия.

Также нами были выявлены значимые различия в независимых выборках СО (оперативная служба) и УРЛС (неоперативная служба) в выраженности дифференциальной шкалы эмоций между испытуемыми со средним показателем 1,5 (ОС) и 2,1 (УРЛС) на уровне $t_{эм} = 4,28$ при $p = 0,000$. Что, в свою очередь, подтверждает: в группе испытуемых, несущих оперативную службу, показатели гипертимности (повышение настроения) имеют сильно значимые различия с показателями испытуемых, не несущих оперативную службу.

Деятельность оперативного сотрудника уголовного розыска в отличие от сотрудника отдела кадров сопряжена с необходимостью общаться с различным контингентом граждан и повышенной ответственностью за принятые им решения. Особое значение имеет высокая степень ответственности за неразглашение сведений, составляющих тайну, и др.

Нами проведено сравнение результатов еще в двух группах: в группе испытуемых, несущих оперативную службу (оперативные сотрудники уголовного розыска – ОУР), и группе сотрудников следственного отдела – СО. Значимые различия выявлены в шкале самочувствия теста САН у испытуемых со средним показателем из следственного отдела по шкале самочувствия показатель равен 5,48 – это оптимальный уровень оценки своего состояния. У сотрудников УРЛС шкала самочувствия равна 6,4 – это очень высокий уровень оценки своего состояния. Значимость различий на уровне $t_{эм} = 2,3$ при $p = 0,032$. Что означает, что в группе испытуемых, несущих оперативную службу, присутствует значимое различие в уровне оценки своего самочувствия.

Значимые различия выявлены в шкале настроения САН-теста. Так, у испытуемых СО средний показатель по шкале самочувствия равен 5,61 – это высокий уровень оценки своего настроения, у сотрудников УРЛС шкала самочувствия равна значению 6,4 – это очень высокий уровень оценки своего настроения. Значимость различий на уровне $t_{эм} = 2,34$ при $p = 0,029$, что подтверждает, что в группе испытуемых, несущих оперативную службу, присутствует значимое различие в уровне оценки своего настроения.

Объединив две группы сотрудников: следственного отдела и оперативных сотрудников уголовного розыска, так как они являются представителями тех отделов, которые несут оперативную службу, а группу сотрудников отдела кадров изучая отдельно, так как она является отделом, не несущим оперативную службу, мы получили подтверждения значимости, представленные выше, а также новые статистически значимые различия.

Особенность служебной деятельности сотрудников, несущих оперативную службу (сотрудники СО и сотрудники ОУР), в том, что каждый из них несет службу в условиях ненормированности рабочего дня, служба связана с напряженностью и риском. Сотрудник в любое время суток обязан выехать на место преступления, должен вникнуть, понять, найти мотивы, преступника и др. Данные сотрудники должны уметь выстраивать отношения и грамотно общаться с разными категориями граждан, включая криминальные элементы и их окружение. Они развивают в себе такие качества, которые позволяют им, невзирая порой на возникновение неприязненного отношения к гражданину, появление негативных эмоций, связанных с неприятной ситуацией, выявлять, раскрывать преступления, устанавливать

лиц, осуществляющих подготовку к преступлению, покушению на преступление, и своевременно принимать меры по пресечению противоправной деятельности. Важно учитывать, что понятие адаптации способно сыграть важную роль в психологическом познании, если трактуется не узко (как приспособление к среде), а широко, как единство взаимообусловленных противоположно направленных процессов уравнивания субъекта со средой [1; 3].

Г.А. Балл отмечал, что деятельность субъекта, функционирование его личности могут быть описаны как системы адаптационных процессов, каждый из которых развертывается в рамках определенной психологической ситуации. При этом последняя характеризуется не только своим объективным содержанием, но и тем, как оно воспринимается субъектом [1; 5].

Сотрудники отдела кадров работают в обычном режиме, общаются с сотрудниками, у них нет ситуаций, связанных с криминальными элементами. По этой причине, как нам казалось на первый взгляд, у сотрудников, несущих оперативную службу, негативные переживания должны быть ярче выражены по сравнению с эмоциональными переживаниями сотрудников отдела кадров.

Значимые различия в независимых выборках (оперативная служба и неоперативная служба) в выраженности дифференциальной шкалы эмоций между испытуемыми со средним показателем 1,58 (оперативная служба) и 2,1 (неоперативная служба) на уровне $t_{эм} = -3,93$ при $p = 0,000$. Полученные результаты подтверждают, что в группе испытуемых, несущих оперативную службу, показатели гипертимности (повышение настроения) имеют сильно значимые различия с показателями испытуемых, не несущих оперативную службу.

Следует отметить, что ввиду специфики служебной деятельности в эмоциональной сфере оперативных сотрудников уголовного розыска происходит «огрубление чувств», сужение и обеднение эмоционально-психологической сферы личности, ослабление способности контролировать и регулировать свои эмоции и чувства, а также ряд других особенностей.

Значимые различия были выявлены по шкале самочувствия теста САН у испытуемых, несущих оперативную службу. Так, по шкале самочувствия показатель равен оптимальному уровню оценки своего самочувствия (5,36), испытуемые, не несущие оперативную службу, имеют показатели по шкале самочувствия 6,4 – очень высокий уровень самочувствия. Значимость различий на уровне $t_{эм} = -2,17$ при $p = 0,037$. Таким образом, в группе испытуемых, несущих оперативную службу, присутствует значимое различие в уровне оценки своего самочувствия по сравнению с испытуемыми, не несущими оперативную службу.

Специфика служебной деятельности, безусловно, отражается в эмоциональной сфере оперативных со-

трудников уголовного розыска. Практика показывает, что происходит постепенное развитие ощущения эмоциональной неуравновешенности, повышение уровня конфликтности (внешней и внутренней), ослабление волевых качеств и способности к сознательному самоконтролю, а также появляется состояние перманентной усталости и депрессии. В связи с чем для данной категории сотрудников следует рекомендовать отдых на свежем воздухе, санаторно-курортное лечение, что позволит нейтрализовать негативные эмоции и получить запас положительных. Однако ввиду высокой загруженности, недокомплекта в подразделениях, личных или семейных проблем не всегда это удается реализовать на практике.

Значимые различия были выявлены по шкале активности теста САН у испытуемых, несущих оперативную службу. Так, по шкале активности показатель равен 4,89 – это минимально допустимый уровень оценки своей активности. Следует подчеркнуть, что испытуемые, не несущие оперативную службу, имеют показатели по шкале активности 5,66 – это высокий уровень самочувствия. Значимость различий на уровне $t_{эм} = -2,05$ при $p = 0,048$, что подтверждает тот факт, что в группе испытуемых, несущих оперативную службу, присутствует значимое различие в уровне оценки своей активности по сравнению с испытуемыми, не несущими оперативную службу.

Специфика служебной деятельности сотрудников ОУР также заключается в том, что, согласно графику, они несут круглосуточное дежурство в составе следственно-оперативной группы, организуют оперативно-розыскные мероприятия по раскрытию преступлений по горячим следам и лично принимают участие в их проведении. Это тоже большая физическая и эмоциональная нагрузка, которая также отражается на их активности.

Значимые различия выявлены в шкале настроения теста САН. У испытуемых, несущих оперативную службу, по шкале настроения показатель равен 5,46 – оптимальный уровень оценки своей активности. Испытуемые, не несущие оперативную службу, имеют показатели по шкале активности 6,4 – это очень высокий уровень самочувствия. Значимость различий на уровне $t_{эм} = -2,5$ при $p = 0,018$. Это означает, что в группе испытуемых, несущих оперативную службу, присутствует значимое различие в уровне оценки своей активности по сравнению с испытуемыми, не несущими оперативную службу.

Исходя из полученных результатов, необходимо отметить, что особенности служебной деятельности оказывают значительное влияние на эмоциональные переживания оперативных сотрудников уголовного розыска, а также на их личностные характеристики. Негативные эмоциональные переживания, испытываемые оперативными сотрудниками уголовного розыска, снижают успешность выпол-

нения ими оперативно-служебных задач. От сотрудников требуется умение быстро, мгновенно принимать решения. Важное значение имеет наличие способности пойти на риск во благо граждан, общества и государства в целом.

Следует также подчеркнуть, что на сегодняшний день и у сотрудников кадрового обеспечения УМВД по г. Хабаровску имеют место быть тревожно-депрессивные переживания. Данные переживания связаны с предстоящей новой широкомасштабной реформой в системе МВД, которая непосредственно коснется именно их службы.

Таким образом, в ходе проведенного нами исследования наша гипотеза подтвердилась. В условиях специфической, сложной, ненормированной служебной деятельности у оперативных сотрудников уголовного розыска наблюдаются определенные особенности в эмоциональной сфере личности. У оперативных сотрудников уголовного розыска проявляется более высокий удельный вес негативных эмоциональных переживаний (в отличие от сотрудников отдела кадров и сотрудников следственного отдела).

Объективные и субъективные факторы, связанные с профессиональной деятельностью сотрудников ОВД (в том числе и оперативных сотрудников уголовного розыска, и сотрудников следственного отдела, и сотрудников отдела кадров), влияют на их эмоциональные переживания, эмоциональную напряженность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балл, Г.А. Понятие адаптации и его значение для психологии личности / Г.А. Балл // Вопросы психологии. – 2019. – № 1. – С. 15–16.
2. Карпов, А.В. Метасистемная организация уровней структур психики / А. В. Карпов. – Москва, 2004.
3. Налчаджян, А.А. Социально-психическая адаптация личности (формы, механизмы и стратегии) / А.А. Налчаджян. – Ереван, 1988. – 264 с.
4. Носенко, Э.Л. Особенности речи в состоянии эмоциональной напряженности / Э.Л. Носенко. – Днепропетровск, 1975.
5. Петровский, В.А. К психологии активности личности / В.А. Петровский // Вопросы психологии. – 1975. – № 3. – С. 26–38.
6. Психическая напряженность. Фрустрация : хрестоматия / сост. И.В. Герасимова. – Владивосток : МГУ, 2001.
7. Сеницына, Л.В. Учет и регуляция эмоциональных процессов и состояний в деятельности сотрудников органов внутренних дел : научно-практическое пособие / Л.В. Сеницына. – Хабаровск : Дальневосточный юридический институт МВД России, 2003. – 384 с.
8. Сеницына, Л.В. Концепция психолого-акмеологической профилактики делинквентного поведения у сотрудников органов внутренних дел : монография. В 2 ч. / Л.В. Сеницына ; под ред. д-ра психол. наук, проф. В.В. Козлова. – Хабаровск : ДВИ – филиал РАНХиГС, 2012.
9. Тарабакина, Л.В. Эмоциональное здоровье школьника теория и практика психологического сопровождения : дис. ... д-ра психол. наук / Л.В. Тарабакина. – Нижний Новгород, 2000.
10. Клевцова, Н.А. Синдром эмоционального выгорания в профессиональной деятельности специалиста / Н.А. Клевцова // Территория науки. – 2015. – № 5. – С. 5.

DOI: 10.31079/1992-2868-2020-17-4-113-119

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕФОРМАЦИИ У РАБОТНИКОВ АППАРАТА СУДА

В.П. Яссман

Статья посвящена феномену профессиональной деформации, которая, с точки зрения автора, является следствием несогласованности личности профессионала с предметом деятельности. По результатам исследования сформирована модель профессионального соответствия субъекта предмету профессиональной деятельности, что определяет профессиональную эффективность. Показана технология анализа ассоциативных данных, которая позволяет более объективно оценивать реакции на стимул при проведении ассоциативного эксперимента.

Ключевые слова: профессиональная деформация, эмоциональное выгорание, предмет деятельности, саморегуляция, личностная эффективность, концептуализация, самосознание.

PSYCHOLOGICAL DETERMINANTS OF PROFESSIONAL DEFORMATION IN THE EMPLOYEES OF THE COURT APPARATUS

V.P. Yassman

The article is devoted to the phenomenon of professional deformation, which, from the author's point of view, is a consequence of the discrepancy between the personality of a professional and the subject of activity. According to the results of the study, a model of the subject's professional correspondence to the subject of professional activity was formed, which determines professional efficiency. The technology of associative data analysis is shown, which makes it possible to more objectively assess responses to a stimulus during an associative experiment.

Key words: professional deformation, emotional burnout, subject of activity, self-regulation, personal efficiency, conceptualization, self-awareness.

Понятие профессиональной деформации было введено Питиримом Сорокиным в начале XX в. В настоящее время вопрос об этом особом социально-психологическом феномене является особенно важным, поскольку профессиональная деятельность накладывает свой отпечаток на личность человека, который может являться как положительным, так и отрицательным. Негативные проявления профессиональной деформации влекут за собой дискомфорт в психологическом и физическом плане, напряженность и чрезмерный стресс, а также перенос профессионально-ролевого поведения человека на его жизнь. Вследствие этого профессиональная деятельность в лице организаций теряет своих специалистов, что ставит под удар функционирование всей системы сложных социальных взаимоотношений и предприятия в целом. Одной из важнейших задач общества является формирование гармонично развитой личности. Но чтобы эффективно решать эту задачу, необходимы дополнительные исследования феномена профессиональной деформации.

Очевидный интерес представляют исследования синдрома профессионального и эмоционального вы-

горания, отраженные в работах В.В. Бойко, Н.Е. Водопьяновой, К. Маслач, В.Е. Орла, М.М. Скугаревской, Д.Г. Трунова, Т.В. Форманюк и др. Факторы профессиональной деформации личности представлены в трудах О.А. Анисимовой, М.А. Беребина, Л.И. Вассермана, Т.А. Жалагиной, Э.Ф. Зеера, О.В. Коробченко, И.В. Степаненко, ее проявления и стадии развития изучались С.П. Безносковым, Н.В. Гордиенко, Э.Ф. Зеером, Е.С. Кузьминой, Н.Б. Москвиной, В.Е. Орлом, В.П. Подвойским, Н.С. Пряжниковым, Е.Ю. Пряжниковой, Д.Г. Труновым, последствия – Е.И. Агарковой, С.П. Безносковым, Н.Е. Водопьяновой, Е.С. Старченковой, В.М. Чернышовой.

Несмотря на накопленный фактологический и теоретический материал, проблема факторов влияния, природы и специфики профессиональной деформации работников аппарата суда остается частично нерешенной, требующей уточнения и конкретизации.

В то же время следует отметить, что проблема влияния профессиональной деформации на формирование сознания личности не получила должного теоретического освещения и остается открытой для научного поиска, что подтверждает ее актуальность.

Яссман Виктор Павлович – кандидат педагогических наук, доцент кафедры общей, юридической и инженерной психологии Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Yassman Viktor Pavlovich – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of General, Legal and Engineering Psychology of Social and Humanitarian Institute at Far Eastern State Transport University (Khabarovsk).

E-mail: yassman.vik@yandex.ru

© Яссман В.П., 2020

Мы исходили из положения о том, что на возникновение профессиональной деформации должны оказывать влияние как внешние неблагоприятные условия организации труда, так и внутриличностные факторы. В соответствии с этим мы предположили, что профессиональная деформация обусловлена нарушением соответствия (релевантности) внешних и внутриличностных факторов в ходе осуществления профессиональной деятельности, в данном случае на примере работников аппарата суда.

Таким образом, профессиональная деформация напрямую отражает проблему соответствия субъекта предмету профессиональной деятельности. Нами изучались психологические детерминанты профессиональной деформации у работников аппарата суда. Объектом исследования выступила профессиональная деформация, предметом – психологические детерминанты профессиональной деформации у работников аппарата суда.

Основываясь на методологическом тезисе С.Л. Рубинштейна о том, что внешние воздействия преломляются через внутренние условия, мы полагаем, что профессиональная деформация детерминирована нарушением соответствия между условиями труда, требованиями, вытекающими из предмета деятельности, и уровнем самосознания личности. Мы также считаем, что профессиональная деформация и эмоциональное выгорание, которые часто употребляют в качестве синонимов, являются разными феноменами и относятся к разным сферам личности: самосознанию и регуляторной.

Для исследования психологических детерминант профессиональной деформации у работников аппарата суда были применены следующие эмпирические методики: методика «Диагностика эмоционального выгорания личности» В.В. Бойко; опросник «Уровень субъективного контроля» Дж. Роттера в адаптации Е.Ф. Бажина; опросник «Копинг-стратегии» Р. Лазаруса (адаптация Т.Л. Крюковой, Е.В. Куфтяк, М.С. Замышляевой); метод интервьюирования; ассоциативный эксперимент. Исследование психологических детерминант профессиональной деформации у работников аппарата суда проводилось на базе Центрального районного суда г. Читы. В исследовании приняли участие 30 работников суда (помощники судей и секретари судебных заседаний) в возрасте от 23 до 53 лет.

В рамках нашего исследования нами были сформулированы следующие положения:

1. Профессиональная деформация является результатом постоянного воздействия внешних и внутренних факторов профессиональной деятельности. Она приводит к нарушению целостности, утрате адаптивности, устойчивости, когнитивным искажениям в восприятии информации, резкому снижению продуктивности в осуществлении профессиональной деятельности.

2. Эмоциональное выгорание есть проявление профессиональной деформации, однако если человек обладает высоким уровнем самосознания и сохраняет релевантность предмету деятельности, профессиональная деформация не наступает.

3. В основе профилактики профессиональной деформации и эмоционального выгорания должны лежать те направления социально-психологической, консультативной и тренинговой работы, которые призваны повышать уровень самосознания личности и произвольную саморегуляцию.

На основе анализа полученных данных по методике В.В. Бойко нами были выделены три группы респондентов. Распределение респондентов на группы осуществлялось на основании выраженности формирующихся и сложившихся симптомов эмоционального выгорания. Количественно работники аппарата суда распределились на группы практически равнозначно. В первую группу (отсутствие эмоционального выгорания) вошло 10 респондентов, у данной группы уже сформированы один-два симптома и до четырех симптомов формируются. Вторую группу (формирующееся эмоциональное выгорание) составили 11 работников аппарата суда, у которых 2–3 симптома сформированы, а до девяти симптомов формируются. Третью группу (эмоционально выгоревшие) составили 9 респондентов, у которых на момент исследования сформировано 4 и более симптомов и до 8 симптомов формируются.

Наряду с рассмотрением сформированности фаз был проведен сравнительный анализ выраженности симптоматики эмоционального выгорания у работников суда. В группе с низким уровнем эмоционального выгорания преобладают симптомы эмоциональной отстраненности и симптом неадекватного избирательного эмоционального реагирования. Во второй группе – эмоциональная отстраненность, переживание психотравмирующих обстоятельств и редукция профессиональных обязанностей. Такие симптомы, как неадекватное избирательное эмоциональное реагирование, загнанность в клетку, тревога и депрессия, расширение сферы экономии эмоций, личностная отстраненность, находятся в стадии формирования. В третьей группе с высоким уровнем эмоционального выгорания ведущими симптомами являются редукция профессиональных обязанностей, эмоциональная отстраненность, расширение сферы экономии эмоций, переживания психотравмирующих обстоятельств, тревога и депрессия, психосоматические и психовегетативные нарушения.

Сравнительный анализ локуса контроля у работников аппарата суда показал, что в группах по всем шкалам преобладает интернальность, но, тем не менее, в первой группе наибольший процент

экстерналов выявлен по шкалам: «Интернальность в области семейных отношений» и «Интернальность в области межличностных отношений». Во второй группе наибольшее количество экстерналов отмечено по шкале «Интернальность в области неудач» (55 %), а также по шкалам «Интернальность в области межличностных отношений» и «Интернальность в области здоровья» (36 %). Кроме того, во второй группе большие значения интернальности отмечаются по шкалам «Общая интернальность», «Интернальность в области производственных отношений». В третьей группе наибольшее количество экстерналов выявлено по шкале «Интернальность в области неудач». Наибольшее число интерналов третьей группы отмечается по шкалам «Общая интернальность», «Интернальность в области производственных отношений» и «Интернальность в области достижений».

Сравнительный анализ копинг-стратегий совладающего поведения у сотрудников аппарата суда показал, что в ситуациях борьбы со стрессом в качестве стратегии совладающего поведения респондентами первой группы используются поиск социальной поддержки и положительная переоценка, а третьей группы – самоконтроль и планирование решения проблемы.

Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что на степень профессиональной деформации в профессиональной деятельности работников аппарата суда наибольшее влияние оказывают такие внутриличностные факторы, как интернальность в сфере неудач, интернальность производственных отношений, копинг-принятие ответственности и копинг-дистанцирование. Найдено обратное влияние интернальности на симптом тревоги и депрессии, интернальности производственных отношений и симптом переживания психотравмирующих обстоятельств, а также копинг-положительная переоценка на симптом эмоциональной отстранённости. Данные факты показывают, что в профессиональной деятельности эти составляющие приходят в противоречие, и человек скорее склонен к преодолению сложных ситуаций, полагаясь в большей степени на себя путём положительного переосмысления проблемы.

Для изучения семантического содержания психологических детерминант профессиональной деформации применялись методы интервьюирования и ассоциативный эксперимент. При анализе данных интервьюирования нами главным образом сравнивались респонденты 1-й и 3-й группы, т.е. с низким и выраженным уровнями эмоционального выгорания. Ниже нами приводятся обобщённые модели, раскрывающие тенденции, свойственные респондентам данных групп.

Специалистам первой группы свойственна тенденция к более эффективному структурированию своего времени и управлению им. Им нравится выбранная специальность, они предпочитают приходить пораньше, чтобы поработать в спокойной обстановке и спланировать свой день, расставляя приоритеты. В конце рабочего дня большинство респондентов этой группы проводят анализ проделанной работы. Они знают, что нужно сделать и когда, и стараются придерживаться намеченного плана. Взаимодействуя с коллегами и гражданами, сохраняют спокойствие, не повышают голос, ищут компромисс, их нелегко вывести из равновесия. Напряжённые или неприятные рабочие ситуации не влияют на их физическое и эмоциональное самочувствие. Сталкиваясь с трудностями, стараются сразу их разрешать, не накапливая их. Они активно используют стратегию совладающего поведения социальной поддержки, особенно близких родственников, что позволяет снижать действие негативных эмоций и избавлять от эмоционального и умственного истощения. Они эффективно выполняют свою работу, четко знают свои обязанности, в итоге меньше подвержены стрессу на службе. Респонденты первой группы осознают ценность того, что делают, и ставят перед собой высокие планки. Многие респонденты отмечают тот факт, что как бы порой ни было трудно, они будут идти до конца к своей цели – стать судьей. Им не свойственно обвинять других и пытаться освободить себя от ответственности, они не ищут в своих промахах вину внешних факторов, принимают на себя все последствия ситуаций. Критику воспринимают адекватно, с пониманием, стараются из обоснованных замечаний извлечь максимум, проанализировать и найти разумный выход.

Респонденты 3-й группы (эмоционально выгоревшие) ощущают постоянную физическую и эмоциональную усталость. Кроме того, большинству респондентов тяжело бороться с усталостью после рабочего дня, поскольку чувствуют упадок сил и отстранённость. Большинство данных работников аппарата суда не имеют хобби, поскольку хобби после работы превращается в пытку. Свободное время предпочитают проводить дома, в одиночестве и тишине. Некоторые респонденты отмечали тот факт, что с усталостью после рабочего дня им помогает бороться алкоголь и курение.

Нехватка времени, ограничение по времени вызывают панику, большинство респондентов отмечают тот факт, что им приходится оставаться на работе после установленного законодательством времени. Если организационные моменты выходят из-под контроля, работники пребывают в состоянии волнения, стресса, паники. Неприятные ситуации принимают близко к сердцу, пропускают их через себя. Каждый респондент этой группы указал на

зависимость качества работы от физического состояния и общее снижение работоспособности. Снижение эффективности деятельности усиливается перегруженностью. В отношении поведения в конфликтных ситуациях одни стараются их избегать, и после конфликта с оппонентом стараются не пересекаться вовсе, избегая общения. Другая часть респондентов активно вступает в спор, упорно доказывая свою правоту, остро воспринимая критику своей работы, особенно если она не обоснована. Им свойственны раздражение, злость, чувство несправедливости. Многие респонденты избегают разговоров о работе с близкими людьми, предпочитают все проблемы держать в себе, поскольку считают, что близким неинтересно происходящее на работе.

Ощущение беспомощности, уныние, потеря мотивации работниками третьей группы списываются на низкую материальную стимуляцию труда, которая не соизмерима с объёмом труда, на несправедливость и некомпетентность со стороны начальства, на ненормированность рабочего графика, на маленькое количество выходных, что приводит к нехватке свободного времени. Также в качестве причин эмоционального выгорания указываются: рутинная работа, которая приводит к нежеланию развиваться, повышенная ответственность, проблемы со здоровьем из-за плохой организации и специфики условий труда, хроническая усталость, низкая мотивация труда, отсутствие заинтересованности в конечном результате труда.

Респонденты третьей группы отмечают, что работа отразилась на их здоровье и общем самочувствии, но держит стабильностью и получением социальных гарантий. Однако то напряжение, которое исходит из условий труда и высоких требований, которые предъявляют себе респонденты этой группы, формирует у многих сотрудников желание ухода из судебной системы.

Результаты исследования концептуализации профессиональной деятельности у сотрудников аппарата суда по данным ассоциативного эксперимента

Главный довод, положенный нами в основу анализа ассоциативных данных, заключается в том, что предмет профессиональной деятельности, выступающий в качестве её собственного мотива, может быть описан посредством её важнейших структурных компонентов: мотива, цели, понимания проблемного поля деятельности, стратегически-тактических способов решения профессиональных задач, регуляции и контроля за своими действиями в ходе достижения профессиональных целей. Соответственно качество овладения профессией должно обуславливаться степенью и глубиной концептуализации её предмета в сознании работников как субъектов деятельности, что предполагает совершен-

ствование себя в деятельности и стремление осуществлять её наилучшим образом. Эффективное осуществление профессиональной деятельности требует от работников проявления их субъектной активности, которая выстраивается в соответствии с концептуализацией предмета деятельности в индивидуальном сознании носителей профессии. Мы считаем, что зрелость концептов, описывающих содержание профессии, определяет глубину и степень понимания и осмысленности её предмета, её мотивационно-целевую основу. В качестве стимулов в рамках ассоциативного эксперимента нами были предложены понятия, отражающие специфику исследуемой деятельности. Для анализа и интерпретации ассоциативных данных нами был составлен список индексов, в соответствии с которым производилась оценка ответов респондентов. Каждый индекс обозначает тематические и структурные компоненты исследуемых концептов, а в данном случае того, как профессиональная деятельность репрезентирована в самосознании работников суда.

Мы также исходили из того факта, что одинаковые ассоциации, данные разными респондентами, могут отличаться своим значением и контекстом. Поэтому, чтобы исключить субъективность в интерпретации полученных ассоциаций, в ходе проведения методики респондентам предлагалось не просто продуцировать ассоциации на стимул, но и пояснять их. Таким образом, интерпретация ассоциативных данных осуществлялась с разработанной нами системой индексов, отражающих различные стороны концептуализации ими их профессиональной деятельности.

Нами ставилась задача не только путём ассоциативного эксперимента изучать семантическое пространство деятельности и то, как деятельность репрезентирована в самосознании работников, но и показать возможности данного метода решать задачи оценки понимания респондентами предмета деятельности, установок, ценностных ориентаций и других образующих исследуемого концепта. Также нами предложена с нашей точки зрения наиболее адекватная процедура проведения ассоциативного эксперимента и интерпретации полученных данных.

Проводя ассоциативный эксперимент, мы сфокусировали основное внимание на сравнительном анализе данных 1-й и 3-й группы по индексам ассоциации «Моя работа». Мы установили, что наиболее выражены ответы, относящиеся к следующим индексам: К (карьерные установки) с незначительным преобладанием ответов в первой группе; У (удовлетворённость работой) с отрицательной позицией в 3-й группе; Д (отношение к оплате труда) с негативной оценкой в 3-й группе; СД (отношение к специфике деятельности) с выраженным преобладанием отрицательных оценок в 3-й груп-

пе; ПВК (профессионально важные качества) с преобладанием в 1-й группе; СРД (саморазвитие в деятельности) с незначительным преобладанием ответов в 1-й группе.

При этом мы видим выраженность ответов, относящихся к А (атрибутивные (фоновые) характеристики профессии) в 1-й группе и их отсутствие в третьей. Неудовлетворённость условиями (У) работы выше в 3-й группе. Вместе с тем среди респондентов 3-й группы мы находим ответы, указывающие на собственный предмет деятельности (П) и на самоактуализацию (СА), которых нет в 1-й группе.

Далее, нам представилось интересным привести описание сходства и отличий в заданных ассоциациями семантических полях респондентов 1-й и 3-й группы на стимул «Моя работа».

Ответы распределились на 2 категории. В первую входят ответы, свидетельствующие о высоком уровне зрелости отношения к выбранной работе, во вторую те, которые характеризуют деятельность преимущественно в негативном свете. И в первой, и во второй группе такие ответы есть. Обращает на себя внимание, что в обеих группах удельный вес «позитивных» ответов распределился практически одинаково, как в отношении к ответам внутри групп, так и в отношении сравнения ответов между группами.

В обеих группах среди позитивных ответов есть те, которые указывают на активную жизненную позицию с пониманием того, что в данной отрасли можно многого добиться, в частности самой высшей должности (1-я группа), как в отношении данной деятельности, так и в отношении самоактуализации (3-я группа). В третьей группе есть предметно-ориентированные ответы, чего мы не видим в 1-й группе. В 3-й группе мы видим ответы, указывающие на активность в отношении саморазвития как в деятельности, так и вне её, что не так выражено в 1-й группе. В качестве предмета деятельности выступают судебные дела, вокруг которых и выстраивается вся система деятельности. В 1-й группе работа воспринимается как стабильная и даёт ощущение уверенности в завтрашнем дне. Характерна ориентация на профессионально важные качества, на требования к деятельности, на саморегуляцию и саморазвитие в деятельности. Ответы отражают компонентный состав деятельности, установку на решение профессиональных задач и необходимость субординации. И в 1-й, и в 3-й группе есть карьерно-ориентированные ответы, мечта стать судьёй, желание карьерного роста. В 3-й группе мы видим ответы, указывающие на полную вовлечённость в работу, которая стала жизнью, но в которой есть ограничения на новые связи с людьми, продиктованные особенностями государственной службы. Важными образующими в данной сфере в ответах 3-й группы указываются общение с коллегами и

приобретение профессионального опыта. Также в ответах 1-й группы работа является источником дохода, вместе с тем есть удовольствие от работы.

Пожалуй, образцовым ответом для эффективно-го работника с набором референтных ПВК, с ориентацией на ответственность, саморегуляцию и конечный итог деятельности служит следующий ответ респондента 3-й группы: «Ответственность как умение отвечать за свои действия, принятые решения (ПВК), сосредоточенность, концентрация внимания при выполнении работы, конечный итог выполняемой работы (СР), результат (Р)». Ответы этого респондента отражают профессионально важные качества саморегуляции (СР) и ориентации на результат (Р).

В первой группе примером активной жизненной позиции и установкой на развитие в деятельности является следующий ответ респондента: «Развитие – возможность добиться многого в данной отрасли (СРД), карьера – возможность добиться самой высшей должности (К), стабильность – постоянство, уверенность в завтрашнем дне (У, ЗЖ)».

Однако по сравнению с предыдущим ответом акцент смещён на понимание того, что в данной отрасли можно многого добиться, в частности самой высшей должности (карьера). Работа воспринимается как стабильная и даёт ощущение уверенности в завтрашнем дне. Ответы этого респондента указывают на саморазвитие в деятельности (СРД), карьерную установку (К), удовлетворённость работой, поскольку она даёт ощущение стабильности (У), и на значимость работы для собственной жизни (ЗЖ).

Ответы, относящиеся ко второй (негативной) категории, отражают только атрибутивный слой концепта. При таком восприятии работы характерен риск эмоционального выгорания. Ответы в целом указывают на неприятие специфики работы и внутренний эмоциональный конфликт, носят формальный и поверхностный характер, указывают на проблемы в системе (в делах преобладает бюрократия) (1-я группа). В ответах отсутствует позитивный настрой, прослеживается отчуждённость от предмета деятельности, когда работа перестаёт радовать и вызывать интерес и превращается в ярмо. Несмотря на то, что данный ответ мы находим у респондента 1-й группы, он характерен для эмоционального выгорания в деятельности. В 3-й группе негатив связан с тем, что работа воспринимается как сложная, сложность связана с необходимостью решения многих вопросов. На первом месте в ответах таких респондентов зарплаток, неудовлетворённость оплатой труда. Негатив усиливается ненормированностью труда, тем, что приходится работать после окончания рабочего дня и в выходные. Деятельность ощущается как рутинная и авральная, что приводит к эмоциональному выгоранию. В силу большой

нагрузки от работы возникает стресс, который усиливается назойливыми гражданами и отсутствием справедливости со стороны начальства.

В результате эксперимента было выявлено, что большинство сотрудников находятся в стадии формирования эмоционального выгорания. Известно, что наиболее сформированными у исследуемых респондентов являются фаза резистенции – сопротивления стрессу и стадия истощения – где выгорание становится неотъемлемым атрибутом личности работника.

Процесс исследования совладающего поведения показал: сотрудники первой группы отдают наибольшее предпочтение таким способам совладающего поведения, как поиск социальной поддержки и положительная переоценка, а третья группа использует копинг-конфронтации, дистанцирование и самоконтроль.

Исходя из полученных результатов использованных методик, мы пришли к выводу, что профессиональная деформация является следствием искажения профессиональных и личностных свойств работников аппарата суда. С одной стороны, это происходит под влиянием внешних отрицательных факторов деятельности и окружающей среды, а также когда у работника отсутствует достаточный уровень психологической устойчивости. Безусловно значимыми детерминантами, приводящими к развитию выгорания и деформации, выступают низкий уровень произвольной саморегуляции, издержки психологического климата, изъяны в организации судебной деятельности, что приводит к низкому уровню автономности сотрудников, неравномерности распределения нагрузки и слабому стимулированию труда. Кроме того, в ходе исследования было выявлено, что развитию профессиональной деформации предшествуют такие личностные факторы, как повышенная тревожность и высокий нейротизм, жизнь в условиях многозадачности и неопределённости, поглощённость работой. Это, в свою очередь, приводит к игнорированию собственных потребностей и нужд, что способствует истощению нервной системы. Когда на фоне общего перенапряжения исчерпываются эмоциональные и физические ресурсы, чувство усталости приобретает хронический характер, что снижает качество жизни.

Необходимо отметить, что в каждой группе преобладает такой симптом, как «личностная отстранённость», которая является признаком эмоционального выгорания. Подобная отчуждённость от предмета труда становится защитным механизмом, попыткой справиться с переживанием эмоционального стресса. В крайних проявлениях работника аппарата суда уже почти ничего не волнует из профессиональной деятельности, почти ничто не вызывает эмоционального отклика – ни положительные об-

стоятельства, ни отрицательные. С другой стороны, профессиональные и личностные свойства работников аппарата суда могут быть изначально искажены, такой человек может не приобретать эмоционального выгорания, но быть профессионально деформированным изначально. И таких людей в структурах государственной службы много.

Подводя итоги, можно сказать, что профессиональная деформация личности – это деструктивные изменения личности. Проведенное исследование, которое позволило нам участвующим респондентам поделить на три группы по признаку эмоционального выгорания, дает основание считать, что профессиональная деформация личности может быть свойственна респондентам всех групп независимо от того, выгорели они или нет. Проведённый сравнительный анализ респондентов первой и третьей группы помог определить признаки, на основании которых мы можем судить о степени профессиональной деформированности личности.

Признаками эффективной личности, в наибольшей степени нацеленной на предмет деятельности, исходя из интервью и ассоциативной методики являются: высокая мотивация (мотивация на успех), удовлетворенность работой, увлеченность работой, ответственность, высокая работоспособность, высокий уровень организации собственной деятельности, целеустремленность, желание профессионально расти и самосовершенствоваться, высокий коммуникативный потенциал (лидерская позиция, конструктивность в решении конфликтов, эмпатия), высокая саморегуляция.

Признаками профессиональной деформации являются: низкая вовлеченность в работу, низкая мотивация на успех; конфликтность; эмоциональная опустошенность, отстраненность и, как следствие, усталость и пессимизм; низкая саморегуляция; недовольство собой и низкая уверенность в себе; равнодушие и безразличие к деятельности.

На возникновение деформации и степень ее усиления у исследуемых респондентов, согласно предмету труда судебной системы, исходя из интервью и анализа ассоциаций оказывают влияние следующие факторы: жесткая регламентация и однообразие трудовой деятельности, большой объем информационной, аналитической и коммуникативной работы, высокие профессиональные риски, особые требования к служебной деятельности и служебному поведению. Следовательно, речь идет о таких факторах, как нормативное регулирование трудового поведения и снятие рисков неопределенности, организация труда, доминирование в нем умственного труда, а также поддержание интеграционного взаимодействия.

Для выявления взаимосвязей психологических детерминант профессиональной деформации со-

трудников аппарата суда применялся критерий r -коэффициента корреляции Пирсона. Анализ применения показал, что наиболее значимые корреляционные связи получены при анализе результатов группы с сформировавшимся выгоранием.

По результатам исследования нами была построена модель соответствия предмету профессиональной деятельности (рисунок).

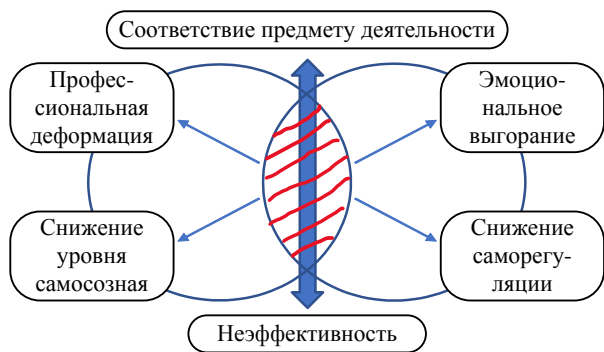

Рисунок. Модель соответствия предмету профессиональной деятельности

Центральная вертикальная линия обозначает развитие профессионального самосознания, где нижнее значение указывает на профессиональную неэффективность, а верхнее – на соответствие предмету деятельности. Левая сфера обозначает самосознание, а правая – регуляцию. Отсюда профессиональная эффективность определяется соответствием предмету деятельности и единством самосознания и саморегуляции, что на модели является центром. То, что отходит от центра, указывает на развитие профессиональной деформации и эмоционального выгорания. Вместе с тем профессиональная деформация и эмоциональное выгорание являются разными феноменами, поскольку относятся к взаимосвязанным, но разным психическим сферам – самосознания и саморегуляции. Соответственно эмоциональное выгорание вовсе не обязательно приводит к профессиональной деформации. Вместе с тем из данной модели мы видим, что чем ниже уровень самосознания, тем выше профессиональная деформация, и чем ниже уровень саморегуляции, тем выше эмоциональное выгорание.

Таким образом, профессиональная деформация является следствием рассогласованности личности профессионала с предметом деятельности, выступа-

ющим в качестве её собственного мотива, что лежит в основе соответствия человека и профессии. Из такой постановки вопроса вытекает множество следствий как психологического плана, так и социального, что проявляется в эффективности и качестве осуществляемых функций. Второй заслугой этого исследования является то, что в нём отработана технология анализа ассоциативных данных, которая позволяет более объективно оценивать реакции на стимул при проведении ассоциативного эксперимента.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абрамов, И.А.* Роль аппарата федерального суда общей юрисдикции (на примере районного суда) / И.А. Абрамов // Актуальные проблемы права : материалы III Междунар. науч. конф. (г. Москва, ноябрь 2014 г.). – Москва : Буки-Веди, 2014. – 35 с.
2. *Абульханова-Славская, К.А.* Стратегия жизни / К.А. Абульханова-Славская. – Москва : Эксмо, 2010. – 156 с.
3. *Бойко, В.В.* Синдром «эмоционального выгорания» в профессиональном общении / В.В. Бойко. – Санкт-Петербург : Питер, 2012.
4. *Водопьянова, Н.Е.* Синдром выгорания: диагностика и профилактика / Н.Е. Водопьянова, Е.С. Старченкова. – Санкт-Петербург : Питер, 2016. – 336 с.
5. *Водопьянова, Н.Е.* Психическое «выгорание» и качество жизни / Н.Е. Водопьянова, Е.С. Старченкова // Психологические проблемы самореализации личности / под ред. А.А. Крылова и Л.А. Коростылевой. – Санкт-Петербург : Питер, 2015. – 316 с.
6. *Воробьева, М.А.* Факторы, инициирующие возникновение синдрома эмоционального выгорания в сфере «человек-человек» / М.А. Воробьева // Семья и будущее России : материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Екатеринбург, 2017. – С. 22–26.
7. *Гозман, Л.Я.* Психология эмоциональных отношений / Л.Я. Гозман. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 2015. – 176 с.
8. *Гордеева, Т.О.* Самоэффективность как составляющая личностного потенциала / Т.О. Гордеева // Личностный потенциал сотрудника и диагностика / под ред. Д.А. Леонтьева. – Москва : Эксмо, 2015. – 225 с.
9. *Леонтьев, Д.А.* Личностный потенциал: структура и диагностика / Д.А. Леонтьев. – Москва : Смысл, 2015. – 558 с.
10. *Поляков, С.Э.* Концепты и другие конструкции сознания / С.Э. Поляков. – Санкт-Петербург : Питер, 2017. – 624 с.
11. *Рубинштейн, С.Л.* Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – Санкт-Петербург : Питер, 2015. – 714 с.
12. *Сапогова, Е.Е.* Экзистенциальная психология взрослости / Е.Е. Сапогова. – Москва : Смысл, 2016. – 654 с.
13. *Стресс, выгорание, совладание в современном контексте / под ред. А.Л. Журавлева, Е.А. Сергиенко.* – Москва : Институт психологии РАН, 2014. – 512 с.

DOI: 10.31079/1992-2868-2020-17-4-120-126

МОДЕЛЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ГОТОВНОСТИ К ВАХТОВОЙ РАБОТЕ В УСЛОВИЯХ КРАЙНЕГО СЕВЕРА

Я.В. Примаченко

С.Д. Бровко

В статье предложена модель психологической готовности специалистов к вахтовой работе в условиях Крайнего Севера, уточнены актуальные для профессионального отбора психологические ресурсы, обеспечивающие оптимальный уровень жизнедеятельности специалиста, работающего в экстремальных условиях среды.

Ключевые слова: психологическая готовность, вахтовый метод, Крайний Север, психодиагностика.

MODEL OF PSYCHOLOGICAL PREPAREDNESS FOR SHIFT WORK IN THE EXTREME NORTH CONDITIONS

Ya. V. Primachenko

S. D. Brovko

The article proposes a model of the psychological readiness of specialists for shift work in the Far North conditions, clarifies the psychological resources relevant for professional selection that ensure the optimal level of life of a specialist working in extreme environmental conditions.

Key words: psychological readiness, shift method, the Far North, psychodiagnostics.

В настоящее время в Российской Федерации реализуется правительственная программа по развитию Арктической зоны [8], с 2021 г. планируется активное развитие ресурсной базы и обеспечение реализации крупных инфраструктурных проектов в Арктике, модернизация транспортной и обеспечивающей инфраструктур. Таким образом, потребуется увеличение человеческого ресурса до 45 %. Специфика профессиональной деятельности, в которой будут находиться требуемые специалисты, имеет два основных аспекта специфики профессиональной деятельности: экстремальные условия среды и вахтовый метод работы, что будет оказывать непосредственное влияние на личность и соответственно на её готовность к деятельности. Комплекс климатогеографических, производственных и социальных факторов делает работу вахтовым методом в условиях Крайнего Севера экстремальной для человека вне зависимости от его профес-

сии [7: с. 27]. При этом необходимо учитывать, что при употреблении понятия «экстремальный» речь идет не о нормальных, обычных условиях деятельности, а о существенно отличающихся от них обстоятельствах. Экстремальные условия могут создаваться не только максимизацией (перегрузкой, сверхвоздействием), но и минимизацией (недогрузкой: дефицитом информации, общения, движений и т.п.) действующих факторов.

Экстремальные условия – интенсивные, внезапные, продолжительные, опасные для жизни и здоровья обстоятельства или выходящая за рамки обычного обстановка, в которой осуществляется жизнедеятельность людей. Работа в условиях Крайнего Севера является экстремальной для человека вне зависимости от его профессии. Интенсивность, внезапность и опасность обстоятельств обуславливаются климатогеографическими и производственными факторами. Продолжительность об-

Примаченко Янина Витальевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей, юридической и инженерной психологии, начальник Управления стандартизации и качества, менеджер по качеству Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Primachenko Yanina Vitalievna – Associate Professor of the Department of General, Legal and Engineering Psychology, Candidate of Sciences (Psychology), Head of the Department of Standardization and Quality at Far Eastern State Transport University (Khabarovsk).

E-mail: yanina-75@mail.ru

Бровко Сиам Дмитриевна – выпускница 2020 г. кафедры общей, юридической и инженерной психологии Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Brovko Siama Dmitrievna – Student of 758 Group at Far Eastern State Transport University (Khabarovsk).

E-mail: aldra.bro@gmail.com

© Примаченко Я.В., Бровко С.Д., 2020

становки, в которой находятся специалисты, обуславливается вахтовым методом работы.

Вахтовый метод – особая форма осуществления трудового процесса вне места постоянного проживания работников, когда не может быть обеспечено ежедневное их возвращение к месту постоянного проживания.

Одним из условий, обеспечивающих готовность к успешной профессиональной деятельности в экстремальных условиях, в том числе вахтовым методом, является психологическая готовность.

Психологическая готовность – состояние, характеризующееся мобилизацией ресурсов специалистов на выполнение конкретной деятельности [4].

Анализ результатов исследования психологической готовности (В.Н. Пушкин, Л.С. Нерсенин, А.А. Ухтомский, Н.Д. Левитов, В.Д. Шадриков, В.Н. Мясищев, Д.Н. Узнадзе, Ж.А. Сорокина, Е.А. Климов, К.К. Платонов, В.А. Крутецкий и др.) с учетом последних исследований позволил подобрать батарею тестов для диагностики психологической готовности и определить основные характеристики, влияющие на мобилизацию ресурсов к выполнению конкретной деятельности.

Батарея тестов представлена в виде семи методик: опросника К. Леонгард–Г. Шмишека «Методика изучения акцентуаций личности» [5]; опросника ЕРІ Г. Айзенка «Определение темперамента» [3]; теста «Изучение мотивации профессиональной деятельности» К. Замфир в модификации А. Реана [7]; методики «Изучение мотивационного профиля личности» Ш. Ричи и П. Мартин [6]; теста «Типы мотивации» В.И. Герчикова [2]; опросника «Психологическое благополучие личности» К. Рифф в адаптации и модификации Т.Д. Шевеленковой, П.П. Фесенко [11] и теста «Шкала субъективного благополучия» [9].

В исследовании приняли участие специалисты (группа 1), работающие вахтовым методом и занимающиеся геолого-разведочными, геофизическими и геохимическими работами в области изучения недр и воспроизводства минерально-сырьевой базы, п. Снежный; добычей руд и песков драгоценных металлов (золото, серебро и металлы платиновой группы), Аяно-Майский район; добычей декоративного и строительного камня, известняка, гипса, мела и сланцев, г. Апатиты. Вторую группу составили специалисты, не желающие работать в условиях Крайнего Севера вахтовым методом. Общий объем выборки составил 63 респондента.

Анализ литературы позволил сформировать теоретическую модель психологической готовности к вахтовой работе в условиях Крайнего Севера, в состав которой входят мотивационный, познавательно-оценивающий и эмоционально-волевой компоненты.

Мотивационный компонент исследовался с помощью теста «Изучение мотивации профессиональной деятельности» К. Замфир в модификации А. Реана, методики «Изучение мотивационного профиля личности» Ш. Ричи, П. Мартин и теста «Типы мотивации» В.И. Герчикова. Для специалистов, работающих вахтовым методом в условиях Крайнего Севера, в большей степени характерен профессиональный тип мотивации, т.е. специалисты заинтересованы в деятельности вследствие её содержания. Это соответствует пониманию готовности В.А. Крутецкого, который выделял положительное отношение к деятельности как компонент готовности. У специалистов, которые находятся и дольше, и дальше, проявляется также и инструментальный тип, так как данные специалисты чаще всего едут на заработки, но преобладающим всё же является профессиональный тип, в отличие от специалистов, не желающих работать вахтовым методом на Крайнем Севере. У них доминирует инструментальный тип мотивации, для них важнее всего оплата их труда. У специалистов, работающих в условиях Крайнего Севера, выражены потребности в четком структурировании работы, заработной плате и полезной общественной работе.

Для изучения познавательно-оценочного компонента психологической готовности к вахтовой работе в условиях Крайнего Севера использовались: опросник «Психологическое благополучие личности» К. Рифф в адаптации и модификации Т.Д. Шевеленкова, П.П. Фесенко и методика «Шкала субъективного благополучия». Специалисты, работающие вахтовым методом на Крайнем Севере, отличаются высоким уровнем психологического благополучия и низким уровнем проблем субъективного благополучия. Характеристики выраженных компонентов психологического благополучия у специалистов, работающих на Крайнем Севере, соответствуют выделенным В.Д. Шадриковым [10] качествам личности, необходимым для формирования готовности. Среди них: активность в достижении целей деятельности (шкала «Цель в жизни»), уверенность человека в своих силах (шкала «Самопринятие»), способность руководить своими действиями, чувствами, поведением в изменчивых, напряженных условиях деятельности (шкала «Автономия»).

Особенности эмоционально-волевого компонента изучались с помощью опросника К. Леонгарда–Г. Шмишека «Методика изучения акцентуаций личности» и опросника ЕРІ Г. Айзенка «Определение темперамента». Преобладающими акцентуациями характера у специалистов, работающих вахтовым методом на Крайнем Севере, являются гипертимная, демонстративная и эмотивная. Нежелательными являются: тревожная, дистимная и возбудимая. Специалисту, работающему в условиях

Крайнего Севера вахтовым методом, необходимо быть активным, самостоятельным, лабильным, готовым к риску. Он должен быть инициативным, иметь высокий жизненный тонус и позитивный взгляд на мир. Также для его работы важно сохранять самообладание и уметь регулировать свое поведение и эмоции. Специалисты на Крайнем Севере отличаются эмоциональной стабильностью.

В дальнейшем для подтверждения или опровержения гипотезы о существовании статистически значимых взаимосвязей между компонентами психологической готовности специалистов, работающих и не желающих работать вахтовым методом в условиях Крайнего Севера, был использован корреляционный анализ – коэффициент R-Спирмена. Расчет проводился с помощью программы SPSS-статистика 17.0. Результаты представлены в виде корреляционных плеяд на уровне статистической значимости $p \leq 0,01$ (рис. 1, 2).

Рис. 1. Результаты корреляционного анализа групп, работающих на Крайнем Севере: — – положительная корреляция на уровне значимости 0,01; - - - отрицательная корреляция на уровне значимости 0,01

У специалистов, работающих вахтовым методом в условиях Крайнего Севера (см. рис. 1), доминируют такие черты, как уверенность, артистизм и подвижность (это показал анализ эмоционально-волевого компонента), вследствие этого у них повышается способность к организации своего окружения и имеется креативный подход к профессиональным задачам. Их нестандартный подход к делу стимулирует адекватное восприятие жизни и её невзгод, это помогает им ставить цели в соответствии со своими возможностями, также они менее

импульсивны. Специалисты, работающие на Крайнем Севере, едут чаще всего на заработки, у них присутствует инструментальный тип мотивации, который влияет на такие черты, как импульсивность, агрессивность, чувствительность. Эмотивность, свойственная данным специалистам, повышает доверительность отношений с коллегами, помогая регулировать конфликты. Внутренняя мотивация способствует оптимальной работоспособности, а также повышает многие компоненты психологического благополучия, необходимые для комфортного самочувствия специалиста на работе. Если специалисты нацелены только на получение материальных благ, то у них снижается потребность в социуме и общении с коллегами, но они становятся от этого фрустрированнее.

У специалистов, не желающих работать вахтовым методом в условиях Крайнего Севера (рис. 2), были выявлены такие черты, как ригидность, обидчивость, подозрительность (анализ эмоционально-волевого компонента), они ослабляют способность адекватного восприятия жизни и постановки целей, но такие специалисты больше акцентируют внимание на участии в общем, важном для организации деле, ставя это выше своих собственных целей. Выраженность интереса в организации и её делах способствует минимизированию потребности проявлять себя и свою деятельность нестандартным образом. Специалисты уверены в том, что чем быстрее и качественнее они сделают работу, тем лучше для организации. Они не хотят рисковать, придумывая новые решения, идя проверенным, надежным путем. Такое свойственно интровертированным личностям, для которых характерна потребность в четко структурированной работе и планировании. Если же специалисты имеют экстравертированную направленность, они, наоборот, хотят искать новые пути решения проблем и не приемлют для себя инструкции и указания. С возрастом у специалистов повышается потребность в разнообразии, им хочется новых ощущений от жизни, нового опыта работы. При выраженности таких личностных черт, как импульсивность и вспыльчивость, у респондентов ослабевает способность поддержания позитивного отношения к себе, от чего их критика себя возрастает. При отсутствии у специалистов интереса к работе или же при их низкой квалификации отмечается рост напряженности и чувствительности. У специалистов присутствуют такие черты, как серьезность, аккуратность и исполнительность, отчего у них ослабевает способность воспринимать и интегрировать новый опыт.

Они уверены в своих знаниях и своей позиции и не принимают чужих советов. Вместе с тем из-за этих выраженных черт личности понижается психологическое благополучие, специалистам сложно

поддерживать отношения, они самокритичны и не могут найти своего места в жизни. Но такие специалисты лояльны к мотивации положительными стимулами. При выраженности таких личностных черт, как чувствительность, переменчивость настроения, впечатлительность, у специалистов слабо обозначены цели в жизни. На таких специалистов легко воздействовать отрицательной мотивацией из-за их чувствительной, переживающей натуры. При выраженности таких личностных черт, как активность, легкомысленность, общительность, специалисты высоко ценят содержание работы и возможность проявить себя. Высокая внутренняя мотивация стимулирует таких специалистов к саморазвитию, чтобы они могли проявить себя с лучшей стороны.

Рис. 2. Результаты корреляционного анализа групп, не желающих работать на Крайнем Севере: — — положительная корреляция на уровне значимости 0,01; - - - отрицательная корреляция на уровне значимости 0,01

Для подтверждения или опровержения гипотезы о существовании статистически значимых различий между группами специалистов, работающих и не желающих работать вахтовым методом в условиях Крайнего Севера (КС), был использован *U*-критерий Манна-Уитни (табл. 1). Расчёт проводился с помощью программы «SPSS Statistics 17.0».

Таблица 1

Результаты сравнительного анализа компонентов психологической готовности у специалистов, работающих на Крайнем Севере, и у специалистов, не желающих работать на Крайнем Севере

Компонент	Средние значения		U	p
	Работающие на КС	Не желающие работать на КС		
Позитивные отношения	37,49	20,20	194,000	0,000
Управление средой	36,30	22,75	245,000	0,006
Цели в жизни	38,12	18,85	167,000	0,000
Психологическое благополучие	36,44	22,45	239,000	0,005
Осмысленность жизни	39,44	16,00	110,000	0,000
Демонстративность	37,16	20,90	208,000	0,001
Педантичность	27,72	41,20	246,000	0,006
Возбудимость	27,30	42,10	228,000	0,002
Гипертимность	36,60	22,10	232,000	0,003
Дистимность	25,40	46,20	146,000	0,000
Потребность в хороших условиях работы	28,02	40,55	259,000	0,010
Потребность в поддержании взаимоотношений	37,70	19,75	185,000	0,000
Потребность во власти	37,93	19,25	175,000	0,000
Потребность в самосовершенствовании	26,33	44,20	186,000	0,000
Профессиональный тип	37,30	20,60	202,000	0,001
Патриотический тип	38,09	18,90	168,000	0,000
Напряженность и чувствительность	26,86	43,05	209,000	0,001
Психоэмоциональная симптоматика	26,56	43,70	196,000	0,001
Субъективное благополучие	26,86	43,05	209,000	0,001

Сравнительный анализ психологических особенностей психологической готовности двух групп респондентов (см. табл. 1) свидетельствует, что именно респондентам, работающим в условиях Крайнего Севера вахтовым методом, характерны высокие показатели психологического благополучия [1], что позволяет сделать предположение о хорошей слаженности их психических процессов и функций, более выраженной целостности, внутреннем равновесии и гармонии личности по сравнению с респондентами второй группы. Они отзывчивы, целеустремленны, авантюры и коммуникабельны. У них крепче отношения с коллегами, так как они долгое время контактирует с ними, что

позволяет им узнать друг друга лучше. Их отличает более сильное проявление профессиональных мотивационных типов, вследствие чего они более заинтересованы содержанием и задачами своей деятельности. При этом им необходима обратная связь от руководителя и признание их заслуг в профессиональной среде. Респондентам второй группы характерны более высокие показатели субъективного благополучия, что предполагает их зависимость от стереотипов, выработанных обществом, и наличие социально-нормативных ценностных установок. Их отличает педантичность, тревожность, чрезмерная серьезность и самокритичность, ригидность, исполнительность в сочетании с независимостью, потребность в комфортной окружающей обстановке, сосредоточенность на своем здоровье, что способствует проявлению различного рода невротизма и психосоматических заболеваний.

Для выявления статистически значимых различий в группах специалистов, работающих вахтовым методом в условиях Крайнего Севера, и подтверждения выводов о факторах использовался однофакторный дисперсионный анализ ANOVA. Факторы, выделенные нами, – территория и поколение. Градация территориального фактора (табл. 2) – п. Снежный, Аяно-Майский район и г. Апатиты, т.е. мини-группы, которые составляют выборку специалистов, работающих вахтовым методом в условиях Крайнего Севера. Возрастной фактор (табл. 3) нами был преобразован в группы поколений: 1) беби-бумеры (1940–1959); 2) поколение X (1960–1979); 3) поколение Y (1980–1999).

Таблица 2

Результаты однофакторного дисперсионного анализа компонентов психологической готовности специалистов, работающих на Крайнем Севере, по фактору «Территория пребывания»

Компонент	Средние значения			F	Уровень статистической значимости <i>p</i>
	Снежный	Аяно-Майский	Апатиты		
Позитивные отношения	75,40	65,37	63,43	12,782	0,000
Личностный рост	79,00	64,00	67,50	16,941	0,000
Цели в жизни	76,70	66,42	66,29	8,764	0,001
Самопринятие	75,20	58,47	61,36	20,537	0,000
Психологическое благополучие	440,20	373,21	382,50	21,249	0,000
Баланс аффекта	49,50	80,95	81,00	28,121	0,000
Осмысленность жизни	123,90	100,47	104,43	25,930	0,000
Внутренняя мотивация	4,650	3,395	3,393	7,360	0,002

Окончание табл. 2

Компонент	Средние значения			F	Уровень статистической значимости <i>p</i>
	Снежный	Аяно-Майский	Апатиты		
Профессиональный тип	10,80	8,68	8,00	5,248	0,009
Изменение настроения	4,10	8,32	5,36	16,194	0,000
Субъективное благополучие	36,00	49,84	51,79	5,318	0,009

Территория пребывания специалистов (см. табл. 2) влияет на позитивные отношения с коллегами, личностный рост специалиста, постановку целей в жизни, самопринятие, психологическое благополучие, позитивное отношение к жизни, внутреннюю мотивацию, профессиональный тип мотивации, изменение настроения и субъективное благополучие. Внутри групп присутствуют различия между рассматриваемыми показателями. Больше всего различий между группой № 1 с остальными. Между группами № 2 и № 3 нет видимых различий, их показатели приближены друг к другу, кроме шкалы «Изменения настроения».

Таблица 3

Результаты однофакторного дисперсионного анализа компонентов психологической готовности специалистов, работающих на Крайнем Севере, по фактору «Поколение»

Компонент	Средние значения			F	Уровень статистической значимости <i>p</i>
	Беби-бумеры	Поколение X	Поколение Y		
Потребность во власти	15,67	31,87	28,80	5,550	0,007

Возраст, в нашем случае поколение, влияет на потребность во власти. Как очевидно (см. табл. 3), наибольшее значение и выраженность имеет поколение X, они уже накопили достаточный опыт в профессии и стремятся перейти к управленческой должности. Следом, с чуть меньшим значением, – поколение Y, им необходимо укрепиться в коллективе, поэтому у них присутствует стремление к доминированию. И самое низкое значение у поколения Беби-бумеров, они не стремятся доминировать над коллегами.

Как итог была сформирована психологическая модель психологической готовности специалиста, работающего на Крайнем Севере вахтовым методом (рис. 3).

Рис. 3. Модель психологической готовности к вахтовой работе в условиях Крайнего Севера после статистического анализа

Таким образом:

1. Анализ компонентов психологической готовности к вахтовой работе в условиях Крайнего Севера показал, что для специалистов характерны:

- мотивационный компонент; потребности в структурированной работе, высокой заработной плате и общественно-полезной работе; внутренняя и внешняя положительная мотивация труда; профессиональный и инструментальный типы мотивации;
- познавательный компонент; высокий уровень психологического благополучия и низкий уровень проблем субъективного благополучия;
- эмоционально-волевой компонент; гипертимный, демонстративный и эмотивный типы акцентуации характера; сангвинико-флегматичный тип темперамента.

2. Корреляционный анализ (см. рис. 1) показал взаимосвязь между компонентами психологической готовности к вахтовой работе в условиях Крайнего Севера. Положительные взаимосвязи выявлены между демонстративным типом акцентуации характера, шкалой «Управление средой» и потребностью в креативности; шкалой «Цель в жизни» и потребностью быть креативным; эмотивным типом акцентуации характера и шкалой «Позитивные отношения»; внутренней мотивацией, шкалой «Позитивные отношения», шкалой «Личностный рост», шкалой «Самопринятие» и психологическим благополучием; потребностью в заработной плате и шкалой «Баланс аффекта». Отрицательные взаимосвязи установлены между шкалой «Цель в жизни» и возбудимым типом акцентуации характера; ин-

струментальным типом мотивации, возбудимым и эмотивным типами акцентуации характера; внутренней мотивацией и гипертимным типом акцентуации характера; потребностью в заработной плате и потребностью в социальных контактах.

3. Сравнительный анализ групп специалистов (см. табл. 1), работающих и не желающих работать вахтовым методом в условиях Крайнего Севера, показывает различия в мотивационном (шкалы «Потребность в хороших условиях работы», «Потребность в поддержании взаимоотношений», «Потребность во власти», «Потребность в самосовершенствовании», «Профессиональный тип» и «Патриотический тип»), познавательном-оценочном (шкалы «Позитивные отношения», «Управление средой», «Цели в жизни», «Психологическое благополучие», «Осмысленность жизни», «Напряженность и чувствительность», «Психоэмоциональная симптоматика» и «Субъективное благополучие») и эмоционально-волевым (шкалы «Демонстративность», «Педантичность», «Возбудимость», «Гипертимность» и «Дистимность») компонентах психологической готовности.

Основываясь на выделенной нами батарее методик и сформированной модели психологической готовности, результаты исследования рекомендовано использовать для профессионального отбора для работы вахтовым методом в условиях Крайнего Севера. Как эталон специалиста, пригодного для работы вахтовым методом в условиях Крайнего Севера, использовать модель психологической готовности. Данные рекомендации направлены на

качественный отбор специалистов для повышения эффективности деятельности.

Выявленные особенности психологической готовности являются актуальными для профессионального отбора в рамках освоения Арктической зоны и отслеживания профессионального здоровья специалиста, работающего в экстремальных условиях среды.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бровко, С.Д.* Психологическая готовность к вахтовой работе в условиях Крайнего Севера / С.Д. Бровко, Я.В. Примаченко // Научно-техническому и социально-экономическому развитию Дальнего Востока России – инновации молодых : тез. докл. 78-й Межвуз. студенческой науч.-практ. конф. (23–25 марта 2020 г.). – Хабаровск, 2020. – С. 188.
2. *Лютвинюк, А.А.* Мотивация и стимулирование трудовой деятельности / А. А. Лютвинюк. – Москва : Юрайт, 2014. – 398 с.
3. Психологическая диагностика и коррекция акцентуаций характера личности / сост. Е.П. Ивутина, С.Г. Касимова. – Киров : Изд-во ВятГТУ, 2011. – 158 с.
4. Психология и педагогика : учебник для бакалавров / В.А. Сластенин [и др.] ; под ред. В.П. Каширина. – Москва : Юрайт, 2015. – 609 с.
5. *Ракович, Н.К.* Практикум по психодиагностике личности / Н.К. Ракович. – Минск : БГПУ, 2002. – 248 с.
6. *Ричи, Ш.* Управление мотивацией / Ш. Ричи, П. Мартин ; пер. с англ. под ред. проф. Е.А. Климова. – Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2004. – 399 с.
7. Сборник психологических тестов. Часть III : учебное пособие / сост. Е.Е. Миронова. – Минск : Женский институт ЭНВИЛА, 2006. – 120 с.
8. Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации : постановление Правительства от 21 апр. 2014 г. № 366 // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 18. – Ст. 2207.
9. *Фетискин, Н.П.* Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп / Н.П. Фетискин, В.В. Козлов, Г.М. Мануйлов. – Москва : Изд-во Института Психотерапии, 2002. – 362 с.
10. *Шадриков, В.Д.* Деятельность и способности : учебное пособие / В.Д. Шадриков. – Москва : Логос, 1994. – 320 с.
11. *Шевеленкова, Т.Д.* Психологическое благополучие личности / Т.Д. Шевеленкова, П.П. Фесенко // Психологическая диагностика. – 2005. – № 3. – С. 140.

DOI: 10.31079/1992-2868-2020-17-4-127-131

МОТИВАЦИЯ ТРУДА КАК УСЛОВИЕ УСПЕШНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ МЕНЕДЖЕРА ПО РАБОТЕ С КЛИЕНТАМИ БАНКА

Е.В. Харчевникова

С.В. Ким

Статья посвящена проблеме исследования влияния мотивации труда на эффективность коммуникативной компетентности менеджеров банка по работе с клиентами. Содержание данной статьи свидетельствует об актуальности темы в направлении усиления процессов профессиональной подготовки менеджеров банка, в частности, повышения уровня их коммуникативной компетентности. Также стоит отметить значимость исследования проблемы мотивации в профессиональной деятельности, изучении мотивационных механизмов актуализации и блокирования формирования эффективной коммуникативной компетентности специалиста. Цель исследования: изучение мотивационных условий эффективности коммуникативной компетентности (на примере менеджеров банка по работе с клиентами).

Ключевые слова: мотивация труда, эффективность коммуникативной компетентности, менеджер банка по работе с клиентами.

LABOR MOTIVATION AS A CONDITION OF SUCCESSFUL COMMUNICATIVE COMPETENCE OF A BANK CLIENT ACCOUNT MANAGER

E.V. Harchevnikova

S.V. Kim

The article is devoted to the problem of studying the influence of labor motivation on the efficiency of communicative competence of bank client account managers. The content of this article indicates the relevance of the topic in the direction of strengthening the processes of professional training of the bank managers, in particular, improving their communicative competence. It is also worth noting the importance of the study of the problem of motivation in professional activity, the study of motivation mechanisms of actualization and blocking the formation of effective communicative competence of a specialist. Objective of the research: to study the motivational conditions for the effectiveness of communicative competence (on the example of the bank client account managers).

Key words: labor motivation, efficiency of communicative competence, bank client account manager.

Специфика деятельности менеджера банка по работе с клиентами заключается в насыщенности работы, связанной с общением, взаимодействием с клиентами и партнерами банка. Развитие коммуникативной компетентности менеджеров по работе с клиентами в банке отражает потребность общества в развитии коммуникации в организациях с экономическим профилем. В рыночной среде профессионально подготовленный, мотивированный и компетентный персонал, имеющий определенные таланты, позволяет организации банковского направления находиться на

конкурентоспособном уровне, при этом получать некое преимущество. Таким образом, успешность профессиональной деятельности менеджера по работе с клиентами банка зависит от уровня развития его коммуникативной компетентности.

Изучение эффективности коммуникативной компетентности менеджеров банка с позиции психологии позволяет повлиять на структуру организационных отношений внутри предприятий, а также модифицировать процесс установки деловых отношений. Детальное исследование коммуника-

Харчевникова Елена Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры общей, юридической и инженерной психологии Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Harchevnikova Elena Vladimirovna – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of General, Legal and Engineering Psychology at Far Eastern State Transport University (Khabarovsk).

E-mail: nebas28@mail.ru

Ким Сергей Вонхекевич – магистр психологии, начальник сектора психолого-педагогической помощи обучающимся и работникам в системе среднего профессионального образования Краевого государственного бюджетного учреждения «Хабаровский центр психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи».

Kim Sergei Vokhkeovich – Master of Psychology, Chief of the sector of the psychology and pedagogical help to students and workers in the system of secondary professional education of Regional State Budgetary Institution "The Khabarovsk Center of the Psychology and Pedagogical, Medical and Social Care".

E-mail: wanted1138@mail.ru

© Харчевникова Е.В., Ким С.В., 2020

тивной компетентности менеджера банка способствует увеличению эффективности взаимоотношений внутренней и внешней среды корпоративного управления в современных условиях.

На основе анализа научной литературы (Т.Б. Беляева, Р. Бояцис, Е.П. Ильин, А. Маслоу, Ш. Ричи, П. Мартин и др.) была выработана гипотеза о том, что мотивация труда является условием развития уровня коммуникативной компетентности менеджера по работе с клиентами банка. Сформированное понимание у менеджеров истинных потребностей и совпадений личных целей с рабочими повышает эффективность коммуникативного взаимодействия в социуме.

С помощью проведенной внешней и внутренней экспертной оценки, профессиографического метода, включённого наблюдения, анализа профессиональной деятельности были определены структура и содержание модели эффективной коммуникативной компетентности менеджера банка по работе с клиентами.

В структуру эффективной коммуникативной компетентности менеджера по работе с клиентами банка входят: когнитивные способности, уровень развития эмоционального и социального интеллекта, способность личности к самоактуализации, мотивация к успеху, ценностные ориентации.

Мы предположили, что мотивация труда является условием эффективности коммуникативной компетентности в профессиональной деятельности менеджера банка по работе с клиентами и входит в её структуру.

Для достижения цели было проведено эмпирическое исследование, в котором применялся комплекс научных методов: тестовые методики изучения мотивации к успеху и избеганию неудач (Т. Элерс); тест «Диагностика коммуникативной социальной компетентности» (В.Н. Куницына); методика «Диагностика стратегии поведения личности в конфликте» (К.В. Томас, адаптация Н.В. Гришиной); опросник «Диагностика социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере» (О.Ф. Потемкин); анкета экспертной оценки ключевых коммуникативных компетенций менеджера банка по работе с клиентами (авторская разработка); тест «Оценка уровня самоактуализации личности» (Э. Шостром).

Респондентскую группу составили менеджеры по работе с клиентами банков г. Хабаровска (Хабаровские филиалы банков «ВТБ 24», «Восточный экспресс-банк», «Сбербанк» и др.) – в количестве 133 чел. (75 женщин и 58 мужчин) в возрасте от 23 до 30 лет с опытом работы от 1 года до 5 лет.

Для установки связей между результатами была проведена корреляция, на основе которой можно судить о влиянии мотивации труда на коммуника-

тивную компетентность. В результате корреляционного анализа (по К. Пирсону) было отмечено 68 значимых (при $p \leq 0,01 = 0,45$) и 35 незначительных (при $p \leq 0,05 = 0,35$) связей. По мнению зарубежных и российских ученых, коммуникативная компетентность состоит из эмоционального интеллекта, когнитивных способностей и социального компонента. По данному принципу были разделены значимые связи между шкалами корреляционного анализа.

Эмоциональный интеллект. В структуру данного компонента входят способности к эмпатии, контролю эмоций, пониманию чужих эмоций, эмоциональной устойчивости.

Когнитивный компонент состоит из способностей к логическому мышлению, анализу информации и потребности в познании.

Социальный компонент состоит из уровня общительности (открытость или замкнутость в общении), способности к установке контакта, проявления гибкости в поведении, адаптации к социальной среде.

В то же время мотивация труда выражается через *способность к самоактуализации личности и ее направленности к успеху*. Мотивация труда – это направленность к достижению цели, поставленной организацией, а также способность личности вести длительную активность в профессиональной деятельности. В этой связи мотивация к успеху (исходя из иерархической классификации потребностей А. Маслоу) направлена на удовлетворение потребностей личности высокого уровня в реализации целей, признании, развитии знаний и способностей, достижении профессионализма и т.д. Данные потребности можно реализовать только в профессиональной деятельности. Кроме того, способность к самоактуализации дает личности возможность реорганизовать свои силы для достижения поставленной цели, а также проявить активность в деятельности.

Корреляционные связи эмоционального блока коммуникативной компетентности. Шкала «Эмоциональная устойчивость» (С) теста «КСК» имеет одну положительную значительную связь со шкалой самопринятия (Sa) опросника «САТ». Наличие корреляционной связи свидетельствует о том, что уровень эмоциональной устойчивости положительно влияет на степень самопринятия человеком себя. Данная способность позволяет личности сопротивляться агрессии, снижению эмоционального фона и восприимчивости критики в свой адрес. Невосприимчивость к деструктивным условиям повышает уровень личности уверенности в себе, трезвой оценки своих возможностей, достоинств и недостатков.

Фактор «К» (чувствительность и тяга к другим) отвечает за эмоциональную чувствительность, которая помогает понимать эмоции других людей, однако она также фиксирует степень зависимости от окружающих людей. Противоположная сторона

шкалы «К» фиксирует уровень самостоятельности и трезвой рассудительности личности. Данный фактор имеет две положительные связи со шкалами ценностных ориентаций (Sav) и сензитивности к себе (Fr) опросника «САТ». Эмоциональная чувствительность личности и степень независимости от других определяются способностью к четкости разделений ценностных ориентаций (Sav), а именно разделений ценностей, которые может навязывать общество (социальная группа, рабочий коллектив, окружение общения и т.д.), и приобретенных в ходе анализа полученного жизненного и профессионального опыта личности, окружающей среды. Высокий уровень разделений ценностных ориентаций характерен для самоактуализирующихся личностей.

Сензитивность к себе (Fr) является способностью к отчету о своих потребностях, чувствах, а также о том, насколько хорошо человек ощущает и рефлексировывает их, что влияет на эмоциональное восприятие, зависимость личности от группы. Связь обусловлена тем, что уровень сопротивления общественному мнению или подверженности ему влияет на способность к распределению своих потребностей по приоритету. Отрицательная связь шкалы «К» и контроля поведения человека (Н) теста «КСК» говорит о том, что чрезмерная сдержанность или импульсивность и неорганизованность мешают способности понимания чужих эмоций, установке доверительных отношений.

Корреляционная связь шкалы «Н» (контроль личности над собой) имеет отрицательное отношение с ориентацией на процесс (методика диагностики ориентации личности О.Ф. Потемкиной) и две положительные связи с направленностью на результат и деньги. Увлеченность процессом работы отнимает внимание от достижения главной цели деятельности, что является качественным результатом работы, именно это объясняет отрицательное отношение. Однако если менеджер имеет ориентацию на результат своей деятельности, то уровень контроля личности растет. Достижение положительного результата в работе требует от человека соблюдения определенных правил, которые устанавливает организационная культура банка, и правил, установленных самим человеком для себя (дисциплина). Личности, имеющие ориентацию на материальную выгоду, подчиняют себя правилам и понимают, что высокий уровень качества работы повышает материальное вознаграждение.

Показатели уровня логического мышления (В) имеют значимую связь только с показателями шкалы «С» (способность к быстрой установке эмоциональных контактов) опросника «САТ». Логическое мышление помогает личности в общении любого вида строить конструктивную речь, создавать логическую цепочку слов. Донесение первоначально-

го смысла до собеседника помогает в быстрой установке контактов общения, менеджер как собеседник располагает к себе собеседника (клиента), производя впечатление профессионала.

В результате корреляционного анализа установлено, что шкала «А» (открытость в общении) имеет три (Nc, мотивация к успеху, ориентация на деньги) положительные и три (П, эгоизм, избегание) отрицательные связи. Положительное представление о природе человека располагает личность к открытому общению потому, что доверие к социуму присутствует изначально. Мотивация к успеху формирует у личности уверенность в общении, помогает преодолевать чувство страха при проведении деловых переговоров.

Наличие ориентации на деньги у менеджеров банка по работе с клиентами мотивируется получением процента от выгодной сделки и эффективного завершения деловых переговоров. Работникам с данной потребностью легче переносить эмоциональную напряженность в коллективе, если их устраивает заработок. Экономическая свобода дает человеку возможность эффективно действовать во всех остальных сферах жизни. Отрицательное отношение шкалы «А» (открытость в общении) с результатами шкалы «П» (асоциальное поведение), ориентацией на эгоизм и со стратегией поведения «избегание» объясняется тем, что данные характеристики формируют у личности закрытый тип общения с людьми. Асоциальное поведение характеризуется пренебрежением общественными нормами, моральными ценностями, что говорит о сокрытии своих мотивов во время ведения деловых переговоров. Личности, которые имеют ориентацию на эгоизм, преследуют личные интересы и удовлетворение собственных потребностей без проявления внимания к интересам других людей. Данная направленность не дает возможности личности быть открытой, так как она скрывает свои мотивы. Если менеджер банка придерживается стратегии избегания, то соответственно он дает минимальный объем информации для собеседника.

Шкала «Асоциальное поведение» (П) также является частью социального компонента. Корреляционный анализ показал, что шкала «Асоциальное поведение» имеет 5 связей, из них только одна положительная. Результаты шкал «Стратегия избегания» и «Ориентация на эгоизм» имеют положительные связи со шкалой «П». Стратегия избегания характеризуется поведением ухода от конфликтов и ответственности. Применяется, когда личность не хочет отстаивать свои права, воздерживается от высказывания своей позиции. Данное поведение возможно, если личности не интересен объект его деятельности или если ситуация слишком сложная и разрешение конфликта требует много сил, а так-

же при нехватке власти для решения конфликта в свою пользу.

Отрицательное отношение между результатами мотивации к успеху, ориентацией на деньги, стратегией поведения «Соперничество» и шкалой «П» характеризуется тем, что личность, имеющая непостоянство в поведении, не может сохранить свою активность в труде, так как цели в профессиональной деятельности часто меняются. Ориентация на деньги является осознанностью того, что материальное вознаграждение – это своего рода оценка эффективности труда менеджера. Отрицательная связь между асоциальным поведением и стратегией соперничества по методике «Диагностика поведения в конфликте» (К.В. Томас) объясняется тем, что соперничество в деловом общении подразумевает под собой достижение цели путем использования убеждения. Существует и обратная сторона данной связи. Если уровень соперничества слишком высокий, то менеджер начинает слишком давить на собеседника. Признаками ассоциативного поведения в данном случае являются: напористость и ярко выраженная эгоистическая направленность личности менеджера, игнорирование им доводов и аргументов собеседника, эмотирование, предубеждение в межличностном взаимодействии.

К блоку эмоционального интеллекта относится шкала «Ft» (сензитивность к себе), данная шкала имеет 5 положительных значимых связей со шкалами «Эмоциональная спонтанность» (S), «Представление о природе человека» (Nc), «Принятие агрессии» (A), «Потребность в познании» (Cog) и с установкой на власть в мотивационно-потребностной сфере. Все связи свидетельствуют о том, что способность к пониманию, разделению чувств и потребностей повышается за счет умения проявлять естественно и спонтанно свои чувства. Способность к пониманию причин собственного агрессивного поведения и наличие потребности в познании, которая способствует анализу эмоций, потребностей, формируют представление о природе человека в целом положительно. Установка на власть у менеджера банка формирует цель к пониманию окружающих людей, с тем чтобы воздействовать на собеседника во время делового общения.

Корреляционная связь между шкалой «Способности к естественному спонтанному проявлению эмоций» (S) и шкалой «Принятие агрессии» (A) свидетельствует о том, что понимание истинных источников агрессивности ведет к усиленной спонтанности поведения, основой которого являются доминирующие эмоции. В ходе делового общения с клиентами банка коммуникативная модель поведения менеджера меняется с конструктивной на ассоциативную.

Связь между шкалами контактности (C) и самопринятия (Sa) показывает наличие у менеджера способности вести уверенный и открытый диалог с собеседником путем абстрагирования от собственных недостатков.

В исследовании отмечена значимая связь результатов по шкале «Гибкость поведения» (Ex) со шкалами «Самоуважение» (Sr), «Креативность» (Cr) и «Стратегия приспособления». Оценка и учет своих положительных качеств помогает личности подстраивать ситуацию делового общения под себя. Способность к креативности дает возможность изменять стратегию поведения и повышать ее эффективность, при этом изменять стили поведения, увеличивая приспособление к меняющимся условиям в процессе ведения переговоров.

Данные, полученные с помощью теста «Мотивация к успеху» (Т. Элерса), имеют четыре значимые связи, две из которых отрицательные. Существует положительная связь между направленностью на деньги и стратегией поведения «Соперничество». В профессиональной деятельности менеджера банка по работе с клиентами деньги являются способом оценки результативности работы (поощрение процентами от совершенных сделок). Стратегия соперничества формирует у личности потребность в отстаивании своих взглядов с использованием коммуникативных средств (убеждение, заражение и т.д.).

Высокий уровень направленности на эгоизм и чрезмерное использование стратегии избегания конфликтов снижает уровень мотивации к успеху. В результате снижается уровень эффективности труда менеджера банка по работе с клиентами. Стратегия избегания в поведении имеет положительную корреляционную связь с мотивацией избегания неудач по методике Т. Элерса. Личность, имеющая данную направленность, расположена к выбору ситуаций, альтернативных решений, где риск неудачи минимальный или где результат не повредит профессионализму. Однако высокая осторожность в выборе решений может привести к снижению общего мотивационного блока.

Компонент мотивационного блока «Компетентность во времени» (Tc) имеет одну отрицательную корреляционную связь с «Личностной установкой на процесс». Ориентация на «процесс» подразумевает под собой наличие у человека сильной увлеченности ходом работы и выполнением профессиональных задач, характеризуется потерей чувства времени, что может сказаться негативным образом на качестве результата деятельности.

В ходе корреляционного анализа установлена связь между шкалами «Ценностные ориентации» и «Креативность личности». Наличие у человека креативности помогает ему в осуществлении своих

потребностей через изобретение инновационных стратегий по достижению целей.

Установка личности на результат имеет корреляционные связи с направленностью личности на эгоизм и со стратегией избегания поведения в конфликте. Данные отношения имеют отрицательную связь. Отрицательные связи основываются на том, что человек с ориентацией на эгоизм преследует только собственные мотивы и цели, также он использует стратегию избегания ответственности. Если же цели личности не совпадают с рабочими задачами, менеджер избегает выполнения порученной ему работы, снижается эффективность деятельности.

Существуют и положительные связи с установками на деньги и власть. Положительная связь между установкой на результат и направленностями на деньги и власть объясняется тем, что денежное вознаграждение является оценкой затрачиваемых усилий и эффективности результата деятельности менеджера банка. На основе этого уровень установки на результат личности повышается. Направленность на власть помогает менеджеру удовлетворять потребность в самореализации. В профессиональной деятельности власть увеличивается только за счет повышения в должности, которое зависит от результатов выполняемой работы.

Направленность на труд также является компонентом мотивационного блока эффективной коммуникативной компетентности. Данная направленность характеризуется трудолюбием, исполнительностью, серьезным отношением к работе. Корреляционная связь со стратегией приспособления свидетельствует о наличии способности адаптации личности к динамическим условиям коммуникативной среды. Наличие установки на труд определяется упорством в преодолении препятствий для достижения поставленной цели.

В результате корреляционного анализа были установлены связи между блоками коммуникативной компетентности и мотивационного компонента, что подтверждает гипотезу о влиянии мотивации труда на эффективность коммуникативной компетентности менеджера банка по работе с клиентами.

Следовательно, эффективность коммуникативной компетентности менеджера банка (рисунок) базируется на четырех компонентах: эмоциональном интеллекте, социальном интеллекте, когнитивных способностях, мотивации труда.

От уровня развития данных структур зависит степень эффективности коммуникативной компетентности. Поскольку мотивационный блок преобразует коммуникативную компетентность, соответственно мотивация труда является условием эффективности данной компетентности.

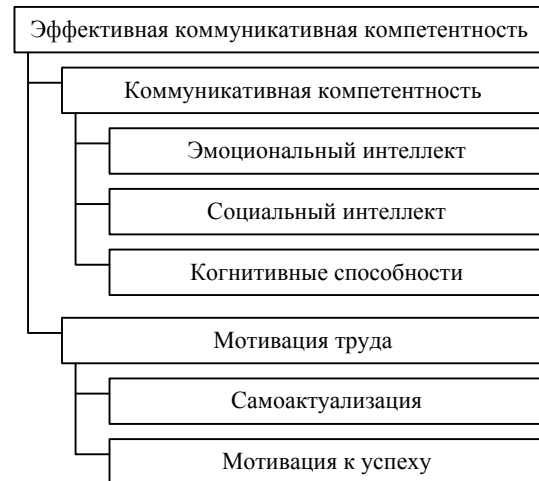

Рисунок. Структура эффективной коммуникативной компетентности

На основе результатов исследования была разработана и запущена программа по повышению уровня мотивации труда и развитию коммуникативной компетентности у работников банка по работе с клиентами. Данная программа формирует у личности направленность на успех путем повышения уровня самоуважения, потребности в развитии и реализации. Задача менеджера банка осознать, что при успешном выполнении профессиональных задач повышается его признание и полезность для предприятия, а также материально вознаграждается, что повышает его самоуважение и влияет на его уровень уверенности в себе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляева, Т.Б. Компетентность в общении как фактор эффективной деятельности менеджера : монография / Т.Б. Беляева, Т.Л. Каминская. – Великий Новгород : НФ СЗАГС, 2007. – 122 с.
2. Бояцис, Р. Компетентный менеджер. Модель эффективной работы / Р. Бояцис. – Москва : НИРО, 2008. – 352 с.
3. Ильин, Е.П. Мотивация и мотивы / Е.П. Ильин. – Санкт-Петербург : Питер, 2011. – 890 с. – (Серия «Мастера психологии»).
4. Ричи, Ш. Управление мотивацией : учебное пособие для вузов / Ш. Ричи, П. Мартин ; пер. с англ. под ред. проф. Е.А. Климова. – Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2010. – 399 с.
5. Харчевникова Е.В. Мотивация труда как условие успешной реализации управленческого решения (на примере строительного-монтажных организаций г. Хабаровска) / Е.В. Харчевникова, С.В. Ким // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2018. – № 1 (57). – С. 193–197.

DOI: 10.31079/1992-2868-2020-17-4-132-138

МОТИВАЦИЯ В СТРУКТУРЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ГОТОВНОСТИ СПОРТСМЕНОВ К СОРЕВНОВАНИЯМ

О.А. Любичкая

Э.А. Сердюков

В статье представлены результаты верификации авторской модели психологической готовности спортсменов к соревнованиям на выборке борцов греко-римского стиля. Выявлены содержательные аспекты и проблемные моменты в психологическом наполнении мотивационного, эмоционального, волевого и рефлексивного компонентов указанной модели. Проанализировано влияние мотивации на другие структурные составляющие психологической готовности спортсменов к соревнованиям. Предложен комплексный подход к совершенствованию психологической готовности спортсменов к соревнованиям.

Ключевые слова: психологическая готовность, психологическая готовность к соревнованиям, спортсмены, мотивация.

MOTIVATION IN THE STRUCTURE OF PSYCHOLOGICAL READINESS OF ATHLETES TO COMPETITION

O.A. Lubitskaya

E.A. Serdyukov

The article presents the results of verification of author's model of the psychological readiness to competition of athletes on a sample of Greco-Roman wrestlers. The substantive aspects and problematic moments in the psychological content of the motivational, emotional, volitional and reflexive components of this model are revealed. The influence of motivation on other structural components of the athletes' psychological readiness for competition has been analyzed. A comprehensive approach to improving the psychological readiness of athletes for competitions is proposed.

Key words: psychological readiness, psychological readiness to competition, athletes, motivation.

Специфической чертой спорта является нацеленность на достижение максимального результата, позволяющего одержать победу на соревнованиях. На показатели спортивной деятельности значимое влияние оказывают физическая, техническая и психологическая подготовка. Несмотря на декларирование значимости последней составляющей в учебниках и монографиях, в спортивной практике ей не уделяют должного внимания. Следует при этом отметить, что недостаточная психологическая готовность создает угрозу надёжности соревновательной деятельности, может привести к нарушению психического и физического здоровья спортсмена.

В научной литературе психологическую готовность рассматривают как психическое состояние, процесс и свойство личности (Б.Г. Ананьев [1]; М.И. Дьяченко [6]; Е.П. Ильин [8]; К.К. Платонов [11]):

– готовность как состояние предполагает мобилизацию ресурсов человека для эффективного выполнения деятельности;

– готовность как процесс имеет специфическую структуру на разных стадиях личностного, возрастного и профессионального развития;

– готовность как свойство личности включает волевые, интеллектуальные качества, мотивы, установки, направленность на определённое поведение.

Сформированность психологической готовности к деятельности зависит как от врожденных, так и от приобретенных психологических свойств. В научных исследованиях активно изучаются различные виды готовности: к обучению в школе, профессиональному самоопределению, будущей профессиональной деятельности, карьерная готовность и т.д.

Любичкая Ольга Андреевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей, юридической и инженерной психологии Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Lubitskaya Olga Andreevna – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of General, Legal and Engineering Psychology at Far Eastern State Transport University (Khabarovsk).

E-mail: lyubitskaya07@mail.ru

Сердюков Эдуард Андреевич – выпускник кафедры общей, юридической и инженерной психологии 2020 года, мастер спорта России по греко-римской борьбе (г. Хабаровск).

Serdyukov Eduard Andreevich – Graduate of the Department of General, Legal and Engineering Psychology, Master of Sports of Russia in Greco-Roman wrestling (Khabarovsk).

E-mail: edik_serdyukov@mail.ru

© Любичкая О.А., Сердюков Э.А., 2020

В рамках данной статьи мы рассмотрим психологическую готовность спортсменов к соревнованиям. В спортивно-психологической литературе отсутствует единая трактовка указанной категории. Общим в определениях является акцент на рассмотрении дефиниции как значимого фактора, влияющего на процессуальные и результативные характеристики спортивной деятельности.

Психологическая готовность к соревнованиям рассматривается Е.П. Ильиным как устойчивое состояние, которое направляет сознание спортсмена на достижение высокого результата и готовность бороться с трудностями [7].

Согласно определению А.Ц. Пуни психологическая готовность – это психическое состояние спортсмена, которое характеризуется уверенностью в себе, стремлением бороться до конца и желанием победить, значительной эмоциональной устойчивостью, умением управлять своими действиями, настроениями и чувствами, способностью мобилизовать все силы для достижения цели [12].

Психологическая готовность является результатом психологической подготовки спортсмена к соревнованию. В психолого-педагогических исследованиях выделяют два взаимовлияющих вида психологической подготовки: общую и специальную.

Общая психологическая подготовка характеризуется направленностью на формирование и развитие универсальных, ключевых во всех видах спорта свойств личности и психических качеств. Конкретизируем на примерах: подготовленность к длительному тренировочному процессу, соревновательный опыт, социально-психологическая подготовленность, волевая подготовка, стремление к самовоспитанию [3].

Специальная психологическая подготовка ориентирована на развитие психических качеств и свойств личности спортсменов, способствующих успеху в конкретных условиях спортивной деятельности. Например: подготовка к конкретному соревнованию, этапу тренировки, ситуативное управление состоянием [3].

На наш взгляд, перспективным в изучении психологической готовности к соревнованиям является рассмотрение её как интегральной характеристики, включающей определённые составляющие. Рассмотрим научные подходы к структурному и содержательному контексту объекта нашего исследования.

Четыре составляющие психологической готовности спортсменов к соревнованиям предлагает Е.Н. Гогун: мотивационную (потребность успешно решать поставленную задачу, интерес к деятельности, стремление к достижению результата), познавательную (понимание спортивных задач, оценка их значимости для достижения результатов), эмоциональную (чувство профессиональной и социальной ответственности, уверенность в успехе, воодушевление), волевою (управление собой и мобилизация сил, преодоление страха и волнения) [4].

В структуре психологической готовности спортсменов к соревнованиям В.Н. Смоленцев выделяет такие компоненты, как: познавательный (оценка окружающей действительности), эмоциональный (переживания и отношения к событиям и ситуациям), волевой (преодоление трудностей), мотивационный (побуждение к действиям), психомоторный (эффективность исполнения движений) [13].

В качестве компонентов психологической подготовленности спортсменов к конкретному соревнованию Г.Д. Бабушкин рассматривает: потребностно-мотивационный (потребности, мотивы, установки, цели, уровень притязаний), рефлексивный (интеллектуальная переработка спортсменом своей подготовленности, собственного опыта), эмоциональный (переживания, связанные с соревнованием, которые проявляются в психических состояниях), сенсомоторный / двигательный (сенсорная и моторная устойчивость, влияющие на точность выполнения движений) [2].

Согласно нашему теоретическому предположению психологическая готовность спортсменов к соревнованиям – это интегральная характеристика, включающая четыре компонента: мотивационный, эмоциональный, волевой и рефлексивный. Мотивационный раскрывает положительное субъективное значение спортивной деятельности, потребность успешно выполнить поставленные задачи, стремление добиться успеха. Эмоциональный характеризует чувство психической стабильности и равновесия в соревновательный и предсоревновательный период, умение контролировать своё эмоциональное состояние. Волевой включает регуляцию деятельности и поведения в соревновательный и предсоревновательный период, мобилизацию сил. Рефлексивный отражает интеллектуальную проработку собственного спортивного опыта, самооценку физической, технической и психологической подготовки.

На наш взгляд, мотивация, являясь составляющей психологической готовности спортсменов к соревнованиям, оказывает значимое влияние на другие её показатели. Так, мотивация трактуется Р.А. Пилюном как особое состояние личности спортсмена, которое активизирует постановку и осуществление целей, направленных на достижение максимально возможного спортивного результата [10].

Ряд авторитетных исследователей (Г.Б. Горская [5]; Е.П. Ильин [7]; Б.Дж. Кретти [9]; А.Ц. Пуни [12]; В.И. Тропников [14]; А.В. Шаболтас [15]) указывают на то, что оптимальная структура спортивной мотивации должна характеризоваться разумным балансом внутренних (ориентация на приобретение высокого мастерства, совершенствование двигательных навыков, личностный рост, достижение высокого уровня компетентности) и внешних (ориентация на высокий статус, престиж, получение социального одобрения) мотивов.

Основным результатов исследований силы мотивации как регулятора деятельности спортсменов

является вывод о наличии оптимума мотивации, который обеспечивает высокую результативность деятельности. Величина этого оптимума является индивидуальной для спортсменов в зависимости от личностных особенностей и решаемых задач. Отклонения от оптимума мотивации как в сторону увеличения или уменьшения негативно отражаются на эффективности деятельности [9].

Вышеизложенное свидетельствует о том, что мотивация является значимым регулятором спортивной деятельности. Эмпирическое изучение влияния мотивационной составляющей на другие компоненты психологической готовности позволит выявить психологические резервы спортсменов, наметить пути повышения их соревновательной надёжности.

В качестве субъектов эмпирического исследования задействовано 17 борцов греко-римского стиля команды Дальневосточного государственного университета путей сообщения. Средний возраст респондентов – 21 год. Из них 4 респондента имеют спортивный разряд мастера спорта России, 9 чел. – кандидата в мастера спорта, 4 чел. – 1-й разряд.

Эмпирическое исследование включало два этапа.

В рамках первого этапа решалась задача верификации авторской модели психологической готовности спортсменов к соревнованиям.

Согласно нашему теоретическому предположению структура психологической готовности к соревнованиям включает четыре компонента: мотивационный, эмоциональный, волевой и рефлексивный. В табл. 1 представлена схема изучения структурных компонентов психологической готовности спортсменов к соревнованиям.

Представим качественную интерпретацию психологического содержания компонентов психологической готовности к соревнованиям на указанной респондентской группе.

Анализ мотивационного компонента психологической готовности спортсменов к соревнованиям

Содержательные характеристики спортивной мотивации проинтерпретированы с помощью опросника «Изучение спортивной мотивации» Р.А. Пилюяна (табл. 2).

С помощью указанного опросника выявлена иерархия мотивов занятия спортом:

- 1) накопление специальных знаний и навыков;
- 2) удовлетворение материальных потребностей;
- 3) заинтересованность в отсутствии болевых ощущений;
- 4) удовлетворение духовных потребностей;
- 5) удовлетворённость социальными условиями спортивной деятельности;
- 6) заинтересованность в накоплении знаний о своих противниках;
- 7) заинтересованность в отсутствии психогенных влияний.

Таблица 1

Схема изучения структурных компонентов психологической готовности спортсменов к соревнованиям

Психологическое содержание	Психодиагностический инструментарий
Мотивационный	
Положительное субъективное значение спортивной деятельности, потребность успешно выполнить поставленные задачи, стремление добиться успеха	Опросник «Изучение спортивной мотивации» Р.А. Пилюяна
Эмоциональный	
Чувство психической стабильности и равновесия в соревновательный и предсоревновательный период, умение контролировать своё эмоциональное состояние	Опросники: «Психологическая подготовленность» Гордона-Ямпольского, «Измерение психической надёжности спортсмена» В.Э. Мильмана
Волевой	
Регуляция деятельности и поведения в соревновательный и предсоревновательный период, мобилизация сил	Опросник «Самооценка волевых качеств спортсмена» Н.Б. Стамбуловой. Показатель «Волевая активность» опросника «Психологическая подготовленность» Гордона-Ямпольского
Рефлексивный	
Интеллектуальная проработка собственного спортивного опыта, самооценка физической, технической и психологической подготовки	Авторский опросно-экспертный метод «Физическая, техническая и психологическая подготовка борца»

Таблица 2

Результаты обследования спортсменов по методике «Изучение спортивной мотивации» Р. А. Пилюяна

Показатель	Среднее значение	Стандартное отклонение
Накопление специальных знаний и навыков	4,5	0,6
Удовлетворение материальных потребностей	4,0	0,9
Заинтересованность в отсутствии болевых ощущений	3,8	1,3
Удовлетворение духовных потребностей	3,8	0,7
Удовлетворённость социальными условиями спортивной деятельности	3,7	0,6
Заинтересованность в накоплении знаний о своих противниках	3,4	1,0
Заинтересованность в отсутствии психогенных влияний	3,4	1,0

Статистические данные, полученные с использованием методики «Изучение спортивной мотивации» Р.А. Пилюяна, позволяют констатировать следующее: – спортсмены в наибольшей степени ориентированы на накопление специальных знаний и

навыков, что отражает их желание совершенствоваться с точки зрения технической подготовки;

– мотивы, раскрывающие направленность на психологическую подготовку (ориентация на накопление знаний о своих противниках и заинтересованность в отсутствии психогенных влияний) у респондентов менее выражены.

Анализ эмоционального компонента психологической готовности спортсменов к соревнованиям

Результаты обследования спортсменов с использованием опросников «Психологическая подготовленность» Гордона-Ямпольского и «Изучение психической надежности спортсмена» В.Э. Мильмана и В.Л. Марищук отражены в табл. 3 и 4.

Таблица 3

Результаты обследования спортсменов с использованием методики «Психологическая подготовленность» Гордона-Ямпольского

Показатель	Среднее значение	Стандартное отклонение
Устойчивость к стрессорам	10,1	1,9
Способность к самоконтролю	10,3	3,3

Данные, представленные в табл. 3, позволяют сделать вывод о том, что для респондентов характерны:

– слабовыраженная адаптация к воздействию стрессоров, обусловленных спецификой спортивной деятельности;

– низкий уровень надежности регуляции функциональных и эмоциональных состояний в соревновательный и предсоревновательный период;

– слабая активация ресурсов организма и психики, ориентированных на предупреждение функциональных расстройств и негативных эмоциональных реакций.

Таблица 4

Результаты обследования спортсменов с использованием методики «Изучение психической надежности спортсмена» В.Э. Мильмана, В.Л. Марищук

Показатель	Среднее значение	Стандартное отклонение
Соревновательная эмоциональная устойчивость	-5,3	3,4
Саморегуляция	-2,1	2,6
Мотивационно-энергетический компонент	0,8	2,6
Стабильность и помехоустойчивость	-0,7	2,1

По результатам проведенного обследования (см. табл. 4) зафиксированы следующие выводы.

1. Для спортсменов характерен низкий уровень соревновательной и эмоциональной устойчивости, следовательно, они имеют высокий уровень возбуждения в соревновательный период.

2. Для респондентов свойственен низкий уровень осознания и оценивания своего эмоционального состояния, неумение влиять на него, перестраиваться во время борьбы и контролировать свои действия.

3. Мотивационно-энергетический компонент у испытуемых зафиксирован на уровне выше среднего, это свидетельствует о выраженной ориентации на спортивную деятельность, любви к спорту, полной самоотдаче на тренировках и соревнованиях.

4. Неустойчивость функционального состояния спортсменов, нестабильность их двигательных навыков, восприимчивость к воздействию помех отражают низкий уровень выраженности показателя стабильности и помехоустойчивости.

Анализ волевого компонента психологической готовности спортсменов к соревнованиям

Результаты обследования борцов по показателям, характеризующим уровень развития волевых характеристик, представлены в табл. 5 и 6.

Таблица 5

Результаты обследования спортсменов по методике «Самооценка волевых качеств спортсмена» Н.Б. Стамбуловой

Показатель	Выраженность		Генерализованность	
	Среднее значение	Стандартное отклонение	Среднее значение	Стандартное отклонение
Целеустремленность	25,2	2,7	24,3	3,2
Смелость и решительность	25,0	4,1	25,0	3,8
Настойчивость и упорство	23,3	4,2	23,7	4,2
Инициативность и самостоятельность	23,7	3,4	24,1	2,9
Самообладание и выдержка	23,1	3,2	23,1	2,7

Данные, представленные в табл. 5, свидетельствуют о том, что все диагностируемые волевые характеристики по уровню выраженности и генерализованности находятся в диапазоне средних значений. Таким образом, полученные эмпирические факты позволяют констатировать следующее.

1. У борцов на среднем уровне представлены самостоятельность, инициативность, активность в достижении целей и преодолении трудностей, характерна средняя выраженность умения контролировать свои эмоции и действия в трудных условиях, оптимальный уровень предрасположенности к взвешенному риску в сочетании с обдуманностью решений.

2. Поскольку генерализованность раскрывает широту проявления качеств, можно сделать вывод о том, не во всех жизненных ситуациях и видах деятельности респонденты проявляют целеустремленность, решительность и смелость, настойчивость и упорство, выдержку и самообладание, самостоятельность и инициативность.

Таблица 6

Результаты обследования спортсменов по показателю «Волевая активность» методики «Психологическая подготовленность» Гордона-Ямпольского

Показатель	Среднее значение	Стандартное отклонение
Волевая активность	12,0	2,4

Эмпирические данные, зафиксированные в табл. 6, позволяют констатировать у респондентов средний уровень развития умений преодолевать внутренние и внешние препятствия, обусловленные экстремальным воздействием факторов спортивной среды. Обращает на себя внимание тот факт, что полученный результат согласуется с данными методики Н.Б. Стамбуловой.

Анализ рефлексивного компонента психологической готовности спортсменов к соревнованиям

В нашей модели психологической готовности к соревнованиям рефлексивный компонент отражает интеллектуальную проработку собственного спортивного опыта, самооценку физической, технической и психологической подготовки. Борцам предлагалось оценить по 5-балльной шкале степень выраженности у них заявленных в опроснике показателей физической, технической и психологической подготовки. В целях изучения объективности и достоверности самооценок спортсменов в качестве экспертов были привлечены два тренера. В табл. 7 представлены результаты самооценки и экспертной оценки физической, технической и психологической подготовки.

Таблица 7

Самооценка и экспертная оценка физической, технической и психологической подготовки спортсменов

Показатель	Среднее значение	
	Само-оценка	Оценка экспертов
<i>Физическая подготовка</i>		
Силовые способности (мышечная сила)	3,9	3,7
Скоростные способности (быстрота)	3,8	3,7
Координационные способности (координация)	4,2	3,8
Выносливость	4,3	3,5
Гибкость	3,7	3,2
<i>Среднее значение по физической подготовке</i>	4,0	3,5
<i>Техническая подготовка</i>		
Борьба в стойке	3,7	3,6
Борьба в партере	3,5	3,4
Бросковость	3,7	3,2
Эффективность атаки	4,1	3,8
Надежность защиты	3,4	3,6
Разнообразие применяемых техник	3,9	3,8
<i>Среднее значение по технической подготовке</i>	3,7	3,6

Окончание табл. 7

Показатель	Среднее значение	
	Само-оценка	Оценка экспертов
<i>Психологическая подготовка</i>		
Интеллектуальная настройка на выступление	3,9	3,3
Волевая настройка	4,0	3,6
Владение способами регуляции эмоциональных состояний	3,8	3,3
Уверенность в своих силах, способность мобилизовать все силы для победы	3,8	3,6
Владение приемами психологического восстановления после соревнований	3,7	3,6
<i>Среднее значение по психологической подготовке</i>	3,8	3,4

На основании полученных эмпирических факторов (см. табл. 7) зафиксированы выводы.

1. Результаты самооценок и экспертных оценок тренеров по показателям физической, технической и психологической подготовки спортсменов не имеют существенных различий. На наш взгляд, это можно объяснить проявлением эффекта социальной желательности.

2. Владение способами регуляции эмоциональных состояний и приемами психологического восстановления после соревнований борцы оценили выше среднего уровня. Следует при этом отметить, что согласно данным, полученным с помощью стандартизированных психодиагностических методик, у спортсменов был выявлен низкий уровень осознания и оценивания своего эмоционального состояния, неумение влиять на него, перестраиваться во время борьбы и контролировать свои действия. Это несоответствие можно проинтерпретировать, с одной стороны, как желание дать социально одобряемый ответ, а с другой – можно объяснить слабо развитыми навыками рефлексии по поводу своей подготовки.

Резюмируя представленные выше эмпирические данные, обозначим проблемные моменты в выраженности составляющих психологической готовности спортсменов:

– мотивы, раскрывающие направленность на психологическую подготовку, в иерархии мотивации спортсменов занимают последние ранговые позиции (мотивационный компонент);

– слабовыраженная адаптация к воздействию стрессоров, низкий уровень надежности регуляции функциональных и эмоциональных состояний в соревновательный и предсоревновательный период (эмоциональный компонент);

– слабо развитые навыки рефлексии по показателям психологической подготовки (рефлексивный компонент).

В данной выборке спортсменов зафиксирован средний уровень представленности выраженности

и генерализованности волевых характеристик. Поскольку все волевые качества имеют положительные и отрицательные полюса, средний уровень можно рассматривать как определенный оптимум.

Второй этап эмпирического исследования направлен на выявление характера взаимосвязи между мотивацией и другими компонентами психологической готовности спортсменов к соревнованиям. В качестве статистического критерия использовался r -коэффициент корреляции Спирмена.

По результатам корреляционного анализа *между мотивацией и эмоциональным компонентом психологической готовности* зафиксирована одна статистически достоверная взаимосвязь: высокий уровень ориентации на соблюдение правил борьбы, направленных на снижение негативного влияния опасных и вредных факторов соревновательного и тренировочного процесса, прямо коррелирует с эмоциональной значимостью и включенностью в спортивную деятельность ($r = 0,540, p \leq 0,05$).

Анализ взаимосвязей *между мотивацией и волевым компонентом психологической готовности спортсменов к соревнованиям* позволяет сделать следующие выводы.

1. Высокому уровню мотивации на накопление знаний о своих соперниках соответствуют хорошо развитые умения по преодолению внутренних и внешних препятствий, обусловленных экстремальным воздействием факторов спортивной среды ($r = 0,524, p \leq 0,05$).

2. Слабо выраженная ориентация на удовлетворение духовных потребностей коррелирует с активными действиями для достижения цели в трудных и ответственных ситуациях в различных сферах жизнедеятельности ($r = -0,565, p \leq 0,05$).

3. Высокому уровню заинтересованности в накоплении знаний о своих противниках соответствует выраженная направленность на своевременное принятие обдуманных решений и их реализацию в различных жизненных ситуациях ($r = 0,533, p \leq 0,05$).

4. Высокий уровень мотивации борца на накопление знаний о противниках соотносится с целенаправленным достижением намеченных спортивных задач и преодолением соревновательных и предсоревновательных трудностей ($r = 0,546, p \leq 0,05$).

5. Мотивация на накопление специальных знаний и навыков прямо коррелирует с готовностью к максимальным усилиям и проявлению волевых качеств в спортивной борьбе ($r = 0,754, p \leq 0,01$).

По результатам корреляционного анализа взаимосвязей *между мотивацией и рефлексивным компонентом психологической готовности спортсменов к соревнованиям* представим выводы.

1. Высокому уровню заинтересованности в накоплении знаний о своих противниках соответствует высокая самооценка такого показателя физической подготовки, как координационные способности ($r = 0,586, p \leq 0,05$).

2. Мотивация на рациональное осмысление ситуаций, несмотря на психогенные влияния факторов спортивной среды (интенсивные нагрузки, напряжённая борьба, острое соперничество, переживания успеха или неудач), прямо коррелирует с итоговой самооценкой физической подготовки ($r = 0,515, p \leq 0,05$), а также оценкой координационных способностей ($r = 0,680, p \leq 0,01$).

3. Высокому уровню направленности на отсутствие психогенных влияний соответствует низкая самооценка такого технического показателя подготовки, как бросковость (частота применения амплитудных бросков в борьбе) ($r = -0,607, p \leq 0,05$).

4. Высокому уровню ориентации на социальные условия спортивной деятельности, которая проявляется в соотношении результатов с показателями соперников, важности обратной связи по поводу выступлений со стороны тренера, друзей, болельщиков, членов семьи, соответствует более критичная самооценка технической подготовки борца в целом ($r = -0,641, p \leq 0,05$) и такого её показателя, как разнообразие применяемых техник ($r = -0,528, p \leq 0,05$).

5. Повышенной заинтересованности в накоплении знаний о своих противниках соответствует высокий уровень самооценки психологической подготовки ($r = 0,737, p \leq 0,01$) и таких её составляющих, как: интеллектуальная настройка на выступление ($r = 0,589, p \leq 0,05$), навыки регуляции эмоциональных состояний ($r = 0,570, p \leq 0,05$), уверенность в своих силах и способность мобилизовать их для победы ($r = 0,633, p \leq 0,05$).

6. Мотивация на рациональное восприятие спортсменом процессов и результатов спортивной деятельности оказывает прямое влияние на самооценку психологической подготовки ($r = 0,522, p \leq 0,05$) и такой её показатель, как интеллектуальная настройка на выступление, которая проявляется в уточнении и детализации предстоящего соревнования с учётом сил соперника ($r = 0,544, p \leq 0,05$).

На основании обобщения результатов корреляционного анализа представим выводы:

– у спортсменов не зафиксировано влияние мотивации на повышение адаптации к воздействию спортивных стрессоров, освоение приёмов и способов регуляции функциональных и эмоциональных состояний;

– выявлено положительное воздействие мотивации, обусловленной накоплением знаний о соперниках, на выраженность и генерализованность волевых характеристик;

– мотивы, раскрывающие направленность на психологическую подготовку (заинтересованность в накоплении знаний о своих противниках и в отсутствии психогенных влияний), а также ориентация на социальные условия прямо коррелируют с самооценкой показателей физической, технической и психологической подготовки борцов.

Выявленные эмпирические факты диктуют необходимость разработки спортивно-педагогических условий, направленных на совершенствование психологической готовности спортсменов к соревнованиям. На наш взгляд, комплексный подход к развитию указанной характеристики должен осуществляться с учетом всех компонентов психологической готовности спортсменов к соревнованиям.

Представим разработанные нами рекомендации отдельно по каждому компоненту.

Мотивационный компонент

1. Спортсменам следует осознать свои цели, способы их реализации и возможные трудности в процессе их воплощения.

2. Необходимо развивать ориентацию на достижения и желание работать на результат. При этом успех следует рассматривать в большей степени с позиции реализации собственных целей, чем с точки зрения превосходства над соперниками.

3. Тренерам для развития внутренней мотивации спортсменов рекомендуется использовать в процессе тренировок осмысленные, законченные действия; поощрять спортивную инициативу и усилия, направленные на совершенствование мастерства.

Эмоциональный компонент

1. Необходимо овладеть следующими методами регуляции предстартовых и стартовых состояний: аутогенной тренировкой (предложена И.Г. Шульцем); способом сочетания дыхания с напряжением и расслаблением мышц (автор Л. Персиваль); снятием психического напряжения путем разрядки за счет замещающей деятельности; музыкальным воздействием; дыхательными упражнениями; методом десенсибилизации (снятие чувствительности к факторам, вызывающим тревогу и страх).

2. С целью формирования ситуативной готовности спортсмена на тренировках целесообразно моделировать условия, характерные для соревнований.

Волевой компонент

1. Для повышения уровня волевой активности рекомендуется использовать интеллектуальную настройку, в ходе которой спортсмен должен проработать все трудности психологического и физического плана, характерные как для соревновательного, так и для предсоревновательного периода.

2. Тренировочные занятия целесообразно проводить в усложненных условиях под воздействием сбивающих эмоциональных факторов (воспитание стойкости и самообладания).

3. Необходимо повышать конструктивную соревновательную конкуренцию внутри команды (воспитание бойцовских качеств, воли к победе).

Рефлексивный компонент

1. Следует использовать идеомоторные тренировки, т.е. мысленную проработку каждого элемента тренировочного процесса.

2. Необходимо формировать у спортсменов реалистичную самооценку, акцентировать их внимание на самооценке компетентности.

При внедрении в практику программ психологической подготовки спортсменов необходимо опираться на следующие принципы: сознательности, систематичности, согласованности и индивидуализации.

Практическая значимость научной работы, представленной в рамках данной статьи, заключается в следующем:

1) апробированная процедура эмпирического исследования структурных компонентов психологической готовности спортсменов к соревнованиям может быть использована в диагностической работе в целях определения проблемных моментов и ресурсов спортсмена;

2) разработанные рекомендации могут найти применение в спортивной практике в целях совершенствования психологической готовности к соревнованиям.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ананьев, Б.Г.* Избранные психологические труды / Б.Г. Ананьев. – 3-е изд. – Санкт-Петербург : Питер, 2001. – 288 с.
2. *Бабушкин, Г.Д.* Психодиагностика личности при занятиях физической культурой и спортом : учебное пособие / Г.Д. Бабушкин. – Омск : Изд-во СибГУФК, 2012. – 328 с.
3. *Гиссен, Л.Д.* Психология и психогигиена в спорте / Л.Д. Гиссен. – 2-е изд. – Москва : Советский спорт, 2010. – 149 с.
4. *Гогонов, Е.Н.* Психология физического воспитания и спорта : учебное пособие для студентов вузов / Е.Н. Гогонов, Б.И. Мартянов. – Москва : Академия, 2003. – 288 с.
5. *Горская, Г.Б.* Психологическое обеспечение многолетней подготовки спортсменов / Г.Б. Горская. – Краснодар : Изд-во Кубанского гос. ун-та физической культуры, спорта и туризма, 1995. – 175 с.
6. *Дьяченко, М.И.* Психологические проблемы готовности к деятельности / М.И. Дьяченко, Л.А. Кандыбович. – Минск : Изд-во БГУ, 1976. – 176 с.
7. *Ильин, Е.П.* Психология спорта / Е.П. Ильин. – Санкт-Петербург : Питер, 2008. – 352 с.
8. *Ильин, Е.П.* Психофизиология состояний человека / Е.П. Ильин. – Санкт-Петербург : Питер, 2005. – 412 с.
9. *Кретти, Б.Дж.* Психология в современном спорте / Б.Дж. Кретти. – Москва : ФиС, 1978. – 233 с.
10. *Пилюян, Р.А.* Мотивация спортивной деятельности / Р.А. Пилюян. – Москва : Физкультура и спорт, 1984. – 104 с.
11. *Платонов, К.К.* Структура и развитие личности / К.К. Платонов; отв. ред. А.Д. Глоточкин. – Москва : Наука, 1986. – 356 с.
12. *Пуни, А.Ц.* Проблема личности в психологии спорта / А.Ц. Пуни. – Москва : Спорт, 2000. – 272 с.
13. *Смоленцев, В.Н.* О психотехниках, психических состояниях и их регуляции в спорте : учебно-методическое пособие / В.Н. Смоленцев. – Омск : Изд-во СибГУФК, 2012. – 144 с.
14. *Тропников, В.И.* Структура и динамика мотивов спортивной деятельности: на примере тяжелой атлетики, бокса и гандбола : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.01 / В.И. Тропников. – Ленинград : ЛГУ, 1989. – 183 с.
15. *Шаболтас, А.В.* Мотивы занятия спортом высших достижений в юношеском возрасте : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.03 / А.В. Шаболтас. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербург. ун-т, 1998. – 21 с.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ И ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ

DOI: 10.31079/1992-2868-2020-17-4-139-144

ПОЗНАВАТЕЛЬНАЯ ЦЕЛЕУСТРЕМЛЕННОСТЬ КАК ПОТЕНЦИАЛЬНЫЙ РЕСУРС СУБЪЕКТА ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Е.М. Иванова

В статье рассматривается проблема потенциальных ресурсов человека в историко-психологическом контексте на примерах его взаимоотношений с природой в разные периоды эволюционного развития. Показано, что человеку как субъекту жизнедеятельности свойственно стремление к творческому преобразованию окружающей реальности и своего духовного мира. Сделано предположение, что его познавательная целеустремленность является потенциальным ресурсом субъекта жизнедеятельности в любых условиях существования человечества.

Ключевые слова: человек, субъект жизнедеятельности, потенциальные ресурсы, природа, познавательная целеустремленность, творчество, духовный мир, жизнестойкость.

COGNITIVE PURPOSEFULNESS AS A POTENTIAL RESOURCE OF THE SUBJECT OF LIFE ACTIVITY

Е.М. Ivanova

The article deals with the problem of potential human resources in the historical and psychological context using examples of their relationship with nature in different periods of evolutionary development. It is shown that a person, as a subject of life, is characterized by the desire to creatively transform the surrounding reality and their spiritual world. It is assumed that cognitive purposefulness is a potential resource of the subject of life in any conditions of human existence.

Key words: person, subject of life activity, nature, potential resources, cognitive purposefulness, creativity, spiritual world, resilience.

Современный мир, созданный человечеством, сегодня находится в глубоком противоречии с природой человека, которой свойственна познавательная целеустремленность, направленная на непосредственное изучение окружающей реальности, ее освоение, преодоление и преобразование, а также формирование своего духовного мира и культуры жизни. В настоящее время технические и технологические достижения высочайшего совершенства, созданные в последние десятилетия, практически отдалают человека от его естественного существования, погружая в «искусственный» мир (информационный, цифровой и виртуальный), который создает для человечества новую среду жизнедеятельности, практически изменяя характер взаимосвязей и взаимоотношений человека с миром, между людьми, а также их мировоззрение. Это вызывает тревогу о будущем человека, о сохранении самой природы человека. Человек – это одно из уникальнейших творений природы, он не может развиваться и формироваться как субъект жизнедеятельности без

непосредственного чувственно-эмоционального, творческого взаимодействия с природой, ориентирующего его в реальном мире, способствующего его саморазвитию и совершенствованию жизни на планете Земля, обогащающего его духовный мир.

Особенность существования человека как субъекта жизнедеятельности заключается в его постоянном стремлении к познанию, освоению и творческому преобразованию окружающей реальности. Реальность необозрима – это вселенная, естественный и социальный мир, и сам человек, который, творчески осваивая окружающий его мир, непрерывно преобразует собственную жизнь, себя и жизнь человечества, несмотря нескончаемую вереницу конфликтов и противостояний. «Человеческое существование характеризуется постоянной неустойчивостью» [9: с. 417]. Это обусловлено непредсказуемостью и противоречивостью объективной реальности и субъективным ее восприятием, а также отсутствием готовности человека к преодолению неблагоприятных событий. В то же время

Иванова Елена Михайловна – доктор психологических наук, доцент кафедры психологии труда и инженерной психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Ivanova Elena Mikhailovna – Doctor of Psychology, Associate Professor of Labour and Engineering Psychology Department at Lomonosov Moscow State University.

E-mail: e.m.ivanova@mail.ru

© Иванова Е.М., 2020

человеку как субъекту жизнедеятельности свойственно находиться в постоянном поиске путей преодоления любых сложных ситуаций. «Человека не оставляет чувство неудовлетворенности. Каждая достигнутая им ступенька теряет свое значение в момент ее достижения, и человек оказывается в состоянии неудовлетворенности и озадаченности, которое вынуждает его принимать новые решения и решать новые проблемы» [9: с. 418–419].

С самого рождения и на протяжении всей своей жизни человек постоянно открывает в окружающем его мире что-то новое, лично значимое именно в данный момент, но освоив познанное, осознает, что поиск необходимо продолжать в самых разнообразных сферах жизненного пространства и времени. Это качество специфичное именно человеку можно обозначить как познавательную целеустремленность к совершенствованию своих возможностей и жизни. Созидая жизнь, человек познает мир через себя, он «исключительный источник познания тайны и смысла мира», «он – центр бытия» [3: с. 77–78], которое «неизбежно и необходимо протекает в двойном поле: в поле напряжения между сущим и должным и в поле разрыва между субъективным и объективным» [8: с. 73–74]. Соотношение субъективного и объективного многогранно, так как включает взаимосвязи человека с разными основаниями его жизни: с Вселенной, миром, природой, с людьми и обществом. Человек и действительность – «Это сфера фактичности и океан, бездна неведомого, неизведанного, таинственного, проблематичного отношения человека к действительности – к тому, как оно в действительности – на самом деле – есть. Отсюда – дух искания, исследования...» [7: с. 320]. Вечное познание человеком себя и объективной реальности – бесконечный процесс взаимодействия, преодоления, созидания, разрушения, преобразования себя и жизни. Опыт деятельного взаимодействия человека с объективной реальностью – это в то же время движение к раскрытию тайн природы, ее необозримого богатства и опасности, а также зримых реальных и незримых потенциальных возможностей человека, его способностей и духовного мира. «Человек всегда больше того, что он о себе знает» [11: с. 448] «Пытливая, ищущая мысль человека, проникая со все возрастающей страстью и успехом в глубины мироздания, познает материальный мир в его бесконечности – в большом и малом, постигает строение атома и Вселенной, решает одну за другой проблемы, которые на каждом шагу ставит перед ней природа» [7: с. 44] В этих поисках «человек находит в себе то, что он не находит нигде в мире, – нечто непознанное, недоказуемое, всегда непредметное, нечто ускользающее от всякой исследовательской науки» [11: с. 449]. Понимание внутреннего мира человека, его устремлений, созерцательных и действенных, возможно-

стей их реализации, ценностей и смыслов, интенций, отношений и взаимоотношений, переживаний, противоречий во взаимосвязи с внешним окружающим его природным, социальным, геополитическим и техническим миром – вечная проблема самых разнообразных наук (естественных, гуманитарных и технических) на всей планете Земля. Это также проблема развития, преобразования и сохранения жизни человечества и безопасности жизни каждого человека, так как мир необозрим, динамичен, агрессивен, непредсказуемо изменчив. «Человек как субъект объективирует в мире свою человеческую творческую сущность и вместе с тем на каждом шагу вступает в противоречие с этой – уже обособившейся от него – действительностью – и так становится субъектом жизни как процесса непрерывного изменения и сохранения, отрицания и развития, добра и зла, жизни и смерти» [7: с. 32–33]. Многовековая история развития человечества раскрывает динамику неиссякаемой познавательной целеустремленности человека, способствующей его творческому взаимодействию с природой, направленному на созидание жизни на планете Земля. «Общность людей, населяющих Землю, и, более того, зависимость судьбы самой планеты от деятельности людей стали совершенно очевидны» [10: с. 7]. За многие тысячелетия человечеству не только удалось освоить и в определенной степени преобразовать «дары природы», обеспечить собственную жизнь, но и создать социальный мир во всем его многообразии: организацию быта и социальных отношений, создание разных форм языка общения и письменности, образование вероисповеданий, географические и научные открытия, создание и преобразование различных цивилизаций и государств, создание и развитие искусства, архитектуры, литературы, военного искусства, науки, техники, информационных и цифровых технологий и даже виртуального мира [3; 4; 10; 11]. «Творческие порывы сопровождают всю историю человека» [3: с. 115] Но подчас «творение человека восстает против своего творца» [3: с. 505], что специфично развитию технического прогресса на всех этапах его совершенствования. В то же время это же является стимулом прогрессивного развития и человека, и человечества [10].

Основой неиссякаемого познавательного и творческого потенциала человека как субъекта жизнедеятельности является его взаимосвязь и активное взаимодействие с природой на протяжении всей истории развития человечества. Природа «является той основой, на которой зиждется все то, что составляет нашу жизнь» [11: с. 244]. Она ориентирует человека в разнообразии, особенностях, красоте и опасностях естественного мира, формирует его мировосприятие и самовосприятие, взаимоотношение с людьми и отношение к жизни и труду, обогащает его знания, развивает его созна-

ние и волю, формирует его мировоззрение и духовный мир. Познавательно целеустремленный опыт взаимодействия человечества с природой раскрывает безграничные потенциальные ресурсы человека в преодолении стихийных сил природы, их изучения, преобразования, использования для благоустройства жизни и ее эстетического оформления. Природа оказалась основой формирования духовного мира человека, организации жизни человечества и культуры социального общества благодаря познавательной целеустремленности субъекта жизнедеятельности. В процессе эволюционного развития взаимоотношений человека с природой формировались разные типы взаимосвязей, раскрывающие динамично-процессуальный познавательный потенциал человека как субъекта жизнедеятельности, кардинально изменяющие его восприятие окружающей реальности и отношение к ней, а также и культуру жизни человечества. Психологическая сущность этих взаимосвязей в определенной мере отражена в трех типах взаимоотношений человека с природой, выделенных Н. Бердяевым: «природно-органических» (погруженность духа в природу); «культурных в собственном смысле слова» (выделение духа из природы и образование особой сферы духовности); «технически-машинных» (активное овладение духом природы, господство над ней) [3: с. 502]. Характеристика этих типов раскрывает динамику изменения восприятия, осознания и отношения человека к природе в разные эпохи его существования, от поклонения перед ней до ее освоения и завоевания, обусловленную его творческой познавательной целеустремленностью. Так, природно-органическая взаимосвязь человека с природой проявилась еще на первых этапах жизни человечества, когда человек вел борьбу за свое выживание, о чем свидетельствуют археологические исследования. Он учился выживать, наблюдая за природой, несмотря на то, что она вызывала у него страх, недоумение, восхищение, удивление, человек находил в ней то, что позволяло ему лучше обустроить свое существование. У него не было никакого оружия, кроме суковатой палки с обожженным в огне концом, для защиты от животных и всяческих невзгод, трением одного куска дерева о другой добывал он огонь и учился его хранить, строил жилище на сваях, увидев как бобры-великаны устраивают посреди речки селения, преобразовал острый край морской раковины в нож, из рыбной кости изготовил иглу и др. [4]. В то же время первобытный человек стремился к украшению себя и предметов быта, используя природные краски и др. «Едва человек обеспечил себя хотя немного, едва он мало-мальски чувствует себя безопасным – взгляд его ищет красоты. Его поражают яркие цвета красок, он расписывает себе тело всевозможными колерами, натирает его жиром, обвешивает нанизанными на шнурок ожерельями из ягод, фруктовых косточек...» [4: с. 9].

Духовный мир первобытного человека как субъекта жизнедеятельности – это мир природы. Его взаимоотношения с природой – это непосредственное созерцание природных явлений, обусловленное его индивидуальным чувственно-эмоциональным восприятием объективной реальности, вызывающее мотивационно-эмоциональные переживания, потребностно-жизненные устремления, восхищение, поклонение, страх, а также стремление к познанию, освоению и преобразованию своей жизни. Первобытный человек, несмотря на борьбу за выживание, стремился к эстетическому обогащению своей жизни [4]. Созерцание природы преобразовывалось им в деятельность, направленную на достижение продуктивного результата.

Наиболее ярким примером «культурного типа» взаимосвязи человека с природой является жизнедеятельность древних греков. Используя опыт организации жизни египтян, вавилонян, персов и других народов, греки по своему создавали свой мир соответственно природным условиям, благодаря уникальному восприятию природы: они обладали «дивным, светлым мирозерцанием» [4: с. 44]. Их познавательная целеустремленность развивалась в идеальных условиях естественной природы и формирования общественных отношений между людьми разных укладов жизни. Жизнь древних греков протекала в плодородных долинах с удобными бухтами, разделенными горами, но в условиях ограниченного территориального пространства. Многочисленные острова Эгейского моря были идеальными условиями для возникновения множества мелких государств, где политической общности предшествовала общность культуры. У народов этих государств, устроенных по типу общин, несмотря на различные диалекты, существовало языковое родство, а также общий культ богов и древний свод общегреческих мифов. Так создавалась культура управления жизнью народов разных общин. На определенном этапе жизни греки осознали, что плодородности земель недостаточно из-за ограниченности территориального пространства, и из природных «даров» начали развивать местную продукцию, ремесла и торговлю, связи с заморскими соседями, а также готовятся к переселению на другие земли [10].

Взаимоотношение греков с природой стало не только средством для существования, но и основой для развития искусства, «которое осталось образцом для искусства всех стран и веков» [4: с. 76]. Духовный мир греков формировался в условиях сказочной природы: хитросплетенных узорах заливов, мысов, островков и проливов Средиземного моря. Горные хребты, разделявшие местность на множество живописных долин, «небольшие округлые горы, роции, разросшиеся у их подошв, море, испещренное островами, так близко лежащими один к другому, что трудно найти пункт, где бы далекая земля не виднелась на горизонте...» [4: с. 91].

Но красота природы сочеталась с непредсказуемостью стихийных явлений, не поддающихся никакому управлению, которые вызывали у греков не только страх и поклонение, но стремление их понять и объяснить. Взаимосвязь природных условий существования с особенностями эстетического восприятия древними греками окружающей их естественной реальности, понимание сущности человеческих взаимоотношений, а также знания о развитии культуры других народов способствовали осмыслению греками всего происходящего в окружающем их мире (естественном и человеческом) и созданию собственного представления о мироустройстве. В результате возникла греческая мифология «как попытка древних объяснить появление жизни на земле, причины стихийных явлений природы, перед которыми человек был бессилён, определить его место в окружающем мире» [6: с. 8]. «Мифы в ярких фантастических образах запечатлели жизнь и эпоху "детства человечества"; сообщество богов напоминало устройство и нравы человеческого общества: семья и прелюбодеяние, власть и соперничество, разделение обязанностей и коварство. Происхождение мира мифы трактовали как возникновение и приращение рода богов» [10: с. 69]. Природа воспринималась древними греками как необузданная стихия, поселяющая в душах страх, и в то же время как великая сила, перед которой нужно не только преклоняться, но и изучать. В своих поисках защиты от страшных стихийных сил они прошли и через веру в одухотворенность природы. Для преодоления страхов греки создали своих богов, подобных стихийным силам природы, наделив их качествами, свойственными природе человека: красотой, добротой, великодушием, любовью, но в то же время – жестокостью, коварством, мстительностью, безнравственностью, завистью и др. Древнегреческие боги во всем были подобны людям, так как описание их жизни в мифах напоминало жизнь обычных людей [4; 6]. И, тем не менее, «...древние греки видели в богах существа, у которых все, свойственное человеку, проявлялось в более грандиозном и возвышенном виде» [6: с. 9], что отразилось в прекрасных скульптурах, изображавших греческих богов, и храмах. В мифах не только раскрыто духовное эстетическое отношение древних греков к окружающей реальности и ее чувственно-рациональное восприятие, но раскрыта и сущность отношений между людьми в процессе их жизнедеятельности, их противоречивость и непостоянство. Поэтому греческая мифология обладала силой воздействия на людей, так как открывала пути к их самопознанию [6].

Чувственно-эмоциональное восприятие окружающей реальности, осознание ее проблем и ценностно-смысловое отношение к жизни человечества позволили древним грекам в своем творчестве раскрыть противоречия естественного мира приро-

ды, его красоту, богатство и непредсказуемость, его взаимосвязь с человеческой природой и ее стихией, что способствовало развитию особой сферы духовности, а также стало образцом формирования культуры во всем мире [4; 10].

Познавательная целеустремленность человечества в целом и человека в частности не имеет ни пространственных, ни временных границ. Это непрерывный динамический процесс формирования человеческого общества и человека как субъекта жизнедеятельности, способствующий использованию природных ресурсов не только для духовного обогащения человечества, но и для технического совершенствования жизни. Так, известный ученый, изобретатель, конструктор и прорицатель Никола Тесла (1856–1943), жизнедеятельность которого была посвящена изучению стихийных сил природы и их преобразованию в научно-практические идеи и открытия, считал своей главной целью «указать на новые явления и распространять идеи» [5: с. 52]. «Все его открытия были почерпнуты из окружающего мира» [5: с. 26]. Наблюдая за природой, он вывел «принцип действия скрытых пусковых механизмов, способных высвободить огромное количество энергии» [5: с. 21]. Беседуя с английскими физиками об управлении погодой, он вспоминает о своем наблюдении в Альпах признаков возникновения грозы (дождь начинается только после появления молнии) и, обобщив эти знания, выдвигает идею о возможности «производить электричество необходимого количества» [5: с. 55] для всей планеты. В результате он проводит эксперименты с природным электричеством. Также его интересует проблема увеличения запасов энергии человечества посредством использования энергии солнца. Гуляя в городском парке Будапешта, любясь великолепной картиной захода солнца, Тесла, «увлеченный своими мыслями, нашел систему использования того, что впоследствии было названо вращающимся магнитным полем» [5: с. 28]. Перспективной оказалась и его идея о создании беспроводной связи на расстоянии [5]. «В 1897 году невдалеке от Нью-Йорка Тесла построил небольшую радиостанцию и передавал сигналы на расстояние до 32 километров. Сигналы принимали на судах, движущихся по Гудзону на расстоянии свыше 25 километров» [5: с. 103]. На эти изобретения были выданы патенты, а в начале 1989 г. Тесла создает первую конструкцию судна, управляемого радиосигналами на значительном расстоянии, и испытывает модель в лаборатории. «Радиосигналы с пульта принимались антенной, установленной на лодке, а затем передавались внутрь ее» [5: с. 104]. Это изобретение тоже получило патент сначала в США, затем в других странах, в том числе и в России. Никола Тесла считал, что его изобретение имеет широкий спектр применения: «...для установления

коммуникаций в недоступных областях с целью их изучения или для осуществления различных научных, технических и торговых задач» [5: с. 105]. Дальнейшее развитие его творческой мысли было направлено на разработку идеи управляемого на расстоянии автомата, который мог воспроизводить все действия человека. Для достижения поставленной цели он изучает строение нервной системы и мозга людей и животных, а также объясняет свое представление и понимание реализации своей идеи: «...необходимо, чтобы такой автомат обладал каким-либо элементом, аналогичным человеческому мозгу, управляющим его действиями или операциями, в любом случае, который может представиться, как если бы он имел знания, рассудок, суждения и опыт» [5: с. 105–106]. Также Тесла планировал создать автомат, «наделенный "собственным умом", под которым я подразумеваю то, что он, будучи представлен самому себе, отвечая на внешние раздражители, влияющие на его чувствительные органы, независимо от оператора сможет выполнять различные действия, как если бы он обладал умом. Он смог бы действовать по распоряжениям, заданным заранее. Он смог бы различать, что следует и чего не следует делать, и смог бы накапливать опыт и регистрировать впечатления...» [5: с. 107]. «Исследование глаза привело Тесла к предвидению телевизора, электронного микроскопа и телескопа» [5: с. 56], в том числе он предвидел и развитие техники для освоения новых миров во Вселенной. Основные положения, разработанные Тесла, о создании такой техники стали основой для разработки аналогичных систем во второй половине XX в. и предсказали развитие новых технологий XXI в. Идеи Николы Тесла «спустя двадцать пять-тридцать лет начали осуществляться в самых различных отраслях современной техники. На основе работ Тесла создано множество приборов высокочастотного нагрева, высокочастотного транспорта, телеуправления, резонансного усиления и множества других» [5: с. 249]. Научные труды Николы Тесла получили признание во всем мире. Выдающиеся деятели физики и электротехники давали высокую оценку его деятельности. «Известный физик Розерфорд называл Тесла "вдохновенным пророком электричества"» [5: с. 215]. И, как отмечает автор книги о Николе Тесла, «...знания Тесла о различных явлениях природы – это и есть среда подпитки его повседневных открытий» [5: с. 99].

Все технические достижения Николы Тесла, описанные выше и многие другие, заслужившие мировое признание, возникли благодаря его познавательной целеустремленности, проявившейся еще в детские и юношеские годы. Его детство протекало в селе, расположенном в гуще горных массивов среди изумительной природы. Семья воспитала в нем любовь к людям и к труду. Еще в дошкольный

период жизни Николы родители заметили его необычайно богатое воображение. Его привлекали мистика и легенды родных мест, но больше всего интересовали книги из отцовской библиотеки, поэзия и музыка. Так же как книги, его привлекали красота и загадки природы, которые он любил наблюдать, уходя далеко в горы. Во время грозы он с восторгом смотрел на полыхающее от молний небо, глядя кошку, он обратил внимание на вылетающие искорки из ее шерсти. О загадочной стихии электричества он узнал в Высшем техническом училище. Все, что интересовало его в окружающем мире, он стремился понять, читая специальную литературу: он «читал об электричестве все, что мог найти, и экспериментировал с батареями и индукторами» [5: с. 19]. Во время обучения в начальном реальном училище Никола Тесла начинает заниматься изобретательской деятельностью. Он строит несколько водяных турбин, устанавливает их на реке и внимательно изучает их работу. В юношеские годы Никола задумывается о значимости своих изобретений для человечества, он «поставил своей целью поиски путей облегчения жизни простого человека: "я должен построить такую машину, которая будет сама работать, а человек – лишь присматривать за ней!"» [5: с. 14]. Но познавательная целеустремленность Николы Тесла была направлена не только во внешний мир, но и в мир его душевных ощущений и переживаний, представлений, раскрывающих его формирование как субъекта жизнедеятельности. Душевные переживания жизненных трагических событий (гибель старшего брата) и сложных ситуаций обострили его чувствительность к восприятию окружающего мира, естественного и человеческого. Кроме этого, обостренная чувствительность негативно влияла на его состояние здоровья, но увлеченность поиском новых открытий способствовала сохранению высокой работоспособности и стремлению Николы Тесла к источникам знаний, которые он черпал и разных научных областей: философии, психологии, математики, физики, литературы и др. С 12 лет он стал развивать такие качества характера, как самопожертвование и самоконтроль [5]. В юношестве Никола проявил волю и настойчивость в противостоянии желанию отца сделать его священником, так как отстаивал свой выбор профессии инженера-электрика. В процессе учебы Тесла обнаружил у себя способность к интуиции, о чем позже написал в автобиографии, дав характеристику этому явлению: «Интуиция – это нечто такое, что опережает точное знание. Наш мозг обладает, без сомнения, очень чувствительными клетками, что позволяет ощущать истину, даже когда она еще недоступна логическим выводам или другим умственным усилиям» [5: с. 24]. Действительно, «...он мог представлять механизм мысленно, следить за его рабо-

той, силой воображения вносить в его конструкцию поправки и проверять, как "новый" механизм работает» [5: с. 19]. В то же время он отмечал, что «ни одно открытие не может возникнуть по наитию, без предварительных длительных размышлений и ясного представления стоящей перед изобретателем задачи» [5: с. 29]. В этом высказывании проявилась его ответственность ученого перед человечеством.

Позитивная направленность Николы Тесла на познание окружающего мира сформировала его мировоззрение, а чувственно-эмоциональное восприятие природы, знания, интенсивная деятельность, опыт, взаимодействие с учеными разных научных направлений и отношение к жизни сформировали его духовный мир. Познавательную целеустремленность Николы Тесла можно рассматривать как потенциальный ресурс его жизнедеятельности. Жизнедеятельность Тесла представляла собой постоянный продуктивный поиск новых открытий, идей, экспериментальных исследований (не всегда успешных) и практических решений, направленных на обеспечение человечества необходимыми для жизни техническими средствами. «Вся жизнь Николы Тесла, ученого-изобретателя-конструктора, показывала, что он не занимался усовершенствованием уже найденного, а стремительно уходил вперед. Только такой образ существования устраивал Тесла – в движении мысли вперед» [5: с. 90]. «Сегодняшний электронный микроскоп и лазер, телевизор и "друг всех" – мобильник – это тоже идеи Николы Тесла» [5: с. 122]. Его жизнь – это творческое овладение «духом природы», использование ее стихийных сил для человечества и постоянное саморазвитие.

Вышеизложенные примеры взаимосвязи человека с природой показывают, что природа дает человеку «ощущение непрерывности процесса созидания на земле» [2: с. 164] и активизирует его познавательную целеустремленность, основой которой являются чувственно-эмоциональное восприятие окружающего мира, мотивационно-эмоциональные переживания, потребностно-мотивационные устремления, способствующие формированию операционально-ориентировочных действий, когнитивно-образных представлений, ценностно-смысловых ориентаций, коммуникативно-социальных отношений и регуляторно-волевых качеств, необходимых для достижения поставленной цели [1]. Познавательная целеустремленность – это сложный динамический процесс, активизирующий человека на протяжении всей жизни и формирующий его духовный мир и жизнестойкость. Ее развитие и направленность обусловлены целым рядом объективных и субъективных факторов: природными и социальными условиями жизни; индивидуальными генетическими особенностями, психофизиологиче-

скими возможностями, психическими и духовными качествами и ценностно-смысловыми ориентациями человека как субъекта жизнедеятельности. В современных условиях великих технических достижений человечества кардинально изменились взаимосвязи и взаимоотношения человека с окружающим его естественным миром. Чувственно-эмоциональная основа взаимодействия человека с окружающим миром опосредуется современными техническими средствами. Это отдаляет человека от природы и нарушает природу его естественного существования, осложняет социально-коммуникативные взаимоотношения и взаимопонимание между людьми, изменяет их мировосприятие, ценностно-смысловую ориентацию, мотивационно-потребностную сферу, а также создает высокую эмоциональную напряженность, снижающую регуляторно-волевые возможности человека. Но человек, будучи одним из явлений природы, – это тайна. Духовный мир человека, закрытый для всеобщего обозрения, он зрим только частично, по внешним проявлениям. Чувства, мысли, мечты, иллюзии, представления, «картины мира» и жизни, скрытые в душе человека, – незримы. И какие бы изменения в мире ни происходили, человек как субъект жизнедеятельности всегда будет стремиться к творческому открытию чего-то нового для себя и для человечества – это основа его жизнестойкости. Поэтому познавательную целеустремленность человека можно рассматривать как потенциальный ресурс субъекта жизнедеятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванова, Е.М. К проблеме психологической готовности человека к жизни и профессиональной деятельности / Е.М. Иванова // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2012. – № 2 (34). – С. 53–61.
2. Бестон, Генри. Домик на краю земли / Генри Бестон. – Москва : Мысль, 1982. – 166 с.
3. Бердяев, Н.А. Философия творчества, культуры и искусства. В 2 т. Т. 1 / Н.А. Бердяев. – Москва : Искусство, 1994. – 542 с.
4. Гнедич, П.П. Всемирная история искусств / П.П. Гнедич. – Москва : Современник, 1996. – 494 с.
5. Максимов, А.Б. Никола Тесла. Пацифист, приручивший молнию / А.Б. Максимов. – Москва : Вече, 2014. – 288 с.
6. Нейхардт, А.А. Легенды и сказания Древней Греции и Древнего Рима / сост. А.А. Нейхардт. – Москва : Правда, 1990. – 576 с.
7. Рубинштейн, С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир / С.Л. Рубинштейн. – Санкт-Петербург : Питер, 2003. – 508 с.
8. Франкл, В. Человек в поисках смысла / В. Франкл. – Москва : Прогресс, 1990. – 366 с.
9. Фромм, Э. Бегство от свободы. Человек для себя / Э. Фромм. – Минск : Попурри, 1998. – 671 с.
10. Харенберг, Б. Хроника человечества / сост. Б. Харенберг. – Москва : Большая энциклопедия, 1996. – 1200 с.
11. Ясперс, К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс. – Москва : Политиздат, 1991. – 527 с.

DOI: 10.31079/1992-2868-2020-17-4-145-149

ДИСКРЕТИЗАЦИЯ* СОЦИАЛЬНЫХ СИСТЕМ КАК ПРЕДОПРЕДЕЛЁННАЯ ДАННОСТЬ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

В.П. Майкова

Э.М. Молчан

Исследуются тенденции развития виртуальной реальности в эпоху цифровизации, определяется модель процесса квантования социальных систем. Методологией исследования выступает информационный подход, принципы квантовой парадигмы, социально-философский анализ актуальных проблем объективной реальности. Акцентируется внимание на том, что социальные системы трансформируются под воздействием процессов цифровизации, охвативших все сферы жизнедеятельности. Намечается новая, квантовая парадигма, в основе которой лежит информация и информационные процессы, происходящие в гиперреальности и окружающей среде. Квантование социальных систем как надвигающаяся неизбежность будущего в своей сущности предполагает оцифровку объективной реальности и создание виртуальных моделей социальных систем, определив их деятельность и функциональность в гиперреальности. Следовательно, квантование социальных систем ускорит процесс виртуализации социальной реальности, объединив мировое сообщество в одну цифровую Вселенную со множеством многомерных и параллельных систем.

Ключевые слова: виртуальная реальность, социальные системы, квантовая парадигма, гиперреальность, дискретизация, информация, модель процесса квантования социальных систем, принципы квантовой физики, ценности.

DISCRETING OF SOCIAL SYSTEMS AS A PREDEFINED DATA OF VIRTUAL REALITY

V.P. Maikova

E.M. Molchan

The trends in the development of virtual reality in the era of digitalization are investigated, a model of the process of quantizing social systems is determined. The research methodology is the information approach, the principles of the quantum paradigm, the socio-philosophical analysis of topical problems of objective reality. Attention is focused on the fact that social systems are being transformed under the influence of digitalization processes that have covered all spheres of life. A new, quantum paradigm is outlined, based on information and information processes that take place in hyperreality and the environment. The quantization of social systems as an impending inevitability of the future in its essence presupposes the digitization of objective reality and the creation of virtual models of social systems, defining their activity and functionality in hyperreality. Consequently, the quantization of social systems will accelerate the process of virtualization of social reality, uniting the world community into one digital Universe with many multidimensional and parallel systems.

Key words: virtual reality, social systems, quantum paradigm, hyperreality, discretization, information, model of the process of quantizing social systems, principles of quantum physics, values.

Введение

Социально-философский анализ ценностей цифрового общества показывает, что происходит разрушение традиционных аксиологических систем, сложившихся на протяжении многих тысяче-

летий, ценностное основание социума трансформируется под воздействием виртуальной реальности, ценностно-содержательное ядро квантуется на уровне информационных процессов от источника к получателю, приобретая фантомный, голограммный конструкт в сознании человека. Ценности и идеалы в виртуальной реальности приобретают удаленную, не осознанную данность, отраженную в кубитах передаваемой информации. Социальное

* Дискретизация (от лат. discretio различать, распознавать) – в общем случае – представление непрерывной функции дискретной совокупностью её значений при разных наборах аргументов.

Майкова Валентина Петровна – доктор философских наук, профессор кафедры философии Московского государственного областного университета (г. Москва).

Maikova Valentina Petrovna – Doctor of Philosophy, Professor of the Philosophy Department at Moscow Region State University.
E-mail: valmaykova@mail.ru

Молчан Эдуард Михайлович – кандидат педагогических наук, доцент кафедры философии Московского государственного областного университета (г. Москва).

Molchan Eduard Mikhailovich – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Philosophy Department at Moscow Region State University

E-mail: ed.molchan2015@yandex.ru

© Майкова В.П., Молчан Э.М., 2020

бытие человека погружается в виртуальное, где особую роль играют квантовые компиляторы и интерпретаторы, ментальная сфера человека контактирует с квантовой гиперреальностью, приобретая состояние голографической матричной фантомности, опустошенная данность внутренней сущности личности ищет удовлетворение в страстных влечениях виртуального космоса [4]. Созданная человеком искусственная сфера цифрового бытия приобретает очертания «Вавилонской башни», некогда воздвигнутой цивилизацией и рухнувшей под тяжестью человеческого безрассудства. Виртуальная реальность – это вызов человеческих достижений по отношению к природе, Богу; это поиск мнимого бессмертия в цифровом мире и бегство от реальной жестокости жизни; это кибергизация личности, обезличивание ее, опустошение духовной сущности [8: с. 34]. Или это новый виток человеческого благородства, основанного на научно-технической рациональности? Это предстоит решить философии виртуальной реальности.

Что же представляет собой «виртуальная реальность»? По мнению Д.В. Пивоварова, это искусственно созданный человечеством цифровой мир, предоставляющий потенциальную возможность реализации ментальных конструктов, ограниченных реальным бытием, в связи с не существующими условиями жизнедеятельности личности в социуме [7]. Виртуальная реальность – это дверь в цифровую Вселенную, состоящую из множества самоорганизующихся, самодостраивающихся фрактальных миров, имеющих квантовое основание в своей конструкции. Это попытка воссоздания утерянного рая с его системой мнимых виртуальных ценностей, уход от реальности современного общества, это эксперимент над цивилизацией по решению задач, связанных с бессмертием человеческой сущности в материальном изменяющемся мире.

Научно-технический прогресс, изменяя современное общество и накладывая отпечаток на жизнь и мировоззрение человека, создал предпосылки для формирования особого типа виртуальной реальности в качестве нового жизненного пространства личности, внутри которого находятся взаимодействующие между собой объекты. Виртуальная реальность как новая форма бытия человека заключается в том, что становится гиперреальностью, новым жизненным пространством субъекта, замещающим собой среду субъективной реальности, т.е. *становится жизненным пространством личности* [5].

Одним из уровней виртуальной реальности является информация как функционально-отражательная особенность бытия, основанная на движении потоков данных. Поэтому социально-философский анализ современного общества предполагает рассмотрение особенностей информации как

неотъемлемой части виртуальной реальности, основанной на принципе квантования информационных процессов бытия.

Информация как реальность

В основе научной парадигмы лежит информационная модель взаимодействий субъекта в пространственно-временном континууме, с чем связано резкое противопоставление «материи» и «сознания». На пороге третьего тысячелетия особенно актуален вопрос описания социальных систем как квантовой реальности с помощью информационного конструкта, что требует пересмотра классических представлений нематериальных объектов, так как связь явлений в виртуальном мире выходит за рамки современного понимания пространства, времени и причинности. Каждый объект виртуального мира несет в себе информационную содержательность независимо от субъекта, который раскодирует данность информационной оболочки предметной области в познавательной открытости объекта в социальной системе. Высказывания Норберта Винера [17] о том, что информация не есть вещество и материя, а обладает нематериальной природой, легли в основу новой концепции. Информация изменяется, при этом состояние системы, процессов приобретает иную содержательность, отличную от начального положения. Идентификация информационного объекта позволяет зафиксировать определенные признаки и в последующем состоянии системы виртуальной реальности распознать его, т.е. подтвердить истинную принадлежность данной совокупности и смоделировать процессы управления в пространственно-временном континууме. Изменяемость системы на уровне потока и плотности информации невозможна без присутствия зафиксированных данных в начальной точке обращения субъекта к изменяющимся процессам. Трансформация информационной данности системы представляет собой математическую функцию отношений между объектами конструкта, при изменении в одном элементе происходят преобразования в другом. Временная зависимость функции позволяет предположить вселенский информационный поток как незамкнутый, не ограниченный условиями существования информационной системы, не зависимый от субъекта взаимодействия и приводящий в ментальных конструктах к первоначальной точке всего сущего. Поток информации никогда не содержится в системе, но отражает ее измененное состояние. Другая особенность информации раскрывается в свойствах системы, так как каждый материальный объект в некотором роде является «носителем» или «триггером» информации, открывающим доступ для считывающих устройств живой и неживой природы [14]. Согласно определению информации С. Мюллера – это есть аналитическая информация,

состоящая из любых атрибутов, которые определяют полное или частичное состояние объекта, процесса, системы [10]. Следующая особенность информации раскрывает цепочку последовательно изменяющихся законов, управляющих процессами в материальном мире. Каждый материальный объект базируется на законах, определяющих его стабильное состояние в конкретном промежутке времени, что позволяет описать состояние системы информационной моделью [15].

Все вышеперечисленные типы свойств информации и преобразующих информационных систем относятся к описанию материального мира, однако имеют атрибуты нематериального, лежащие в конструктах ментальных построений сознания человека. Что касается определения сущности информации в нематериальной области, то эта тема заслуживает отдельного внимания и выходит за рамки нашего исследования.

Принципы квантовой физики

Информационная модель позволяет определить сущность объекта, изменение системы, описать процессы. Информационная концепция претерпевает трансформационное изменение под влиянием квантовой парадигмы, задающей три формы физической реальности: физический вакуум, физические поля и вещество. Квантовая парадигма в своей структуре представляет информационную модель Вселенной: вакуум – поле – вещество, что сближает ее с Аристотелевским конструктом мира: потенция (вещество) – энергия (поле) – энтелехия (вакуум).

Создатели квантовой парадигмы привнесли нововведения в систему философских знаний, дополнив их новыми принципами: дополнительности (Н. Бор) [1], неопределенности (В. Гейзенберг) [3], нелокальности (Д. Белл) [11], целостности (Д. Бом) [12], симметрии, самоорганизации, наименьшего действия, самосохранения, вложенности и иерархии, квантования. Согласно В. Гейзенбергу [3], тенденции квантовой сферы существуют в странной разновидности физической реальности прямо посередине между возможностью и действительностью. Нарботанные научные достижения в области квантовой физики вновь приобретают актуальность и в наше время, так как возвращают к извечной проблеме исследования Микрокосма и Макрокосма, а современная физика соприкасается с метафизикой.

Из вышеперечисленных принципов в физике особый интерес представляет принцип квантования, который дает возможность исследовать процессы сложных социальных систем, определить уровни фазовых переходов от одного состояния к другому. Принцип квантования связан со свойством структурирования социальной системы как сложной и самоорганизующейся. Квантовая парадигма дает основания для построения новой соци-

альной концепции, позволяет смоделировать процессы взаимодействия субъекта в пространственно-временном континууме, оказывая влияние на духовно-нравственные характеристики личности.

Социальные системы как квантовая реальность

Намечается новая квантовая парадигма, в основе которой информация и процессы, происходящие в современных социальных системах, представлены как векторное квантование, а перенос ценностно-содержательной данности в виртуальную реальность рассматривается как разбиение пространства возможных значений векторной величины на конечное число областей и замена этих значений идентификатором одной из данных совокупностей [18]. Процесс векторного квантования социальной реальности, изменение ценностно-информационного содержания социальных систем, выстраивание взаимодействий субъектов в виртуальной реальности предполагает иной путь развития современной цивилизации. Процесс векторного квантования социальной реальности представляет социальную систему как многофункциональную, способную поглощать ценностно-содержательную информацию квантами в единицу времени, изменяясь согласно переходам от одного уровня развития к другому. Однако ценностно-содержательная сторона социальных систем как энергоинформационная данность социальной реальности может выстраивать непрерывность перераспределения информации в системах [6]. Ценностное основание социальных систем, выстроенное на информационно-смысловом ядре ценностей, квантует уровни социальных систем, тем самым переносит информационные потоки на данность иных сфер социальной реальности. Квантуются все сферы реальности через информационно-содержательное ядро социальных систем, изменяются взаимодействия субъектов, происходит перенаправление ценностного потенциала общества. Квантование субъективной реальности предполагает оцифровку современного общества и создание виртуальных фантомов-моделей социальных систем, определив их деятельность и функционал в виртуальной реальности. Квантование социальных систем ускорит процесс глобализации и виртуализации социальной реальности, объединив мировое сообщество в одну виртуальную Вселенную со множеством многомерных и параллельных систем [9].

Модель процесса квантования социальных систем

Модель процесса квантования социальных систем в виртуальной реальности можно рассматривать как процесс переноса ценностно-содержательной информации в социальные системы и выстраивание взаимодействий субъектов на основе квантовых порций и заменой всего ряда квантового процесса идентификатором одной составляющей из совокупности всей

последовательности элементов [2: с. 77]. При этом ценностно-содержательное составляющее информации утрачивает значимость ценностного ядра содержательной совокупности и размывается в сознании среди множественности процессов. В традиционной модели социальных систем при обмене ценностно-содержательной информацией осуществляется духовно-нравственное развитие субъектов взаимодействия на основе положительной духовности, при этом включается поведенческий компонент с практико-ориентированной направленностью. Однако наличие отрицательной духовности может повлиять на моральные характеристики личности и сформировать в ней отрицательные ценности. В квантованной виртуальной реальности отсутствует поведенческий компонент с практико-ориентированной направленностью, поэтому и происходит формирование мнимых ценностей. Соединяясь с внутренней сущностью личности, мнимые ценности в социальной действительности приобретают реальные свойства и характеристики в деятельности и поведении субъекта. Происходит столкновение ценностно-содержательных миров виртуальной и социальной реальности в ментальных конструктах личности. Под действием квантованной виртуальной реальности изменяется социальная действительность, субъекты взаимодействия становятся «проводящими элементами» информационно-энергетической многофункциональной системы, вытирающими «мост» между социальной и виртуальной реальностью (рисунок) [16].

Рисунок. Модель квантования социальных систем

Как показывает квантование социальных процессов, квантованная социальная реальность в виртуальной системе обладает следующими особенностями:

– виртуальная система находится в стационарном состоянии, когда обмен ценностно-содержательными информационными потоками закрыт с внешними и внутренними системами, нет взаимо-

действия с социальным пространством. Система не развивается, виртуализация не осуществляется;

– при переходе из одного стационарного состояния в другое виртуальная система отдает (получает) ценностно-содержательную информацию, происходит взаимодействие с социальным пространством. Система развивается, виртуализация осуществляется;

– стационарные состояния виртуальной системы и ее развитие определяются субъектами взаимодействия (человек, система, система–человек).

Сам процесс квантования социальных систем, согласно постулату (аналогия с постулатами Нильса Бора «Элементы атомной физики»), состоит в передаче ценностно-содержательной информации в виртуальную среду, осуществляется дискретными порциями (квантами информации), в результате чего выстраивается иерархическая структура мнимых ценностей в цифровом формате [13].

Заключение

Виртуальная реальность как новый способ бытия человека поглощает новые пространства социума, изменяя ценностное основание социальных систем, и становится неотъемлемой частью жизнедеятельности человека. Локализуясь в искусственно созданном пространстве гиперреальности, элементами которого являются абстрактные объекты, обозначенные идентификационными кодами, бытие личности переходит на уровень символического потребления. Социализация человека в цифровом обществе, где виртуальные ценности имманентно привязаны к аксиологической системе общества, полностью оторваны от реальных процессов жизнедеятельности, своих прообразов реального мира, реализуется по заданной модели поведения. Виртуальная информация, приобретая статус ценности и вытесняя систему традиционных ценностей личности, становится необычайно эстетически привлекательной, манящей человека в цифровую Вселенную.

Виртуальная реальность, созданная на квантовых принципах как новый голографический космос, активно формирует мировоззрение и определяет настоящее и будущее социальных систем. В условиях цивилизационного кризиса, когда человечество погрузилось в хаос критических состояний своего существования, происходит становление новой культуры, predetermined виртуальной реальностью, основанной на квантовых процессах. Квантованная виртуальная реальность выдвигает новые требования к пониманию социализации личности: формирование человека как творческой развивающейся личности или объекта гиперреальности с predetermined моделью поведения. Цифровая трансформация общества создает предпосылки для осмысления виртуальной и соци-

альной реальности в ракурсе человеческих отношений процесса нравственного формирования личности и нацеливает на исследование социальных ценностей, измененных в виртуальной реальности. Квантовая парадигма как продиктованная данностью виртуальной реальности, основанная на процессах получения, изменения и передачи информации, выстраивает новый статус отношений человека в обществе. Происходит интеграция субъекта взаимодействия с искусственным интеллектом, считывание мыслеформ голографическим интерфейсом как квантовых сигналов человеческого мозга, образование личности соотносится со скоростью обработки информации и мгновенным доступом к базе данных. Квантование социальных систем в виртуальной реальности трансформирует общественное сознание, ценностное основание личности, отцифровывая практически все институты общества, создает предпосылки для построения цифровых городов и государств, беспилотных машин, киборг-сущест, осуществляя при этом полный контроль над человечеством.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бор, Н. Атомная физика и человеческое познание / Н. Бор ; пер. с англ. В.А. Фока и А.В. Лермонтовой. – Москва : Изд-во иностр. лит., 1961. – 151 с.
2. Вайнберг, С. Квантовая теория поля. Т. 1: Общая теория / С. Вайнберг. – Москва, 2015. – 648 с.
3. Гейзенберг, В. Физика и философия. Часть и целое / В. Гейзенберг. – Москва : Наука, 1990. – С. 39.
4. Гуров, Ф.Н. Цифровая трансформация: человеческое измерение / Ф.Н. Гуров // Гуманитарный вестник МГТУ им. Н.Э. Баумана. – 2020. – № 2. – С. 1–11. – URL: <http://www.hmbul.ru/catalog/hum/phil/618.html> (дата обращения: 13.08.2020).
5. Майкова, В.П. Моделирование динамики социальных систем как метод прогнозирования общественного развития / В.П. Майкова, А.И. Майков // Гуманитарный вестник Военной академии ракетных войск стратегического назначения. – 2018. – № 2 (10). – С. 72–81.
6. Молчан, Э.М. Системный подход к ценностному основанию квазифрактальных социальных структур / Э.М. Молчан // Вестник московского государственного областного университета. – 2020. – № 2. – С. 44–50. – (Серия «Философские науки»).
7. Пивоваров, Д.В. Виртуальное, виртуал, виртуальная реальность / Д.В. Пивоваров // Современный философский словарь. – Лондон, 1998. – С. 139–141.
8. Соловьёв, Н.А. Пантеистическая метафизика и квантовая парадигма / Н.А. Соловьёв, С.В. Посадский. – Санкт-Петербург : НИ-Принт, 2014. – 376 с.
9. Фуркин, Б.А. Виртуальность как способ бытия человека в информационном обществе / Б.А. Фуркин // Вестник Московского городского педагогического университета. – 2013. – № 1(9). – С. 54–61. – (Серия «Философские науки»).
10. Asymmetry: The Foundation of Information. By Scott Muller. – Berlin : Springer, 2007. – VIII. – P. 5.
11. Bell, J. Speakable and unspeakable in quantum mechanics / J. Bell. – Cambridge : Cambridge University Press, 1987.
12. Bohm, D. Quantum Theory / D. Bohm. – New York : Prentice Hall, 1951.
13. Bohr, N. On the Constitution of Atoms and Molecules, Part I / N. Bohr // Philosophical Magazine. – 1913. – Vol. 26. – P. 1–24.
14. Deely, J. Basics of semiotics / J. Deely. – Bloomington, IN : Indiana University Press. 1990.
15. Drăgănescu, Mihai. Spiritualitate, informație, materie: Eseuri / Mihai Drăgănescu. – București : Ed. Acad. RSR, 1988. – С. 37.
16. Personality Digitalization as a Quantum Discord of Social Reality / Yanich Nenad, E.M. Molchan, A.I. Maykov [ets.] // The International Science and Culture Center for Academic Contacts (ISCCAC) is pleased to announce the 2nd International Conference on Contemporary Education, Social Sciences and Ecological Studies (CESSSES 2019). The conference will be held on June 05–06, 2019 in Moscow. – P. 11–14. – URL: <https://doi.org/10.2991/cesses-19.2019.3> (accessed: 13.08.2020).
17. Wiener, N. Cybernetics, or control and communication in animal and machine / N. Wiener. – Cambridge, MA : MIT press, 1961.
18. William, A. Pearlman, Amir Said. Digital Signal Compression: Principles and Practice / A. William. – Cambridge : University Press, 2011. – 83 p.

DOI: 10.31079/1992-2868-2020-17-4-150-157

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

К.И. Воробьева

М.В. Долгачев

Д.А. Заславский

В статье представлен анализ современных психологических исследований в области психологии кибербезопасности, на основе которого определены основные психологические ресурсы безопасной жизнедеятельности человека в цифровом мире, намечены перспективы их дальнейшего изучения.

Ключевые слова: киберпсихология, кибербезопасность, киберугроза, контентные и коммуникативные риски, ответственность, цифровая компетентность.

PSYCHOLOGICAL RESOURCES OF HUMAN CYBERSECURITY

K.I. Vorobyova

M.V. Dolgachev

D.A. Zaslavsky

The article presents an analysis of modern psychological research in the field of cybersecurity psychology, on the basis of which the main psychological resources of safe human life in the digital world are identified, and prospects for their further study are outlined.

Key word: cyberpsychology, cyber security, cyber threat, content and communication risks, responsibility, digital competence.

Актуальность названной темы обусловлена глобальной цифровизацией мирового пространства. Неоспоримый факт, что и компьютеры, и Интернет стали важнейшим достижением современного общества. Они совершают революцию в повседневной жизни человека и пронизывают все сферы жизнедеятельности: промышленность, сферу услуг, государственное управление, образование, досуг, творчество, устраняют расстояния и предлагают немедленный доступ к информации и общению. Значительная часть социальной активности современных людей реализуется в интернет-сообществах посредством использования интернет-технологий.

Сегодня в социальных сетях Интернета как минимум каждый второй взрослый житель Земли проводит часть своей жизни. В июне 2017 г. только пользователями Facebook оказалось два миллиарда человек, и сеть растет примерно на 17 % каждый год.

Несомненное позитивное значение для прогрессивного развития общества существенных цивилизационных изменений, связанных с цифровизацией жизни современного человека, порождает не только спектр новых технологических возможностей, но и новых угроз, определяет появление новых рисков для жизнедеятельности человека, что вызывает настоятельную необходимость их научного осмысления.

Воробьева Клариса Ивановна – доктор психологических наук, профессор кафедры социальной работы и психологии Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).

Vorobyova Klarisa Ivanovna – Doctor of Psychology, Professor of the Department of Social Work and Psychology at Pacific National University (Khabarovsk).

E-mail: klarisav2011@mail.ru

Долгачев Михаил Владимирович – кандидат технических наук, доцент кафедры промышленного и гражданского строительства Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).

Dolgachev Mikhail Vladimirovich – Candidate of Technical Sciences, Associate Professor of the Department of Industrial and Civil Engineering at Pacific National University (Khabarovsk).

E-mail: 007428@pnu.edu.ru

Заславский Дмитрий Александрович – аспирант кафедры социальной работы и психологии Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).

Zaslavsky Dmitrii Aleksandrovich – Postgraduate Student of the Department of Social Work and Psychology at Pacific National University (Khabarovsk).

E-mail: 2107_dima@mail.ru1.

«Вопреки распространенному мнению о том, что информационные воздействия (в частности, в рамках так называемых "информационных войн") имеют преимущественно "кибернетическую" природу, мы считаем, что исследования информационной безопасности должны опираться и на психологические данные» [4: с. 48].

Цель настоящей статьи – выявление психологических ресурсов кибербезопасности человека на основе анализа современных исследований в области психологии безопасности и определение перспектив их дальнейшего изучения.

Прежде чем перейти к анализу психологических ресурсов кибербезопасности человека, следует определить основные понятия, связанные с предметом настоящего исследования, появившиеся в научной литературе в конце 90-х гг. XX в.: киберпсихология, кибербезопасность, киберугрозы.

Киберпсихология определяется как отрасль психологии, объединяющая методологию, теорию и практику исследования видов, способов и принципов применения людьми социальных сервисов Интернет, где под социальными сервисами понимаются не только социальные сети (ru.wikipedia.org).

Кибербезопасность – процесс использования мер безопасности для обеспечения конфиденциальности, целостности и доступности данных (ru.wikipedia.org). Понятие кибербезопасности подразумевает под собой совокупность методов, технологий и процессов, предназначенных для защиты целостности сетей, программ и данных от цифровых атак.

Киберугроза – это незаконное проникновение или угроза вредоносного проникновения в виртуальное пространство для достижения политических, социальных или иных целей (ru.wikipedia.org).

Понятие кибербезопасности возникло с момента распространения такого явления, как кибератаки, цель которых является получение несанкционированного доступа к конфиденциальной информации, ее копирование, изменение или уничтожение. По данным Forbes, глобальный рынок кибербезопасности достиг \$75 млрд в 2015 г. и \$170 млрд в 2020 г. Этот стремительный и быстрый рост рынка обусловлен множеством технологических инноваций и тенденций, в том числе и постоянно меняющимися требованиями к безопасности. Киберугрозы могут иметь различные формы, основные из них: вредоносные программы (вид программного обеспечения (ПО), предназначенный для получения несанкционированного доступа к конфиденциальной информации или нанесения ущерба компьютеру, данным); социальная инженерия (методы, которые злоумышленники могут применять, чтобы обмануть человека, с целью получения конфиденциальной информации или несанкционированного доступа к системе информационных технологий);

фишинг (одна из самых популярных техник кибератаки, которая заключается в основном в обмане пользователя путем отправки поддельных электронных писем); вирусы-вымогатели (вымогательство денежных средств, которое осуществляется шифрованием и блокированием доступа к данным или компьютерной системе в целом, до тех пор, пока выкуп не будет выплачен. В случае выплаты выкупа нет 100%-ной гарантии, что данные и система будут восстановлены в исходное состояние).

Наиболее полная классификация видов киберугроз представлена в систематизированном перечне Ч. Ли [25], включающем: нарушение конфиденциальности и вторжение в частную жизнь; кражу идентичности; кражу интеллектуальной собственности; кибербуллинг, киберхарассмент, stalking; преднамеренный обман (клевета); спам; вторжение в область финансовых транзакций онлайн; вредоносное программное обеспечение и компьютерные вирусы; инвестиционные аферы и жульничество; виртуальные преступления (порнография и проституция, азартные игры и мошенничество с использованием аватара, реализация агрессивного и жестокого поведения в игровых виртуальных взаимодействиях и т.д.).

Существуют киберугрозы, которые нацелены на государственные, секретные, военные, политические инфраструктурные активы целого народа какого-либо государства. К таким угрозам относятся: кибертерроризм (нападение осуществляется на компьютерные сети или инфраструктуру террористическими организациями с целью идеологической и политической пропаганды); кибершпионаж (вид атаки на информационные технологии, выполняемый путем взлома и вредоносного ПО, для получения секретной государственной, стратегической, политической, экономической и военной информации без предварительного разрешения на ознакомление с этим данными); кибервойна (масштабная международная атака, которая осуществляется высококвалифицированными специалистами (хакерами), работающими под эгидой государства. Осуществляется проникновение в стратегически важные информационные системы другой страны с целью скомпрометировать конфиденциальные данные, нанести ущерб инфраструктуре, нарушить связь и т.д.).

Современные исследователи подчеркивают, что как бы ни совершенствовались технические средства и способы защиты от постоянно меняющихся технических киберугроз, наиболее уязвимым звеном безопасного взаимодействия в цифровой среде остается человек. По данным социологических исследований, в последние годы наблюдается динамика изменения характера кибератак. Применение эксплоитов за 2015–2018 гг. сократилось в 55 раз, а

использование методов социальной инженерии за тот же период увеличилось более чем в 25 раз (Отчет компании Trend Micro за 2018 г.), что свидетельствует о направленности кибератак на уязвимые человеческие качества. В конце июля 2019 г. в Орландо (штат Флорида, США) прошла Первая международная конференция HSI for Cybersecurity, Privacy and Trust по вопросам безопасности человека-компьютерного взаимодействия. В 2019 г. в Вашингтоне (США) состоялась ежегодная Международная конференция ANFE, посвященная проблеме человеческого фактора в кибербезопасности. Огромное количество конференций, проведенных в России за 2018–2020 гг. по проблемам кибербезопасности, содержат в своих программах обсуждение проблем, связанных с человеческим фактором в обеспечении безопасности в онлайн-среде. Анализ содержания представленных на конференциях докладов позволяет говорить о направленности научного интереса современных психологов и специалистов в области информационной безопасности на изучение психологических факторов, в частности на анализ индивидуально-личностных качеств пользователя Интернета (специфика эмоционального реагирования, мотивационно-ценностные аспекты, персональный жизненный опыт и его рефлексивная оценка и т.д.), определяющих психологическую устойчивость к киберугрозам в процессе взаимодействия человека с IT-технологиями.

По мнению отечественных психологов, наибольшую опасность, особенно для молодежи, представляют контентные, коммуникативные риски и риск интернет-зависимости (Исследования Фонда развития Интернета, Г.У. Солдатов, Е.И. Рассказова и др., 2009–2012).

1. *Контентные риски.* Контентные риски возникают в процессе использования находящихся в сети материалов, содержащих противозаконную, неэтичную и вредоносную информацию (насилие, агрессия, порнография, ненавистнический контент, нецензурная лексика, информация, разжигающая расовую ненависть, пропаганда анорексии и булимии, суицида, азартных игр, наркотических веществ и т.д.). Столкнуться с ними можно в социальных сетях, блогах, на персональных сайтах, видеохостингах.

Отмечается отрицательное воздействие негативного контента на личность молодого человека. Навязывание через социальные сети новых образцов опасного поведения (например, суицидального поведения), искажение представлений о мире, девальвация традиционных ценностей; пропаганда нездоровых интересов и увлечений, средств соблазна и совращения привели к росту суицидов в среде подростков и юношества, повышению агрессивности и цинизма в молодежной среде, формированию асоциального поведения [10].

2. *Интернет-зависимость.* Говоря о рисках цифровой среды, как российские так, и зарубежные исследователи отмечают проблему чрезмерного использования Интернета. Интернет-зависимость – применение IT-технологий во вред себе и другим, порождающее конфликт с другими сферами жизни и вызывающее переживание потери контроля над собой (К. Янг). Наиболее используемый в современных исследованиях термин – «расстройство, связанное с использованием Интернета» (Internet Use Disorder – IUD).

Большинство исследователей феномена интернет-зависимости единодушны во мнении, что чрезмерное использование Интернета связано с неблагоприятными эмоциональными состояниями и целым рядом психических нарушений [11; 20; 22]. Имеются достоверные данные о наличии значимой обратной связи между удовлетворенностью жизнью и IUD, а также прямой связи между IUD и такими расстройствами, как депрессия, синдром дефицита внимания и гиперактивности, бессонница и / или чрезмерная сонливость в дневное время, злоупотребление психоактивными веществами. Установлена причинно-следственная связь между реактивной депрессией и IUD [20].

М. Бранд и соавторы разработали процессуальную модель, которая раскрывает сложные динамические аспекты целого ряда специфических нарушений, возникающих в результате взаимодействия человека и информационной среды. Модель реализует диатез-стрессовый подход к этиологии расстройств, связанных с избыточным присутствием в киберпространстве, согласно которому разного рода интернет-аддикции являются следствием взаимодействия определенных конституциональных черт пользователя, его личностных характеристик, когнитивных особенностей, с одной стороны, и неблагоприятных жизненных обстоятельств, с другой стороны. Причем ключевую роль играют именно внутренние факторы, которые определяют уязвимость психики по отношению к стрессовым средовым воздействиям [21]. В рамках названного подхода Д. Кардефельт-Винтер [22] установил, что чрезмерная вовлеченность в киберкоммуникации является реакцией человека на негативную жизненную ситуацию: увеличение времени, проводимого в интернет-среде, позволяет смягчить тяжелые переживания и снизить уровень стресса за счет переключения на деятельность, вызывающую приятные эмоции. Однако, как справедливо отмечает Г. Солдатов, стратегия избегания во многих случаях является неэффективной, так как вместо поиска конструктивных способов преодоления жизненных трудностей человек сосредоточивает свои усилия на избегании контакта с травмирующей реальностью, всё более погружаясь в кибермир, пребы-

вание в котором создает иллюзию эмоционального баланса [10].

Отмечается неоднозначность оценки времени, проведенного пользователем в цифровой среде, и его влияния на психику человека. В этой связи современные исследования интернет-зависимости направлены на анализ взаимосвязи пользовательской активности человека и продолжительности нахождения в киберпространстве с содержательной стороной социальной ситуации развития и особенностей деятельности. Доказано, что одно и то же время пребывания в Интернете может быть связано как с творческой и развивающей деятельностью, так и с разрушающими социальными связями проявлением интернет-аддикции (М. Гриффитс).

Следует различать также интернет-зависимость от продолжительной во времени деятельности субъекта в Интернете, которая обусловлена переживанием так называемого опыта потока. М. Чиксентмихайи и его последователи понимают опыт потока как специфическое состояние полной поглощенности деятельностью, в котором действие следует за действием согласно своей внутренней логике, а результат деятельности и ее реальная продолжительность отходят в сознании субъекта на второй план. При этом деятельность выполняется субъектом с удовольствием, без заботы о ее конечном результате. «Опыт потока и радость от его переживания способствуют возникновению мотивации, побуждающей и в дальнейшем переживать этот опыт, стремиться выполнять соответствующую деятельность» [15].

3. Коммуникационные риски. Специалисты утверждают, что зоной повышенной опасности в интернет-пространстве является коммуникация. Прежде всего, отмечается нарастание агрессивных форм интернет-взаимодействия. Исследователями определены наиболее распространенные в Интернете виды агрессии: флейминг, троллинг, хейтинг, киберсталкинг, кибербуллинг, онлайн-груминг.

Ряд отечественных и зарубежных авторов выделяют в качестве самостоятельной киберугрозы травлю в сетевых коммуникациях – кибербуллинг [2; 10; 23]. Кибербуллинг охватывает использование форумов, чатов, блогов, веб-страниц, электронной почты, сетевых компьютерных игр и приложений, мобильных сообщений (MMS и SMS) и любых других информационно-коммуникационных технологий [3]. Согласно данным, полученным исследователями разных стран, наиболее уязвимой группой для кибербуллинга являются подростки [2; 10; 23]. Зафиксированы случаи суицида студентов университетских колледжей США, ставших жертвами кибербуллинга [32]. Среди наиболее распространенных форм кибербуллинга, с которыми они сталкивались, респонденты называли сплетни в социаль-

ных сетях, издевки, насмешки и обидные прозвища, транслируемые онлайн [32].

Кэтфишинг – один из видов современных угроз, заключается в создании некой виртуальной личности для вовлечения своих подписчиков в какие-либо отношения с целью вымогательства денежных средств, использования их персональных данных для последующего шантажа и т.д. Человек, который притворяется тем, кем он не является, и создает ложные личные профили, например на Facebook или в других социальных сетях, со злостными целями, называется *catfish*. Среди его мотивов следует назвать одиночество, скуку и зависть. Жертвы кэтфишинга испытывают смущение, гнев, раздражение и другие разнообразные негативные эмоции, когда в конце концов узнают, что стали жертвой обмана со стороны персонажа, в отношениях с которым они находились длительное время и которого считали реальным человеком [27].

Столкновение с коммуникационными рисками – наиболее серьезная проблема для молодых пользователей и по сравнению с другими видами онлайн-рисков чаще причиняет им ощутимый вред. В настоящее время отмечается высокая интенсивность взаимодействия молодежи в виртуальной среде. Личное пространство старшеклассников и студентов переполнено виртуальными друзьями. По данным исследователей Фонда развития Интернета, каждый второй подросток имеет виртуальных друзей, с которыми он ни разу не встречался в реальной жизни, однако предоставляет им доступ к персональной информации, поддерживает регулярную и близкую коммуникацию, а также рассматривает возможность реальной встречи с ними. Виртуальный друг становится более предпочтительным, чем знакомый. Виртуальные друзья в иерархии межличностных связей старшеклассников занимают второе место. Из числа школьников, имеющих виртуального друга, доля тех, кто доверит ему тайну, более чем в семь раз превышает число тех, кто расскажет секрет знакомому [10].

Таким образом, современная ситуация, сложившаяся в цифровой среде, предполагает изучение не только технических возможностей предотвращения угрожающего взаимодействия человека в цифровой среде, но и необходимых для безопасного поведения в киберпространстве психологических качеств пользователя ИТ-технологиями.

Анализ исследований безопасного поведения человека в цифровой среде позволяет выделить его основные психологические компоненты:

- сформированные знания умения и навыки в области цифровых технологий;
- сформированные представления человека об интернет-угрозах, возможностях их минимизации и преодоления;

– сформированные стратегии преодоления интернет-угроз, а именно способность адекватно оценить степень опасности, провести анализ собственных внутренних и доступных внешних ресурсов, необходимых для ее преодоления, грамотно выбрать стратегию и технологию поведения, в случае необходимости привлечь носителей внешних ресурсов, самостоятельно или с доступной поддержкой осуществить необходимые действия, нести ответственность за любые (в том числе и негативные) последствия собственной цифровой активности.

Названные психологические характеристики безопасного поведения в киберпространстве говорят о том, что реализация такого поведения возможна лишь при наличии развитых личностных ресурсов, помогающих преодолеть сложную, опасную ситуацию (ответственность, критическое мышление, стрессоустойчивость, умение попросить помощь и принять ее и т.д.).

В современных отечественных и зарубежных исследованиях в области психологии кибербезопасности имеется ряд доказательств влияния когнитивных, личностных и мотивационных характеристик на кибербезопасное поведение человека.

В научных исследованиях зарубежных ученых (например, Junglas, Johnson, & Spitzmüller, 2008; Korzaan & Boswell, 2008; Taddicken, 2014) отмечается, что забота о кибербезопасности связана с личностными качествами пользователя Интернета и других социальных сетей. Так, например, установлено, что излишняя доверчивость пользователя приводит к снижению уровня личной цифровой безопасности.

Экспериментально установлено влияние самооценки на безопасное поведение в цифровом пространстве. Как утверждают исследователи, адекватная самооценка позволяет критично относиться к информации, в случае киберугроз использовать эффективные копинг-стратегии, принимать адекватные ситуации решения. Заниженная самооценка приводит к высокому уровню тревожности при возникновении киберугрозы, к неэффективным стратегиям совладания, к ошибочным действиям [18; 29].

Отдельное внимание обращается на такие явления, как киберфобия, компьютерная тревожность, техностресс и др. Чаще всего означенные явления наблюдаются среди пользователей пожилого возраста, которые испытывают «комплекс неполноценности» в цифровой среде, боязнь перед современными технологиями, в основе которых лежат: страх выйти за пределы личной зоны комфорта, страх совершить ошибку. При этом пожилые пользователи испытывают не боязнь новых навыков как таковых, а страх оказаться не способными их освоить, потерять самоуважение, лишиться уже достигнутого. Заниженная самооценка своих возможно-

стей в овладении цифровыми технологиями, отсутствие планов успешного преодоления цифровых барьеров исходят из сопротивления мысли о том, что изменения, связанные с цифровизацией жизни современного человека, не вопрос будущего, а вопрос настоящего, и что эти изменения происходят с ними уже здесь и сейчас [18].

Что касается завышенной самооценки пользователя, исследования Фонда развития Интернета выявили ее отрицательную связь с мотивацией повышения уровня цифровой грамотности у подростков. «Иллюзорная компетентность» в области цифровых технологий, ярко выраженная у подростков, приводит к отрицанию киберугроз, пренебрежению мерами безопасности и в итоге к безответственному поведению в цифровой среде [10].

В зарубежных исследованиях, посвященных влиянию нарциссизма на кибербезопасное поведение пользователя, отмечается, что люди с выраженной степенью нарциссизма чаще сталкиваются с киберугрозами и забывают о мерах собственной безопасности в онлайн-пространстве. Личностная черта нарциссизма концептуализируется как саморегулирующий процесс, в котором лица с высокой степенью нарциссизма самосовершенствуются для получения обратной связи в соответствии с их завышенными самооценками (Morf and Rhoewalt, 2001; Campbell and Foster, 2007). Виртуальные среды предоставляют больше возможностей для самопрезентации, чего нет в реальной среде, и, таким образом, становятся главной социальной площадкой для процветания нарциссизма (Campbell, Reeder, Sedikides, & Elliot, 2000). Нарциссизм становится все более распространенным в молодом поколении. В погоне за лайками «молодые нарциссы» игнорируют меры личной кибербезопасности (Твенге Конрат, Foster, Campbell, & Bushman, 2008) [26].

С другой стороны, люди с высокими баллами по Черной триаде (нарциссизм, психопатия, макиавеллизм), не достигшие уровня клинического расстройства, часто проявляют киберагрессию в цифровом мире и являются организаторами интернет-троллинга [26].

Эмпирические исследования, проведенные зарубежными психологами, доказывают, что важными психологическими ресурсами кибербезопасности человека являются: удовлетворенность собственным благополучием, наличие семейного и дружеского круга общения, социальная активность пользователя, коммуникативная компетентность. Отсутствие дружеских отношений, трудности в общении, завязывании новых контактов, одиночество приводят к повышению уровня тревоги и депрессии, имеющему прямую взаимосвязь с опасным поведением в киберсреде. Имеется целый ряд исследований, доказывающих, что тревога и де-

прессия чаще всего связаны с интернет-зависимостью [18].

В настоящее время в зарубежной психологии изучение когнитивно-мотивационных ресурсов кибербезопасного поведения человека активно развивается в рамках теории мотивации защит (Rogers, 1975). В частности, проводятся исследования взаимосвязи индивидуального восприятия киберугрозы и способов совладающего поведения. Основные аспекты теории мотивации защиты включают в себя:

- воспринимаемую человеком серьезность угрожающего сценария;
- воспринимаемую человеком собственную уязвимость в этом сценарии;
- воспринимаемую человеком эффективность собственного защитного поведения в снижении уязвимости к угрожающему сценарию (эффективность реагирования);
- воспринимаемую человеком собственную способность к соответствующему защитному поведению (самоэффективность) [33].

По мнению исследователей, эффективность кибербезопасности в обществе, на конкретном предприятии, в частной жизни зависит от личной осознанности каждым человеком реальности угрозы для себя и своих близких, способности оценивать серьезность угроз и их последствия как для себя, так и в масштабах учреждения, предприятия, общества в целом. Таким образом, сторонники теории мотивации среди множества индивидуально-личностных качеств человека – пользователя Интернета определяют в качестве основных мотивационные характеристики.

Результаты научных исследований сторонников теории мотивации защит находят практическое применение в обучающих и тренинговых программах по развитию способности адекватного восприятия угроз, их последствий, оценки своих ресурсов для их преодоления, по формированию и развитию навыков безопасного поведения человека в цифровой среде.

Следует отметить, что в отечественной психологии в рамках Фонда развития Интернета проводятся широкомасштабные исследования в области киберпсихологии, в том числе кибербезопасности, на большой выборке российских подростков и их родителей [10]. Особое внимание коллектива ученых, работающих под руководством профессора МГУ им. Ломоносова Г. Солдатовой, направлено на изучение цифровой компетентности как системообразующего свойства личности, обеспечивающего кибербезопасное поведение человека в цифровой среде [10].

Рассматривая цифровую компетентность как сложный комплексный феномен, определяющий сегодня жизнедеятельность человека в разных сфе-

рах информационного общества, ученые выделяют в ней соответственно четыре вида компетентности.

1. Информационная и медиакомпетентность: знания, умения, мотивация и ответственность, связанные с поиском, пониманием, организацией, архивированием цифровой информации и ее критическим осмыслением, а также с созданием информационных объектов с использованием цифровых ресурсов (текстовых, изобразительных, аудио и видео).

2. Коммуникативная компетентность: знания, умения, мотивация и ответственность, необходимые для различных форм коммуникации (электронная почта, чаты, блоги, форумы, социальные сети и др.) и с различными целями.

3. Техническая компетентность: знания, умения, мотивация и ответственность, позволяющие эффективно и безопасно использовать технические и программные средства для решения различных задач, в том числе использования компьютерных сетей, облачных сервисов и т.п.

4. Потребительская компетентность: знания, умения, мотивация и ответственность, позволяющие решать с помощью цифровых устройств и Интернета различные повседневные задачи, связанные с конкретными жизненными ситуациями, предполагающими удовлетворение различных потребностей.

Следует обратить внимание, что названные виды компетентности включают в свое содержание мотивацию и ответственность, что согласуется с выводами представителей теории мотивации защит. Несмотря на важность и необходимость знаний в области IT-технологий, наличие развитых умений и навыков пользования современными цифровыми средствами, достижение безопасности в киберпространстве возможно лишь в их сочетании с ответственным поведением в киберпространстве и личным убеждением человека в необходимости соблюдения необходимых правил цифровой безопасности.

Несомненным достоинством названных исследований является создание моделей цифровой компетентности, которые могут служить основанием дальнейшего теоретического анализа проблем безопасности человека в цифровой среде, построения экспериментальных программ и сбора эмпирических данных.

Выводы

В новом тысячелетии изменение образа жизни человека, связанное со стремительным и повсеместным внедрением IT-технологий в обыденную жизнь, расширяет поле научных исследований в области кибербезопасности. Фокус внимания смещается на изучение многочисленных киберугроз и способов их предупреждения, развитие навыков безопасного поведения человека и поиск психоло-

гических ресурсов кибербезопасного поведения и сохранения благополучия в цифровом мире.

Безусловно, за последние 20 лет отечественными и зарубежными психологами собран богатый эмпирический и экспериментальный материал по психологии безопасности человека в цифровой среде. На наш взгляд, дальнейшие исследования в названной отрасли психологии должны быть направлены:

– на разработку методологических оснований психологических исследований в области психологии безопасности человека в цифровом мире с учетом междисциплинарности проблемы;

– создание психометрического инструментария, соответствующего предмету исследования;

– дальнейшее более глубокое изучение механизмов безопасного поведения человека в киберпространстве, психологических факторов, способствующих безопасной жизнедеятельности и благополучию в новой для человека цифровой среде, психологических ресурсов противодействия кибервиктимизации человека, возможностей самореализации и творчества в цифровом мире и т.д.

Кибербезопасность человека – проблема междисциплинарная и требует комплексного подхода в ее изучении, объединения усилий ученых разных научных направлений по разработке эффективных и доступных способов защиты человека от киберугроз.

Кибербезопасность человека – проблема государственной важности, требующая поддержки в ее решении на всех уровнях государственной власти, совместной деятельности работников и руководителей различных учреждений и ведомств, представителей общественных организаций, СМИ и т.д. Уже сегодня необходимо предпринимать активные действия:

– по повышению уровня цифровой культуры и ответственности каждого человека за поведение в цифровом пространстве;

– активной пропаганде важности и необходимости соблюдения правил безопасного поведения в цифровой среде каждым пользователем;

– развитию умений и навыков безопасного поведения в цифровом пространстве через специальные обучающие программы как для детей, так и для взрослых и т.д.

Повышение уровня кибербезопасности каждого человека – это задача сегодняшнего дня. Завтра будет поздно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айсина, Р.М. Психологическая безопасность взрослых: анализ современных исследований интернет-пользователей / Р.М. Айсина // Вестник Омского университета. – 2019. – № 1. – С. 28–38. – (Серия «Психология»).
2. Бочавер, А.А. Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий / А.А. Бочавер, К.Д. Хломов //

Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2014. – Т. 11, № 3. – С. 177–191.

3. Брижак, С.Н. Когнитивная безопасность в кибербезопасности / С.Н. Брижак // Передовые научные исследования: опыт и актуальные вопросы : сборник докладов Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. Р.Д. Иванова. – Санкт-Петербург : ЕНМЦ «Мультидисциплинарные исследования», 2019. – С. 63–72.

4. Войскунский, А.Е. Информационная безопасность: психологические аспекты / А.Е. Войскунский // Национальный психологический журнал. – 2010. – № 1 (3). – С. 48–53.

5. Войскунский, А.Е. Концепции зависимости и присутствия применительно к поведению в Интернете / А.Е. Войскунский // Медицинская психология в России. – 2015. – № 4 (33). – С. 6. – URL: http://mprj.ru/archiv_global/2015_4_33/nom_er07.php (дата обращения: 05.05.2018).

6. Канеман, Д. Думай медленно... Решай быстро / Д. Канеман. – Москва : АСТ, 2013.

7. Маклюэн, М. Галактика Гуттенберга. Становление человека печатающего / М. Маклюэн. – Москва : Академический проект, 2005. – 288 с.

8. Нестик, Т.А. Технофобы и технофилы: разные модели цифровой компетентности / Т.А. Нестик, Г.У. Солдатова // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. – 2016. – № 1 (77). – С. 15–20.

9. Ротман, Ю.А. Человек и стратегии вмешательства: подход к пониманию поведения, связанного со здоровьем / Ю.А. Ротман, С.А. Болдуин // Ученые записки Оксфордского университета по психологии личности и социальной психологии. – 2012. – С. 729–752.

10. Нестик, Т.А. Цифровое поколение России: компетентность и безопасность / Т.А. Нестик, Г.У. Солдатова, Е.И. Расказова. – 2-е изд. – Москва : Смысл, 2018. – 375 с.

11. Связь опыта потока с психологической зависимостью от компьютерных игр / Ш.Л. Ван [и др.] // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2011. – Т. 18, № 4. – С. 73–101.

12. Benson, V. Emerging Cyber Threats and Cognitive Vulnerabilities. / V. Benson, J. McAlaney // Elsevier Inc. 2020. Chapter 1 – Factors leading to cyber victimization. Academic Press. – 2020. – P. 1–25.

13. Benson, V. Emerging Cyber Threats and Cognitive Vulnerabilities / V. Benson, J. McAlaney // Elsevier Inc. 2020. Chapter 4 – The social and psychological impact of cyberattacks. Academic Press. – 2020. – P. 73–92.

14. Bone, J. Cognitive Hack. The New Battleground in Cybersecurity... the Human Mind / J. Bone // Taylor & Francis Group, LLC. – P. 10–17.

15. Csikszentmihalyi, M. Beyond boredom and anxiety: experiencing flow in work and play / M. Csikszentmihalyi. – San Francisco : Jossey-Bass, 2000.

16. Davis, R.A. A cognitive-behavioral model of pathological internet use / R. A. Davis // Computers in Human Behavior. – 2001. – Vol. 17 (2). – P. 187–195.

17. Delaney, T. Friendship and Happiness: And the Connection Between the Two / T. Delaney, T. Madigan. – North Carolina : McFarland & Company, Inc., Publishers, 2017. – 296 p.

18. Diomidous, M. Social and Psychological Effects of the Internet Use / M. Diomidous [et al.] // Acta Informatica Medica. – February, 2016.

19. Dowling, N.A. Screening for internet dependence: Do the proposed diagnostic criteria differentiate normal from dependent internet use? / N.A. Dowling, K.L. Quirk // Cyberpsychology & Behavior. – 2009. – Vol. 12 (1). – P. 21–27.

20. *Gámez-Guadix, M.* Depressive symptoms and problematic internet use among adolescents: Analysis of the longitudinal relationships from the cognitive-behavioral model / M. Gámez-Guadix // *Cyberpsychology, Behavior and Social Networking*. – 2014. – Vol. 17 (11). – P. 714–719.
21. Integrating psychological and neurobiological considerations regarding the development and maintenance of specific internet-use disorders: An interaction of person-affect-cognition-execution (i-pace) model / M. Brand [et al.] // *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*. – 2016. – Vol. 71. – P. 252–266.
22. *Kardefelt-Winther, D.A.* conceptual and methodological critique of internet addiction research: Towards a model of compensatory internet use / D. Kardefelt-Winther // *Computers in Human Behavior*. – 2014. – Vol. 31. – P. 351–354.
23. *Kowalski, R.M.* Cyberbullying: Bullying in the digital age (2nd ed.). / R.M. Kowalski, S.P. Limber, P.W. Agatston. – Chichester : Wiley-Blackwell, 2012. – 274 p.
24. *Kowalski, R.M.* Cyberbullying: Bullying in the digital age / R.M. Kowalski, S.P. Limber, P.W. Agatston. – 2nd ed. – Chichester : Wiley-Blackwell, 2012. – 274 p.
25. *Lee, C.Y.* Understanding Security Threats in Virtual Worlds / C.Y. Lee // *AMCIS*. – California, 2009. – 466 p. – URL: <http://aisel.aisnet.org/amcis2009/466> (accessed: 05.05.2018).
26. *Mccain, J.* Virtual worlds afford self-enhancement for narcissism Athens / J. McCain. – Georgia, 2018. – 257 p.
27. *Sharabi, L.L.* Deception in online dating: Significance and implications for the first offline date / L.L. Sharabi, J.P. Caughlin // *New Media & Society*. – 2018. – Vol. 21(1). – P. 1–19.
28. *Stavropoulos, V.* Physical, Emotional, and Identity User-Avatar Association with Disordered Gaming: A Pilot Study / V. Stavropoulos [et al.] // *International Journal of Mental Health and Addiction*. – 2019. – URL: <https://doi.org/10.1007/s11469-019-00136-8> (accessed: 05.05.2018)
29. The psychology of privacy in the digital age / A. Stuart [et al.] // *Engineering and Physical Sciences Research Council, Grant*. – URL: <https://doi.org/10.1111/spc3.12507> (accessed: 28.11.2020).
30. The relationship between Internet Use Disorder, depression and burnout among Chinese and German college students / J. Peterka-Bonetta [et al.] // *Addictive Behaviors*. – 2019. – Vol. 89. – P. 188–199.
31. *Walker, C.M.* An exploratory study of cyberbullying with undergraduate university students / C.M. Walker, B.R. Sockman, S. Koehn // *TechTrends*. – 2011. – Vol. 55 (2). – P. 31–38.
32. *Washington, E.T.* An Overview of Cyberbullying in Higher Education / E.T. Washington // *Adult Learning*. – 2015. – Vol. 26 (1). – P. 21–27.
33. *Williams, E.J.* How Do We Ensure Users Engage in Secure Online Behavior? A Psychological Perspective / E.J. Williams, J. Noyes, B. Warinschi // Paper presented at International Conference on Cognitive and Behavioral Psychology. – 2018. – URL: https://doi.org/10.5176/2251-1865_CBP18.49 (accessed: 28.11.2020).

DOI: 10.31079/1992-2868-2020-17-4-158-167

ЖИЗНЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ: ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ*

И.Ю. Махова

Е.В. Опевалова

В.А. Шмакова

Статья посвящена анализу динамики жизненного пространства студентов дальневосточных вузов в условиях пандемии по коронавирусу COVID-19. Сопоставляются результаты исследования субъективного образа пространства «обычной жизни», полученные в 2019 и 2020 гг., и «жизни в условиях пандемии» (2020) с помощью методики «Витаграмма» Г.В. Шуковой. Обнаружены достоверные различия содержания и структуры интуитивных и рефлексивных образов жизненного пространства студентов, демонстрирующие векторы их психологических изменений, адаптационные тенденции и копинг-стратегии в условиях пандемии.

Ключевые слова: жизненное (субъективное, психологическое) пространство, содержание пространства, внутренние и внешние границы, пандемия, экстремальные условия, депривация, студенты вузов.

THE LIVING SPACE OF STUDENTS IN SITUATIONS OF THE PANDEMICS: PSYCHOLOGICAL INTERPRETATION

I.Y. Makhova

E.V. Opevalova

V.A. Shmakova

This article focuses on the analysis of trends in the living space of students of Far Eastern universities in situations of COVID-19 coronal virus pandemics. The results of the study of subjective vision of space in "ordinary life" obtained in 2019 and 2020 and the results of the study of the same object in "situations of pandemics" (2020) are compared using the methodology of "Vitagram" designed by G.V. Shukova. Accurate differences in the content and the structure of intuitive and reflexive visions of the living space of students are found. These differences demonstrate the direction of students' psychological change, adaptation trends and coping-strategies in situations of the pandemics.

Key words: living (subjective, psychological) space, content of the space, interior and exterior boundaries, pandemic, extreme circumstances, deprivation, higher education students.

Пандемия, связанная с распространением вируса COVID-19, охватившая весь мир весной 2020 г. и по сути продолжающаяся в настоящее время, принципиально изменила привычный образ жизни

большинства людей на планете и их жизненное пространство. Осуществляются исследования влияния пандемии на жизнь людей самого широкого научного спектра. Исследование динамики жизненного (субъективного, социально-психологического) пространства молодежи Дальнего Востока в данных условиях представляется нам весьма акту-

* Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки Хабаровского края: грант № 57С/2020 от 18.08.2020.

Махова Ирина Юрьевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры дошкольной и коррекционной педагогики и психологии Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета (г. Комсомольск-на-Амуре).

Makhova Irina Yurievna – Candidate of Psychology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Preschool and correctional pedagogy and psychology at Amur State University of Humanities and Pedagogy (Komsomolsk-on-Amur).
E-mail: miu60@mail.ru

Опевалова Екатерина Васильевна – кандидат психологических наук, профессор кафедры психологии образования Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета (г. Комсомольск-на-Амуре).

Opevalova Ekaterina Vasilievna – Candidate of Psychology, Professor, Professor of the Department of Education Psychology at Amur State University of Humanities and Pedagogy (Komsomolsk-on-Amur).
E-mail: opevalova.ekaterina@yandex.ru

Шмакова Вера Андреевна – кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой психологии образования Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета (г. Комсомольск-на-Амуре).

Shmakova Vera Andreevna – Candidate of Psychology, Associate Professor, Head of the Department of Education Psychology at Amur State University of Humanities and Pedagogy (Komsomolsk-on-Amur).
E-mail: shmakovavera66@mail.ru

альным по ряду причин. Во-первых, молодые люди характеризуются высокой пластичностью в отношении социализации, формирования ценностно-смысловой структуры сознания, определения субъектной направленности и активности (конструктивной или деструктивной). Поэтому данная ситуация, несомненно, содержит в себе векторы изменения общества на многие годы вперед. Во-вторых, феномен психологического (жизненного, субъективного, социально-психологического) пространства имеет высокий прогностический и объяснительный потенциалы, так как отражает взаимосвязи, взаимовлияния совокупного субъекта и окружающего его мира, их динамику в изменившихся условиях.

Применение научной метафоры «пространство» в психологии имеет длительную историю (А. Адлер, Э. Богардус, Г. Зиммель, К. Левин, П. Сорокин, С.Л. Рубинштейн, Ф.Е. Василюк, Д.А. Леонтьев, В.И. Слободчиков и др.). Одним из первых понятие «жизненное пространство», отражающее интеграцию человека и среды его обитания в единую систему психологических факторов, ввел в научный обиход Курт Левин [11]. В данном понятии подчеркнута несовпадение физической и психологической реальности функционирования субъекта, а также причины его активности, обусловленные теми фрагментами действительности, которые для человека значимы, отражены в его сознании, выделены им. Соответственно чем шире мировоззрение, тем масштабнее жизненное пространство субъекта. Жизненное пространство человека К. Левин представлял в виде двух концентрических кругов и соответственно двух символических границ. Граница внешнего круга – это граница между реальным физическим миром, в котором живет человек, граница внутреннего круга – это пределы внутреннего мира субъекта в границах его психологического субъективного жизненного пространства. Эта граница представлялась К. Левину как некая сенсомоторная область, являющая фильтром между внутренним миром личности и ее субъективным образом внешней среды. Структура жизненного пространства в логике К. Левина задана внутренним миром личности, представляющим собой систему потребностей, каждая из которых проецирует в жизненное пространство свой сектор, со своими границами, обладающими разной степенью проницаемости. События, происходящие в жизни субъекта, согласно данной концепции, являются взаимодействием мотивационных векторов. При этом важно отметить, что бытийный целостный субъектный образ собственной жизнедеятельности описывается в рамках пространственной метафоры как система наиболее значимых объектов-потребностей человека, которые могут обладать как положительной, так и отрицательной валентностью. В.Н. Мунгалов, анализируя прогностические и ин-

терпретационные возможности научной метафоры «пространство», обозначает эти значимые объекты-потребности как шкалы оценки, с помощью которых человек отражает этот мир [15].

Методологические принципы эмпирических исследований психологического (жизненного, субъективного, социально-психологического) пространства сформировались в классических работах К. Левина, А. Адлера, Э. Богардуса, Г. Зиммеля, П. Сорокина, С.Л. Рубинштейна, Т. Шибутани, Ф.Е. Василюка, Л.Я. Дорфмана, Д.А. Леонтьева, В.И. Слободчикова, В.Д. Шадрикова и др. В настоящее время данная проблема активно изучается и развивается в работах В.Е. Клочко, С.К. Нартовой-Бочавер, А.Л. Журавлева, А.Б. Купрейченко, В.Н. Мунгалова, Т.Д. Марцинковской, В.Н. Паниной, З.И. Рябикиной, И.П. Шкуратовой, Г.В. Шуковой и др.). Направления исследований субъективного психологического пространства определены его характеристиками, позволяющими интерпретировать, объяснять и прогнозировать функционирование, структуру, векторы и характер психической активности представителей различных социальных групп.

Характеризуя феномен психологического пространства, авторы, помимо степени его структурированности и интегрированности, широты временной перспективы, степени проницаемости границ, обозначенных К. Левином, указывают на множество иных параметров его оценки – объем, протяженность, содержательное наполнение (А.А. Бодалев), информационно-энергетические и топологические свойства (Л.П. Гримак), В.А. Ганзен, С.А. Стрекалов, помимо указанных, включают временные параметры.

Журавлев А.Л. и Купрейченко А.Б., акцентируя внимание на содержании социально-психологического пространства личности, описывают его как представленный в сознании субъекта образ мира, включающий объекты, имеющие субъективно дифференцированный статус: значимые, нейтральные, незначимые. Это люди, предметы, цели, жизненные сферы, материальные и нематериальные ценности, выделяемые субъектом в соответствии с его жизненными принципами и смыслами, ценностями и целями. Объектом данной системы выступает и образ самого себя, являясь неотделимым элементом своего психологического пространства [7].

С.К. Нартова-Бочавер, исследуя научные метафоры «среда», «пространство», «границы», вводит понятие психологической суверенности, значение которого состоит в прогностическом потенциале такой характеристики жизненного пространства субъекта, как степени проницаемости и динамики его границ [16; 26]. К. Уилбер также акцентирует внимание на движении границ соприкасающихся пространств личности и мира, следуя классической

топологической традиции К. Левина, отмечая, что чем шире пространство самоотождествления (идентификаций) человека, тем большее содержание мира человек осознает как свое [20].

В кризисных ситуациях, экстремальных условиях представляется наиболее актуальным исследование границ как характеристики жизненного пространства личности, так как построение внешних и внутренних границ представляет собой важный процесс конструирования ее идентичности, понимание и переживание человеком того, насколько интросекция внешних условий его функционирования полезна или вредна для него (Г. Аммон, Г. Салливан) [1]. Взаимосвязь внешних и внутренних границ личности в контексте генезиса идентичности и аутентичности человека подчеркнута в исследованиях К.А. Абульхановой и Т.Н. Березиной (2001), Г. Аммон (1995); Т.Д. Марцинковской (2008); Н.Р. Салиховой (2009); Е.О. Шамшиковой и др. (2013). Исследователи показывают, что взаимопроникновение внешних и внутренних границ жизненного пространства индивида, связанное как с выставлением внутренних пределов, актуализацией «мотива границы» (В.А. Петровский), так и трансцендентностью Я, расширением границ своего психологического пространства, может выступать признаком пребывания человека в кризисной ситуации, в которой он решает «задачу на выживание» (С.К. Нартова-Бочавер) [16; 24; 25]. При этом генезис внутренних границ из внешних, по мнению большинства исследователей, обладает высоким объяснительным ресурсом, показывая причины субъективного благополучия суверенной личности по сравнению с депривированной, ее позитивного мироощущения, чувство защищенности в ее обеспечении прочными внешними границами [1; 16; 26].

Характеризуя объективную ситуацию в период проводимого нами исследования, отметим, что в большинстве стран были введены жесткие меры для нераспространения коронавирусной инфекции, связанные с ограничением определенных прав и свобод людей. Была ограничена свобода передвижения по территории стран и закрыты границы. Россия относится к группе стран, которые пытаются управлять эпидемиологической ситуацией, вводя не жесткое, а разумное социальное дистанцирование, контроль и минимизацию контактов. В зависимости от развития ситуации – периодическое подкручивание ограничений и мер в ту или иную сторону. 15 апреля 2020 г., в условиях угрозы распространения коронавирусной инфекции, большинство университетов и колледжей по рекомендации Министерства науки и высшего образования РФ приняли решение о переходе на дистанционное обучение. В связи с этим все очные занятия, включая лекционные, практические и даже лаборатор-

ные при наличии виртуальных аналогов, были перенесены в онлайн-среду.

Таким образом, сложившуюся ситуацию можно определить как экстремальную, поскольку, внезапно возникнув, она нарушила привычный способ организации жизни людей, их внутренний психологический баланс и более или менее субъективно комфортное психическое состояние, снизила контролируемость событий, породила широкий спектр проблем от медицинских до этических.

В качестве основных характеристик сложившейся ситуации как экстремальной эксперты чаще всего отмечают следующие:

- долговременную социальную изоляцию и связанную с ней ограниченность контактов/объема коммуникаций; при этом изменение содержания и форм общения;
- утрату привычного образа жизни и одновременно монотонию, связанную с однообразием повседневности («испытание повседневностью»);
- неопределенность, невозможность контролировать ситуацию, что вызывает напряженность, связанную с попыткой оценить степень угрозы; противоречивость и недостаточность информации;
- страх заражения и мизофобию (боязнь микробов);
- проблемы в реализации базовых потребностей (покупка продуктов, воды, одежды, получение медицинского обслуживания);
- нарастание финансовых проблем;
- стигматизацию людей, контактирующих с заболевшими, и носителей вируса;
- морально-этические проблемы, связанные с оценкой приоритетности спасения пациентов и др.

Все перечисленные признаки сложившейся ситуации способны породить разной степени устойчивости депривационные состояния или переживания лишения, опустошения, потери, ограничения возможностей. Классические исследования депривации показывают, что сенсорная, социальная, двигательная и другие ее виды приводят к снижению жизненной активности, подавленности и апатии, повышению тревожности, недовольства собой, резкой смене настроения [10; 21; 26; 28].

Характеристика психологического (жизненного) пространства молодых людей, обучающихся в вузе в условиях пандемии и связанного с ней карантина, как отражение регулятивных процессов в целях обеспечения субъектом своей целостности в условиях угрозы, в сопоставлении с образами их жизненного пространства в обычных условиях выступила целью нашего эмпирического исследования. Мы предположили, что социальная изоляция и другие негативные компоненты ситуации пандемии приведут к реконструкции содержания и границ психологического жизненного пространства молодых людей, связанной с действием адаптационных

механизмов их психики и копинг-стратегий. Вероятна динамика образа пространства «обычной жизни» студенческой молодежи в проекции прошлого и настоящего, определивших изменение актуальных потребностей людей.

Исследование было организовано сравнительным методом. Мы сопоставили результаты изучения представлений о психологическом пространстве «обычной жизни» студенческой молодежи Дальнего Востока России, полученные в 2019 г. и в период с конца марта до конца мая 2020 г., т.е. в условиях пандемии.

Проверка гипотез осуществлялась с помощью методики «Витаграмма» Г.В. Шуковой [27], суть которой состоит в графическом представлении респондентами своего жизненного пространства в двух кругах с названиями «Моя обычная жизнь» и «Идеальная жизнь». В 2020 г. (в период карантина) мы предложили респондентам заполнить 2 круга с названиями «Моя обычная жизнь» и «Моя жизнь в условиях пандемии (коронавирус) COVID-19». Объекты пространства произвольно представлялись участниками исследования внутри предложенных кругов, нумеровались и рядом с соответствующим кругом записывались столбиком в порядке изображения.

В исследовании 2019 г. участвовали 130 студентов дальневосточных вузов. В 2020 г. в период введенного карантина в условиях пандемии респондентами выступили 266 молодых людей (студентов), находящихся на дистанционном обучении.

Значимость различий между выборками определялась по критерию Стьюдента для независимых выборок (при сравнении данных 2019 и 2020 гг.) и зависимых (при сравнении двух замеров у одних и тех же студентов «Моя обычная жизнь» и «Моя жизнь в условиях пандемии»). Значимость процентных различий определялась с помощью ϕ^* -критерия Фишера.

В табл. 1 представлены средние значения количества кругов, которыми респонденты заполняли пространство круга своей обычной жизни в разные периоды времени – до пандемии (весна–лето 2019 г.) и во время пандемии (весна 2020 г.), спустя месяц после введения карантинных условий.

Таблица 1

Средние значения количества кругов в отражении молодежью своего психологического пространства «обычной жизни» в период пандемии и за год до ее наступления

«Моя обычная жизнь»		t-value	p
2019 г.	2020 г.		
5,0	8,3	9,4	0,000

Мы обнаруживаем значительное увеличение количества объектов жизненного пространства «обычной жизни», представленных респондентами в вита-

граммах периода карантина в сравнении с их количеством, составляющим образ пространства «обычной жизни» респондентов в 2019 г. Можно утверждать, что субъективный образ «обычной жизни», содержащий интроскопии прошлых и настоящих условий жизнедеятельности молодых людей, претерпел существенные изменения, высветив значения объектов, значимость которых была обнаружена именно в период некоторой утраты свободы. Данный факт вполне вписывается в закономерности восприятия человеком прошлого, которое, как утверждает Д. Майерс, всегда находится под влиянием сегодняшних взглядов и зависит от текущего настроения [12]. Объективные обстоятельства, связанные с ограничением свободы перемещения в период пандемии, запустили процесс адаптации, результатом которого явилось изменение представлений о своей «обычной жизни», образ которой конструируется в сравнении с другой жизнью – «жизнью в пандемии». Данный факт согласуется с выводами многочисленных исследований реакций на экстремальные ситуации (А.А. Кулик (2011), С.В. Дашкова (2014); Г.Ю. Мартыанова (2014, 2020)). Экстремальная ситуация в силу своей неопределенности и неизбежности, при невозможности изменений субъектами внешних условий, запускает изменения внутренние, их реагирование на окружающую действительность, что позволяет ослабить влияние внешних факторов.

Можно предположить, что выраженность различий является показателем восприятия ситуации пандемии как кризисной, экстремальной, требующей дополнительной целенаправленной активности по ее снижению. Такая напряженность возникает вследствие нарушения привычного баланса внутренних и внешних условий. По мнению Г.Ю. Мартыановой, содержание и интенсивность напряжения зависят от степени удовлетворения субъектом основных потребностей в ситуации [13]. В этом контексте представляет интерес выявление тех элементов психологического пространства (сфер жизнедеятельности и объектов, их составляющих), восприятие которых респондентами изменилось.

В ходе качественного анализа содержания психологического пространства «обычной жизни» студенческой молодежи были определены пять сфер жизнедеятельности, условно объединяющие объекты, включенные в него респондентами. Этими условными секторами жизненного пространства выступили: Я, коммуникативная сфера, учебно-профессиональная сфера, сфера досуга, ценностно-смысловая сфера. Распределение количества объектов выделенных условных сфер пространства «обычной жизни» студентов в период пандемии и за год до нее представлено в табл. 2.

Таблица 2

Распределение частоты встречаемости объектов социально-психологического пространства «обычной жизни» молодежи в период пандемии 2020 г. и за год до нее (2019)

Линия анализа	Изображаемые объекты	Пандемия 2020 г.		2019 г.	
		абс	Количество респондентов, включивших данные объекты, %	абс	Количество респондентов, включивших данные объекты, %
Внутренние границы пространства	Я (сам)	7	2,6	27	20,8**
Коммуникативная сфера	Семья	235	88,3	107	82,3
	Друзья	182	68,4	65	50**
	Другие родственники	33	12,4	17	13,1
	Ровесники	13	4,9	4	3,1
	Домашние питомцы	27	10,2	11	8,5
	Партнер/любимый человек	77	28,9	40	30,8
	Интернет, социальные сети	12	4,5	4	3,1
	Всего	573	–	248	–
Учебно-профессиональная сфера	Учеба	190	71,4	64	49,2**
	Саморазвитие	101	38	19	14,6**
	Всего	291	–	83	–
Сфера досуга	Развлечения, отдых	142	53,4	27	20,8**
	Хобби	113	42,5	18	13,8**
	Всего	255	–	45	–
Смысловая сфера	Нематериальные ценности	187	70,3	58	44,6**
	Деньги	45	16,9	31	23,8
	Материальные ценности	37	13,9	5	3,8**
	Всего	269	–	94	–

Примечание – **Значение ϕ достоверно на уровне $p \leq 0,01$.

В табл. 2 видны существенные различия психологического пространства «обычной жизни» студентов в разные периоды его восприятия и репрезентации. Как мы отмечали выше, сам по себе факт динамики образа «обычной жизни» является свидетельством адаптационных процессов и его результатом, поскольку объективное изменение жизненной ситуации делает актуальной задачу обретения психологических ресурсов, обеспечивающих поиск возможностей в тех условиях, где реализуется жизнедеятельность субъектов. Изменение (реконструкция) субъективной структуры жизненного пространства человека, новое видение своего места в ней обеспечивают адаптацию личности к экстремальной ситуации, выработку ею новой адаптационной стратегии поведения [9: с. 165].

Обращает на себя внимание тот факт, что свое Я в границах субъективного пространства «обычной жизни» выделяет незначительное число респондентов как в исследовании 2019 г. (20,8 %), так и в период пандемии (2,6 %). Причем, как мы видим, велика отрицательная динамика ($\phi^* = 5,80$ при $p \leq 0,01$) обозначения внутренних границ личности при ретроспективной реконструкции образа «обычной жизни» в период самоизоляции (апрель–май 2020). О чем может свидетельствовать данный факт? Юношеский (студенческий) возраст является пери-

одом самоопределения, поиска, формирования личностной и профессиональной идентичности (Э. Эриксон, Дж. Марша). Процессы идентификации, несомненно, сопровождаются определением внутренних и внешних границ своего субъективного пространства, их взаимопроникновением. Отсутствие актуальной потребности определения и обозначения внутренних границ самости (Я) в этом возрасте может свидетельствовать о блокировании актуальных мотивационных векторов поиска (exploration) и преданности какой-либо предпочитаемой сфере деятельности (commitment), что определяет специфический статус личностного самоопределения, обозначаемый Дж. Марша и Э. Эриксоном как «диффузия идентичности». Большинство исследователей, опирающихся на топологический (пространственно-средовой) подход и использующих в интерпретации личностного развития метафору границ, утверждают, что наличие границы Я свидетельствует о потенциальной способности человека управлять своими состояниями, чувствовать свою суверенность, защищенность и независимость [16; 18; 24; 25 и др.]. Отсутствие выделения собственных границ, по мнению исследователей, свойственно тем людям, которые ставят чувства и потребности других людей выше собственных, не понимают самого себя и своих прав, считают, что

выставление пределов разрушает отношения и, наконец, никогда не пробовали выстроить здоровые границы [16: с. 28]. «Нарушение границ развивается в результате систематического унижения, игнорирования нужд человека, игнорирования его потребностей и чувств, когда вместо "что ты хочешь?" говорят "делай так, так правильно, так надо"» [18: с. 111]. Если учитывать, что жизненное пространство студентов представляет собой интроекцию внешних условий их существования, то можно предположить, что системные условия отечественного высшего образования препятствуют генезису здоровых границ [14].

Достоверно отрицательная динамика в обозначении своих границ студентами в период пандемии подтверждает усиление у них чувства зависимости, несвободы, игнорирования собственных потребностей в ситуации карантина.

В новом, реконструированном студенческой молодежью жизненном пространстве мы обнаруживаем изменение соотношения сфер жизнедеятельности (на основе анализа количественной иерархии). При сохранении преобладания коммуникативной сферы меняется порядок смысловой и учебно-профессиональной сферы, включающей в себя учебную деятельность (респондентами она определяется как «учеба») и деятельность, связанную с саморазвитием (самообразование, работа над собой, самосовершенствование/саморазвитие), – в период пандемии учебно-профессиональная сфера по частоте встречаемости в пространстве «обычной жизни» выходит на второе место, в то время как в 2019 г. была на третьем месте после смысловой, содержащей материальные (деньги, дом, машина, квартира) и нематериальные (любовь, счастье, свобода, здоровье) ценности. Сфера развлечений, объединяющая отдых и хобби, сохраняет свой условный ранговый статус в количественной иерархии объектов жизненного пространства студентов, но в период пандемии количество включенных в нее объектов приближается к учебно-профессиональной сфере. Такое перераспределение активности объясняется переходом студентов в дистанционный формат обучения, что повлекло за собой неизбежность вовлечения в образовательный процесс, ежедневное активное участие в учебных занятиях, выполнение необходимых заданий. Ограничение свободы передвижения, связанное с карантинной ситуацией, привело к увеличению времени, которое может использоваться для самообразования и организации своего индивидуального досуга («читаю», «смотрю фильмы», «занимаюсь творчеством», «наконец могу заниматься тем, на что вечно не хватало времени»).

Представляет интерес динамика содержания сфер субъективного жизненного пространства

учащейся молодежи, обусловленной сменой объективной жизненной ситуации. На рис. 1 представлены объекты психологического пространства «обычной жизни» студентов, в отношении которых выявлены значимые различия по частоте их изображения респондентами в 2019 и 2020 гг.

Как мы отмечали выше, обнаружены значительные различия в определении внутренних границ субъекта (объект «Я») в образе пространства «обычной жизни» студентов-дальневосточников в витограммах и 2019, и 2020 г. Динамика внутренних границ жизненного пространства «обычной жизни» в реконструированном варианте периода пандемии (2020) связана с существенным уменьшением упоминаний Я ($\phi^* = 5,80$ при $p \leq 0,01$).

Сравнительный анализ коммуникативного сектора пространства «обычной жизни» молодых участников исследования в 2019 и 2020 гг. (т.е. в период пандемии) показал существенное увеличение количества включений объекта «друзья» ($\phi^* = 3,526$ при $p \leq 0,01$). Усиление коллективистических тенденций, повышение сплоченности и единства группы в экстремальной ситуации, в том числе в ситуациях кризиса, затрудненного общения, изоляции, – закономерная реакция людей, описанная множеством исследователей [5; 19].

Рис. 1. Динамика (достоверное изменение количества респондентов (в %), включивших в витограммы данные объекты) психологического пространства «обычной жизни» студенческой молодежи в ситуации пандемии: □ – «Моя обычная жизнь» (2019); ■ – «Моя обычная жизнь» (2020)

Дружба и дружеские отношения как специфический вид социальных отношений, согласно выводам большинства исследователей, весьма актуаль-

ны в юношеском возрасте, в период становления жизненных концепций, так как основаны на симпатии и единстве взглядов, глубокой личной привязанности и совпадении жизненных целей и интересов [3; 17]. Увеличение значимости друзей в обычной жизни может носить компенсаторный характер [3; 23]. В эмпирическом исследовании А.В. Гончарова и Н.П. Сенченкова, где респондентами выступили молодые люди в возрасте от 18 до 25 лет, выяснилось, что больше всего в дружбе они ценят взаимную помощь, моральную поддержку, а также совпадение вкусов и интересов. Причинами возникновения дружбы авторы называют стремление избежать одиночества, взаимную поддержку, оказание помощи друг другу, единство взглядов и интересов и др. Таким образом, дружба является для юношей своеобразной формой психотерапии, поскольку дает возможность выразить чувства и получить ответное сопереживание, разделяющее сомнения, надежды и тревоги. Данные выводы согласуются с результатами исследования В.И. Гушина, направленного на выявление закономерностей дистанционного общения малых групп в условиях долговременной изоляции. Было обнаружено функциональное преобладание регуляционно-коммуникативной и эмоционально-коммуникативной сторон общения над информационно-коммуникативной [5].

Таким образом, в условиях пандемии молодые люди особенно остро переживают недостаточную удовлетворенность эмоциональных потребностей. Адаптационные процессы приобретают аффилиативный характер, обеспечиваются коммуникативной сферой, основная функция которой состоит в эмоциональной поддержке, выступающей в качестве наиболее эффективного регулятора жизненных стрессов [23].

Значимо чаще в психологическом пространстве «обычной жизни», реконструированном участниками исследования в период пандемии (2020), мы обнаруживаем объекты-потребности, которые нами отнесены к учебно-профессиональной сфере: «учеба» ($\varphi^* = 4,284$ при $p \leq 0,01$) и «саморазвитие» ($\varphi^* = 5,076$ при $p \leq 0,01$).

Отметим, что, несмотря на то что при теоретическом совпадении учебно-профессиональной деятельности и саморазвития (феноменальная тождественность мотивов стремления к самосовершенствованию, самоизменению, определяющих особую социальную ситуацию развития и ведущую деятельность в юношеском возрасте и т.п.) [4: с. 114–123], студенты эти актуальные для них объекты-потребности дифференцируют, изображая их раздельно в своем жизненном пространстве. Данный факт указывает на внутренне переживаемую респондентами антонимию саморазвития и учебы, подчеркивая вынужденный, задаваемый извне характер последней.

Частота графического представления «саморазвития» (наряду с которым были использованы такие обозначения, как самосовершенствование, самопознание, личное развитие, работа над собой) в психологическом пространстве «обычной жизни» в период пандемии значимо увеличивается (14,6 % в 2019 г. и 38 % в 2020 г.). Исследования развивающего влияния экстремальной ситуации [6; 19; 22] показывают, что любая экстремальная ситуация может быть использована как возможность познания и совершенствования себя, возможность личностного развития.

Таким образом, сочетание факторов возраста с внешними условиями, ограничивающими внешнюю активность и привычный круг общения в период пандемии, определяет стремление респондентов к углублению процессов самопознания и саморазвития в ретроспективной интроспекции своего психологического пространства «обычной жизни».

Значимо чаще в субъективное пространство «обычной жизни» в период пандемии студенты включают разного рода хобби ($\varphi^* = 6,142$ при $p \leq 0,01$) и развлечения/отдых ($\varphi^* = 6,47$ при $p \leq 0,01$).

Данный факт вполне объясним: реализация привычных занятий (часть респондентов их конкретизирует: «тренировки», «соревнования», «танцы», «волейбол» и т.п. В 2019 г. – 13,8 %, в 2020 г. – 42,5 %) и развлечений (в 2019 г. – 20,8 %, в 2020 г. – 53,4 %) реально затруднена в условиях пандемии, что ретроспективно под влиянием фрустрации данных потребностей увеличивает их значимость для респондентов.

Динамика смысловой сферы пространства жизни студентов, обусловленная ситуацией пандемии, также достоверно положительная. Участники исследования увеличивают количество как материальных объектов-потребностей ($\varphi^* = 3,45$ при $p \leq 0,01$), так и нематериальных ценностей ($\varphi^* = 4,915$ при $p \leq 0,01$).

Увеличение нематериальных ценностей в пространстве «обычной жизни» произошло за счет появления ценностей, значение которых опять же актуализировалось в контексте новой ситуации. Наиболее часто встречающейся в витаграммах «Моя обычная жизнь» (2020) нематериальной ценностью является здоровье, практически не представленное в аналогичных витаграммах 2019 г. Помимо нее пространство «обычной жизни» студентов (2020) содержит такие нематериальные ценности, как свобода, счастье, взаимопонимание, благополучие, творчество, красота, искусство. Перечисленные ценности указывают на ретроспективное переживание респондентами их утраты, сигнализируют о состоянии депривации, потребности в сохранении самоконтроля и рациональной саморегуляции, психологической безопасности.

Таблица 3

Средние значения количества кругов в отражении молодежью динамики своего субъективного пространства в период пандемии (2020)

«Моя обычная жизнь» (2020)	«Моя жизнь в условиях пандемии коронавируса COVID-19» (2020)	t-value	p
8,3	6,5	6,1	0,000

Таким образом, сравнительный анализ содержания характеристик субъективного пространства «обычной жизни» студенческой молодежи до пандемии и непосредственно в период карантина показывает, что реакцией на экстремальную ситуацию, связанную с изоляцией, является его реконструкция. На *неосознаваемом интуитивном уровне* участники исследования обнаружили актуальность объектов-потребностей своего жизненного пространства, значение которым не придавали в ситуации относительного благополучия (2019). Ситуация пандемии (2020) высветила наиболее значимые для студенческой молодежи сектора и мотивы пространства их «обычной жизни», ретроспективное переживание респондентами утраты свободы, благополучия, возможности заниматься привычными делами, что свидетельствует о состоянии депривации, актуализации потребностей в сохранении самоконтроля и рациональной саморегуляции, психологической безопасности.

Данный вывод поддерживается отрицательной динамикой в определении респондентами внутренних границ субъекта (объект «Я») в пространстве «обычной жизни». Отсутствие выделенных субъективных границ у большинства респондентов, несмотря на закономерную возрастную потребность юношества в самоопределении, является свидетельством сформированной зависимости, диффузии идентичности, отказ от поиска своего места в жизни, причиной которых, как показывают исследования, являются системные особенности высшей школы России. В сочетании с фактами актуализации дружеских отношений в ретроспективной репрезентации своего жизненного пространства утрата внутренних границ составляет дополненную картину депривации студентов, разрушения их суверенности, созависимости и смещения внутренних и внешних границ.

Возможность психологической интерпретации *рефлексивного* переживания студентами динамики их жизненного пространства и возможных копинг-стратегий, связанных с измененными условиями, вызванными ситуацией пандемии, предоставляется в ходе анализа витаграмм «Моя обычная жизнь» и «Моя жизнь в условиях пандемии» (2020).

В табл. 3 приведены средние значения количества изображенных респондентами кругов в витаграммах «Моя обычная жизнь» и «Моя жизнь в условиях пандемии». Мы видим значительное уменьшение количества объектов-потребностей, включенных участниками исследования в свое жизненное пространство в условиях пандемии. Рефлексивно в своей интроспекции условий карантина студенты сужают субъективное жизненное пространство, что согласуется с обнаруженным в исследованиях В.И. Гуцина феноменом «психологического закрывания» в экстремальных условиях [5].

На рис. 2 представлена динамика содержания сфер субъективного жизненного пространства учащейся молодежи, в отношении которых были выявлены значимые различия.

Сопоставление достоверно отличающихся по количеству включений респондентами объектов, наполняющих их жизнь в условиях пандемии и «обычной жизни» 2020 г., демонстрирует их несовпадение как по содержанию, так и по направлению изменений. Не выявлено достоверного увеличения количества включений объектов-потребностей в витаграммы «Моя жизнь в условиях пандемии» в сравнении с витаграммами «Моя обычная жизнь» 2020 г.

Рис. 2. Сравнение содержания витаграмм «Моя обычная жизнь» и «Моя жизнь в условиях пандемии» (достоверные различия количества респондентов (в %), включивших представленные объекты): □ – «Моя обычная жизнь» (2020); ■ – «Моя жизнь в условиях пандемии» (2020)

Респонденты, как правило, уменьшают количество изображаемых объектов при воспроизводстве жизненного пространства в условиях карантина. Большинство сниженных шкал-объектов объяснимо: избыточным и поэтому неактуальным становится общение («семья» ($\varphi^* = 3,17$ при $p \leq 0,01$) и «другие родственники» ($\varphi^* = 2,77$ при $p \leq 0,01$),

«сверстники» ($\varphi^* = 4,915$ при $p \leq 0,01$), «партнер/любимый человек» ($\varphi^* = 2,32$ при $p \leq 0,01$)).

Важным фактом представляется отрицательная динамика саморазвития в рефлексивной репрезентации жизненного пространства студентами в условиях пандемии. Интуитивно отмечая для себя высокую ценность саморазвития (утверждаем на основе сравнения витаграмм «обычной жизни» 2019 и 2020 гг.), на рефлексивном уровне студенты достоверно ($\varphi^* = 2,11$ при $p \leq 0,05$) «отказываются» от него (сравнение витаграмм «Моя обычная жизнь» (2020) и «Моя жизнь в условия пандемии» (2020)). Мы видим вариант деструктивной копинг-стратегии преодоления состояния депривации – отказ от саморазвития, его активных форм (хобби ($\varphi^* = 2,70$ при $p \leq 0,01$), работа ($\varphi^* = 2,31$ при $p \leq 0,01$)).

Интересным в контексте понимания копинг-стратегий студентов дальневосточных вузов в ситуации пандемии представляется рефлексивное изменение (реконструкция) субъективных моделей жизненного пространства (иерархии оценочных объектов-шкал), что наглядно демонстрируется в приведенных ниже примерах витаграмм двух респондентов.

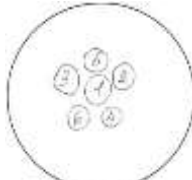
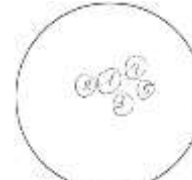
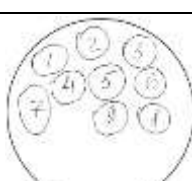

Респондент 1	
«Моя обычная жизнь»	«Моя жизнь в условиях пандемии»
	
<ol style="list-style-type: none"> 1. Семья. 2. Близкие друзья. 3. Спорт. 4. Хобби. 5. Учеба. 6. Саморазвитие 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Саморазвитие. 2. Семья. 3. Спорт. 4. Близкие друзья. 5. Учеба
Респондент 2	
«Моя обычная жизнь»	«Моя жизнь в условиях пандемии»
	
<ol style="list-style-type: none"> 1. Общение. 2. Любимый человек. 3. Учеба. 4. Одноклассники. 5. Знакомые. 6. Спорт. 7. Музыка. 8. Семья. 9. Соц. сети 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Семья. 2. Любимый человек. 3. Дистанционное обучение. 4. Музыка. 5. Фильмы. 6. Общение в соц. сетях

Рис. 3. Примеры витограмм

Очевидно, что происходит переосмысление, повышающее адаптационные механизмы в новых условиях (полезность поведения), что в терминологии НЛП рассматривается как «контекстный рефрейминг» [2]. Так, респондент № 1 перемещает саморазвитие с шестого на первое место, семья смещается с первого на второе, а близкие друзья – со второго на четвертое (учеба позицию не меняет). Второй респондент «обесценивает» общение, смешивая его непосредственные и виртуальные формы. Навязанный характер объекта-потребности «учеба» подчеркнут его переименованием автором витаграммы в «дистанционное обучение». Позиция учебы (дистанционное обучение) так же, как и в первом примере, не изменена.

Подводя итоги анализа результатов исследования динамики жизненного пространства студенческой молодежи в условиях пандемии, отметим следующее. Феномен жизненного пространства обладает высоким прогностическим и объяснительным потенциалом, так как представляет собой превращение действительных обстоятельств жизни посредством внутрисубъективной интеграции в ресурс сохранения целостности личности, согласования внешних условий и внутренних ее возможностей [8; 23]. Как показывают исследования, в экстремальной или кризисной ситуации, решая «задачу на выживание», человек стремится к удержанию внутренних границ, препятствуя разрушению своей личности, выбирая либо конструктивные, либо деструктивные способы преодоления депривации (утраты возможности удовлетворения актуальных потребностей).

Анализ динамики содержания и границ субъективного психологического пространства «обычной жизни» студенческой молодежи в ситуации пандемии показывает, что ситуация вынужденного карантина и самоизоляции воспринимается участниками исследования как экстремальная и кризисная. Произошла реконструкция образа жизненного пространства привычной ситуации совокупного респондента. Интуитивно участники исследования отмечают, что ситуация пандемии (2020) высветила наиболее значимые для них сектора и мотивы пространства их «обычной жизни», демонстрирующие ретроспективное переживание утраты свободы, благополучия, возможности заниматься привычными делами, контроля за развитием событий, что свидетельствует о состоянии депривации, актуализации потребностей в сохранении самоконтроля и рациональной саморегуляции, психологической безопасности. Данное умозаключение опирается на факт отрицательной динамики в определении респондентами внутренних границ субъекта (объект «Я») в пространстве «обычной жизни». Отсутствие выделенных субъективных границ у большинства респондентов, несмотря на закономерную возрастную потребность юношества в самоопределении, является свидетельством сформированной зависимости, диффузии идентичности, отказа от поиска своего места в

жизни, причиной которых, как показывают исследования, являются системные особенности высшей школы России. В сочетании с фактами актуализации дружеских отношений в ретроспективной репрезентации своего жизненного пространства утрата внутренних границ поддерживает вывод о депривации студентов, разрушении их суверенности, присутствии созависимости и смещения внутренних и внешних границ.

Анализ *рефлексивного* переживания студентами динамики их жизненного пространства, спровоцированной ситуацией пандемии 2020 г., показал, что студенты демонстрируют феномен «психологического закрывания» своего жизненного пространства как реакцию на экстремальную ситуацию, обесценивают общение, которое становится избыточным. Статистически преобладающими копинг-стратегиями студентов в ситуации карантина и самоизоляции выступают отказ от саморазвития и его активных форм, контекстный рефрейминг. Данные способы преодоления депривации являются преимущественно деструктивными, т.е. усиливающими зависимость от внешнего окружения, снижающими самоконтроль, способствующими личностному регрессу.

Отметим, что данные выводы, сделанные на основе исследования репрезентативной выборки студентов дальневосточных вузов, актуализируют проблему развития суверенности личности (конструктивной динамики внутренних и внешних границ ее субъективного жизненного пространства) в условиях системы отечественного высшего образования, которая не только, несомненно, имеет адаптивную ценность (сохраняет уверенность в себе, самодостаточность), но и обеспечивает социальную успешность и преобразовательную активность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аммон, Г. Динамическая психиатрия / Г. Аммон. – Санкт-Петербург : Питер, 1995.
2. Банистер, С. Основы НЛП: Успех в профессиональной, общественной и личной жизни / С. Банистер, А. Викерс. – URL: https://eusi.ru/lib/bavister_osnovy/14.php (дата обращения: 28.08.2020).
3. Белявцева, А.Е. Дружба в жизни современной молодежи / А.Е. Белявцева, Е.В. Крутых // Современные наукоемкие технологии. – 2013. – № 7. – Ч. 2.
4. Битянова, Н.Р. Проблема саморазвития личности в психологии: Аналитический обзор / Н.Р. Битянова. – Москва : МПСИ; Флинта, 1998. – 386 с.
5. Гуштин, В.И. Закономерности дистанционного общения изолированных малых групп в долговременной изоляции : дис. ... д-ра мед. наук / В.И. Гуштин. – Москва, 2003. – 263 с.
6. Дашкова, С.В. Экстремальная ситуация как ресурс развития личности / С.В. Дашкова // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии. – Москва, 2014.
7. Журавлев, А.Л. Психологическое и социально-психологическое пространство личности: теоретические основы исследования / А.Л. Журавлев, А.Б. Купрейченко // Знание. Понимание. Умение. – 2012. – № 2. – С. 13.
8. Завалишина, Д.Н. Субъект профессиональной деятельности: динамический аспект / Д.Н. Завалишина // Психология субъекта профессиональной деятельности / под ред. В.А. Барабанщикова, А.В. Карпова. – Москва–Ярославль, 2002. – Вып. 2. – С. 42–64.
9. Кулик, А.А. Периоды психологической адаптации к экстремальной ситуации / А.А. Кулик // Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности : сб. науч. ст. междунар. науч.-практ. конф. / под ред. Р.В. Кадырова. – Владивосток, 2011. – С. 165–172.
10. Лангмейер, Й. Психическая депривация в детском возрасте / Й. Лангмейер, З. Матейчик. – Прага : Авиценум, 1984. – 334 с.
11. Левин, К. Теория поля в социальных науках / К. Левин. – Санкт-Петербург : Сенсор, 2000.
12. Майерс, Д. Конструирование воспоминаний / Д. Майерс // Интуиция. – Москва : Питер, 2009. – 76 с.
13. Мартыанова, Г.Ю. Динамика регуляторной активности субъекта в трудной жизненной ситуации / Г.Ю. Мартыанова // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. – 2014. – № 3 (34). – С. 122–132. – (Серия 4: Педагогика. Психология).
14. Махова, И.Ю. Личностная идентичность как психологическое основание моделирования личностно-ориентированной системы высшего образования : монография / И.Ю. Махова, О.Д. Стародубец / под ред. И.Ю. Маховой. – Комсомольск-на-Амуре : Изд-во АмГПУ, 2008. – 222 с.
15. Мунгалов, В.Н. Психологические пространства человека / В.Н. Мунгалов // Сибирский психологический журнал. – 2012. – № 45. – С. 104–111.
16. Нартова-Бочавер, С.К. Психология суверенности: десять лет спустя / С.К. Нартова-Бочавер. – Москва : Смысл, 2017. – 200 с.
17. Никитина, Д.В. Дружба: парадигмы исследования / Д.В. Никитина // Вестник ЗабГУ. – 2011. – № 12.
18. Паулсен, А.В. Нарушения границ личности: механизмы, симптомы и последствия / А.В. Паулсен // Журнал практического психолога. – 2015. – № 4. – С. 111–112.
19. Правдина, Л.Р. Влияние экстремальной ситуации на динамику социально-психологических характеристик личности : дис. ... канд. психол. наук / Л.Р. Правдина. – Ростов-на-Дону, 2004. – 233 с.
20. Уилбер, К. Интегральная психология: Сознание, Дух, Психология, Терапия / Кен Уилбер. – Москва, 2004. – URL: http://www.incunabula.ru/blogs/library/ebook/integral_psychology_ken_wilber%28rus%29.pdf (дата обращения: 24.09.2020).
21. Уманская, Е.Г. Проблема депривации в психологической науке 20–60-х гг. XX в. : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.01 / Е.Г. Уманская. – Москва, 2005. – 204 с.
22. Франкл, В. Человек в поисках смысла : сборник / В. Франкл ; пер. с англ. – Москва : Прогресс, 1990. – 368 с.
23. Фрэнкин, Р. Мотивация поведения: биологические, когнитивные и социальные аспекты / Р. Фрэнкин. – 5-е изд. – Санкт-Петербург : Питер, 2003. – 652 с.
24. Шаповал, И.А. Выход за границы Я как акт конструктивной агрессии / И.А. Шаповал // Альманах современной науки и образования. – 2016. – № 4 (106). – С. 137–141.
25. Шаповал, И.А. Функции и дисфункции границ Я: эффекты самоорганизации и самодезорганизации системы / И.А. Шаповал // Клиническая и специальная психология. – 2016. – Т. 5, № 1. – С. 19–32.
26. Шаповал, И.А. Депривированная суверенность: социальные и дизонтогенетические эффекты инфантилизма / И.А. Шаповал, Л.А. Аскольская // Педагогический журнал. – 2010. – № 2 (27). – С. 48–71.
27. Шукова, Г.В. Особенности социально-психологического пространства молодых специалистов – практических психологов / Г.В. Шукова // Психологические исследования. – 2014. – Т. 7, № 33. – С. 12. – URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2014v7n33/938-shukova33.html> (дата обращения: 28.08.2020).
28. Bolby, J. Child care and the growth of love / J. Bolby. – Singapore : Pergin books, 1983.

DOI: 10.31079/1992-2868-2020-17-4-168-172

РОЛЬ ДЕТЕРМИНАНТ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ МОТИВАЦИИ ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ

Н.Г. Григорьева

С.М. Дрюцкая

В статье рассматривается классификация детерминант профессионального самоопределения, анализируется психологическая сущность профессионального самоопределения и влияние этого феномена на жизненную траекторию личности. Изучаются детерминанты профессионального самоопределения и их роль в формировании мотивации обучения студентов. Описывается выявленная эмпирическим путем иерархия детерминант профессионального самоопределения по их значимости для индивидуума.

Ключевые слова: профессиональное самоопределение, социальные, социально-психологические и психологические детерминанты, мотивы, успешность.

THE ROLE OF THE DETERMINANT OF PROFESSIONAL PERSONAL IDENTITY IN THE FORMATION OF LEARNING STUDENTS MOTIVATION

N.G. Grigorieva

S.M. Drutckaya

The article considers the classification of causes of professional self-determination, analyzes the psychological essence of professional self-determination and the influence of this phenomenon on the life trajectory of the individual. The causes of professional self-determination and their role in the formation of students' learning motivation are studied. The article describes an empirically determined hierarchy of factors of professional self-determination according to their significance for the individual.

Key word: Professional self-determination, social, socio-psychological and psychological determinants, motives, success.

Во все времена человеческой цивилизации актуальной была и остается проблема подготовки эффективных специалистов. Менялись только требования общества к профессионалам: была востребованность в высококвалифицированных специалистах узкой направленности, затем возникла необходимость подготовки конкурентоспособных специалистов, сейчас рынок труда требует профессионала со способностью к инновационной деятельности, обладающего креативным, критическим мышлением, готового не только производить востребованные продукты и преобразовывать окружающий мир, но и творить новые артефакты, созидать благополучную окружающую среду, расширять формы познавательной деятельности, мобильно и продуктивно реагировать на всевозможные вызовы и быть успешным в любой неопределенной ситуации.

Для подготовки современных востребованных специалистов необходимо создать соответствующую систему профессионально-ориентированного образования. И прежде всего необходимо начать с качественного изменения процесса профессионального самоопределения молодых людей. Профессиональное самоопределение является ответственным стартом во взрослую жизнь. Именно профессионально-ориентированное обучение в период юности имеет особую важность для дальнейшего развития личности, так как профессиональное обучение является ведущим видом деятельности для молодых людей, под воздействием которой формируются и развиваются все важные личностные образования, которые позволяют в дальнейшем человеку состояться в профессии и быть самодостаточным взрослым со способностью к самореализации. Эту зависимость

Григорьева Надежда Георгиевна – доктор педагогических наук, профессор кафедры общей, юридической и инженерной психологии Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Grigorieva Nadezhda Georgievna – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of General, Legal and Engineering Psychology at Far Eastern State Transport University (Khabarovsk).

E-mail: an08027@mail.ru

Дрюцкая Светлана Михайловна – кандидат биологических наук, доцент кафедры химии Дальневосточного государственного медицинского университета (г. Хабаровск).

Drutskaya Svetlana Mikhailovna – Candidate of Biological Sciences, Associate Professor of the Department of Chemistry at Far Eastern State Medical University (Khabarovsk).

E-mail: sveta07027@mail.ru

© Григорьева Н.Г., Дрюцкая С.М., 2020

отмечают многие исследователи. «Основной причиной неудач в профессиональной деятельности является неподготовленность личности к профессиональному самоопределению и случайный, неосознанный выбор сферы труда» [3: с. 14].

Профессиональное самоопределение изучается многими гуманитарными науками. В психологии данный феномен рассматривается с позиции процесса, который может длиться в течение всей жизни человека и быть системообразующим для человеческой жизнедеятельности. Также профессиональное самоопределение детерминируется как активность человека, отдельное действие индивидуума, или же представляется в виде определенных этапов, связанных не только с выбором профессии, но и жизненных смыслов, жизненной траектории развития, психологическим взрослением, появлением новых личностно-ценностных смыслов, переходом на новый уровень субъектности. Наиболее актуальная позиция в понимании сущности профессионального самоопределения у доктора психологических наук Э.Ф. Зеера, который считает, что главный смысл этого явления заключается в самостоятельном и осознанном согласовании профессионально-психологических возможностей человека с содержанием и требованиями профессионального труда, а также нахождении смысла выполняемой деятельности в конкретной социально-экономической ситуации [5].

Большое внимание в научной литературе уделяется исследованиям влияния профессионального самоопределения на формирование личностно-ценностных смыслов. Вместе с тем менее изученной остается проблема влияния различных факторов профессионального самоопределения, в том числе социальных, психологических, на дальнейшую профессиональную идентификацию молодых людей, которая, в свою очередь, формирует мотивационно-ценностную сферу человека.

Рассматривая профессиональное самоопределение как первый этап в самореализации личности в профессиональной сфере, ученые констатируют, что со временем человек имеет право вносить изменения в ход своей самореализации, обращаясь к тому или иному её этапу [2]. Профессиональное самоопределение осуществляется на протяжении всей профессиональной жизни человека. Этого требует и современная быстро меняющаяся профессиональная структура. Однако важность первого этапа профессионального самоопределения для формирования ценностных ориентиров в жизни молодого человека бесспорна.

При выборе будущей профессии большое значение для дальнейшей профессиональной самоактуализации человека представляют определенные детерминанты профессионального самоопределения. Среди них выделяют детерминанты социальной ответственности, социальный долг человека,

государственную или общественную ориентацию молодых людей на престижные профессии в аспекте их значимости в развитии промышленности, экономики страны. То есть важны те факторы воздействия на выбор профессионального самоопределения, которые характеризуются предикатом «надо» и которые выбираются человеком по какой-либо необходимости. Такие детерминанты можно назвать социальными детерминантами профессионального самоопределения. При их активности, как указывают исследования, «проблемы возникают в ходе самореализации личности уже на первом этапе – этапе самоопределения и распространяются на последующие этапы» [2: с. 81].

К социально-психологическим детерминантам можно отнести роль родителей в профессиональном самоопределении молодых людей. Родители имеют большое влияние на своих детей в выборе будущей профессии. Это подтверждают и результаты многочисленных исследований. «В выборе профессионального пути молодых людей одну из ведущих ролей осуществляют родители» [4: с. 14]. «Чаще всего на учащихся оказывают влияние социальные мотивы... причем в большинстве случаев учащиеся руководствуются мнением и выбором родителей» [8: с. 126].

К психологическим детерминантам профессионального самоопределения необходимо отнести осознанный адекватный выбор профессии в соответствии со своими способностями и интересами. Очевидно, в данных детерминантах играют определенную роль и родители, но косвенным образом. Родители чаще всего дают возможность развиваться разнопланово в дошкольный и школьный период – организуют посещение детьми всевозможных кружков, секций, которые позволяют выявить определенные склонности, способности и развить соответствующий интерес у ребенка. Эти мотивационные личностные образования в виде внутренних побудителей – мотивов, конечно, повлияют в дальнейшем на личностное развитие человека и на его профессиональное самоопределение.

Данную закономерность подтверждают многие ученые. И.С. Кон доказывал, что человек начинает свой путь восхождения к профессиональному самоопределению в детские годы, когда игра является благодатной средой, в которой ребенок примеряет всевозможные профессиональные роли и пробует реализовывать профессиональные функции. Но наиболее благоприятный, сенситивный период начала осознанного профессионального самоопределения – это подростковый возраст. В этом возрасте происходит формирование психологических феноменов, которыми являются профессионально-ориентированные мотивы, позволяющие уже на следующем этапе взросления, в период юности, осознанно определиться

с выбором профессии, то есть сделать то действие, которое предопределяет всю жизнь человека [7].

Однако на сегодняшний день необходимо констатировать неэффективное сочетание социально-психологических детерминант профессионального самоопределения. Существует мнение, что только 37 % выпускников работают по профессии [6]. По данным Минтруда России, нашли себе работу по специальности только 71 % выпускников российских вузов, закончивших учебу в 2015–2017 гг. Эксперты Всероссийского научно-исследовательского института труда отмечают, что абитуриенты не вполне осознанно подходят к выбору специальности, не воспринимают ее как профессию, в соответствии с которой им в дальнейшем предстоит трудоустроиться. Эти данные указывают на наличие реальной проблемы, возникающей на первом этапе профессионального самоопределения.

Наши исследования, проведенные в общеобразовательных школах, также показывают, что нет единой программы сопровождения профессионального самоопределения обучающихся. В этом направлении приоритет отдан высшим и средним профессиональным учебным заведениям, которые конкурируют в рекламных мероприятиях по привлечению выпускников школ в свои учебные заведения. Образовательная реклама в этом случае является основополагающим внешним социальным детерминантом профессионального самоопределения обучающихся.

Таким образом, в реальной жизни выбор будущей профессии происходит примерно у половины старшеклассников и часто осуществляется на основе стихийных факторов. Более того, даже в том случае, если выбор профессии мотивирован, успешность профессионального самоопределения не может быть до конца гарантирована, так как «формирование устойчивого положительного отношения к профессии происходит только в ходе самой профессиональной деятельности» [4: с. 249].

Имитация или осуществление профессиональной деятельности во время учебного процесса через запланированную систему прохождения практик также часто приводит к утрате профессиональной идентификации из-за того, что вузы не имеют собственных баз практик. А в организациях, в которых проходят практику студенты, по-разному относятся к практикантам, да и система профессиональной деятельности на этих предприятиях может быть недостаточно эффективной и может не служить положительным примером организации профессиональной деятельности [1].

Важность сознательного профессионального самоопределения очевидна, а последствия ошибки на этом этапе повышают шансы разочарования, что зафиксировано в исследованиях многих авторов: «...выявлена тенденция несоответствия ожиданий студентов в отношении выбранной специальности

на первичном этапе обучения (студенты, обучающиеся в младших курсах вуза) и полное разочарование в конце обучения (на старших курсах), что составило около 50 % студентов» [9: с. 29].

Целью же данного исследования является прямое изучение детерминант профессионального самоопределения в аспекте формирования успешной учебной мотивации обучающихся.

Исследование с использованием анкетирования, интернет-анкетирования и методики Т.И. Ильиной «Изучение мотивации обучения в вузе» было проведено среди студентов технического и медицинского вузов. Были выявлены детерминанты профессионального самоопределения у 105 студентов первого и второго курса технического вуза (рисунок).

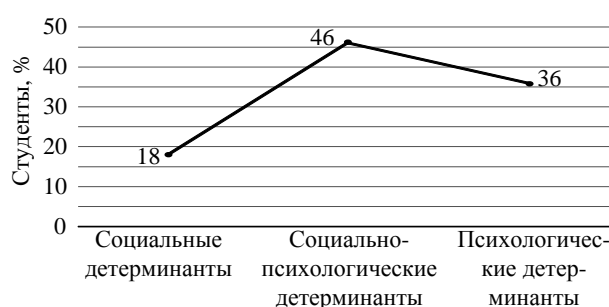

Рисунок. Количество студентов, %, технического вуза с различными детерминантами профессионального самоопределения

Результаты исследования указывают, что из всех детерминант профессионального самоопределения наиболее значимы социально-психологические детерминанты (46 %), т.е. влияние родителей является самым важным и самым значимым в профессиональном самоопределении молодых людей. На втором месте по значимости – психологические детерминанты, т.е. собственные интересы, способности, сознательное профессиональное самоопределение. На третьем месте – социальные детерминанты, т.е. менее значимо влияние социальных интересов, запросов, агитации, рекламы и прочих внешних факторов, способствующих профориентации молодых людей. Причем социальное влияние слабее по эффективности воздействия на профессиональное самоопределение молодых людей в два раза по сравнению с личностными интересами и слабее в 2,6 раза по сравнению с влиянием родителей.

Было изучено отношение студентов к выбранной профессии спустя некоторое время обучения в вузе (один или два года обучения). Интересовали вопросы: не изменилось ли у студентов отношение к выбранной специальности, желают ли они по-прежнему работать по специальности или думают после окончания вуза пойти работать по другой специальности; или они передумали учиться по выбранной специальности и будут менять место учебы; или передумали работать по выбранной специальности, но будут продолжать учиться, чтобы получить диплом.

Изучались по вышеуказанным вопросам отдельно друг от друга три группы студентов, у которых профессиональное самоопределение состоялось под воздействием одних и тех же детерминант.

Из студентов, у кого профессиональное самоопределение состоялось под влиянием психологических детерминант, не передумали и хотят работать по специальности 55 %, не передумали, но будут работать «как придется» 25 % и передумали работать по специальности 20 % студентов.

Из студентов, у кого профессиональное самоопределение состоялось под влиянием социально-психологических детерминант, не передумали и хотят работать по специальности 24 %, не передумали, но будут работать «как придется» 36 % и передумали работать по специальности 40 % студентов.

Из студентов, у кого профессиональное самоопределение состоялось под влиянием социальных детерминант, не передумали и хотят работать по специальности 30 %, не передумали, но будут работать «как придется» 0 % и передумали работать по специальности 70 % студентов.

Таким образом, результаты исследования показывают, что больше всего студентов, которые передумали работать по специальности, среди тех, у кого профессиональное самоопределение состоялось под влиянием социальных детерминант (70 %). И меньше всего студентов, которые передумали работать по специальности, среди тех, у кого профессиональное самоопределение состоялось под влиянием психологических детерминант (20 %), что в 3,5 раза меньше, чем в группе с влиянием социальных детерминант профессионального самоопределения.

Была исследована взаимозависимость детерминант профессионального самоопределения и учебной мотивации студентов (табл. 1).

Таблица 1

Учебная мотивация студентов с разными детерминантами профессионального самоопределения

Учебная мотивация	Студенты с профессиональным самоопределением, %		
	под влиянием психологических детерминант	под влиянием социально-психологических детерминант	под влиянием социальных детерминант
На приобретение знаний и профессии	75	40	60
На получение диплома	25	60	40

Данные результаты исследования указывают, что наиболее эффективно обучаются студенты, у которых профессиональное самоопределение состоялось под влиянием психологических детерминант: у 75 % респондентов учебная мотивация

направлена на получение знаний и профессии. И 80 % из этой группы респондентов не разочаровались в выборе своей профессии. Эти результаты подтверждают, что наиболее эффективными для формирования учебной мотивации студентов являются психологические детерминанты профессионального самоопределения.

Результаты исследования также указывают, что менее эффективно обучаются студенты, у которых профессиональное самоопределение состоялось под влиянием социально-психологических детерминант: только у 40 % респондентов учебная мотивация направлена на получение знаний и профессии. Хотя 60 % из этой группы респондентов не передумали работать по выбранной специальности, но из них 36 % студентов уточнили, что будут работать «как придется». Эти результаты подтверждают, что менее эффективными для формирования учебной мотивации студентов являются социально-психологические детерминанты профессионального самоопределения – мнение родителей. То есть даже если студенты не передумали работать по специальности, учиться ради знаний они не желают. И количество таких студентов достаточно большое – 20 % респондентов.

Около 60 % студентов, у которых профессиональное самоопределение состоялось под влиянием социальных детерминант, имеют учебную мотивацию, ориентированную на приобретение знаний и профессии. Таких студентов больше, чем студентов, которые мотивированы на выбор профессии родителями (40 %).

Аналогичное исследование было осуществлено среди студентов медицинского вуза. Респондентами были 107 студентов первого и второго курса.

В отличие от технического вуза в медицинском вузе было довольно сложно отделить друг от друга социально-психологические детерминанты и психологические детерминанты профессионального самоопределения. У многих студентов детские мечты о будущей профессии возникли под влиянием родителей, родственников, которые работали в сфере медицины, или знакомых, которые достойно самореализовались в профессии. Механизм интериоризации преобразовал внешние факторы – достойные примеры в профессии – во внутренние ценностные отношения к профессии. И таких респондентов было выявлено 60 %. Количество студентов с профессиональным самоопределением под воздействием социальных детерминант составило 40 %. Это объяснимо социально ориентированной профессией медицинского работника.

Вышеуказанный вывод подтверждается результатами исследования (табл. 2) по выявлению изменения отношения студентов к выбранной профессии под влиянием повышения социального статуса медицинского работника в период коронавирусной пандемии, когда общество стало с благодарностью

относиться к врачам, которые героически сражаются с непростой болезнью, выхаживая своих пациентов в период опасности быть самим зараженными.

Таблица 2

Отношение студентов медицинского вуза к повышению значимости профессии медицинского работника в период пандемии

Утверждение	Количество студентов, согласных с утверждением, %, «Да, согласен»	Количество студентов, не согласных с утверждением, %, «Не согласен»
Сегодняшняя ситуация с коронавирусной пандемией повысила престижность профессии медицинского работника	88,8	11,2
Сегодняшняя ситуация с коронавирусной пандемией повлияет на Ваше решение быть медицинским работником	88	12
Сегодняшняя ситуация с коронавирусной пандемией усилила Ваше желание быть медицинским работником	65,4	34,6

Результаты данного исследования показывают, что изменения социального детерминанта профессионального самоопределения: повышение статуса медицинского работника, усиление общественных ожиданий по поводу качественной, эффективной работы медицинских работников (с этим согласны практически 90 % студентов) – не повлекли изменений личностного отношения к выбранной профессии у того же количества (90 %) студентов, а только у 65,4 % респондентов. Таким образом, в классификации детерминант профессионального самоопределения по отношению к социально ориентированным специальностям необходимо учитывать симбиоз психологических детерминант и социально-психологических детерминант. И, как показывают результаты исследования (см. табл. 2), социальный детерминант профессионального самоопределения не является мощным фактором по усилению профессиональной мотивации. Присутствие в данном детерминанте родительского воздействия на процесс выбора профессии молодыми людьми вызывает у некоторого числа респондентов негативное или равнодушное последующее отношение к выбранной профессии и к профессионально-ориентированному учебному процессу. Поэтому, при согласии с мнением о сегодняшнем высоком статусе медицинского работника (88,8 %, 80 %), применительно к повышению собственного профессионального мотива положительно отреагировали только 65,4 % респондентов.

Проведенные исследования позволили выявить следующие детерминанты профессионального самоопределения и их роль в успешном формировании мотивации обучения:

1. Психологические детерминанты профессионального самоопределения имеют самое высокое положительное влияние на успешность формирования мотивации обучения студентов.

2. Социальные детерминанты профессионального самоопределения имеют средневыраженное положительное влияние на успешность формирования мотивации обучения студентов.

3. Социально-психологические детерминанты профессионального самоопределения имеют низковыраженное положительное влияние на успешность формирования мотивации обучения студентов.

Таким образом, самый популярный способ выбора профессии – это опора на мнение родителей, что приводит к немотивированному обучению в вузе, преимущественно с целью формального получения диплома. На втором месте – самостоятельный, осознанный выбор профессии. И меньшинство студентов поступают учиться в вуз, опираясь при выборе специальности на случайные социальные факторы.

Результаты исследования указывают на существование трудностей в формировании учебной мотивации обучающихся, связанных с трудностями на этапе профессионального самоопределения. И не только профессиональное самоопределение является фактором, обуславливающим успешность формирования учебной мотивации студентов, но и важное значение имеют детерминанты профессионального самоопределения, которые запускают личностные психологические механизмы выбора профессии: осознанного или неосознанного профессионального самоопределения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Григорьева, Н.Г. Мотивированная учебная деятельность как фактор успешного обучения студентов / Н.Г. Григорьева/ Высшее образование сегодня. – 2016. – № 2. – С. 60–63.
2. Голубева, Е.В. Развитие личности профессионала : учебное пособие / Е.В. Голубева, А.Е. Лызь. – Ростов-на-Дону : Изд-во Южного федерального ун-та, 2017. – 88 с.
3. Журавлёва, О.В. Молодёжь на рынке труда: содействие занятости, трудоустройству и адаптации : учебное пособие : тексто-графические учебные материалы / О.В. Журавлёва. – Кемерово : КемГУ, 2014.
4. Зеленкина, Т.Д. Родительское содействие в профессиональном самоопределении старшеклассников / Т.Д. Зеленкина, Е.Ю. Пряжникова, М.Г. Сергеева. – Курск : Региональный финансово-экономический ин-т, 2016. – 232 с.
5. Зеер, Э.Ф. Психология профессионального самоопределения в ранней юности / Э.Ф. Зеер. – Воронеж : МОДЭК, 2013. – 195 с.
6. Ивойлова, И. Образован и не нужен / И. Ивойлова / Российская газета – федеральный выпуск. – 2018. – № 120 (7583).
7. Кон, И.С. Психология ранней юности: Книга для учителя / И.С. Кон. – Москва : Просвещение, 1989. – 254 с.
8. Мотивация и рефлексия личности : сборник научных трудов / под ред. Е.Н. Ткач. – Хабаровск : Изд-во ДВГГУ, 2014. – 208 с.
9. Профориентация: вопросы теории и практики : сборник научных трудов / под ред. М.В. Сокольской. – Хабаровск : Изд-во ДВГУПС, 2015. – 267 с.

DOI: 10.31079/1992-2868-2020-17-4-173-180

СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ МОЛОДЫХ МУЖЧИН С ВЫРАЖЕННЫМИ ЭКСТРЕМИСТСКИМИ УСТАНОВКАМИ*

С.М. Ситяева

С.В. Яремчук

О.А. Орлова

В статье представлены результаты исследования удовлетворенности различными сферами жизни молодых мужчин в возрасте от 14 до 30 лет с разной степенью выраженности экстремистских установок. Цель исследования состоит в изучении специфики персонального и национального субъективного благополучия молодых мужчин с выраженными экстремистскими установками.

Ключевые слова: экстремизм, субъективное благополучие, удовлетворенность жизнью, экстремизм молодежи, предикторы экстремизма, национализм, ксенофобия, фанатизм.

SUBJECTIVE WELL-BEING OF YOUNG MEN WITH EXTREMISTIC ATTITUDES

S.M. Sityaeva

S.V. Yaremchuk

O.A. Orlova

This paper focuses on the empirical study of the satisfaction with different life domains of young men aged 14 to 30 with varying degrees of extremist attitudes. The purpose of this study is to analyze the specifics of the personal and national subjective well-being of young men with high level of extremist attitudes.

Key words: extremism, subjective well-being, life satisfaction, youth extremism, predictors of extremism, nationalism; xenophobia; fanaticism.

Социальная ситуация в современной России характеризуется нестабильностью. В последние годы население столкнулось с социально-экономическими эффектами кризиса – потерей работы, снижением реальных доходов, вынужденным сокращением расходов, в том числе на продукты питания и

лекарства¹. Значительно ухудшились и международные отношения России на фоне Украинского и Сирийского кризисов и других событий. Сложившаяся ситуация в России создает основу для возрастания социальной напряженности, роста ксено-

* Публикация выполнена в ходе научно-исследовательской работы в рамках реализации госзадания Министерства образования и науки РФ № 25.8631.2017/8.9 по теме проекта «Субъективные и объективные предикторы экстремистских установок молодежи».

¹ Аврамова Е.М., Каравай А.В., Логинов Д.М. Риски бедности и ресурсы домохозяйств. Научный доклад Института социального анализа и прогнозирования / под ред. Е.М. Аврамовой, 2016. URL: <http://social.ranepa.ru/institut-sotsialnogo-analiza-i-prognozirovaniya-insap/36-novye-riski-i-gruppy-bednosti-i-factory-sotsialno-ekonomicheskogo-neravenstva>

Ситяева Снежана Михайловна – кандидат биологических наук, доцент кафедры психологии образования Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета (г. Комсомольск-на-Амуре).

Sityaeva Snezhana Mikhailovna – Candidate of Sciences (Biology), Associate Professor of the Department of Education Psychology at Amur State University of Humanities and Pedagogy (Komsomolsk-on-Amur).

E-mail: snejana-reg27@yandex.ru

Яремчук Светлана Владимировна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии образования Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета (г. Комсомольск-на-Амуре).

Yaremchuk Svetlana Vladimirovna – Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor of the Department of Education Psychology at Amur State University of Humanities and Pedagogy (Komsomolsk-on-Amur).

E-mail: svj@rambler.ru

Орлова Ольга Александровна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии образования Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета (г. Комсомольск-на-Амуре).

Orlova Olga Alexandrovna – Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor of the Department of Education Psychology at Amur State University of Humanities and Pedagogy (Komsomolsk-on-Amur).

E-mail: olga_shishmareva@mail.ru

© Ситяева С.М., Яремчук С. В., Орлова О.А., 2020

фобии, мигрантофобии, национализма и других проявлений экстремизма. Несмотря на снижение в последние годы (2018–2019) количества зарегистрированных в России преступлений экстремистской направленности² за счет применения системы мер по борьбе с экстремизмом и терроризмом, эта проблема остается крайне важной. Экстремистские установки, как и экстремистская активность, в большей мере свойственны мужчинам [4; 13; 15; 27]. Преимущественно к ответственности за данные преступления привлекаются лица мужского пола в возрасте от 14 до 30 лет [8]. Экстремизм не всегда сопровождается действиями, часто экстремистские взгляды, убеждения, стереотипы и установки более широко распространены в обществе [2; 7].

К.Р. Fritzsche считает, что социальный стресс, возникающий в условиях резких изменений в обществе (политических, экономических, культурных или экологических), делает граждан уязвимыми для ксенофобии, нетерпимости и авторитарных реакций. Если уровень стресса выше порога адаптационных способностей населения, это способствует росту нетерпимости в обществе [22].

Ряд исследователей считают субъективное благополучие системообразующим фактором формирования толерантных тенденций личности [1] и толерантного сознания личности в условиях миграционной среды [9].

N. Mogan и C. Raschke, анализируя детерминанты расистских и ксенофобских чувств по отношению к иностранцам и мигрантам у жителей Германии в 1996 и 2006 гг., выявили, что в большей степени они свойственны людям с более низким уровнем доходов и людям с более низким уровнем удовлетворенности своим материальным положением [26].

S. Gordon обнаружил, что более низкие уровни национального и персонального субъективного благополучия у жителей Южной Африки связаны с более выраженными проявлениями ксенофобии по отношению к мигрантам [23; 24].

M.J. Sirgy с соавторами полагает, что в основе терроризма джихадистов лежит субъективное неблагополучие, вызванное нищетой, безработицей, социальным неравенством, коррупцией, первопричиной которых, по мнению джихадистов, является влияние западных стран [31].

Р.М. Шамионов в эмпирическом исследовании обнаружил, что люди, менее удовлетворенные своей жизнью, характеризуются большей «зацикленностью» на национальных проблемах, в большей степени убеждены в превосходстве своего народа и необходимости «очищения» национальной культу-

ры, склонны к национальному фанатизму [12]. Таким образом, люди, менее удовлетворенные своей жизнью, характеризуются проявлениями этнической гиперидентичности. Вместе с тем, как показывают другие исследования, люди со сформированной национальной идентичностью позитивного характера отличаются более высоким уровнем субъективного благополучия. Это было выявлено как в отечественных [11; 16], так и в зарубежных исследованиях [20; 21; 25].

Существует точка зрения, согласно которой в основе более высокого уровня субъективного благополучия лежит толерантность человека как по отношению к себе (самопринятие), так и по отношению к другим людям. Так, Wei Xu и др. полагают, что такая личностная черта, как толерантность, способствует положительному отношению к себе без излишней самокритики, а также установлению положительных контактов с другими людьми, что приводит к гармоничной жизни и позитивным эмоциям, которые повышают субъективное благополучие человека [33].

Таким образом, ряд отечественных и зарубежных исследователей подчеркивают тесную взаимосвязь между нетерпимостью, ксенофобией, национализмом и субъективным благополучием человека. Обозначенная проблема нуждается в более детальном изучении. Исследование предикторов экстремистской деятельности и установок молодых людей может лечь в основу разработки мероприятий по профилактике проявлений экстремизма в молодежной среде.

Методология

Объектом настоящего исследования выступили мужчины в возрасте от 14 до 30 лет, поскольку именно они являются группой риска и по статистике составляют до 98,6 % правонарушителей, привлеченных к ответственности за экстремизм [8]. Целью нашего исследования является изучение специфики персонального и национального субъективного благополучия молодых мужчин с выраженными экстремистскими установками. Выборку исследования составили 279 испытуемых: 137 учащихся школ и средних специальных учебных заведений в возрасте 14–17 лет (средний возраст 15,97 лет) и 142 человека в возрасте 18–30 лет (средний возраст 21,6 лет), учащиеся школ, ссузов и вузов, работающие мужчины, а также проходящие срочную службу в армии и служащие по контракту.

Экстремистские установки исследовались с помощью **методики изучения экстремистско-деструктивных установок К.В. Злоказова** [5], которая направлена на выявление трех видов установок: фанатических, националистических и ксенофобических. В результате обработки и преобразования сырых оценок в стандартные в методике

² Статистика преступлений экстремистской направленности // Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ. URL: http://crimestat.ru/offenses_chart

выделяются пять вариантов интенсивности выраженности экстремистских установок: низкая, пониженная, умеренная, повышенная и высокая.

Высокие значения по шкале «Фанатизм» указывают на увлеченность религией, представления о важной роли религиозных норм в жизни, использование религии для объяснения жизненных событий. Высокие значения по шкале «Национализм» отражают дискриминирующую установку по отношению к другим национальностям, призывы к радикальным мерам по отношению к другим национальностям. Высокие значения по шкале «Ксенофобия» показывают стремление человека избежать контакта с определенными социальными группами и людьми, имеющими иные убеждения.

В исследовании в каждом из возрастов (14–17 и 18–30 лет) нами были выделены контрастные группы по степени выраженности экстремистских установок: 1) с низким и пониженным уровнем выраженности установки; 2) с высоким и повышенным уровнем установки. Учитывалась интенсивность выраженности отдельно для фанатических, националистических и ксенофобических установок молодежи.

Если по всем указанным шкалам респондент демонстрировал низкий или пониженный уровень экстремистских установок, он был отнесен к первой из контрастных групп («низкий уровень экстремизма»). В случае, если хотя бы по одной из шкал был продемонстрирован повышенный или высокий уровень, испытуемый определялся во вторую контрастную группу («повышенный уровень экстремизма»).

Для изучения удовлетворенности различными аспектами жизни использовался Интернациональный индекс субъективного благополучия (International Wellbeing Index) [18] в переводе Е. Углановой³, включающий Индекс персонального благополучия и Индекс национального благополучия. Индекс персонального благополучия (PWI) включает оценку следующих пунктов: уровня жизни, здоровья, достижений, взаимоотношений с близкими, безопасности, отношений с соседями, уверенности в будущем и жизни в целом. Индекс национального благополучия (NWI) включает оценку следующих пунктов: экономической ситуации в России, состояния природы, обстановки в российском обществе, деятельности правительства, состояния бизнеса в России, национальной безопасности и жизни в России в целом.

Оценка по всем пунктам осуществляется по шкале от 0 до 10 баллов. В методике учитываются два интегрированных показателя: индекс персонального благополучия, рассчитываемый как среднее арифметическое оценок удовлетворенности

различными аспектами своей жизни; и индекс национального благополучия, рассчитываемый как среднее арифметическое оценок удовлетворенности аспектами жизни в России.

Для выявления значимых различий между возрастными группами использовался ϕ^* -критерий Фишера, для установления значимых различий между контрастными группами использовался U-критерий Манна–Уитни. Обработка данных осуществлялась с использованием программы STATISTICA 10.

Результаты исследования

Сопоставление процентных долей испытуемых разных возрастов, имеющих разную степень выраженности экстремистских установок, представлено в табл. 1.

Таблица 1

Интенсивность выраженности экстремистских установок в разных возрастах, %

Вид фанатической установки	Интенсивность признака					
	Низкая и пониженная		Умеренная		Повышенная и высокая	
	14–17 лет	18–30 лет	14–17 лет	18–30 лет	14–17 лет	18–30 лет
Фанатизм	73,7**	56,3**	13,9	21,1	12,4*	22,5*
Национализм	53,3*	40,8*	32,8	33,8	13,9**	25,4**
Ксенофобия	42,3	34,5	41,6	42,3	16,1	23,2

Примечания

- * Различия между возрастными группами по критерию Фишера значимы для $p \leq 0,05$.
- ** Различия между возрастными группами по критерию Фишера значимы для $p \leq 0,01$.

Из таблицы видно, что для всех вариантов экстремистских установок (фанатизм, ксенофобия, национализм) для молодых мужчин характерны низкие, пониженные и умеренные показатели. Вместе с тем сопоставление различных возрастных групп обнаруживает неблагоприятную динамику. Уровень фанатических и националистических установок значимо увеличивается в более старших возрастах. Подавляющее большинство подростков 14–17 лет (73,7 %) демонстрируют низкий и пониженный уровень фанатизма, в возрасте 18–30 лет таких становится существенно меньше (56,3 %, $\phi = 3,07$, значимо для $p \leq 0,01$). В то же время значимо увеличивается доля мужчин, проявляющих высокий уровень фанатизма: с 12,4 % в подростковом возрасте до 22,5 % у мужчин 18–30 лет ($\phi = 2,25$, значимо для $p \leq 0,05$). Такая же динамика характерна и для националистических установок: если у большинства подростков (53,3 %) проявляется пониженный и низкий уровень национализма, то в более старшем возрасте таких остается меньше половины (40,8 %, $\phi = 2,09$, значимо для $p \leq 0,05$), при этом доля лиц мужского пола, имеющих высо-

³<http://www.acqol.com.au/uploads/pwi-a/pwi-a-russian.pdf>

кий и повышенный уровень националистических установок, увеличивается с 13,9 до 25,4 % ($\varphi = 2,44$, значимо для $p \leq 0,01$). Доля респондентов с умеренным уровнем фанатизма и национализма в разных возрастных группах изменяется незначительно.

Динамика интенсивности ксенофобических установок оказывается статистически не значимой, однако обнаруживает те же самые тенденции: уменьшение количества испытуемых, имеющих низкий и пониженный уровень, и увеличения числа тех, кто проявляет высокий и повышенный уровень ксенофобии.

Таким образом, количество молодых мужчин с высоким и повышенным уровнем различных экстремистских установок с возрастом увеличивается, и для каждого четвертого мужчины в возрасте 18–30 лет характерна достаточно высокая выраженность фанатизма, национализма или ксенофобии. Поскольку эти установки могут проявляться как у одного и того же человека, так и у разных мужчин, представляет интерес общая доля испытуемых, у которых хотя бы одна из экстремистских установок имеет высокую или повышенную интенсивность.

Процентное соотношение испытуемых, у которых все экстремистские установки имеют низкую или пониженную интенсивность, а также тех, у которых хотя бы одна из диагностируемых установок имеет высокую или повышенную интенсивность, представлено в табл. 2. В таблице не представлены испытуемые, у которых наряду с низким и пониженным уровнем экстремистских установок одна или две имеют умеренную интенсивность; доля таких испытуемых с возрастом значимо не меняется.

Таблица 2

Процентное соотношение испытуемых, имеющих выраженные экстремистские установки в разных возрастных группах

Интенсивность установок	Группа испытуемых		Критерий Фишера	Уровень значимости
	14–17 лет	18–30 лет		
Все экстремистские установки имеют низкую или пониженную интенсивность	25,5	14,8	2,257	$\leq 0,05$
Одна или несколько установок имеют высокую или повышенную интенсивность	33,6	50,7	2,91	$\leq 0,01$

Так, табл. 2. подтверждает обнаруженную выше динамику уменьшения числа респондентов с низким и пониженным уровнем экстремистских установок, и увеличение доли тех, кто имеет хотя бы одну установку высокой и повышенной интенсивности. Данные исследования показывают, что в

возрасте 14–17 лет каждый третий подросток (33,6 %) имеет такую интенсивность какой-либо экстремистской установки, которая делает возможным его вовлечение в экстремистскую активность. В возрасте 18–30 лет таких мужчин становится больше половины (50,7 %). Таким образом, проявление экстремистских установок оказывается характерным для молодежи 18–30 лет и способствует вовлечению в разного рода экстремистские движения.

Для выявления особенностей проявления удовлетворенности разными аспектами жизни у респондентов с разной степенью выраженности экстремистских установок сопоставлялись контрастные группы с разной интенсивностью экстремистских установок. Сопоставлялись данные как по каждой из экстремистских установок (фанатизм, национализм и ксенофобия), так и в общем (группа 1 – все экстремистские установки имеют низкую или пониженную интенсивность, группа 2 – хотя бы одна из диагностируемых установок имеет высокую или повышенную интенсивность).

Данные сравнения подростков мужского пола 14–17 лет представлены в табл. 3.

Для испытуемых 14–17 лет характерно отсутствие значимых различий в удовлетворенности различными аспектами жизни у подростков с низкой и высокой выраженностью конкретных экстремистских установок. Однако сопоставление контрастных групп, выделенных с учетом интенсивности всех трех установок одновременно, показывает, что для подростков мужского пола, демонстрирующих высокие показатели хотя бы по одной из экстремистских установок (группа 2), характерна значимо меньшая удовлетворенность своими отношениями с близкими людьми, чем у тех, кто имеет низкие показатели экстремистских установок (группа 1), $U = 583,5$ значимо для $p = 0,031$. Подростки, не склонные к экстремистским проявлениям, удовлетворены своими отношениями с близкими в большей степени, чем всеми остальными сферами, предлагаемыми им для оценки. В то время как у респондентов с высокими показателями экстремистских установок на первое место выходит удовлетворенность своим уровнем жизни (среднее значение 7,5) и здоровьем (7,3).

Таким образом, дискриминирующие установки высокой интенсивности у мальчиков-подростков возникают на фоне снижения удовлетворенности жизнью и в наибольшей степени – на фоне неудовлетворенности своими отношениями с близкими людьми.

В возрасте 18–30 лет у мужчин наблюдается большее число значимых различий в степени удовлетворенности жизнью между людьми с разной интенсивностью экстремистских установок (табл. 4).

Таблица 3

Средние значения удовлетворенности различными аспектами жизни у испытуемых 14–17 лет с разной степенью выраженности экстремистских установок

Шкала интернационального индекса субъективного благополучия	Фанатизм		Национализм		Ксенофобия		Группа 1	Группа 2
	низ.	выс.	низ.	выс.	низ.	выс.		
Удовлетворенность различными аспектами своей жизни								
Удовлетворенность своей жизнью в целом	7,0	6,8	7,2	6,2	6,9	7,5	7,5	6,8
Удовлетворенность своим уровнем жизни	7,4	7,6	7,8	7,1	7,5	7,9	8,0	7,5
Удовлетворенность своим здоровьем	7,4	7,2	7,7	7,2	7,9	7,5	8,1	7,3
Удовлетворенность своими достижениями в жизни	6,7	6,6	6,9	6,8	6,9	6,4	7,1	6,5
Удовлетворенность своими взаимоотношениями с близкими людьми	7,7	6,9	7,9	7,1	7,9	7,0	8,4*	7,0*
Удовлетворенность уровнем личной безопасности	7,3	5,6	7,3	7,1	6,9	6,6	7,4	6,6
Удовлетворенность своими отношениями с соседями	6,8	6,7	7,0	6,6	6,8	6,6	7,0	6,5
Удовлетворенность степенью своей уверенности в будущем	6,9	6,8	7,1	6,2	7,0	7,2	7,3	6,8
Удовлетворенность различными аспектами жизни в России								
Удовлетворенность жизнью в России	5,7	4,6	6,2	4,5	5,9	4,5	6,2	4,7
Удовлетворенность экономической ситуацией в России	4,2	4,3	4,5	3,9	4,2	3,9	4,1	4,1
Удовлетворенность состоянием природной среды в России	5,4	4,1	5,2	5,4	5,0	5,1	5,2	5,0
Удовлетворенность обстановкой в российском обществе	4,9	5,0	5,1	5,1	4,4	5,0	4,7	5,0
Удовлетворенность деятельностью правительства	4,5	4,4	4,8	4,3	4,0	4,5	4,1	4,4
Удовлетворенность состоянием бизнеса в России	4,9	4,2	5,0	4,8	4,8	5,0	4,6	4,6
Удовлетворенность уровнем национальной безопасности	5,9	5,2	6,0	5,7	5,5	5,0	5,8	5,4
Интегральные индексы удовлетворенности								
Индекс персонального благополучия	7,1	6,8	7,4	6,8	7,2	7,1	7,6	6,9
Индекс национального благополучия	5,1	4,5	5,2	4,8	4,8	4,7	4,9	4,7

Примечание – * Различия между возрастными группами по критерию Манна–Уитни значимы для $p \leq 0,05$.

Таблица 4

Средние значения удовлетворенности различными аспектами жизни у испытуемых 18–30 лет с разной степенью выраженности экстремистских установок

Шкала интернационального индекса субъективного благополучия	Фанатизм		Национализм		Ксенофобия		Группа 1	Группа 2
	низ.	выс.	низ.	выс.	низ.	выс.		
Удовлетворенность различными аспектами своей жизни								
Удовлетворенность своей жизнью в целом	7,3*	6,5*	7,4**	6,1**	7,2	7,1	7,1	6,7
Удовлетворенность своим уровнем жизни	6,5	6,4	6,9*	5,8*	6,7	6,8	6,4	6,3
Удовлетворенность своим здоровьем	6,8	6,5	7,2	6,3	7,3	6,8	7,0	6,7
Удовлетворенность своими достижениями в жизни	6,2	6,2	6,6	5,9	6,7	6,7	6,1	6,2
Удовлетворенность своими взаимоотношениями с близкими людьми	7,8	7,3	8,3**	7,0**	7,8	7,6	8,1	7,3
Удовлетворенность уровнем личной безопасности	7,3	6,2	7,6**	6,1**	7,6	7,2	7,9*	6,6*
Удовлетворенность своими отношениями с соседями	6,0	6,2	6,6*	5,8*	6,4	5,9	6,4	6,0
Удовлетворенность степенью своей уверенности в будущем	6,2	6,8	7,1*	6,2*	6,5	6,9	6,2	6,7
Удовлетворенность различными аспектами жизни в России								
Удовлетворенность жизнью в России	4,8	5,4	5,7	4,5	5,5	5,6	4,6	5,3
Удовлетворенность экономической ситуацией в России	3,6*	4,6*	4,3	4,1	4,0	4,3	3,5	4,3
Удовлетворенность состоянием природной среды в России	4,7	4,9	5,6*	4,1*	4,9	4,8	4,7	4,7
Удовлетворенность обстановкой в российском обществе	4,2	4,8	5,0	4,1	4,7	5,0	4,4	4,7
Удовлетворенность деятельностью правительства	3,5**	5,0**	4,4	4,0	3,9	4,6	2,9*	4,6*
Удовлетворенность состоянием бизнеса в России	4,2	4,9	5,3	4,2	4,5	5,0	4,3	4,7
Удовлетворенность уровнем национальной безопасности	5,2	5,3	6,1*	4,7*	5,7	5,2	5,7	5,2
Интегральные индексы удовлетворенности								
Индекс персонального благополучия	6,8	6,5	7,2**	6,1**	7,0	6,9	6,9	6,5
Индекс национального благополучия	4,3	5,0	5,2	4,2	4,7	4,9	4,3	4,8

Примечания

- * Различия между возрастными группами по критерию Манна–Уитни значимы для $p \leq 0,05$.
- ** Различия между возрастными группами по критерию Манна–Уитни значимы для $p \leq 0,01$.

Сопоставление молодых мужчин с высоким и низким уровнем фанатизма показывает, что те, кто склонен к оценке жизненных событий через призму религиозных воззрений, имеют более низкую удовлетворенность своей жизнью в целом ($U = 972,5$, значимо для $p = 0,045$), при этом значимо больше удовлетворены экономической ситуацией в России ($U = 939,5$, значимо для $p = 0,033$) и деятельностью российского правительства ($U = 845,5$, значимо для $p = 0,009$). Таким образом, фанатические установки возникают на фоне неудовлетворенности своей жизнью и менее критичного восприятия авторитетных фигур (правительства), чем это свойственно людям с низкой и пониженной интенсивностью фанатизма.

Для молодых мужчин, имеющих дискриминирующие установки по отношению к другим национальностям, склонных к призывам и радикальным мерам в вопросах, связанных с национальными проблемами, характерна меньшая удовлетворенность различными аспектами собственной жизни: уровнем жизни ($U = 750,5$, значимо для $p = 0,021$), взаимоотношениями с близкими людьми ($U = 666,0$, значимо для $p = 0,003$), уровнем личной безопасности ($U = 662,5$, значимо для $p = 0,004$), своими отношениями с соседями ($U = 775,0$, значимо для $p = 0,035$), степенью своей уверенности в будущем ($U = 771,0$, значимо для $p = 0,032$), а также своей жизнью в целом ($U = 668,5$, значимо для $p = 0,003$). Эта общая неудовлетворенность накапливается и отражается в более низком значении индекса персонального благополучия, чем у молодежи, не склонной к национализму. Кроме этого, у молодых мужчин с высокой и повышенной интенсивностью националистических установок отмечено значимо более низкая удовлетворенность состоянием природной среды в России ($U = 728,5$, значимо для $p = 0,013$) и уровнем национальной безопасности ($U = 759,5$, значимо для $p = 0,034$). Таким образом, националистические установки возникают у молодежи, неудовлетворенной различными аспектами собственной жизни, а также значимыми для них показателями жизни в стране.

Разделение испытуемых 18–30 лет на контрастные группы по степени выраженности ксенофобических установок не позволило обнаружить значимых различий в удовлетворенности различными аспектами своей жизни и жизни в России.

Одновременный учет проявлений разных видов экстремистских установок показал, что молодые мужчины 18–30 лет, имеющие низкий уровень всех экстремистских установок, характеризуются более высокой удовлетворенностью уровнем личной безопасности ($U = 532,0$, значимо для $p = 0,037$) и более низкой – деятельностью правительства ($U = 473,5$, значимо для $p = 0,022$). Это указывает на то, что возникновение экстремистских установок у муж-

чин в возрасте 18–30 лет происходит на фоне снижения удовлетворенности их потребности в безопасности и возрастания не критичности при оценке действий правительственных органов.

Обсуждение

Таким образом, проведенное исследование показало, что в возрасте 14–17 лет каждый третий мальчик-подросток имеет такую интенсивность какой-либо экстремистской установки, которая делает возможным его вовлечение в экстремистскую активность. В возрасте 18–30 лет таких мужчин становится чуть больше половины. Следовательно, проявление экстремистских установок оказывается в большей степени характерным для молодых мужчин 18–30 лет, что способствует их вовлечению в разного рода экстремистские движения, прежде всего националистического характера.

Отличия в уровне субъективного благополучия между испытуемыми, имеющими экстремистские установки и не имеющими данных установок, в большей степени характерны для молодых мужчин в возрасте от 18 до 30 лет, чем для мальчиков-подростков 14–17 лет. Дискриминирующие установки высокой интенсивности у мальчиков-подростков возникают в наибольшей степени на фоне неудовлетворенности своими отношениями с близкими людьми. Удовлетворенность другими сферами жизни в этом возрасте достоверно не отличается в группах с разной степенью выраженности экстремистских установок. Данный факт можно объяснить тем, что в этот возрастной период молодые люди не сталкиваются напрямую с проявлениями экономического кризиса, проживая в родительской семье; не испытывают необходимости самостоятельно обеспечивать себя и встречаются с проблемами, возникающими в обществе, опосредованно – через взаимоотношения с близкими, прежде всего с родителями. Так, T. Siedler обнаружил, что молодые люди, которые воспитывались в семье безработных родителей или в неполной семье, чаще в более взрослом возрасте поддерживали экстремистские правые партии в Германии, причем этот эффект проявлялся чаще у сыновей, чем у дочерей [30].

Полученный в исследовании факт более высокого уровня удовлетворенности молодых людей 18–30 лет с выраженными фанатическими установками экономической ситуацией в России и деятельностью российского правительства при низкой удовлетворенности своей жизнью в целом частично согласуется с исследованиями зарубежных ученых. Они обнаружили, что у людей, для которых религиозные нормы играют важную роль в жизни, характерны более высокие уровни удовлетворенности жизнью [17; 32]. Более значимым этот эффект является в странах, где существуют выраженные

социальные трудности, и слабо выражен в обеспеченных странах [19]. По мнению Vishkin A. с соавт., в основе более высокой удовлетворенности людей, имеющих религиозные убеждения, лежит механизм когнитивной переоценки, позволяющий регулировать свои эмоции на основе поиска позитивных моментов в трудной ситуации [32].

В большей степени удовлетворенность разными сторонами у молодых мужчин 18–30 лет различается в зависимости от выраженности националистической установки. Наиболее значимыми предикторами для проявления национализма в этой возрастной группе оказались такие показатели персонального благополучия, как неудовлетворенность взаимоотношениями с близкими людьми, уровнем личной безопасности и собственной жизнью в целом. Помимо вышеперечисленных показателей молодые люди с повышенным уровнем национализма также были менее удовлетворены своим уровнем жизни, отношениями с соседями, проявили меньшую уверенность в своем будущем, а также меньшую удовлетворенность уровнем национальной безопасности и состоянием природной среды в России.

Вероятно, переживание национальной небезопасности в совокупности с неудовлетворенностью собственным уровнем жизни, усугубляемое неудовлетворенностью взаимоотношениями с близкими людьми, порождает у данной возрастной категории мужчин нетерпимость к представителям других национальностей, поиск объекта для вымещения агрессии. Так, исследования Л.К. Григорян и З.Х. Лепшкова показали, что люди с низким уровнем экономического субъективного благополучия более негативно относятся к мигрантам, чем люди с представлениями, что собственное благосостояние зависит в основном от собственных усилий [3].

Мы обнаружили, что как в группе подростков, так и в группе молодых людей взаимоотношения с близкими людьми в связи с проявлениями экстремистских установок играют важную роль. По результатам других исследований, это один из стабильных показателей субъективного благополучия, мало зависящий от изменений в обществе, и его вклад в общий показатель удовлетворенности своей жизнью является самым весомым [6; 10].

Вероятно, неудовлетворенность отношениями с близкими приводит к ослаблению внутрисемейных связей, что может приводить к уходу из семьи и поиску взаимодействия с другими людьми, «близкими по духу». Потребность в принятии и признании побуждает их искать реализации в других общностях, за счет идентификации с более крупной группой, которая может выражать радикальные взгляды по отношению к той или иной отличающейся группе (религиозной, национальной или социальной). А общая неудовлетворенность и соци-

альные проблемы в целом являются фундаментом для развития экстремизма в обществе, нарастания социальной обиды и озлобленности, что выливается в поиск «врага», часто в лице людей других национальностей.

Несомненно, сложившаяся в России ситуация создает основу для возрастания социальной напряженности и экстремизма. При этом зависимость экстремизма от экономических и политических причин не является прямой и однозначной [28; 29], существенное влияние оказывают субъективные переживания и представления самого человека. Большинство экстремистов характеризуются биполярным взглядом на мир и общество, противопоставлением себя и других («мы-они»), отрицанием другой точки зрения и набором бескомпромиссных установок [34].

Таким образом, профилактика экстремизма должна сосредоточить свое внимание не только на оптимизации социальной среды, но и на сфере сознания и психики молодых людей. Повышение уровня субъективного благополучия молодежи, несомненно, вносит весомый вклад в этот процесс, поскольку он направлен на перестройку своей жизни, на пересмотр объектов окружающего социального мира из источника трудностей в источник ресурсов, на формирование толерантности к себе и другим людям [14].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахарева, Н.К. Субъективное благополучие как системообразующий фактор толерантности : автореф. дис. ... канд. психол. наук / Н.К. Бахарева. – Хабаровск, 2004. – 22 с.
2. Вехов, И.В. Экстремизм как объект социологического исследования / И.В. Вехов // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2009. – № 111. – С. 284–290.
3. Григорян, Л.К. Эмпирическая модель взаимосвязи гражданской идентичности и установок по отношению к иммигрантам с экономическими представлениями россиян / Л.К. Григорян, З.Х. Лепшкова // Социальная психология и общество. – 2012. – № 2. – С. 5–20.
4. Дейнека, О.С. Ценностный фактор отношения к экстремизму у студентов / О.С. Дейнека, В.С. Даукша, С.В. Морозова // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2016. – № 12. – С. 1717–1723.
5. Злоказов, К.В. Метод исследования экстремистско-деструктивных установок личности / К.В. Злоказов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2014. – № 1. – С. 173–180.
6. Латова, Н.В. Динамика и факторы удовлетворенности жизнью россиян (1997–2017) / Н.В. Латова // Социологические исследования. – 2017. – № 12. – С. 65–78.
7. Одинцова, М.А. Исследование латентного экстремизма в образовательной среде колледжей / М.А. Одинцова, М.В. Тищенко // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – 2014. – № 4(122). – С. 141–149.
8. Петрянин, А.В. Личность экстремиста: криминологический аспект / А.В. Петрянин // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2012. – № 20. – С. 104–109.

9. Тагирова, Р.А. Субъективное благополучие личности как детерминанта толерантной установки в условиях миграционной среды / Р.А. Тагирова // Общество: социология, психология, педагогика. – 2017. – № 12.
10. Тихонова, Н.Е. Удовлетворенность россиян жизнью: динамика и факторы / Н.Е. Тихонова // Общественные науки и современность. – 2015. – № 3. – С. 19–33.
11. Чеботарёва, Е.Ю. Роль субъективного благополучия в межкультурной адаптации / Е.Ю. Чеботарёва // Вестник РУДН. – 2014. – № 2. – С. 13–17. – (Серия: Психология и педагогика).
12. Шамионов, Р.М. Субъективное благополучие личности: психологическая картина и факторы / Р.М. Шамионов. – Саратов : Научная книга, 2008. – 296 с.
13. Яремчук, С.В. Пол, возраст и вид занятости как объективные предикторы экстремистских установок молодежи / С.В. Яремчук, С.М. Ситяева // Психологические исследования. – 2018. – Т. 11, № 58. – С. 11. – URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n58/1557-yaremtchuk58.html> (дата обращения: 29.09.2020).
14. Яремчук, С.В. Факторы субъективного благополучия личности: Объективные и субъективные переменные / С.В. Яремчук. – Saarbrücken, 2012. – 95 с.
15. Ceobanu, A.M. East Is West? National feelings and anti-immigrant sentiment in Europe / A.M. Ceobanu, E. Xavier // Social Science Research. – 2008. – Vol. 37(4). – P. 1147–1170.
16. Chebotareva, E. Life Satisfaction and Intercultural Tolerance Interrelations in Different Cultures / E. Chebotareva // European Journal of Social Sciences Education and Research. – 2015. – Vol. 2(4). – P. 167–178.
17. Cohen, A.B. The Relation between Religion and Well-Being / A.B. Cohen, K.A. Johnson // Applied Research in Quality of Life. – 2017. – Vol. 12(3). – P. 533–547.
18. Developing a national index of subjective wellbeing: The Australian Unity Wellbeing Index / R.A. Cummins, R. Eckersley, J. Pallant [etc.] // Social Indicators Research. – 2003. – Vol. 64. – P. 159–190.
19. Diener, E. The religion paradox: If religion makes people happy, why are so many dropping out? / E. Diener, L. Tay, D.G. Myers // Journal of Personality and Social Psychology. – 2011. – Vol. 101. – P. 1278–1290.
20. Dimitrova, R. The influence of nationalism and national identity on well-being of Bulgarian and Romanian youth / R. Dimitrova, V. Ljujic, C. Buzea // Studia Universitatis Babeş-Bolyai Sociologia. – 2013 – Vol. 58(1). – P. 69–86.
21. Identidad nacional y sus relaciones con la ideología y el bienestar en cinco países de América Latina / A. Espinosa, A. Soares-da Silva, C. Contreras [ets.] // Avances en Psicología Latinoamericana. – 2017. – Vol. 35(2). – P. 351–374.
22. Fritzsche K.P. Citizens under stress an explanation for xenophobia / K.P. Fritzsche // International Psychology Reporter. – 1998. – Vol. 2 (1). – URL: <http://www.human-rights-education.org/images/citstress.pdf> (accessed: 29.09.2020).
23. Gordon, S. The relationship between national well-being and xenophobia in a divided society: The case of South Africa / S. Gordon // African Review of Economics and Finance. – 2015. – Vol. 7(1). – P. 80–103.
24. Gordon, S. Understanding Evaluations of Foreigners in Modern South Africa: The Relationship Between Subjective Wellbeing and Xenophobia / S. Gordon // Journal of Happiness Studies. – 2018. – Vol. 19(2). – P. 545–566.
25. Grozdanovska, E. The relationship between national identity, subjective well-being and meaning in life / E. Grozdanovska // Suvremena psihologija. – 2016. – Vol. 19(1). – P. 91–99.
26. Mocan, N. Economic well-being and anti-Semitic, xenophobic, and racist attitudes in Germany / N. Mocan, C. Raschke // European Journal of Law and Economics. – 2016. – Vol. 41(1). – P. 1–63.
27. Quillian, L. Prejudice as a response to perceived group threat: population composition and anti-immigrant and racial prejudice in Europe / L. Quillian // American Sociological Review. – 1995. – Vol. 60(4). – P. 586–611.
28. Rink, A. The Determinants of Religious Radicalization: Evidence from Kenya / A. Rink, K. Sharma // Journal of Conflict Resolution. – 2016.
29. Shulman, S. The role of economic performance in Ukrainian nationalism / S. Shulman // Europe – Asia Studies. – 2003. – Vol. 55 (2). – P. 217–239.
30. Siedler, T. Parental unemployment and young people's extreme right-wing party affinity: Evidence from panel data / T. Siedler // Journal of the Royal Statistical Society. Series A: Statistics in Society. – 2011. – Vol. 174(3). – P. 737–758.
31. Sirgy, M.J. The Global Challenge of Jihadist Terrorism: A Quality-of-Life Model / M.J. Sirgy, M. Joshanloo, R.J. Estes // Social Indicators Research. – 2018. – P. 1–25.
32. Vishkin, A. Always Look on the Bright Side of Life: Religiosity, Emotion Regulation and Well-Being in a Jewish and Christian Sample / A. Vishkin, P.B. Bloom, M. Tamir // Journal of Happiness Studies. – 2018. – P. 1–21.
33. The moderating and mediating roles of self-acceptance and tolerance to others in the relationship between mindfulness and subjective well-being / W. Xu, T.P. Oei, X. Liu [etc.] // Journal of Health Psychology. – 2016. – Vol. 21 (7). – P. 1446–1456.
34. Zinchenko, Y.P. Extremism from the perspective of a system approach / Y.P. Zinchenko // Psychology in Russia: State of the Art. – 2014. – Vol. 7(1). – P. 23–33.

DOI: 10.31079/1992-2868-2020-17-4-181-186

ДЕПРЕССИЯ КАК ДЕСТАБИЛИЗИРУЮЩИЙ ФАКТОР МЕНТАЛЬНЫХ РЕСУРСОВ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ ДАЛЬНЕВОСТОЧНИКОВ

Е.А. Левкова

И.П. Логинов

С.З. Савин

С.Г. Геворкян

В статье анализируются возможные риски влияния депрессивных расстройств на психологические ресурсы растущего населения Приамурья Хабаровского края. Выявлено, что депрессивные расстройства могут действовать на ментальные ресурсы как изолированно, так и в сочетании с другими соматическими и психопатологическими проявлениями. В формировании этих состояний задействованы различные генетические, конституциональные, психогенные и социальные механизмы, и прогноз риска воздействия на психологические ресурсы зависит от микросоциальной скорости, в которой они реализуются.

Ключевые слова: психологические ресурсы, депрессивные расстройства, подросток, профилактика, Приамурье.

DEPRESSION AS A DESTABILIZING FACTOR OF THE MENTAL RESOURCES OF THE GROWING GENERATION OF THE FAR EAST

E.A. Levkova

I.P. Loginov

S.Z. Savin

S.G. Gevorkyan

The article analyzes the risks of the influence of depressive disorders on the psychological resources of the growing population of the Amur region of the Khabarovsk krai. It was revealed that depressive disorders can act in isolation or in combination with other somatic and psychopathological manifestations. Various genetic, constitutional, psychogenic and social mechanisms are involved in the formation of these states, and the forecast of the risk of impact on psychological resources depends on the microsocial speed within which they are realized.

Key words: psychological resources, depressive disorders (DD), adolescent, prevention, Amur region, Khabarovsk Krai.

Левкова Елена Анатольевна – доктор медицинских наук, профессор Российского университета дружбы народов (г. Москва).

Levkova Elena Anatolievna – Doctor of Medical Sciences, Professor at RUDN University (Moscow).

E-mail: elenaalevkova@gmail.com,

Логинов Игорь Павлович – доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой психиатрии и наркологии Дальневосточного государственного медицинского университета (г. Хабаровск).

Loginov Igor Pavlovich – Doctor of Medical Science, Professor, Head of the Department of Psychiatrics and Addiction Medicine at Far Eastern State Medical University (Khabarovsk).

E-mail: log-i-p1954@mail.ru

Савин Сергей Зиновьевич – кандидат технических наук, ведущий сотрудник отдела медицинской информатики Хабаровского центра новых информационных технологий Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).

Savin Sergei Zinovevich – Candidate of Science (Engineering), Leading Officer of the Medical Informatics Department, Khabarovsk Center for New Information Technologies, Pacific National University (Khabarovsk).

E-mail: savin.sergei@mail.ru

Геворкян Светлана Георгиевна – аспирант кафедры психиатрии и наркологии Дальневосточного государственного медицинского университета (г. Хабаровск).

Gevorkyan Svetlana Georgievna – Postgraduate Student of the Department of Psychiatrics and Addiction Medicine at Far Eastern State Medical University (Khabarovsk).

E-mail: gevorkyan63@yandex.ru.

© Левкова Е.А., Логинов И.П., Савин С.З., Геворкян С.Г., 2020

Введение

Долгое время психическое здоровье и психическое развитие ресурсов личности были проблемами самого индивида [1; 2; 7; 11; 12; 15; 39; 43]. Но по мере преодоления современной медициной многих болезней соматического происхождения и возрастания экономических и человеческих потерь от недугов психического характера постепенно приоритеты практического здравоохранения переходят из сферы физического здоровья в область ментального здоровья [3; 10; 15; 31; 36].

Актуальность исследований депрессивных расстройств (ДР) вызвана все большей распространенностью расстройств в сочетании с соматическими заболеваниями [8; 17; 19; 27; 30; 33] и высоким риском самоубийств [9; 13; 16; 18; 20; 38; 40; 45]. Растущая последние десятилетия социально-экономическая значимость ущерба от ДР, а также реальные надежды на успех в борьбе с суицидальным поведением являются основными факторами, обеспечивающими интерес к ДР [21; 24; 26; 35; 41; 42]. В большинстве экономически развитых стран депрессии занимают 1–2-е места среди причин недугов психического характера, при этом ежегодно от самоубийств в мире погибает около 1 млн чел. [28; 29; 34; 44]. В настоящее время темпы роста смертности от суицида замедлились, в ряде стран отмечено снижение их уровней [19; 22; 23; 34]. Однако Россия продолжает занимать одно из лидирующих мест по уровню подростковых суицидов [6; 9; 13], что может в дальнейшем определять значительный рост числа психически больных на ряде территорий. У соматически больных распространенность депрессии достигает 22–33 %, а среди категорий онкологических больных или с инфарктом миокарда она развивается в 45 % случаев [8; 10; 17; 22; 25; 27]. Тем важнее проведение сравнительного исследования медико-демографических параметров рисков развития непсихотических ДР в разных возрастных периодах, начиная с подросткового и до взрослого населения региона.

Цели и задачи исследования

Основная цель исследований – определение медико-клинического и социально-психологического характера формирования и развития непсихотических ДР среди подрастающего поколения, проживающего в культурально различных районах Приамурья Дальнего Востока России, для разработки модели превентивной диагностики подростковых депрессий и развития ментальных ресурсов личности.

Задачи исследований – выявить и систематизировать медико-социальную и личностно-психологическую степени риска развития непсихотических ДР, способствующих снижению ментальных ресурсов у подрастающего поколения Приамурья Хабаровского края.

Были реализованы наблюдения 92 подростков от 11 до 18 лет, проживающих в Приамурье Дальнего Востока и находившихся в специализированных психиатрических учреждениях Хабаровского края по поводу ДР. Критерии включения: непсихотическая степень ДР с клинической картиной, соответствующей диагностическим кодам МКБ-10: депрессивному эпизоду лёгкой либо средней степени; дистимии; смешанному тревожному расстройству; расстройству адаптации при отсутствующей симптоматике психических заболеваний прочей этиологии либо обострений иных хронических психосоматических заболеваний. В процессе динамического наблюдения в соответствии с этими критериями включения были элиминированы 5 подростков, еще 3 выбыли из исследования в связи со сменой места жительства. Наблюдаемых подростков можно дифференцировать по этническим признакам: 1-я группа – пришлые славянские подростки и 2-я группа – коренные малочисленные народы Севера (КМНС).

Базовая методология исследований: социально-психологические методы, психологическое и психопатологическое тестирование, экспериментально-психологические методы, клиничко-анамнестический метод с использованием анкеты-интервью и математико-статистические методы обработки и интерпретации данных наблюдений (программа «Statistica 6.0»).

Результаты и обсуждение

В результате выборочного микросоциологического и клиничко-психологического обследования населения с непсихотическими ДР, проживающего в различных районах Хабаровского края, был выявлен существенный ущерб от ДР, прежде всего у коренного населения [4; 6; 14]. Известно, что распространение депрессивных нарушений у детей препубертатного возраста составляет 1–2 % [6; 13; 42]. Уровень распространения подростковых ДР в начале пубертатного периода повышается и составляет 3–8 % и к окончанию пубертатного периода доходит до 20 %. До периода пубертата у представительниц женского пола не обнаруживается большей депрессивности, чем у мальчиков, далее соотношение впервые возникших подростковых ДР – 3 к 1 (девочки – мальчики). Наблюдения в различных половозрастных группах подтвердили данные зарубежных и российских исследователей о том, что существует значительный прирост случаев ДР среди подростков женского пола как по общим показателям, так и по отдельным психолого-клиническим и культурально-этническим группам [9; 13; 16; 32; 35; 37].

Установленная психопатологическая структура непсихотических подростковых ДР выявила неоднозначность медико-клинического проявления в разных возрастных периодах, что позволило разделить испытуемых на два возрастных периода: ранние – 11–14-летние (первая группа – 20 % и вторая

группа – 15,9 %) и старшие – 15–18-летние, на них и приходится пик ДР (первая группа – 80,0 % и вторая группа – 84,1 %). Ранее проведенное сравнительное клинико-психопатологическое исследование обеих возрастных групп показало, что для подростков младших возрастов достоверного клинико-психопатологического различия структуры ДР нет [6]. В структуре ведущего синдрома у подростков разных возрастных групп достоверных различий не выявлено (16 %). Как оригинальный результат исследования при анализе преобладающих форм реакции в стрессовых ситуациях у старших подростков славянской группы выявлено, что реагирование на стрессы по типу аутоагрессивного преобладает среди 62,0 % подростков, экспрессия с выраженной агрессией вовне наблюдалась у 10,0 %. Характер суцидоопасного поведения при этом демонстративно-шантажный. Представители коренных народностей не только не отрицают своего «пристрастия» к алкоголю, более того, они положительно относятся к вредным привычкам, количество выпиваемого алкоголя значительно выше, чем у славян, что также влияет на высокий уровень ДР. Это следствие того, что в местах компактного проживания КМНС продолжает нарастать социально-демографический и экологический кризис, увеличивается число неполных семей. Были проведены выборочные исследования психогенетических маркеров трудовой деятельности и активности, которые показали корреляции между полиморфизмом в генах ADH2, OPRM1, DAT2, инверсией трудовой деятельности с развитием девиантных и делинквентных форм поведения в выборках из коренных популяций (нанайцы), проживающих в местах компактного проживания КМНС [4; 5]. Существенную дифференциацию между группами коренного и пришлого населения выявило проведение комплексного медико-психологического изучения распространения депрессивных расстройств посредством формализованной «Статистической карты обследования» в пользу группы сравнения [6]. Классификационный подход основан на алгоритме определения значимых признаков по 3 группам – индивидуальной, групповой и популяционной. Однозначно утверждать, что социально-экономическая депрессивность региона проживания непосредственно влияет на распространение ДР среди проживающего в нем населения, можно пока лишь для исследований на индивидуальном уровне [6].

Так, например, клинические наблюдения за пациенткой 17 лет показали, что в школу она пошла с 7 лет, училась посредственно, классы не дублировала, но в силу затяжной депрессии имеет сниженное настроение, утомляемость, сниженную работоспособность, отсутствие интересов и увлечений и сниженную самооценку. Окончив 9 классов, хотела по-

ступить в судостроительный техникум, но не было денег даже на дорогу в Хабаровск. Родители не работают, как и большинство жителей поселка. Живут натуральным хозяйством, иногда впроголодь. Пациентка с детства была очень старательной и послушной, «тянула на себе всю семью, зарабатывала для них деньги, родители пили всегда», суицидальные тенденции на фоне усталости от такого образа жизни. В стационаре после попытки суицида первое время настроение было сниженным, часто плакала, была тревожной, плохо спала, аппетит был снижен. Стала несколько спокойнее, однако тревога и мысли о безвыходности ситуации сохранялись. По данным психологического обследования, шкала депрессии Гамильтона – умеренная депрессивная симптоматика; шкала тревоги Гамильтона – умеренная тревожная симптоматика. Психологический диагноз – состояние психологической дезадаптации с депрессией, тревожностью и суицидальным поведением.

На групповом уровне исследований выявлено, что уже среди подростков преобладают симптомы ангедонии – отсутствие интересов и увлечений. При этом среди представителей пришлых этнических групп суицидальные тенденции не зависят от тяжести депрессивных нарушений, а суицидальные попытки у них обуславливаются неадекватным типом личностного реагирования, спровоцированного либо употреблением алкоголя, либо межличностными конфликтами. Нахождение в конфликтной ситуации формирует у них аутоагрессивное, в том числе суицидальное, поведение. Значимая роль в снижении психологических ресурсов и формировании депрессивных состояний у детей и подростков принадлежит психологическому микроклимату в семье и типам воспитания. Славянские подростки, воспитание которых проходило по типу гипопротекции, чаще пребывали в состоянии конфликта, что способствовало развитию хронической психотравмирующей ситуации и суцидоопасного поведения.

Снижению потенциала ментального ресурса способствует то, что, согласно полученным данным, более половины подростков (30 чел. – 60,0 %) проживали в неполной семье (семья без отца, с родным отцом и неродной матерью). Большинство из этих подростков расценивали подобную ситуацию как неудовлетворительную и сообщали о частых внутрисемейных конфликтах из-за отсутствия безопасной привязанности к матери или отчиму. В ходе дальнейшего исследования выявлено, что в качестве основного фактора возникновения депрессивного расстройства выступает родительский прессинг, сковывающий свободу личности, необходимую при реализации психологических ресурсов. Особенно сильно чувство тревоги было выражено у подростков, проживающих с родной матерью и неродным отцом (16 чел. – 32,0 %), в семье без от-

ца (12 чел. – 24,0 %) и в детском доме (3 чел. – 6,0 %). Подростки, воспитывающиеся в детском доме, жаловались на выраженное чувство неудовлетворенности и незащищенности в связи с отсутствием окружения близких. Только 12 (24,0 %) подростков имели полную семью, т.е. проживали с обоими родными родителями, и, как показало дальнейшее исследование, были в целом удовлетворены условиями воспитания в семье. В приемной семье или с родственниками проживали 4 (8,0 %) подростка, но и в этом случае они страдали от одиночества, так как им была присуща некоторая отчужденность, по их мнению, они не чувствовали эмоциональной поддержки от близких.

На популяционном уровне следует обратить внимание на формирование подгруппы риска развития депрессивных расстройств у подростков с наследственной отягощенностью по психическим заболеваниям. Под особым контролем должны находиться подростки в возрасте 15–18 лет. В рамках этого уровня используются средства массовой информации (радио, телевидение) для пропаганды здорового образа жизни и отказа от вредных привычек.

На групповом уровне необходимо формировать психологические программы и тренинги для школьников, у которых имеются конфликтные отношения со сверстниками и родителями. Рекомендуется организация при общеобразовательных учреждениях службы психологического сопровождения для оказания помощи школьникам, оказавшимся в кризисной ситуации. Временной график работы этой службы должен быть вынесен за рамки учебного процесса и может быть реализован на индивидуальных и групповых тренингах и консультациях.

На индивидуальном уровне следует обращать внимание на скрытую ангедонию, проявление астенических черт, отсутствие планов на будущее, где основная роль отводится предупреждению развития тяжелых форм и рецидивов депрессии.

Применение подобной модели возможно только при совместном взаимодействии врачей (терапевты, психиатры, педиатры) и психологов, департаментов образования и здравоохранения.

Выводы

В ходе определения особенностей социально-психологических и психофизиологических профилей депрессивных состояний населения Приамурья был получен ряд результатов. Исследования позволили определить ранее отсутствовавшие данные о распространении ДР и, вероятно, связанных с ними медико-психологических причинах медленных темпов развития ментальных ресурсов среди подростков, проживающих в этнокультурально различных регионах Хабаровского края. Недостаточная психопрофилактическая помощь населению, низкая просвещенность способствуют утяжелению и хро-

низации психической патологии. В контексте вышеизложенного выявленные клинические особенности применительно к данной теме исследования позволяют найти специфические подходы к профилактике и превенции подростковых депрессий, что внесет существенный вклад в улучшение ситуации на Дальнем Востоке России.

Необходимо рассмотреть комплекс мероприятий по категорическому запрету на распространение алкогольной продукции в национальных селах с разъяснениями о невозможности употребления алкоголя. Особо актуальным с точки зрения практического применения является возможность использования полученных знаний при психологическом консультировании представителей групп риска с целью повышения стрессоустойчивости. Полученные данные по психогенетическим профилям трудовой деятельности и активности являются огромным подспорьем для психолога, работающего с подростками.

Необходимым условием для возникновения непсихотических депрессий является химическая или пищевая зависимость. Определение клинической структуры исходов депрессий у лиц коренных дальневосточных народов позволит дифференцировать их в этнокультуральном отношении. Результаты исследования свидетельствуют о значительном преобладании среди подростков с депрессивными расстройствами лиц женского пола в обеих возрастных группах вне зависимости от этнической принадлежности. Среди соматических нарушений также в обеих группах преобладали болезни органов пищеварения, а имеющиеся незначительные отличия связаны с общенациональной культурой сопоставимых регионов Приамурья. Недостаточная психопрофилактическая помощь подрастающему населению, низкая просвещенность способствуют утяжелению и хронизации соматической и психической патологии. Из вышеизложенного следует, что в первичном звене общей медицины важная роль должна отводиться профилактике и раннему выявлению психосоматических расстройств, а в деятельности участкового врача – значимости многоуровневого анализа, оценки и прогноза состояния пациента, выбору адекватной патогенетической терапии и осуществлению лечебно-профилактических программ, что в итоге приведет к снижению частоты депрессивных расстройств и суицидов.

Декларация о финансовых и других взаимоотношениях

Исследование имеет спонсорскую поддержку в форме гранта РФФИ в рамках научного проекта № 19-013-00018. Авторы несут полную ответственность за предоставление окончательной версии рукописи в печать. Все авторы принимали участие в разработке концепции статьи и написании рукопи-

си. Окончательная версия рукописи была одобрена всеми авторами. Информация о потенциальных или явных конфликтах интересов отсутствует.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анцыферова, Л.И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысление, преобразование ситуаций и психологическая защита / Л.И. Анцыферова // Психологический журнал. – 1994. – № 1. – С. 3–16.
2. Калашникова, С.А. Личностные ресурсы как интегральная характеристика личности / С.А. Калашникова // Молодой ученый. – 2011. – Т. 2, № 8 (31). – С. 84–87.
3. Краснов, В.Н. Депрессия как социальная и клиническая проблема современной медицины / В.Н. Краснов // Российский психиатрический журнал. – 2011. – № 6. – С. 8–10.
4. Левкова, Е.А. Комплексная оценка проявления двойной эксклюзии: медико-социальные и психологические аспекты (на примере коренных народов Приамурья) / Е.А. Левкова, И.В. Донкан, К.И. Воробьева // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2013. – Т. 39, № 3. – С. 212–215.
5. Левкова, Е.А. Психогенетика агрессивности / Е.А. Левкова, И.П. Логинов, С.З. Савин // Модели и методы современной генетики. – Хабаровск : Вычислительный центр ДВО РАН, 2014. – С. 81–86.
6. Логинов, И.П. Сравнительный анализ распространения депрессивных расстройств у подростков России и КНР / И.П. Логинов, С.З. Савин, Е.В. Солодкая // Вопросы психического здоровья детей и подростков. – 2019. – № 3. – С. 4–12.
7. Маклаков, А.Г. Личностный адаптационный потенциал: его мобилизация и прогнозирование в экстремальных условиях / А.Г. Маклаков // Психологический журнал. – 2001. – Т. 22, № 1. – С. 16–24.
8. Тревожно-депрессивные расстройства – связующее звено между социально-экономическими, поведенческими и биологическими сердечно-сосудистыми факторами риска / А.В. Орлов, О.П. Ротарь, М.А. Бояринова, [и др.] // Сибирское медицинское обозрение. – 2017. – № 2 (104). – С. 60–66.
9. Положий, Б.С. Суицидальная ситуация среди детей и подростков в России / Б.С. Положий // Российский психиатрический журнал. – 2012. – № 4. – С. 52–56.
10. Смулевич, А.Б. Депрессии при соматических и психических заболеваниях / А.Б. Смулевич. – Москва : Медицинское информационное агентство, 2003. – 432 с.
11. Соловьева, С.Л. Ресурсы личности / С.Л. Соловьева // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. – 2010. – № 2. – URL: [http:// medpsy.ru](http://medpsy.ru) (дата обращения: 30.07.2020).
12. Хазова, С.А. Ментальные ресурсы субъекта: природа, функции, динамика / С.А. Хазова // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – 2014. – Т. 20, № 4. – С. 31–42. – (Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социоконетика).
13. Хритинин, Д.Ф. Суицидальное поведение в структуре депрессивных расстройств у лиц молодого возраста / Д.Ф. Хритинин, Д.В. Самохин, Е.М. Гончарова // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. – 2015. – Т. 86, № 1. – С. 9–15.
14. Этнокультуральные особенности распространенности и клиники психических расстройств / А.А. Чуркин, Б.С. Положий, В.И. Ревенко, Г.Ф. Ракицкий // Вестник неврологии, психиатрии и нейрохирургии. – 2009. – № 2. – С. 39–46.
15. Юнг, К.Г. Структура психики и процесс индивидуации / К.Г. Юнг. – Москва : Наука. 1996. – 350 с.
16. Age and gender differences in medical care utilization prior to suicide / J. Cho, D.R. Kang, K.T. Moon [etc.] // *Affect Disord.* – 2013. – Vol. 146(2). – P. 181–188.
17. Barth, J. Depression as a risk factor for mortality in patients with coronary heart disease: a meta-analysis / J. Barth, M. Schumacher, C. Herrmann-Lingen // *Psychosom. Med.* – 2004. – Vol. 66. – P. 802–813.
18. Bostwick, J.M. Affective disorders and suicide risk: a reexamination / J.M. Bostwick, V.S. Pankratz // *Am. J. Psychiatry.* – 2000. – Vol. 157. – P. 1925–1932.
19. Caelear, A.L. A systematic review of psychosocial suicide prevention interventions for youth / A.L. Caelear, H. Christensen, A. Freeman // *European Child and Adolescent Psychiatry.* – 2016. – Vol. 25(5). – P. 467–482.
20. Carney, R.M. Depression as a risk factor for cardiac mortality and morbidity: a review of potential mechanisms / R.M. Carney, K.E. Freedland, G.E. Miller // *J. Psychosom. Res.* – 2002. – Vol. 53. – P. 897–902.
21. Cooper, A.C. Objectively measured physical activity and sedentary time in youth: the International children’s accelerometry database (ICAD) / A.C. Cooper, A. Goodman, A.S. Page // *International Journal of Behavioral Nutrition and Physical Activity.* – 2015. – Vol. 12. – P. 113–116.
22. Critical Connections: Health and Academics / S.L. Michael, C.L. Merlo, C.E. Basch [etc.] // *Journal of School Health.* – 2015. – Vol. 85(11). – P. 740–758.
23. Das, J.K. Interventions for Adolescent Mental Health: An Overview of Systematic Reviews / J.K. Das, R.A. Salam, Z.S. Lassi // *J. Adolesc. Health.* – 2016. – Vol. 59, № 4. – P. 49–60.
24. Days out of role due to common physical and mental conditions: results from the WHO World Mental Health surveys / J. Alonso, M. Petukhova, G. Vilagut [etc.] // *Mol. Psychiatry.* – 2010. – Vol. 16. – P. 1234–1246.
25. Depression increases risk of incident myocardial infarction among Veterans Administration patients with rheumatoid arthritis / J.F. Scherrer, K.S. Virgo, A. Zeringue [etc.] // *Gen. Hosp. Psychiatry.* – 2009. – Vol. 31. – P. 353–359.
26. Dodge, K.A. Annual Research Review: Universal and targeted strategies for assigning interventions to achieve population impact Annual Research Review: Something new: What’s next for child psychology and psychiatry? / K.A. Dodge // *Journal of Child Psychology and Psychiatry.* – 2020. – Vol. 61 (3). – P. 215–217.
27. Gross, A.L. Depression and cancer risk: 24 years of follow-up of the Baltimore Epidemiologic Catchment Area sample / A.L. Gross, J.J. Gallo, W.W. Eaton // *Cancer Causes Control.* – 2010. – Vol. 21. – P. 191–199.
28. Jinnin, R. Detailed course of depressive symptoms and risk for developing depression in late adolescents with sub-threshold depression: a cohort study / R. Jinnin, Y. Okamoto, K. Takagaki // *Neuropsychiatric Disease and Treatment.* – 2016. – Vol. 13. – P. 25–33.
29. Katon, W. Impact of major depression on chronic medical illness / W. Katon, P. Ciechanowski // *J. Psychosom. Res.* – 2002. – Vol. 53. – P. 859–863.
30. Kessler, R.C. The epidemiology of depression across cultures / R.C. Kessler, E.J. Bromet // *Annu. Rev. Public Health.* – 2013. – Vol. 34. – P. 119–138.
31. Maddi, S.R. Hardiness and Mental Health / S.R. Maddi, D.M. Khoshaba // *Journal of Personality Assessment.* – 1994. – Vol. 63(2). – P. 265–274.
32. Qiu, J. A nationwide survey of psychological distress among Chinese people in the COVID-19 epidemic: implications

and policy recommendations / J. Qiu, B. Shen, M. Zhao // *General Psychiatry*. – 2020. – Vol. 33. – e100213.

33. *Rihmer, Z.* Suicide risk in mood disorders / Z. Rihmer // *Curr. Opin. Psychiatry*. – 2007. – Vol. 20. – P.17–22.

34. Socioeconomic inequalities in adolescent health 2002–2010: A time-series analysis of 34 countries participating in the Health Behaviour in School-Aged Children study / F.J. Elgar, T.-K. Pfortner, I. Moor [etc.] // *Lancet*. – 2015. – Vol. 385(9982). – P. 2088–2095.

35. Suicide Reporting on Front Pages of Major Newspapers in Taiwan Violating Reporting Recommendations Between 2001 and 2012 / Y.C. Chiang, F.Y. Chung, C.Y. Lee [etc.] // *Health Commun.* – 2016. – Vol. 31(11). – P. 1395–404.

36. *Sheppard, J.A.* The Relationship of Hardiness, Gender, and Stress to Health Outcomes in Adolescents / J.A. Sheppard, J.H. Kashani // *Journal of Personality*. – 1991. – Vol. 59(4). – P. 747–768.

37. *Stewart, S.M.* Hopelessness and suicidal ideation among adolescents in two cultures / S.M. Stewart, B.D. Kennard, P.W.H Lee // *Journal of Child Psychology, Psychiatry and Allied Disciplines*. – 2010. – Vol. 46. – P. 364–372.

38. *Stone, D.M.* Vital Signs: Trends in State Suicide Rates – United States, 1999–2016 and Circumstances Contributing to Suicide – 27 States, 2015 / D.M. Stone, T.R. Simon, K.A. Fowler // *Morbidity and Mortality Weekly Report. Weekly U.S. Department of Health and Human Services. Centers for Disease Control and Prevention*. – 2018. – Vol. 67. – P. 617–24.

39. *Taylor, R.B.* Self-Help Medical Guide / R.B. Taylor // *Signet medical book: New American Library*. – New York, 1978. – 353 p.

40. The epidemiology of major depressive episodes: results from the International Consortium of Psychiatric Epidemiology (ICPE) / L. Andrade, J.J. Caraveo-Anduaga, P. Berglund [etc.] // *Surveys. Int. J. Methods Psychiatr. Res.* – 2003. – Vol. 12. – P. 3–21.

41. *Van de Velde, S.* Gender differences in depression in 23 European countries. Cross-national variation in the gender gap in depression / S. Van de Velde, P. Bracke, K. Levecque // *Soc. Sci. Med.* – 2010. – Vol. 71. – P. 305–313.

42. *Von Korff, M.R.* Global perspectives on mental-physical comorbidity in the WHO World Mental Health Surveys / M.R. Von Korff, K.M. Scott, O. Gureje. – New York : Cambridge University Press, 2009. – 115 p.

43. *Whisman, M.A.* Prospective associations between marital discord and depressive symptoms in middle-aged and older adults / M.A. Whisman, L.A. Uebelacker // *Psychol. Aging*. – 2009. – Vol. 24. – P. 184–189.

44. World Health Organization. Preventing suicide: A recourse for media professionals. Department of Mental Health Social Change and Mental Health. Geneva. – 2018. – 26 p.

45. *Zalman, G.* Suicide prevention strategies revisited: 10-year systematic review / G. Zalman, K. Hauton, D. Wasserman // *Lancet Psychiatry*. – 2016. – Vol. 3(7). – P. 646–659.

DOI: 10.31079/1992-2868-2020-17-4-187-195

ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНЫЕ И РЕГУЛЯТОРНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ПИЩЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ ЖЕНЩИН С РАЗНЫМ ИНДЕКСОМ МАССЫ ТЕЛА

Д.Д. Горохова

В.А. Шамиева

Е.С. Шаметько

В статье представлены результаты исследования психологических особенностей личности людей с разным типом пищевого поведения на основе эмпирического анализа 213 женщин разного возраста. Установлены статистически значимые взаимосвязи между стратегией защитно-совладающего поведения «бегство-избегание» с экстернальным стилем пищевого поведения и эмоциональным типом пищевого поведения.

Ключевые слова: стиль пищевого поведения, нарушения пищевого поведения, самоотношение, совладающее поведение, лишний вес, избыточный вес, масса тела, пищевые привычки, переедание, ожирение.

EMOTIONAL ASSESSMENT AND PSYCHOLOGICAL DETERMINANTS OF EATING BEHAVIOR OF WOMEN WITH DIFFERENT BODY MASS INDEX

D.D. Gorohova

V.A. Shamieva

E.S. Shamet'ko

The research studies the psychological features of people with different types of eating behavior using data from 213 female respondents of different ages. The study shows a statistically significant relationship between the strategy of protective-coping behavior "escape-avoidance" with external and emotional styles of eating behavior.

Key words: eating behavior style, eating disorders, self-care, coping behavior, overweight body type, body weight, eating habits, overnutrition, obesity.

Введение

За последние несколько десятилетий, начиная с 1970-х гг. и по настоящее время, в экономически развитых странах мира наблюдается резкое увеличение показателей распространенности нарушений пищевого поведения [11–13]. В настоящее время распространенность этих нарушений приобретает характер «эпидемии». Выраженные расстройства пищевого поведения (пищевая зависимость) влекут за собой как

нарушения физического здоровья людей, так и психосоциальную дезадаптацию [14; 15]. Пищевая зависимость, несмотря на актуальность этой проблемы, остается одним из самых тяжелых заболеваний в диагностическом и лечебном плане [10; 16; 17]. Это объясняет необходимость изучения механизмов формирования пищевой зависимости, важнейшими из которых являются психологические механизмы.

Горохова Дарья Денисовна – выпускница бакалавриата кафедры прикладной психологии Петербургского государственного университета путей сообщения Императора Александра (г. Санкт-Петербург).

Gorohova Daria Denisovna – Bachelor in Psychology, the Faculty of Economics and Management, Department of Applied Psychology at Emperor Alexander I St. Petersburg State Transport University.

E-mail: gordasha312@gmail.com

Шамиева Вероника Анатольевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры прикладной психологии Петербургского государственного университета путей сообщения Императора Александра (г. Санкт-Петербург).

Shamieva Veronika Anatol'evna – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of Applied Psychology at Emperor Alexander I St. Petersburg State Transport University.

E-mail: vshamieva@mail.ru

Шаметько Елена Сергеевна – клинический психолог, совладелец проекта и автор тренингов, Тренинговый центр «PsyKalen LTD» (г. Санкт-Петербург).

Shamet'ko Elena Sergeevna – Clinical Psychologist, Project Co-owner and Training author at PsyKalen LTD Training Center.

E-mail: elena.kalen@list.ru

© Горохова Д.Д., Шамиева В.А., Шаметько Е.С., 2020

По данным ВОЗ, в настоящее время около 30 % населения мира имеет лишний вес (примерно 1,7–1,9 млрд чел.). При этом по прогнозам к 2025 г. количество людей с избыточной массой тела увеличится, и проблемой избыточного веса будет страдать 50 % женщин и 40 % мужчин. В России также растет количество людей с разными вариантами патологии пищевого поведения: увеличивается количество обращений этих больных за психологической и врачебной помощью. В 98 % случаев причиной лишнего веса является переизбыток, оставшиеся 2 % – эндокринная и неврологическая патология [9].

Как правило, вышеобозначенные проблемы обусловлены нарушениями пищевого поведения, которые характеризуются изменением пищевых привычек и самого поведения, включающего в себя увеличенный фокус внимания на контроле массы тела, что и приводит к повреждению соматического и психологического здоровья [1: с. 26]. Преимущественно обеспокоенность избыточной массой тела характерна для женщин.

Изменение поведения у женщин с лишним весом также распространяется на восприятие образа собственного тела и характеризуется преобладанием деструктивных стратегий совладания со стрессом, повышенной требовательностью к себе без учета реальных возможностей, неадекватно высокими ожиданиями в отношении своей фигуры, склонность следовать слишком жестким диетическим ограничениям, приводящим к пищевым срывам и, как следствие, к недовольству собой [2; 19; 20]; наличием значительных различий в личностных представлениях о своём идеальном и реальном «Я» [3]. Этому в значительной степени способствуют средства массовой информации, пропагандирующие определенные стандарты женской красоты и рекламирующие способы похудения. В современном обществе распространены эталоны женщины с недостижимой для подавляющего большинства фигурой. В результате у более или менее склонных к полноте женщин возникает чувство неполноценности [21: с. 32].

У женщин с избыточной массой тела реже встречается стиль питания, соответствующий физиологическим потребностям организма по сравнению с женщинами с нормальным весом [13]. Другими словами, женщинам с лишним весом свойственно нарушение пищевого поведения в форме переизбытка, чрезмерных физических нагрузок, увлечение диетами, применение различных препаратов для снижения веса, эпизоды неконтролируемого обжорства и т.д.

В современной медицине и психологии не вызывает возражений представление о том, что физиологические последствия нарушений пищевого поведения (в частности, ожирение) относятся к

психосоматическим расстройствам – заболеваниям, в этиологии которых «психосоциальная составляющая является первичной по отношению к соматическим факторам патогенеза развития болезни» [4: с. 426]. Поэтому нарушения пищевого поведения, затрагивая область изучения как психологии, так и медицины, исследуются обеими этими науками.

Так, в рамках отечественной медицинской психологии были проведены исследования расстройств пищевого поведения при ожирении (Т.Г. Вознесенская), различных аспектов психопатологии при нарушениях питания (А.А. Марков, Б.Д. Карвасарский, А.В. Приленская, В.Ф. Простомолотов, Т.М. Гумницкая), клинико-психологических характеристик женщин с алиментарно-конституциональным ожирением (Т.Г. Вознесенская, А.В. Вахмистров, О.И. Салмина-Хвостова, С.И. Посохов, Ю.Л. Савчикова, Р.Ю. Шипачев), а также изучены копинг-стратегии (способы совладания со стрессом) у женщин с избыточным весом (Ю.Л. Савчикова).

Однако несмотря на то, что многими исследователями отмечается приоритетное значение в генезе расстройств пищевого поведения психологических факторов, наблюдается дефицит исследований психологических аспектов этой проблемы.

В современной научной литературе отсутствует общепринятый подход к классификации факторов возникновения расстройств пищевого поведения (РПП). Нарушения пищевого поведения являются полидетерминированными, мультифакторными расстройствами, формирующимися под влиянием не одного, а целого комплекса факторов, взаимодействующих между собой [5; 22; 23 и др.]. Это и физиологические, генетические, социальные, психологические (личностные и эмоциональные), культурные [24], генетические и социокультурные [23], биологические, наследственные, семейные [5] и др.

Таким образом, несмотря на различия классификаций факторов возникновения нарушений пищевого поведения, приводимых разными авторами, в каждой из них присутствуют и отчетливо выделяются основные группы социальных, биологических и психологических факторов. И пищевое поведение, помимо эволюционного смысла, приобретает дополнительные переносные значения, в результате чего становится универсальным языком социальных посланий [22: с. 23].

И если наряду с биологическими или эволюционными функциями питания в пищевом поведении начинают преобладать социальные, психологические и другие функции, то происходит потеря адаптивного значения пищевого поведения. К числу особенностей лиц, у которых диагностированы нарушения пищевого поведения, относится также группа психологических свойств, соотносящихся с общей психологической дезадаптацией: низкий уровень

стрессоустойчивости и фрустрационной толерантности, неумение справляться с трудностями повседневной жизни, когнитивная и социальная пассивность, отсутствие или недостаточность склонности применять адаптивные, конструктивные копинг-стратегии, высокая степень выраженности невротических черт личности, астения, тревога, депрессия, низкий уровень качества жизни [7; 11; 25; 26]. Сюда же можно отнести свойственные им признаки дисгармоничного характера психоэмоциональной саморегуляции: избыток количества и высокую интенсивность отрицательных эмоций при низком уровне экспрессивности, импульсивность, эмоциональную неустойчивость, склонность к пароксизмальным состояниям и ригидность [20; 25; 27; 28 и др.].

Тот факт, что лицам с нарушениями пищевого поведения (НПП) свойственны выраженные признаки психологической дезадаптации, позволил многим исследователям предположить, что переедание для них является своего рода способом «самолечения», защитной реакцией с целью избавления от эмоционального дискомфорта, попыткой совладания со стрессом [1; 15; 25 и др.]. «Прием пищи играет роль своеобразного защитного механизма от стресса, этот способ защиты социально приемлем, доступен, прост, не требует ни умственного, ни эмоционального напряжения» [13: с. 155–156].

Существует медицинская и психологическая классификация нарушений пищевого поведения. Медицинская классификация представлена в Международной классификации болезней 10-го пересмотра (МКБ-10 F50), где выделяются следующие основные виды расстройств приема пищи: нервная анорексия, нервная булимия, переедание, связанное с другими психологическими расстройствами, психогенная рвота и другие РПП [28].

Однако в научно-психологической литературе, как правило, приводят другую классификацию, согласно которой выделяются следующие виды нарушений пищевого поведения [22; 24; 28 и др.]:

1. Ограничительное пищевое поведение – это расстройство пищевого поведения, суть которого заключается в избыточном пищевом самоограничении с целью достижения и поддержания желаемого телосложения и веса. При данном виде НПП характерно соблюдение всевозможных диет, в том числе весьма жестких, при которых нарастание чувства голода рано или поздно приводит к приступам переедания [8].

2. Экстернальное пищевое поведение – нарушение пищевого поведения, обусловленное повышенной восприимчивостью к внешним раздражителям (по типу мотивации, вызванной привлекательностью объекта). При этом виде расстройств пищевого поведения в качестве стимулов к принятию пищи выступает не испытываемое чувство голода, а

внешние раздражители: вид человека, употребляющего пищу, рекламы пищевых продуктов, вид или запах витрины продуктового магазина и т.д. Лица с данным видом НПП принимают пищу практически во всех ситуациях, когда они ее видят и когда она им доступна.

3. Эмоциогенное пищевое поведение, или гиперфагическая реакция на стресс, или эмоциональное переедание, или «пищевое пьянство» – это расстройство пищевого поведения, при котором в качестве стимула к приему пищи выступает не чувство голода, а испытываемый субъектом эмоциональный дискомфорт: беспокойство, раздражение, скука, подавленность, одиночество, разочарование и многое другое с отрицательным знаком аффекта. Процесс приема пищи при этом выполняет компенсаторную функцию. Но эмоциональное переедание возможно и при положительном знаке переживаемых эмоций, например большом успехе в делах, законченном трудном процессе в какой-либо деятельности. В этом случае процесс приема пищи выполняет подкрепляющую, усиливающую самооценку функцию. В обоих вариантах характерно преобладание механизмов психологической защиты регрессии и смещения. С научно-психологической точки зрения оно является разновидностью аддиктивного поведения (пищевая аддикция или пищевая зависимость), цель которого – уход от субъективной реальности [10; 23; 31]. Психологическая зависимость от еды широко распространена, поскольку еда является одним из самых доступных объектов злоупотребления [8; 9].

Все вышеперечисленные виды нарушений пищевого поведения характерны для больных ожирением. При этом у одного и того же пациента, как правило, диагностируется не один вид, а сочетание двух или всех трех видов НПП, т.е. комбинированный или смешанный вид расстройств пищевого поведения [7; 26].

В пищевом поведении норма и патология обусловлены значительным количеством параметров, в числе которых: качественные и количественные показатели пищи, а также набор определенных психологических свойств личности [32: с. 116]. Таким образом, механизм реализации и причину совладающего поведения нельзя рассматривать отдельно от всей личности в целом, так как они связаны и являются одной из необходимых составляющих личности.

Результаты многочисленных исследований свидетельствуют о воздействии стресса на питание в различных группах людей, что позволяет выдвинуть гипотезу о существовании тесной взаимосвязи между расстройствами пищевого поведения и стилем совладающего поведения. Нарушенное пищевое поведение в отдельных случаях (отказ от еды

или переживание как способ совладания с эмоциями) может рассматриваться в качестве деструктивного защитно-совладающего поведения [14].

Таким образом, необходимость изучения факторов, влияющих на формирование пищевого поведения, является актуальной.

Результаты проведенного исследования и представленные выводы могут быть использованы при подготовке тренинговых занятий и психологических консультаций для коррекции типа пищевого поведения людей с избыточной массой тела.

Представленное в статье конкретное эмпирическое исследование осуществлялось нами как стремление рассмотреть различия между типами пищевого поведения людей с разным индексом массы тела через стиль и стратегию совладающего поведения, связанного с отношением к себе (самотношением), которая может являться как поддерживающей, так и препятствующей адекватному функционированию системы контроля.

Методы

Эмпирическая база исследования: исследование проводилось путем онлайн-опроса участников тренинга стройности «Красивые привычки. Красивое тело» Елены Кален, студентов и сотрудников ПГУПС.

Эмпирическая выборка формировалась на основании результатов анкеты для желающих принять участие в исследовании и диагностике по методике «Голландский опросник пищевого поведения». Из всех опрошенных было выбрано 213 женщин разного возраста (от 20 лет до 50 лет). Из них 154 женщины с избыточной массой тела (основная группа – группа 1) и 59 женщин с массой тела, индексируемой как нормальная (контрольная группа – группа 2) (рис. 1).

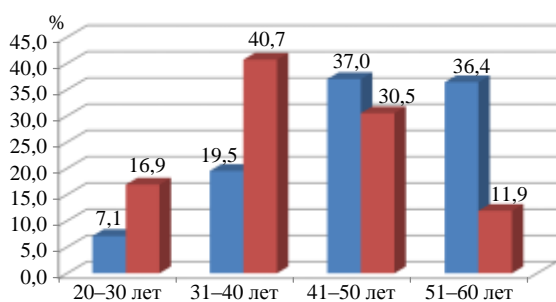

Рис. 1. Структура выборки исследования по возрастному показателю: ■ – группа 1; ■ – группа 2

В исследовании использовались следующие методики:

1. Индекс массы тела (ИМТ) – величина, позволяющая оценить степень соответствия массы человека и его роста и тем самым косвенно оценить, является ли масса недостаточной, нормальной или избыточной.

2. Голландский опросник по типу пищевого поведения (Т. Ван Стриен), (англ. Dutch Eating Behavior Questionnaire – DEBQ) Предназначен для качественной и количественной оценки нарушений пищевого поведения по трем типам: экстернальному, эмоциогенному и ограничительному [21].

3. Тест-опросник самооотношения (В.В. Столин, С.Р. Пантелеев). Опросник самооотношения (ОСО) построен в соответствии с иерархической моделью структуры самооотношения, разработанной В.В. Столиным, и позволяет определить один из трёх уровней самооотношения. Эти уровни различны по таким показателям, как: уровень конкретных действий (готовности к ним) в отношении к своему «Я»; ожидания отношения к себе; самоинтерес; самоуважение.

4. Опросник «Способы совладающего поведения» (Р. Лазарус). Копинг-тест предназначен для определения механизмов совладающего поведения, способов преодоления трудностей в различных сферах психической деятельности.

5. В процессе обработки полученных данных применялись методы математической статистики: первичная описательная статистика; сравнительный анализ (критерий Манна–Уитни); корреляционный анализ (по Спирмену); непараметрический метод (*H*-критерий Краскала–Уоллеса).

Результаты и обсуждение эмпирического исследования

Показатели по опроснику самооотношения (В.В. Столин, С.Р. Пантелеев) представлены на рис. 2.

Рис. 2. Показатели по опроснику самооотношения (В.В. Столин, С.Р. Пантелеев): ■ – группа 1; ■ – группа 2

Значения всех шкал оказались выше 50 %, что свидетельствует о высокой самооценке обеих групп. Причем самооценка у второй группы (женщины без лишнего веса) по всем измеряемым величинам выше, чем у первой. Однако «ожидаемое отношение от

других» для обеих групп ниже остальных показателей. Это позволяет нам сделать вывод, что обе группы высоко оценивают себя, но считают, что другие люди их недооценивают. Особенно это характерно для группы респондентов с избыточной массой тела (группа 1). Они, по собственному мнению, более, чем вторая группа, недополучают поддержки, понимания и принятия от окружающих.

На рис. 3 представлены показатели по шкалам, указывающим на степень выраженности установок тех или иных внутренних действий в адрес «Я»

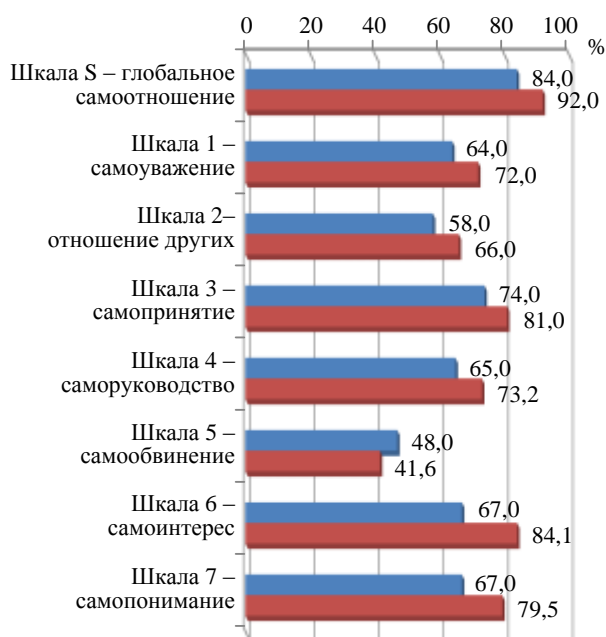

Рис. 3. Степень выраженности установок в адрес «Я» (опросник самоотношения В.В. Столина, С.Р. Пантелеева):
■ – группа 1; ■ – группа 2

Обе группы волнует мнение окружающих – высокие значения показателя «глобальное самоотношение», обе группы чувствуют собственную недооцененность. На это указывает сниженное значение по шкале «отношение других» относительно других шкал. Для респондентов с избыточной массой тела (группа 1) это еще более выражено и характерно. Респонденты обеих групп испытывают интерес к своей личности и принимают себя такими, какие они есть. На это указывают высокие значения по шкалам «самоинтерес» и «самопринятие». Высокие показатели по шкале «самопринятие» указывают на дружеское, снисходительное отношение к самому себе. А низкие показатели по шкале «самообвинение» позволяют считать, что у испытуемых низкая самокритичность, обе группы склонны обвинять других за обстоятельства в их жизни, перекладывать вину на других. Особенно это характерно для второй группы (женщины с нормальной массой тела). И это означает, что респонденты с избыточной массой

чаще берут вину на себя за случившееся, чем респонденты с нормальной массой тела.

Высокие показатели респондентов по шкалам «глобальное самоотношение», «самоинтерес» и «самопринятие» указывают на то, что они верят в свои силы и способности, проявляют самостоятельность и активность, могут контролировать свои поступки и правильно оценивать свои возможности, а также быть самопоследовательными и понимать себя. Однако это в большей степени соответствует респондентам второй группы. То есть женщины с избыточной массой тела менее активны и самостоятельны, имеют меньше веры в свои силы и способности, считают себя менее интересными для других и в меньшей степени способны контролировать свои поступки, им сложно верно оценивать свои возможности, и они хуже понимают себя и свои эмоции.

Опросник «Способы совладающего поведения» (копинг-тест) (Р. Лазарус) позволил определить копинг-стратегии в различных сферах психической деятельности, которые используют женщины, принявшие участие в исследовании.

Результаты исследования представлены на рис. 4.

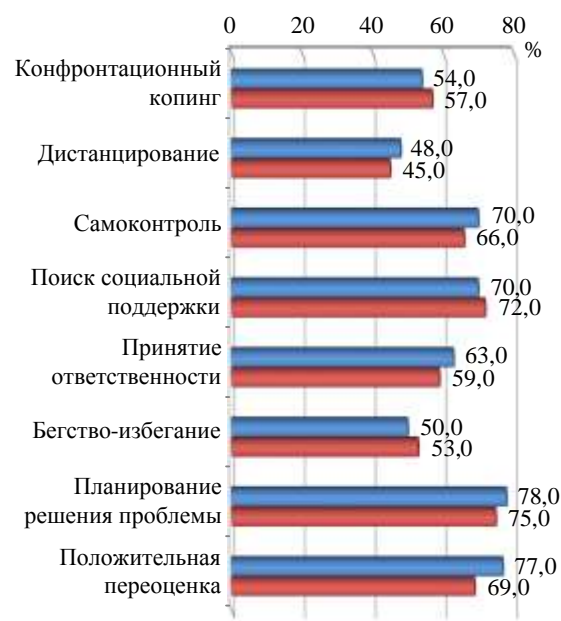

Рис. 4. Показатели шкал опросника «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса по всей выборке:
■ – группа 1; ■ – группа 2

У респондентов с избыточной массой тела (группа 1) преобладают показатели по таким шкалам, как планирование решения проблемы, поиск социальной поддержки, принятие ответственности и самоконтроль. Это указывает на то, что респонденты данной группы в различных трудных жизненных ситуациях используют различные стратегии совладающего поведения. В целом преобладающие стратегии являются достаточно конструк-

тивными с точки зрения попытки преодоления негативных переживаний и разрешения трудностей. Респонденты предпринимают попытки анализировать ситуацию и возможные варианты поведения, положительно переосмысливать проблему.

Показатель «принятие ответственности» у группы 1 выше, чем у группы 2. Это указывает на то, что респонденты с избыточной массой тела в большей степени, чем женщины без лишнего веса, готовы брать на себя много задач и нести ответственность за их выполнение. При этом, как сказано ранее (см. рис. 3), они недооценивают свои возможности, меньше верят в себя и больше недовольны отношением к ним окружающих.

Вместе с тем для всех стратегий, преобладающих в данной группе, характерны негативные моменты: чрезмерная рациональность при недостаточной эмоциональности (подавление эмоций, трудности их выражения), а также существует вероятность низкой оценки своего потенциала и возможностей при необходимости решения проблемной ситуации.

Среди респондентов с нормальной массой тела (группа 2) преобладает шкала «планирование решения проблемы». Респонденты данной группы в стрессовой ситуации предпринимают попытки преодоления проблемы за счет создания стратегии решения трудностей, а также используют планирование собственных действий с учетом имеющихся условий, своего прошлого опыта и имеющихся ресурсов в настоящем. Эта стратегия является адаптивной и помогает найти конструктивное решение.

Стратегия поиска социальной поддержки преобладает в обеих группах. Женщины, участвующие в исследовании, пытаются решать проблемы за счет привлечения внешних ресурсов, за счет получения новой информации и поддержки со стороны в виде сочувствия, внимания и действенной помощи. Преимущественная потребность у всех исследуемых женщин – эмоциональная поддержка, проявление которой – желание быть услышанной, получить сочувственный ответ и стремление разделить с кем-то свои переживания. С одной стороны, такая стратегия подразумевает использование внешних ресурсов для разрешения проблемной ситуации, что является положительным моментом. С другой стороны, с тем существует риск формирования зависимой позиции и/или появления завышенных ожиданий от окружающих. И это больше характерно для группы 1 (женщины с избыточной массой тела).

Результаты исследования типа пищевого поведения с помощью Голландского опросника (DEBQ) у респондентов показали, что преобладающим типом для обеих групп является ограничительное поведение (рис. 5).

При ограничительном пищевом поведении, для которого характерно соблюдение всевозможных ди-

ет, в том числе весьма жестких, несомненно, способствующих нарастанию чувства голода и соответственно рано или поздно приводящих к приступам переедания, человек пребывает в постоянном стрессе. Причина стресса кроется в избыточном пищевом самоограничении с целью достижения и поддержания желаемого телосложения и веса. Человек от сильного голода или запрета съесть любимый продукт может испытывать различные отрицательные переживания: страдание, раздражение, недовольство и прочие. А во время перееданий появляется недовольство собой от того, что нарушил себе же данные обещания и опять увеличивается вес.

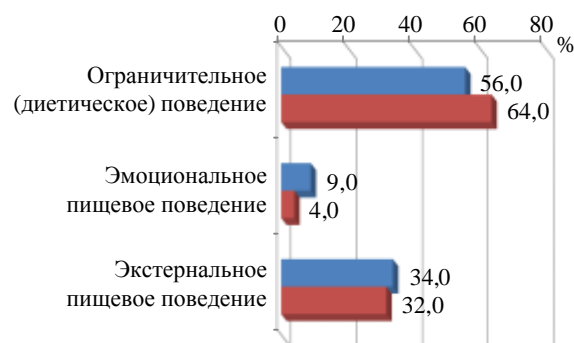

Рис. 5. Показатели по типу пищевого поведения. Голландский опросник (DEBQ) (автор Т. Ван Стриен): ■ – группа 1; ■ – группа 2

Женщины с нормальной массой тела (группа 2) более внимательно и избирательно относятся к еде, чем женщины с избыточной массой тела. Это означает, что у женщин с нормальной массой тела отношения с едой далеки от гармоничных. В частности, женщины боятся есть, чтобы не набрать вес или чрезмерно руководствуются соображениями «полезности».

Группе 1 (женщины с избыточной массой тела) в большей степени, чем женщинам с нормальной массой тела, свойственна эмоциональная нестабильность и зависимость пищевого поведения от эмоционального состояния. На это указывают значения по шкале «эмоциональное пищевое поведение». Для первой группы чаще, чем для второй, в качестве стимула к приему пищи выступает не чувство голода, а испытываемый субъектом эмоциональный дискомфорт: беспокойство, раздражение, скука, подавленность, одиночество, разочарование и многое другое. Процесс приема пищи при этом выполняет компенсаторную функцию.

Респонденты первой группы также отличаются повышенной восприимчивостью к внешним раздражителям, когда в качестве стимулов к принятию пищи выступает не испытываемое чувство голода, а внешние раздражители: вид человека, употребляющего пищу, рекламы пищевых продуктов, вид или запах витрины продуктового магазина и т.д.

Вместе с тем средний результат, полученный у респондентов с нормальной массой тела (группа 2),

находится ниже нормы (2,2 балла). Это означает, что респонденты с нормальной массой тела достаточно осторожны в еде, их отношения с едой далеки от гармоничных. В частности, женщины боятся есть, чтобы не набрать вес или руководствуясь соображениями «полезности».

У участников исследования с избыточной массой тела (группа 1) средний результат составляет 2,6 баллов, что выше нормы и свидетельствует о том, что данные женщины преимущественно едят бесконтрольно, без ограничений, плохо осознавая, что и как они едят.

С целью выявления связи между типом пищевого поведения и психологическими особенностями личности (самоотношение и стиль совладающего поведения) применялись методы математико-статистического анализа данных, в частности метод сравнительного анализа (критерий Манна–Уитни), корреляционный анализ (по Спирмену), *H*-критерий Краскала–Уоллеса (таблица).

Таблица

Сравнительный анализ результатов исследования в группе 1 и группе 2

Шкала самоотношения	Средние значения		Различия группа 1 – группа 2	
	Группа 1	Группа 2	Статистика <i>U</i> Манна–Уитни	Асимпт. знач. (двухсторонняя)
1	2	3	4	5
Шкала S – глобальное самоотношение	83,969	92,373	2395,5	,000
Шкала I – самоуважение	70,025	78,447	2976,0	,033
Шкала II – аутосимпатия	67,870	76,909	2729,0	,005
Шкала III – ожидаемое отношение от других	53,891	67,868	2203,5	,000
Шкала IV – самоинтерес	73,936	84,332	2296,0	,000
Шкала 1 – самоуверенность	64,114	71,926	2900,0	,018
Шкала 2 – отношение других	57,992	66,281	2887,5	,014
Шкала 3 – самопринятие	74,273	81,216	–	–
Шкала 4 – саморучководство	65,179	73,244	–	–
Шкала 5 – самообвинение	47,135	41,611	–	–
Шкала 6 – самоинтерес	66,922	84,107	2723,0	,003
Шкала 7 – самопонимание	67,251	70,515	–	–

Ранжирование значений, полученных в результате исследования при помощи *U*-критерия Манна–Уитни, выявило достоверные различия между респондентами с различной массой тела по ряду па-

раметров. Так, наибольшие различия выявлены по шкалам «глобальное самоотношение», «ожидаемое отношение от других» и «самоинтерес». Выявленные различия подтверждают, что респонденты с нормальной массой тела в большей степени, чем респонденты с избыточной массой тела, зависимы от мнения окружающих, однако в меньшей степени испытывают интерес к своей личности, к своим собственным мыслям и чувствам (рис. 6, 7). Это позволяет сделать предположение, что при более высокой ответственности женщины с избыточным весом склонны меньше времени думать о себе, заботиться о себе и уделять себе внимание, но больше сфокусированы на других людях, чужих или социально-значимых задачах (см. таблицу).

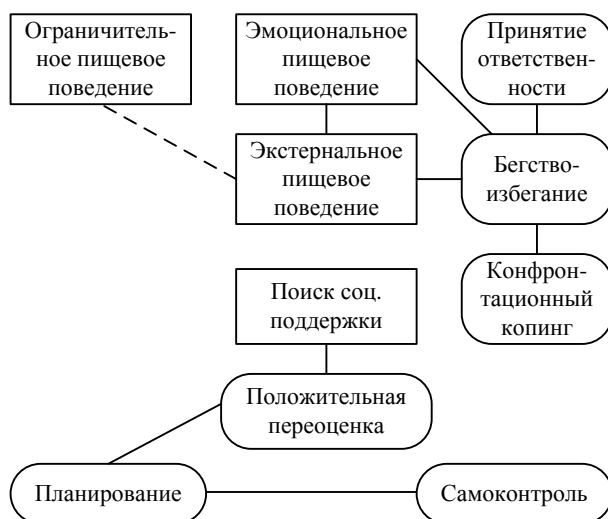

Рис. 6. Связи между стилями пищевого поведения, шкалами самоотношения и типами совладающего поведения респондентов с избыточной массой тела

Рис. 7. Связи между стилями пищевого поведения, шкалами самоотношения и типами совладающего поведения респондентов с нормальной массой тела

По результатам проведенного корреляционного анализа были выявлены достоверные связи между стилями пищевого поведения, шкалами самооотношения и типами совладающего поведения респондентов с разной массой тела.

Так, у респондентов с избыточной массой тела выявлена связь между стратегией защитно-совладающего поведения «бегство-избегание» с экстернальным стилем пищевого поведения ($r = 0,426391$ при $p \leq 0,1$) и эмоциональным стилем пищевого поведения ($r = 0,33048$ при $p \leq 0,1$).

Это позволяет сделать вывод, что респонденты отличаются гиперфагической реакцией на стресс. После стрессового события возникает сильный аппетит, который связан не с физиологической потребностью тела, а запускается как реакция на негативные переживания: ощущение тревожности, чувство вины или стыда, раздражительность, обиду, злость и пр. Также аппетит может возникать на внешние стимулы: рекламу продуктов питания, накрытый стол или человека, принимающего пищу. При этом взаимосвязь экстернального стиля пищевого поведения и совладающего поведения «бегство-избегание» свидетельствует о том, что прием пищи служит для них своеобразным способом отключиться от проблемной ситуации или сделать вид, что проблемы не существует, т.е. психологически защититься от стрессового фактора.

У респондентов с нормальной массой тела, в свою очередь, выявлена связь между стратегией защитно-совладающего поведения «поиск социальной поддержки» с экстернальным стилем пищевого поведения ($r = 0,340179$ при $p \leq 0,1$). Выявленная взаимосвязь может свидетельствовать о том, что респонденты с нормальной массой тела в трудной жизненной ситуации не склонны переждать и «заедать» свои проблемы, а ищут помощь на стороне.

Заключение

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о наличии различий между типами пищевого поведения, шкалами самооотношения и типами совладающего поведения респондентов с разной массой тела.

Респонденты с избыточной и нормальной массой тела в различных жизненных ситуациях используют различные стратегии совладающего поведения, в частности такие, как планирование решения проблемы, положительная переоценка, поиск социальной поддержки и самоконтроль. Но респонденты с нормальной массой тела, в отличие от респондентов с избыточной массой тела, способны контролировать своё пищевое поведение без поиска дополнительной поддержки или положительного подкрепления, похвалы самому себе («самоконтроль»).

Респонденты с разной массой тела выбирают все три стиля пищевого поведения в определенной

последовательности: ограничительный, экстернальный и эмоциональный. Преобладающим типом пищевого поведения является ограничительный.

Респонденты с избыточной массой тела при переходе на эмоциональный или экстернальный тип пищевого поведения используют стратегию защитно-совладающего поведения «бегство-избегание».

Респонденты с нормальной массой тела при выборе экстернального типа пищевого поведения используют стратегию защитно-совладающего поведения «поиск социальной поддержки».

Результаты исследования свидетельствуют о наличии различий между уровнями самооотношения и стратегиями совладающего поведения респондентов с разной массой тела, а также о наличии связи между стилем пищевого поведения обеих групп с уровнями самооотношения и стратегиями совладающего поведения.

Респонденты с разной массой тела используют одинаковые типы пищевого поведения, но опираются на различные уровни самооотношения, частично на разные стили совладающего поведения, что приводит к различному функционированию системы контроля массы тела.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Барабаш, П.И.* Стратегический подход и алгоритмы рационального питания при психологической коррекции избыточного веса / П.И. Барабаш // Концепт. – 2013. – № 05 (май). – URL: <http://e-koncept.ru/2013/13090.htm> (дата обращения: 24.08.2020).
2. *Вассерман, Л.И.* Избыточный вес тела как психосоматическая проблема в контексте психодинамической концепции личности / Л.И. Вассерман, Л.В. Святенко, Е.А. Трифонова // Вестник СПбГУ. – 2009. – № 3-2. – С. 186–195. – (Серия 12. Социология).
3. *Вассерман, Л.И.* Медицинская психодиагностика: Теория, практика и обучение / Л.И. Вассерман, О.Ю. Щелкова. – Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ; Москва : Академия, 2004. – 426 с.
4. *Вознесенская, Т.Г.* Расстройства пищевого поведения при ожирении и их коррекция / Т.Г. Вознесенская // Фарматека. – 2009. – № 12. – С. 91–94.
5. *Вознесенская, Т.Г.* Расстройства пищевого поведения при ожирении и их коррекция / Т.Г. Вознесенская // Международный эндокринологический журнал. – 2017. – № 3(9). – С. 22–26.
6. *Волкова, Г.Е.* Пищевое поведение у пациентов с ожирением / Г.Е. Волкова, Т.И. Романцова, Т.Г. Вознесенская // Ожирение и метаболизм. – 2007. – № 2. – С. 17–21.
7. *Гадельшина, Т.Г.* Влияние психотерапевтического тренинга на пищевое поведение, копинг-стратегии и ситуативную тревожность у женщин с избыточной массой тела / Т.Г. Гадельшина // Вестник ТГПУ. – 2015. – № 3 (156). – С. 90–95.
8. *Дедов, И.И.* Ожирение. Этиология, патогенез, клинические аспекты. Руководство для врачей / И.И. Дедов, Г.А. Мельниченко. – Москва, 2014. – 367 с.
9. *Змановская, Е.В.* Девiantное поведение личности и группы : учебное пособие / Е.В. Змановская, В.Ю. Рыбников. – Санкт-Петербург : Питер, 2010. – 352 с.

10. Ильчик, О.А. Межличностное взаимодействие в родительских и прародительских семьях девушек с нарушениями пищевого поведения : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.05 / О.А. Ильчик. – Минск, 2015. – 26 с.
11. Ильчик, О.А. Психотерапевтическое вмешательство при нарушениях пищевого поведения / О.А. Ильчик, С.Л. Мельгуй // Психалогия. – 2010. – № 4. – С. 47–50.
12. Каирова, М.Т. Личностные особенности полных женщин с разными типами нарушений пищевого поведения / М.Т. Каирова // Наука и современность. – 2013. – № 24. – С. 178–182.
13. Каменецкая, Е.В. Телесный образ Я у лиц с нарушением пищевого поведения / Е.В. Каменецкая, Т.А. Ребеко // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – 2014. – № 4. – С. 58–64. – (Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика).
14. Келина, М.Ю. Социокультурные факторы формирования неудовлетворенности телом и нарушений пищевого поведения / М.Ю. Келина // Вестник МГЛУ. – 2012. – № 640. – С. 158–165.
15. Кислова, Е.К. Булимические расстройства при нервной анорексии : дис. ... канд. мед. наук: 14.00.18 / Е.К. Кислова. – Москва, 2004. – 218 с.
16. Коркина, М.В. Нервная анорексия / М.В. Коркина, М.А. Цивилько, В.В. Марилев // Психология семьи и больной ребенок : учебное пособие : хрестоматия / сост. И.В. Добряков, О.В. Заширинская. – Санкт-Петербург : Речь, 2007. – С. 206–207.
17. Любан-Плоцца, Б. Психосоматические расстройства в общей медицинской практике / Б. Любан-Плоцца, В. Пёльдингер, Ф. Крёгер. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский психоневрологический институт им. В.М. Бехтерева, 2002. – 288 с.
18. Малкина-Пых, И.Г. Исследование влияния индивидуально-психологических характеристик на результаты коррекции пищевого поведения и алиментарного ожирения / И.Г. Малкина-Пых // СПЖ. – 2008. – № 30. – С. 90–94.
19. Малкина-Пых, И.Г. Перфекционизм и удовлетворенность образом тела в структуре личности пациентов с нарушениями пищевого поведения и алиментарным ожирением / И.Г. Малкина-Пых // Экология человека. – 2010. – № 1. – С. 21–27.
20. Малкина-Пых, И.Г. Психологическая коррекция нарушений пищевого поведения и алиментарного ожирения методами ритмодвигательной оздоровительной физической культуры / И.Г. Малкина-Пых // Ученые записки университета Лесгафта. – 2011. – № 3. – С. 124–130.
21. Малкина-Пых, И.Г. Терапия пищевого поведения : справочник / И.Г. Малкина-Пых. – Москва : Эксмо, 2017. – 1037 с.
22. Матвеев, А.А. Репрезентация эмоций у больных нервной булимией / А.А. Матвеев // Вестник Московского университета. – 2008. – № 4 – С. 38–53. – (Серия 14: Психология).
23. Николаева, Н.О. История и современное состояние исследований нарушений пищевого поведения (культурные и психологические аспекты) / Н.О. Николаева // Клиническая и специальная психология. – 2015. – № 1. – URL: <http://psyjournals.ru/psyclin/2012/nl/49969.shtml> (дата обращения: 24.08.2020).
24. Овчинников, А.А. Выявление основной группы риска суицидального поведения у лиц с пищевой аддикцией / А.А. Овчинников, В.В. Короленко // Медицина и образование в Сибири. – 2015. – № 2. – С. 24. – URL: http://ngmu.ru/cozo/mos/article/text_full.php?id=1695 (дата обращения: 24.08.2020).
25. Полякова, Е.Я. Личностная тревожность и глубинные влечения у больных алиментарным ожирением: клинико-психологические аспекты / Е.Я. Полякова, М.В. Пашкова // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – 2010. – № 4. – С. 227–231.
26. Психиатрия : учебное пособие / под ред. В.П. Самохвалова. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2002. – 576 с.
27. Сагалакова, О.А. Патологический антивитаальный мотив в структуре ограничительного пищевого поведения при склонности к анорексии / О.А. Сагалакова, К.В. Терре, А.А. Шутилина (Корнева) // Universum: психология и образование. – 2015. – № 11–12 (20). – URL: <https://cyberleninka.ru/> (дата обращения: 24.08.2020).
28. Сагалакова, О.А. Когнитивные стили при склонности к расстройствам пищевого поведения / О.А. Сагалакова, Д.В. Труевцев // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. – 2011. – № 4. – С. 249–254. – (Серия: Педагогика, психология).
29. Скугаревский, О.А. Нарушения пищевого поведения : монография / О.А. Скугаревский. – Минск : БГМУ, 2007. – 340 с.
30. Фильштинская, Е.Г. Факторы риска развития анорексии у девушек / Е.Г. Фильштинская, М.В. Аборина, М.Т. Беленова // Universum: психология и образование. – 2015. – № 9–10 (19). – С. 3.
31. Чайка, В.К. Нервная анорексия : учебно-методическое пособие / В.К. Чайка, Л.А. Матыцина, И.В. Бабенко-Сорокопуд. – Донецк, 2004. – 28 с.
32. Чухрова, М.Г. Нарушения пищевого поведения и психологические расстройства у женщин при избыточной массе тела / М.Г. Чухрова // Психосоматическая медицина : материалы 1-го Междунар. конгресса. – Санкт-Петербург : Медлай-Медиа, 2016. – 244 с.

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

DOI: 10.31079/1992-2868-2020-17-4-196-202

ИСТОРИЯ СОВЕТСКО-КИТАЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ И СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ (СЕРЕДИНА XX – НАЧАЛО XXI ВЕКА)*

У.В. Ежеля

В статье рассматриваются основные вехи сотрудничества двух государств – СССР / России и КНР с середины XX века по настоящее время. Автор приводит ряд печатных периодических изданий в качестве источников информации о развитии двухсторонних связей в разные периоды времени. Прослеживается динамика отношений на фоне изменявшихся внутренних и внешних условий развития и взаимодействия стран: сначала в формате социалистической идеологии (50-е – первая половина 60-х гг. и в 80-е гг. XX в.), затем на фоне новых реалий жизни Российского государства и Китая (90-е гг. XX в. и в современности). Журналы «Железнодорожный транспорт», «Железные дороги мира» (печатные издания МПС), ведомственные региональные газеты «Пограничный транспортник», «Дзержинец» являются интересным источником информации о событиях и проблемах советско-китайских отношений, их перспективах и успехах. Автор обращается к новейшим источникам общественно-политической и социально-экономической информации о международном сотрудничестве – электронным ресурсам. Автор вводит в оборот музейные источники в качестве примеров политики «народной дипломатии».

Ключевые слова: советско-китайское сотрудничество, история, периодическая печать, Дальний Восток, Россия, КНР, информационные источники, политика, отношения, развитие.

HISTORY OF THE SOVIET-CHINESE COOPERATION IN PERIODICAL PRESS AND MASS MEDIA (MIDDLE OF XX – BEGINNING OF XXI CENTURY)

U.V. Ezhelya

The article discusses the main milestones of cooperation between the two states – the USSR / Russia and China from the middle of the 20th century to the present. The author cites a number of printed periodicals as sources of information on the development of bilateral relations at different time periods. The dynamics of relations is traced against the backdrop of changing internal and external conditions for the development and interaction of countries: first in the format of socialist ideology (the 50s – the first half of the 60s and in the 80s of the 20th century), then against the background of new realities life of the Russian state and China (90s of the XX century and in the present). The magazines *Zheleznodorozhny Transport*, *Zheleznodorozhnye dorogi mira* (printed materials of the Ministry of Railways), departmental regional newspapers *Pogranichny transportnik*, *Dzerzhinets* are an interesting source of information about the events and problems of Soviet-Chinese relations, their prospects and successes. The author refers to the latest sources of socio-political and socio-economic information on international cooperation - electronic resources. The author introduces museum sources into circulation as examples of the policy of "popular diplomacy".

Key words: Soviet-Chinese cooperation, history, periodicals, the Far East, Russia, China, information sources, politics, relations, development.

В середине прошлого века между двумя социалистическими странами – Советским Союзом и Китайской Народной Республикой закладывались основы тесного сотрудничества. Огромная роль в развитии межгосударственных отношений отводилась тогдашним средствам массовой информации – газетам, журналам, радио. Телевидение только го-

товилось войти в каждый дом, о нем мечтали. Серьезное внимание развитию экономических и транспортных связей между двумя странами уделяли ведомственные отраслевые журналы МПС – «Железнодорожный транспорт» и «Железные дороги мира». Среди печатных изданий Хабаровского края заметную активность в освещении дружественных встреч советских и китайских трудовых и студенческих коллективов проявляли «Тихоокеанская звезда» (в те годы общественно-политическое

* Публикация выполнена при поддержке Правительства Хабаровского края (Соглашение № 71с / 2020 от 24.08.2020 г.).

Ежеля Ульяна Васильевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Ezhelya Ulyana Vasilievna – Candidate of Science (History), Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law at Far Eastern State Transportation University (Khabarovsk).

E-mail: siavassa@yandex.ru

© Ежеля У.В., 2020

издание крайкома КПСС, крайисполкома и крайсовпрофа), «Пограничный транспортник» (орган управления и политотдела Дальневосточной железной дороги, 1934–1964), «Дзержинец» (орган ректората, комитета ВЛКСМ и профкома Хабаровского института инженеров железнодорожного транспорта, 1956–1991).

Имея выраженный политический и идеологический характер, что было объяснимо в то время, печатные издания, вместе с тем, являлись источником самой разнообразной информации о жизни в КНР, ее истории и традициях, первых шагах социалистического строительства. А интерес к этому в СССР и, в частности, на Дальнем Востоке был огромный. С большим воодушевлением встречали трудовые коллективы и жители КНР информацию о нашей стране, советско-китайском сотрудничестве.

В журналах «Железнодорожный транспорт» и «Железные дороги мира» регулярно печатались статьи советских и китайских специалистов о научно-технических и практических успехах и задачах в области железнодорожного транспорта и строительства в КНР, о совместных проектах. Газета «Пограничный транспортник» рассказывала о приграничном сотрудничестве советских и китайских железнодорожников. Благодаря этим изданиям мы узнаем, что на Харбинской железной дороге в 1950–1953 гг., согласно межправительственным договоренностям, работали советские специалисты, подготовившие около 40 тыс. железнодорожников для Китайской Народной Республики. Именно сюда пришли первые мощные паровозы из СССР. Харбинская железная дорога стала настоящей школой передового опыта на китайском транспорте, в частности, здесь впервые в практике китайского железнодорожного производства был внедрен хозрасчет, способствовавший прибыльности дороги и производительности труда. Открытие в 1954 г. прямого сообщения Пекин–Москва и Пекин–Пхеньян содействовало укреплению экономических и культурных связей этих стран. В начале 1961 г. по Харбинской магистрали трижды в неделю стремительно пронесился международный экспресс Москва–Пекин [17; 30].

В 1956 г. был осуществлен ещё один международный проект – возведение железнодорожной линии Улан-Батор–Цзинин (1050 км), 338 км которой проложено по китайской территории, до монгольского приграничного города Эрлянь. Затем трасса идёт до столицы Монголии. Дорогу по своей территории строили китайские железнодорожники, а монгольским строителям помогали советские специалисты. На трассе использовалось техническое оборудование КНР, а также производства СССР, Чехословакии и Венгрии. В 1955 г. в ведении Министерства железных дорог КНР находились 10 стальных магистралей [3; 11; 28; 35].

Именно в эти годы усилиями китайских строителей и при активном содействии советских специалистов были воздвигнуты внеклассные железнодорожные мосты. Среди них важнейший для экономики Китая мост через реку Янцзы около города Ухань (Уханьский мост). Он был построен за 2 года и сдан в октябре 1957 г. Это 2-ярусное сооружение длиной 1670 м и высотой 38 м, приспособленное для двухколейной железной дороги и автотрассы с пешеходными тротуарами [33].

В числе крупных строек мосты через реки Хуанхэ, Сянцзян, Мучжухэ, Датунхэ, а также тоннель Даяньтан (длина более 1900 км). В 1956 г. в Китае был установлен стандарт железнодорожной колеи в 1435 мм (универсальный европейский вариант). Однако очень часто в разработке новых документов учитывался проверенный опыт советских стандартов. Так, в 1956 г. Министерство железных дорог КНР приняло новый Технический устав проектирования железных дорог, взяв за основу советский вариант 1953 г. Аналогичен пример разработки норм размещения отдельных пунктов, электрификации китайских железных дорог (опыт использования советской модели электровоза Н 60) [37].

В 1959 г. впервые в КНР был электрифицирован участок Баоцзи–Фэнчжоу, работавший на переменном токе [20]. Стоит заметить, что на советском Дальнем Востоке аналогичные работы производились на участке Владивосток–Уссурийск на несколько лет позже, в 1962–1963 гг.

В качестве примеров обращения к советскому опыту в трудовых коллективах Китайской Народной Республики можно привести следующие. Это вождение сверхтяжёлых составов («тяжеловесов»), движение «пятисотников» (рабочих, выполнявших до 5 норм плана в день), массовое внедрение рационализаторских предложений. Что касается привлечения женского труда на железнодорожном транспорте, то и здесь китайские товарищи переняли энтузиазм первых советских пятилеток. В КНР было введено звание Героя труда, выдвижение передовиков на руководящие посты и т.п. В Китае хорошо знали машиниста, Героя труда Ли Юна, который в числе первых довёл пробег своего паровоза без ремонта до 200 тыс. км, Тянь Гуй-ин – первую в Китае женщину-машиниста, многих пятисотников-машинистов и передовиков производства. В 1958 г. на железнодорожном транспорте было подано более 750 тыс. рацпредложений, половина из них нашла своё применение. Об этом в советских журналах писали китайские ученые, инженеры, руководители [20; 34].

Непосредственными создателями и исполнителями грандиозного транспортного строительства в КНР и железнодорожных перевозок между двумя странами являлись советские и китайские железно-

дорожники: машинисты, локомотивные бригады и осмотрщики вагонов, приемосдатчики, диспетчерская служба, путевые обходчики, строители и многие другие. Им довелось стать участниками «народной дипломатии» между нашими странами – встреч с трудовыми коллективами, обмена опытом, инструктажей по овладению передаваемой техники, поездок студентов и школьников в гости в Китай и города советского Дальнего Востока. Огромную работу в организации системы мероприятий и формировании политики между нашими странами выполняли местные отделения Общества советско-китайской дружбы и крайсовпроф. Хабаровское краевое отделение ОСКД было образовано 29 августа 1958 г., его председателем стал член крайкома КПСС А. Боковенко. Среди 12 его соучредителей – вузы города, учреждения науки и культуры, а также Управление Дальневосточной железной дороги [38: л. 40]. И это неудивительно, ДВЖД – основной перевозчик грузов и пассажиров в крае, и на ее работу возлагались большие надежды.

Особенно тесные связи были с провинцией Хэйлунцзян, округом Муданьцзян. КрайТАСС 9 февраля 1956 г. сообщил о том, что учащиеся 5–7-х классов Хабаровского края ездили в КНР на «праздник весны», ребята подготовили подарки и концерт для китайских сверстников [38: л.114]. Этот же источник 17 сентября 1958 г. рассказывает о том, как рабочие, инженерно-технические работники и служащие Хабаровской дистанции пути получили подарки от китайских железнодорожников. На митинге от имени хабаровских путейцев выступили начальник дистанции пути Д.А. Демонов, радиотехник А.Е. Аброськин и другие работники дистанции [38: л. 39–40].

Китайские школьники, в свою очередь, отдыхали в пионерском лагере ст. Ружино. В 1957 г. делегации КНР был предложен отдых в Сочи. В 1958 г. в КНР выезжала группа железнодорожников во главе с начальником Дальневосточной железной дороги Д.С. Сугак, и такие встречи были нередкими [40: л. 98].

В 1960–1961 гг. на страницах газеты «Пограничный транспортник» говорилось о тесных производственных связях между дальневосточными и китайскими железнодорожниками, это был обмен опытом, передача технических знаний и инструкций китайским товарищам [1; 16; 17; 23; 24; 32].

Амурское речное пароходство (г. Хабаровск) регулярно организовывало встречи экипажей теплоходов с моряками КНР, они посещали Дома культуры, пионерские лагеря, концерты, выставки. С 1954 по 1957 г. в КНР из Хабаровского края ежегодно отправлялись 15–20 групп, с 1960 г. их число стало уменьшаться, в 1962 г. 13 делегаций посетили КНР по профсоюзной линии, в 1964 г. выездов

уже не было, а с 1966 г. связи с провинцией Хэйлунцзян прекратились [40: л. 99]. Тесными были связи Хабаровского института инженеров железнодорожного транспорта (ХабИИЖТа) с городами Китайской Народной Республики. На страницах газеты «Дзержинец» за 1956–1959 гг. можно прочитать репортажи о поездках делегаций вузов Хабаровского и Приморского краев в Китай [2; 4; 5; 31; 33]. В ноябре 1956 г. руководитель делегации доцент М. Беньковский (ХабИИЖТ) написал о результатах и впечатлениях 3-недельной поездки наших студентов, они побывали в Пекине, Шанхае, Ханчжоу, Шеньяне и других городах. Каждый студент имел переводчика – студента факультета русского языка и литературы. А в феврале–марте 1957 г. в нескольких номерах «Дзержинца» студенты подробно описывали свою поездку. Интересен был маршрут студенческих делегаций: г. Хабаровск – г. Ворошилов (ныне г. Уссурийск), в котором к хабаровской делегации (25 чел.) присоединилась такая же группа приморских студентов, далее до ст. Гродеково, затем до ст. Пограничная (ныне Суйфэнхэ), где присоединились два переводчика из Пекина, юноша и девушка, и все вместе по железной дороге добирались до г. Шеньян (в прошлом – Мукден). Далее студенты побывали в Пекинском железнодорожном институте, Шанхайском институте иностранных языков и т.д... Впечатления незабываемые [25]. В этом же 1957 г. китайская молодежная делегация из провинции Хэйлунцзян участвовала в первом Краевом фестивале молодежи и студентов (г. Хабаровск). В августе 1959 г. студенты г. Хабаровска и г. Комсомольска-на-Амуре девять дней гостили в КНР. А в октябре этого года в Хабаровске состоялось третье совместное совещание гидрологов Дальнего Востока и Китая. Китайские ученые во главе с профессорами Су Цзя-цзе и Ван Цыпин побывали в лаборатории гидравлики ХабИИЖТа, где ознакомились с дождевально-стоковой установкой, сконструированной доцентом И.Л. Зимонтом, для обеих сторон встреча была очень полезной [4].

Многогранное и такое перспективное сотрудничество двух социалистических держав на определенном этапе стало испытывать серьезные затруднения. Изменение внутривнутриполитического курса КНР, к сожалению, привело к пересмотру советско-китайских отношений и, как следствие, к политическому и экономическому разрыву с нашей страной. На страницах «Тихоокеанской звезды» и вузовского «Дзержинца» мы видим реакцию наших соотечественников на события тех лет, тональность статей менялась в соответствии с нарастанием конфликтной ситуации, вплоть до гневного осуждения советской стороной событий на острове Даманский в марте 1969 г. [6].

Вторая половина 60-х гг. XX в. в Китайской Народной Республике прошла под знамёнами «культурной революции», которая наложила очень зримый отпечаток на работу железных дорог. В 1969 г. в статье С.Л. Ширяева «"Культурная революция" и состояние железнодорожного транспорта Китая» дан анализ негативных последствий указанных событий для всего процесса перевозок на железных дорогах КНР [36].

XXII съезд Компартии КНР (1982 г.), сделав критический анализ предшествовавшего политического курса (60-е – 1976), поставил задачу «интенсифицировать социалистическую модернизацию». Также было высказано предположение о возможности нормализации китайско-советских отношений [12].

Огромная роль в решении этих задач отводилась железнодорожному транспорту. Новая политика КНР открывала новый период в истории этой важнейшей отрасли. И не только. Сотрудничество СССР и КНР получило, выражаясь современным языком, перезагрузку. Наша сторона возлагала надежды на возрождение взаимовыгодных отношений. Десятилетие 80-х гг. XX в. стало своеобразным мостом к стабилизации. В 1989 г. в Москве на территории ВДНХ прошли Дни науки и техники Китая, посвящённые его достижениям за 40 лет со дня образования КНР. Выставка достижений китайской науки и техники показала внушительные успехи КНР в области железнодорожного транспорта. Журнал «Железнодорожный транспорт» посвятил этому событию обширную и подробную информацию [7; 13].

Мы не скрывали своей радости от того, что такое важное событие состоялось в Москве. Это означало, что отношения СССР и КНР имеют будущее. В очередном номере этого же издания сообщалось о том, что в сентябре 1990 г. состоялась церемония укладки «золотого» стыка, связавшего железные дороги КНР и СССР. Строительство линии Урумчи–Дружба (470 км), начатое в 1985 г., завершилось. Открыть регулярное грузовое и пассажирское движение намечалось во второй половине 1992 г. Эта линия на 2000 км короче той, что пересекает Транссиб, и, следовательно, она позволила ускорить железнодорожное сообщение между Дальним Востоком России и Западной Европой [14].

В 90-е гг. XX в. двусторонние связи получили «второе дыхание». В нашей стране произошли глобальные изменения, многое в социально-экономических процессах России и Китая имело общие черты. Экономика и транспорт Китайской Народной Республики развивались очень динамично, что являлось следствием пересмотра старых стереотипов социалистической модели развития. Поразительных успехов достигла транспортная политика китайского государства. Это, в частности, развернутое строи-

тельство метрополитенов в стране и железнодорожных сверхскоростных магистралей [17; 27].

Сотрудничество между двумя странами продолжилось в XXI в. Регулярное пассажирское движение на Цинхай-Тибетской магистрали было открыто 1 июля 2006 г. Около 550 км трассы располагалось в зоне вечной мерзлоты, для решения технических вопросов были приглашены российские инженеры, имеющие богатый опыт по сооружению железных дорог в схожих геологических условиях, в частности Байкало-Амурской магистрали. При строительстве тоннелей также пригодился опыт российских специалистов [18].

Информация, изложенная в названных печатных изданиях, наряду с другими источниками позволила автору показать широкую картину произошедших в китайской экономике перемен, проследить историю развития железнодорожной отрасли за период с 1949 г. (образование КНР) до современности [8–10; 42].

В этот период формируется новый источник информации – Интернет. Возможности электронной связи (охват огромной территории и населения, ее вездесущая мобильность, оцифровка печатных СМИ и архивов) обеспечили ей известное преимущество среди прочих средств массовой информации. Автор предлагает вниманию читателя современные данные о развитии российско-китайских отношений, источником которых являются электронные ресурсы. В 2018 г. объем перевозок между странами составил 1,3 млрд тонн. На прошедшем в 2019 г. в Санкт-Петербурге Международном экономическом форуме в ходе панельной сессии «Бизнес-диалог Россия – Китай» глава РЖД Олег Белозеров отмечал, что в 2019 г. объем грузоперевозок между Россией и КНР планируется увеличить на 20 %, а товарооборот между странами вскоре должен вырасти до 200 млрд долларов [22].

Сотрудничество в области железнодорожных перевозок и растущего товарооборота между нашими странами тесно сочетается с туризмом и образовательными программами, обучением российских и китайских студентов в вузах сопредельного государства. По данным Министерства науки и высшего образования РФ, количество китайских студентов, получающих образование в России, удвоилось за 11 минувших лет. Если в 2007 г. в российских вузах обучалось 13 639 китайских граждан, то в 2017 г. – уже 26 775 [41]. В Хабаровске в 2014/15 учебном году из 1370 обучающихся в вузах иностранных студентов 1150–1200 человек были из Китайской Народной Республики. В 2018/19 учебном году китайские студенты обучались в 32 из 39 вузов Дальневосточного федерального округа [19]. Ученые Тихоокеанского государственного университета (ТОГУ, г. Хабаровск) провели масштабное исследо-

вание, посвященное студенческим миграциям. Предварительные итоги социологического опроса показали, что четверть из обучающихся в России китайских студентов хотели бы остаться у нас, в то же время почти половина российских студентов, поступивших в китайские вузы, планируют остаться в КНР [26]. И это показатель стабильности в отношениях между нашими странами.

Музейные материалы – экспонаты, фотографии, записи в книге посещений – являются прекрасным документальным источником информации о сотрудничестве наших стран. Автор благодарит за предоставленные фото директора музея истории ДВГУПС Каберник Лидию Ивановну и предлагает вниманию читателей музейные фотодокументы.

ИЗ ФОНДОВ МУЗЕЯ ИСТОРИИ ДВГУПС (г. Хабаровск)

1958 г. Положено начало международным связям ХаБииЖТа.
На фото: четвертый слева – начальник Дальневосточной железной дороги Д.С. Сугак,
в центре – ректор ХаБииЖТа В.И. Дмитренко

Конец 50-х гг. XX в. Одна из первых делегаций китайской молодежи в Хабаровске.
На фото: первый слева – выпускник первого (1944) выпуска ХаБииЖТа Е.А. Румянцев,
в центре – представители китайской делегации с хабаровскими студентами

Подарки китайских товарищей в музее истории ДВГУПС. Конец 50-х – начало 60-х гг. XX в.

Подарок китайской делегации Даляньского института инженеров железнодорожного транспорта

ЛИТЕРАТУРА

1. Борьба за технический прогресс в Китае // Пограничный транспортник (ПТ). – 1960. – 19 мая.
2. Встреча друзей // Дзержинец. – 1957. – 12 июня.
3. Гладков, Л. Железнодорожная линия Улан-Батор–Цзинин / Л. Гладков // Железнодорожный транспорт (ЖДТ). – 1955. – № 6. – С. 89–90.
4. Дзержинец. – 1959. – 1 января; 16 сентября; 1 ноября; 5 ноября.
5. Дзержинец. – 1961. – 10 мая.
6. Дзержинец. – 1969. – Март.
7. Дни китайской науки и техники // Железнодорожный транспорт. – 1989. – № 12. – С. 72–74.
8. Ежеля, У.В. Из истории железнодорожного строительства в КНР в 50–60-е гг. XX в. (в контексте советско-китайских отношений) / У.В. Ежеля // Тихоокеанская Россия в междивизиональном и общероссийском пространстве: прошлое, настоящее, будущее (Седьмые Крушановские чтения, 2011 г.). – Владивосток : Дальнаука, 2013. – С. 241–247.
9. Ежеля, У.В. Железнодорожная политика КНР в конце 70-х – 80-е гг. XX в.: стратегия и тактика успеха / У.В. Ежеля // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2013. – № 3 (39). – С. 157–163.
10. Ежеля, У.В. Железнодорожный транспорт КНР в 90-е гг. XX – начале XXI в.: экономическая природа лидерства / У.В. Ежеля, В.Л. Кузьмин // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2015. – № 4. – С. 98–104.
11. Калашников, В.Д. Новая железнодорожная линия Улан-Батор–Цзинин / В.Д. Калашников, А.А. Титов // ЖДТ. – 1956. – № 1. – С. 71–72.
12. Китай // Страны мира: Краткий полит.-экон. справочник. – Москва : Политиздат, 1983. – С. 179.
13. КНР // Железные дороги мира (ЖДМ). – 1990. – № 3. – С. 69.
14. КНР // ЖДМ. – 1990. – № 5. – С. 70.
15. КНР // (ЖДМ). – 1992. – № 2. – С. 67–68.
16. Крепче гранита // ПТ. – 1960. – 1 мая.
17. Купцов, В. Дорога дружбы / В. Купцов // ПТ. – 1961. – 14 февраля.

18. *Ленский, И.* Взлететь по рельсам на Тибет / И. Ленский, С. Сазонов // Гудок. – 2014. – № 103. – 24 июня.
19. *Леонтьева, Э.О.* Китайские студенты в дальневосточных вузах: стереотипы и реальные мотивационные установки (на примере Хабаровска) / Э.О. Леонтьева. – URL: https://www.fessl.ru/docsdownloads/bookpdf/DVGNB/KNDV/KNDV_20_36.pdf (дата обращения: 18.09.2020).
20. *Лю, Чан-Хань.* Строительство железных дорог в Народном Китае / Лю Чан-Хань // ЖДТ. – 1959. – № 1. – С. 82.
21. Передовые методы труда на железных дорогах Китая // ЖДТ. – 1957. – № 10. – С. 46–48.
22. Петербургский международный экономический Форум // Парламентская газета. Издание Федерального собрания РФ. – URL: <https://www.pnp.ru/economics/obem-gruzo-perevozok-mezhdu-rossiey-i-kitaem-mozhet-uvelichitsya-na-20.html> (дата обращения: 18.09.2020).
23. Поздравления друзьям // ПТ. – 1961. – 14 февраля.
24. Крепче гранита // ПТ. – 1960. – 1 мая.
25. По Китаю (путевые заметки доцента М. Беньяковско-го) // Дзержинец. – 1956. – 28 ноября.
26. Почему китайские студенты едут в дальневосточные вузы. – URL: <https://amurmedia.ru/news/741827/> (дата обращения: 18.09.2020).
27. *Сунь, Юй-сянь.* Высокоскоростные магистрали в Китае / Сунь Юй-сянь, Чэнь Сю-фэн // ЖДТ. – 1997. – № 2. – С. 76–77.
28. *Тан, Дэй-Юань.* Железнодорожный транспорт Китайской Республики и перспективы его развития / Тан Дэй-Юань // ЖДТ. – 1957. – № 10. – С. 7–8.
29. Тихоокеанская звезда. – 1969. – Март.
30. *Тэн, Дэй-Юань.* Железные дороги нового Китая // ЖДТ. – 1959. – № 9. – С. 81–86.
31. У наших друзей // Дзержинец. – 1957. – 27 февраля, 6 марта, 13 марта, 20 марта.
32. У наших китайских братьев // ПТ. – 1960. – 18 февраля.
33. Уханьский мост // Дзержинец. – 1960. – 1 июня.
34. *Чай, Мо.* Передовые методы труда на железных дорогах Китая / Чай Мо // ЖДТ. – 1957. – № 10. – С. 46–48.
35. *Чжан, Цзин-Чжи.* Новое железнодорожное строительство в Китае / Чжан Цзин-Чжи // ЖДТ. – 1957. – № 10. – С. 15–17.
36. *Ширияев, С.Л.* Культурная революция и состояние железнодорожного транспорта Китая / С.Л. Ширияев // ЖДТ. – 1969. – № 6. – С. 84–85.
37. *Яковлев, Б.В.* Технические условия проектирования железных дорог КНР / Б.В. Яковлев // ЖДТ. – 1959. – № 3. – С. 82–84.
38. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). – Ф. Р-1036. Край ТАСС. – Оп. 3. – Д. 229.
39. ГАХК. – Ф. Р-1036. Край ТАСС. – Оп. 3. – Д. 169.
40. ГАХК. – Ф. Р-1623. Хабаровский Крайком КПСС. – Оп. 1. – Д. 1592.
41. Число китайских студентов в российских вузах выросло за 11 лет в два раза. – URL: <https://ria.ru/20181218/1548177800.html> (дата обращения: 18.09.2020).
42. *Ezhelya, U.V.* Political and Economic Aspects of the Development of Railway Transport of China in 1949–2015`rs / U.V. Ezhelya // IOP Conf. Series: Materials Science and Engineering 463 (2018): 042090. – Dec. 2018.

DOI: 10.31079/1992-2868-2020-17-4-203-210

ПУТИ ГАРМОНИИ В ДАОССКИХ ОЗДОРОВИТЕЛЬНЫХ ПРАКТИКАХ

Н.К. Балалаева

В статье в рамках даосской картины мира и ее представлений о психофизиологическом строении человека рассматриваются аспекты даосских практик с точки зрения их оздоровительного потенциала. Даосские практики используют методы естественной терапии и направлены на пробуждение внутренних ресурсов организма, укрепляя здоровье и жизнеспособность человека.

Ключевые слова: даосизм, трансформация, ци, даньтянь, медитация, гармония, дыхательные практики, пост, даоинь, цигун.

WAYS OF HARMONY IN TAOIST HEALTH PRACTICES

N.K. Balalaeva

The article, within the framework of Taoist philosophy and its ideas about the psychophysiological structure of human, considers the aspects of Taoist practices in terms of their health potential. Taoist practitioners use natural therapy methods and aim to awaken the body's internal resources, strengthen human health and vitality.

Key words: taoism, transformation, qi, dantian, meditation, harmony, breathing practices, fasting, daoyin, qigong.

Долголетие и качество жизни, здоровое состояние организма являются фактором большой значимости для общества. В связи с растущим признанием методов естественной терапии актуальным остается вопрос о том, как достичь гармонии с природой. Даосская традиция, с которой тесно связана традиционная китайская медицина, предлагает свои методы поддержания крепкого здоровья и достижения высокой продолжительности жизни. Эти методы основаны на особой картине мира, выраженной своеобразным категориальным аппаратом. Ее истоки лежат в понимании далекими предками китайцев законов, управляющих природой и человеческим организмом. Автор статьи не претендует на новизну, его целью является актуализация некоторых аспектов даосских практик, по его мнению, весьма важных с точки зрения их оздоровительного потенциала.

Согласно представлениям даосов все сущее находится в непрерывном процессе изменений, сбалансированных созидательным всеобщим началом Дао. Сам жизненный процесс и есть процесс перемен. В человеке, являющемся частью этого всеобъемлющего процесса, также отражено действие динамической совокупности взаимодействия различных элементов, воплощающих принципы *инь* и *ян*. Сущность человека представляет собой некое текущее, изменчивое начало, неотъемлемым качеством которой есть ее способность трансформироваться [10: с. 264–267]. Понятие **трансформа-**

ции является одним из основных в даосизме. Задачей его адептов является такое воздействие на тело при помощи особого психофизического тренинга, управляющего потоком жизненной энергии *ци*, чтобы организм человека начал трансформироваться. В основе понятий о подобной трансформации лежит идея предельности *ци* 极 (досл. «предел»). Вещь, достигшая предела, претерпевает изменения. Это есть идея предельности двух великих начал мироздания *инь* и *ян* 阴阳, состояния двуединого *ци*. Манипулировать процессом трансформации, т.е. самообновления, можно за счет механизма взаимопревращения *инь* и *ян* при переходе их пределов. Достижение предела открывает путь к изменению. Смысл этого механизма и заключен в термине *тайцзи* 太极, схематичным изображением которого служит знаменитая монада китайской культуры *тайцзиту* 太极图 – круг с перетекающими друг в друга черной и белой каплевидными половинами, или «рыбками». Они преследуют друг друга в постоянном движении *дун* 动 и изменении *хуа* 化. S-образная линия между «рыбками» символизирует наличие между ними гармонии и баланса. Две «рыбы» формируют круг, показывающий, что *инь* и *ян* существуют в единой сущности и продвижении, они объединяются и изменяют друг друга [17: с. 28–29]. Интересно, что сам иероглиф «хуа» 化 имеет значение не только «изменять(ся)» и «превращать(ся)»,

Балалаева Наталия Константиновна – кандидат философских наук, доцент кафедры иностранных языков и межкультурной коммуникации Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Balalaeva Nataliya Konstantinovna – Candidate of Science (Philosophy), Associate Professor of the Foreign Languages and Intercultural Communication Department at Far Eastern State Transport University (Khabarovsk).

E-mail: n-balalaeva@yandex.ru

© Балалаева Н.К., 2020

но и близкие им значения, как «таять», «растворяться», «преобразовываться». Вся жизненная активность есть проявление движения *инь* и *ян*, находящееся в постоянно изменяющемся состоянии динамического равновесия и выраженное в едином животворящем потоке энергии *ци*. Таким образом, диаграмма *тайцзиту* выражает всеобщий закон единства движения и трансформации. Этот закон обнаруживается во всех вещах, и весь материальный мир является манифестацией их постоянно изменяющихся взаимосвязей. Этот Великий предел есть вечный Корень и Источник *бэнь юань* 本源 всего сущего, наполняющий все жизненной силой и энергией.

Даосские практики предлагают идти по пути «пределов и изменений», они направлены на достижение баланса – состояния внутреннего динамического равновесия организма человека со средой и увеличение, развитие «внутренней энергии», именуемой *ци*, в результате чего уравнивается эмоциональный ум и укрепляется физическое тело. Это путь самопознания и совершенствования, движения к душевному здоровью и «неразрушимо-му телу». Такое равновесие приходит, когда человек начинает жить в соответствии с законами природы, принципами спокойствия, созерцательности и недеяния. Целью ставится укрепление психического и телесного здоровья, а также развитие человека, освобождение, пробуждение его сознания, а в конечном счете, если речь идет о религиозном даосизме, – достижение «бессмертия». Религиозный даосизм говорит о возможности трансформации физического тела в тело «нетленное», энергетическое, через систему психофизических упражнений. Тема бессмертия выражается в задаче превращения материального в «нематериальное». Как указывает Е.А. Торчинов, адепту этого учения предстоит очень много работы по трансформации до тех пор, пока нечего будет трансформировать. Человек меняет свое физическое тело на тело энергетическое. Физическое тело уходит в небытие, а энергетическое тело остается жить, превращаясь в «корабль», «средство передвижения» для «бессмертного зародыша», что является высшей целью практик так называемой внутренней алхимии (*нэйдань* 内丹), также именуемой «путем золота и киновари» (*цзиньданьдао* 金丹道). Таким образом, даосизм (*даоцзяо* 道教) есть не только «учение», но еще и методы, способы, приемы (*фанфа* 方法) его практической реализации. «Дао не есть только онтологическая реальность... это есть еще и поиск Метода, а также и Метод поиска» [11: с. 7]. Он не склонен предаваться одним только теоретическим размышлениям, но также направлен на практическую реализацию своих концепций: «...даосизм – учение в высшей степени практическое и практичное. В нем важны не

столько *знания* учителя, сколько его *умения*. Современные тайваньцы, например, говорят "Учитель учит не словами, учитель учит своим телом"» [11: с. 9].

Специальные даосские практики нацелены на поиск равновесия, с помощью которого восстанавливается свободное течение *ци*, достигается внутренний баланс *инь-ян*. В этом процессе происходит постижение Дао, законов природы и осознание своего единства с этими законами, что, в свою очередь, способствует гармонизации личной жизни – жизни в соответствии с процессом перемен и законами природы. При этом важно научиться управлять энергией своего тела. Термин «*ци*» широко используется в традиционной китайской медицине. Дословный его перевод есть «газ, воздух, дыхание». Сам иероглиф *ци* 氣 в традиционной транскрипции состоит из двух «ключей» – пар (газ) и рис (зерно), изображая силу пара, поднимающего крышку котла, в котором варится рис. Основная идея – идея нематериальной силы [7]. В самом общем смысле эту категорию можно определить как активную субстанцию, которая является частью любого живого организма. Каждое живое существо при рождении получает *ци*. Когда *ци* заканчивается, организм уходит в небытие. По вопросу о природе *ци* в литературе встречается множество разных описаний. Так, например, Торчинов Е.А. в своей книге «Путь золота и киновари. Даосские практики в исследованиях и переводах» пишет о ней так: «*Ци* динамично, по своей сути это жизненная энергия, жизненная сила, пронизывающая весь мир, все вещи и все существа этого мира. Мир даоса – не спиритуален и не материален, он энергичен. "Человек живет в *ци*, подобно тому как рыба живет в воде", – часто говорят даосы. Но *ци* не только вокруг человека. Самое главное, что оно и в самом человеке (я имею в виду *ци* в узком смысле этого слова, как жизненную энергию, витальную силу): через энергетические каналы (*цзин*) нашего тела *ци* циркулирует по всему организму, наполняя жизнью каждую клетку, каждый орган, каждую кость или мышцу. В основе любой болезни – нарушения циркуляции *ци*, "засоры" и "заторы" на его пути. И мудрый врач лечит не больной орган и тем более не симптомы болезни, он восстанавливает свободную циркуляцию *ци* в теле... Это одна из основ традиционной китайской медицины, тесно связанной в своем развитии с даосизмом. Да и сами меридианы знаменитой китайской акупунктуры (иглотерапии) есть не что иное, как каналы, по которым текут потоки Единой Силы – животворящего *ци*» [11: с. 11]. Более того, уже в 1977 г. китайскими физиками было объявлено об экспериментальном подтверждении существования энергии *ци*: «Члены объединенной комиссии специалистов их Шанхайско-

го исследовательского института традиционной медицины и Шанхайского атомного исследовательского центра уловили специальным сенсором излучения..., исходившие от мастера *цигун* во время его занятий. Такой же эксперимент был успешно повторен в 1983 г. в г. Пекине. Шанхайский ученый, профессор Хай Линь заявил, что *ци* очень напоминает по своим характеристикам инфракрасные лучи, электромагнитные волны, статическое электричество, магнетизм или поток элементарных субатомных частиц» [11: с. 160–161]. Даосизм считает *ци* источником жизненной силы и материальной основой жизни. Когда энергия конденсируется, она превращается в свою физическую форму (*син*), а когда «непрерывная форма материи» рассеивается, то снова превращается в *ци* [6]. Единство мира есть проявление единой субстанции – энергии *ци*, всеобщности перемен и превращений как единой формы существования *ци*. Поскольку существует множество разновидностей *ци*, даосы для классификации ее различных видов также используют теорию 5 элементов *у-син*. В организме человека тоже происходит взаимодействие первоэлементов, связанное с движением *ци*. Ванденко В.А., интерпретируя категории традиционной китайской медицины *цзин* и *ци* в контексте европейской науки, определяет *ци* как «одновременно вещество и функциональное начало», обладающее качествами трансформирующего действия, непрерывной динамичности и вездесущности [1: с. 145–147]. В организме человека ее действие проявляется следующим образом: «*Ци*, не обладая формой, наполняет все тело и поэтому является наиболее важной субстанцией человеческого тела. В силу того, что любой вид *ци* – это вещество и в то же время функциональное начало, оно представляет собой бесформенную динамическую структуру, которая непрерывно видоизменяется. *Ци* выполняет различные функции в разных внутренних органах и постоянно течет по всему телу: поступая во внутренние органы, *ци* становится *ци органов*, протекая внутри кровеносных сосудов становится *питающей ци*, а соединяясь с воздухом в легких становится *основной ци*, проявляясь снаружи кровеносных сосудов трансформируется в *защитную ци*. Протекая по каналам и коллатералам, *ци* превращается в *ци меридианов*. Все эти видоизменения происходят в результате трансформирующего действия *ци* (*ци хуа*). Распределяясь в различных тканях организма, *ци* приобретает различные формы в зависимости от особенностей, структур и функций конкретных тканей. Таким образом, происходит трансформация *ци*, т.е. разделение ее на различные виды» [1: с. 145]. И далее: «Кроме бесформенности и способности к транс-

формации, *ци* обладает еще двумя неотъемлемыми качествами: 1) постоянным движением (*ци жи* – *ци ци*); 2) вездесущностью (*ци* присутствует везде за счет постоянного движения *ци ци*). Благодаря свойствам *ци* в организме осуществляется взаимосвязь всех органов. Эта взаимосвязь происходит через каналы и коллатерали (*ци лун* – *ци лун-ло*)» [1: с. 147]. Ян Цзюньмин с китайской теорией *ци* связывает теорию биоэлектричества, или «телесного электричества» [18: с. 179], а также сравнивает *ци* с электрическим током, который вырабатывается на теплоэлектростанциях посредством сжигания нефтепродуктов или угля: «Клетки, ткани и органы человеческого тела можно сравнить с электродвигателями, которые без подачи питания не работают. Сети кровеносной, лимфатической и нервной систем совпадают с каналами перемещения *ци*, так как *ци* обеспечивает необходимую для их функционирования энергию. Органы тела перерабатывают поступающее к ним "сырье" в конечный продукт. Одни виды "сырья" используются для выработки энергии, с помощью которой другие виды "сырья" перерабатываются в конечный продукт. "Сырьем" для человеческого тела служат пища и воздух, а конечным продуктом является жизнь» [19: с. 6]. Человек рождается с определенным запасом этой энергии, т.е. получает ее при рождении. Когда *ци* исчерпывает себя, заканчивается, организм рассеивается в небытии. Для практикующего даоса важно научиться получать и преумножать эту энергию.

Даосы рассматривают тело человека как микрокосм, малую вселенную, малые небо и землю. «Человеческое тело – малые Небо-Земля суть» (*жэнь шэнь чжэ сяо тянь-ди е*), – часто говорится в даосских текстах [11: с. 21]. Энергия *ци* вращается в теле человека по каналам тела и по определенной орбите, которую еще называют микрокосмической орбитой [15]. Поскольку тело человека рассматривается как микрокосм, отражение макрокосма, а все макрокосмические и микрокосмические тела имеют орбиты движения, задачей даосов является открытие и обеспечение движения *ци* по «микрокосмической орбите», орбите движения энергии *ци* в человеческом организме. Это «орбитальное движение» происходит по меридианам – каналам *ци лун-ло* 經絡, среди которых особое значение для даосской практики имеют два – «переднесрединный» меридиан *жэнь май* (任脉), что в переводе означает «вена регуляции», или сосуд «зачатия», и «заднесрединный» меридиан *ду май* (督脉) – «вена контроля», или «управляющий сосуд». Один из них начинается в точке *хуэй инь* в промежности и идет вверх вдоль позвоночника через макушку головы (точка *бай хуэй*) к верхней десне. Второй начинается

в нижней десне и идет вниз через пуп к промежности. Оба канала формируют незавершенный круг, разорванный в полости рта. Даос устраняет этот разрыв, прислоняя кончик языка к небу, в результате чего образуется «малый небесный круг» (*сяо чжоу тянь*), играющий важную роль в даосских практике внутренней алхимии *нэй дань* 内丹 и дыхательных упражнениях *синци* (行气, что в переводе означает «движение Ци») для зачатия и пестования так называемого «бессмертного зародыша» [11: с. 144]. Сплетения каналов образуют три энергетических центра, являющихся резервуарами *ци*, именуемых «полями эликсира», или «киноварными полями» *дань тянь* 丹田. Даосское «Дань» 丹 помимо основного значения «киноварь, красная краска» переводится еще как «пилюля бессмертия», чудодейственное средство. Даньтяни, а их в теле человека всего три, есть жизненно важные области, места сосредоточения жизненных сил – энергии *ци*. Верхний *шан даньтян* 上丹田 расположен в области надпереносья, средний *чжун даньтянь* 中丹田 – в подложечной области, и нижний *ся даньтянь* 下丹田 находится в нижней части живота, чуть ниже пупка. Разные даньтяни выполняют разные функции. Но особое внимание в даосизме уделяется нижнему даньтяню, который еще называют *ци хай* 气海, или «море Ци», считающемся хранилищем сексуальной энергии. Не случайно сексуальная практика, именуемая в даосской традиции как *фанчжун чжи шу* – «искусство внутренних покоев», – составляла весьма древний и весьма важный уровень даосского пути к бессмертию, ведь «...уже некоторые мандуэйские тексты (например, "О единении [сил] инь-ян" и "Речи о Высшем Дао-Пути Поднебесной") посвящены почти исключительно этой тематике» [11: с. 55]. Важными составными частями тела, тесно связанными с его структурными областями, даньтянями, являются «три сокровища» (*сань бао* 三宝), именуемые еще даосами тремя истоками (*сань юань* 三元): *цзин* 精, *ци* 气, и *шэнь* 神. Среди них *цзин* 精 (также именуемая «изначальной сущностью», *юань цзин* 元精) означает сущность, первичную субстанцию, отражающую истинную природу живого организма. Человек получает *цзин* от родителей, и она, будучи локализованной в почках, является истоком и первоначалом жизни каждого человека. Трудно повлиять на количество *цзин*, но качество ее можно улучшить специальными практиками [19: с. 4].

С точки зрения современных даосов, *ци* 气, описываемая выше, в человеке присутствует в своих двух основных типах – Пренатальной (*юань ци* 元气), или Прежде небесной *ци* (*сянь тянь ци* 先天气),

именуемой еще *ци* Воды (*шуй ци* 水气), а также Постнатальной, или Посленебесной *ци* (*хоу тянь ци* 后天气), так называемой *ци* Огня (*хо ци* 火气). Постнатальная *ци* смешивается с Пренатальной *ци*, и вместе они циркулируют по меридианам *ду май* и *жэнь май*, откуда и распределяются по всему организму. Пренатальная *ци* образуется из получаемой при зачатии *юань цзин*. Так же, как и *юань цзин*, *ци* воды локализуется в нижнем даньтяне, в области почек. Постнатальная *ци*, извлекаемая из *цзин* (сущности) пищи и воздуха, сосредоточена в среднем *даньтяне*, в области диафрагмы. Таким образом, человеческое *ци* находится под влиянием качества воздуха и потребляемой пищи. На нее также влияет образ жизни человека, его эмоции и склад характера. «Пренатальная *ци* считается *ци* Воды (*шуй ци*), поскольку она способна охладить Постнатальную *ци*, известную как *ци* Огня (*хо ци*). *Ци* Огня способствует сдвигу состояния тела в сторону Ян, стимулирует эмоции и мешает сосредоточиться. А *ци* Воды охлаждает тело, проясняет мышление и содействует беспристрастности. *Ци* Огня поддерживает эмоциональность, а *ци* Воды отвечает за мудрость... Важно генерировать *ци* Воды и научиться действительно управлять ею. Она охлаждает *ци* Огня и замедляет старение организма. Кроме того, *ци* Воды помогает успокоиться, сосредоточиться и принимать объективные решения» [19: с. 7].

Третья составляющая тела человека, которую выделяло даосское мировидение, это *шэнь* 神. Как объясняет Ян Цзюньмин, она находится в верхнем *даньтяне*, в области головного мозга. *Шэнь* человека есть дух, духовная часть существа человека, порождаемая и управляемая его разумом. Китайцы считают, что если *шэнь* человека достигает более высокого и сильного состояния, сам человек обретает возможность более острого чувственного восприятия, а разум его становится более мудрым и вдохновенным. «*Шэнь* – это сила, которая поддерживает в вас жизнь, это своего рода центр управления движением *ци*. Если *шэнь* силен, тогда сильна и *ци*, а вы при этом получаете возможность эффективно управлять ею. Когда же *шэнь* ослаблен, точно такой же слабой является и ваша *ци*. При этом тело будет быстро деградировать. С другой стороны, *ци* поддерживает деятельность *шэнь*, наполняя его энергией, помогая оставаться ясным, сильным и пронизательным» [18: с. 25–26].

Даосские практики учат так использовать ресурсы организма, чтобы пробуждать в нем силы самоисцеления, тем самым укрепляя здоровье и жизнеспособность человека. Они направлены на развитие внутренней энергии *ци*, улучшают ее течение через тело, а эта энергия, как считают даосы,

способна исцелять, регенерировать ткани и органы человека. В результате укрепляются физическое тело и эмоциональный ум «синь». Если человек научится правильно обращаться с *ци*, то он пробуждает в себе силы самоисцеления. «Умение концентрировать, накапливать *ци* в теле, обеспечивая ее беспрепятственную циркуляцию, ... образует саму суть даосских методов обретения бессмертия и совершенства. "*Ци* для жизни" – кредо практикующего даоса» [11: с. 12]. При этом пристальное внимание надо уделять правильному питанию и регуляции дыхания, поскольку именно пища и воздух являются наиболее важными «внешними» источниками *ци*. Занимаясь любой практикой, важно сосредоточиться, сконцентрировать свое внимание. Когда успокаивается ум, а сердце наполняется безмятежностью и радостью, энергия *ци* начинает двигаться. В этом помогают практики медитации и правильного дыхания, посты и специальные двигательные гимнастики. К ним мы теперь и обратимся.

Адепт даосизма стремится к слиянию микрокосма и макрокосма во время **медитации**. То, что постигается во время медитации, не поддается словесному выражению. Даосская медитация отличается от индийской. В даосской медитации не идет речь о Боге, в ее процессе происходит работа с энергией. Одна из целей такой медитации – достижение состояния естественного покоя. Умонастроение человека оказывает существенное влияние на физическое здоровье человека. Считается, что уменьшение путем самосозерцания зрительных и слуховых раздражителей содействует безмятежности духа и снижает усталость, что способствует укреплению здоровья, гармонизирует его внутренние ресурсы. В китайском языке есть различные термины для обозначения практики медитации. Например *цзо ван* 坐忘 – «сидеть в забытии» или *цзин сы* 精思 – «глубокое размышление, оттачивание мысли», или глубокая концентрация. Но, исходя из техники такой созерцательной концентрации, профессор Е.А. Торчинов предложил выделять два основных типа медитаций, обозначаемых как *гуань* 观, что в переводе «созерцание», и *шоу и* 守一 – «удержание Единого», «хранение Одного». Первый тип медитации означал умение заниматься созерцанием, воспринимая все окружающее как некий фон, не мешающий созерцанию. Этот тип медитации называли еще *нэй гуань* 内观 – «внутреннее созерцание», или «внутреннее видение» [11: с. 68–69]. Второй тип медитации, обозначаемый термином *шоу и* 守一, был упражнением мысли в постижении единого, упражнением сосредоточения или концентрации внимания на одном объекте, когда все другие объекты для медитирующего перестают

существовать. Чжуан Цзы учил, что состояние равновесия может быть достигнуто с помощью метода *шоу и*. Он полагал, что если тело отрегулировано, а взгляд сосредоточен, естественным образом придёт доброта, если дух сосредоточен, а мысли сконцентрированы, последует просветление [16: с. 62]. Бинном *шоу и* употреблялся как в узком смысле, описанном выше, так и в широком, в качестве синонима любой медитации и любого созерцания, т.е. медитативной практики вообще. В середине VI в. буддийский монах Хуэй-сы впервые заменил выражение *шоу и* новым термином *нэйдань* «внутренний эликсир», который стал переводиться на европейские языки как «внутренняя алхимия» [11: с. 69–70]. Даосская практика медитации связана с понятием визуализации *цуньсян* 存想 «созерцание образов». Эта практика предполагает создание некоей «мыслетормы», т.е. мысленное конструирование, представление некоего образа, который в конечном счете должен приобрести наглядную живость и подлинную тождественность воспринимаемым зрением объектам внешнего мира. То есть даос как бы делает мысль, представление, мысленный образ (сян 想) реально существующим (цунь 存) [11: с. 71].

В процессе медитации человек соприкасается с Дао, которое не может быть выражено вербально. Изреченное Дао не есть истинное Дао. Чжуан-цзы также говорил об ограниченности использования слов: «Сеть существует, потому что существует рыба; поймав рыбу, вы можете забыть о существовании сети... Слова существуют, так как в них заложен смысл; осознав смысл, вы можете забыть слова. Где мне найти человека, который забыл слова и с которым я мог бы поговорить?» [10: с. 269]. Медитация позволяет не только расслабить ум и успокоить эмоции, но в ее процессе также происходит изменение определенных когнитивных и эмоциональных состояний, не только функциональное, но и биологическое развитие головного мозга [9: с. 148].

Аккумуляции в теле жизненной энергии *ци*, как утверждает даосизм, способствуют **дыхательные практики**. Дыхательным упражнениям придается важное значение для управлением ее потоками, так как движение *ци* согласовано с дыханием. Сам иероглиф *синцы* 行气, обозначающий дыхательную гимнастику, дословно так и переводится «движение *ци*». Дыхательная гимнастика широко распространена в религиозных традициях всего мира. Пользуются ею и современные психологи и психотерапевты, а психологи-трансперсоналисты видят в интенсивной дыхательной гимнастике способ трансформации сознания [11: с. 46–47]. Дыхание – это жизнь. Но если дыхание человека связано с деструктивными эмоциями, например, когда он теряет терпение или

огорчен, то его дыхание становится слишком поверхностным и при этом не происходит естественного обменного процесса. Если человек тренирует дыхательную систему, тогда между углекислым газом и кислородом происходит равнозначный обмен и организм работает в правильном режиме. «В *регуляции дыхания* особая роль принадлежит обогащению кислородом головного мозга, поскольку именно от его работы зависит нормальное функционирование соматических структур. Не вызывает сомнений, что это обстоятельство было хорошо известно представителям традиционной китайской медицины, многими из которых были даосы» [9: с. 148]. Даосизм рассматривает дыхательные и гимнастические упражнения как взаимодополняющие.

Одной из древних форм лечебной гимнастики являются классические даосские упражнения, известные как *синци даоинь шу* («искусство управления движением ци»), сокращенно «даоинь». Об этой гимнастике стало известно благодаря манвандуйским памятникам, среди которых шелковое полотно с рисунками, сопровождающимися небольшими текстами, называемое «Даоинь ту», т.е. схема поз гимнастики даоинь. Даоинь 导引 дословно переводится как «вести и тянуть». Так, иероглиф 导 (*дао*) имеет значение «вести за собой, направлять», а также «свободно проходить, беспрепятственно достигать», а иероглиф 引 (*инь*) – «тянуть, тащить». Слово *даоинь* впервые употребляется в пятнадцатой главе текста «Чжуан-цзы» [11: с. 39]. А один из классических китайских трактатов «Трактат желтого императора о внутреннем» – «*Хуанди нэйцзин*», или сокращенно «Трактат о внутреннем» – *Нэйцзин*, который представляет собой теоретическую основу традиционной китайской медицины, также упоминает о даоинь [11: с. 41]. Эти динамические упражнения разрабатывались специально для улучшения циркуляции *ци* и увеличения продолжительности жизни. Человек, освоивший эти техники, выполняет упражнения спонтанно и естественно, причем вызванный поток *ци* не контролируется сознанием. Традиционная китайская медицина ввела упражнения даоинь в лечебную практику. Эта техника объединяет дыхательные упражнения, включая упражнения *туна* (вдыхание и выдыхание), *фуци* (обретение ци), *тайси* (эмбриональное, или зародышевое) и *тяоси* (управляемое дыхание), с физическими движениями. Хорошие терапевтические результаты отмечались при использовании упражнений даоинь и различных видов массажа и иглоукалывания. Конечной целью дыхательных упражнений даоинь является овладение эмбриональным дыханием, при котором *ци* впитывается в организм непосредственно из вселенной, подобно тому как плод,

находясь в утробе, впитывает жизненную энергию из плаценты [16: с. 60–61]. Как правило, этой гимнастикой занимались одновременно с другими методами продления жизни – дыхательными упражнениями, массажами, сексуальной практикой, приемом различных эликсиров и постами.

Состояние *ци* человека также во много зависит от употребляемой им пищи. Правильное **питание** является неотъемлемой частью «работы» практикующего даоса. «Вообще говоря, ци, получаемая из животной пищи, содержит гораздо больше нежелательных элементов, чем ци, выработанная из растительных продуктов» [18: с. 170]. Даосы рекомендуют не только уменьшить количество животной пищи, а то и вовсе отказаться от нее, полностью перейдя на растительную пищу. Это называемое «очищение постом» *чжайцзе* 齋戒. Практиковались также посты, *чжай* 齋, или его наиболее древнее обозначение в даосских текстах как «отказ от пяти злаков» (*цзюэ у гу*), под которыми обычно понималось воздержание от пищи, отнюдь не ограниченное прекращением питания зерновыми и крупами, а являющееся полным голоданием. Е. Торчинов отмечает, что период постов *чжайци* 齋期 использовался в даосизме с двойной целью: «Во-первых, в качестве одной из очистительных процедур в ритуальных целях (например, перед началом занятий алхимией) и, во-вторых, как одно из средств макробиотики – продления жизни. При этом надо отметить, правда, что даосы не считали, будто сами голодания продлевают жизнь. Они лишь полагали, что голодания создают благоприятные условия для практики других методов, непосредственно способствующих обретению долголетия» [11: с. 98].

Позднее, начиная с первых веков нашей эры, великим искусством стала считаться алхимия, одна из форм которой – **внутренняя алхимия** *нэйдань* – вобрала в себя «наработки» и достижения даосских практик, возникших прежде [11: с. 102]. Она представляет собой форму психопрактик йогического типа, нацеленную на перестройку психосоматических характеристик практикующего даоса для пестования бессмертного тела и просветленного сознания. По сути, «...все методы и практики, образующие внутреннюю алхимию, возникли в даосизме еще в глубокой древности (дыхательные упражнения, техника визуализации и т.д.): внутренняя алхимия лишь свела их воедино, образовав целостную систему духовного делания» [11: с. 111–112]. Исходя из принципа подобия космоса и человеческого тела, *ци* как первоматерия выступает в этом комплексе практик в качестве универсального средства «трансмутации». Это практики трансформации, «алхимии» внутренних изменений, которые человек

должен произвести **сам**, посредством своего волевого акта. Так, Ю.М. Сердюков, анализируя комплекс значений категории *ци*, пишет об идее «*возможности управления энергией тела посредством волевого акта*»: «Она была известна еще в глубокой древности, о чем свидетельствует изречение Мэн-цзы: "Воля руководит *ци*, а *ци* наполняет тело. Воля – главное, а *ци* – второстепенное"» [4: с. 232]. Эта идея оказала глубокое влияние на формирование и развитие даосской «внутренней алхимии» – *нэй дань* и способствовала становлению чрезвычайно эффективной системы развития потенциальных возможностей человеческого организма – *цигун*» [8].

Система **цигун** 气功 – это традиционная китайская практика, оздоровительная система. Сам термин *цигун* (досл. «работа с *ци*») сравнительно новый, ставший общеупотребительным только в первой половине XX в. Это комплексы упражнений, «заимствованных из арсенала внутренней алхимии (и в отдельных случаях – из буддийской психопрактики) и выполняемых преимущественно с оздоровительными и терапевтическими целями» [11: с. 158]. Цигун использует даосские космологические и физиологические представления (*ци*, каналы-*цзин*, *дань тянь* и т.д.) и методы, «синкретируя» комплексы двигательной активности, дыхательных упражнений и концентрацию сознания. Практикующие цигун верят, что с его помощью можно укрепить свои органы и сухожилия, наполниться здоровьем и силой. Цигун есть искусство саморегуляции организма, в который приносится энергия за счет дыхания, управление которым является самой важной частью комплекса. В цигун очень важно, как человек дышит и как притягивает энергию в каждый отдельный орган. Это своеобразное энергетическое прановое дыхание, которое наполняет кислородом все точки тела и все его клетки. Помимо очищения, накопления и тренировки энергии *ци*, это еще и двигательные упражнения, направленные больше на развитие связок и сухожилий, чем на тренировку мускулов. Сила связок и сухожилий развивается медленными, совершенно точными движениями, во время которых практикующий определенным образом дышит, как бы «притягивая энергию», и ведет ее по сухожилиям. Все эти комплексы упражнений способствуют восстановлению свободного течения *ци*. Практикующий цигун «двигается» по нескольким этапам, совершая ряд процессов трансформации: улучшение *цзинь* (*су цзин*) и трансформация ее в *ци* (*лянь цзин хуа ци* – «превращение *цзин* в *ци*»), что означает тренировку и усиление жизненной сущности. Затем *ци* направляется к голове для «подпитывания» *шэнь* (*лянь ци хуа шэнь*), превращая *ци* в *шэнь*. И затем «энергети-

зированный» *шэнь* используется для управления темпераментом – *лянь шэнь ляо син*, что дословно означает «улучшение *шэнь* для завершения человеческой природы». «Эти процессы трансформации укрепляют здоровье и обеспечивают долголетие... Каждое из этих сокровищ имеет свою основу, которую необходимо упрочивать и защищать» [19: с. 4].

Центральными холистическими принципами китайской философии и культуры, включая даосизм, являются принципы единства человека и природы, единства формы и духа, т.е. физического тела и «жизненной эссенции» [16: с. 90–92]. Чтобы быть здоровым, нужно культивировать как человеческую природу, так и физические аспекты жизни. Утверждая принцип психофизиологического единства человека, даосские практики направлены на то, чтобы «питать» тело и дух одновременно, что нашло выражение в таком словосочетании, как *нэйвай шуан си* 内外双修, означающем одновременное совершенствование внутренних и внешних аспектов бытия. Их основа заключена не во внешних движениях, а во внутренних изменениях, производимых человеком самостоятельно. Это превращение негативной энергии в позитивную, алхимическое превращение «камня в золото». Чтобы превратить негативную энергию в позитивную, превратить «камень в золото», человек должен ее «переработать». Это развернутая система психофизической трансформации, цель которой есть увеличение потока *ци* и управление им, укрепление физического состояния и духа, содействие здоровью и долголетию. В ходе этой «нэйгун-работы» человек двигается по пути естественности и гармонии, пути постижения Дао.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ванденко, В.А. Интерпретация категориального аппарата традиционной китайской медицины в контексте европейской науки (статья первая: категории *цзин* и *ци*) / В.А. Ванденко // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2015. – № 1. – С. 142–143.
2. Ванденко, В.А. Истоки «внутренних» боевых школ / В.А. Ванденко // Философско-психологические аспекты восточных единоборств : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Хабаровск, Уссурийск, Владивосток, 15–19 мая 2013 г.). – Хабаровск : Изд-во ДВГУПС, 2013. – С. 19–28.
3. Дао дэ Цзин. Книга о пути и благодати : пер. с кит. Ян Хин Шун. – Москва : Эксмо, 2015. – 320 с.
4. Древнекитайская философия: собрание текстов. В 2 т. Т. 1. – Москва : Мысль, 1972. – 363 с.
5. Дэвидсон, Р. Мозг и медитация / Р. Дэвидсон, А. Лутц, М. Рикар // В мире науки. – 2015. – № 1. – С. 24–33.
6. Мачоча, Дж. Основы китайской медицины. Подробное руководство для специалистов по акупунктуре и лечению травами. В 3 т. Т. 1 / Дж. Мачоча. – Москва : Рид Элсивер, 2011. – 440 с.

7. Моран, Ж.С. де. Китайская акупунктура. Классифицированная и уточнённая китайская традиция / Ж.С. де Моран. – Москва : Профит Стайл, 2005.
8. Сердюков, Ю.М. Альтернатива паранауке / Ю.М. Сердюков. – Москва : Academia, 2005.
9. Сердюков, Ю.М. Когнитивные основания психосоматических трансформаций мастеров «внутренних школ» / Ю.М. Сердюков // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2020. – Т. XVII, Вып. 3. – С. 137–151.
10. Томпсон, М. Восточная философия / М. Томпсон. – Москва : Фаир-Пресс, 2001. – 384 с.
11. Торчинов, Е.А. Путь золота и киновари. Даосские практики в исследованиях и переводах / Е.А. Торчинов. – Москва : Пальмира, 2020. – 474 с.
12. Торчинов, Е.А. Даосизм: опыт историко-религиозного описания / Е.А. Торчинов. – Санкт-Петербург : Лань, 1998. – 448 с.
13. Филонов, С.В. Даосская концепция жизни / С.В. Филонов // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2012. – № 1. – С. 86–96.
14. Чиа, Мантэк. Трансформация стресса в жизненную энергию / Чиа Мантэк. – Киев : София, 1996. – 256 с.
15. Чиа, Мантэк. Нейгун: Искусство омоложения организма / Чиа Мантэк, Чиа Мэнивэн. – Киев : София, 1998. – 312 с.
16. Юй, Юхуа. Традиционная китайская медицина / Юй Юхуа, Линь Цянь. – Пекин : Министерство культуры Китайской Народной Республики. – 96 с.
17. Юу, Гонбао. Иллюстрированный китайский цигун / Юу Гонбао. – Ростов-на-Дону : Феникс, 1996. – 288 с.
18. Ян, Цзюньмин. Корни китайского цигун. Секреты успешной практики / Ян Цзюньмин. – Москва : София, 2004. – 336 с.
19. Ян, Цзюньмин. Цигун для накопления энергии: Малая циркуляция / Ян Цзюньмин. – Москва : София, 2009. – 320 с.
20. Kohn, L. Taoist Meditation and Longevity Techniques / L. Kohn, Yoshinobu Sakade, eds. – An Arbor, 1989. – 398 p.
21. Yang, Jwing-Ming. Da Mo's muscle/tendon changing and marrow/brain washing classic/ Yang Jwing-Ming. – 2nd ed. – Boston : Mass. YMAA Publication Center, (c) 2000. – XXII. – 312 p.
22. Yang, Jwing-Ming. Qigong Meditation: Embryonic Breathing / Yang Jwing-Ming. – Boston : YMAA Publication Center, 2003. – 389 p.

DOI: 10.31079/1992-2868-2020-17-4-211-219

ПОЕЗДКА ДЕЛЕГАЦИИ ПАРТИЙНЫХ И СОВЕТСКИХ РАБОТНИКОВ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ В ПРОВИНЦИЮ ХЭЙЛУНЦЗЯН КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ (23 МАЯ – 11 ИЮНЯ 1957 ГОДА)*

М.А. Ковальчук

Данная публикация вводит в научный оборот воспоминания Шанина П.Е. Он рассказывает о поездке делегации руководящих работников Хабаровского края в Китайскую Народную Республику в 1957 г. Воспоминания передают атмосферу искренней дружбы между народами двух стран. Публикация содержит большой фактический материал, характеризующий экономическое и социальное развитие Китая.

Ключевые слова: делегация, партийный комитет, советско-китайская дружба, план, фабрика, государственное хозяйство, институт, рабочие, школьники, студенты, встречи.

VISIT OF THE DELEGATION OF PARTY AND SOVIET WORKERS OF KHABAROVSK TERRITORY TO HEILONGJIANG PROVINCE, PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA (MAY 23 – JUNE 11, 1957)

М.А. Kovalchuk

This publication introduces into scientific circulation the memoirs of Shanin P.E. He talks about the trip of a delegation of leaders of Khabarovsk region to the People's Republic of China in 1957. Memories convey the atmosphere of sincere friendship between the peoples of the two countries. The publication contains a large factual material that characterizes China's economic and social development.

Key words: delegation, party committee, Soviet-Chinese friendship, factory, state economy, institute, workers, schoolchildren, students, meetings.

В мае–июне 1957 г. группа руководящих партийных и советских работников Хабаровского края посетила с официальным визитом китайскую провинцию Хэйлунцзян. 1957 г. знаменателен и для СССР, и для Китайской Народной Республики. Советский народ занимался созидательным трудом. Строился каскад гидроэлектростанций на Волге и реках Сибири. Началась целинная эпопея в Казахстане и других регионах СССР. В Китае, в свою очередь, вступила в действие первая социалистическая конституция. Китайский народ трудился над выполнением первого пятилетнего плана, и большую помощь им в этом оказывал СССР. В это же время в руководстве СССР после смерти И.В. Сталина утвердился Н.С. Хрущев. Прошло чуть больше года, как завершил работу XX съезд КПСС, на котором Хрущев Н.С. осудил «культ личности» своего предшественника, что вызвало негативную реакцию китайского руководства во главе с «председателем Мао». Так была заложена первая мина под советско-китайскую дружбу. Впереди маячили

«большой скачок» и «культурная революция». Последняя привела к обострению двусторонних отношений, пиком которых стал военный конфликт на острове Даманском. А пока простые люди – русские и китайцы – искренне верили в нерушимость советско-китайской дружбы. Об этом красноречиво свидетельствуют воспоминания Шанина Е.П.¹ о визите Хабаровской делегации в Китай. Несмотря на конспективность изложения, они передали неповторимую атмосферу того времени. Именно это обстоятельство и побудило нас к их публикации.

¹ **Шанин Павел Егорович** (д. Зыково, Архангельская губ., 1914–1997, г. Хабаровск). С 1930 г. после окончания средней школы на комсомольской работе. В 1932–1937 гг. студент Архангельского лесотехнического института. В 1937–1940 гг. работал на Игарском лесопромышленном комбинате треста «Севполярье». С 1942 г. на руководящей работе в тресте. В 1944–1949 гг. управляющий трестом «Красдрев» (г. Красноярск). В 1949–1955 гг. начальник управления Главдальлеспрома (г. Хабаровск), начальник комбината «Хабаровсклес». В 1955–1975 гг. заместитель председателя Хабаровского крайисполкома. Член ВКП(б)–КПСС с 1940 г. Награжден тремя орденами: Трудового Красного Знамени, двумя орденами «Знак Почета» (См.: ГАХК. Ф. 1102. Оп. 2. Д. 2. Л. 3–5).

* Публикация выполнена при поддержке Правительства Хабаровского края, грант № 001-ГО/2020.

Ковальчук Михаил Александрович – доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Kovalchuk Mikhail Aleksandrovich – Doctor of History, Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law at Far Eastern State Transport University (Khabarovsk).

E-mail: history@festu.khv.ru

© Ковальчук М.А., 2020

Воспоминания об этой поездке хранятся в личном фонде Шанина Павла Егоровича в Государственном архиве Хабаровского края (фонд 1102). Данный фонд укомплектован также фотографиями, записными книжками, дневниковыми записями, которые вел автор на протяжении всей своей жизни. Воспоминания о поездке были записаны Шаниным П.Е. в стандартной на 96 листов общей тетради синего цвета. Почерк очень крупный, но неразборчивый. Поэтому нам пришлось непрочитанные места отметить многоточием (...). Записи автором велись на одной стороне листа. Поэтому автор нумерует не страницы, а листы тетради. Нумерация листов тетради дана нами сбоку (л. 3–14 и т.д.). Цифра 3 в нумерации листов означает, что это третья тетрадь воспоминаний по счету. Однако в каждой тетради отсчет начинается с первого листа. Текст воспоминаний в нашей публикации дан курсивом, так как он рукописный. Авторская орфография и пунктуация максимально сохранены.

Печатный набор текста и его публикация осуществлена доктором исторических наук М.А. Ковальчуком, им же сделаны примечания, исторические и автобиографические справки.

Шанин Павел Егорович. Воспоминание о поездке в составе делегации в Китайскую провинцию Хэйлундзян.

Л. 3–14. С 23 мая по 11 июня посещение в составе партийно-советской делегации Хабаровского края Хэйлундзянской провинции Китая

Руководитель делегации т. Черный А.К.² В составе делегации были секретари ГК КПСС Комсомольска – т. Афонечкин³, г. Хабаровска – Мокрин-

² *Черный Алексей Климентьевич* (д. Крюковка, Черниговская обл., Украинская ССР. 23.02.1921–2002.02.09, г. Москва). В 1938 г. закончил Хутор-Михайловскую среднюю школу с отличием и поступил в Химико-технологический институт им. Д.И. Менделеева. В связи с эвакуацией института перевелся в Московский институт химического машиностроения. В 1942–1949 гг. на инженерных должностях завода № 637 (ст. Эльбан, ДВЖД). Член ВКП(б) с 1946 г. В 1949–1954 гг. зав. промышленно-транспортным отделом Сталинского райкома КПСС г. Комсомольска-на-Амуре. В 1954–1956 гг. первый секретарь райкома КПСС района им. Лазо Хабаровского края. В 1956–1959 гг. секретарь, второй секретарь Хабаровского крайкома КПСС. В 1959–1962 гг. первый секретарь обкома КПСС ЕАО. В 1962–1970 гг. председатель исполкома Хабаровского краевого совета депутатов трудящихся. В 1970–1988 гг. первый секретарь Хабаровского крайкома КПСС. Награжден орденами: «Знак Почета» (1957), «В.И. Ленина» (1968, 1971, 1975, 1981), «Трудового Красного Знамени» (1985) (См.: ГАХК. Р-2002. Оп. 1. Д. 15. Л. 1–15).

³ *Афонечкин Иван Яковлевич*, род. в станице Ходженкова, обл. Войска Донского 07.06. 1911 г. В 1927 г. окончил 7-летку и поступил в заочную школу «Полиглот», одновременно работал чертежником, конструктором рудоуправления «Советский уголь» (п. Ходженкова). В 1931–1934 гг. учился в Химико-технологическом институте (г. Шостки), а затем, в связи с пе-

ский⁴, секретарь крайкома Осинская⁵, председатель Биробиджанского горисполкома т. Гончарук⁶, секретарь Октябрьского райкома ЕАО Устинов⁷.

реводом института в г. Харьков, в Харьковском машиностроительном институте. С 1932 г., после распределения, на инженерных должностях на судостроительном заводе № 182 (г. Махачкала). В 1942 г. эвакуировал завод в г. Алма-Ата (перепрофилирован машиностроительный завод № 175). В 1944–1948 гг. начальник цеха судостроительного завода № 141 (г. Таганрог). В 1948–1951 гг. на инженерных должностях на заводе № 83 (им. Горького, г. Хабаровск), в 1951–1955 гг. директор этого завода. В 1955 г. избран вторым секретарем Хабаровского горкома КПСС, в 1956–1957 гг. первый секретарь Комсомольского-на-Амуре горкома КПСС. В 1957–1965 гг. зам. председателя Хабаровского совнархоза. В 1965–1971 гг. начальник управления материально-технического снабжения Хабаровского района Госснаба СССР (См.: РГАЭ. Ф.150. Оп. 8. Д. 42. Л. 1–26; ГАХК. Ф. 35. Оп. 104. Д. 286. Л. 3–27).

⁴ *Мокринский Алексей Павлович* (дер. Чурюково, Тамбовская губ., 1912–1980, г. Жданов, Донецкая обл.), Член ВКП(б) с 1941 г. В 1912 г. родители переехали в Красноярский край. В 1916–1919 гг. воспитывался родителями отца в Тамбовской обл., в 1919–1921 гг. в детском доме г. Канска. В 1921–1924 гг. учился в средней школе, в 1924–1927 гг. работал по найму в с. Тугул Алтайского края. В 1927–1930 гг. слушатель автошколы в г. Бийске. В 1930–1932 гг. слесарь автобазы Кузнецкого металлургического комбината. 1932–1937 гг. студент Сибирского металлургического института (г. Кемерово). В 1937–1944 гг. на инженерных должностях на судостроительном заводе (№ 199) г. Комсомольска-на-Амуре. В 1944 – 1949 гг. на партийной работе в г. Комсомольске-на-Амуре. В навигацию 1949 г. начальник политотдела Амурского пароходства. С 1949 г. на партийной работе в Хабаровском горкоме и крайкоме КПСС. В 1954–1961 гг. первый секретарь Хабаровского горкома КПСС (См.: ГАХК. Ф. 30. Оп. 24. Д. 104. Л. 2–3, 12).

⁵ *Осинская Августа Михайловна*, род. в г. Великий Устюг в 1912 г. В 1921–1931 гг. училась в средней школе с. Парфёновка Костромской обл. В 1931–1934 гг. бухгалтер госбанка в с. Парфёновка. В 1934–1942 гг. бухгалтер треста «Хабаровсккрайлес». В 1942–1947 гг. инструктор Хабаровского крайкома ВКП(б). В 1947–1948 гг. секретарь по кадрам Кировского райкома ВКП(б) г. Хабаровска. В 1948–1950 гг. слушатель Хабаровской краевой двухгодичной партийной школы. 1950–1951 гг. секретарь Центрального райкома ВКП(б) г. Хабаровска. В 1951–1953 гг. зам. зав. планово-финансовым и торговым отделом Хабаровского крайкома КПСС. В 1953–1959 гг. зам. зав. отделом партийных органов Хабаровского крайкома КПСС. В 1959–1969 гг. секретарь Хабаровского крайисполкома (См.: ГАХК. Ф.Р-137. Оп. 28. Д. 1661. Л. 2–6).

Примечание – Автор воспоминаний ошибся: во время поездки Осинская А.М. была зам. зав. отделом партийных органов Хабаровского крайкома КПСС.

⁶ *Гончарук Мирон Иванович*, родился в 1912 г. в с. Новоселица Одесской обл. в семье крестьянина-бедняка. Трудовую деятельность начал в 1929 г. в своем селе колхозником колхоза им. День Урожая, затем работал продавцом кооператива. В 1934–1936 гг. проходил службу в РККА в г. Владивостоке. В 1936–1940 гг. инструктор, начальник штаба МПВО, секретарь комитета ВКСМ на заводе им. Орджоникидзе (г. Хабаровск). В 1938–1939 гг. слушатель курсов МПВО в г. Москве. В 1940–1945 гг. заведующий военным отделом Чукотского окружкома ВКП(б) Камчатской обл. В 1945 г.

Наша делегация выехала в Харбин на катере «Амур» Амурского речного пароходства. 23 мая на границе с КНР нашу делегацию встретили представители Хэйлунцзянской провинции

Л. 3–15. во главе с секретарем провинциального комитета Хэйлунцзянской провинции компартии КНР т. Фын. Дальше мы шли по р. Сунгари на одном катере. Между делегациями начались оживленные беседы по всевозможным вопросам. Сопровождали наш катер пограничники той и другой стороны.

К вечеру 24 мая мы прибыли в первый город КНР на Сунгари Дзямусы. Когда наш катер подходил к пристани, шел сильный дождь, тем не менее на пристани было много встречающих (взрослых и детей) с транспарантами с приветствиями в адрес делегации Хабаровского края. На пристани нас встречали мэр города Дзямусы и секретарь ГК КП КНР. На машине осмотрели город.

Л. 3–16. Побывали в универмаге, гастрономе, посетили фанерный (кустарного типа) завод. Повсюду была масса улыбающихся, приветствующих нас людей, при встрече старались пожать руку, улыбкой выразить благодарность советским людям.

24.05.57 с 8⁰⁰ наш катер подошел к Харбину. Примерно 5–6 км не доходя до города, наш катер был встречен большим количеством катеров, они сопровождали нас как (эскорт) до пристани Харбина. На речном вокзале и на всех улицах вблизи него были толпы ликующих людей. Встречало нас руководство провинции – были краткие слова приветствия.

Затем нас провезли в резиденцию, где мы привели себя в порядок и в 11⁰⁰ дня все мы были

Л. 3–17. на приеме у нашего консула (СССР) в Харбине Трефилова Гурия Семеновича. Здесь состоялась продолжительная беседа. Консул ввел нас в курс всех дел в Харбине и провинции, высказал пожелания, какие предприятия стоило бы посмотреть, и чтобы они (работники консульства) могли бы вместе с нами ознакомиться с ними (фарфоровый з-д, артиллерийский з-д), показал нам здание, познакомил с работниками.

В 13⁰⁰ дня мы присутствовали на открытии детской железной дороги в Харбине – очень интересное сооружение, дети приветствовали нас,

инструктор Хабаровского горкома ВКП(б). В 1946–1948 гг. слушатель Хабаровской краевой двухгодичной партийной школы. В 1948–1950 гг. секретарь партийного бюро завода им. Орджоникидзе в г. Хабаровске. В 1950–1954 гг. председатель исполкома Сталинского районного Совета депутатов трудящихся г. Хабаровска. В 1954–1956 гг. председатель Ленинского райисполкома Еврейской автономной области, в 1956–1960 гг. первый секретарь Октябрьского райкома КПСС ЕАО. В 1960–1973 гг. председатель Биробиджанского горисполкома. Член ВКП(б) с 1939 г. Награжден орденом «Знак Почета» (См.: ГАХК. Ф. 35. Оп. 104. Д. 340. Л. 3–5).

⁷ Выявить более подробные биографические данные об Устинове нам не удалось.

вместе с ними мы были пассажирами первого рейса. Было много песен, пляски и еще раз пляски – мы радовались встрече, а у Августы Михайловичы постоянно были слезы на глазах.

Л. 3–18. В 17⁰⁰ в гостевом зале города (наверно на 1200 мест) была официальная встреча нашей делегации, было много речей, а затем театр – концерт китайских артистов. Закончилось мероприятие в 12 часов ночи.

27.05.57. В 8³⁰ наша делегация возложила венки на мемориал (могилу) воинам, погибшим при освобождении Харбина и всей его провинции.

В 9³⁰ утра нашей делегации был дан прием в провинциальном комитете Хэйлунцзянской провинции.

С речами выступил т. Фын – первый секретарь провинциального комитета компартии Китая и т. Черный. Коротко из выступления т. Фын – он ознакомил нас с провинцией – провинция размещена на северо-востоке страны.

- Л. 3–19. Занимает площадь 460 тыс. кв. км.
– население провинции – 14 млн человек (китайцы, корейцы);
– городов – семь;
– округов – пять;
– уездов – 90;
– Харбин – население его 1,5 млн чел.;
– провинция имеет границы с Монголией и СССР;
– климат – умеренный;
– много гор, горы покрыты лесами;
– почвы – имеет огромные равнины – суглинстые;
– рек – 227;
– пахотных земель – 13 млн га.

Шанин Павел Егорович.
1955 г.

Освоено целины – 2 млн [га].

Посеянные площади – 7, 2 млн га.

Засеяна кукуруза, соя, чумиза, рис.

Леса – 13,0 млн га. заготовка леса – 1,6 млн м³.

Полезные ископаемые – уголь, железо, золото.

Валовая продукция в ср. с 1953 выросла в 2,8 раза.

Л. 3–20. Вступило в строй 15 новых предприятий, сдается 13. В ближайшие дни начинаем строительство 3.

Всего предприятий в провинции 1166, из них в местном подчинении 986, кооперативных 101, смешанных государственно-частных 296, частных 29; служащих и рабочих 1,2 млн чел.

Зерновых провинция имеет 5,5 млн га.

Получает 7,9 млн тонн, урожайность с гектара 10–11 центнеров.

В провинцию переселено 190 тыс. семей. 420 тыс. чел.

Госхозов имеется 35. Машиностроительных станций – 18.

Намерены охватить 100 тыс. га целинных земель.

Торговля – магазинов 41 292. В торговле занято 1,2 % населения провинции. Удельный вес государственной торговли 54, 5 %.

Шоссейных дорог 14,5 тыс. км. Вузов 7, студентов 18,7 тыс.. Школ 172, учащихся 167 тыс.

Л. 3–21. Техникумов 290 – 21–22,5 (тыс.).

Кинотеатров – 83, театров – 13, библиотек – 11, музеев – 1. Больниц – 209.

Коммунистов 984 тыс. чел.

В Союзе молодежи – 668 тыс. чел.

В 12³⁰ прием в горкоме.

27.05. КП КНР – секретарь Гаю-Юфан.

Он подробно информировал о делах в городе.

– население увеличивается на 2 [тыс.] чел. в месяц, сейчас составляет 1555 тыс. чел.;

– площадь города 1249 кв. км.

Рабочих и служащих 354 тыс. чел. Рост к 1949 г. в 3 раза. Занято:

– в промышленности 123 тыс., в капитальном строительстве 74 тыс.;

– транспорте и связи 23,4 тыс. чел.;

– в учреждениях 21,3 тыс., прочих 12,8 тыс.

Л. 3–22. Районов 9, в т.ч. городских – 6, пригородных (сельских) – 3.

Город существует 59 лет.

Промышленность – из 223 предприятий государственных – 79, провинциальных – 69, кооперативных – 6, смешанных государственно-частных – 103, частных – 29. Предприятия с численностью рабочих свыше 1000 чел. – 34.

В выпуске валовой продукции продукция государственных предприятий составляет 56 %, провинциальных – 20,9 %, смешанных – 12 %, кооперативных – 9,5 %, частных – 0,2 %, кустарных – 0,89 %.

Сельское хозяйство:

Районов – 3, волостей – 17. Население 155 тыс. чел. Кооперативов 120, из них овощных – 46, скотоводческих – 9, рыбных – 7, растениеводческих – 10, зерновых – 48. Посеяно площадей – 54,3 тыс. га, овощные – 24,5 тыс. га, тех. культур – 4,4 тыс. га. Зерновыми 32 тыс. га, кормовыми культурами 3,2 тыс. га.

Л. 3–23. Животноводство: свиньи 44,2 тыс. гол., коровы 5543, овец 6522 голов, 254 тыс. голов.

Наука: НИИ – 2, вузов – 17,3 тыс. студента, техникумов 15 – 14 тыс., школ 341 – 41,9 тыс. чел., начальных 135 – 142 тыс., вечерних 292 – 250 тыс. чел.

Здравоохранение: больницы – 52; 5,9 тыс. коек. Стационаров 3.

Партийных ячеек 204, [членов партии] 53 158 чел. В аппарате управления 431 чел.

В 14⁰⁰ посещение з-да № 101 (алюминиевое литье) дир. т. Ван. Мощность з-да 50 тыс. тонн в год. Занято рабочих 53 040 чел. ИТР 430 чел. Литье непрерывное. Прокат от 0,8 м/м.

Предприятие современное. Оборудование наше, советское, культура высокая.

Л. 3–24. Вечером 19⁰⁰. Вечер советско-китайской дружбы. С докладами выступили мэры Харбина и Черный.

Большой концерт силами города Харбина. Вечер был интересен. Зал был полон молодых людей, концерт замечателен.

28.05.57. 10³⁰ утра. Посещение турбогенераторного завода. Выпускает генераторы от 40 до 62 тыс. кВт постоянного и переменного тока.

Предприятие старое. Запыленность недопустимая, нетерпимая везде грязь.

В 14³⁵ посещение смешанного предприятия (государственно-частного) шахтного оборудования – директор государственный, зам. капиталист. Капитал частный – 557 тыс. юаней, государственный капитал – 720 тыс. юаней; кооперация объединяет 83 предприятия. На головном предприятии занято 654 чел. Капиталистских начальных где-то 8. Самый крупный капиталист 100 тыс. юаней, самый маленький – несколько десятков юаней. Профиль завода машиностроительный – завод небольшой, кустарного типа. Задания (план) завод выполняет, предприятие рентабельное.

В 16⁰⁰ посещение смешанного предприятия – завода авторучек. Предприятие создано в 1950 г. – передано в аренду частнику до 1962 г. Выпускают авторучки на 360 тыс. штук в год, ...карандашей 180 тыс. Предприятие примитивное – 180 тыс. юаней в год.

Л. 3–26. 29.05.57. В 9⁰⁰ утра посещение инструментального завода. Завод точных измерительных приборов. Предприятие новое, современное. Проектировалось Московским институтом, строилось всего год, работает с 1954 г. Оборудование наше – советское. Рабочие и ИТР стажировались на родственных предприятиях нашей страны. Занято на производстве 4,0 тыс. чел. (и только часть женщины). ИТР – свыше 540 чел. Завод выпускает продукцию на 54 млн. юаней.

Завод рентабельный – при плановой прибыли 8,0 млн юаней... На заводе излишек рабочих 640 чел.

Трудности с реализацией продукции – завод недо-загружен. Брак составляет 20 %. Советские специа-листы –

Л. 3–27. рабочих и ИТР нет совсем. Имеет только общежитие 49 тыс. м². Квартир не имеет. Детских яслей 9 по 90 человек.

Партийный комитет 17 чел. Членов профсою-зов 3918 чел. На заводе накопилось продукции с 1954 г. – 400 тыс. юаней (особо много ...). В Китае таких заводов такого профиля пять.

Хотя цеха прекрасные, оборудование новое, впечатление от посещения осталось тяжелое

– отсутствие грамотного планирования созда-ния нового производства, необдуманый отказ от наших рабочих и специалистов.

Созданные с таким трудом производственные мощности в полную силу не используются.

Л. 3–28. В 16⁰⁰ Харбинский политехнический ин-ститут. Институт основан в 1920 г. До 1945 г. им владели японцы. С 1945 по 1950 г. был в составе КВЖД, и только в 1951 г. он стал Государственным институтом. Институт имеет прекрасную учеб-ную базу – свои заводы и мастерские. 40 025 специ-альностей. В институте занято только 40 профес-соров и специалистов из нашей страны. В инсти-туте обучается 9(4)900 студентов и аспирантов. На вечернем факультете обучается тоже 400 чел. В 1957 г. принято в институт 1600 новых студен-тов, выпущено 540 специалистов. Преподаватель-ский состав состоит из 1110 чел., из них профессио-ров и доцентов 31 чел., аспирантов только 200 чел.

Л. 3–29. Большинство преподавателей прошли подготовку в нашей стране. Институт имеет ла-боратории по сварке, по инструменту, по отра-ботке шлифованию, электрооборудованию и ав-томатике. Созданы новые факультеты – прибор-остроительный, инженерно-экономический.

Институт один из ведущих в Китае. Среди студентов коммунистов 1100 чел. – 12 %. Осво-божденных партработников – 18, комсомольских – 6, профсоюзных – 5. Стипендию получают 40 % студентов – 14,5 юаней в месяц.

В общежитии института в каждой комнате проживают по 4 студента. Койки металлические, двухъярусные. Все студенты занимаются с боль-шим прилежанием и непонятным для нас усердием.

Впечатление от посещения ин-та осталось са-мое хорошее.

Л. 3–30. Встреча с пионерами Харбина во дворце пионеров была особо волнительна. Основу затаскали. Все мы пели и плясали как могли. Радости у всех были невероятные. Особой популярностью пользовался Афоничкин. Дети брали ремни, связывали, измеряли живот Афоничкина и потом по несколько человек заходили в этот ремешок. Китайцы с такими жи-вотами редки, и он пользовался симпатией.

30.05.57 г. в 9⁰⁰ Посещение завода «Электропри-бор». Завод новый, современный, начал строиться с марта 1954 г., завершено строительство в мае 1956 г. Завод принят государством с мая 1956 г.

Л. 3–31. Проект завода советский, оборудова-ние – советское. На заводе работает 2900 рабо-чих, из них молодежи 75–80 %. Завод проектной мощности не освоил. Выпускаемой продукции на 20 % меньше запроектированного. Всего завод должен выпустить продукции на 50 млн юаней. За 4 месяца выпущено на 20 млн.

Директор з-да Сюй Жоупин. Парторганизация 497 чел., из них рабочих 191 чел., коммунистов с партстажем более 10 лет 50 %, женщины-комму-нисты – 10 %. Завод имеет освобожденных пар-тийных работников 13, профсоюзных 5. В постро-енных заводом домах (типа общежитий) живут около 2600 работников завода. На 1957 г. з-д име-ет план по строительству жилья на 8 тыс. м². Жилье з-да – жилые дома 2- и 3-этажные из крас-ного кирпича

Л. 3–32. Специалистов на заводе явно не хвата-ет, оборудование используется плохо, из-за неуме-ния работать на нем много простаивает.

В 14³⁰ Шерстекатальный завод. Предприятие старое, основано в 1922 г. как шерстепрядильная фабрика, с 1931 по 1945 г. эксплуатировался япон-цами. Продукция з-да – текстильное сукно – одея-ла, высочайшего качества и красоты. Поставля-ется на экспорт, в т.ч. в СССР.

Работающих на заводе 1230 чел. из них на пря-мом производстве 790 чел. Завод в год выпускает продукцию на 10,2 млн юаней. Завод прибыльный. В 1956 г. прибыль составила 1,5 млн. Коммуни-стов 375, освобожденных работников 13, профсо-юзных 5. На производстве

Л. 3–33. заняты только мужчины и при том ве-ликовозрастные, работают очень интересно, все движения спокойные, уверенные, любо глядеть.

Следует сказать, по разработанному (очевидно заранее) сценарию нашу делегацию всегда встреча-ли при подъезде к предприятию как к учебному за-ведению толпы людей, скандировавших лозунги. Это повторялось при входе в каждый цех и выходе из него, а также при отъезде с предприятия после его осмотра. На каждом предприятии были встречи с руководством предприятия и ИТР в служебных кабинетах или специальных комнатах, заранее подготовленных и сервированных. Все это повторялось, и я об этом не пишу.

Л. 3–34. 31.05.57. В 9⁰⁰ прибытие в Цицикар. Встретили делегацию секретарь ГК КПК т. Чао и мэр города т. Ли. В первой части встречи т. Чер-ный А.К. подробно проинформировал руководство горкома о крае, а т. Мокринский и Афоничкин – о городе Хабаровске и Комсомольске-на-Амуре. За-

тем выступил т. Чао. Он сказал: «Цицикар – новый город с провинцией, он образован в 1946 г. Площадь города 3,9 тыс. м². Население 670 тыс., из них мужчин 375 тыс., женщин 285 тыс. Рабочих в промышленности 31,8 тыс. чел., в строительстве 28,7 тыс. Национальность хаан (хань), нац. меньшинства 40 тыс. чел. Районов в городе 6, на селе 7. Выпуск продукции с 1956 г. составил 423,1 млн юаней, а в 1952 г. 208 млн юаней.

Л. 3–35. Удельный вес современного производства 84,2 %, производительность труда с 1952 г. выросла на 74,5 %.

Профиль города – машиностроение. Предприятий – 96; государственных – 43, местных – 37, смешанных – 7, кооп. – 8. ТЭЦ города – 172 тыс/кВт.

Наиболее крупным является вагоностроительный з-д, он вырабатывает продукцию на 100 млн юаней, занято 9245 рабочих. Строятся новые заводы: спецсталь, тяжелого машиностроения.

В развитии города с 1953 г. вложено 573 млн юаней, из них в производство 78,9 %, в жилищное и коммунальное хозяйство.

Сельское хозяйство – обрабатываемых земель 85,9, из них засеяно 85,2 тыс. га. Главные культуры – рис, пшеница.

Кооперативов (на селе) 103, из них овощных 20, крестьянских дворов 22 тыс или 99,69. Занято женщин в кооперативах 41,5 %.

Связь города с деревней самая тесная,

Л. 3–36. город дает инвентарь, технику, осуществляет радиофикацию и телефонизацию. Переселено в деревню 1070 семей. Деревня поставляет городу овощи, мясо. Курс – превратить село в подсобное хозяйство промышленных предприятий.

Торговля – товарооборот с 1952 г. вырос на 82 %. Продано в 1956 г. – сахара 1309 т, рост 98,4 %, 450 т мяса, рост 177,3 %, овощей 43 тыс. т, рост 134 %, яиц 54,9 тыс., рост 2,2 раза.

Обеспеченность на душу населения в 1956 г. По овощам – 192 кг, рост 364 %. Мяса 9,0 кг, снижение на 10 %. Яиц 20 шт., снижение на 29 %.

Магазинов 228, из них розничной торговли 145. Занято в торговле 9855 чел.

Городское хозяйство – водопровод 179 км, канализация 35 км, озеленение 280 тыс. деревьев.

Образование – вузов – 2 (металлургический, медицинский). В начальных школах учится 50,2 тыс. чел., в средних 15,7. Кинотеатров 8.

Здравоохранение – санаторных пунктов 27. Больниц 14 – 2429 коек. В деревне – 46.

Л. 3–37. Партячек 118 – 26,5 тыс. чел. Профсоюзы 150 тыс. чел., комсомол 41,2 тыс.

Посещение предприятий

Вагоностроительный – вагоноремонтный з-д. гл. инж-р т. Ван:

– встреча у заводоуправления;

– осмотр цехов завода.

Встреча с заводоуправлением.

Информация гл. инженера. Завод реконструирован в 1956 г. Сейчас на заводе занято 7926 чел. работающих. Завод занимает территорию 82 гектара.

Завод в настоящее время выпускает в год: вагонов 3100, платформ 400, паровозов 15. Мощность завода: вагонов 8000, паровозов 100, стального литья 12,5 тыс. тонн. Завод убыточен. В 1954 г. они [убытки] составили 12 млн юаней, в текущем году 17 млн. Завод имеет свой поселок, техникум.

Л. 3–38. Завод огромный, созданные мощности не используются из-за отсутствия квалифицированных рабочих и специалистов. Завод не имеет жилья для приема 1650 рабочих.

С 16⁰⁰ посещение школы национальных меньшинств (корейская).

Школа построена в 1952 г., 759 чел. – весь персонал школы. Школа готовит учителей монгольского и корейского языка. Школа хорошо оснащена и имеет свое общежитие.

01.06.57. Строительный трест завода № 403 тяжелого машиностроения. Директор т. Джан, гл. инж-р Му.

Ознакомление с площадкой строящегося з-да. Трест осуществляет строительство завода

Л. 3–39. по выпуску оборудования для металлургической промышленности. Площадь завода 225 га. Площадь застройки 350 тыс. м². На з-де будет 29 объектов. Проект з-да изготовлен в СССР.

Завод имеет свои доменные и металлургические печи. Он должен выпускать оборудование на 1250 тыс. тонн. Имеет поселок, жилой фонд 270 тыс. м², цеха: металлоконструкций – 34 тыс. т.

В 1958 г. должно быть закончено строительство завода, в 1959 г. монтаж оборудования. В 1960 г. завод вступит в эксплуатацию.

Выполнено работ по смете только 36 %. На 1.01.58 будет (как считают строители) – 54,9 %.

Работает СМУ – 5 единиц, занято на строительстве 9800 рабочих, капвложения – 450 млн юаней.

Л. 3–40. Завод будет типа Уралмаш (объемом меньше в 2 раза). Рабочие питаются на площадке из расчета 12 юаней в месяц.

Выработка рабочего в день на стройке всего 24 юаня – очень низкая.

Вся работа (почти вся) выполняется вручную.

Впечатление от такой работы на стройке остается у меня тревожное.

В 14⁰⁰ Фарфоровый з-д.

Предприятие исключительно интересное. Мы три дня добивались, чтобы показали это производство.

Особенность первая – подготовка глин. Завод имеет камеральные, где увлажненные глины до пуска их в производство хранятся от 12 до 15 дней.

Состояние глины (перед пуском в работу) аналогично (по структуре)....

Технология необычная (мы просили дать нам схему).

Л. 3–41. Завод выпускает фарфоровую посуду, фарфоровые радиаторы и фарфоровые изоляторы. На заводе заняты в большей степени женщины. В цехе, где идет роспись посуды, чистота неимоверная.

Печи обжигают посуду и радиаторов длинные, изделие проходит через них. На заводе все было интересно, нас (руководство завода) все время торопило.

В 15⁰⁰ металлургический завод Спецсталь.

Директор з-да женщина (фамилию я не мог уловить). Завод проектирован нами (СССР), возводится с помощью наших специалистов. Рассчитан на выпуск 700–800 тыс. т проката и стали. Построена и действует первая очередь. Завод аналогичен нашему з-ду «Амурсталь».

Л. 3–42. Занято на производстве 8000 чел.; генеральный представитель СССР т. Григорьян, он и давал основное все пояснения.

В 19⁰⁰ встреча в клубе з-да Спецсталь с советскими специалистами, работающими в Харбине. С информацией о Хабаровском крае и о поездке по стране выступил т. Черный А.К. Было очень много вопросов, просьб и пожеланий к правительству страны.

02.06.57. Посещение опытной станции в пригороде Цецикара. Начальник станции т. Фан. Станция основана в 1950 г. Станция проводит исследование и выращивание овощных, зерновых культур, цитрусовых фруктов.

Л. 3–43. Всех культур (растений) – 518, из них улучшенных сортов – 86.

Станция имеет теплицы (2 тыс. м²), яровые ранние культуры выращивают в парниках и на грядках. Овощи хранят в погребах. Станцией хорошо разработана система уничтожения капустных мух (летом).

Из 4 сортов винограда выбраны 3 как наиболее устойчивые. Яблоки – из 148 рекомендовано 4 сорта, персики – из 17 – один сорт. Саженцев у станции 475 тыс. [шт]. Она имеет площадь 294 га. Рабочих 169, администрация 18 чел. Курс «...увязать науку с практикой». Станция подчинена Пекинскому НИИ сельского хозяйства.

Нам были подарены семена огурцов, капусты, помидоров.

Л. 3–44. Оружейный (пушечный) з-д № 127. Завод работает по нашей технической документации и нашей технологии. По гражданской продукции выпускает штамповочно-прессовое оборудование.

В 17⁰⁰ посещение райкома КП КНР. Секретарь РК т. Дун.

Население 115 459 чел., в т.ч. женщин 52 тыс. В народном комитете района 3921.

Заводов государственных – 3, местных – 3, районных – 12, работает на них 92 [тыс.] чел. Общая продукция местной промышленности – 24 424 тыс. юаней. Строительный трест имеет рабочих 700 чел., вводит в год до 9 тыс. м² жилья.

Коммунистов 1312, райком 312 чел., народный комитет 31 чел.

В 19⁰⁰ банкет. В 20²⁰ проводы на вокзал.

Л. 3–45. Госхоз ДРУЖБА им. 3 сентября⁸. Госхоз организован в 1949 г.

Площадь госхоза 22 280 га посевов: под пшеницей 14 100, бобами (соя) 6320 га, кормовыми и техническими 2400 га. Отделений – 5, бригад – 24.

Госхоз имеет: ремонтные мастерские, электростанцию, мукомольный з-д, лесопилку, нефтебазу. В совхозе рабочих 2503 чел. Тракторов 71, комбайнов 79, автомашин 31.

Климатические условия благоприятные – осадков 550 мм в год. Июль, август, сентябрь – наиболее дождливые месяцы. Почва – черноземно-перегнойная до 1,5 м, структура почвы хорошая. Рельеф – ровный. Севооборот – семипольный. Урожай устойчивый.

Л. 3–46. Средний урожай пшеницы – 16,6 центнеров с га, наивысший – 37,7 центнеров. Совхоз выращивает свиней и лошадей, разводит птицу.

Имеет опытную станцию. Тысячи крестьянских хозяйств перешли в госхоз. Зарплата в госхозе на 12 % выше, чем в других хозяйствах.

Госхоз имеет больницу, школу, баню, кинотеатр, радиозел.

Партия – ячеек 29, коммунистов 421, ответственных работников 41.

Школа – здание кирпичное, пол глиняный. Общественное каменное – нары.

05.06.57. с 8³⁰ утра г. Мудандзян – в прошлом военная база – штаб маньчжурского фронта японцев. Население города 228 222 чел., из них занято в промышленности 88,1 тыс.

Промышленность – государственные предприятия 15 (каучук, текстиль, военные), местные 12 (бум. ф-ка, лесоводство и др.).

Л. 3–47. Смешанные (государственно-частные) – 15, работают 1401 чел.

Кооперативов крестьянских 28, занято на них 2372 чел. Единоличных 45 тыс. Валовое производство с 1956 г. выросло в 5,6 раза.

⁸ 3 сентября в Китайской Народной Республике отмечается День победы китайского народа в войне сопротивления Японии

Торговля – гос. компаний 21, магазинов 139; государственно-частных 14, кооперативных 16, граждан 43, занято 2848 чел.

Сельское хозяйство – посеяно площади 18 342 га, из них овощи – 3,0 тыс. га.

Кооперативы 44 – 9367 дворов. Население 41,2 тыс. чел.

Единоличники 121 крестьянский двор.

Культура. Школ средних 8 – 6923 ученика, начальных 56 – 24 831 учащихся.

Театров – 2, кинотеатров – 3, библиотека.

Здравоохранение – 56 больниц на 1700 коек.

Коммунистов – 8,7 тыс. чел.

Впечатление – сложное, неоднозначное. Условия жизни крайне сложные. Культура – низкая.

Л. 3–48. Каучуковый завод – первое государственное предприятие Министерства химической и каучуковой промышленности КНР: предприятие новое – построено в 1950 г. Занято 2300 рабочих. Жилой фонд завода 20 тыс м² жилой площади. Дома кирпичные. Пол земляной, в большинстве домов нары. Внизу семейные рабочие, сверху одинокие...

Партия – коммунистов 597 чел., партячеек 30. Парработников 21, комсомольских 9, профсоюзных 5. Техника на заводе современная. Сырье – естественное, качество каучука – отменное.

В 17⁰⁰ Государственный конный завод. Основан в 1947 г. Занимается разведением лошадей (племенных),

Л. 3–49. молочных коров, свиней, кур, уток, пчел, фруктовых деревьев.

Занято на з-де 815 рабочих. З-д на бюджете – дотационный.

Годовой доход 800 тыс. юаней, дефицит (?). 130 тыс. юаней. Хозяйство опытно-показательное, часть только учится.

С 20⁰⁰ участие в городском собрании, посвященном встрече с делегацией Хабаровского края СССР.

В 24⁰⁰ отъезд из Мудандзяна на озеро (на отдых).

06.07.57. Прибыли на озеро в 5⁰⁰ утра. Озеро Сибахофье. Это искусственное водохранилище гидростанции на 100 тыс. кв. База отдыха ... провинции. Отдых, рыбалка, встречи.

Л. 3–50. Подготовка к встрече (собранию) с русскими гражданами, проживающими в Харбине (по просьбе консула). Подробная информация о Хабаровском крае, крайкоме и стране, о Черном, поручено выступить мне при возвращении в Харбин.

07.06.57. С 8³⁰ утра Прибытие в Харбин. В 16⁰⁰ встреча т. Черного (совместно с делегацией) с советскими специалистами. В 17⁰⁰ мой доклад русским гражданам, проживающим в Харбине. Присутствовало более 250 чел. Интерес к информации был огромным, как по краю, так и по стране, было множество вопросов самых неожиданных. Встречей я был доволен. Что-то и мне удалось многим из нас прояснить.

Хабаровская делегация в Дзямусы. 1957 г.

Первый ряд: третий слева Афоничкин И.Я., четвертый – Черный А.К., шестой – Шанин П.Е.

Второй ряд: третья слева Осинская А.М., пятый – Гончарук М.И.

Л. 3–50. В 19⁰⁰ Театр – выступление ансамблей провинции в честь делегации Хабаровского края СССР.

08.06.57. 8³⁰ утра – моя встреча с заместителем председателя провинциального народного комитета, ведающего вопросами промышленности, т. Чан Цзянфэнь. В начале встречи Чан Цзянфэнь подробно проинформировал о положении дел в провинции, о структуре ее, особенностях управления ею, подробно охарактеризовал, над решением каких главных проблем работает он как заместитель председателя провинциального народного комитета провинции... Я со своей

Л. 3–52. стороны также подробно проинформировал о промышленности края, состоянии дел на сегодня, и что мы намерены делать в текущей пятилетке. Беседа (встреча) длилась более 3 часов. Мы были удовлетворены встречей.

В 17⁰⁰ участие в прощальной встрече делегации края с руководством (партийным и народным) провинции.

Тов. Черный А.К. подробно информировал руководство провинции о впечатлениях (наших) от посещения промышленных предприятий, госхозов, учебных заведений, встреч с коллективами, высказал душевное спасибо за предоставленную возможность нам так глубоко познакомиться

Л. 3–53. с жизнью провинции. Вечером отбытие из Харбина, на речном проводило все руководство провинции, огромное количество граждан Харбина.

10.06.57. При возвращении домой по р. Сунгари делегация по приглашению провинции сделала утром остановку в г. Дзямусы – городе вблизи к границе Китая и СССР. Город создан в 1937 г. как военный форпост Японии против СССР.

22 июля 1945 г. был здесь создан штаб повстанческой борьбы. Население здесь в то время было менее 100 тыс. чел. С 1950 г. город стал быстро развиваться, и теперь население насчитывает 220 тыс. чел. В городе заводов (всего, вероятно) 38, на них

Л. 3–54. занято 54 тыс. работающих. Партия – коммунистов 8400, комс. 15 тыс., число [чл.] профсоюзов 41 тыс. чел. Товарооборот 150 млн юаней в год. Посевные площади – 11 тыс. га. Высших учебных заведений нет, средних – 5, начальных школ – 40, школьников 20 тыс.

В 15⁰⁰ прощальный обед.

В 17⁰⁰ отъезд из города Дзямусы домой – в Советский Союз. Шел страшный дождь. Проводы. Митинг. Отход катера.

11.06.57. в 16⁰⁰ прибытие в Хабаровск.

Какие (общие) выводы можно сделать по итогам встречи.

Поездка – полезная, при встречах (а их было много на всех уровнях) мы старались всеми мерами передать друзьям наш опыт подъема экономики

Л. 3–57. и культуры края, и это во многих случаях нам удалось. Второе. Мы самым внимательным образом пытались глубоко вникать в опыт организации работы и жизнь наших друзей.

Что заслуживает (на мой взгляд) одобрения.

Первое. В состав (структуру) города входят сельские пригородные районы, осуществляющие совместное планирование улучшения жизни населения города (в первую очередь рабочих предприятий и крестьян).

Второе. Удачное сочетание так называемых государственно-частных предприятий, объединение капиталов государства и капиталистов (так они называют людей-пайщиков со средствами) создает их заинтересованность в лучшей работе предприятия, более эффективной их работе.

Третье. Коллективные хозяйства на селе, в промышленности, торговле – тоже дело интересное.

Л. 3–58. Чувство огорчения оставалось от того, что наша страна так много построила предприятий разного профиля, оснастила их оборудованием и используются они в большинстве случаев малоэффективно.

И последнее... Выдворение из их страны наших квалифицированных рабочих и специалистов в то время, когда сами таких специалистов не имеют. В связи с этим предприятия работают неритмично, малоэффективно, распространялись слухи, что СССР поставил им то, что самому не нужно. Это горько было слушать.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чёрный, А.К. Остаюсь дальневосточником: Воспоминания / А.К. Чёрный. – Хабаровск : Этнос-ДВ, 1998. – 479 с.
2. Новейшая история Китая (1917–1970). – Москва : Мысль, 1973. – 437 с.
3. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. 35. Хабаровский крайком КПСС. – Оп. 104. – Д. 340. Личное дело Гончарука М.И.; Д. 286. Личное дело Афоничкина И.Я.
4. ГАХК. – Ф.Р-137. Исполнительный комитет Хабаровского краевого совета депутатов трудящихся. – Оп. 28. – Д. 1661. Личное дело Осинской А.М.
5. ГАХК. – Р-2002. Личный фонд Черного А.К. – Оп. 1. – Д. 77. Личное дело Черного А.К.
6. ГАХК. – Ф. 1102. Личный фонд Шанина П.Е. – Оп. 1. – Д. 2. Личное дело Шанина П.Е.; Д. 27. Воспоминания Шанина П.Е.; Д. 64. Фотографии.
7. ГАХК. – Ф. 30. Хабаровский городской комитет КПСС. – Оп. 24. – Д. 104. Личное дело Мокринского А.П.
8. Российский государственный архив (РГАЭ). – Ф. 150. Государственный комитет Совета Министров по материально-техническому снабжению СССР (Госснаб). – Оп. 8. – Д. 42. Личное дело Афоничкина И.Я.

DOI: 10.31079/1992-2868-2020-17-4-220-225

ИСПРАВЛЕНИЕ ОШИБОК В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ

М.А. Помченко

Н.В. Резанова

Е.Ф. Гладкая

И.В. Харина

Статья посвящена проблеме исправления ошибок при обучении иностранному языку в неязыковом вузе. В работе рассматриваются различные точки зрения на проблему исправления ошибок, а также на основе анализа методического опыта преподавателей Дальневосточного государственного университета путей сообщения выявляются наиболее эффективные способы коррекции, в основе которых лежит побуждение студента к осознанию ошибки и самостоятельному ее исправлению.

Ключевые слова: ошибка; исправление ошибок; коррекция; способы исправления ошибок; методика преподавания.

CORRECTING ERRORS IN PRACTICE OF FOREIGN LANGUAGE TEACHING AT FAR EASTERN TECHNICAL UNIVERSITY

M.A. Pomchenko

N.V. Rezanova

E.F. Gladkaya

I.V. Kharina

The article is devoted to the problem of correcting mistakes in a foreign language teaching at a nonlinguistic university. The article examines various points of view on the problem of error correction, and also on the basis of the analysis of the methodological experience of teachers of the Far Eastern State Transport University, the most effective correction methods are identified, which are based on the student's incentive to acknowledge the error and correct it independently.

Key words: error; error correction; correction; ways to correct errors; Method of teaching.

Помченко Марина Александровна – кандидат психологических наук, доцент Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Pomchenko Marina Alexandrovna – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Foreign Languages and Intercultural Communication Department at Far Eastern State Transport University (Khabarovsk).

E-mail: marina-pom@mail.ru

Резанова Наталья Владимировна – кандидат психологических наук, доцент Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Rezanova Natalya Vladimirovna – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Foreign Languages and Intercultural Communication Department at Far Eastern State Transport University (Khabarovsk).

E-mail: nvrezanova75@mail.ru

Гладкая Евгения Федоровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и межкультурных коммуникаций Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Gladkaya Evgeniya Fedorovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Foreign Languages and Intercultural Communication Department at Far Eastern State Transport University (Khabarovsk).

E-mail: gladkaya7@mail.ru

Харина Ирина Вячеславовна – кандидат педагогических наук, доцент Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Kharina Irina Vyacheslavovna – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Foreign Languages and Intercultural Communication Department at Far Eastern State Transport University (Khabarovsk).

E-mail: kharina.ira@mail.ru

© Помченко М.А., Резанова Н.В., Гладкая Е.Ф., Харина И.В., 2020

Считается, что основным показателем сформированности навыков устной речи на иностранном языке является высказывание по заданной проблеме или ситуации с использованием разнообразных моделей изучаемого языка. Фонетическая же, лексическая и грамматическая правильность речи относится к дополнительным показателям. Однако в действительности количество ошибок и их характер остается нередко первостепенным показателем уровня владения языком. В связи с этим проблема исправления ошибок остается одной из важнейших в практике преподавания иностранного языка. В среде методистов вот уже несколько десятилетий обсуждаются вопросы, выдвинутые Дж. Хендриксоном в 1978 г. [38]. Нужно ли исправлять ошибки обучающихся? Какие именно ошибки стоит исправлять? Когда и кем они должны исправляться?

Настоящая статья посвящена выявлению наиболее эффективных методов коррекции ошибок обучающихся технического вуза с целью подготовки их к успешной профессиональной коммуникации на иностранном языке. Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью формирования устойчивой мотивации к изучению иностранного языка у обучающихся неязыкового вуза.

Практически все фундаментальные труды в области лингвистики, психолингвистики, методики преподавания иностранного языка касаются не только самого понятия «ошибки», причин появления ошибок, но и путей их предупреждения и исправления (см. работы А.А. Алхазишвили [2], В.А. Артемова [4], Е.М. Верещагина [12], И.А. Зимней [18], Г.А. Китайгородской [19], А.А. Леонтьева [23], Е.И. Пассова [26], З.М. Цветковой [30], Л.В. Щербы [36], Ж.М. Хэндриксона [38], R. Lado [40], Н. Sweet [45] и др.). Обширный пласт исследований посвящен ошибкам обучающихся средних школ (И.И. Антонова [3], О.П. Голяндина [15], А.Ю. Сафиев [28], Л.И. Шавернева [33]); высших учебных заведений и курсов обучения иностранному языку (Г.М. Бурденюк [10], В.С. Вященко [13], Н.И. Дракина [16], И.И. Китросская [20], С.Г. Тер-Минасова [29], Б.Н. Чойбонова [32]); неязыковых вузов (Т.Г. Богданова [8], Л.Ш. Габдуллина [14], Н.В. Кондрашова [22]). Защищен ряд диссертационных работ, посвященных причинам возникновения ошибок в речи. Так, межъязыковая интерференция (т.е. влияние родного языка или первого иностранного) в качестве основной причины рассматривается в работах С.А. Абдигалиева [1], Д.Д. Арутюняна [6], Г.И. Богина [9], В.С. Вященко [13], Т.А. Прутских [27], Л.А. Шарыпиной [34]; внутриязыковая интерференция (влияние одной языковой формы на другую) – в работах Н.И. Еганян [17], Н.И. Павловой [25], Г.М. Шепер [35]. О коммуникативной значимости и незначимости ошибок пишут Н.И. Дракина [16], Т.М. Клейменова [21] и др.

Научные труды, связанные с анализом и типологией ошибок, дают возможность, во-первых, вскрыть закономерности их появления; во-вторых, определить потенциальные зоны трудностей и пути их предупреждения в процессе обучения. И если причины ошибок и их типология изучены достаточно хорошо в отечественной и зарубежной науке, то вопрос коррекции до сих пор остается спорным. Ответ на него кардинально менялся в зависимости от подходов и направлений обучения иностранным языкам. Представители разных школ то признавали обязательность коррекции, то отрицали ее вовсе, то допускали целесообразность и возможность исправления ошибок лишь в определенных случаях.

Так, в грамматико-переводном методе, существовавшем в XVIII–XIX вв. в Европе и царской России, учителя ругали своих учеников за ошибки и исправляли каждую из них путем презентации правильного ответа. В аудиolingвальном методе, возникшем в 1950–1960 гг. и опиравшемся на бихевиористскую теорию, исправление ошибок (притом безотлагательное) являлось необходимым условием процесса обучения. К 1970–1980 гг. мнения практикующих учителей в области преподавания иностранного языка стали решительно меняться. Основоположник естественного метода Н. Хомский считал, что способность к усвоению языков является врожденной и бессознательной. И если при усвоении родного языка ошибки целенаправленно не исправляются, то и в отношении иностранного языка этого делать не стоит. По мнению Стивена Крашена, исправлять ошибки в коммуникативных упражнениях не только неуместно, но даже вредно. Исправления ведут к снижению самооценки, отрицательно влияют на мотивацию, усиливают страх говорения. Студент на занятии не должен занимать оборонительную позицию по отношению к преподавателю. Однако в исключительных случаях исправления допустимы для усвоения и запоминания несложных правил [39].

Похожего принципа придерживались и представители школы «Теория когнитивного постметода» («Cognitive Anti-Method») Л. Ньюмарк и Д. Рейбл. По их мнению, процесс изучения первого языка схож с процессом изучения второго языка. Важно создать идентичные с первым языком условия усвоения. Ошибки, считали они, это неотъемлемый процесс изучения, они обязательно будут возникать на пути усвоения материала и формирования речевого навыка. И поскольку принцип подсознательного усвоения материала преобладал над сознательным, представители этой теории отвергали традиционное объяснение правил, проверку заданий и исправление ошибок [42; 43].

Следующий этап в данной проблематике связан с идеей целесообразности исправлений и появления

ем психолингвистических, социолингвистических и интеракционистских теорий. Эффективность исправлений обусловлена правильной корректирующей обратной связью, когда обучающийся сам фиксирует ошибку, исправляет ее, постепенно выработывая навык самоконтроля. Представитель теории обучения навыкам «Skill-learning theory» Р. М. Декейсер считает, что исправления будут способствовать трансформации декларативных знаний в процессуальные и дальнейшей автоматизации последних [37]. За целесообразность исправления выступает и теория противовесов («Counterbalance Theory»). Представители этого направления Р. Листер и Х. Мори отмечают, что важно создать правильные условия, обстановку, которые приведут обучающихся к восприятию и пониманию сделанной ошибки [41]. Автор теории коммуникативной ориентации С. Ж. Савиньон («Communicative Orientation in Language Teaching») также считает, что в исправлении важно вызвать желаемую реакцию, а следовательно, эффективнее будет использовать подсказки (например, вопросы с целью уточнения), подводя обучающегося к самоисправлению [44].

К мысли о целесообразности исправлений склоняются и многие отечественные исследователи [5; 7; 8; 11; 24 и др.]. Так, по мнению Т. М. Балыхиной, при коммуникативном методе ценится способность и готовность к общению, поэтому в первую очередь необходимо исправлять коммуникативно-значимые ошибки, т.е. те, которые искажают смысл (порядок слов в предложении, нарушение ритмико-интонационной структуры, согласование, использование слова без учета его значения и т.д.). Исправления могут быть, но они не должны являться препятствием для свободного общения. Однако и пренебрегать исправлениями не стоит, без этого не достичь прогресса в обучении [7].

С вопросом о целесообразности исправлений тесно связан вопрос о том, какие именно ошибки подлежат исправлению. В работах М. Архаровой, Т. Г. Богдановой, И. И. Меркуловой и др. встречается классификация исправлений ошибок по С. П. Кордеру:

- ошибки-оговорки, опiski, оплошности («slips») – могут быстро фиксироваться и исправляться самим отвечающим;

- случайные и несистемные ошибки («mistakes»), представляющие собой небольшое отклонение от нормы, – предполагают возможность быстрого и самостоятельного исправления, но только после указания на них;

- ошибки в пройденном материале («errors»), свидетельствующие о недопонимании, незнании отвечающим грамматического правила или лексических особенностей (причиной может стать, например, интерференция), – они не могут быть

самостоятельно зафиксированы и исправлены отвечающим;

- ошибки-попытки («attempts»), которые возникают в незнакомых конструкциях, когда отвечающий пытается использовать категории, имеющиеся в его родном языке, но пока не изученные им в иностранном [5: с. 68].

В данных работах приводятся также шесть основных способов исправления ошибок:

1. *Explicit correction*. Прямое указание преподавателем на совершённую ошибку, разъяснение ее с презентацией верного варианта ответа.

2. *Recast*. Перифраз – произнесение преподавателем исходного неправильного речевого образца в правильной форме, исключая пояснения.

3. *Clarification Request*. Просьба преподавателя о пояснении неверного высказывания обучающего. Эта ситуация естественна и для реальной ситуации коммуникации, когда один собеседник не понял, что сказал другой.

4. *Metalinguistic Cues*. Использование различной терминологии (например, «время», «артикль», «предлог», «порядок слов») с целью самоисправления обучающего.

5. *Elicitation*. «Извлечение» правильного ответа путем выделения места ошибки с помощью паузы, интонации, постукивания, мимики, жеста и других условных звуков.

6. *Repetition*. Повторение преподавателем неправильного варианта ответа, но с обязательным акцентом в месте ошибки, чтобы исключить подозрение обучающегося на неверность целого высказывания [5; 8; 24].

На основе представленных классификаций ошибок и способов их исправления нами была составлена анкета для опроса преподавателей ДВГУПС, целью которой было выявить, какие виды ошибок чаще исправляются преподавателями на практике и какие способы коррекции они используют как наиболее эффективные. Исследование было проведено на базе кафедры «Иностранные языки и межкультурная коммуникация». В анкетировании приняли участие 20 преподавателей английского, немецкого, французского, китайского и русского (как иностранного) языков. Вопросы анкеты и результаты исследования представлены в таблице.

В результате проведенного исследования выяснилось, что преподавателями чаще всего исправляются «errors», т.е. ошибки, сделанные в пройденном материале, связанные с незнанием или недопониманием правил, а также «mistakes» (оговорки), которые студент не сможет исправить сам без указания на них.

К наиболее эффективным способам коррекции относятся *explicit correction* (презентация правильного ответа с объяснением), *metalinguistic cues* (использование терминологических подсказок: ар-

тиль, время, предлог и т.д.) и *elicitation* (подведение к исправлению с помощью интонации, паузы, жестов, мимики). Редко используемыми способами исправления являются *recast* (презентация правильного варианта ошибочного ответа, без объяснений) и *repetition* (повтор неправильного варианта ответа с указанием места ошибки). Это совпадает с выделением этих же методов в качестве неэффективных. В данном вопросе мнение большинства преподавателей ДВГУПС не совпадает с мнением тех ученых, которые считают названные способы, построенные на повторе высказывания преподавателем без объяснения, наиболее эффективными [5; 8]. Мы полагаем, что выбор нашими коллегами более явных, эксплицитных (развернутое объяснение ошибки, а также использование в качестве подсказки терминов и невербальных сигналов) и в то же время активизирующих самостоятельную деятельность обучающихся способов исправления ошибок обусловлен особенностями преподавания иностранного языка в техническом вузе, где нередко студенты имеют низкий уровень предварительной языковой подготовки и недостаточную мотивацию к изучению непрофильной дисциплины.

Таблица

Способы исправления ошибок студентов преподавателями (сводная таблица ответов)

Вопрос анкеты	Количество ответов
<i>Какие ошибки вы видите и исправляете чаще?</i>	
<i>Slips</i> (оговорка, когда обучающийся исправляется сам)	3
<i>Mistake</i> (оплошность, оговорка, когда обучающийся исправляется сам)	13
<i>Errors</i> (ошибки, сделанные в изученном материале)	20
<i>Attempts</i> (ошибки, сделанные в незнакомом материале)	4
<i>2. Какими способами, по вашему мнению, должны исправляться ошибки?</i>	
<i>Explicit correction</i> (презентация правильного ответа с пояснением ошибки)	8
<i>Recast</i> (презентация правильного ответ без пояснения ошибки)	2
<i>Clarification Request</i> (просьба о пояснении, когда преподаватель делает вид, что не понял высказывание студента)	10
<i>Metalinguistic Cues</i> (стимулирование ответа с использованием терминологии: артикль, предлог, время)	12
<i>Elicitation</i> (стимулирование, «извлечение» ответа с помощью паузы, мимики, жеста, интонации)	15
<i>Repetition</i> (повторение неправильного образца ответа с указанием места ошибки с помощью интонации)	3

Окончание таблицы

Вопрос анкеты	Количество ответов
<i>3. Какие способы исправления вы считаете неэффективными?</i>	
<i>Explicit correction</i>	3
<i>Recast</i>	9
<i>Clarification Request</i>	0
<i>Metalinguistic Cues</i>	0
<i>Elicitation</i>	2
<i>Repetition</i>	8
<i>4. Какие способы вы используете чаще всего как наиболее эффективные?</i>	
<i>Explicit correction</i>	11
<i>Recast</i>	2
<i>Clarification. Request</i>	8
<i>Metalinguistic Cues</i>	9
<i>Elicitation</i>	11
<i>Repetition</i>	4

Таким образом, мы приходим к следующим **выводам**:

- 1) среди методического сообщества нет единой точки зрения на проблему исправления ошибок;
- 2) преподаватели ДВГУПС подходят избирательно к исправлениям и единодушны в коррекции тех ошибок, которые сделаны в пройденном материале и ошибок-оговорок, которые студент не может исправить сам; наиболее эффективными способами коррекции ошибок, по их мнению, являются те, которые побуждают студента к самоанализу и самоисправлению, способствуют активизации его познавательной деятельности. Неэффективными способами считается повтор, т.е. презентация правильного ответа без пояснений со стороны преподавателя, и повторение неправильного ответа с акцентом в месте ошибки;
- 3) каждый из способов исправления ошибок в обучении иностранному языку имеет как положительные, так и отрицательные стороны. Важная роль преподавателя состоит в том, чтобы находить разумный баланс в исправлении ошибок, умело выбирать способы и техники, подводящие студента к осознанию ошибки и, следовательно, способствующие более эффективной коммуникации на иностранном языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдигалиев, С.А. Пути преодоления лексической интерференции при обучении немецкому языку (языковой вуз) : дис. ... канд. пед. наук / С.А. Абдигалиев. – Алма-Ата : АСЫХ, 1975. – 210 с.
2. Алхазивили, А.А. Теория и практика обучения устной речи на иностранном языке / А.А. Алхазивили. – Тбилиси : Ганатлеба, 1984. – 224 с.
3. Антонова, И.И. Критерии и нормы оценок монологической речи / И.И. Антонова // Иностранные языки в школе. – 1965. – № 6. – С. 86–96.

4. *Артемов, В.А.* Психология обучения иностранным языкам / В.А. Артемов. – Москва : Просвещение, 1969. – 279 с.
5. *Архарова, М.* Исправление ошибок в процессе преподавания иностранного языка: теория и практика / М. Архарова. – URL: <http://iyazyki.prosv.ru/2014/01/correction-mistakes> (дата обращения: 30.08.2020).
6. *Арутюнян, Д.Д.* Теоретическое и экспериментальное обоснование роли двуязычных упражнений при коррекции грамматических навыков (английский язык, неяз. вуз) : дис. ... канд. пед. наук / Д.Д. Арутюнян. – Москва : Феникс, 1980. – 260 с.
7. *Балыхина, Т.М.* Методика преподавания русского языка как неродного, нового / Т.М. Балыхина. – Москва : Изд-во РУДН, 2007. – 185 с.
8. *Богданова, Т.Г.* Роль исправления ошибок при обучении иностранному языку в неязыковом вузе / Т.Г. Богданова // Научный вестник ИОИМ. – 2014. – № 4. – С. 24–28. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-ispravleniya-oshibok-pri-obuchении-inostrannomu-yazyku-v-neyazykovom-vuze/> (дата обращения: 30.08.2020).
9. *Богин, Г.И.* Трудности употребления устной речи и основные пути их преодоления : дис. ... канд. пед. наук / Г.И. Богин. – Москва, 1965.
10. *Бурденюк, Г.М.* Языковая интерференция и методы ее выявления / Г.М. Бурденюк, В.М. Григорьевский. – Кишинев : Штиинца, 1978. – 179 с.
11. *Василина, В.Н.* Способы коррекции ошибок при коммуникативно-ориентированном обучении иностранному языку / В.Н. Василина // Межкультурная коммуникация и профессионально ориентированное обучение иностранным языкам : материалы IV междунар. науч. конф., посвящ. 89-летию образования Белорус. гос. ун-та (Минск, 29 окт. 2010 г.) / редкол.: В.Г. Шадурский [и др.] – Минск : Изд. центр БГУ, 2010. – С. 79–80. – URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/10116> (дата обращения: 30.08.2020).
12. *Верещагин, Е.М.* Понятие интерференции в лингвистической и методической литературе / Е.М. Верещагин // ИЯВШ. – 1968. – Вып. 4. – С. 103–110.
13. *Вященко, В.С.* Предупреждение и преодоление лексической интерференции в английской речи студентов II курса : дис. ... канд. пед. наук / В.С. Вященко. – Ленинград : Нева, 1978. – 167 с.
14. *Габдуллина, Л.Ш.* Основные ошибки при формировании переводческой компетенции у студентов неязыковых вузов / Л.Ш. Габдуллина // Казанский педагогический журнал. – 2019. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-oshibki-pri-formirovani-perevodcheskoy-kompetentsii-u-studentov-neyazykovykh-vuzov> (дата обращения: 30.08.2020).
15. *Голяндина, О.П.* Типология речевых ошибок учащихся при обучении французскому языку в средней школе : дис. ... канд. пед. наук / О.П. Голяндина. – Москва : Вега, 1991. – 187 с.
16. *Дракина, Н.И.* Предупреждение коммуникативно-значимых ошибок как средство интенсификации обучения устной речи : дис. ... канд. пед. наук / Н.И. Дракина. – Москва : Вега, 1984. – 224 с.
17. *Еганиян, Н.Г.* Методика обучения лексическому оформлению высказывания на втором иностранном языке : дис. ... канд. пед. наук / Н.Г. Еганиян. – Москва : Вега, 1986. – 224 с.
18. *Зимняя, И.А.* Психология обучения иностранным языкам в школе / И.А. Зимняя. – 2 изд. – Москва : Просвещение, 1991. – 222 с.
19. *Китайгородская, Г.А.* Методика интенсивного обучения иностранным языкам : учебное пособие для преподавателей вузов и студентов пед. институтов / Г.А. Китайгородская. – Москва : Высшая школа, 1981. – 140 с.
20. *Китросская, И.И.* Некоторые вопросы методики обучения второму иностранному языку в свете психолингвистического анализа явления переноса : дис. ... канд. пед. наук / И.И. Китросская. – Москва : МГПИИЯ, 1970. – 227 с.
21. *Клейменова, Т.М.* Дифференцированная коррекция ошибок как методический прием активизации речевой деятельности студентов (на материале обучения англ. яз. в неязыковом вузе) : дис. ... канд. пед. наук / Т.М. Клейменова. – Москва : Вега, 1991. – 190 с.
22. *Кондрашова, Н.В.* Прогнозирование и исправление студенческих ошибок при обучении иностранным языкам / Н.В. Кондрашова // Научный диалог. – 2015. – № 7 (43). – URL: nauka-dialog.ru/userfiles/ (дата обращения: 30.08.2020).
23. *Леонтьев, А.А.* О некоторых психологических особенностях усвоения ошибок (вербальная память, перевод, значение ошибок) / А.А. Леонтьев // Некоторые проблемы обучения русскому языку как иностранному. – Москва : МГУ, 1970. – С. 72–74.
24. *Меркулова, И.И.* Типичные ошибки студентов в монологической устной речи (на материале англ. яз.) / И.И. Меркулова // Функциональные стили и методика обучения иностранным языкам. – Москва : ИРМА, 1990. – С. 116–119.
25. *Павлова, И.П.* Методика коррекции ошибок в устной речи студентов языкового вуза / И.П. Павлова // Ученые записки МГПИИЯ им. М. Тореза. – 1968. – Т. 44. – С. 382–391.
26. *Пассов, Е.И.* Исправлять или не исправлять ошибки? Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению / Е.И. Пассов. – Москва : Русский язык, 1989. – 276 с.
27. *Прутских, Т.А.* Языковая интерференция в лингводидактическом аспекте / Т.А. Прутских, Н.М. Скобелева // Педагогический ИМИДЖ. – 2018. – № 3 (40). – С. 71–78.
28. *Сафиев, А.Ю.* Типичные ошибки учащихся азербайджанской школы в употреблении английских местоимений / А.Ю. Сафиев // Обучение национальным языкам в национальной аудитории : тез. докл. респ. науч. конф. – Баку, 1975. – С. 118–120.
29. *Тер-Минасова, С.Г.* Слово сочетание в научно-лингвистическом и дидактическом аспектах : учебное пособие для пед. вузов и фил. фак. ун-тов / С.Г. Тер-Минасова. – Москва : Высшая школа, 1981. – 144 с.
30. *Цветкова, З.М.* Советская методика преподавания иностранных языков / З.М. Цветкова // Материалы IV Международного методического семинара преподавателей русского языка стран социализма. – Москва : МГУ, 1964. – С. 46–49.
31. *Чикнаверова, К.Г.* Интерпретация и коррекция ошибок в речи изучающих иностранный язык / К.Г. Чикнаверова // Казанский педагогический журнал. – 2018. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/interpretatsiya-i-korrekttsiya-oshibok-v-rechi-izuchayuschih-inostrannyy-yazyk-obzorgarubezhnyh-issledovaniy> (дата обращения: 30.08.2020).
32. *Чойбонова, Б.М.* Специфика языковых ошибок в речи обучающихся на начальном этапе интенсивного обучения английскому языку (по методу активизации возможностей личности и коллектива) / Б.М. Чойбонова. – Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2009. – 232 с.
33. *Шавернева, Л.И.* Методика ошибок в употреблении лексики в устной речи / Л.И. Шавернева // Психология и

методика обучения иностранному языку в языковом вузе. – 1976. – № 4. – С. 56–59.

34. Шарыпина, Л.А. Теории ошибок в методике обучения иностранным языкам / Л.А. Шарыпина, Е.А. Озерова // Теория и методика обучения иностранным языкам и смежным лингвокультурологическим дисциплинам : сборник материалов Всерос. науч.-практ. конф. – Димитровград : Изд-во Димитровградского инженерно-технологического института – филиала федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский университет "МИФИ"», 2017. – С. 68–71.

35. Шепер, Г.М. Предупреждение типичных грамматических ошибок в письменной речи студентов 1-го курса языковых вузов (на материале нем. языка) / Г.М. Шепер. – Москва : Просвящение, 1953. – 276 с.

36. Щерба, Л.В. Языковая система и речевая деятельность / Л.В. Щерба. – Ленинград : Наука, 1974. – 428 с.

37. DeKeyser, R.M. Automotivity and automatization. In Cognition and second language instruction / R.M. DeKeyser, ed. Robinson. – Cambridge : Cambridge University Press, 2001. – P. 125–151.

38. Hendrikson, J.M. Error Correction in Foreign Language Teaching: Recent Theory, Research, and Practice / J.M. Hen-

drikson // The Modern Language. – 1978. – № 1, Vol. 62. – P. 387–398.

39. Krashen, S.D. Principles and practice in second language acquisition / S.D. Krashen. – New York : Prentice Hall, 1982.

40. Lado, R. Language teaching; A scientific approach / R. Lado. – New York : Mc.Graw Hill, 1964.

41. Lyster, R. Interactional feedback and instructional counterbalance / R. Lyster, H. Mori // Studies in second language acquisition. – 2006. – № 28. – P. 269–300.

42. Newmark, L. How not to interfere in language learning? / L. Newmark // International Journal of American Linguistics. – 1966. – № 32. – P. 77–83.

43. Newmark, L. Necessity and sufficiency in language learning / L. Newmark, D. Reibel // International Review of Applied Linguistics in Language Teaching. – 1968. – № 6. – P. 145–164.

44. Savignon, S.J. Communicative language teaching: Strategies and goals / S.J. Savignon // In Handbook of research in second language teaching and learning / eds. E. Hinkel. – Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum, 2005. – P. 635–651.

45. Sweet, H. The practical study of language / H. Sweet. – London : Dent, 1899.

DOI: 10.31079/1992-2868-2020-17-4-226-234

ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ: КУЛЬТУРНАЯ УНИКАЛЬНОСТЬ И УНИВЕРСАЛИЗМ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ МЕЖДУНАРОДНЫХ СОПОСТАВЛЕНИЙ

Часть первая

В.А. Смоляков

В статье рассматривается опыт создания политических и иных предпосылок для быстрого экономического роста стран Восточной Азии. Особое внимание уделяется проблеме взаимодействия уникальных культурных и общих институциональных факторов в экономическом развитии, которое рассматривается в сопоставлении с другими регионами.

Ключевые слова: культурный детерминизм, конфуцианство, модернизация, институты, государство развития, экономика.

EASTERN ASIA: CULTURAL UNIQUENESS AND UNIVERSALISM THROUGH THE PRISM OF INTERNATIONAL COMPARISONS

Part one

V.A. Smolyakov

The article deals with the experience of creating political and other prerequisites for rapid economic growth in East Asia. Special attention is paid to the problem of interaction of unique cultural and general institutional factors in economic development, which is considered in comparison with other regions.

Key words: cultural determinism, Confucianism, modernization, institutions, state of development, economy.

Нарратив о Восточной Азии как самом динамичном в экономике, а также весьма разнообразном в политическом и культурном отношении регионе отражается во многих публикациях. Заметим, что обобщение опыта создания политических и иных предпосылок для быстрого экономического роста (что и является задачей предлагаемой статьи) может иметь значение и для России, которая также решает историческую задачу «догоняющей модернизации».

Но что такое Восточная Азия? Исторически сложились два представления о географических рамках данного региона. Первое представление основывается на географическом (или геополитическом) подходе и, согласно ему, Восточная Азия – это примыкающая к Тихому океану восточная часть самого большого в мире Азиатского континента, которая включает два субрегиона – Северо-Восточную Азию и Юго-Восточную Азию. В этой части мира расположено шестнадцать стран. Второе представление зиждется на историко-культурном основании и ограничивает регион Восточной Азии исключительно группой стран, находящихся под влиянием конфуцианской культуры. Это Китай и примыкающие к нему пять стран, т.е. Япония, обе Кореи, Вьетнам и Сингапур. Данное раз-

личение имеет принципиальное значение при рассмотрении вопроса о культурных особенностях стран Восточной Азии, потому что конфуцианство не имеет всеобщей распространённости на Востоке Азии, а десять стран Юго-Восточной Азии выделяются значительно большим культурно-цивилизационным разнообразием. Однако в настоящее время этот подход оставляет без внимания изменения, которые произошли в Тихоокеанской Азии с конца 1990-х гг. Автор данной статьи придерживается первой из представленных точек зрения, доводом в пользу которой может служить теория социального конструирования географических регионов. В результате того, что страны Тихоокеанской Азии вступили на путь экономической интеграции и политического сотрудничества (создали в 1997 г. группы «АСЕАН плюс Три», а затем «Восточно-азиатский саммит» в 2005 г.), сформировалось представление о Большой Восточной Азии. [29: р. 251–277]. В настоящее время в этом регионе проживает 2,3 млрд чел. [35], а разворачивающиеся процессы привлекают всё большее внимание к вопросам внутреннего политического и социально-экономического развития стран Тихоокеанской Азии.

Смоляков Владимир Александрович – доктор политических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных наук Хабаровского государственного университета экономики и права.

Smolyakov Vladimir Aleksandrovich – Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Social and Humanitarian Sciences at Khabarovsk State University of Economics and Law.

E-mail: smolyakov46@mail.ru

© Смоляков В.А., 2020

Восточно-азиатский регион в массовом сознании ассоциируется с «экономическим чудом», которое за последние полвека осуществилось сначала в Японии, которая выступила в роли «вожака летящих гусей» (данное выражение появилось в 1985 г. и стало использоваться для обозначения модели разделения труда, сложившейся в Восточной Азии, ее англ. аббревиатура – FG, т.е. «The Flying Geese Pattern of Development») [25: р. 2], а затем в «четырёх малых драконах» – Гонконге, Сингапуре, Тайване и Южной Корее [31], далее, на третьем этапе, в Китае, Малайзии, Индонезии, Таиланде и во Вьетнаме. В конце 1980-х гг. даже появилось понятие «Азиатский век», которое приписывают Дэн Сяопину. В результате возник логический ряд исторических параллелей: «Азиатский век» – это XXI в., XX в. – это «Американский век», а XIX в. определяют как «Век Британской империи» [18: с. 281]. Азиатский век – это предсказываемое экспертными сообществами доминирование азиатской политики и культуры в XXI в., которое состоится при условии сохранения существующих демографических и экономических тенденций. В настоящее время народы восточно-азиатских государств находятся в состоянии поиска общей культурной идентичности, что необходимо для развития и создания в перспективе Восточно-азиатского сообщества путём экономической и политической интеграции.

Проблемы Восточной Азии в отечественной литературе до сих пор рассматриваются, к сожалению, по давно сложившемуся и устаревшему стандарту: экономика, политика и культура разделяются на изолированные сферы. В результате исследователи лишаются возможности изучать развитие Восточной Азии в комплексной взаимосвязи основных социальных сфер. Автор предлагаемой вниманию статьи поставил перед собой цель рассмотреть взаимодействие политических, социокультурных и институциональных факторов в (гео)экономике и (гео)политике региона, а также их связь с универсалистскими трендами, порождаемыми глобализацией. Эта проблема появилась в связи с развернувшимися дискуссиями о причинах и факторах, лежащих в основе «экономического чуда», произошедшего на протяжении жизни одного поколения в развитии восточно-азиатских стран. Особый интерес в связи с этим вызывают такие вопросы, как влияние культурных и (или) социально-политических факторов на хозяйственную деятельность и политику. Влияние культурных особенностей стран региона на формирование политических режимов, как и рассмотрение путей дальнейшего углубления Восточно-азиатского регионализма, также не могут быть оставлены без внимания. В настоящее время эту насущную задачу странам Восточной Азии приходится решать в сложном

геополитическом контексте, делая выбор между двумя гигантами – Соединёнными Штатами и Китаем. Следует подчеркнуть, что все эти вопросы взаимосвязаны и потому представляют собой единый комплекс. Именно в раскрытии этой взаимосвязи автор и видит свою задачу.

Учитывая сложность поставленной проблемы, мы должны сделать небольшой экскурс в область наработанных в российской и зарубежной науке методологических и теоретических предпосылок, которые легли в основу нашего анализа. Вопрос о том, почему одни страны или целые регионы успешны в области экономики, а другие нет, занимает умы не только экономистов. Ответ на него ищут также историки, политологи и даже культурологи. Список причин восточно-азиатского экономического роста может быть очень длинным. При некотором упрощении всё многообразие сформировавшихся точек зрения может быть сведено всего лишь к двум объяснительным моделям (парадигмам). В философском плане – это спор между сторонниками двух диаметрально противоположных взглядов на ход истории: согласно первой точке зрения исторический процесс имеет циклический характер; согласно второй точке зрения – развитие идёт по восходящей линейной траектории. В трактовках всемирного исторического процесса с позиций современной социологической и политической мысли – это дискуссия между адептами теории культурной предопределённости, – с одной стороны, и сторонниками теории модернизации – с другой.

Первая школа строит свои доводы на парадигме культурного детерминизма. Сторонники представлений о решающей роли культурных факторов всегда настаивали на уникальности народов и регионов. Главная теоретическая предпосылка у них – представление о культуре как некоей константе, или матрице, на которой строится вся система общественных отношений. В идеологическом плане эта группа авторов стоит на позиции идеологического консерватизма, поскольку она недооценивает необходимость модернизации общества, преувеличивает значение традиционных культур, а иногда даже стремится оградить общество от вызванных глобализацией политических и идеологических влияний. Данная парадигма может, с одной стороны, объяснять успехи в развитии экономики влиянием культурных факторов. Но, с другой стороны, она способна работать и в обратном направлении, т.е. указывать на культурные барьеры как на препятствие для экономического роста. Как известно, Макс Вебер утверждал, что религиозные ценности оказывают мощное влияние на социальные институты и что именно протестантизм с его этикой спасения в максимальной степени повлиял на развитие капитализма в Европе. [2: с. 44–344] Но, как это ни па-

радоксально, в начале XX в. М. Вебер и другие западные учёные полагали, что именно «конфуцианские ценности» были причиной недоразвитости Китая и других стран Восточной Азии. Макс Вебер в работе «Конфуцианство и даосизм» (из цикла «Хозяйственная этика мировых религий») предпринял попытку объяснить, почему капитализм современного типа мог возникнуть только на Западе, а не в том же Китае. В этом плане он заинтересовался двумя духовными течениями – протестантизмом и конфуцианством, которые нацеливали своих последователей на рациональное освоение мира. Эти религии, согласно М. Веберу, исходили из абсолютно различных мотивов, что вело к разным социальным последствиям. Выявляя различия в духовном развитии Запада и Китая в отношении влияния религиозной этики на глубинные мотивы поведения людей, Вебер пришел к выводу, что в китайской религиозной традиции «формальная и материальная рациональности находились... в конфликте» [2: с. 316]. Однако в последние полвека, благодаря «экономическому чуду», которое произошло в странах Восточной Азии, теория М. Вебера о роли протестантской этики парадоксальным образом стала применяться к объяснению достижений восточно-азиатских народов. При этом многие авторы нашли немало общих черт, объединяющих конфуцианскую этику и протестантизм. Первой работой, по утверждению известнейшего исследователя азиатской культуры Л. Пая, где эта связь была документирована, считается монография Р. Беллана, изданная в 1957 г. (Robert Bellan «Tokugawa Religion». Glencoe, Ill, Free Press, 1957) [26].

В последние годы вопрос о роли культуры стал интересовать не только культурологов, но и экономистов. Появилось даже научное направление, разрабатывающее концепцию под названием «культурный капитал», который работает наряду с другими факторами производства. Глубокое научное обоснование тезиса о том, что экономическое богатство страны определяется не одним лишь наличием природных ресурсов, политикой или технологиями, раскрывается в ряде опубликованных работ [19; 20]. В 1990-е гг. на Западе была создана даже научная организация «Вопросы культуры», которая пыталась найти ответ на вопрос о том, почему некоторые страны и этнические группы находятся в лучшем положении, чем другие, и какую роль культурные ценности играют в обеспечении политического, экономического и социального прогресса. Группа ученых, журналистов и специалистов-практиков развернула дискуссию о влиянии культуры на экономическое и политическое развитие Восточной Азии. В эту разнородную группу входили Ф. Фукуяма, Н. Глейзер, Р. Инглегарт, С.М. Липсет, О. Паттерсон, М. Портер, Д. Сакс, Р. Шведер и

другие ученые. Большинство из этих авторов, хотя и не все, пришли к выводу, что культурные ценности являются сильным фактором, содействующим развитию, а изменение ценностей является необходимым условием для будущего прогресса в слабо развитых странах.

Одно из самых интересных свидетельств уникальности восточно-азиатского мира – экономика. В пользу точки зрения о том, что регионы с разной культурой приходят часто к неодинаковым результатам, говорит опыт развития на протяжении 1980–2000-х гг. трёх отчетливо отличающихся по своей культуре регионов: Африки, Латинской Америки и Восточной Азии. Все эти регионы имели возможность делать упор на развитие рыночных механизмов, вести внешнюю торговлю и привлекать инвестиции, но при этом пришли к совершенно разным результатам. В 1950 г. по уровню ВВП на душу населения Восточная Азия уступала странам Африки [22]. Латинская Америка еще 30 лет назад обеспечивала треть всего прироста развивающихся экономик, а сейчас – лишь 12 %. И чем дальше, тем отставание больше. Латинская Америка, как сообщает обозреватель «Файнэншл Таймс» Майкл Скотт, с начала века растет темпами почти вдвое ниже других развивающихся стран – в среднем на 2,8 % в год [28]. А после завоевания независимости жизненный уровень в странах в большинстве стран Африки даже снизился. С другой стороны, статистика демонстрирует успехи Восточной Азии. Так, если в 1961 г. региональный ВВП здесь составлял только 4 % от мирового (по паритету покупательной способности, далее ППС), то в 2017 г. – уже 28 %. Как следствие, за этот же период выросли доходы: от 142 054 до 2 000 297 долл. на душу населения [35]. За последнее десятилетие на Восточную Азию приходилось около 55 % мирового роста. По прогнозам этот регион уже к 2030 г. будет приближаться или приблизится довольно близко к уровню жизни западных стран, таких как ЕС и США [12]. Вместе с этим происходит рост индекса развития человеческого потенциала, который также используется для измерения качества жизни. В истории мы знаем только один подобный прецедент – экономический подъём Западной Европы и Северной Америки в XIX–XX вв. Экономические успехи, продемонстрированные восточно-азиатскими странами, привели в 1990-е гг. к появлению концепций «Азиатские ценности», «Восточно-азиатская модель развития», «Азиатская альтернатива» и «Новый азиатский капитализм» [8], которые были положены в основу пропаганды об успешности «третьего пути» – особой Восточно-азиатской модели. Данная модель выставлялась в качестве альтернативы как коммунизму, так и западному либерализму. В этом дискурсе динамизм и сплоченность Во-

сточной Азии контрастируют с «моральным вырождением» Запада и его неотвратимым социальным крахом, а коллективизм этнических и соседских общин с индивидуализмом; семья как основа общества, бережливость, уважение к учебе, тяжелый труд, общественный долг, коллективизм противопоставляются распаду семьи, декадансу, гедонизму, эгоизму, отсутствию командной работы, беззаботности и невысокой дисциплине на Западе [23: р. 42]. В последние двадцать лет эти идеи были дополнены концепцией неоконфуцианства.

Трудно оспаривать утверждение, согласно которому за «экономическим чудом», которого добились страны Восточной Азии, стоит не только высокий уровень накопления, инвестирования капитала, активная предпринимательская деятельность или создание ориентированной на экспорт экономики. Наряду с материальными и финансовыми ресурсами имеется еще один действенный фактор – культура. Вполне возможно, что авторитарно-патриархальные традиции в странах Восточной Азии способствовали созданию атмосферы нетерпимости к неисполнительности, хозяйственной расточительности и безответственности.

Благодаря достижениям КНР в центре внимания оказались культурные ценности конфуцианства, которые сравниваются с ролью протестантизма в развитии европейской экономики с XV в. В пользу этого аргумента служит то, что в этической системе конфуцианства предпочтение отдаётся таким ценностям, как уважение к старшим и начальству, высокая трудовая этика, бережливость, образование, гармония и предотвращение конфликтов. Конфуцианство также придает большую ценность группе, чем личности. Семья, а не индивид, ставится в центр философской системы, а другие социальные группы и даже государство рассматриваются как расширение семьи, в которой индивид должен подчиняться сообществу. Выдающийся наблюдатель Т. Кох писал, что индивид в странах Восточной Азии «является не изолированным существом, а членом нуклеарной и расширенной семьи, клана, соседства, общины, нации и государства. Жители Восточной Азии полагают: что бы они ни делали или не говорили, они должны помнить об интересах других ... индивид пытается уравновесить свои интересы с интересами семьи и общества» [17: р. 6]. Следствием этого является то, что люди более сознательны, находясь в группе, в отличие от тех, кто живет на либеральном, атомизированном Западе. Азиатские люди работают на благо общества, менее эгоистичны и признают, что сплоченность и стабильность общества являются более важными и логически предшествуют правам личности. Считается, что поведение мотивируется главным образом не интересами индивидуальных

прав, а в равной степени обязанностями и ответственностью. Только через упорядоченное общество, которое сокращает излишества индивидуализма, все члены сообщества могут жить безопасной и полноценной жизнью. Правительство должно обеспечить такие условия. Групповая ориентация также связана с такими ценностями, как самоуничтожение, самодисциплина и самопожертвование во имя всеобщего блага. Все это является неотъемлемой частью представлений об общественной морали, гармонии и социальном динамизме. Уважение к семейным узам и пожилым людям, бережливость, сыновнее благочестие, трудолюбие и командная работа являются дополнительными элементами этой матрицы. При правильном руководстве – это основа для «экономического процветания, прогресса, гармоничных отношений между гражданами и правопорядка» [17: р. 6]. Несмотря на то, что классическое конфуцианство было в значительной степени размыто потоками модернизации, его остатки в сознании людей продолжают влиять на политику, экономику и массовое поведение. То, как люди живут в Китае, Японии, Корее, Сингапуре и Вьетнаме, все еще в значительной степени определяется выжившим конфуцианским культурным наследием [17].

В духе данного подхода многие авторы полагают, что конфуцианство оказало на современную Восточную Азию влияние, сравнимое с влиянием греков и римлян на современное западное общество и мышление. Значительный остаток конфуцианского мышления остается в сознании и образе жизни людей не только китайского, но и всего восточно-азиатского мира. Его можно наблюдать как на социально-психологическом, так и на микроэкономическом уровне [16: р. 259–276; 32; 33; 34: р. 277–293].

То, что конфуцианство обладает некоторыми свойствами, которые способствуют экономическим достижениям, подтверждается эмпирическим исследованием, проведенным в 65 странах мира под руководством Р. Инглегарт [13: р. 19–51]. На одной культурологической карте эти авторы показали распределение 65 стран на основе двух показателей межкультурных вариаций, а на другой карте представили распределение этих же стран по хозяйственным зонам. Карта, которая проходит по границам протестантской, экс-коммунистической, конфуцианской, католической и англоязычной культурных зон почти полностью совпадает с соответствующими экономическими зонами другой карты. Конфуцианство по таким измерениям, как стремление к самовыражению и рационализму, находится ближе всех других культур и верований к протестантизму и располагается также в зоне высоких экономических достижений [3: С. 143–153].

Сегодня восточно-азиатские народы отказываются отождествлять экономическую модернизацию

с вестернизацией. Они все больше начинают верить, что их экономический успех основан не на усвоении западных ценностей, а на следовании традиционным «азиатским ценностям» [36: р. 109–126]. Спор о методах макроэкономической политики выразился, в частности, в том, что в противовес «Вашингтонскому консенсусу» был выдвинут «Пекинский консенсус». Если первый строится на идеологии неолиберализма, то второй – на концепции государственного интервенционизма. Возможно, что это модифицирующееся чувство культурной идентичности будет и в дальнейшем обеспечивать экономическую и политическую интеграцию региона. Этому будет способствовать то, что в последние десятилетия уже начала формироваться новая или обновленная восточно-азиатская политическая философия. Никто еще не знает, насколько важную роль азиатское культивирование общих ценностей сыграет в тихоокеанском мире в XXI в. Однако вполне вероятно, что если политическая философия Тихоокеанской Азии действительно появится, то её ядром скорее всего станет неоконфуцианство.

Парадигме культурного детерминизма противостоит вторая теоретическая школа – различные вариации на тему модернизации, которую представляют в качестве императива для развивающихся стран. Теория модернизации, исходя из работ К. Маркса, М. Вебера, Э. Дюркгейма и других авторов, приводит доказательства в пользу тезиса, что «промышленное развитие следует логически последовательной закономерности роста и в своё время создаст единообразные социальные и политические структуры, объединяющие разные культуры и страны» [5: с. 121]. Модернизация имеет в своей основе рационализацию всех сфер общественной жизни, которая по идее должна нивелировать существующие социокультурные различия. Начиная от К. Маркса с его методологией экономического детерминизма и заканчивая современным либеральным течением, которое представлено такими авторитетами в рассматриваемой области, как Ф. Фукуяма, Ф. Закария, А. Пшевортский, С.М. Липсет и др., мейнстримом проходит идея, что ведущая роль в развитии общества принадлежит экономике и технологиям. К этому следует добавить еще то, что отличие современного либерализма от марксизма состоит в том, что ключевая роль в теориях либеральных теоретиков отводится не коммунизму, а капиталистическому рынку, конкуренции и экономической глобализации. Позиция либеральных сторонников тезиса об универсальности (или, по марксистской терминологии, о доминировании общих закономерностей над культурно-национальными особенностями) основывается на том, что все народы и страны идут столбовой дорогой экономического и социального прогресса, ко-

торой уже прошел Запад, заимствуя его опыт и социальные институты. То есть все отстающие общества должны пройти через «вестернизацию». Императивы экономики диктуют потребность в развитии рынка и экономической интеграции, а затем и политической демократии. Как пишут Р. Инглетарт и У. Бейкер: «...центральный тезис теории модернизации состоит в том, что хозяйственный рост обуславливает параллельные, причем до некоторой степени предсказуемые изменения в культурной, общественной и политической жизни» [3: с. 143].

Аргументы оппонентов культурного детерминизма сводятся к следующим моментам.

Во-первых, в Восточной Азии культурные традиции, как и повсюду в мире, играют неоднозначную роль. К негативным моментам относятся такие унаследованные от прошлого поведенческие модели, как клиентелизм [9: р. 91–113], nepотизм, коррупция и кроунизм (привилегии в бизнесе для приближенных главы государства за счет национальной экономики). К тому же культура не является некоей постоянной величиной и не может предопределять судьбы наций. В результате глобализации и модернизации она постоянно трансформируется. Кросскультурные коммуникации, развитие институтов и образования оказывает на неё значительное модифицирующее влияние. Вопреки афоризму Р. Киплинга, который заявлял: «Запад есть Запад, Восток есть Восток и вместе им никогда не сойтись», конвергенция ценностей в современном мире все-таки происходит. (См. об этом подробнее, например, у Р. Инглетарта и У. Бейкера) [3: с. 143]. Поэтому уникальность отдельных культур постепенно уступает дорогу универсальности. Дополнительным аргументом против тезиса об определяющей роли культуры служит также то, что этнические, религиозные и национальные различия между восточно-азиатскими народами остаются значительными. С. Хантингтон подчеркивает в своей широко известной работе: «Азия представляет собой котёл цивилизаций. В одной только Восточной Азии расположены страны, принадлежащие к шести цивилизациям – японской, китайской, православной, буддистской, мусульманской и западной» [7: с. 345].

Во-вторых, на поведение людей в экономике влияют прежде всего побудительные мотивы материального свойства. Всё объясняется тем, что независимо от культурных традиций «экономический человек» одинаково реагирует на одни и те же стимулы. Хотя бывает и обратное: люди одной и той же культуры, попав в разные социально-экономические системы, могут реагировать на разные стимулы по-разному. Тезис, согласно которому культура не может быть непреодолимым препятствием для процветания, подтверждается еще и тем, что культура меняется медленно, а экономическая

жизнь – сравнительно быстро. Одни и те же страны, с той же культурой могут переходить от застоя к подъёму, когда меняются политические условия. История современного Китая подтверждает этот тезис.

Аналогом эксперименту в социальных науках может служить метод компаративистики, который позволяет сравнить эффективность альтернативных экономических систем, которые одновременно действуют в одной и той же культуре. Для этого полезно рассмотреть естественно-исторический эксперимент, поставленный разделёнными странами. В Восточной Азии поучительным примером служат Северная и Южная Корея, а также Тайвань и Китайская Народная Республика. С 1949 г. Тайвань и Китайская Народная Республика начали раздельное существование с примерно одним и тем же уровнем жизни. Но уже к 1989 г. благодаря рыночной экономике ВВП на душу населения Тайваня был в 21,4 раз выше, чем соответствующий показатель огосударственной плановой экономики КНР [5: с. 167–168]. Демонстрационный эффект Тайваня стал толчком, побудившим Пекинское руководство во главе с Дэн Сяопином начиная с декабря 1990 г. вступить на путь «реформ и открытости». Еще один пример. Северная Корея владеет большей частью минеральных ресурсов полуострова и когда-то была богаче своего южного соседа. Однако десятилетия неэффективного управления и милитаризованной экономики оставили Север глубоко обнищавшим обществом. Южная Корея еще в конце 1950-х гг. считалась слаборазвитой страной с некомпетентным и коррумпированным управлением. Но уже к 1960 г. Республика Корея и КНДР стали иметь примерно равный уровень ВВП на душу населения. Начиная с 1970-х гг. Юг страны приступил к рыночным преобразованиям, а также интегрировался в международную экономику. В результате к 1990 г. он уже в четыре раза превосходил Северную Корею, выбравшую самоизоляцию и сталинскую модель экономики [5: с. 168]. С тех пор Северная Корея по вполне понятным причинам не публикует собственную экономическую статистику. Только внешние оценки являются единственными доступными цифрами её показателей. И эти данные демонстрируют следующее: валовой национальный доход КНДР в 2018 г. оценивался в 35,9 трлн вон (\$30,35 млрд) – всего 2 % от аналогичного показателя Юга. Доход на душу населения КНДР составил \$1119 в прошлом году, в то время как на юге был в 26 раз выше [15]. Неолиберальные теоретики среди факторов выделяют роль свободного рынка и конкуренцию, которые развязали руки частным корпорациям. Из этого можно заключить, что все быстрорастущие восточно-азиатские экономики – включая китайскую – преуспели благодаря подключению к ширящимся силам глобализации, через

свободную торговлю и свободные потоки капитала. Внешние условия, обеспеченные США, и экономическая поддержка извне не имели первостепенного значения. Самыми успешными экономиками стали те государства, в которых допускается высокая степень конкуренции на внутренних рынках и открытость экономики ради интеграции в международные рынки.

В-третьих, большое влияние на развитие восточно-азиатских стран оказывают позаимствованные у Запада и уже получившие постоянную прописку во всех регионах Земного шара политические и экономические институты. Д.В. Аджемоглу в получившей широкую известность работе «Почему одни страны богатые, а другие бедные» показывает, что между экономическими и политическими институтами имеется интенсивная синергия. И делает следующий вывод: «Политические и экономические институты, которые выбирает себе страна, могут быть инклюзивными и способствовать экономическому росту, а могут быть экстрактивными (потому что их главная функция – высасывать ресурсы из общества в интересах правящей группы. – В.С.) и экономическому росту препятствовать» [1: с. 114, 117]. Еще раньше стейтисты-институционалисты в целях убедительного объяснения причин «Азиатской модели успеха» выдвинули концепцию «государства развития» (англ. *developmental state*), которая первоначально была разработана Чалмерсом Джонсоном в 1982 г. Он использовал ее для объяснения японского подхода к экономической политике, утверждая при этом, что Япония первой представила «парадигмальный пример государства развития» [14]. Данное понятие носит типологический характер и противопоставляется двум другим понятиям. Одно из них – «регулирующее государство» (например, в США), которое предоставляет максимум экономических свобод и не стремится управлять бизнесом. Второе понятие – «хищническое государство» (англ. *Predatory state*). Такие институциональные типы имеют широкое распространение во всём мире, но доминируют в африканских странах. С тех пор концепция «государства развития» широко используется для обозначения общей модели развития, которую мы можем наблюдать в Восточной Азии. Согласно этой идее государство должно в системе своих приоритетов на первое место ставить внутреннее развитие страны и проводить активную экономическую политику. Борьба за международное влияние и геополитическое соперничество в данной системе должны отойти на второй план [11: р. 6]. После экономического подъема Японии многие другие государства, особенно Китай, стали подражать японской стратегии [11]. Данный тип государственного управления многие авторы рассматривают в контексте конфу-

цианской традиции меритократического лидерства. Вслед за Японией на этот путь вступили Дэн Сяопин (Китай), Пак Чжон Хи (Южная Корея), Чан Кайши (Тайвань), Ли Кун Ю (Сингапур). «Все эти лидеры, – пишет До Чул Шин, – работали ради национального процветания и общественного благосостояния, которые они ставили перед собой в качестве высшей цели» [27: р. 43]. Популяризатором восточно-азиатской модели «сильного государства» является, в частности, Фрэнсис Фукуяма, который пишет следующее: «По любым меркам качество бюрократического аппарата государств Восточной Азии превышало таковое в их аналогах-двойниках в Латинской Америке, что было важным фактором, объясняющим их потрясающий экономический фокус» [6: с. 58–59].

В-четвертых, было бы неправильным мнение, что хорошие институты являются единственным слагаемым экономического успеха. Среди факторов достижений восточно-азиатских стран в экономике некоторые авторы ставят на первое место не культуру и не формальные институты, а политику, проводимую местными элитами. Имеется в виду элитная технократическая группа, которая рассматривает рост экономики в качестве высшего национального приоритета и при этом обеспечивает экономически грамотное руководство. Экономический успех и рост благосостояния подданных является для этих деятелей не только проявлением служения нации, но и способом укрепления легитимности власти. «Необходимо с самого начала развеять эти мифы (об определяющей роли культуры. – В.С.) и подчеркнуть роль политики в достижении экономического успеха. Рост в Восточной Азии был обеспечен главным образом за счет грамотного проведения соответствующей политики, а не спонтанного проявления некоторых присущих этому региону характеристик, таких как усердие или конфуцианство», – к такому выводу приходит, например, японский исследователь Кеничи Оно в своей статье «Восточно-азиатский режим роста и политическое развитие». Этот автор приводит расчеты, которые доказывают, что имеется сильная положительная корреляция (коэффициент, равный 0,90) между двумя показателями – широким спектром достижений в области управления, с одной стороны, и темпами экономического развития в ряде восточно-азиатских стран – с другой [24: р. 39; 30]. Все восточно-азиатские страны ориентированы на рост экономики, который рассматривается в качестве ответа на внутренние и внешние вызовы. Причем в этой модели успеха политика роста является первостепенной, а социальная политика – второстепенной. Экономия на социальных расходах позволила обеспечить в ряде восточно-азиатских стран довольно высокую долю накопле-

ния: более трети валового национального продукта. Одновременно с ориентацией на развитие экспорта государство обеспечило строгий экономический протекционизм в интересах национальной промышленности и торговли. С другой стороны, опыт стран Латинской Америки свидетельствует, что непоследовательная и некомпетентная политика государства часто тормозит экономическое развитие. Примером неэффективного государственного управления является одна из латино-американских стран – Аргентина. Как пишет обозреватель «Файнэншл Таймс» М. Скотт, эта страна за последние четверть века металась из крайности в крайность: то привязывала валюту, то отпускала ее, то открывала границы для торговли, то закрывала; сначала провела масштабную приватизацию, через 10 лет – национализировала все обратно. Налоговое законодательство за это время поменялось 80 раз, бюджетное – 16 раз [28].

Российский востоковед и политолог Алексей Кива в статье «В чем сила регулярно сменяемой власти. России стоило бы освоить китайский опыт» среди важнейших факторов, обеспечивших экономические достижения Китая, даже не называет конфуцианскую культуру. Он, как и цитировавшиеся выше авторы, подчеркивает роль политической элиты (т.е. руководства Коммунистической партии Китая), которая поставила перед нацией «сверхзадачу» – «все силы направить на прорыв Китая в мир развитых стран в кратчайшие по историческим меркам сроки». В этом особую роль сыграла «политика реформ и открытости» Дэн Сяопина. Он создал хорошо отлаженную систему политического лидерства и государственного управления, составными частями которой стали регулярная сменяемость власти, коллективность руководства и тщательный подбор кадров. Благодаря этой системе исключается волюнтаризм первых лиц, – пишет этот автор. На второе место А. Кива ставит верховенство закона и строгую защиту собственности [4].

На основании всего изложенного выше можно прийти к следующему выводу. Нет одного-единственного «методологического ключа» к ответу на вопрос о причинах феноменального успеха восточно-азиатских стран. Представляется, что критика культурного детерминизма должна быть сбалансированной, т.е. не вести к отрицанию того, что культурные факторы все-таки оказывают несомненное влияние на развитие политико-административных институтов и потенциалов государства. Если исходить из неинституционалистской методологии, то мы должны рассматривать ценности и действующие нормы в качестве органичной составляющей самих институтов. Фактор культуры взаимодействует с другими факторами – социально-экономической системой, политическими институтами, эф-

фективностью режима и степенью его гибкости, причем ни один из факторов не имеет главенствующего значения. Для того, чтобы лучшие качества конфуцианства получили возможность беспрепятственно реализовываться, необходимы способствующие этому социальные институты и разумная экономическая политика. Некоторые ученые считают, что упомянутое выше государство развития не могло бы сложиться в иных культурных средах, кроме как в конфуцианской. В отличие от западной политической традиции восточно-азиатская традиция не стремится к сокращению власти государства и не пытается жестко разграничивать личную, частную сферу жизни индивидов, с одной стороны, и публичную, государственную – с другой. Данное государство является сильным не только с точки зрения его высокой управленческой эффективности, но и благодаря его высокому моральному авторитету. Одна из конфуцианских ценностей, которую часто отождествляют с государством развития, – это символизм массового сознания, включающий представления о том, что государство существует исключительно ради благосостояния людей (Hood, 1988; Doh Chull Shin, 2011). Вторая конфуцианская ценность, которая обеспечивает поддержку государству развития, – это почтительное отношение к авторитету и уважение к иерархии. «Вместе взятые эти два принципа: правительство существует ради блага людей и уважение к власти, вытекают из традиции конфуцианской семейственности, которая, в свою очередь, опирается на патерналистские и иерархические ценности. Эти ценности подкрепляют две существенные характеристики государства развития: централизацию проводимой властью политики и активное вмешательство государства в рыночную экономику», – пишет известный исследователь роли конфуцианской традиции в восточно-азиатской политике До Чул Шин [27: р. 43–44]. Итак, можно сделать вывод, что «секрет» восточно-азиатского успеха вытекает из триединства культуры, государственных институтов и эффективного управления, которое осуществляют компетентные и благожелательные к интересам общества элиты. Метафорой для выражения этой мысли мог бы стать образ хорошего программного обеспечения (software), оборудования (hardware) и грамотного пользователя (user).

Таким образом, культурные ценности создают предпосылки для экономического и политического успеха только тогда, когда они влияют на поведение людей через инклюзивные государственные институты и продуманную экономическую политику. В этом случае возникает приносящий успех эффект синергии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аджемоглу, Д.* Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты / Дарон Аджемоглу, Джеймс Робинсон. – Москва, 2016. – 693 с.
2. *Вебер, М.* Протестантская этика и дух капитализма / М. Вебер // Избранные произведения : пер. с нем. – Москва : Прогресс, 1990. – 808 с.
3. *Инглегарт, Р.* Модернизация, культурные изменения и устойчивость / Р. Инглегарт, У. Бейкер // Теория и практика демократии. – Москва : Ладомир, 2006. – С. 143–153.
4. *Кива, А.* В чем сила регулярно сменяемой власти. Россия стоило бы освоить китайский опыт / Алексей Кива // Независимая газета. – 2020. – 8 июля.
5. *Фукуяма, Ф.* Конец истории и последний человек / Фрэнсис Фукуяма. – Москва, 2005. – 588 с.
6. *Фукуяма, Ф.* Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке / Фрэнсис Фукуяма. – Москва, 2006. – 220 с.
7. *Хантингтон, С.* Столкновение цивилизаций / Самюэль Хантингтон. – Москва, 2005. – 603 с.
8. *Berger, P.L.* Search of an East Asian Development Model / Peter L. Berger, Hsin-Huang Michael Hsiao. – New Brunswick, N.J. : Transaction Books, 1988.
9. *Bruce, R.* Patron-Client Politics and Political Change in Southeast Asia / Ronald Bruce St John // The American Political Science Review. – № 66(1). – P. 91–113.
10. *Deng Xiaoping Wenxuan* (Selected Works of Deng Xiaoping). – Beijing : Renmin chubansh: (People's Publishing House). – Vol. 3. – P. 281.
11. *Envall, H. D. P.* Reflections on Governance and Democracy in Asia and Japan / H. D. P. Envall // Australian National University. – 2013. – Vol. 13, Is. 4. – December 15.
12. *Gruen, D.* Asia's economic challenges and policy choices / David Gruen // East Asia Forum. Economics, Politics and Public Policy in East Asia and the Pacific. Australian Treasury. 11 March 2014. – URL: <http://www.eastasiaforum.org/2014/03/11/asias-economic-challenges-and-policy-choices> (accessed: 15.09.2020).
13. *Inglehart, R.* Modernization, Cultural Change and the persistence of Traditional Values / R. Inglehart, W.E. Baker // American Sociological Review. – 2000. – February. – P. 19–51.
14. *Johnson, C.* MITI and the Japanese Miracle / C. Johnson. – Stanford : Stanford University Press, 1982.
15. *Kaye, B.* North Korea economy shrinks most since 1990s famine: Seoul Trade lowest in a decade as sanctions bite Buzz Kaye / B. Kaye // Asia Times. – 2019. – July 29.
16. *King, A.Y.C.* The Transformation of Confucianism in the Post-Confucian Era: The Emergence of Rationalistic Traditionalism in Hong Kong / Ambrose Y.C. King // Confucian Traditions in East Asian Modernity: Moral Education and Economic Culture in Japan and the Four Mini-Dragons / Ed. By Tu Wei-ming. – Cambridge : Harvard University Press, 1996. – P. 259–276.
17. *Koh, T.* The 10 Values Which Undergird East Asian Strength and Success / Tommy Koh // The International Herald Tribune. – 1993. – December 11–12.
18. *Loong Lee Hsien.* The Endangered Asian Century 4 июня 2020 года / Lee Hsien Loong. – URL: <https://www.foreignaffairs.com/> (accessed: 15.09.2020).
19. *Harrison, Lawrence E.* Who Prospers? How Cultural Values Shape Economic and Political Success / Lawrence E. Harrison. – 1992.
20. *Harrison, Lawrence E.* How Values Shape Human Progress / Lawrence E. Harrison, Samuel Huntington, Culture Matters. – New York : Basic Books, 2001. – 383 p.

21. International Monetary Fund World Economic Outlook. – 2017. – April.

22. *Maddison, A.* The World Economy: A Millennium Perspective / A. Maddison. – Paris : OECD Development Centre. Maegawa, K., 2001.

23. Mahathir bin Mohamad. Interview // Asia week. – 1995. – September 8.

24. *Ohno, K.* The East Asian Growth Regime and Political Development / Kenichi Ohno // Diversity and Complimentarity in Development Aid: East Asian Lessons for African Growth. – Tokyo : GRIPS Development Forum, 2008.

25. *Okita, S.* Special presentation: prospect of Pacific economies / Sabro Okita // Korea Development Institute. Pacific cooperation: issues and opportunities: Report of the Fourth Pacific Economic Cooperation Conference. – Seoul, Korea, 1985. – April 29 – May 1. – P. 18–29.

26. *Pye, L.* Political Culture and Political Development / Co-Editor and Co-Author Lucian Pye // Political Development. – Princeton : Princeton University Press, 1965. – Vol. 5.

27. *Shin, D.C.* Confucianism and Democratization in East Asia / Doh Chull Shin. Cambridge University Press, 2011. – 366 p.

28. *Stott, M.* Latin America faces a second "lost decade" / Michael Stott // Financial Times. – 2019. – November 16.

29. *Takashi, T.* Constructing an 'East Asian' Concept and Growing Regional Identity: From EAEC to ASEAN + 3 / Tera-da Takashi // Pacific Review. – 2003. – 6(2). – P. 251–277.

30. The East Asian Miracle: Economic Growth and Public Policy: Main report (English). A World Bank policy research report Washington. – D.C. : World Bank Group. – URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/975081468244550798/Main-report> (accessed: 15.09.2020).

31. *Vogel, E.F.* The Four Little Dragons: The Spread of Industrialization in East Asia / Ezra F. Vogel. – Cambridge : Harvard University Press, 1991.

32. *Wei-ming.* The Confucian World Observed: A Contemporary Discussion of Confucian Humanism in East Asia / Wei-ming, M. Hjetmanek, A. Wachman ; Tu Weiming, Milan Hejtmanek, Alan Wachman, eds. – Honolulu : East-West Center, 1992.

33. *Wei-ming.* Confucian Traditions in East Asian Modernity: Moral Education and Economic Culture in Japan and the Four Mini-Dragons / Wei-ming / Tu Wei-ming, ed. – Cambridge : Harvard University Press, 1996.

34. *Wong, J.* Promoting Confucianism for Socioeconomic Development: The Singapore Experience / John Wong // Institute of East Asian Philosophies. – 1991. – P. 277–293.

35. World bank, 2016 // International Monetary Fund World Economic Outlook. – 2017. – April. – URL: <https://data.worldbank.org/region/east-asia-and-pacific> (accessed: 15.09.2020).

36. *Zakaria, F.* Culture is Destiny: A Conversation with Lee Kua Yew / Fareed Zakaria // Foreign Affairs. – 1994. – № 73 (March-April). – P. 109–126.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

DOI: 10.31079/1992-2868-2020-17-4-235-238

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ А.В. АКЧУРИНА «ЛИЧНОСТЬ ПЕНИТЕНЦИАРНОГО ПРЕСТУПНИКА: КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ»

Н.Е.Мерецкий

Н.Г. Шурухнов

Рассматривается содержание монографии, акцентируется внимание на личности пенитенциарного преступника, дается его характеристика, чтобы видеть дальше, делать обоснованные выводы, вносить предложения, реально представляющие интерес для конкретного направления деятельности, предлагать практически значимые рекомендации, давать стратегические советы.

Ключевые слова: рецензия, монография, криминалистика, личность пенитенциарного преступника.

REVIEW OF THE MONOGRAPH «PERSONALITY OF A PENITENTIARY CRIMINAL: A CRIMINALISTICS ASPECT» BY AKCHURIN A.V.

N.E. Meretskiy

N.G. Shurukhnov

The article reviews the content of the monograph, focuses on the personality of the penitentiary offender, gives his characteristics in order to see further, to draw informed conclusions, to make proposals that are really of interest for a specific area of activity, to offer practically significant recommendations, and to give strategic advice.

Key words: review, monograph, forensic science, personality of a penitentiary offender.

Несомненный интерес для юридической науки и практики расследования преступлений, особенно совершенных в учреждениях уголовно-исполнительной системы (УИС) России, представляет вышедшая в издательстве «Юрлитинформ» (Москва, 2019. 224 с.) монография начальника кафедры уголовного процесса и криминалистики Академии ФСИН России кандидата юридических наук, доцента А.В. Акчурина, посвященная криминалистическим аспектам личности осужденного, совершающего преступления в период отбывания уголовного наказания в виде лишения свободы. Ее актуальность подтвержда-

ется высокой степенью криминальной активности лиц, отбывающих уголовные наказания в виде лишения свободы, недостаточной научной разработанностью проблем борьбы с пенитенциарными преступлениями, в том числе вопросов криминалистического обеспечения расследования. Актуальность избранной автором темы широко раскрыта и обоснована во введении научного издания.

Изучение содержания монографии позволяет сделать вывод о том, что автором избран правильный методологический подход к исследованию. Представленный объект изучался, во-первых, с по-

Мерецкий Николай Евгеньевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Meretskiy Nikolay Evgenievich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Department of Criminal Law Disciplines at Far Eastern State Transport University (Khabarovsk).
E-mail: kaf_ugpd@festu.khv.ru

Шурухнов Николай Григорьевич – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Тульского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России).

Shurukhnov Nikolay Grigorievich – Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Professor of the Department of Criminal Law Disciplines at the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia).

E-mail: matros49@mail.ru

© Мерецкий Н.Е., Шурухнов Н.Г., 2020

зиции получения нового знания, другими словами, в процессе деятельности по достижению знания, во-вторых, как результат, итог этого процесса. Таким образом, налицо две методологии: с одной стороны, методология научного исследования; с другой – анализа существующего и существовавшего (исторический аспект) научного знания. Как полагают рецензенты, в книге нет преимущества одного перед другим, соблюден равномерный баланс: пятьдесят на пятьдесят. Это правильный подход: чтобы видеть дальше, делать обоснованные выводы, вносить предложения, реально представляющие интерес для конкретного направления деятельности, предлагать практически значимые рекомендации, давать стратегические советы, нужно располагать массивом исторических сведений и современных эмпирических данных об исследуемых проблемах. Ведь история и современность – два взаимосвязанных феномена, они не должны представляться в отрыве один от другого. Только такая связка расширяет границы нашего познания, наращивает объем получаемых знаний. Именно такой путь избрал автор рецензируемой монографии.

Обозначенному методологическому подходу соответствует и структурное построение монографии. В первой главе – «Личность пенитенциарного преступника как объект криминалистического познания» – значительное внимание уделено соотношению понятий «личность преступника» и «личность пенитенциарного преступника». Для проводимого исследования это действительно исходные положения, к тому же во взглядах ученых по этому вопросу нет единства мнений. Их разнообразие, по понятным причинам, затрудняет определение стратегии научного поиска. Автор взял за основу три направления изучения индивида: 1) гражданин в социальной среде¹; 2) человек в противоправной деятельности²; 3) субъект, отбывающий наказание в виде лишения свободы, как представитель пенитенциарной преступности³. Опираясь на исследования перечисленных и других ученых, в представленном издании делается вывод о том, что для целей изучения понятия «пенитенциарный преступник» (в криминалистическом аспекте) целесообразнее рассматривать его в двух смыслах. «В широком смысле под личностью пенитенциарного преступника следует понимать личность осужденного, совершившего преступление в период отбывания наказания в любом исправительном учре-

ждении, предусмотренном уголовно-исполнительным законодательством. В узком смысле слова под личностью пенитенциарного преступника следует понимать осужденного, совершившего преступление в период отбывания наказания в исправительном учреждении, предполагающем охрану» [1: с. 25–26].

Для целей эффективного расследования автором показаны специфика и особенности изучения личности пенитенциарного преступника, влияние условий отбывания наказания на ее криминализацию, в том числе обусловленных нормами и традициями (субкультурой) уголовной среды. На основе анализа огромного пласта научной литературы по проблематике исследования справедливо отмечается, что личность преступника проявляется в определенных способах совершения преступления, приемах его сокрытия и противодействия расследованию.

Гипотезами монографии являются предположения о том, что: биологические, психологические и социальные начала человека находятся в единстве, взаимовлиянии, взаимообусловленности, а также в конкретных противоречиях, что должно использоваться при расследовании совершенных преступлений. Это относится и к выявлению причин и условий, способствовавших осуществлению конкретного преступления (свойства личности правонарушителя, социальная среда в местах лишения свободы), и к установлению способа совершения преступления, приемам противодействия расследованию лиц, принимавших участие в консультировании преступника, обучавших применению средств, используемых в противоправной деятельности, непосредственно причастных к его совершению.

Во второй главе – «Характеристика личности пенитенциарного преступника, совершающего отдельные виды преступлений» – раскрывается содержание особенностей свойств личности субъектов пенитенциарных преступлений в зависимости от характера и общественной опасности осуществляемых ими преступлений. Автором совершенно обоснованно связываются закономерности формирования личности с избранием способа совершения, вида преступления в конфликтной (неконфликтной для мошенников) ситуации. Представленные характеристики, несомненно, актуальны для дальнейшего исследования и учета в практической деятельности сотрудников воспитательных, режимных, оперативных подразделений учреждений уголовно-исполнительной системы, а также при проведении следственных действий (в первую очередь неотложных) по конкретным уголовным делам.

Автором представлены характеристики пенитенциарных преступников, совершающих убийство, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, мошенничество, незаконный оборот наркотиков, дачу взятки, побег из места лишения свобо-

¹ В соответствии с исследованиями Б.Г. Ананьева, Л.П. Буева, А.В. Дроздова, Т.В. Мордовцева.

² Исследования Ю.М. Антояна, В.Г. Беляева, Н.Т. Ведерникова, Б.С. Волкова, А.И. Долговой, В.А. Жбанкова, К.Е. Игошева, В.Н. Кудрявцева, Н.С. Лейкиной, А.Б. Сахарова.

³ Работы Е.А. Антояна, А.Я. Гришко, А.Г. Емельянова, О.А. Майорова, С.А. Хохрина, Н.Г. Шурухнова.

ды, дезорганизацию деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества. Особо интересна и практически значима характеристика лиц, склонных к мошенничеству и преступлениям в сфере незаконного оборота наркотиков. Следует подчеркнуть, что выделены самые распространенные противоправные деяния осужденных, представляющие сложность для расследования. Отмечая практическую составляющую монографии применительно к обозначенной главе, следует сказать, что она построена на обширном эмпирическом материале, раскрывающем свойства личности конкретных преступников, их влияние на выбор вида совершаемого преступления, соучастников, времени, места, приемов сокрытия, конкретных направлений противодействия расследованию.

Примечательно, что работа снабжена множеством таблиц, наглядно показывающих количество судимостей, вид ранее совершенных преступлений, мотив противоправного деяния, время суток, дни недели, характер следов. Все это показывает практическую направленность работы, значимость для последующей разработки различных видов методик расследования преступлений, и не только совершаемых осужденными в период отбывания наказания в виде лишения свободы. Подчеркнем, и это является важным, автор ищет пути, как совершенствовать методические рекомендации расследования преступлений, какой путь избрать в качестве оптимального для того, чтобы криминалистическая характеристика преступления всякий раз стала более содержательной, а ее корреляции позволяли устанавливать различные обстоятельства совершенного преступления.

Третья глава названа «Основные направления использования данных о личности пенитенциарного преступника при расследовании и профилактике преступлений, совершаемых осужденными в исправительных учреждениях». Она посвящена трем направлениям использования данных о личности пенитенциарного преступника при раскрытии преступлений: 1) в процессе организации и планирования расследования; 2) при производстве следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий; 3) в профилактике преступлений в местах лишения свободы.

Заслуживает внимания разработка проблемных вопросов проведения процессуальных действий, оперативно-розыскных мероприятий по фактам совершения преступлений в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Подчеркнута избыточная конфликтность ситуаций, связанных с возбуждением уголовных дел, указаны проблемы взаимодействия при организации расследования пенитенциарных преступлений, указаны отдельные направления повышения ее эффективности. Эти ас-

пекты всегда подлежат изучению и с точки зрения криминалистического предупреждения (профилактики), и с точки зрения организационно-управленческой деятельности администрации учреждений уголовно-исполнительной системы, а также расследования по конкретному уголовному делу.

Предлагаемые решения, выводы, характеристики, по нашему мнению, позволят решать проблемы выявления лиц, потенциально склонных к совершению конкретных преступлений и их видов, а также предупреждения их противоправных проявлений; создания предпосылок для снижения рецидива преступлений при отбывании наказания в учреждениях уголовно-исполнительной системы, обеспечения (в определенной мере) управляемости процессами, происходящими в среде осужденных. А также эффективно устанавливать лиц, имеющих причастность к совершению преступлений, проводить следственные действия и осуществлять оперативно-розыскные мероприятия для решения проблемы доказывания; совершенствовать систему криминалистического и профилактического учета лиц, от которых с большой долей вероятности можно ожидать преступной активности. В этой части не менее важно успешно формировать компетенции у обучающихся в процессе освоения учебных программ по дисциплинам «Криминалистика», «Оперативно-розыскная деятельность», «Криминология», что указывает на междисциплинарный характер исследования. Полагаем, что подобные издания способны повысить профессиональную подготовку сотрудников воспитательных, режимных и оперативных подразделений в процессе проведения проверок по фактам совершения преступлений на территории учреждения уголовно-исполнительной системы, производства неотложных следственных действий, а также в организации взаимодействия со следователем при расследовании конкретных пенитенциарных преступлений.

Обратим внимание, что автором последовательно, достаточно глубоко и объективно исследованы общественные отношения, связанные с проблемами расследования преступлений, совершаемых осужденными в процессе отбывания наказания, особенностями изучения личности осужденного в процессе его установления (когда личность преступника не установлена). Особое внимание обращено на следующие корреляции: личность пенитенциарного преступника – способ совершения преступления – обстановку – приемы сокрытия, противодействия расследованию – особенности тактики производства следственных действий в условиях учреждений уголовно-исполнительной системы.

Научная значимость монографии определяется тем, что А.В. Акчуриным исследовано современное состояние преступности в учреждениях уголовно-

исполнительной системы, обстоятельно установлены отдельные данные криминалистической характеристики пенитенциарных преступлений, их особенности, предложены конкретные направления использования в процессе расследования.

Представляет научный и практический интерес солидная эмпирическая база, собранная и изученная автором монографии для интерпретации свойств личности пенитенциарных преступников в целях исследования закономерностей в рамках науки криминалистики. Результаты работы подтверждают важный вывод о том, что проблема пенитенциарной преступности обусловлена особенностями функционирования традиций уголовной среды, стремлением приобрести или сохранить (особенно важно для нейтральной категории осужденных) свой социальный статус в неформальных отношениях уголовной среды, а также недостатками организации воспитательной работы, режима и оперативно-розыскной деятельности.

В качестве авторского пожелания выскажем следующее. Как представляется, применительно к личности правонарушителя (пенитенциарного преступника) предпочтительнее говорить о свойствах его личности. Это обусловлено: 1) биологическими; 2) социальными и 3) психологическими свойствами (чертами). Вне всяких сомнений, заслуживает внимания подход автора к исследованию исторического наследия, в частности работ М.Н. Гернета. Полагаем, что в будущем не лишним будет обратиться к работам Д.А. Дриля, российского дореволюционного ученого, который посвятил «преступному человеку», в том числе и в условиях тюрьмы, значительное количество своих работ.

Монография представляет собой актуальное, завершенное, теоретически выдержанное, научно-прикладное исследование. Она написана грамотным, легко воспринимаемым литературным языком, ее структура логически выдержана. По нашему мнению, данная работа будет весьма полезной как для научных, так и для практических сотрудников правоохранительных органов, а также для преподавателей в системе учреждений высшего юридического образования.

Важно отметить, что автор подготовкой профильной монографической работы наметил конкретный, практически значимый путь совершенствования методик расследования отдельных видов преступлений, совершаемых осужденными в местах лишения свободы. Другими словами, он продемонстрировал, какими данными о свойствах личности осужденного, совершающего преступления в исправительном учреждении, должна наполняться криминалистическая характеристика, для того чтобы ее аппликация на конкретное совершенное преступление в УИС определенного вида работала на установление субъекта противоправной деятельности. И, разумеется, таким образом способствовала эффективности расследования преступлений, совершаемых в исправительных учреждениях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акчурин, А.В. Личность пенитенциарного преступника: криминалистический аспект : монография / А.В. Акчурин. – Москва : Юрлитинформ, 2019. – 224 с.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

ПОРЯДОК ПРЕДСТАВЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ В НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ «СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ» И ТРЕБОВАНИЯ К НИМ

1. В журнале печатаются рукописи, как правило, не публиковавшиеся ранее.
2. Все поступившие в редакцию статьи проходят рецензирование.
3. Рассмотрение работ аспирантов и соискателей кандидатской степени осуществляется только при наличии отзыва научного руководителя и рекомендации кафедры по месту их обучения.
4. Для аспирантов и соискателей публикация статей бесплатно.
5. Статьи должны быть в объёме от 0,5 до 1 п. л. (20 000–40 000 знаков). В них может быть, как правило, размещено не более трех иллюстраций, графиков или схем.
6. Требования к рукописи, представляемой в редакционную коллегию.
 - 6.1. Направляемые в редакционную коллегию материалы должны быть представлены в электронном и распечатанном видах. На распечатке должны быть указаны имена файлов. Текстовый редактор – Word. Материалы должны быть подписаны автором на титульном листе около фамилии.
 - 6.2. Титульный лист статьи содержит комплекс элементов, расположенных на странице в следующем порядке. В верхней части страницы располагается заглавие статьи, которое печатается прописными буквами жирным шрифтом. Фамилии авторов следуют после заголовка и печатаются строчными буквами, иные сведения при этом не указываются.
 - 6.3. Ссылки на источники даются в виде алфавитного списка литературы с нумерацией после текста. Сначала идут источники на русском языке, затем на иностранных. В самом тексте (после цитирования) информация об источнике печатается в квадратных скобках с указанием номера по списку. Библиографическое описание источника в списке литературы (фамилии и инициалы авторов печатаются курсивом) составляется в соответствии с действующими нормами ГОСТ 7.1–2003. Шрифт и межстрочный интервал те же, что и в статье.
 - 6.4. Поля страницы: верхнее – 2 см; нижнее – 2 см; левое – 3 см; правое – 1 см; размер бумаги – А4 (210×297 мм); шрифт – «Times New Roman» № 14; межстрочный интервал – 1,5.
 - 6.5. Примечания в тексте статьи приводятся в постраничных ссылках и должны иметь сквозную нумерацию.
7. Материалы, не имеющие научного аппарата или неправильно оформленные, не соответствующие указанным выше правилам, не рассматриваются. Рукописи не возвращаются.
8. К рукописи должны прилагаться следующие сведения об авторе: Ф.И.О., ученая степень, ученое звание, место работы, должность, рабочий адрес, домашний адрес, рабочий телефон, домашний телефон, факс, e-mail.
9. К статье прилагается краткая аннотация, ключевые слова (не более 15), а также профессиональный перевод на английский язык аннотации, ключевых слов и названия статьи.
10. Материалы следует направлять по юридическому адресу журнала: 680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, 47, Дальневосточный государственный университет путей сообщения (ДВГУПС), к. 262. Редакция журнала «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке». Электронная почта: journal@festu.khv.ru. Материалы, присланные ценными письмами и бандеролями, не принимаются.

К СВЕДЕНИЮ ПОДПИСЧИКОВ

Наш журнал распространяется по подписке и поступает в розничную продажу.

Стоимость одного номера – 450 руб. (с учетом НДС). Подписка оформляется банковским или почтовым переводом (образец купона прилагается). Журнал будет выслан по адресу подписчика почтой. Почтовые расходы включены в стоимость подписки. Подписку на журнал также можно оформить по каталогу «Газеты. Журналы» ОАО Агентства «Роспечать». Подписной индекс – 84277.

Просим высылать копии платежного документа и адрес для рассылки по адресу: 680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, 47, Дальневосточный государственный университет путей сообщения (ДВГУПС). Редакция журнала «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке».

<p>Извещение</p> <p>Кассир</p>	<p>Дальневосточный государственный университет путей сообщения УФК по Хабаровскому краю (наименование получателя платежа) 2724018158 № 40503810500001000191 (ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа)</p> <p>ГРКЦ ГУ ЦБ РФ по Хабаровскому краю (наименование банка получателя платежа) БИК 040813001 № 06109339920 (номер Л/кс) № 272401001 (номер КПП)</p> <p>Подписка на журнал «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке» на 2020 год (наименование платежа)</p> <p>Сумма платежа _____ руб. _____ коп. Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп. Итого: _____ руб. _____ коп.</p>
<p>Квитанция Кассир</p>	<p>Дальневосточный государственный университет путей сообщения УФК по Хабаровскому краю (наименование получателя платежа) 2724018158 № 40503810500001000191 (ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа)</p> <p>ГРКЦ ГУ ЦБ РФ по Хабаровскому краю (наименование банка получателя платежа) БИК 040813001 № 06109339920 (номер Л/кс) № 272401001 (номер КПП)</p> <p>Подписка на журнал «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке» на 2020 год (наименование платежа)</p> <p>Сумма платежа _____ руб. _____ коп. Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп. Итого: _____ руб. _____ коп.</p>

AUTHORS GUIDELINES

1. The journal publishes materials which have not been published before.
2. The articles submitted to the editorial board undergo a reviewing procedure.
3. Manuscripts of articles and other materials are to be recommended by the faculties of higher schools, laboratories and other structural divisions of scientific research institutions, research-methodological or academic conferences and seminars. Works by post-graduate students are accepted for publishing with references from their academic adviser.
4. The volume of the article should not exceed 1 publication base (40 000 printable characters). No more than three illustrations, diagrams or schemes can be placed within the article.
5. The following are the requirements for manuscripts submitted to the editorial board.
 - 5.1. The materials submitted to the editorial board must be presented in electronic and in print format (diskettes 3.5» and two copies of the original text (files)). If there are two or more diskettes, their numbers and files should be labeled on the diskettes. The names of files must be specified in the printed copy. The text-based editor is Word. The materials should be signed by the author on the title page near the name of the author.
 - 5.2. The title page of the article must contain the complex of the elements located on the page in the following order. At the top of the page the title of the article is printed in capital letters bold font. Surnames of the authors follow the heading and are printed by lower case letters. No other data is to be specified.
 - 5.3. References should follow the body of the text in alphabetical order, first the sources in Russian language, then the sources in foreign languages. References to the cited sources, and notes should be incorporated in the text of the article, after the quotation in square brackets, with the number from the list of references. Bibliographical description of the source in the list of references is implemented in accordance with the rules of GOST 7.1-2003. Font and line spacing, is the same as in the article.
 - 5.4. Margins: top – 2 cm; bottom – 2 cm; left – 3 cm; right – 1 cm; the size of a paper – A4 (210×297 mm); font «Times New Roman» № 14; line spacing – 1.5.
 - 5.5. Notes and quotations incorporated in the body of the text should be numbered consecutively.
6. Materials without substantiated research support or not corresponding to the rules mentioned higher will not be considered. Manuscripts will not be returned.
7. The following data about the author should be attached to the manuscript: first name, middle name initial, last name, academic degree, academic title, place of employment, postal address, work address, home address, office phone number, home telephone number, fax, e-mail.
8. A short abstract of the article in Russian and English, the title of the article in English and the list of key words (no more than 15) are to be attached.
9. Please address the materials to the following address: 47, Seryshev Str., Khabarovsk, 680021, Far Eastern State Transportation University (FESTU) Editorial board of the journal «The Humanities and Social Studies in the Far East».

E-mail: journal@festu.khv.ru

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ,
помещённых в журнале «Социальные и гуманитарные
науки на Дальнем Востоке» за 2020 год

Раздел	Номер	Стр.
Философия		
<i>Ажимов Ф.Е.</i> Метафизический контекст понятия научной рациональности: классическое и неклассическое	Том XVII, Вып. 3	76
<i>Арутюнян М.П.</i> Философско-методологическая идея синтеза когнитивных практик и логика трансдисциплинарности	Том XVII, Вып. 3	60
<i>Балалаева Н.К.</i> Пути гармонии в даосских оздоровительных практиках	Том XVII, Вып. 4	203
<i>Булов И.Ю.</i> Врожденные когнитивные способности: аргумент от бедности стимула против аргумента карри	Том XVII, Вып. 3	99
<i>Зангиров В.Г., Зангирова О.А.</i> «Новый Органон» современной эпистемологии	Том XVII, Вып. 3	44
<i>Кудряшова Е.В., Опенков М.Ю., Тетенков Н.Б.</i> Философия мирового океана как плеолог когнитивных практик	Том XVII, Вып. 3	110
<i>Лившиц Р.Л.</i> Неочевидные последствия конвенционализма	Том XVII, Вып. 3	36
<i>Майкова В.П., Молчан Э.М.</i> Дискретизация социальных систем как предопределённая данность виртуальной реальности	Том XVII, Вып. 4	145
<i>Маниковская М.А.</i> Диалог когнитивных практик в перспективе гуманитарно-технологической революции	Том XVII, Вып. 3	69
<i>Марков Б.В.</i> Когнитивные практики аналитической антропологии	Том XVII, Вып. 3	22
<i>Мартишина Н.И.</i> К идее многообразия видов познания: специфика и статус практического специализированного знания	Том XVII, Вып. 3	30
<i>Микешина Л.А.</i> Отечественная эпистемология как новый этап в развитии философии познания	Том XVII, Вып. 3	11
<i>Михайлов И.Ф.</i> Вычислительный образ науки	Том XVII, Вып. 3	81
<i>Моисеенко Е.Е.</i> Концепция нравственной свободы воли: вклад русского духовно-академического теизма в диалог когнитивных практик	Том XVII, Вып. 3	127
<i>Новикова Н.В.</i> Интерпретация феномена культуры духовно-академической философией середины XIX – начала XX века в контексте воздействия гуманитарных практик на церковное сознание	Том XVII, Вып. 3	121
<i>Пищун С.В.</i> Субстанциальность Сверхсущего как основа метафизического познания в духовно-академическом теизме конца XIX – начала XX века	Том XVII, Вып. 3	115

Раздел	Номер	Стр.
<i>Пржиленский И.В.</i> Концептуализации ценностей и их интерпретации в философском дискурсе модерна	Том XVII, Вып. 3	104
<i>Раев О.Н., Пронин М.А.</i> Техническая виртуальная реальность в лабиринтах терминологий	Том XVII, Вып. 3	89
<i>Сердюков Ю.М.</i> Когнитивные основания психосоматических трансформаций мастеров «внутренних школ»	Том XVII, Вып. 3	137
<i>Тайсина Э.А.</i> Возможность баланса когнитивных практик	Том XVII, Вып. 3	51
<i>Хань Юй, Гэн Хайтянь.</i> «Критический философский теизм» архиепископа Никанора (Бровковича): опыт историко-философского анализа	Том XVII, Вып. 3	133
Психология		
<i>Анчукова Н.И., Красавина А.В.</i> Переживание обиды в контексте проблемы личностной зрелости	Том XVII, Вып. 4	56
<i>Воробьева И.А.</i> Психологические модели переживания тоски	Том XVII, Вып. 4	61
<i>Воробьева К.И., Долгачев М.В., Заславский Д.А.</i> Психологические ресурсы кибербезопасности человека	Том XVII, Вып. 4	150
<i>Воробьева К.И., Ким Э.С.</i> Самолидерство как личностный ресурс субъекта совладания	Том XVII, Вып. 4	26
<i>Вязникова Л.Ф., Солодовник Е.В.</i> Взаимосвязь эмоциональной направленности и экзистенциальной исполненности личности	Том XVII, Вып. 4	45
<i>Горохова Д.Д., Шамиева В.А., Шаметко Е.С.</i> Эмоционально-оценочные и регуляторные детерминанты пищевого поведения женщин с разным индексом массы тела	Том XVII, Вып. 4	187
<i>Ермакова Е.С., Яценко Е.Ф.</i> Самоактуализационные и ценностные характеристики в структуре карьерных ориентаций студентов-психологов и курсантов военной академии	Том XVII, Вып. 4	50
<i>Иванова Е.М.</i> Познавательная целеустремленность как потенциальный ресурс субъекта жизнедеятельности	Том XVII, Вып. 4	139
<i>Лазарева Л.П.</i> Жизнестойкость как критерий субъектности личности	Том XVII, Вып. 4	31
<i>Левкова Е.А., Логинов И.П., Савин С.З., Геворкян С.Г.</i> Депрессия как дестабилизирующий фактор ментальных ресурсов подрастающего поколения дальневосточников	Том XVII, Вып. 4	181
<i>Леженина А.А.</i> Ответственность как личностный ресурс профессионала	Том XVII, Вып. 4	79
<i>Любичкая О.А., Сердюков Э.А.</i> Мотивация в структуре психологической готовности спортсменов к соревнованиям	Том XVII, Вып. 4	132
<i>Махнач А.В., Плющева О.А.</i> Жизнеспособность специалистов помогающих профессий	Том XVII, Вып. 4	68
<i>Махова И.Ю., Опевалова Е.В., Шмакова В.А.</i> Жизненное пространство студенческой молодежи в условиях пандемии: психологическая интерпретация	Том XVII, Вып. 4	158

Раздел	Номер	Стр.
<i>Невструева Т.Х.</i> Повседневные стрессоры: современные исследования взаимосвязи с психическими и личностными факторами	Том XVII, Вып. 4	18
<i>Пилипенко Т.С.</i> Самопринятие как личностный ресурс жизнестойкости	Том XVII, Вып. 4	40
<i>Примаченко Я.В., Бровко С.Д.</i> Модель психологической готовности к вахтовой работе в условиях Крайнего Севера	Том XVII, Вып. 4	120
<i>Синицына Л.В.</i> Эмоциональная напряжённость профессиональной деятельности оперативных сотрудников уголовного розыска	Том XVII, Вып. 4	108
<i>Ситяева С.М., Яремчук С. В., Орлова О.А.</i> Субъективное благополучие молодых мужчин с выраженными экстремистскими установками	Том XVII, Вып. 4	173
<i>Соболева Т.Н.</i> Стихийное и целенаправленное развитие способностей и успешность в нестандартных условиях деятельности	Том XVII, Вып. 4	84
<i>Соболева Т.Н.</i> Формирование профессиональной одарённости в детерминации смысловым отношением к нововведениям под влиянием различной степени свободы в деятельности	Том XVII, Вып. 4	91
<i>Харчевникова Е.В., Денисова А.А.</i> Мотивационно-личностные детерминанты самоактуализации военнослужащих	Том XVII, Вып. 4	102
<i>Харчевникова Е.В., Ким С.В.</i> Мотивация труда как условие успешной коммуникативной компетентности менеджера по работе с клиентами банка	Том XVII, Вып. 4	127
<i>Ясман В.П.</i> Психологические детерминанты профессиональной деформации у работников аппарата суда	Том XVII, Вып. 4	113
Филология		
<i>Алешинская Е.В.</i> Музыкальный критик как профессиональная культурно-языковая личность	Том XVII, Вып. 1	178
<i>Антонова А.М.</i> Историческая лексика в англоязычном описании русской культуры	Том XVII, Вып. 1	52
<i>Антонова Е.Н.</i> Фразеолого-паремиологический аспект языковой личности в синхронии лингвокультуры	Том XVII, Вып. 1	71
<i>Бахтикиреева У.М., Шагимгереева Б.Е.</i> Языковое бытие творческой личности: Бахыт Каирбеков	Том XVII, Вып. 1	83
<i>Бахтуева Е.С.</i> Топологический подход к изучению и лексикографической фиксации цитат в свете антропоцентрической парадигмы	Том XVII, Вып. 1	32
<i>Белоглазова Е.В., Кабакчи В.В.</i> Лингвистические средства конструирования инолингвокультурной личности персонажа в художественной и нехудожественной литературе	Том XVII, Вып. 1	100
<i>Беляков М.В., Максименко О.И.</i> Языковая личность советских и российских дипломатов (на примере речей постоянных представителей СССР и РФ в Совете Безопасности ООН)	Том XVII, Вып. 1	128
<i>Бондарева Е.В., Польшина Ю.А., Рихтер В.В.</i> Речевое поведение интервьюера на примере телепередач жанра «Late Night Show» в США, Великобритании и России	Том XVII, Вып. 1	182
<i>Борботько Л.А.</i> Том Стоппард: автор «в мелочах»	Том XVII, Вып. 1	90

Раздел	Номер	Стр.
<i>Викулова Л.Г., Короленко О.И.</i> Дама со шпагой во Французской академии: языковая компетенция и коммуникативное лидерство	Том XVII, Вып. 1	159
<i>Водяницкая А.А.</i> Проявление языковой личности переводчика при передаче оценочных значений	Том XVII, Вып. 1	190
<i>Дондоков Д.Д.</i> Репрезентация языковой личности vs. репрезентация идентичности	Том XVII, Вып. 1	11
<i>Колесниченко М.А.</i> Особенности восприятия речи при контакте носителей русского и китайского вариантов английского языка	Том XVII, Вып. 1	43
<i>Косицына И.К.</i> Заимствования из восточных языков в русский язык восточного зарубежья и их специфика	Том XVII, Вып. 2	180
<i>Кривошеева Е.И.</i> Подготовка переводчиков-японистов в условиях реализации нового вектора международного сотрудничества между Россией и Японией	Том XVII, Вып. 3	169
<i>Курицын Е.А.</i> Индивидуальное и общее в личности переводчика-любителя	Том XVII, Вып. 1	198
<i>Лебедева Е.С.</i> Культурно-языковая личность Ольги Грушиной как писателя транслинга	Том XVII, Вып. 1	107
<i>Ли Ян.</i> Фрейм как средство описания туристических объектов	Том XVII, Вып. 2	186
<i>Ловцевич Г.Н., Соколов А.А.</i> Интернационализация словарной языковой личности	Том XVII, Вып. 1	25
<i>Логина П.Г.</i> Метафоричность как отличительная черта вербального имиджа Э. Макрона	Том XVII, Вып. 1	148
<i>Лоевская М.М.</i> Истоки эмоционально-экспрессивного стиля в Житии протопопа Аввакума	Том XVII, Вып. 1	79
<i>Лысенкова Е.Л.</i> Языковая личность Р.М. Рильке как уникальное поликультурное явление	Том XVII, Вып. 1	96
<i>Мегрובה Э.Г., Лыткина Ю.С.</i> Дискурсивный портрет Председателя КНР Си Цзиньпина в зеркале коллективной культурно-языковой личности авторов ведущих политических журналов США	Том XVII, Вып. 1	142
<i>Медведева Н.Е.</i> Языковая личность в контексте информационного противоборства	Том XVII, Вып. 1	121
<i>Местер М.Н., Прошина З.Г.</i> Культурно-языковая идентичность транслингвального писателя и ее сохранение в переводе	Том XVII, Вып. 1	113
<i>Минаева Л.В.</i> Язык и речевое поведение Д. Трампа	Том XVII, Вып. 1	153
<i>Нельсон С.Л.</i> Вопросы Баджа Б. Качру	Том XVII, Вып. 1	16
<i>Полубиченко Л.В.</i> Речевой портрет коллективной культурно-языковой личности как проблема художественного перевода	Том XVII, Вып. 1	20

Раздел	Номер	Стр.
<i>Сергиенко П.И.</i> Лингвистические особенности сингапурского варианта английского языка как результат полилингвальности культурно-языковой личности	Том XVII, Вып. 1	37
<i>Сулейманова О.А., Чернова В.Е.</i> Информационно-медийная языковая личность в академическом пространстве	Том XVII, Вып. 1	165
<i>Фёдоров В.В.</i> Влияние восточноазиатского менталитета на формирование вторичной языковой личности авторов англоязычных газетно-журнальных публикаций	Том XVII, Вып. 1	135
<i>Фомина М.А.</i> Языковая личность участника академического дискурса	Том XVII, Вып. 1	172
<i>Фэн Ишань.</i> Образ родины в художественной картине мира дальневосточного поэта-эмигранта Алексея Ачаира	Том XVII, Вып. 1	205
<i>Шкуран О.В.</i> Сакральная жертва как крылатая языковая единица в лексико-фразеологическом пространстве «русскости»	Том XVII, Вып. 1	60
Социология, политология		
<i>Зверева Е.В., Шайкина Л.К.</i> К вопросу о формировании региональной модели регулирования занятости населения в теоретико-экономическом наследии различных концепций и школ	Том XVII, Вып. 1	225
<i>Смоляков В.А.</i> Восточная Азия: культурная уникальность и универсализм через призму международных сопоставлений. Часть первая	Том XVII, Вып. 4	226
История, культурология		
<i>Анисимов А.Л.</i> Коммодор Дж. Армстронг – командующий Ист-индской эскадрой в китайских водах накануне и в период второй «опиумной» войны (1856–1860)	Том XVII, Вып. 3	164
<i>Аргудяева Ю.В.</i> Повседневная и обрядовая пища и напитки русских старообрядцев-дальневосточников	Том XVII, Вып. 2	11
<i>Ахметова А.В., Бобышев С.В.</i> Развитие коренных малочисленных народов в эпоху Дальневосточной республики (1920–1922)	Том XVII, Вып. 1	221
<i>Бельды О.А.</i> Традиционная кухня нанайцев	Том XVII, Вып. 2	18
<i>Беляева-Сачук В.А.</i> Буква «А» – начало ученья, чаю стакан – начало трапезы. Традиции чаепития в бурятской культуре	Том XVII, Вып. 2	24
<i>Березницкий С.В.</i> Ольфакторные компоненты технологии питания коренных народов Дальнего Востока	Том XVII, Вып. 2	31
<i>Габрильчук М.А., Фукуда М., Куникита Д.</i> Керамика древнего поселения Биджан-4	Том XVII, Вып. 2	172
<i>Ежеля У.В.</i> История советско-китайского сотрудничества в периодической печати и средствах массовой информации (середина XX – начало XXI века)	Том XVII, Вып. 4	196
<i>Ковальчук М.А.</i> Поездка делегации партийных и советских работников Хабаровского края в провинцию Хэйлунцзян Китайской Народной Республики (23 мая – 11 июня 1957 г.)	Том XVII, Вып. 4	211
<i>Логинов И.П., Савин С.З., Воробьева К.И.</i> Этнокультуральные особенности питания жителей коренных популяций Приамурья с депрессивными расстройствами	Том XVII, Вып. 2	38

Раздел	Номер	Стр.
<i>Малакишанова В.Б.</i> Традиционная пища в системе жизнеобеспечения охотских эвенков (конец XX – начало XXI века)	Том XVII, Вып. 2	45
<i>Миссонова Л.И.</i> Антропология питания тунгусо-маньчжуров, айнов и нивхов в японском «походном» искусстве	Том XVII, Вып. 2	49
<i>Осипова М.В.</i> Изменение рациона питания как фактор, влияющий на продолжительность жизни человека (по материалам исторических сведений о северокурильских айнах)	Том XVII, Вып. 2	59
<i>Павлов Ю.А.</i> Заведения общественного питания в городах Дальнего Востока России: социально-культурный аспект	Том XVII, Вып. 2	64
<i>Платонова Н.М.</i> Обеспеченность жителей Дальнего Востока СССР продуктами питания: историко-антропологический аспект проблемы	Том XVII, Вып. 2	70
<i>Примак П.В.</i> Традиционная кухня дальневосточных евреев	Том XVII, Вып. 2	75
<i>Титорева Г.Т.</i> Культура питания как часть системы экологической адаптации эвенов Приохотья	Том XVII, Вып. 2	80
<i>Ципкин Ю.Н., Авдошкина О.В.</i> А.В. Колчак и командование белых сибирских армий	Том XVII, Вып. 3	152
<i>Ципкин Ю.Н., Ежеля У.В.</i> Железные дороги Сибири и Дальнего Востока в годы Гражданской войны (1918–1922). Статья вторая	Том XVII, Вып. 2	190
<i>Чимитдоржиев Ж.Ж.</i> «Советская кухня» как проект: некоторые итоги (на примере тихоокеанской России)	Том XVII, Вып. 2	84
Педагогика		
<i>Гареева И.А., Обручникова С.Р.</i> Студенческие объединения и самоорганизация в условиях высшей школы	Том XVII, Вып. 3	107
<i>Григорьева Н.Г., Дрюцкая С.М.</i> Роль детерминант профессионального самоопределения в формировании мотивации обучения студентов	Том XVII, Вып. 4	168
<i>Лазарева Л.П., Ган Имэй.</i> Человек и исторически накопленная культура – основа межличностных контактов в международном образовательном процессе дальневосточного вуза	Том XVII, Вып. 1	231
<i>Коломийцева С.В., Суляндзига Е.П.</i> Оценка показателей успешности обучения в условиях преемственности образования на Дальнем Востоке	Том XVII, Вып. 1	212
<i>Королева И.В.</i> Организационно-методические условия вовлечения молодежи в социально-проектную деятельность	Том XVII, Вып. 2	113
<i>Леженина А.А.</i> Психологическое образование в Дальневосточном государственном университете путей сообщения (к 20-летию кафедры общей, юридической и инженерной психологии)	Том XVII, Вып. 4	10
<i>Леонтьев Ю.А.</i> Проблемы профилактики и правоприменения в связи с семантической неопределенностью термина «экстремизм»	Том XVII, Вып. 2	138
<i>Леонтьева Э.О.</i> Дальневосточные университеты в перспективе интернационализации	Том XVII, Вып. 2	133

Раздел	Номер	Стр.
<i>Луценко Е.Л., Злобина О.Г.</i> Формирование навыков межкультурной коммуникации у студентов высшего учебного заведения	Том XVII, Вып. 2	144
<i>Маринич Л.Ф., Прыткова Ж.И.</i> О соотношении лингвистической и дидактической компонент научно-технического текста при обучении английскому языку для специальных целей студентов технических вузов Дальневосточного региона	Том XVII, Вып. 3	174
<i>Никитенко В.Н., Соловченков С.А.</i> О воспитательных возможностях молодежных полиэтнических сообществ	Том XVII, Вып. 2	149
<i>Парыгина Д.В., Копейкина С.В.</i> Проектная работа как способ формирования надпрофессиональных компетенций	Том XVII, Вып. 2	120
<i>Помченко М.А., Резанова Н.В., Гладкая Е.Ф., Харина И.В.</i> Исправление ошибок в практике преподавания иностранного языка в Дальневосточном техническом вузе	Том XVII, Вып. 4	220
<i>Тюрина Ю.А., Горькавый М.А., Зиновьева Е.А., Надорожная М.В., Ким А.Ч.</i> Социально-педагогические технологии в реализации молодежной политики в вузе: на примере грантовых проектов агентства Росмолодежи	Том XVII, Вып. 2	94
<i>Халикова С.С.</i> Средства массовой информации как фактор формирования семейных ценностных ориентаций студенческой молодежи	Том XVII, Вып. 2	154
<i>Хамидулин В.С.</i> Проектно-ориентированные технологии в университете: опыт и проблемы	Том XVII, Вып. 2	125
<i>Яссман В.П.</i> Глубина понимания профессии в контексте обсуждения проблемы профессионального здоровья	Том XVII, Вып. 2	162
Критика и библиография		
<i>Лившиц Р.Л.</i> Об универсальном критерии разграничения науки и как бы науки	Том XVII, Вып. 3	181
<i>Мерецкий Н.Е., Шурухнов Н.Г.</i> Рецензия на монографию А.В. Акчурина «Личность пенитенциарного преступника: криминалистический аспект»	Том XVII, Вып. 4	235
<i>Пишун С.В.</i> «Научно-биографический» взгляд на русскую философию	Том XVII, Вып. 3	194
<i>Ткаченко Б.И.</i> Уникальное собрание документов. Рецензия на сборник документов и материалов С.А. Пономарёва «Курильский аспект. Деятельность органов власти и общественности Сахалинской области по сохранению территориальной целостности России. 1947–2019 годы»	Том XVII, Вып. 3	197

ARTICLE INDEX

«The Humanities and Social Studies in the Far East», 2020

Section	Number	Pages
Philosophy		
<i>Arutyunyan M.P.</i> Philosophical-Methodological Idea of Cognitive Practices Synthesis and Logic of Transdisciplinarity	Vol. XVII, Issue 3	60
<i>Azhimov F.E.</i> The Metaphysical Context of the Concept of Scientific Rationality: Classics and Non-Classics	Vol. XVII, Issue 3	76
<i>Balalaeva N.K.</i> Ways of Harmony in Taoist Health Practices	Vol. XVII, Issue 4	203
<i>Bulov I.Y.</i> Innate Cognitive Capacities: the Poverty of the Stimulus Argument Vs. the Curry Argument	Vol. XVII, Issue 3	99
<i>Han Yu, Geng Haitian</i> “Critical Philosophical Theism” of Archbishop Nikanor (Brovkovich): Experience of Historical and Philosophical Analysis	Vol. XVII, Issue 3	133
<i>Kudryashova E.V., Openkov M.Y., Tetenkov N.B.</i> The Philosophy of the World Ocean as a Pleologist of Cognitive Practices	Vol. XVII, Issue 3	110
<i>Livshits R.L.</i> Unobvious Consequences of Conventionalism	Vol. XVII, Issue 3	36
<i>Maikova V.P., Molchan E.M.</i> Discreting of Social Systems as a Predefined Data of Virtual Reality	Vol. XVII, Issue 4	145
<i>Manikovskaya M.A.</i> Dialogue of Cognitive Practices in the Perspective of Humanitarian-Technological Revolution	Vol. XVII, Issue 3	69
<i>Markov B.V.</i> Cognitive Practices of Analytical Anthropology	Vol. XVII, Issue 3	22
<i>Martishina N.I.</i> To the Idea of the Variety of Cognition Types: Specificity and Status of Practical Specialized Knowledge	Vol. XVII, Issue 3	30
<i>Mikeshina L.A.</i> Domestic Epistemology as a New Stage in Development of Philosophy of Knowledge	Vol. XVII, Issue 3	11
<i>Mikhailov I.F.</i> Computational Image of Science	Vol. XVII, Issue 3	81
<i>Moiseenko E.E.</i> The Concept of Moral Freedom of Will: the Contribution of Russian Spiritual and Academic Theism to the Dialogue of Cognitive Practices	Vol. XVII, Issue 3	127
<i>Novikova N.V.</i> Interpretation of the Culture Phenomenon of Spiritually and Academic Philosophy in the Mid-XIX and Early XX Centuries in the Context of the Humanitarian Practice Impact on Church Consciousness	Vol. XVII, Issue 3	121
<i>Pishun S.V.</i> Substance of Super-Person as Basis of Metaphysical Knowledge in Spiritual-Academic Theism of Late XIX – Early XX	Vol. XVII, Issue 3	115
<i>Przhilenskiy I.V.</i> Conceptualization of Values and their Interpretation in Philosophical Discourse of Modern	Vol. XVII, Issue 3	104

Section	Number	Pages
<i>Raev O.N., Pronin M.A.</i> Technical Virtual Reality in the Labyrinths of Terminologies	Vol. XVII, Issue 3	89
<i>Serdyukov Y.M.</i> The Cognitive Bases of Psychosomatic Transformations of Masters of the “Internal Schools” Wushu	Vol. XVII, Issue 3	137
<i>Taysina E.A.</i> The Possibility of Cognitive Practices Balance	Vol. XVII, Issue 3	51
<i>Zangirov V.G., Zangirova O.A.</i> “New Organon” of Modern Epistemology	Vol. XVII, Issue 3	44
Psychology		
<i>Anchukova N.I., Krasavina A.V.</i> Resentment in the Context of Personal Maturity Issues	Vol. XVII, Issue 4	56
<i>Ermakova E.S., Yashchenko E.F.</i> Self-Actualization and Value Characteristics in the Structure of Career Orientations of Students-Psychologists and Cadets of the Military Academy	Vol. XVII, Issue 4	50
<i>Gorohova D.D., Shamieva V. A., Shamet’ko E.S.</i> Emotional Assessment and Psychological Determinants of Eating Behavior of Women with Different Body Mass Index	Vol. XVII, Issue 4	187
<i>Harchevnikova E.V., Kim S.V.</i> Labor Motivation as a Condition of Successful Communicative Competence of a Bank Client Account Manager	Vol. XVII, Issue 4	127
<i>Harchevnikova E.V., Denisova A.A.</i> Motivational and Personal Determinants of Military Self-Actualization	Vol. XVII, Issue 4	102
<i>Ivanova E.M.</i> Cognitive Purposefulness as a Potential Resource of the Subject of Life Activity	Vol. XVII, Issue 4	139
<i>Lazareva L.P.</i> Resiliency as a Criterion of Personal Agency	Vol. XVII, Issue 4	31
<i>Levkova E.A., Loginov I.P., Savin S.Z., Gevorkyan S.G.</i> Depression as a Destabilizing Factor of the Mental Resources of the Growing Generation of the Far East	Vol. XVII, Issue 4	181
<i>Lezhenina A.A.</i> Responsibility as a Professional’s Personal Resource	Vol. XVII, Issue 4	79
<i>Lubitskaya O.A., Serdyukov E.A.</i> Motivation in the Structure of Psychological Readiness of Athletes to Competition	Vol. XVII, Issue 4	132
<i>Makhnach A.V., Plyushcheva O.A.</i> Resiliency of Specialists in the Caring Professions	Vol. XVII, Issue 4	68
<i>Makhova I.Y., Opevalova E.V., Shmakova V.A.</i> The Living Space of Students in Situations of the Pandemics: Psychological Interpretation	Vol. XVII, Issue 4	158
<i>Nevstrueva T.H.</i> Everyday Stressors: Modern Research on the Relationship with Mental and Personality Factors	Vol. XVII, Issue 4	18
<i>Pilipenko T.S.</i> Self-Acceptance as a Personal Resource of Resiliency	Vol. XVII, Issue 4	40
<i>Primachenko Ya.V., Brovko S.D.</i> Model of Psychological Preparedness for Shift Work in the Extreme North Conditions	Vol. XVII, Issue 4	120

Section	Number	Pages
<i>Sinitsyna L.V.</i> Emotional Tension of the Professional Activities of Criminal Investigative Operative Officers	Vol. XVII, Issue 4	108
<i>Sityaeva S.M., Yaremchuk S.V., Orlova O.A.</i> Subjective Well-Being of Young Men with Extremistic Attitudes	Vol. XVII, Issue 4	173
<i>Soboleva T.N.</i> Spontaneous and Purposeful Development of Abilities and Success in Non-Standard Activity Conditions	Vol. XVII, Issue 4	84
<i>Soboleva T.N.</i> The Formation of Professional Talent in Determination with Semantic Attitude to Innovations under the Influence of Various Degrees of Freedom in Activity	Vol. XVII, Issue 4	91
<i>Vorobyova I.A.</i> Psychological Models of Experiencing Anguish	Vol. XVII, Issue 4	61
<i>Vorobyova K.I., Dolgachev M.V., Zaslavsky D.A.</i> Psychological Resources of Human Cybersecurity	Vol. XVII, Issue 4	150
<i>Vorobyova K.I., Kim AE-sun</i> Self-Leadership as a Personal Resource of the Subject of Coping	Vol. XVII, Issue 4	26
<i>Vyaznikova L.F., Solodovnik E.V.</i> Relationship of Emotional Orientation and Existential Personality Fulfilment	Vol. XVII, Issue 4	45
<i>Yassman V.P.</i> Psychological Determinants of Professional Deformation in the Employees of the Court Apparatus	Vol. XVII, Issue 4	113
Philology		
<i>Aleshinskaya E.V.</i> Music Critic as a Professional Cultural and Linguistic Personality	Vol. XVII, Issue 1	178
<i>Antonova A.M.</i> Historic Vocabulary in Russian Culture-Oriented English	Vol. XVII, Issue 1	52
<i>Antonova E.N.</i> Phraseological-Paremiological Aspect of a Language Identity in the Synchronous Linguaculture	Vol. XVII, Issue 1	71
<i>Bakhtikireeva U.M., Shagimgereyeva B.E.</i> Language Biography of a Creative Personality: Bakhyt Kairbekov	Vol. XVII, Issue 1	83
<i>Bakhtueva E.S.</i> Topological Approach to the Study and Lexicographic Fixation of Quotations: an Anthropocentric Perspective	Vol. XVII, Issue 1	32
<i>Beloglazova E.V., Kabakchi V.V.</i> Linguistic Mechanisms of Constructing Character's Exo-linguacultural Identity in Fiction and Non-Fiction	Vol. XVII, Issue 1	100
<i>Belyakov M.V., Maksimenko O.I.</i> Language pErsonality of the Soviet and Russian Diplomats (Analysis of Speeches of Permanent Representatives of the USSR and Russian Federation to the un Security Council)	Vol. XVII, Issue 1	128
<i>Bondareva E.V., Polshina Yu.A., Rikhter V.V.</i> Verbal Behavior of Late Night Show Hosts in the USA, Great Britain and Russia	Vol. XVII, Issue 1	182
<i>Borbotko L.A.</i> Tom Stoppard: the Author "In Details"	Vol. XVII, Issue 1	90
<i>Dondokov D.D.</i> Linguistic Personality Representation vs. Identity Representation	Vol. XVII, Issue 1	11

Section	Number	Pages
<i>Feng Yishan</i> The Image of the Homeland in the Artistic Picture of the World of the Far Eastern Poetry-Emigrant Alexei Achair	Vol. XVII, Issue 1	205
<i>Fomina M.A.</i> Author's Personality in Academic Discourse	Vol. XVII, Issue 1	172
<i>Fyodorov V.V.</i> East-Asian Mentality and Linguistic Identity of the English Language Journalism Authors	Vol. XVII, Issue 1	135
<i>Kolesnichenko M.A.</i> Speech Perception Specifics of Russia's and China's Elf Speakers	Vol. XVII, Issue 1	43
<i>Kositsyna I.K.</i> Borrowings From Eastern Asian Languages Into the Russian Language of Eastern Asian Countries and Their Specificity	Vol. XVII, Issue 2	180
<i>Krivosheeva E.I.</i> Training of Future Interpreters from Japanese in Relation to the New Vector of International Cooperation Between Russia and Japan	Vol. XVII, Issue 3	169
<i>Kuritsyn E.A.</i> The Individual and the Common in the Personalities of Amateur Translators	Vol. XVII, Issue 1	198
<i>Lebedeva E.S.</i> Culture and Language Identity of Olga Grushin as a Translingual Writer	Vol. XVII, Issue 1	107
<i>Li Yang.</i> Frame as a Means of Description of Tourist Objects	Vol. XVII, Issue 2	186
<i>Loginova P.G.</i> Metaphoricity as a Distinctive Feature of the Emmanuel Macron's Verbal Image	Vol. XVII, Issue 1	148
<i>Lovtsevich G.N., Sokolov A.A.</i> Internationalization of Dictionary Language Personality	Vol. XVII, Issue 1	25
<i>Loyevskaya M.M.</i> Origins of the Expressive Emotive Style in the Life of Avvakum	Vol. XVII, Issue 1	79
<i>Lysenkova E.L. R.M.</i> Rilke's Linguistic Identity as the Unique Polycultural Phenomenon	Vol. XVII, Issue 1	96
<i>Marinich L.P., Prytkova Z.I.</i> On the Correlation of Linguistic and Didactic Constituents of a Scientific and Technical Text While Teaching English for Specific Purposes to Students of Technical Higher Schools of the Far East Region	Vol. XVII, Issue 3	174
<i>Medvedeva N.E.</i> Language Personality in the Context of Information Warfare	Vol. XVII, Issue 1	121
<i>Megrabova E.G., Lytkina Yu.S.</i> The Discourse Portrait of China's Chairman Xi Jinping in the Mirror of the Collective Cultural and Language Identity Compiled by the Authors of the American Leading Political Journals	Vol. XVII, Issue 1	142
<i>Mester M.N., Proshina Z.G.</i> Cultural and Linguistic Identity of a Translingual Author and Challenges in Maintaining it in Translation	Vol. XVII, Issue 1	113
<i>Minaeva L.V.</i> Language and Verbal Behavior of Donald Trump	Vol. XVII, Issue 1	153
<i>Nelson C.L. Braj B.</i> Kachru's Questions	Vol. XVII, Issue 1	16

Section	Number	Pages
<i>Polubichenko L.V.</i> Speech Portrayal of a Collective Culturally Conditioned Language Identity as a Problem of Artistic Translation	Vol. XVII, Issue 1	20
<i>Sergienko P.I.</i> Linguistic Features of English in Singapore as a Result of Polylingualism of Its Speakers and Their Cultural Interaction	Vol. XVII, Issue 1	37
<i>Shkuran O.V.</i> “Sakral'naya Zhertva” as a Set Language Unit in the Lexico-Phraseological Space “Russians”	Vol. XVII, Issue 1	60
<i>Suleimanova O.A., Chernova V.E.</i> Information-Media Personality in the Academic Public Lectures	Vol. XVII, Issue 1	165
<i>Vikulova L.G., Korolenko O.I.</i> Lady With a Sword in the French Academy: Language Competence and Communicative Leadership	Vol. XVII, Issue 1	159
<i>Vodyanitskaya A.A.</i> Linguistic Personality Mirrored Through the Transfer of Evaluative Meanings in Translation	Vol. XVII, Issue 1	190
Sociology, Political Science		
<i>Smolyakov V.A.</i> Eastern Asia: Cultural Uniqueness and Universalism Through the Prism of International Comparisons. Part one	Vol. XVII, Issue 4	226
<i>Zvereva E.V., Shaikina L.K.</i> Revisiting the Establishment of a Regional Model for Regulating Employment in the Theoretical and Economic Heritage of Different Concepts and Schools	Vol. XVII, Issue 1	225
History, Cultural Studies		
<i>Akhmetova A.V., Bobyshev S.V.</i> Development of Indigenous Minorities During the Far Eastern Republic Epoch (1920–1922)	Vol. XVII, Issue 1	221
<i>Anisimov A.L.</i> Commodore J. Armstrong – the Commander of the East India Squadron in Chinese Waters on the Eve and During the Second “Opium” War (1856–1860)	Vol. XVII, Issue 3	164
<i>Argudiaeva Yu.V.</i> Daily and Ceremonial Food and Beverages of Russian Old Believers in the Far East	Vol. XVII, Issue 2	11
<i>Beldy O.A.</i> Traditional Cuisine of the Nanais	Vol. XVII, Issue 2	18
<i>Beliaeva-Sachuk V.A.</i> The Letter "A" – the Beginning of learning, the Tea Glass – the Beginning of Meal. Tea-Drinking Traditions in Buryat Culture	Vol. XVII, Issue 2	24
<i>Bereznitsky S.V.</i> Olfactor Components of Nutrition Technology of the Russian Far East Indigenous Peoples	Vol. XVII, Issue 2	31
<i>Chimitordzhiev Zh.Zh.</i> «Soviet Cuisine» as a Project: Some Results (Pacific Russia As An Example)	Vol. XVII, Issue 2	84
<i>Ezhelya U.V., Tsytkin Y.N.</i> Railways of Siberia and the Far East During the Civil War (1918–1922). Article two	Vol. XVII, Issue 2	190
<i>Ezhelya U.V.</i> History of the Soviet-Chinese Cooperation in Periodical Press and Mass Media (Middle of XX – Beginning of XXI Century)	Vol. XVII, Issue 4	196
<i>Gabrilchuk M.A., Fukuda M., Kunikita D.</i> Ceramics of the Ancient Settlement of Bijan-4	Vol. XVII, Issue 2	172

Section	Number	Pages
<i>Kovalechuk M.A.</i> Visit of the Delegation of Party and Soviet Workers of Khabarovsk Territory to Heilongjiang Province, People's Republic of China (May 23 – June 11, 1957)	Vol. XVII, Issue 4	211
<i>Loginov I.P., Savin S.Z., Vorobyova K.I.</i> Ethno-Cultural Features of Nutrition for Persons With Depressive Disorders and Acute Psychosis Among Residents of Indigenous Populations of the Amur Basin	Vol. XVII, Issue 2	38
<i>Malakshanova V.B.</i> Traditional Food in Subsistence of the Evenks of the Okhotsk Coast (End of the 20 th – the Early 21st)	Vol. XVII, Issue 2	45
<i>Missonova L.I.</i> The Anthropology of Food: Tungus-Manchu, Nivkh, Ainu and Japanese Expeditionary Art	Vol. XVII, Issue 2	49
<i>Osipova M.V.</i> Dietary Change as a Factor Affecting Human Life Expectancy (on Historical Records About the North Kuril Ainus)	Vol. XVII, Issue 2	59
<i>Pavlov Yu.A.</i> Public Nutrition Organizations in the Cities of the Russian Far East: Socio-Cultural Aspect	Vol. XVII, Issue 2	64
<i>Platonova N.M.</i> Historical and Anthropological Aspect of the Problem of Food Supply of the USSR Far East Inhabitants	Vol. XVII, Issue 2	70
<i>Primak P.V.</i> Traditional Cuisine of Far Eastern Jews	Vol. XVII, Issue 2	75
<i>Titoreva G.T.</i> Nutrition Culture As a Part of the Ecological Adaptation System of Evens in Priokhotye	Vol. XVII, Issue 2	80
<i>Tsipkin Y.N., Avdoshkina O.V. A.V.</i> Kolchak and the Command of the White Siberian Armies	Vol. XVII, Issue 3	152
Education		
<i>Gareeva I.A., Obruchnikova S.R.</i> Student Associations and Self-Organization in Higher Educational Institutions	Vol. XVII, Issue 2	107
<i>Grigorieva N.G., Drutckaya S.M.</i> The Role of the Determinant of Professional Personal Identity in the Formation of Learning Students Motivation	Vol. XVII, Issue 4	168
<i>Khalikova S.S.</i> Mass Media as a Factor in the Formation of Family Value Orientations of Students	Vol. XVII, Issue 2	154
<i>Khamidulin V.S.</i> Project-Based Technologies at the University: Experience and Problems	Vol. XVII, Issue 2	125
<i>Kolomiytseva S.V., Sulyandziga E.P.</i> Assessing Indicators of Learning Success in Terms of Educational Continuity in the Far East	Vol. XVII, Issue 1	212
<i>Koroleva I.V.</i> Organizational and Methodological Conditions for Involving Young People in Social Project activities	Vol. XVII, Issue 2	113
<i>Lazareva L.P., Gan Imaj</i> Man and Historically Accumulated Culture – the Basis of Interpersonal Contacts in the International Educational Process of the Far Eastern University	Vol. XVII, Issue 1	231
<i>Leontyev Yu.A.</i> Prevention and Enforcement Issues in Connection With the Semantic Uncertainty of the Glossary Item «Extremism»	Vol. XVII, Issue 2	138

Section	Number	Pages
<i>Leontyeva E.O.</i> Far Eastern Universities in the Perspective of Internationalization	Vol. XVII, Issue 2	133
<i>Lezhenina A.A.</i> Psychological Education at Far Eastern State Transport University (on the Occasion of the 20th Anniversary of the Department of General, Legal and Engineering Psychology)	Vol. XVII, Issue 4	10
<i>Lutsenko E.L., Zlobina O.G.</i> Formation of Intercultural Communication Skills Among Students of a Higher Educational Institution	Vol. XVII, Issue 2	144
<i>Nikitenko V.N., Solovchenkov S.A.</i> On Educational Opportunities of Youth Multiethnic Communities	Vol. XVII, Issue 2	149
<i>Parygina D.V., Kopeikina S.V.</i> Project Work as a Way of Formation Over-Professional Competencies	Vol. XVII, Issue 2	120
<i>Pomchenko M.A., Rezanova N.V., Gladkaya E.F., Kharina I.V.</i> Correcting Errors in Practice of Foreign Language Teaching at Far Eastern Technical University	Vol. XVII, Issue 4	220
<i>Tyurina Yu.A., Gorkaviy M.A., Zinovieva E.A., Nadorozhnaya M.V., Kim A.Ch.</i> Social and Pedagogical Technologies in the Implementation of Youth Policy at the University: the Example of Grant Projects of the Rosmolodezh Agency	Vol. XVII, Issue 2	95
<i>Yassman V.P.</i> Depth of Profession Understanding in the Context of the Discussion of Professional Health Problems	Vol. XVII, Issue 2	162
Critique and Bibliography		
<i>Livshits R.L.</i> About the Universal Criterion of Science and Like a Science Distinction	Vol. XVII, Issue 3	181
<i>Meretskiy N.E., Shurukhnov N.G.</i> Review of the Monograph «Personality of a Penitentiary Criminal: a Criminalistics Aspect» by Akchurin A.V.	Vol. XVII, Issue 4	235
<i>Pishun S.V.</i> “Scientific And Biographical” View of Russian Philosophy	Vol. XVII, Issue 3	194
<i>Tkachenko B.I.</i> Unique Collection of Documents. Review of the Collection of Documents and Materials “Kuriles Aspect. Activities of Authorities and the Public of the Sakhalin Oblast to Preserve the Territorial Integrity of Russia. 1947–2019” by Ponomaryov S.A	Vol. XVII, Issue 3	197

Научное издание

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Научно-теоретический журнал

Том XVII

Выпуск 4, 2020

Под общей научной редакцией Ю.М. Сердюкова

Редактор *Т.М. Яковенко*

Технический редактор *И.А. Нильмаер*

План 2020 г. Поз. 12.8. Подписано в печать 21.12.2020 г. Дата выхода 29.12.2020 г.
Гарнитура «Times New Roman». Уч.-изд. л. 32,0. Усл. печ. л. 29,8. Зак. 165.
Тираж 500 экз. (1-й завод 1–60 экз.). Цена 450 р.

Отпечатано в издательстве ДВГУПС.

Адрес издательства и типографии: 680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, 47.